Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
№ 4(40)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Смоленск
2017

Редакционный совет

Е.В. Кодин (*Смоленск, председатель*), А.Г. Егоров (*Смоленск, зам. председателя*),
Н.А. Богомолов (*Москва*), В.Д. Будаев (*Санкт-Петербург*),
Х. Духхардт (*Майнц, ФРГ*), А.Л. Журавлёв (*Москва*),
Н.И. Кузнецова (*Москва*), К.В. Макаров (*Москва*),
М.А. Можейко (*Минск, Республика Беларусь*),
Б.В. Носов (*Москва*), А.П. Сманцер (*Минск, Республика Беларусь*),
З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*),
М. Хикки (*Блумсберг, США*), В.А. Холоднов (*Санкт-Петербург*).

Редакционная коллегия

А.Г. Егоров (*гл. редактор*), И.В. Романова (*зам. гл. редактора*),
Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, М.Ю. Гильденков,
Ю.А. Грибер, С.П. Евдокимов, Ю.Е. Ивонин, О.В. Козлов,
Л.В. Павлова, К.М. Расулов, В.В. Селиванов,
Н.П. Сенченков, Г.Г. Сильницкий

Редакционно-издательский отдел

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
телефон: (4812)700232
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Королькова А.В., Ильин В.В. Духовная основа древнерусской афористики 7
Писарева К.В. Семиотика гардероба в художественной прозе Ф.М. Достоевского 1860–1880-х годов 14
Павлова Л.В. Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой: религиозные сюжеты, темы и образы 24
Горелик Л.Л. Ключевский или Иловайский? «Вымышленная ссылка» в «Письмах из Тулы» Бориса Пастернака 30
Ермоленко Г.Н. Античный миф в структуре цикла И. Бунина «Темные аллеи» 37
Котова Э.Л., Ильин В.В. Литературные «магистрали» и «боковые тропинки»: взгляд А.В. Македонова на историко-литературный процесс 44
Ильин В.В., Новикова О.А. Достоевский в творческом сознании А. Твардовского 54
Королькова А.В. Функциональная закрепленность и эмоционально-экспрессивная окраска русских афоризмов 67
Дудько А.Д., Кодин Е.В. Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени 73
Тишина А.Е. Соотношение концептуальных признаков метафорической модели в ранней лирике А.Ч. Суинберна 89
Гуревич Р.В. Художественные особенности раннего экспрессионистского романа австрийского писателя Альберта Париса Гютерсло «Танцующая дура»: структура текста, язык, фигуры героев 98

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Королёва О.А. Древнерусские топонимы XII века (на материале Уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича) 110
Егорова И.Д. Лингвостилистические особенности ранних дружеских посланий В.Ф. Раевского 118
Ковалёва В.С. Текстообразующая роль частиц в повести Н.В. Гоголя «Шинель» 126
Королёва И.А. Речевой этикет эпистолярного дискурса соратников А.Т. Твардовского (по материалам архива Маргареты Томпсон из Литературного музея Смоленского государственного университета) 132
Лунькова Е.С. Нерегулярные конфиксальные отсубстантивы в словообразовательной системе смоленских говоров 138

Смирнова Л.Г. О принципах классификации лексики с оценочным компонентом значения 148
Максимчук Н.А. Терминологическое поле ономастического пространства 155
Малышева Е.Г., Крамарь И.А. Концепт ‘Игра’ как доминанта современного журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх: опыт фреймово-полевого моделирования содержательной структуры когнитивного феномена 168
Ретинская Т.И. Исторические источники как материал для проведения регионолектологического исследования (на материале арденнского и шампанского регионолектов) 176
Андреев В.С. Опыт стилеметрического подхода к проблеме сопоставления индивидуальных стилей 183
Белютина Ю.А. Детерминанты лингвистической невежливости в потенциально конфликтных коммуникативных ситуациях (на материале английского языка) 189
Сильницкий Г.Г. Дифференциальный корреляционный анализ разноуровневых глагольных признаков в английском языке 197
Кучер И.Н. Индивидуально-авторский концепт «love» как элемент идиостиля А. Теннисона 210
Тимошенко И.В. Сравнительный анализ артиклевых форм (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки) 219
Пензина М.М., Дубинин С.И. Жанр Radiofeature в современном медиапространстве ФРГ 231
Яфаров Р.Х. Вариативность терминов в немецкоязычном спортивном дискурсе 241
Болдаков П.И. Лингвистические средства моделирования общественного сознания: к постановке проблемы (на материале статей в журнале Der Spiegel о ситуации в Крыму) .. 250

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Колб Е.Г. Адаптация Французской социалистической партии к роли правящей партии во Франции в 1980–1990-е годы 260
Востриков С.В. К истории одного конфликта: ливанское «зеркало» ближневосточных коллизий 268
Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Политическая система Великого княжества Литовского XIV–XVI веков в российской, белорусской, украинской, литовской и польской историографии начала XXI века 280
Ивочкин Д.А. Деятельность Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: из опыта взаимодействия Смоленской епархии и православно-общественных организаций во второй половине XIX – начале XX века 299

Тихонова А.В. Белорусское дворянство в первой половине XIX века в контексте современной историографии 309
Козлов О.В. Становление системы просвещения на территории Витебской и Могилевской губерний в XIX – начале XX века: ракурсы современной белорусской историографии..... 321
Федотов Д.О. Институт судебных следователей в пореформенной России (на материалах Смоленской губернии) 341
Леонтьева Т.Г., Полевая А.В. Карелы-переселенцы в поисках новых мест обитания (по Переписной книге Бежецкого уезда 1709 года).. 350
Гавриленков А.Ф. Реализация идеи свободы совести и вероисповедания в Смоленской губернии в 1905–1917 годах 359
Лаптев А.К. Смоленская жандармерия в борьбе с агентами неприятеля в 1914–1916 годах 367
Красильников И.Б. Восстановление радиовещания в Смоленской области в 1943–1953 годах..... 376

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Сенченков Н.П. П.П. Блонский о работе с психологически недоразвитыми детьми..... 384
Глебова Г.Ф., Мануилова И.Б. Русские философы о становлении личности и гуманизация образования..... 389
Давыдова А.А. История деятельности Пречистенского сельского сиротского приюта в Смоленской губернии 395
Брунчукова Н.М. Преемственность в этическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста: проблемы и перспективы 403
Кремень Ф.М., Кремень С.А. Формирование профессиональных стратегий молодежи в условиях вузовской подготовки 413
Сидорчук Т.А. Сравнительный анализ образовательных программ для пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания..... 424
Мажар Е.Н. Содержание подготовки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию в рамках практико-ориентированной модели..... 432
Макерова Н.В. Технология профессиональной подготовки специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма средствами иностранного языка (теоретический обзор) 442
Александрова М.В., Аверкин В.Н., Ширин А.Г., Гавриков А.Л. Принципы и сущностные характеристики стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой..... 452

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Сенченков Н.П., Радионова А.В. О проведении Смоленским государственным университетом XXVIII областных сборов творческой молодежи «Сокол-2017» 462
Сенченков Н.П., Радионова А.В. О реализации программы «Летняя школа “Одаренные дети”-2017» в Смоленском государственном университете 469

РЕЦЕНЗИИ

Азаренков А.А. Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сборник научных статей / ред. Стефани Сандлер [и др]. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 552 с. ISBN 978-5-4448-0611-1 474
Азаренков А.А., Павлова Л.В., Романова И.В. Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела…». Экфрасисы Иосифа Бродского. Siedlce, 2016. Т. X. 268 с. ISBN 978-83-64884-21-4 479
Базылева Ю.С., Хесина С.Ю. Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции 2016 года / ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Свиток, 2017. 232 с. ISBN 978-5-9909339-2-7 482

КОНФЕРЕНЦИИ

Королёва И.А. Сотрудничество ономастов Смоленска и Витебска: итоги и перспективы 486
Грибер Ю.А. Визуальные исследования искусства 491
Кузьмина К.Е., Морозикова И.В. VI международная научно-практическая конференция «Личность в пространстве и времени» 495

ЮБИЛЕИ

К юбилею Наталии Ивановны Кузнецовой 499

Сведения об авторах 501

Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2017 год 507

Информационное письмо 518

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А.В. Королькова, В.В. Ильин
Смоленский государственный университет

УДК 811.33

Духовная основа древнерусской афористики

Ключевые слова: *русская афористика; афоризм; древнерусская литература; духовная основа.*

Яркие, образные, глубокие по содержанию афоризмы древней литературы укрепляли нравственный облик народа, делали глубже его чувство любви к Родине, повышали патриотизм, заставляли задуматься над разнообразными нравственными, духовными проблемами и над своим поведением в повседневной жизни.

История русской афористики начинается с момента появления литературы вообще. В памятниках древнерусской письменности появляются мудрые изречения, в которых отражается человеческий опыт, житейская мудрость, философские размышления, обобщения – все то, чем живет человек. В словарной статье «афоризм» энциклопедического словаря под редакцией профессора И.Е. Андреевского (издательство Брокгауза и Ефрона) афоризмы трактуются как «краткие, отрывистые фразы, заключающие в сжатой, удобной для запоминания форме какую-нибудь определенную мысль, сентенцию, обобщение» [4, с. 136]. В этой же статье указывается, что афоризмы – краткие поучительные изречения – появились еще в древнерусской литературе, в качестве примера произведения с большим количеством афоризмов называется «Моление» Даниила Заточника. И это действительно так.

Приведем несколько примеров изречений из «Моления»:

Дети бегают рода, а господь пьяного человека.

Железо уваришь, а злой жены не научишь.

Злато сокрушается огнем, а человек напастями.

Не оперив стрелы, прямо не стрелять, леностью чести не добыть.

В этих афоризмах обращает на себя внимание обилие бытовой тематики, жизненных наблюдений.

Д.С. Лихачев указывает, что «Моление» Даниила Заточника «в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI–XIII веков, опирается на явления русского быта» [1, с. 245].

Кроме того, в этом памятнике представлены афоризмы о власти, об уме, о щедрости князя, о богатстве и бедности. С этим памятником тесно смыкается «Слово» Даниила Заточника (некоторые считают его вариантом «Моления»). Структура памятника буквально пронизана афоризмами, которые следуют один за другим практически в каждом абзаце. Композиционно и семантически афоризмы являются центрами этого произведения.

Приведем ряд примеров:

Богатый муж везде ведом – и на чужой стороне друзей держит, а бедный заговорит – все на него кричат.

Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть.

Всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может смыслить.

Как в дырявые меха лить, так и глупого учить.

Можно привести в качестве примера еще около тридцати афоризмов. Это значительное количество для литературного произведения, которое по объему не превышает шести страниц.

Конечно, необходимо заметить, что этот памятник дошел до настоящего времени в более поздних редакциях. С течением времени в нем могли появиться изменения. Сложно сказать, вводились ли в более позднее время в структуру произведения новые афоризмы, однако нужно заметить, что основу текста составляют именно изречения. Причем такие изречения, в которых присутствуют элементы пословиц и поговорок, а также фразеологической контаминации.

Одним из известнейших памятников древнерусской литературы является сочинение Владимира Мономаха «Поучение». Этот древнерусский текст был обнаружен случайно, в единственном списке в составе «Лаврентьевской летописи». Д.С. Лихачев указывает, что данный текст написан в конце XI – начале XII века (см.: [2]). Поводом для написания «Поучения» послужил следующий факт. К Владимиру Мономаху пришли послы его братьев и предложили пойти войной на Ростиславичей. Он опечалился, так как не хотел воевать и бессмысленно проливать кровь русских людей, открыл «Псалтырь», нашел там утешение и написал о своих чувствах и мыслях. В этом произведении Владимир Мономах учит военному искусству, искусству управления княжествами, призывает отложить обиды и не нарушать мирного договора, не поддаваться желанию умножать богатство и славу путем междоусобных войн – быть настоящими христианами. Автор обнаруживает широкую образованность. Для того, чтобы подействовать убеждением на своих читателей, братьев, сыновей, он подкрепляет свои собственные мысли общехристианскими моральными истинами, цитирует Священное Писание и пр. В этом удивительном памятнике древнерусской литературы Владимир Мономах активно творит афористику.

Как и в «Молении» Даниила Заточника, в «Поучении» афоризмы выполняют важную функцию. Предлагается настоящий кодекс поведения и князя, и простого человека, и богатого боярина, изложенный в афористичной форме. Даже современный человек может во многом следовать этим правилам.

Например:

Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло и живи во веки веков.

<Нужно> есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь.

<Нужно> не свирепствовать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать.

<Нужно> не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что не ставить общий почет.

Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу.

Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите.

Подобных примеров можно привести еще достаточно много. В данном случае мы видим, как в форме афоризмов изложены важные истины, настоящий кодекс чести древнерусского человека. Конечно, среди подобных изречений мы не найдем ничего юмористического или иронического. В древнерусской литературе мало примеров юмора и иронии, так как назначение письменного слова тогда толковалось однозначно; письменное слово должно поучать, проповедовать морально-нравственные и общехристианские истины.

Данные афоризмы отражают целостную картину политических, общественных, духовных и нравственных постулатов Древней Руси. Афоризмы древнерусской литературы передают в художественной форме философскую суть происходящих событий, и это убеждает в том, что афористику нельзя рассматривать вне контекста времени.

Д.С. Лихачев так писал о «Слове о полку Игореве»: «“Слово” выросло на плодородной почве русской культуры XII века. “Слово” глубокими корнями связано с народной культурой, с народным языком, с народным мировоззрением, отвечало народным чаяниям. Вместе с тем в “Слове” достигли своего весеннего цветения лучшие стороны русской культуры» [1, с. 163].

«Слово о полку Игореве» безоговорочно признается величайшим памятником древнерусской литературы, ему посвящены многочисленные тома исследований. Это, пожалуй, первое поэтическое произведение, несмотря на то, что оно написано в прозе (см.: [3]). Поэзия заключается в

удивительно поэтичной системе образов, в развитии сюжета и даже в композиции. «Слово о полку Игореве» – это не только повествование о неудачном военном походе князя Игоря, но и повествование обо всей многострадальной Руси, раздираемой междоусобными войнами, об опасности для всех внешней угрозы. В этом памятнике звучат призывы к объединению и прекращению бессмысленных усобиц, уносящих многие русские жизни. Такая тематика не предполагает иных обобщений, не затрагивает повседневную жизнь. Однако описание героических событий также может включать афоризмы соответствующей тематики. Афоризмы в этом тексте присутствуют, однако их не столь много, как в предыдущих рассмотренных произведениях. Среди афоризмов «Слова о полку Игореве» есть и такие, которые пережили века и широко известны сейчас, превратившись в крылатые выражения.

Например:

Лучше убитым быть, чем плененным быть.

Храбрая мысль влечет ум на подвиг.

Из-за усобиц пошло насилие.

Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!

В «Слове о полку Игореве» развивается патриотическая тема. На основании конкретных исторических событий автор «Слова» делает обобщающие выводы, которые, однако, не так открыто дидактично-назидательны, как в «Поучении» Владимира Мономаха и «Молении» Даниила Заточника. Афоризмы «Слова о полку Игореве» метафоричны и поэтичны, так как само «Слово» написано в традициях народно-поэтических сказаний, песен и легенд. Ритмика «Слова о полку Игореве» рассчитана на произнесение текста вслух, все исследователи отмечают связь произведения с устным народным творчеством, в частности с такими жанрами, как «плач» и «песенное прославление». Весь текст произведения объединен одной сквозной темой – любви к Родине, боли за ее будущее и настоящее, гордости за ее могущество и ратные подвиги. Любовь к Родине определяет выбор художественных средств. В этом произведении частные явления возведены в общий принцип, что придает им огромную ценность и жизненность.

Афоризмы, включенные в ткань произведения, ритмичны, коротки и песенно-поэтичны, они усиливают эмоциональный эффект от чтения или прослушивания.

В таких древнерусских произведениях, как «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу», «Слово похвальное на перенесение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба, да и прочии не враждуют на братию свою» (XI – начало XII века), довольно большое количество библейских афоризмов. Это объясняется тем, что они относятся к довольно распространенному жанру жития святых. Наличие афоризмов, восходящих к Библии, не означает, что в произведении используются

только библейские цитаты. Афоризмы здесь представляют собой передачу библейских истин по-своему. Это восклицания, возносящие похвалу святым Борису и Глебу и призывающие князей прекратить усобицы, не проливать крови, жить по заповедям Христа. В конце «Сказания» помещена молитва автора святым Борису и Глебу, которых просят заступиться перед Богом за Русь, а также молитва Богу о спасении Руси, о милости к ней.

В качестве примеров можно привести ряд библейских афоризмов:

В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх.

Спасение только в добрых делах, в истинной вере и в нелицемерной любви.

Осквернённые кровопролитием, они навлекают на себя несчастия.

«Сказание о Борисе и Глебе» положило своеобразное начало агиографическому жанру в древнерусской литературе и показало всю силу художественного и нравственного воздействия афоризмов, восходящих к Библии. Библейская афористика с этого времени занимает прочное место в любом художественном произведении, становится неотъемлемой частью литературно-книжной традиции. В древнерусской литературе того времени были немыслимы афоризмы шутливого характера, литература должна была учить, воспитывать и направлять людей.

В «Наставлениях» митрополита Даниила также присутствуют и библейские афоризмы, и прямые цитаты из Библии. Это, по сути, религиозная проповедь, в которой осуждаются пороки и даются наставления о том, как вести себя в повседневной жизни.

Очень важным памятником древнерусской литературы является «Домострой». В этом своеобразном своде гражданских законов и правил поведения регламентировано, как воспитывать детей, как общаться мужьям с женами, как руководить слугами, а точнее, как их наказывать. В «Домострое» множество афоризмов бытового характера.

Например:

Наставляй детей в юности, да покоят тебя в старости.

Казни сына своего в юности его, и покоит тебя в старости, и даст красоту душе твоей.

Не забывайте труда материнского и отцовского, которые о вас болезновали и печалились; покойте старость их, и о них болезнуйте, как и они о вас.

Если дарует бог жену добрую, то дороже она камня многоцветного.

В афоризмах, извлеченных из древнерусских текстов, практически нет парадоксальности, остроумия, неожиданности. В них присутствуют библейские истины, наставления о духовной и светской жизни. Это те истины, которых придерживались люди на протяжении столетий, которые и до настоящего времени составляют основу духовной жизни русского человека. Афористика древнерусской литературы очень цельна. Все приведенные в качестве примеров древнерусские афоризмы можно рассматривать как единое

целое. Авторы рассмотренных произведений как бы дополняют друг друга, развивая главные темы – любви к Родине и духовного совершенствования.

Д.С. Лихачев писал о древнерусской литературе: «Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели – не зодчие отдельно стоящих зданий. Это – градостроители. Они работали над одним общим грандиозным ансамблем» [1, с. 9].

Не случайно в древнерусской афористике темы изречений дополняют и даже дублируют друг друга. Неизвестные авторы текстов зачастую перенимали удачную систему образов, обогащали выразительность своих произведений за счет прямых или опосредованных заимствований. Это было возможно не только потому, что межтекстовые параллели подобного рода допускались, но и потому, что древнерусские афоризмы выражали всеобщее восприятие решения тех или иных проблем, а также не несли на себе печати индивидуальности их творца. Это явление мы можем наблюдать в таком памятнике, как «Задонщина». В нем присутствуют явные реминисценции из «Слова о полку Игореве», заимствована система образов и даже присутствуют заимствованные афоризмы.

В древнерусских афоризмах всегда была сильно выражена нравственная поучительная роль, присутствовала борьба против людских пороков, против духовного обнищания. По идейному содержанию древнерусские афоризмы всецело восходят к Библии, дают нравственную оценку всему происходящему и указывают духовный путь всем людям.

Традицию использования библейских истин в подтверждение своих собственных воззрений и суждений далее продолжают в знаменитой полемике Иван Грозный и князь Андрей Курбский, протопоп Аввакум в своей биографии, Симеон Полоцкий в нравственно-дидактических поэмах, вошедших в сборник «Вертоград Многоцветный», а также в стихотворениях разных лет. Для человека XVII века, как и для человека периода Древней Руси, Библия была основой мировоззрения.

Так, Симеон Полоцкий в стихотворении «На Рождество Христово» создал множество афоризмов:

Потоп греховный весь свет заливает,
Корабль церковный тылко нас спасает.
***
Яко две стены, вечну суть злучени.
Естества также злучают се двое –
Бог з человеком, чудо то новое.

Яркие, образные, глубокие по содержанию афоризмы древней литературы укрепляли нравственный облик народа, делали глубже его чувство любви к Родине, повышали патриотизм, заставляли задуматься над разно-

образными нравственными, духовными проблемами и над своим поведением в повседневной жизни. Древнерусские афоризмы, включенные в ткань литературных произведений, формировали культуру мысли и речи. Это было тем более важно, что в Древней Руси было развито ораторское искусство. Афоризмы при этом давали пищу для размышлений и ораторам, и слушателям, делали публичные речи яркими и действенными. В древнерусских афоризмах всегда была сильно выражена нравственная поучительная роль. Кроме того, в мудрых древних изречениях всегда присутствовала борьба против людских пороков, против духовного обнищания.

Древнерусские афоризмы дают нравственную оценку всему происходящему и указывают духовный путь всем людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1980. 368 с.
2. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
3. О, Русская земля!: сб. / сост., авт. вступ. ст. и прим. В.И. Грихин. М.: Советская Россия, 1982. 209 с.
4. Энциклопедический словарь. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1891. Т. IIA. 476 с.

A.V. Korolkova, V.V. Ilyin
Spiritual Foundation of Russian Aphorisms

Key words: *Russian aphorism; aphorism; Old Russian literature; spiritual foundation.*

Bright, imaginative, deep in content aphorisms of Old Russian literature strengthened the moral of the people, exalted the sense of love for the Motherland, increased patriotism, forced to think about various moral, spiritual problems and behavior in everyday life.

К.В. Писарева
Средняя школа № 14 г. Смоленска

УДК 821.161.1.09

Семиотика гардероба в художественной прозе Ф.М. Достоевского 1860–1880-х годов

Ключевые слова: *вещный мир; семиотика; вещь-знак; вещь-эмблема; вещь-символ; Ф.М. Достоевский; художественная проза; аксессуары; карманные часы.*

Детали в художественной прозе искусно встраиваются автором в текст, чем образуют зашифрованную реальность. В связи с этим мы выделяем вещь-знак, вещь-эмблему и вещь-символ, которые формируют семантическую парадигму. В реалистической прозе Ф.М. Достоевского чаще встречаются вещи-знаки, что обусловлено спецификой литературного направления.

Выдающийся русский историк С.М. Соловьев отмечал: «Одеждой человек дополняет свое существо, потребностью одежды отличается от других животных и тем прямо указывает на отношение одежды к высшей, чисто человеческой стороне своей природы; в одежду человек кладет свою мысль, в одежде отражается его внутренний, духовный строй». Анализируя указ Петра I «О ношении платья на манер венгерского», С.М. Соловьев указал на то, что смена одежды явилась показателем внутренних изменений человека: «Отсюда понятно, почему вопрос об одежде имел такое важное значение при переходе русских людей из древней своей истории в новую, почему с него началось, можно сказать, это движение. Мы видим, что движение началось прежде Петра; до него русские люди стали работать новому началу, и перемена внутренняя необходимо должна была выражаться во внешнем, требовалось новое знамя, и этим знаменем прежде всего должно было служить изменение наружности, изменение одежды» [14, с. 71].

Таким образом, гардероб позволяет через внешнее, эмпирически воспринимаемое приблизиться к внутреннему, умозрительному, трансцендентальному, поэтому одежда и ее составляющие «в силу своей гуманитарной “отзывчивости” являются одним из самых привлекательных объектов повседневности для научных штудий» [12, с. 144].

Предоставляя доступ к раскрытию внутреннего мира человека, одежда способствует интерпретации не только исторических событий, но и литературных контекстов: «Соединив воедино изображение и слово или слово и вещь, можно проникнуть в культурный контекст эпохи, а через него

приблизиться к адекватному пониманию авторского замысла в художественном произведении» [7, с. 4]. То есть одежда выполняет роль «инструмента, позволяющего проникнуть через мир вещей в мир идей, через внешнее увидеть внутреннее, через знак понять его значение» [8, с. 62].

Исследование семиотики гардероба в художественных произведениях ориентировано «не на одежду и не на язык, а как бы на “перевод” одежды в язык, поскольку одежда уже представляет собой систему знаков» [1, с. 32–33]. В основе данного анализа лежит структурно-семиотический метод, то есть художественный текст рассматривается как специфически закодированный объект. Детали занимают в нем особое место: это знаки, часть системы, текстовой реальности, причем «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [11, с. 286] – автор художественного произведения «зашифровывает» информацию на нескольких уровнях.

По словам Ю.М. Лотмана, «все вещи, предметы, с которыми имеет дело человек, функционируют в его мире двояко: одни употребляются непосредственно – воздух нужен для того, чтобы дышать, пища, чтобы есть (физиологическая необходимость) – другие вещи являются знаменами чего-то» [11, с. 402]. В художественном тексте каждый элемент гардероба действующих лиц наделяется автором определенным значением и становится знаком (1), характеризующим личность героя или персонажа, так как «художественность состоит не в копировании и не в кодировании действительности, но в таком действенном ее отображении и преображении, которое выявляло бы смысл и вносило в нее меру и строй. Ничего не обозначающий образ – это всего лишь мертвый слепок, а ничего не отображающий знак – это механический шифр; и то и другое не имеет отношение к творчеству» [15, с. 339–340]. Следовательно, в процессе чтения происходит расшифровка авторского кода: обнаружение связи между деталью гардероба и характеристикой ее обладателя (рис. 1).

$$\textbf{ЗНАК} = \frac{\text{ОЗНАЧАЮЩЕЕ}}{\text{ОЗНАЧАЕМОЕ}} = \frac{\text{ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ}}{\text{ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ}} = \frac{\text{ЭЛЕМЕНТ ГАРДЕРОБА}}{\text{ФУНКЦИИ ЭЛЕМЕНТА ГАРДЕРОБА}}$$

Рис. 1. Определение знака

По словам Р. Барта, «вещь, как и всякий знак, находится на скрещении двух координатных осей, то есть обладает двумя характеристиками» [1, с. 420]. Первая – классификационная координата (значение элемента гардероба) – означающее. Вторая координата – символическая – означаемое (функция элемента гардероба). У любого предмета или вещи есть как минимум одно означаемое.

Пересечение этих двух планов на одной плоскости образует «непосредственное использование» вещи (с координатами (0; 0)). Например, непосредственное использование зонтика складывается из следующих координат: означающего – зонт как приспособление, защищающее от дождя, и означаемого – зонт используется человеком, который не хочет промокнуть.

Но в художественном тексте «непосредственное использование» применяется редко: при смещении положения вещи на осях координат получаем новое означающее – зонт как приспособление, защищающее от солнечных лучей, и новое означаемое – зонт используется дамами, не желающими загореть; в итоге образуется знак: зонт как необходимая часть дворянского дресс-кода.

Постепенно наращивая количество означаемых и означающих, вещь «проходит» несколько стадий: знак – эмблема – символ (рис. 2).

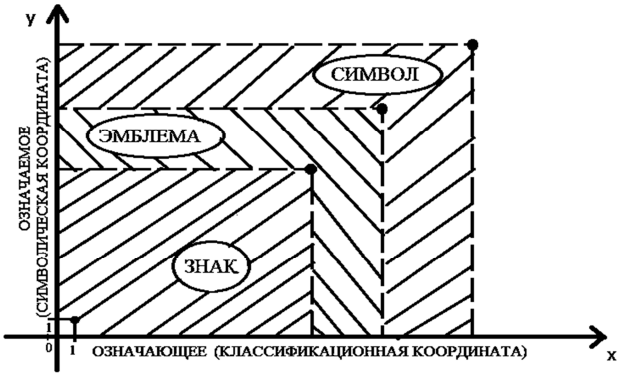

Рис. 2. Градация значений в тексте

Мы рассматриваем элементы гардероба в неразрывной связи с другими элементами системы, так как «значимость вещи определяется только системой, в которую она включена» [3, с. 76]. Прежде чем создать знак, автор «встраивает» в текст деталь с присущим ей лексическим значением, а затем, когда деталь становится частью текстовой реальности, автор использует особые маркеры, чтобы «подчеркнуть, усилить экспрессивность, подсказать смыслоформирующие значения чего-то в своем сообщении» [13, с. 143].

Резкий переход значения от вещи-знака к вещи-символу невозможен: получив свои означающее и означаемое, вещь становится знаком; затем на протяжении всего текста она участвует в действии, становится эмблемой; впоследствии, обнажив общеэстетический характер, вещь обращается в символ.

Таким образом, мы разделяем понятия «вещь-знак», «вещь-эмблема» и «вещь-символ»: «вещь-знак» реализуется в определенном контексте; «вещь-эмблема» обнаруживается в маркированных особенными смыслоформирующими средствами ситуациях; «вещь-символ» свидетельствует о наличии связи между реальным и идеальным и носит общеэстети-

ческий характер, то есть возникает, по словам Ф. де Соссюра и Ч. Пирса, в результате предварительной договоренности.

Рассмотрим корреляцию значений конкретной вещи в романах Ф.М. Достоевского 1860–1880-х годов – карманных часов. Этот аксессуар занимал особое место в гардеробе мужчины XIX века: с его помощью можно было подчеркнуть свой статус, положение в обществе; наличие карманных часов было продиктовано «костюмным» этикетом; именно поэтому в романах нередко встречается «непосредственное употребление» (часы как приспособление, указывающее время), когда о факте наличия часов просто упоминается без описания аксессуара: «Петр Петрович вынул часы и посмотрел» [5, т. 6, с. 229]; «Я потому давеча и спрятался, как школьник, что думал, что вы мне помешаете; но, кажется (он [Свидригайлов] вынул часы), могу пробыть с вами час; теперь половина пятого» [5, т. 6, с. 359] («Преступление и наказание»); «Да, действительно, посылать теперь в город поздно, – подвернулся и тут Евгений Павлович, <...> – я думаю, что и лавки в Петербурге заперты, девятый час, – подтвердил он, вынимая часы» [5, т. 8, с. 211] («Идиот»); «Я [Ставрогин] вынул часы и посмотрел, который час, было два» [5, т. 11, с. 16] («Бесы»).

Часы как вещь-знак. На «знаковость» вещи могут указывать различные средства. Например, мотивы.

Христоподобный герой романа «Братья Карамазовы», Алеша, хотел заложить свои часы, чтобы поехать к отцу; но дамы из семейства благодетеля «не позволили» ему это сделать и «роскошно снабдили его средствами, даже новым платьем и бельем» [5, т. 14, с. 21].

Дуня Раскольникова («Преступление и наказание») обладает «мужскими» карманными часами: «<...> великолепные золотые часы с эмалью, висевшие у ней на шее на тоненькой венецианской цепочке и ужасно не гармонировавшие с остальным нарядом» [5, т. 6, с. 169]. Мысль о залоге часов тоже посещает Дуню; и хотя от нищеты ее спасает оставленное Марфой Петровной завещание, часы все-таки пришлось заложить: после разрыва помолвки Дуни и Лужина женская часть семьи Раскольниковых остается без жилья, и Разумихин помогает им устроиться по соседству с Раскольниковым. Таким образом, Дуня закладывает часы во благо своим близким, матери и брату.

Мотив «заложить» указывает на то, что часы в данных эпизодах выступают как знак жертвы.

В подобном значении предстают часы в следующем эпизоде из романа «Идиот»: «Но один [крестьянин] у другого подглядел, в последние два дня, часы, серебряные, на бисерном желтом снурке, которых, видно, не знал у него прежде. Этот человек был не вор, был даже честный и, но крестьянскому быту, совсем не бедный. Но ему до того понравились эти часы и до того соблазнили его, что он наконец не выдержал: взял нож и, когда

приятель отвернулся, подошел к нему осторожно сзади, наметился, возвел глаза к небу, перекрестился и, проговорив про себя с горькою молитвой: “Господи, прости ради Христа!” – зарезал приятеля с одного раза, как барана, и вынул у него часы.

Рогожин покатился со смеху. Он хохотал так, как будто был в каком-то припадке. Даже странно было смотреть на этот смех после такого мрачного недавнего настроения.

– Вот это я люблю! Нет, вот это лучше всего! – выкрикивал он конвульсивно, чуть не задыхаясь. – Один совсем в бога не верует, а другой уж до того верует, что и людей режет по молитве... Нет, этого, брат князь, не выдумаешь! Ха-ха-ха! Нет, это лучше всего!..» [5, т. 8, с. 183]. Эта история, рассказанная князем Мышкиным Парфену Рогожину, входит в тройку повествований князя «о вере» (в том числе о первой улыбке младенца матери и продаже креста пьяным солдатом).

Парфена Семеновича впечатляют эти истории, после чего он обменивается с князем крестами: «– Небось! Я хоть и взял твой крест, а за часы не зарежу! – невнятно пробормотал он, как-то странно вдруг засмеявшись. Но вдруг все лицо его преобразилось: он ужасно побледнел, губы его задрожали, глаза загорелись. Он поднял руки, крепко обнял князя и, задыхаясь, проговорил:

– Так бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю!.. Помни Рогожина!» [5, т. 8, с. 185].

Рогожин не обманул князя: за часы Парфен Семенович не зарежет, но он попытается убить Мышкина из-за ревности к Настасье Филипповне. В данном контексте Настасья Филипповна метафорически сближается с часами крестьянина: это объект вожделения. Часы в данном случае выступают как знак – вещь, ради которой приносят жертву.

Вставная конструкция – средство лингвистического характера, позволяющее «вычислить» знаковость вещи.

В подобном смысле выступают часы атеиста из «легенды» Черта («Братья Карамазовы»), которую он рассказывает Ивану.

«Был дескать здесь у вас на земле один такой мыслитель и философ, “все отвергал, законы, совесть, веру”, а главное – будущую жизнь. Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, ан перед ним – будущая жизнь. Изумился и вознегодовал: “Это, говорит, противоречит моим убеждениям”. Вот его за это и присудили… <...>, чтобы прошел во мраке квадрилион километров (у нас ведь теперь на километры), и когда кончит этот квадрилион, то тогда ему отворят райские двери и все простят…» [5, т. 15, с. 78]. Мыслитель проходит свое испытание: «А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд – и это по часам, по часам (хотя часы его, по-моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него в кармане дорогой), – не пробыв двух секунд, воскликнул, что за эти две секунды не только квадрилли-

он, но квадриллион квадриллионов пройти можно, да еще возвысив в квадриллионную степень! Словом, пропел “осанну”, да и пересолил, так что иные там, с образом мыслей поблагороднее, так даже руки ему не хотели подать на первых порах: слишком-де уж стремительно в консерваторы перескочил. Русская натура» [5, т. 15, с. 79]. Этот «анекдот» сочинил сам Иван: «Мне было тогда семнадцать лет, я был в гимназии… я этот анекдот тогда сочинил и рассказал одному товарищу» [5, т. 15, с. 79]. Уже тогда, будучи юношей, Карамазов метался между верой и неверием; но эта «легенда» демонстрирует, что на Руси нет настоящих атеистов, о чем говорил Достоевский устами Николая Ставрогина в романе «Бесы»: «Атеист не может быть русским, атеист тотчас же перестает быть русским» [5, т. 10, с. 197]. Весь «анекдот» – насмешка над русскими атеистами; и часы тому подтверждение – само упоминание в данном контексте о часах «снижает» ситуацию, переносит ее из духовного в материальный план, причем автор намеренно подчеркивает эту деталь, повторяя ее во вставной конструкции. Таким образом, часы атеиста являются знаком, переводящим ситуацию из одного повествовательного плана в другой.

На «знаковость» вещи также может указывать минус-прием.

Перед тем, как объявить о своей женитьбе на Лебядкиной, Николай Всеволодович Ставрогин («Бесы») ночью посещает дом капитана Лебядкина, находящийся на окраине города:

«– Три четверти первого, – посмотрел на часы Николай Всеволодович, вступая в комнату.

– И при этом дождь и такое интересное расстояние... Часов у меня нет, а из окна одни огороды, так что... отстаешь от событий... но, собственно, не в ропот, потому и не смею, не смею, а единственно лишь от нетерпения, снедаемого всю неделю, чтобы наконец... разрешиться» [5, т. 10, с. 206–207].

В приведенном эпизоде часы, которые принадлежат Ставрогину, не являются знаком – в данном контексте это механизм, определяющий время. Отсутствие же аксессуара у Лебядкина значимо.

Упоминание об аксессуаре и наличие родственных связей не единственное, что объединяет этих двух лиц.

Ставрогин – дворянин, появление которого сотрясает все население провинциального городка; его называют «звездой», «талисманом», «солнцем», «предводителем», «Иваном-царевичем», шекспировским «принцем Гарри». Соответственно, из Петербурга он прибывает со своей «свитой»: сначала приезжает капитан Лебядкин, «искусившийся в роли шута» [5, т. 10, с. 212], Фальстаф Ставрогина (как его все называют), затем Петр Верховенский, который, кстати сказать, «готовит» публику в доме Ставрогиных к первому после долгого перерыва появлению Николая Всеволодовича.

В тексте романа Лебядкин неоднократно подтверждает звание шута: например, внешним видом, тривиальными поэтическими сочинениями,

фривольным, вызывающим поведением (в доме Ставрогиной, на вечере гувернанток); патетической манерой речи и абсолютной ее алогичностью: казалось бы, в пределах одного предложения совмещены лексемы из вполне сочетаемых семантических полей, «пространство» (огороды) и «время» (часы, события), однако сами лексемы между собой не сочетаются: огороды вряд ли помогут определить время суток. Алогичная, абсурдная фраза Игната Тимофеевича является составной частью его образа, то есть упоминание об отсутствии часов в данном случае становится знаком принадлежности Лебядкина к шутовской сфере.

Часы как вещь-эмблема. Часы в искусстве, в частности в живописи, использовались для демонстрации вечного движения и быстротечности человеческого бытия. Если в предыдущих примерах упоминания о часах были связаны с характеристикой людей, то в данном случае речь идет о портрете мифического духа.

Гардероб Черта, представшего перед Иваном Карамазовым («Братья Карамазовы»), соответствует гардеробу джентльмена: «Это был какой-то господин или лучше сказать известного сорта русский джентльмен <...>. Одет он был в какой-то коричневый пиджак, очевидно от лучшего портного, но уже поношенный, сшитый примерно еще третьего года и совершенно уже вышедший из моды, так что из светских достаточных людей таких уже два года никто не носил. Белье, длинный галстух в виде шарфа, все было так, как и у всех шиковатых джентльменов, но белье, если вглядеться ближе, было грязновато, а широкий шарф очень потерт. Клетчатые панталоны гостя сидели превосходно, но были опять-таки слишком светлы и как-то слишком узки, как теперь уже перестали носить, равно как и мягкая белая пуховая шляпа, которую уже слишком не по сезону притащил с собою гость. Словом, был вид порядочности при весьма слабых карманных средствах» [5, т. 15, с. 70]. Однако большего внимания заслуживают аксессуары: «<…> часов на нем не было, но был черепаховый лорнет на черной ленте. На среднем пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с недорогим опалом» [5, т. 15, с. 71].

Лорнет считался необходимым аксессуаром щеголя; материалом для его изготовления служили золото, серебро или черепаховая кость [10]. Однако лорнет Черта не только щегольская вещица: черепаха издревле означает объединение неба и земли, что находит выражение в материальном существовании [16, p. 353] (3); в искусстве раннего христианства черепаха обозначала зло [9, с. 369].

Опал, украшающий перстень Черта, считается камнем особенным: «<…> опал влечет владельца к черной магии и, если тот не совсем чист в своих помыслах и крепок душой, отдает во власть Сатаны. Во всяком случае, распространено мнение, что он приносит несчастье» [4, с. 111].

Отсутствие часов, с одной стороны, говорит о неполноценности щегольского костюма, но с другой – образ Черта лишен значимого аксессуара, что указывает на трансцендентность персонажа. В целом аксессуары Черта в контексте «Братьев Карамазовых» являются вещами-эмблемами.

Часы как вещь-символ. Часы – вторая вещь, принесенная Раскольниковым старухе-процентщице в качестве залога: «<...> он вынул из кармана старые плоские серебряные часы. На оборотной дощечке их был изображен глобус. Цепочка была стальная. <…> отцовские» [5, т. 6, с. 9].

В данном случае следует рассматривать семантику часов в совокупности с первым закладом – колечком, подаренным сестрой Дуней: «<…> маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками» [Там же, т. 6, с. 52–53].

Кольцо в культуре символизирует «непрерывность, божественность жизни», в христианстве – «вечность, союз, духовный брак с Церковью» [9, с. 146], а часы «в качестве механизма соотносятся с понятием “вечного движения”», а также «с магическим сотворением существ, не зависимых более от создателя» [16, p. 50] (4). Если обратиться к семантике рисунка на часах, то глобус – «это нечто целое, что лежит в основе всех символических образов, являющихся частью этого целого, начиная от идеи “мистического Центра” до мира и вечности, точнее – мировой души» [Ibid., p. 119] (5), то есть глобус представляет собой обобщение не только людей, но и всех духовных ценностей, достоинств человека.

Таким образом, закладывая кольцо и часы как символы божественности создания человека, вечности, связи с Богом, герой «отдает истинную власть за самоволие», а адресат всех этих ценностей не вызывает удивления: «<…> поскольку Алену Иванову неоднократно именуют в романе ведьмой (6), понятно и кому он закладывает свое Божеское наследство» [6, с. 616].

Если все романы Ф.М. Достоевского действительно направлены на разрешение одного вопроса – быть или не быть с Богом, или, в частности, быть ли «воскресению Раскольникова, избавлению “сверхчеловека” от преступной теории и приобщению его к миру остальных людей» [2, с. 38], то выбор Достоевским предметов для заклада обоснован: на сюжетном уровне герой, движимый нищетой, закладывает свою последнюю драгоценность; на идейном – своим жестом Раскольников демонстрирует отход от веры, закладывая злой силе «знаки божественного происхождения и божественного достоинства человека» [6, с. 623].

Раскольников не может выкупить заклады материальными ценностями (деньгами): «То-то и дело, что я, в настоящую минуту, – как можно больше постарался законфузиться Раскольников, – не совсем при деньгах...» [5, т. 6, с. 192–193]. Он мог бы заплатить за эти вещи, так как мать ему прислала некую сумму денег, да и стоили заклады недорого: «Я тебе уже говорил сейчас, что эти серебряные часы, которым грош цена, единственная вещь, что

после отца осталась» [5, т. 6, с. 193]. Очевидно, что эти заклады, осиянные божественным светом любви, можно выкупить не деньгами, а единственно лишь покаянием. А на это Раскольников пока не готов.

Таким образом, часы Раскольникова являются символом божественности создания человека, вечности, связи с Богом.

Анализ костюмных деталей показал, что в романах Ф.М. Достоевского элементы гардероба образуют семантическую парадигму.

На первом уровне детали функционируют в прямом значении: часы, к примеру, это механизм, указывающий на время.

Насыщаясь переносными значениями, вещь трансформируется в знак – это контекстуальные значения костюмных деталей, которые реализуются в конкретном эпизоде спорадически (единичность или малочисленность употребления): часы как знак самопожертвования, шутовства, карнавализации в целом.

Эмблема, в отличие от знака, складывается на основе не только авторских коннотаций, но и культурологических, исторических, философских (история создания и существования элемента гардероба, его символика): часы как эмблема вечного движения и бренности человеческого бытия.

Как самая верхняя степень реализации значений символ встречается в реалистических произведениях Достоевского весьма редко, что обусловлено спецификой реализма как литературного направления, однако в то же время не исключается вовсе: символ связывает реальный пласт текста с трансцендентальным, с высшей «надтекстовой» материей, где интерпретироваться будут уже не действующие лица, а различные проявления художественного сознания автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

2. Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

4. Бурцев А.К., Гуськова Т.В. Драгоценные камни: красота, долговечность, редкость, магия, легенды, жизнь. М.: ПРИМАТ, 1992. С. 128.

5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Касаткина Т.А. Комментарии // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 9 т. Т. 3: Преступление и наказание. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 583–656.

7. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: автореф. дис. … д-ра искусствоведения. М., 1995. 45 с.

8. Кирсанова Р.М. История костюма в России как научная дисциплина // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2006. № 1. С. 54–69.

9. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.

10. Лорнет серебряный, XIX в. Лорнет с черепаховой рукояткой, XIX в. // Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный

мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского “Щелыково”». URL: http://museumschelykovo.ru/products/item.aspx?pid=18 (дата обращения: 06.09.2017).

11. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. С. 14–288.

12. Манкевич И.А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: монография. СПб.: Алетейя, 2011. 712 с.

13. Нире Л. О значении и композиции произведения // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 125–152.

14. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 232 с.

15. Эпштейн М.Н. Диалектика знака и образа в поэтических произведениях А. Блока // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 338–352.

16. Cirlot J.E. A dictionary of symbols. L.: Routledge, 2001. 507 c.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Опираясь на теории Ф. де Соссюра и Луи Ельмслева, за знак мы принимаем единство означающего и означаемого, плана выражения и плана содержания.

2. Основное внимание в гардеробе капитана Лебядкина, ввиду неоднократных повторов, сосредоточено на фраке, опоэтизированном в сознании и речи персонажа – на «фраке любви» (8 упоминаний). Но образу капитана – грубого, неинтеллигентного человека – явно не соответствует такое облачение: «“Есть люди, которым чистое белье даже неприлично-с”, как возразил раз когда-то Липутин на шутливый упрек ему Степана Трофимовича в неряшестве...» [5, т. 10, с. 136]. Сам поэт-графоман называет свое одеяние «фраком любви», приобретенным в силу чувства к Лизавете Тушиной: «“Понимаешь ли ты, осел, что я влюблен, я фрак купил, посмотри, фрак любви, пятнадцать целковых; капитанская любовь требует светских приличий…”» [5, т. 10, с. 119], однако соседство в тексте романа контекстуальных антонимов «любовь» и «пятнадцать целковых» указывает на искусственность чувств Лебядкина.

Автор – ролевой персонаж объясняет появление у Лебядкина «фрака любви» следующим образом: «Все это, то есть и фрак и белье, было припасено (как узнал я после) по совету Липутина, для каких-то таинственных целей. Сомнения не было, что и приехал он теперь (в извозчичьей карете) непременно тоже по постороннему наущению и с чьею-нибудь помощью; один он не успел бы догадаться, а равно одеться, собраться и решиться в какие-нибудь три четверти часа» [5, т. 10, с. 136–137]. Следовательно, наличие в гардеробе Лебядкина рассмотренного костюма свидетельствует о том, что капитан по опосредованной «подсказке» Петра Верховенского примеряет на себя роль влюбленного, которая находится в противоречии с его мировосприятием.

«Фрак любви» тщательно описывается автором – ролевым персонажем, также подробно говорится об аксессуарах: галстуке, перчатках, шляпе. Каждая упомянутая автором деталь костюма указывает на неестественность одеяния Лебядкина – например, перчатки, «напяленные», явно не подходящие по размеру и не сочетающиеся с «мясистой лапой»: «У капитана были и перчатки черные, из которых правую, еще не надеванную, он держал в руке, а левая, туго напяленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую левую лапу, в которой он держал совершенно новую, глянцевитую и, наверно, в первый еще раз служившую круглую шляпу» [5, т. 10, с. 136]. Но костюм диктует капитану правила поведения: «Он видимо боялся за каждое движение своего неуклюжего тела. <...> Капитан замер на стуле с своею шляпой и перчатками в руках и не сводя бессмысленного взгляда своего со строгого лица Варвары Петровны» [5, т. 10, с. 137].

«Фрак любви», напоминающий маску ряженого, характеризует лишь одну сторону капитана Лебядкина – шута или скомороха-«возлюбленного» в «свите» Николая Ставрогина.

3. «The primordial turtle has a shell that is rounded on the top to represent heaven, and square underneath to represent the earth. <...> in every case, the turtle is a symbol of material

existence and not of any aspect of transcendence, for even where it is a combination of square and circle it alludes to the forms of the manifest world and not to the creative forces, nor to the Origin, still less to the irradiating Centre».

4. «As a machine, the clock is related to the notions of "perpetual motion", automata, mechanism and to the magical creation of beings that pursue their own autonomous existence».

5. «The sphere is a whole, and hence it underlies the symbolic significance of all those images which partake of this wholeness, from the idea of the mystic "Centre" to that of the world and eternity, or, more particularly, of the world-soul».

6. Ведьмой Алену называют закладчики: Кох (3 раза: «Эй, Алена Ивановна, старая ведьма!»; «Сама мне, ведьма, час назначила. Мне ведь крюк. Да и куда к черту ей шляться, не понимаю? Круглый год сидит ведьма, киснет, ноги болят, а тут вдруг и на гулянье!» [5, т. 6, с. 67–68]) и сам Раскольников (2 раза: «Важнее всего, знает Порфирий иль не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был... и про кровь спрашивал?» [5, т. 6, с. 190]; «А ведьма и число прописала карандашом!» [5, т. 6, с. 196]).

K.V. Pisareva
Clothes Semiotics in the Prose of F.M. Dostoyevsky

Key words: *real world; semiotics; thing-sign; thing-emblem; thing-symbol; F.M. Dostoevsky; prose; accessories; pocket watch.*

The paper deals with the details skillfully interwoven in Dostoyevsky's prose and create a ciphered reality. We single out thing-sign, thing-emblem and thing-symbol, which form a semantic paradigm. Things-signs are more frequent in realistic prose by F.M. Dostoyevsky which is caused by specifics of the literary trend.

Л.В. Павлова

Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1

Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой: религиозные сюжеты, темы и образы

Статья подготовлена в рамках проекта «Сочинения Екатерины Клетновой: подготовка текстов, исследования, комментарий», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (№ 16-14-67001).

Ключевые слова: *Е.Н. Клетнова; литературное творчество; христианство; язычество; легенды; предания.*

Литературное творчество Е.Н. Клетновой, выдающегося археолога, этнографа, краеведа, педагога, только в последние годы оказалось в поле зрения исследователей. Стихи, очерки, рассказы, сказки и пьесы существенно дополняют представление о ее разносторонне одаренной личности. Одно из заметных мест в литературном наследии Е.Н. Клетновой

занимают произведения разных литературных родов и жанров, раскрывающие религиозные представления русского народа.

Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой, собирание и изучение которого началось в последние годы, тесно связано с ее научными интересами: археологией, этнографией, краеведением. В центре разнообразных исследовательских занятий Е.Н. Клетновой – изучение верований и обычаев древних славян.

Самое значительное из обнаруженных на сегодняшний день в изданиях рубежа XIX–XX веков и архивах художественное произведение Е.Н. Клетновой – стихотворная пьеса в восьми действах (авторское определение жанра – «былинно-скоморошное действо») «Славный город Смолевец». Пьеса изобилует образами низшей и высшей восточнославянской мифологии, как упоминаемыми в фольклорных источниках и летописях, так и вымышленными автором. Среди действующих лиц – Перунище, Белун, Стрибог, Велес, Мать сыра земля, Даждь-Бог, Пресветлая Лада, Купала, Любемель, Ярила, водяной, леший, кикимора, полудницы**,** мавки, нички, суденицы, трясовицы, марухи, пузанчики, краснята и др. Тематику, проблематику и образную систему пьесы определяет авторское представление о сложном взаимодействии язычества и христианства. Как мы уже писали, своеобразие авторской концепции, выраженной в пьесе, заключается в том, что Клетнова не противопоставляет язычество и христианство, а утверждает возможность не принудительной, мирной адаптации языческих божеств, прежде всего тех, кто связан с земледелием и любовью, к условиям нового времени, пронизанного Светом из Царьграда [10]. Подчеркнем очевидную близость «Славного города Смолевца» неомифологическим тенденциям, столь характерным для Серебряного века русской культуры.

Анализ всего корпуса произведений, собранных в ходе реализации поддержанного грантом РФФИ проекта «Сочинения Екатерины Клетновой: подготовка текстов, исследования, комментарий», показал, что в тематической группе «Религиозные воззрения» центральное место занимает христианская тема.

На документальной основе разрабатывается эта тема в нескольких очерках, опубликованных Клетновой в разные годы в современных ей журналах: «Лампада горного ущелья» [3] (об уникальной Нузальской церкви в горах Осетии, основанной, по преданию, в XII веке и чудесным образом уцелевшей в борьбе язычества, христианства и магометанства); «Церковное пение и русская духовная музыка» [7] (в детальном и профессиональном обзоре истории русской духовной музыки Клетнова особо останавливается на родной смоленской теме, объясняя это тем, что Смоленск связан с трагическими событиями жития князей-мучеников Бориса и Глеба, коим посвящены первые русские духовные стихиры; с трудами Николая Дилецкого, чья «Мусикийская грамматика» и деятельность в целом

повлияли на формирование отечественной школы многоголосного церковного пения; наконец, Смоленская земля дала миру «великого преобразователя и творца нашей национальной музыки» [8, с. 49] – Михаила Глинку (2)); «Пояс Пресвятой Богородицы» (очерк написан уже в эмиграции, это, по-видимому, последняя прижизненная публикация Клетновой [6, с. 5]).

Чаще предметом художественного осмысления Е.Н. Клетновой становятся христианские предания и легенды, бытующие в народной среде. Порой в основе авторских произведений лежат истории, записанные ею в ходе собственных этнографических экспедиций и краеведческих разысканий.

Так, в журнале «Светлый путь» в 1912 году была опубликована «историческая заметка» (так обозначен жанр в подзаголовке) Е.Н. Клетновой «Из Вяземских сказаний 12-го года» [2]. Клетнова являлась одним из главных организаторов празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Вязьме и в ходе подготовки к этому событию собирала экспонаты для исторического музея, записывала рассказы вязьмичей и жителей окрестных деревень о военном времени. В начале заметки как раз и приведены собранные ею записи страшных предзнаменований, хаживавших в народе накануне 1812 года: нашествие червей, появление хвостатой звезды, слухи о рождении антихриста и т.п. Далее следует переложение в художественной форме предания о настоятеле Иоанно-Предтеченского мужского монастыря в Вязьме старце Питириме. Когда при приближении французов жители покидали родной город, «старец Питирим – архимандрит монастырский, наотрез отказался покинуть обитель, а с ним остался послушник его Иона и ещё один монах. – Отпевать, погребать павших…» [2, с. 3].

При взятии Вязьмы вражескими войсками старец Питирим погиб, однако обет свой выполнил: «<…> многим тогда видимо было, как там, где лежали убитые, неотпетые и несхороненные, в часы вечерних сумерок (так в тексте. – *Л. П.*), явился благообразный муж в священническом облаченьи с курящимся кадилом и совершал над ними заупокойное служение, а невидимые хоры пели “вечную память”…

Но подходили люди и тогда, как легкий дым, здесь таяло виденье, чтобы снова появиться в отдаленьи. И долго чуялся в тех местах пахучий запах ладона (так в тексте. – *Л. П.*) росного и слышалось в невидимых устах за упокой погибнувших (так в тексте. – *Л. П.*) в боях торжественно-молитвенное пение» [2, с. 8].

Еще до публикации заметки «Из Вяземских сказаний 12-го года» вышла в свет книга очерков Е.Н. Клетновой «Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда» [5]. В очерке «Город Вязьма» приведено, как пишет автор, «сохранившееся устное предание» о том, как монастырская братия покинула обитель, лишь старый иеромонах Иосаф и послушник Иона «не пожелали бросить на произвол судьбы свою обитель и решились разделить ее участь» [5, с. 53]. При обстреле Вязьмы

иеромонах был убит, и, по преданию, «послушник отправился к самому Наполеону *требовать* людей для рытья могилы и погребения старца». Отряженные на погребение гренадеры «желая отдать особую почесть праху <…>, не придумали ничего лучше, чем перевернуть свои головные уборы задом на перед, когда опускали в могилу его бренные останки» [5, с. 53].

Как было отмечено, сочетание мотивов «похороны старца» и «участие Наполеона» присутствует и в «исторической заметке» «Из Вяземских сказаний 12-го года», но реализуется в ином ключе. Наполеоновские солдаты, уверенные, что в монастыре скрыты несметные церковные сокровища, «перерыли храмы и службы, разбили и расхитили книгохранилище, где хранились многие царские грамоты, жития и летописи. <…> Три раза в поисках ключей от ризницы выбрасывали тело архимандрита из гроба. Три раза благочестивые иноки снова убирали его…

Наконец, порешили они идти просить защиты от мародеров, своих и чужеземных, у самого императора» [2, с. 4]. Не сразу удалось монахам встретиться с Наполеоном, но с Божьей помощью они добились своего и «бесстрашно приступили к нему, *требуя* охраны останков геройски погибшего в обители своей старца» [2, с. 5]. Наполеон распорядился помочь в погребении, более того, приказал выставить почетный караул у могилы архимандрита. И в этом произведении упоминается странная манипуляция гренадеров с головными уборами.

В двух близких по исторической основе произведениях совпадает также имя храброго послушника, не покинувшего старца, но в первом из них нет упоминаний об архимандрите Питириме и чудесных явлениях, происходивших по его смерти. Зато есть перечень «денежных» потерь вяземских храмов, причиненных наполеоновским нашествием. Подобный контекст, можно предположить, Клетнова сочла неподходящим для тонкой мистической истории о явлении убиенного монаха и посвятила ей отдельное произведение, опубликованное в год столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года.

Много позже, уже будучи в эмиграции, в Чехии, на страницах однодневной газеты «День русского инвалида», выпущенной в рамках благотворительной одноименной акции, Клетнова опубликовала стихотворное переложение легенды о Николае Мирликийском. Выбор темы обусловлен следующим обстоятельством: День русского инвалида отмечался в разных странах в день памяти Святого Николая Чудотворца (22 (9) мая) начиная с 1926 года. Николай Чудотворец, как известно, один из самых почитаемых на Руси святых. И в своем стихотворении Клетнова приводит объяснение столь горячей любви русского народа к нему: Святитель Николай всегда на стороне простого человека, так, не боясь испачкать свои белоснежные ризы, он помогает мужику, чей воз увяз в грязи:

<…> лежит лошаденка,
Бьется над ней мужичонка,

Воз – на боку.
Тотчас Никола Святитель,
Божией правды хранитель,
Помощь подал мужику [4, с. 7].

Композиция стихотворения строится на неожиданном противопоставлении: святой сравнивается не с грешником, а со святым же – Св. Кассианом. Оба святых вместе шли к Богу, но, столкнувшись с бедой человеческой, ведут себя по-разному: Николай помогает, а Кассиан «сторонится, грязи боится». По заслугам каждый и получает меру Божественной и человеческой любви. Дважды в год празднуют день памяти Св. Николая Чудотворца (19 декабря, в день смерти святого, празднуется так называемый Никола Зимний, а 22 мая, в день перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари, так называемый Никола Летний):

За то, что Никола грязей не боялся,
Что скорым помощником людям являлся,
Тебя будут чтить православные,
Князья и цари их державные
По дважды в год [4, с. 7].

А Святого Кассиана чествуют только раз в четыре года – 29 февраля:

А ты, чистоту наблюдавший
И Божий Завет забывавший,
Лукавый Кассиан,
Тебя православный народ,
Чрез три года раз помянет Закоснелаго [4, с. 7].

И сама легенда, и неприязненные оценочные эпитеты – не авторская фантазия Клетновой, она перелагает в стихи известную в разных местностях России легенду о путешествии Касьяна и Николая к Богу в рай, где повествуется о встрече с мужиком, о доброте Николая и отказавшемся помогать Кассиане, о вознаграждении по заслугам, полученном от Бога. О том, что легенда о Касьяне немилостивом «пользуется на Руси самым широким распространением», писал в своей книге «Неведомая, нечистая и крестная сила» С.В. Максимов [9, с. 524].

Известному сюжету Клетнова придает смоленский колорит: путь Св. Николая и Св. Кассиана проходит по просторам Смоленщины с ее частыми непогодами:

Шли они к царству небесному,
К Божью престолу чудесному,
К свету предвечному.
Шли и песками сыпучими,
Шли и лесами дремучими,
И болотами зыбучими,
Черно-грязями смоленскими [4, с. 7].

А в финале стихотворения, говоря о дарованных Николаю Угоднику двух днях памяти – зимой и летом, вводит в текст диалектизм, который поясняет в примечании – «Так говорят в Смоленской Губернии <…>»:

И с той поры так и вошло в обиход:
Ублажает Святителя русский народ
И «Зимнего», так и по-летелого [4, с. 7].

Как показал анализ собранного корпуса литературных произведений Е.Н. Клетновой, религиозная тема присутствует в ее творчестве на протяжении всей жизни. Реализуется эта тема разнообразно и широко: от очерковой документальности с элементами научного исследования до вдохновенных переложений легенд в стихах и в прозе. Источником ее вдохновения служила живая вера русского народа, запечатленная в преданиях и легендах, передающихся из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клетнова Е.Н. Бессмертной памяти М.И. Глинки // Русская земля. 1907. № 282.
2. Клетнова Е.Н. Из Вяземских сказаний 12-го года // Светлый луч. 1912. № 8. С. 1–8.
3. Клетнова Е.Н. Лампада горного ущелья // Дневник писателя. 1908. Апрель. С. 8–11.
4. Клетнова Е.Н. Легенда о Святителе Николае // День русского инвалида: однодневная газета. Прага. 1926. (9)22 мая.
5. Клетнова Е.Н. Отзвуки Отечественной войны в преданиях и сказаниях Вяземского уезда. Вып. 1. Смоленск, 1911. 85 с.
6. Клетнова Е.Н. Пояс Пресвятой Богородицы // Русский народный голос. 1938. № 85.
7. Клетнова Е.Н. Церковное пение и русская духовная музыка. I // Дневник писателя. 1908. Ноябрь. С. 47–53.
8. Клетнова Е.Н. Церковное пение и русская духовная музыка. II // Дневник писателя. 1908. Декабрь. С. 46–50.
9. Максимов С.В. Куль хлеба. Неведомая, нечистая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995.
10. Павлова Л.В., Пастернак Т.К. Религиозные воззрения древних славян в пьесе Е.Н. Клетновой «Славный город Смолевец» // Вестник славянских культур. 2016. № 1(39). С. 105–116.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Беловой автограф (Славный город Смолевец: былинно-скоморошное действо / Е. Клетнова. – [Б. м.]: [Б. и.], ценз. 1911. – 1.50 р.) находится в фондах Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. Рукопись с пометами и правкой хранится в ГАСО (Ф. 113. Оп. 1. Д. 54).

2. О Божественном даре своего великого земляка Е.Н. Клетнова писала также в стихотворении «Бессмертной памяти М.И. Глинки» [1, с. 2].

L.V. Pavlova
Literary Heritage of Ekaterina Nikolaevna Kletnova: Religious Plots, Themes and Images

Key words: *E.N. Kletnova; literary creativity; Christianity; paganism; legends; traditions*.

Literary creativity of E.N. Kletnova, an outstanding archeologist, ethnographer, local historian, teacher, has attracted the attention of researchers only over the recent years. Poems, essays, stories, tales and plays substantially complement the idea of her versatile gifted personality. One of the notable places in the literary heritage of E.N. Kletnova belongs to works of various literary genres, revealing religious ideas of the Russian people.

Л.Л. Горелик
Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1.09

Ключевский или Иловайский? «Вымышленная ссылка» в «Письмах из Тулы» Бориса Пастернака

Ключевые слова: *поэт; действительность; Тула; топос; Ключевский; вымышленная ссылка; самозванство; футуризм; искусство; эстетика.*

Упоминание Ключевского в повести «Письма из Тулы» является «вымышленной ссылкой». Данный исторический эпизод в труде В.О. Ключевского не представлен, но зато подробно описан в труде Д.И. Иловайского. Прием «вымышленной ссылки» подчеркивает важность эпизода о Лжепетре и самозванстве в повести, посвященной проблемам искусства.

Действительность для Пастернака не исчерпывается вещами и природой, она охватывает в качестве таких же деталей мира образы литературы, искусства, мифологии. Изображение в его произведениях многослойно: за внешне незначительной, как бы случайной деталью может скрываться глубокий подтекст, вне которого произведение непонятно. При том, что творчество Пастернака хорошо прокомментировано и изучено, его произведения до сих пор вызывают споры, а подчас и неприятие отдельных читателей.

Повесть «Письма из Тулы», при всей ее внешней простоте, одна из наименее понятых, причем, хотя она неоднократно привлекала внимание исследователей [1; 6], некоторые места в ней до сих пор не вполне прояснены. В нашей статье мы остановимся подробно на одном из таких мест – на упоминании Ключевского в связи с отсылкой к «Петру и Болотникову».

Повесть была завершена в 1918 году. Однако, в отличие от создававшейся близко по времени книги стихов «Сестра моя – жизнь», она практически не содержит размышлений о революции. У автора была другая задача: выражение новых для него, только складывающихся во время работы над повестью эстетических взглядов, а точнее – декларация собственного ухода от футуризма.

Комментаторы полного собрания сочинений, Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернак, приступая к комментариям к «Письмам из Тулы», цитируют письмо родителям от 7 февраля 1917 года, в котором Борис Пастернак сообщает, что задумал этот, по сути, теоретический трактат как художественное произведение в форме дневника и диалогов из нелюбви к «физицсским, эстетицсским и ицским, и цским» терминам [10, с. 540]. Повесть предназначалась для теоретико-эстетической книги (1).

Возникший тогда замысел «переплесть <…> идеологию с наивозможнейшей конкретностью разных вымышленных ссылок <…>, и вести частью в форме дневника, частью в диалогической» [9, с. 323] отразился в повести. Письмо значительно проясняет замысел писателя создавать эстетические трактаты в художественной форме.

Художественный способ эстетико-философского размышления характерен для Пастернака. В означенный период творчества он нередко излагал свои рассуждения в виде художественных по форме произведений – со сложной фабулой, со множеством перипетий. Таковы ранние философские наброски, такова «Апеллесова черта» и отчасти «История одной контроктавы». Размышления об искусстве практически поглощают всю его раннюю прозу, вплоть до «Детства Люверс» [1, с. 99–102].

«Письма из Тулы» писались в период творческого перелома. В этой повести автор отказывается от свойственного ему прежде романтического понимания жизни и творчества и, по сути, порывает с футуризмом. Новая творческая манера, уводящая Пастернака от понимания личности творца как стоящего над «толпой», непонятого толпой художника, складывается окончательно именно в эти годы.

Значительная часть повести написана в форме заметок. Дожидаясь на вокзале в Туле поезда на Москву, поэт пишет письма. Это заметки очень личные, поспешные, как бы дневниковые, то есть адресованные не только женщине, с которой поэт несколько часов назад расстался, но и себе самому (2). Поэт перемешивает в письмах важное и вроде бы проходное. Рядом с размышлениями о творчестве («Какое горе родиться поэтом! Какой мучитель воображение!») – замечание о квитанции из ломбарда («Квитанцию нашел, твоя была правда. <…> Ломбард – дело терпит») [8, с. 27]. Упоминание о ломбарде биографично: тема получения из ломбарда сданных туда вещей возникала в переписке Пастернака с Н.М. Синяковой [10, с. 541]. Вполне бытовое упоминание о ломбарде, включенное в высокие раздумья о творчестве и творце, своим появлением в повести призвано наглядно демонстрировать главное, что открылось герою повести в эту драматическую ночь: быт не должен презираться человеком искусства, подлинный художник не может ставить себя над действительностью. Кроме темы ломбарда, в наспех набрасываемые ожидающим московского поезда поэтом заметки на эстетические темы врывается и, на первый взгляд также бытовое, упоминание об «учебнике Ключевского», который накануне автор положил в чемодан подруги.

С учебником, однако, при ближайшем рассмотрении все оказывается не так просто. Об учебнике необходимо сказать подробно. Конечно (это тоже бросается в глаза), упоминание «учебника Ключевского» связано с названием фильма, в съемках которого участвовали ожидающие московского поезда киноактеры. Роль киноактеров в ночном прозрении поэта велика. Перелом в отношении поэта к себе как к творцу и к творчеству возникает, прежде всего, под впечатлением встречи с ними.

Как и поэт, приезжие киноактеры ожидают ночного московского поезда на вокзале. В отличие от тихо и скромно ведущего себя поэта они «геньяльничают, декламируют, бросаются друг в дружку фразами, театрально швыряют салфетки об стол…» [8, с. 28]. Описание поведения актеров впитало впечатления от хорошо знакомых и до недавних пор близких Пастернаку футуристических сборищ: «В изображении киносъемок в повести, возможно, отразилось участие Маяковского, Д. Бурлюка и В. Каменского в съемках фильма «Не для денег родившийся», проходивших в апреле 1918 года» [10, с. 540]. Известно, что в этот период начинается разрыв Пастернака с прежде близким ему художественным кругом футуристов [12]. В частности, молодого поэта отталкивает распространенная в этом кругу склонность к подчеркиванию своей особости художника.

Поэт, неприязненно замечающий неестественность и заносчивость («геньяльничают», «театрально») в поведении приезжих актеров, с ужасом узнает в этом поведении себя самого в недавнем прошлом – видит со стороны искусственность своей «поэтической» позы, своего юношеского, романтического презрения к обычной, вне искусства, жизни. Это открытие – новое понимание поэтом личности творца – и есть, на наш взгляд, центральная мысль «Писем из Тулы». И первое, о чем вспоминает сделавший свое открытие поэт, – книга Ключевского, учебник, в котором должен быть описан «эпизод с Петром и Болотниковым».

В контексте повести упоминание данного эпизода маркирует внутренний поворот поэта, изменение его понимания сути творчества. В самых первых, до полуночи написанных, письмах поэт еще находится во власти романтического миросозерцания, в плену ощущения своей особости. Он выражается как «романический поэт»: «О тоска! Забью, затуплю ее, неистовую, стихами!» [8, с. 26]. Перелом происходит где-то в полночь. Как пишет Е.Ю. Котукова, «герои ранних произведений Б. Пастернака осмысливают жизнь и решают проблемы творчества в ночное время» [5, с. 113]. Около полуночи поэт увидел «геньяльничающих» киноактеров, осознал свое с ними сходство: «Как страшно видеть свое на посторонних» [8, с. 28]. В час ночи, в только начинающиеся новые сутки, поэт под влиянием встречи с киноактерами вспоминает об учебнике Ключевского. «Тула, десятое (зачеркнуто), одиннадцатое, час ночи. Дорогая, справься с учебником. Ключевский с тобой, клал сам в чемодан. Не знаю, как начать. Ничего

еще не понимаю. <…> Прочти по Ключевскому – не читал, думаю, должен быть эпизод с Петром и Болотниковым» [8, с. 28]. Таким образом, автор указывает, что для объяснения художественной роли введенного в повесть упоминания Смутного времени, а также настойчивых отсылок к «эпизоду с Петром и Болотниковым» следует искать в учебнике В.О. Ключевского описание эпизода, в котором участвуют или, по крайней мере, упоминаются рядом Петр и Болотников. Причем читатель не сразу догадывается, о каком историческом эпизоде идет речь – и не только потому, что это мелкий эпизод Смутного времени, для широких кругов не очень известный, но и потому, что в числе участников назван «Петр», а не Лжепетр. Автор активно подталкивает вдумчивого читателя поискать данный эпизод в названном учебнике. Загадка заключается в том, что в труде по истории России В.О. Ключевского данный эпизод, в отличие от трудов других авторов, как раз не описан.

Учитывая упоминание на той же странице «смутного времени», читатель, впрочем, довольно легко (хотя и не сразу – здесь первая затрудняющая уловка автора) догадывается, что искать нужно не «Петра», а Лжепетра. Имеется в виду осада войсками Шуйского объединенного казачьего отряда во главе которого были Иван Болотников и Лжепетр. Происходило это на реке Упе – там, где, ожидая «трехчасового на Москву», пишет свои письма поэт.

Встреча с «геньяльничающими» актерами порождает мысли о самозванстве, однажды уже разоблаченном именно на этом месте. В окрестностях Тулы произошел арест вора и разбойника Илейки Горчакова (Илейки из Мурома), называющего себя царевичем Петром.

Холоп по происхождению, Илейка в течение долгого времени довольно удачно выдавал себя за царевича Петра, сына царя Федора Иоанновича. Ложь была крайне наглой, потому что такого царевича вообще не существовало: у Федора имелась только дочь, а сына не было никогда. Однако многие Илейке верили, другие – по своим причинам – делали вид, что верят.

Историю Лжепетра наиболее подробно излагает Д.И. Иловайский, учебником которого пользовались в гимназии: «Еще в царствование Лжедимитрия I, и по его примеру, среди терских казаков появился самозванец, принявший на себя имя небывалого царевича Петра. Они сочинили басню о том, что у царя Федора Ивановича родился сын Петр, которого верные бояре подменили дочерью и тайно воспитали, опасаясь козней Бориса Годунова. По выбору товарищей, хотевших <…> поживиться на счет Московского государства, эту роль Лжепетра принял на себя молодой казак Илейка, родом из Мурома. Он послал грамоту о себе Лжедимитрию, которого называл своим дядею. Тот отвечал ласково и приглашал его в Москву, где, конечно, готовил ему западню» [2].

Западня не пригодилась, так как сам Лжедмитрий I был разоблачен прежде, чем встретился с Лжепетром. Лжедмитрии и потом появлялись,

гибли, сменялись, их самозванство раскрывалось. Самозванство «царевича Петра» стоит в этом ряду; в течение некоторого времени оно было успешным. Илейка разбойничал со своими казаками и на Дону, и в Путивле, и под Москвой, и под Калугой. Однако поход на Тулу закончился для Лжепетра неудачно. В Туле казачье войско Лжепетра соединилось с казачьим войском Ивана Болотникова, составив двадцатитысячную армию. Царские войска окружили город. Иван Болотников и Илейка («царевич Петр») долго держались в осажденной крепости, однако стараниями осаждающих (войска Василия Шуйского) была сооружена плотина через Упу, Кремль затоплен, и осажденные сдались. И это все тоже изложено в учебнике Д.И. Иловайского, причем не только в обширном пятитомнике [2], но и (менее подробно) в «кратком курсе», которым пользовались гимназисты предреволюционного времени [3, с. 122].

В «Письмах из Тулы» поэт, однако, дважды просит посмотреть данный эпизод не в учебнике Д.И. Иловайского или ином каком-нибудь труде по истории, а именно в учебнике В.О. Ключевского. Между тем в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского он не описан. Исторический труд В.О. Ключевского теоретичен; период Смутного времени анализируется историком подробно с точки зрения участия в смуте разных слоев общества, уделяется внимание и движению холопов. Но личности двух возникающих в повести Пастернака предводителей крестьян – Болотникова и Лжепетра – и конкретные события, с ними связанные, В.О. Ключевского занимают меньше, чем других историков: во всяком случае, Лжепетра он даже не упоминает. В «Курсе русской истории» В.О. Ключевского нам не удалось найти даже имя Лжепетра (Илейки Горчакова из Мурома) [4].

По всей вероятности, отсылка в связи с упоминанием о Лжепетре именно к учебнику В.О. Ключевского, где этот персонаж, в отличие от других учебников по истории, не представлен, – очередная мистификация Пастернака. Это и есть тот самый запутывающий прием, та «вымышленная ссылка», о которой, объясняя замысел «Писем из Тулы», Пастернак писал родителям как о намерении «переплесть <…> идеологию с наивозможнейшей конкретностью разных вымышленных ссылок» [9, с. 323]. Отсылка к учебнику Ключевского (два раза повторенная) в данном случае – именно вымышленная ссылка. Сам автор, дважды в маленькой повести упомянув Ключевского, дает намек на возможную неточность этой ссылки: «Прочти по Ключевскому – не читал, думаю, должен быть эпизод с Петром и Болотниковым» [8, с. 28]. Вот это «не читал, думаю, должен» призвано дать намек исследователю и, возможно, еще больше запутать его.

Какую роль выполняет вымышленная ссылка в «Письмах из Тулы»? По всей вероятности, по воздействию на читателя это близко к любому осложняющему восприятие текста литературному приему – такому, как метафора, синтаксическая фигура… Вымышленная ссылка тормозит чте-

ние, заставляет подумать над текстом, а иначе говоря, очень наглядно усиливает остранение. В данном случае она заставляет вспомнить о многочисленных самозванцах – не только о Лжепетре, но и обо всех Лжедмитриях. Вымышленная ссылка как бы замедляет развитие сюжета, давая повод для размышлений.

В ранней прозе Пастернак позволял себе прибегать к такого рода приемам. Наиболее известная вымышленная ссылка Пастернака – эпиграф к «Апеллесовой черте» (эта повесть написана за три года до «Писем из Тулы»). Зафиксированная в «Апеллесовой черте» неточность: эпиграф о встрече и соперничестве Зевксиса и Апеллеса. «В античной литературе <…> нет сведений об их встрече и соперничестве», – пишут комментаторы [10, с. 539]. Хотя «известны различные версии состязаний античных художников» [Там же]. Пастернаку, прекрасно знавшему античность, не составило бы труда сослаться на действительно бывшее, подтвержденное Плинием Старшим соперничество. Маленькая неточность – вымышленная ссылка – нужна ему и здесь для художественных целей.

В повести «Письма из Тулы», помимо ложной отсылки к В.О. Ключевскому, такую же роль «замедлителя» играет упоминание о времени года, заведомо вводящее в заблуждение, – нам уже приходилось об этом писать [1, с. 61–62].

Таким образом, отсылка к одному учебнику вместо другого, к Ключевскому вместо Иловайского, является художественным приемом – достаточно характерным для прозы раннего Пастернака.

Именно о таком приеме писал Пастернак в письме к родителям, полагая, что вымышленные ссылки позволительны и хороши в эстетическом трактате, если он написан в художественной форме – как «Апеллесова черта», как «Письма из Тулы».

Упоминание Ключевского в связи с отсутствующим в его научном труде эпизодом об аресте под Тулой Лжепетра и Болотникова заставляет образованного читателя обратить особое внимание именно на этот эпизод.

Тула знаменита, в частности, тем, что именно здесь войскам Шуйского удалось, да еще при помощи искусственно спровоцированного природного катаклизма, разоблачить самозванство «царевича Петра». Арест смогли произвести, соорудив искусственную плотину. Таким образом, сама Упа – река, на которой стоит Тула, – участвовала в разоблачении, подчеркивает Пастернак.

Топос Тулы играет чрезвычайно большую, центральную роль в повести. Не случайно это название отражено в заглавии. То, что события происходят в Туле, первостепенно важно для понимания их смысла.

В контексте повести Пастернака топос Тулы приобретает значение места, где невозможен обман, невозможны ложные притязания.

Самозванство киноактеров, их необоснованные претензии на роль возвышающихся над обычными людьми и обычной жизнью Творцов открываются поэту на ночном Тульском вокзале. Тульский топос снимает декорации и обнажает подлинную жизнь. Мы уже писали подробно о подводящих к мысли о подлинности как основном свойстве искусства толстовских ассоциациях в повести «Письма из Тулы», а также о ее сложном, служащем той же цели сюжете. Они, конечно, играют первоочередную роль в раскрытии идейно-художественного замысла повести [1, с. 59–66].

Среди других приемов, рассказывающих об открывшейся поэту в Туле несовместимости самозванства и искусства, о позоре самозванства, стыде ложных притязаний, – отсылка к историческому «эпизоду с Петром и Болотниковым». «Наш общий чад», от которого «тошно» герою повести, – это не чад революции (как понимает образ, например, М. Мелащенко в сравнительно недавно появившейся статье [7]), а чад ложных притязаний, характеризующих самоидентификацию в искусстве не только «геньяльничающих» киноактеров, но и – до недавнего времени – самого героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелик Л.Л. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака. М.: РГГУ, 2011.

2. Иловайский Д.И. История России. В 5 т. Т. 4. Ч. 1: Смутное время Московского государства. URL: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_istoriya_rossii_t4_ch1_smutnoe_vrema.html (дата обращения: 08.05.2017).

3. Иловайский Д.И. Русская история: Краткий курс. М.: Век книги, 2003.

4. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Ч. III: Курс русской истории. М.: Мысль, 1988.

5. Котукова Е.Ю. Архетипы дня и ночи в творческой концепции Б. Пастернака // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–1. С. 112–114.

6. Куликова С.А. Тип героя в прозе Б.Л. Пастернака: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1998.

7. Мелащенко М. Поэтика импрессионизма в ранней прозе Б. Пастернака («Апеллесова черта», «Письма из Тулы») // Філологічні науки. 2014. № 18. С. 62–69.

8. Пастернак Б.Л. Письма из Тулы // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 3. М.: Слово / Slovo, 2004. С. 26–33.

9. Пастернак Б.Л. Письма 1905–1926 // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 7. М.: Слово / Slovo, 2005.

10. Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В. Комментарии // Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 3. М.: Слово / Slovo, 2004. С. 536–629.

11. Сергеева-Клятис А.Ю. Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2015.

12. Флейшман Л. Борис Пастернак в 20-е годы. СПб.: Академический проект, 2003.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Написано в апреле 1918 г. для предполагаемой книги идеологических работ об искусстве» [10, с. 540].

2. Легшие в основу сюжета «Писем из Тулы» проводы женщины до Тулы – биографическая деталь. Весной 1915 года Н.В. Синякова-Пичета, в которую Пастернак был тогда влюблен, заболела и уехала в Харьков [11, с. 102]. Поэт, провожая ее, проехал с ней в поезде расстояние до Тулы. Мотив «письма с вокзала», таким образом, имеет биографический источник [10, с. 540].

L.L. Gorelik
Kluchevsky or Ilovaisky?
«The Imaginary Reference» in «The Letters from Tula» by Pasternak

Key words: *poet; reality; Tula; topos; Kluchevsky; imaginary reference; imposture; art; futurism; aesthetics.*

The paper deals with a case of imaginary reference to Kluchevsky in B. Pasternak's work «Letters from Tula». This episode is not represented in the work by Kluchevsky but is described in detail in a book by Ilovaisky. The method of «imaginary reference» underlines the importance of the episode about the imposture problem in the narrative devoted to the problems of Art.

Г.Н. Ермоленко
Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1

Античный миф в структуре цикла И. Бунина «Темные аллеи»

Ключевые слова: *мифологема; ироническая игра; лунарный миф; сюжет инцеста; тематический комплекс Эрос / Танатос.*

В статье охарактеризованы два типа функционирования мотивов античного мифа в структуре цикла новелл И. Бунина «Темные аллеи»: «готовые» мифологические сюжеты (в рассказах «Муза», «Антигона», «Месть») являются объектом иронической игры, архетипические мифологемы лунарного мифа и сюжета инцеста (в новеллах «Зойка и Валерия», «Натали», «Баллада». «Ворон») лежат в основе структуры цикла и способствуют формированию его художественной семантики, развивают тематический комплекс Эрос / Танатос.

В новеллах цикла И.А. Бунина «Темные аллеи» (1) действие разворачивается на разломе русской истории. В первой части перед читателем предстает дореволюционная Россия. Во второй части, в рассказе «Таня», упомянут 1917 год как роковой рубеж русской истории, а в следующей новелле «В Париже» действие развивается уже в среде русской эмиграции. В третьей части, в рассказе «Холодная осень», речь идет о главном событии современной мировой истории – Первой мировой войне.

Но, несмотря на тесную связь бунинских сюжетов с определенным историческим периодом, и исторические катаклизмы, и события частной жизни трактуются в цикле как проявление вечных законов миропорядка, нарушение которых ведет к вселенской катастрофе. Такую картину мира В.И. Тюпа в своих нарратологических исследованиях называет прецедентной и мифоген-

ной [8, с. 81]. Поступки персонажей в подобных произведениях диктуются не столько их индивидуальным характером, сколько общечеловеческой природой и судьбой. О.В. Сливицкая выявила в рассказах Бунина черты неомифологического мышления. Так, она находит в произведениях писателя представление о человеке как «части природного целого», ощущение «однородности мира, слиянности всего сущего», «незыблемости извечных законов бытия», отсутствия «движения истории», элементы мистицизма [7, с. 15–22]. В частности, эрос, по ее словам, выступает у Бунина как «одна из форм проявления космической жизни» [7, с. 10].

Мифологические аллюзии в цикле фигурируют на уровне номинации и на уровне фабульных мотивов, появляются в эксплицитной и имплицитной форме. Представлены два способа функционирования мотивов античного мифа в тексте: «готовые» мифологические сюжеты писатель пародийно обыгрывает, архетипические мифологемы лежат в основе структуры цикла и способствуют формированию его художественной семантики. Каждая из трех частей цикла включает по одной новелле, иронически обыгрывающей мотивы античного мифа. Это рассказ «Муза» из первой части, «Антигона» – из второй и «Месть» – из третьей. Данные рассказы указывают на наличие мифопоэтического пласта текста, акцентируют внимание на основных темах. Но возникающее в них сходство с античным сюжетом разрушается в результате авторской иронической игры.

В рассказе «Муза» имя героини вызывает ассоциации с античными богинями, покровительницами искусств. Сюжет поддерживает ироническую игру с мифом, поскольку экстравагантная девица по имени Муза является непрошеной гостьей к герою в момент его увлечения живописью и покидает его, когда он забрасывает творчество, чтобы завязать новый роман с невзрачным и бедным соседом, неожиданно оказавшимся «недурным музыкантом». Ассоциации с мифологическим персонажем дают автору новые краски для критического изображения претенциозной богемной среды.

В рассказе «Антигона» античный образ также снижается и травестируется, мифологические ассоциации интерпретируются иронически. Прозвище Антигоны-путеводительницы, в античной мифологии являющейся образцом добродетели и верности долгу, инвалид-генерал дает ухаживающей за ним медсестре, которая в течение двух дней соблазняет его племянника-студента, приехавшего погостить на каникулы. Образ Антигоны в данном случае раскрывает двойственность женской природы: героиня носит личину, маску добродетели, которую сбрасывает в финале новеллы, что проявляется, в частности, в переодевании, преобразившем ее внешность. В начале новеллы она одета как сестра милосердия (серое холстинковое платье, белый передник и белая косынка). В финале, переодевшись, приобретает кокетливый и соблазнительный облик, машет герою, сидя в коляске в перчатках и в «хорошенькой шляпке».

В рассказе «Месть» протагонист, выслушав историю неудачной, унизительной любовной связи героини, дает ей ироническое прозвище богини возмездия Немезиды, в древнегреческих мифах наказывавшей за нарушение существующего порядка вещей, и Медузы, жестокой женщины-чудовища, убивающей жертву одним взглядом. В рассказе функции мифологической мстительницы не реализуются. Героиня после разговора с протагонистом отказывается от навязчивой идеи отомстить обидчику. Но имя Немезиды возникает не случайно. Тема мести, расплаты за преступную страсть входит в основной тематический комплекс цикла.

Поскольку цикл представляет собой художественное исследование отношений мужчины и женщины, писатель стремится познать в нем сущность женской и мужской природы. Женская природа представляется ему особенно загадочной. В ранних заметках 1894 года он писал о женщинах: «… ведь это даже как бы и не люди, а какие-то совсем особые существа…» [1, с. 47]. Подобным образом в цикле «Темные аллеи» он описывает героиню бесфабульной миниатюры «Сто рупий»: «Красота, ум, глупость – все эти слова никак не шли к ней, как не шло все человеческое: поистине, она была как бы с какой-то другой планеты» [2, с. 448]. В тексте новелл второй и третьей частей содержится ряд сентенций, определяющих сущность женской природы. И хотя большая их часть окрашена иронией, они составляют краткий свод своеобразной философии женской природы, в которой раскрывается ее противоречивый, двойственный характер. Обобщением этих противоречивых оценок является высказывание героя рассказа «Генрих»: «“Жены человеческие, сеть прельщения человеком”! Эта “сеть” нечто поистине неизъяснимое, божественное и дьявольское» [2, с. 364].

Двойственность женской природы на мифопоэтическом уровне раскрывается в новелле «Зойка и Валерия» из второй части цикла. Здесь один из персонажей называет главную героиню Валерию Остроградскую «наядой», а автор-повествователь (в другой ситуации) именует ее русалкой. Первая принадлежит античной мифологии, вторая – русскому фольклору. Обе связаны с водной стихией, но функции их различны. Сравнение с наядой имеет положительную коннотацию, так как в античной мифологии наяды почитались как покровительницы благоприятных для человека сил природы: «Они хранительницы вод и обладают благодетельными функциями. Есть наяды-целительницы и врачующие, купание в их воде дает исцеление от болезней <…>. Воды источников, где обитали наяды, имели очистительные и прорицательные функции и даже обладали способностью даровать бессмертие» [6, с. 205]. Русалки же в русском фольклоре – опасные соблазнительницы и губительницы мужчин.

В древнегреческой мифологии наяды составляли свиту девственной богини Артемиды, и она строго охраняла их целомудрие и жестоко наказывала за его оскорбление. В частности, суровому наказанию подвергались те, кто осмеливался увидеть богиню и ее свиту обнаженными во время ку-

пания, как это случилось с Актеоном, превращенным в наказание в оленя и затравленным собаками. У Бунина наядой называет Валерию Остроградскую Гришка, сын доктора Данилевского, подсмотревший сцену ее купания обнаженной. При этом присутствует и протагонист – влюбленный в Валерию студент Левицкий: «Она всегда по два часа сидит в воде и плавает, я это тоже подсмотрел, она голая прямо наяда» [2, с. 320]. До момента купания отношения Валерии и Левицкого оставались невинными и целомудренными. Но после сцены купания целомудренное чувство перерождается в чувственную страсть. Кульминацией сюжета является сцена любовной близости протагонистов, которая предваряется картиной раскачивания Валерии на качелях, разжигающей чувственность Левицкого. Раскачивание на качелях фольклористы описывают как любимое развлечение русалок в славянской мифологии [4, с. 174]. Превращение Валерии из *наяды* в *русалку* подчеркивает сюжетную перипетию, предвосхищая метаморфозу любовного чувства героя из платонического в плотское. В то же время русалочий подтекст образа Валерии подчеркивает ее двойственность – одновременно неприступность и соблазнительность.

В сцене любовной близости, которая приводит к катастрофической развязке, героиня ведет себя странно и кажется герою таинственной и пугающей, что поддерживает мифопоэтический подтекст образа. Финал остается открытым, автор оставляет героя в преддверии трагической развязки. После свидания Левицкий несется на велосипеде ночью по шпалам навстречу «*грохочущему и слепящему огнями паровозу*» [2, с. 326]. Гибель героя под колесами поезда аналогична гибели Актеона и Адониса, тела которых в наказание за нарушение запрета и оскорбление божественного целомудрия были расчленены, растерзаны. По утверждению О.М. Фрейденберг, подобная смерть характерна для сюжетов, связанных с мифами плодородия, к которым относятся лунарные мифы [9, с. 227], связанные с образом Артемиды / Дианы.

Финал новеллы в контексте «психологических мотивировок» выглядит как бунт духа против плоти, герой воспринимается как персонаж, несущий нравственную ответственность за свои действия. В мифопоэтическом контексте роковая развязка прочитывается как наказание, принесение в жертву героя за кощунственный проступок, он гибнет в результате действия неких мировых законов, которые управляют поведением людей, не отдавая себе отчет в происходящем. Обусловленное мифологическим подтекстом двойное прочтение сюжета создает эффект глубины и тайны бунинского рассказа. Мифопоэтический подтекст выявляет родство сюжетных мотивов новеллы как с инвариантным архетипическим прасюжетом славянских мифов о русалках, губительных соблазнительницах, так и с сюжетом древнегреческих мифов, в которых девственная богиня, защищая невинность своих служительниц, приносит в жертву нарушителя запрета.

В повести «Натали», завершающей вторую часть цикла, мотив купания обнаженной красавицы повторяется, и на этот раз героиня сравнивается с нимфой (синонимична образу наяды). Соня, кузина протагониста – студента Виктора Мещерского, советует ему подсмотреть купание ее подруги Натали: «*А вот мы завтра утром пойдем с ней купаться – советую тебе залезть в кусты, тогда увидишь чего. И сложена как молоденькая нимфа…*» [2, с. 272]. Герой следует совету и на следующее утро отправляется в купальню после Сони и Натали, взволнованный мыслями о том, что будет купаться «*в той же воде, в которой только что купались они…*» [2, с. 378]. В мифопоэтическом контексте это купание является аналогом магического обряда, подобного вкушению любовного напитка, являющегося источником той непреодолимой любовной страсти, которая охватывает героя и Натали на всю жизнь.

Примечательно, что любовные сцены между Левицким и Валерией, Мещерским и Натали происходят в лунные ночи. Образ луны часто встречается в поэзии и прозе Бунина и является отсылкой к лунарным мифам не только европейской, но и восточной традиции, которой писатель увлекался (2). В рассказе «Зойка и Валерия» колющаяся серебристая шаль, вызывающая ассоциации с оружием Артемиды (луком и стрелами), и образ луны, встающей над сценой любовного свидания, подчеркивают связь образа героини с лунарной мифологией: «*В застывшей тишине ночи и лесов неподвижным ломтем дыни краснела вдали, невысоко над смутным полем, поздняя луна*» [2, с. 326].

Артемида / Диана была карающей богиней. Одна из интерпретаций семантики имени Артемиды – «убийца», ей в Тавриде приносили человеческие жертвы. Р. Грейвз высказал предположение о существовании архаического мифа эпохи матриархата о принесении в жертву лунной богине царя-жреца, отголоском которого являются мифы об Актеоне и Адонисе [3, с. 8–9, 233]. По Грейвзу, в лунной богине соединялись идеи Красоты, Рождения и Смерти. Она «вдохновляла и требовала, чтобы мужчина платил духовную и сексуальную дань женщине» [3, с. 8].

Образ луны / месяца появляется в ряде новелл цикла «Темные аллеи». В полночь, при свете месяца, происходит мистическая сцена преследования в рассказе «Баллада». Месяц освещает монастырское кладбище в рассказе «Поздний час». В лунную ночь совершаются катастрофические события в новелле «Зойка и Валерия». Лунная ночь покровительствует любви, превращает любовную близость в мистический ритуал. Лунной ночью герой рассказа «Таня» овладевает спящей горничной. В лунную ночь героиня рассказа «Натали» признается в любви герою-повествователю, позднее лунной ночью происходит свидание, ставшее началом их близости. При луне прощаются навсегда герои рассказа «Холодная осень». Лунной ночью герой новеллы «Ночлег» пытается совершить насилие над пле-

мянницей хозяйки постоялого двора и гибнет от мертвой хватки собаки, бросившейся на ее защиту.

Мотивы лунарного мифа накладываются в цикле на мифологему любовного соперничества отца и сына, восходящую к сюжету инцеста, который реализуется в мифах об Эдипе и об Ипполите и Федре. Как разъяснял в своих трудах Е.М. Мелетинский, сюжет инцеста в фольклоре (героических песнях) и мифах не обязательно включает, как в мифе об Эдипе, убийство отца и женитьбу на матери, но понимается в широком смысле, поскольку «номенклатура родства имеет в виду не кровную близость как таковую, чисто биологическую, а принадлежность к определенной группе, классу родственников или свойственников» [5, с. 199]. У Бунина мотив любовного соперничества отца и сына встречается в рассказе «Баллада» из первой части и рассказе «Ворон» – из третьей. В обоих случаях мотив инвертирован: не сын восстает на отца, а отец отнимает возлюбленную сына. В рассказе «Ворон» отец женится на молоденькой гувернантке, в которую влюблен герой-рассказчик. В «Балладе» князь хочет отнять жену у сына. Рассказчица Машенька оценивает умысел князя как инцест: «И какой же может быть грех, если хоть и старый человек мышлит о любимой, вздыхает о ней? Да ведь тут-то дело совсем иное было, тут вроде как родная дочь была, а он на блуд простирал алчные свои намерения» [2, с. 264]. Наказывает преступника и спасает честь новобрачной «божий зверь», «Господень волк», напавший на насильника и зарезавший его (на сюжет инцеста накладывается мотив растерзания оскорбителя невинности, характерный для лунарного мифа).

Рассмотренные мифологемы, восходящие к лунарному мифу и мифологическому сюжету инцеста, характеризуют отношения и природу мужского и женского персонажей, подчеркивают драматизм отношений полов, вводят их в тематический комплекс Эрос / Танатос (3).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А.К. Бунин. М., 2004.
2. Бунин И.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1988.
3. Грейвз Р. Мифы древней Греции. М., 1992.
4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995.
6. Мифы народов мира. М., 1994. Т. II.
7. Сливицкая О.В. Проза И.А. Бунина. 1914–1917 гг.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Харьков, 1970.
8. Тюпа В.И. Введение в сравнительную нарратологию. М., 2016.
9. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст Бунина цитируется по изданию: Бунин И.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1988. В данном издании текст «Темных аллей» приводится по прижизненному изданию 1946 года с учетом исправлений автора. В издание 1946 года, в котором сборник включал 38 новелл и заканчивался бесфабульной миниатюрой «Часовня», авто-

ром были внесены рукописные исправления и сделана приписка: «В конец этой книги (следуя хронологии) надо прибавить “Весной в Иудее” и “Ночлег”» (с. 608). Оба рассказа включают мотивы возмездия за оскорбление невинности.

2. В поэзии Бунина лунная богиня выступает в облике аккадской богини Иштар. В стихотворении «Истара» (1906–1907) поэт изображает ее воительницей с луком и стрелой в руке, приписывает ей функцию суда и мести «неправым», связывает ее появление с восходом луны, описывает ее весеннюю метаморфозу, когда из грозной мстительницы она превращается в *таинственную* и *сладостную* богиню любви. Стихотворение объясняет связь тем любви и смерти в художественном мире Бунина с космогонической мифологией и прежде всего с лунарным мифом. Все названные атрибуты Иштар сближают ее как с девственной лунной богиней античной мифологии Артемидой / Дианой / Селеной, так и с богиней любви Афродитой / Венерой.

3. Практически во всех новеллах «Темных аллей» разрабатывается сюжет инициации, если рассматривать его исходя из функций протагониста. И, как правило, инициация оказывается неудачной, герой не повышает, а понижает свой статус, терпит поражение либо становится преступником. Женщина же в ряде новелл находится под защитой сил природы, с которой она прочно связана («Баллада», «Ночлег»). Но любовные отношения становятся смертельным поединком и для женщины, и для мужчины. В пяти рассказах погибает мужчина («Кавказ», «Баллада», «Зойка и Валерия», «Часовня», «Ночлег») и в семи – героиня («Галя Ганская», «Генрих», «Натали», «Дубки», «Барышня Клара», «Железная шерсть», «Пароход “Саратов”»). Мужчина кончает жизнь самоубийством трижды («Кавказ», «Зойка и Валерия», «Часовня»). Женщина – в двух рассказах («Галя Ганская», «Железная шерсть»). Мужчина убивает женщину – в четырех новеллах («Генрих», «Дубки», «Барышня Клара», «Пароход “Саратов”»). Катастрофические развязки вводят тему любви в тематический комплекс Эрос / Танатос.

G.N. Ermolenko
The Antique Myth in the Structure of the Bunin's Collection of Short Stories *Dark Alleys*

Key words: *mythologeme; ironic game; lunar myth; the story of incest; thematic complex of Eros / Thanatos.*

The article describes the two roles that the motives of the antique myth play in the structure of Bunin's collection of short stories Dark Alleys. On the one hand, mythological fabulae (in the stories The Muse, Antigona, Revenge) are subjected to an ironic game, on the other hand, the archetypal mythologems of the lunar myth and storylines of incest (in the Zoya and Valerie, Natalie, The Ballad, The Crow) build the foundation of the structure of the entire short stories collection and contribute to the formation of its artistic, semantic and thematic complex of Eros / Thanatos.

Э.Л. Котова, В.В. Ильин
Смоленский государственный университет

УДК 821.161.1.09

Литературные «магистрали» и «боковые тропинки»: взгляд А.В. Македонова на историко-литературный процесс

Статья подготовлена в рамках проекта «Смоленская земля в литературных персоналиях: открытая справочно-библиографическая база (по материалам архива В.Е. Захарова)», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (№ 17-04-67002 а(р)).

Ключевые слова: *Македонов; историко-литературный процесс; традиции и новаторство; литературная школа.*

В статье рассматриваются взгляды А.В. Македонова на историко-литературный процесс, роль литературных школ, относительности прогресса и регресса в искусстве и пр. Отмечена близость в ряде случаев эстетической позиции исследователя к теоретическим воззрениям В. Белинского, русских формалистов, концепции эволюционно-космического христианства Т. де Шардена. Особое внимание уделяется вопросам анализа художественных явлений, относящихся к магистрали и периферии литературного движения советского периода.

Литературно-критические работы Адриана Владимировича Македонова разных лет дают возможность реконструировать его представления об историко-литературном процессе. Следуя примеру Виссариона Белинского, в чьих годовых обзорах 1840-х годов предложена концепция «реальной поэзии» как основного направления русской литературы середины XIX века, Македонов стремился понять закономерности развития отечественной литературы и определить перспективы развития современной поэзии.

В литературоведении советского периода сложилось несколько учений о литературном процессе. В рассуждениях Македонова можно увидеть совпадения одновременно со взглядами сторонников марксистско-ленинской эстетики и формалистов.

В 1920–1930-е годы Македонов рассматривал литературный процесс как смену исторических стилей, обусловленных в первую очередь социальными факторами. Художник в его понимании был выразителем сознания своего класса, обреченным вращаться в кругу образов, навязанных ему его классовой принадлежностью; этим он объяснял непримиримые противоречия в творчестве художника, жизнь которого пришлась на смену общественно-экономических формаций. «Пушкин, – писал Македонов, – не нашел подлинного выхода, выхода в революции <…>. Отсюда – непоследовательность его реализма, его трагические противоречия, его историческая ограниченность

<…> несмотря на свои классовые предрассудки и отсталость русской жизни, (Пушкин. – *Э. К., В. И.*) стал одним из важнейших этапов в подготовке социалистической культуры и литературы и создал подлинно бессмертные художественные образы» [4, с. 3]. Избавившись от вульгарно-социологических установок, в 1950–1990-е годы Македонов по-прежнему был уверен в том, что на развитие литературы большое влияние оказывают внешние факторы, в том числе общественно-политические.

Убежденный гегельянец, в логике литературного движения он видел взаимодействие двух неотделимых друг от друга диалектических принципов – развития и всеобщей связи. Диалектика литературного процесса, по мнению Македонова, заключается в том, что на каждом историческом этапе в творчестве писателей, помимо индивидуальных, есть общие черты, которые по-своему преломляются в произведениях. Именно они и составляют основу художественного метода – способа эстетического отражения реальной действительности, зависящего от авторского мировоззрения. Поэтому возникающие в творчестве писателей совпадения зачастую говорят не о литературном заимствовании, влиянии и т.п., а об одном направлении развития. Нельзя утверждать, настаивал, к примеру, исследователь, что Леонид Мартынов в чем-то приближается к Твардовскому или отклоняется от него, следует говорить о мере его приближения к «правде поэзии» и самой жизни, что важнее правды отдельного художника.

Разные художественные методы, считал Македонов, выражают разные ступени литературного процесса. В каждом из них есть «неблагоприятные черты», «слабости», «болезни», преодоление которых помогает развитию искусства.

В годы «оттепели» была популярна идея «взаимодополнения» писателей. Македонов выступал против толкования ее как простого сочетания разных творческих индивидуальностей. Их взаимоотношения, по мнению исследователя, носят более сложный характер. Одни авторы «движутся по магистрали», поскольку им удается отразить сущность происходящего в реальном мире (один из основных для Македонова-критика критерий оценки художественного текста); главным образом благодаря их новаторству искусство развивается. Другие тяготеют к периферии, идут второстепенными, «боковыми» тропами. От выбранного пути зависит не меньше, чем от силы писательского таланта. Поэтому Македонов, к примеру, считал справедливым вывод Белинского о том, что поэзия Кольцова – явление более значительное, нежели творчество Баратынского, несмотря на то, что последний, безусловно, более талантлив. Одаренный художник далеко не всегда выбирает «основную дорогу». Однако его творческие поиски чрезвычайно важны, они могут генерализироваться и уже на следующем историческом этапе литературного процесса дать ростки новому направлению.

Македонов настаивал: понятия «магистральных» и «боковых» линий литературного процесса имеют относительный характер, для общего

движения нужны и те, и другие. Ни один этап развития искусства нельзя отождествить с творческими принципами и достижениями отдельной личности, каждый вносит свою лепту в «общее дело». Поэтому, не создавая табели о рангах, не отсеивая «заблудших», критик должен интересоваться творчеством всех современных писателей; смотреть, как они приближаются или отдаляются от литературной «магистрали». Но при этом его задача – «вычислить» ключевые для данного периода произведения, в которых лучше всего проявились признаки «магистрального» направления. Это позволит наметить перспективы литературного развития.

Всю жизнь занимаясь изучением современной поэзии, Македонов обращал внимание не только на известных поэтов, но и на тех, кто только пробовал себя на литературном поприще. Независимо от эстетических пристрастий, исследователь всех называл «советскими» – и Мандельштама, и Пастернака, и Твардовского. Для человека, пережившего опыт политических преследований [1], было важно подчеркнуть: мы все участники единого литературного пространства, среди нас нет «чужих», пусть разными путями, но мы движемся к одной высокой цели, связанной с созданием лучших образцов искусства, а главное – к осуществлению мечты о всеобщем счастье. Будучи марксистом, Македонов был уверен в реальности ее воплощения.

***

Считая, что все художественные эксперименты теоретически могут сыграть положительную роль в развитии искусства, Македонов, тем не менее, полагал, что начиная с «пушкинского» периода «магистраль» русской литературы связана с принципами реализма, в первую очередь народности. Такое представление сближает его с Белинским, который в свое время отдал предпочтение «реальной поэзии», разрабатывал теорию народности литературы. Творческие поиски в иных эстетических областях Македонов воспринимал как обходные или тупиковые, непродуктивные, то есть ошибочные. К последним он относил традиции модернизма и авангарда.

С одной стороны, исследователь считал, что искусство подчиняется универсальным законам, и поэтому допускал аналогии между литературным процессом XIX и XX веков, проводил параллели между Лермонтовым, Кольцовым и Заболоцким, Твардовским, творчество которых, по его мнению, шло по «магистральной линии». С другой стороны, Македонов признавал относительность любых исторических сопоставлений, поскольку изменение социально-исторических условий влияло на характер литературных явлений.

В литературе XIX века, по мнению Македонова, реализм противостоял не только традициям романтизма, классицизма и пр., внутри него тоже шла борьба разных течений. В диссертации об эстетике Белинского (1937) он обосновал концепцию двух типов реализма XIX века, диалектически между собой связанных, – реализма революционно-демократического (тенденциоз-

ного) и «созерцательного», «примиряющего», реализма «совершившегося цикла». Принципиальная разница между ними была связана с принципом народности, и проявлялась она прежде всего через образы литературных героев. В начале 1960-х годов Македонов оставался верен своей концепции и пытался переиздать свои статьи 1930-х годов, в которых она была изложена.

В советской литературе преемником революционно-демократического реализма, по мнению Македонова, стал социалистический реализм, который представлял собой единство многообразия. «Сердцевину» поэтики соцреализма исследователь видел в «полноте народности», иначе говоря, в совпадении творческих намерений автора и коренных интересов народа, которые он связывал с построением коммунистического общества.

В 1980-е годы Македонов отказался от термина «соцреализм» и предложил концепцию «синтетического народного реализма», которую он вывел из наблюдений за творчеством Твардовского. Краеугольным камнем данного направления, по мнению исследователя, является сочетание принципов народности и художественного синтеза. Реализацию последнего он увидел в творчестве таких разных поэтов, как Мандельштам, Заболоцкий и Твардовский.

***

Особое место в теоретических взглядах Македонова на развитие литературного процесса занимает понятие «литературная школа». Исследователь широко трактует его, сближая с понятием художественно-литературного течения, что допускалось литературоведением (1). Трудность различения данных понятий связана с проблемой выделения тех уровней художественного содержания и формы, единство которых образует школу, течение или литературное направление.

Согласно представлениям Македонова, литературная школа может сыграть важную роль в развитии культуры целых стран и даже всего человечества при условии активизации в ней процессов новаторства и генерализации эстетических принципов, которым предстоит занять ведущее положение на следующем этапе развития литературы.

Такое значение он придавал «смоленской» поэтической школе, которая, по мнению исследователя, не была чем-то резко обособленным и представляла собой «одно из течений единой советской литературы» 1930–1940-х годов [2, с. 3]. Кроме нее, Македонов говорил о школе Николая Тихонова, условно именуя ее «ленинградской» на том основании, что она наибольшее влияние имела в поэтической среде Ленинграда 1930-х годов [3, с. 4].

«Смоленская» школа, полагал Македонов, оказалась максимально близкой к магистральному направлению советской литературы. Поэтому ее изучение было столь важным для него. На протяжении многих лет он тщательно анализировал поэзию своих земляков и только спустя двадцать лет некоторых из них объединил в «смоленскую» школу.

У «смоленской» школы не было своих литературных манифестов, отдельных периодических изданий, никаких особых внешних форм организации. Но известно, что при определении характера литературной школы, группировки, течения важно учитывать относительность любых теоретических заявлений писателей, поскольку, несмотря на их важную организационную роль, в результате проверки анализом они могут не подтвердиться. Между некоторыми представителями «смоленской» школы были сложные отношения, о чем Македонов хорошо знал. Но и этот фактор он не считал решающим в определении художественной общности писателей. Для него главным критерием выделения школы было типологическое сходство поэтики. В исследовании он выбрал индуктивный подход, который оказался оптимальным. Целостный анализ большого количества текстов смоленских авторов в историко-литературном контексте позволил Македонову увидеть глубинные творческие связи, общие эстетические принципы, незаметные на первый взгляд.

Индивидуальные особенности стилей поэтов «смоленской» школы Македонов воспринимал как проявление новаторства, связанного с системой «магистральных» принципов современной поэзии. Во многом это объясняется влиянием социокультурной атмосферы советского времени. Все представители школы были членами Союза советских писателей, считали себя приверженцами социалистического реализма, многие из них сознательно развивали традиции крестьянской поэзии. В то же время важным стимулом для процесса генерализации художественных принципов в творчестве смоленских авторов (происходившего как сознательно, так и бессознательно) стали, по мнению Македонова, поэтические достижения Твардовского и Исаковского, которые благодаря творческой интуиции одними из первых почувствовали перспективы развития отечественной поэзии. «Глупо мерить ценность поэтов тем, насколько они приближаются к Исаковскому или Твардовскому, – писал Македонов. – Но отрицание “абсолютной” роли чьего-либо новаторства не означает отрицания того, что это новаторство сыграло особую важную, хотя и относительную роль в переходе всей советской поэзии на новый этап» [2, с. 3]. Не случайно, рассуждая над названием школы-течения, Македонов допускал определение ее как «школы Твардовского и Исаковского».

Согласно Македонову, «смоленская» поэтическая школа представляет собой открытую систему, которая возникает и развивается по общему для всех литературных явлений сценарию. В ней выделяются центр (Твардовский, Исаковский) и периферия; они не имеют между собой четких границ. Теоретически писатели, которые являются наиболее яркими представителями школы-течения, со временем могут утратить свою роль, отойти на периферию либо «выбыть» из литературного сообщества, если в их творчестве произойдет ослабление или исчезновение системообразующих для школы-течения принципов поэтики. Так, у истоков школы, по мнению

Македонова, стоял Исаковский, но в силу объективных обстоятельств наиболее ярким ее представителем стал Твардовский, считавший себя учеником Исаковского. Поэты периферии могут приближаться, входить в центр или отдаляться от него, что определяется диалектикой их творческого пути. Со временем школа, выполнив свое новаторское и «аккумулирующее» предназначение, растворилась в советской поэзии, подведя ее к новому этапу развития.

Македонов неоднократно подчеркивал условность «географического» названия «смоленской» поэтической школы-течения, признал его неудачность, поскольку благодаря эпитету «смоленская» описываемый им литературный факт вызывал и продолжает вызывать ассоциации с «узким», провинциальным явлением литературы, даже несмотря на то, что к представителям школы исследователь отнес поэтов, никогда не бывавших на Смоленской земле (А. Яшина, С. Смирнова, А. Недогонова и др.). Желая избавиться от подобных упреков, Македонов соглашался, что школу лучше было бы назвать как-то иначе, тем более что в литературной критике 1930-х годов о ней писали как о «некрасовском» направлении в литературе. Македонов счел нужным отказаться от названия школы по имени какого-либо поэта, поскольку в таком случае масштабы явления были бы значительно снижены, возникли бы еще более опасные ассоциации, связанные с процессом обучения художественному мастерству.

В истории искусства известны школы-течения, которые имели свои географические центры, что не помешало им сыграть значительную роль в развитии культуры своих стран, мирового искусства (в итальянской живописи, например, выделяют «болонскую», «венецианскую» школы). «Значит ли это, что историк живописи, относящий Карраччи к болонской школе, – задает риторический вопрос Македонов, – а Джорджоне и Тициана – к венецианской, толкает нас к убогому областничеству и отрицает “всеитальянское” и всемирное значение этих художников?» [2].

Встречаются и случаи более произвольных наименований литературных сообществ. В английской литературе «озерная школа» получила свое название, потому что одно время ее представители (Вордсворт, Саути, Кольридж) жили в озерном районе Англии и в их творчестве заметное место занимают мотивы природы родного края. Французские «парнасцы» Леконт де Лиль, Эредиа, Катюль Мендэс, Диркс обрели свое имя благодаря стихотворному сборнику «Современный Парнас» (1866). Даже случайные названия пародийного характера иногда остаются в истории искусства (например, «декадентство»).

Гипотеза «смоленской» поэтической школы, выстроенная на основе целостного анализа авторских текстов, имеет важное теоретическое значение, поскольку научная типология художественно-литературных школ, течений, направлений, опирающаяся на историко-литературный материал, в свою очередь, открывает новые просторы для изучения истории литературы, творче-

ства конкретных авторов, их «взаимодействия». Исследование эволюции коллективных движений, какими и являются литературные школы-течения, дает наиболее полную картину своеобразия литературного процесса эпохи.

***

Представление Македонова о постоянном развитии литературы по «магистральной» и «боковой» линиям перекликается с теоретическими рассуждениями Ю.Н. Тынянова о литературном процессе как смене главенствующих течений, старшей и младшей линий. В статье «Литературный факт» (1924) Тынянов выступал против статического подхода к изучению художественного явления, подмены вопроса об эволюции и смене литературных событий разговорами о психологическом генезисе каждого явления, что, по сути, приводило к изучению вместо литературы «личности творца» [6]. Диалектический подход объединяет многие выводы исследователей. Македонов, как и Тынянов, воспринимал литературу как непрерывно эволюционирующий ряд и настаивал на изучении литературного явления в исторической проекции, допуская статический подход лишь на определенном этапе анализа. Он также говорил о возможности перемещения каких-либо тенденций внутри литературного пространства: «То, что было боковым, или второстепенным, или обходным для данного этапа общего пути, то может завтра стать началом новой магистрали, и наоборот, разные направления пересекаются или переплетаются, – и вот все это сложное переплетение и должен уметь увидеть критик и разобраться в нем» [2]. Общим является и отношение ученых к литературному явлению как целостной беспрестанно развивающейся системе.

Однако Македонов лишь отчасти соглашался с Тыняновым, утверждавшим, что «каждая динамическая система автоматизируется обязательно, и диалектически обрисовывается противоположный конструктивный принцип» [6]. Македонов полагал, что в самом развивающемся явлении искусства (произведении, принципе, приеме и т.п.) может происходить существенная трансформация, благодаря которой он «не снимается» чем-то противоположным, а остается по-прежнему продуктивным. На этом основаны его представления об относительности прогресса и регресса в искусстве, что отличает его теоретические взгляды от точки зрения официозных филологов советского времени. Шедевры художественного творчества в отличие от достижений науки никогда не «снимаются» следующими знаковыми произведениями, считал Македонов, а продолжают жить рядом с ними, не только допуская, но и предполагая бесконечные интерпретации.

Для определения прогрессивного и регрессивного в искусстве необходимо найти объективные исторические критерии художественности, позволяющие правильно оценить многообразие отдельных этапов, направлений, творческих индивидуальностей. Главным из таких критериев анализа для Македонова был принцип народности – критерий исторический и «нормативный» одновременно, связанный с выбором «основной магистра-

ли» новаторства, процесс которого не сводится к разнообразию индивидуальностей. Такая позиция не вполне согласуется с тезисом Тынянова об исторической обусловленности любого литературного факта («свойства *Литературы*, кажущиеся *Основными* (выделено автором. – *Э. К., В. И.*), первичными, бесконечно меняются» [6]), из которого следует, что найти объективный для разных исторических периодов критерий художественной оценки невозможно. Македонов же к оценке произведений не только современных, но и прошлых веков, написанных не только в реалистическом стиле, но и в авангардном, модернистском или романтическом, подходил с позиций народности литературы. Он признавал высокий уровень мастерства, талант, гениальность писателей разных литературных направлений, но оценивал их вклад в развитие литературы, а значит и общества, исходя из принципа народности, который в метафизическом смысле связывал со стремлением к всеобщему благу. В силу своих философских, общественно-политических и литературных взглядов, той социокультурной обстановки, в которой жил, Македонов, несмотря на диалектический подход к материалу исследования, не признавал возможности автоматизации принципа народности, замены его в перспективе на противоположный доминирующий принцип, связанный, например, с тенденцией обособления лирического «я» от окружающего мира. Вместо этого исследователь говорил о трансформации эстетических принципов реализма в искусстве XX века («полнота народности», «новая конкретность» и пр.).

Несмотря на то, что диалектический подход признает ненаправленное бесконечное саморазвитие субстанции, в представлении Македонова искусство, будучи отражением объективной реальности, имеет определенную стратегию развития.

В основе такой позиции лежат марксистские убеждения Македонова и принятая им концепция эволюционно-космического христианства Тейяра де Шардена, согласно которой мир развивается от низшего к высшему, от простого к сложному и в результате эволюции образуется «мыслящий, коллективный и постоянный организм», «мыслящий пласт земли» – ноосфера. В лице человека мир устремляется к высшему синтезу – слиянию всего в духовном центре универсума, «точке Омега», Боге. Вселенная представляет собой Божественную среду – дифференцированное единство, в котором объединение происходит без потери индивидуальности, все связано и все обуславливает друг друга.

В контексте концепции Тейяра де Шардена становится ясно, почему для Македонова литературный процесс был единством многообразия и почему он рассматривал его как поступательное развитие главной линии, связанной с принципом народности. Именно этим позиция исследователя кардинально отличается от теории формалистов, которые видели в литературных изменениях «не планомерную эволюцию, а скачок, не развитие, а смещение» [6].

Механизм литературной эволюции Македонов связывал не только с принципом «борьбы и смены», но и с принципом преемственности, когда творческие достижения одних писателей становятся в дальнейшем общим достоянием литературы. В первой половине XIX века так произошло с эстетическими принципами Пушкина, Лермонтова, Кольцова, а в 30-е годы XX века новаторство «смоленской» поэтической школы дало стимул к развитию всей советской поэзии. Но Македонов был далек от схематичного представления о смене литературных поколений. «В высшей степени неправильно, – писал он, – выстраивать классиков в некоторую шеренгу однолинейной преемственности: Пушкин – Лермонтов, Лермонтов – Некрасов, а те, кто не вошел в шеренгу, те все произошли от лукавого и в “магистраль” не допущены» [5, с. 169].

В то же время представления Македонова о том, что новаторство в искусстве определяется не только совершенством идеи, но и поисками новых, оптимальных средств ее выражения, перекликаются с точкой зрения формалистов, усматривающих в литературном новаторстве прежде всего изменения конструктивного принципа формы.

С теорией Тынянова о литературной эволюции как процессе автоматизации и деавтоматизации конструктивных принципов согласуется и гипотеза Македонова о роли принципа диссимметрии в художественном тексте. Именно он, по мнению исследователя, лежит в основе художественного новаторства. Условием появления принципиально нового явления в искусстве является нарушение симметрично-асимметричной системы в результате действия мощной причины и возникновения однонаправленного движения.

***

Таким образом, литература, как любой «живой организм», как часть ноосферы, совершенствуется параллельно с развитием реальной действительности, отражением которой и является, считает Македонов. Поэтому настоящий художник, улавливая малейшие изменения в жизни, творчески преломляет их в своих произведениях и пытается заглянуть за горизонт, предсказать возможные перспективы развития человеческого общества, мира и пр. По сути, то же самое делает и литературный критик, литературовед, с той лишь разницей, что, кроме изучения живой материи объективной реальности, предметом его внимания становится и «вторая реальность» – не менее «текучая», подвижная субстанция. И писатель, и исследователь литературы должны осознавать, полагает Македонов, что в бытии есть непреходящие ценности, которые должны служить главным ориентиром на дороге в будущее. Всеобщее братство. Свобода. Гуманизм.

Внутренние противоречия в литературе советского периода «снимаются» осознанием движения к общей высокой цели – достижения всеобщего блага. Абсолютно ценных, единственно правильных путей к ней нет, поэтому Македонов поддерживал разные творческие эксперименты

писателей, если они были мотивированы поиском истины. Приближаясь к правде жизни, художник тем самым вносит свой вклад в развитие искусства и общества. Писатели – по-разному и с разным эффектом – приближаются к более полному и прямому воспроизведению существенных сторон реальной действительности. Никого из них Македонов не оставлял «за бортом», признавая право каждого на выбор своего пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котова Э.Л. «Я имею одно печальное преимущество…»: Перипетии судьбы А.В. Македонова (1909–1994) // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 1(9). С. 40–58.

2. Македонов А.В. О многообразии и единстве советской поэзии // Литература и жизнь. 1961. № 38 (29 марта). С. 3.

3. Македонов А.В. О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях // Македонов А.В. Очерки советской поэзии. Смоленск: Книжное издательство, 1960. С. 3–33.

4. Македонов А.В. Родоначальник новой русской литературы // Рабочий путь. 1937. 10 февраля (№ 33). С. 2–3.

5. Македонов А.В. Современность и поэзия // Нева. 1962. № 2. С. 166–173.

6. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–270 URL: http://www.testsoch.info/tynyanov-literaturnyj-fakt.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В «Краткой литературной энциклопедии» говорится о том, что в использовании терминов «литературная школа» и «художественно-литературное течение» нет принципиальных различий: «нередко “течение” отождествляют с литературной школой и группировкой». URL: http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp (дата обращения: 20.06.2015).

E.L. Kotova, V.V. Ilyin
Literary «Highways» and «Side Tracks»: A.V. Macedonov's View of Historical and Literary Process

Key words: *Macedonov*; *historical and literary process; tradition and innovation; literary school.*

The article considers A.V. Macedonov's view of the problems of the development of historical and literary process, the role of literary schools, the relativity of progress and regress in Art, etc. In a number of cases, we observe similarity of the aesthetic position of the critic to the theoretical views of V. Belinsky, the Russian formalists, the concept of evolutionary and cosmic Christianity of T. de Chardin. Particular attention is paid to the analysis of artistic phenomena related to the highway and the periphery of literary progress of the Soviet period.

В.В. Ильин, О.А. Новикова
Смоленский государственный университет

УДК 821.161

Достоевский в творческом сознании А. Твардовского

Ключевые слова: *А. Твардовский; Ф. Достоевский; компаративистика; литературные связи; литературные влияния; интертекстуальность; психология творчества.*

В статье поднимается вопрос о влиянии Ф. Достоевского на литературное творчество А. Твардовского. Опираясь на оценку произведений Достоевского, данную Твардовским, авторы обозначают типологические аналогии в биографии писателей. Выявлены также интертекстуальные элементы, свидетельствующие о творческом освоении Твардовским наследия классика XIX века.

Заместитель главного редактора журнала «Новый мир» В.Я. Лакшин в одной из работ вспоминает об эпизоде, ярко характеризующем А.Т. Твардовского. В беседе с тогда еще начинающим писателем Вилем Липатовым он произнес: «И еще, простите уж, – у вас нет родословной. Я не знаю, кто ваши отцы, или они бродят неподалеку, совсем рядом. Смотрите, в “Одном дне Ивана Денисовича” – там и протопоп Аввакум, и Достоевский или Чехов (не как простое подражание, конечно) – а у вас никого не видно, не думайте, что это хорошо...» [13, с. 152]. «“Бери, но преумножай” – постоянное кредо поэта относительно использования литературных традиций» [10, с. 15].

Разрабатывая последовательно тему «Твардовский и русская классика», мы поднимали ранее вопросы «Твардовский и А. Пушкин», «Твардовский и М. Лермонтов», а также Н. Некрасов, Ф. Тютчев, П. Вяземский, Л. Толстой, А. Чехов, С. Надсон, С. Дрожжин. Проблема «Твардовский и Достоевский» также была обозначена: «Твардовский шел по пути Ф.М. Достоевского, который сравнивал процесс художественного творчества с “таинственной лабораторией груди человеческой”» [10, с. 51].

Интересующей нас проблеме посвящена статья Н. Тихомировой «Ф.М. Достоевский и А.Т. Твардовский. Духовные соприкосновения». Автор, акцентирующий религиозный аспект темы, обращает внимание на такие «точки соприкосновения» писателей: белорусские и дворянские корни (рядом с селом Достоево Брестской области находится деревня Твердовка, на кладбище которой немало памятников с фамилией «Твердовский» [27, с. 135] – так писалась первоначально фамилия поэта); сходные взгляды на реализм; характерные для обоих ситуации литературной жизни. Цитируются и комментируются имеющиеся высказывания поэта о Достоевском:

«… я лично очень люблю Т. Манна, как и Достоевского» [27, с. 131]; «… в кино не пошел, – предпочел “Карамазовых”» [24, с. 243]; «Прочел т[ом] 9-й Достоевского, части I–III “Братьев Карамазовых”. В который раз делаю заключения, что с годами нужно читать все меньше счетом книг и, гл[авным] образом, перечитывать» [24, с. 245]. (Дочь поэта свидетельствует о том, что «А.Т. читал Достоевского по Полн. собр. соч. (СПб., 1904–1906), имевшемуся в его библиотеке» [24, с. 549]).

Цель нашей работы – проследить эволюцию рецепции Достоевского в творчестве Твардовского, показав творческое освоение поэтом наследия классика. Материалом для наблюдений послужили поэзия и художественная проза Твардовского, его «Рабочие тетради», письма и мемуарная литература о поэте.

В «Автобиографии» (1951) Твардовский писал: «Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое мое знакомство с “Полтавой” и “Дубровским” Пушкина, “Тарасом Бульбой” Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А.К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов: “Бородино”, “Князя Курбского”, чуть ли не всего ершовского “Конька-Горбунка”. Кроме того, он любил и умел петь, – смолоду даже отличался в церковном хоре. Обнаружив, что слова общеизвестной “Коробушки” только малая часть “Коробейников” Некрасова, он певал при случае целиком всю эту поэму» [22, т. 1, с. 20]. Как видим, среди имен, перечисляемых Твардовским, нет имени Достоевского. Возможно, Твардовский сознательно не упоминает великого предшественника, так как в 1930–1940-е годы его творчество было запрещено изучать и пропагандировать; лишь после смерти Сталина «началось возвращение нашей культуры к Достоевскому» [28, с. 5].

Однако другие источники содержат указания на то, что Достоевский вошел в сознание Твардовского уже в самом раннем детстве. И.Т. Твардовский, брат поэта, пишет: «… имена Тургенева, Толстого, Достоевского, Гончарова, Горького, Мамина-Сибиряка, Короленко слышали мы с дошкольного возраста» [25, с. 16]. В дневниковой прозе – «Рабочих тетрадях» – приведены строки, написанные в 1958 году для нового варианта автобиографии, которые так и остались неопубликованными. В записи от 23.XI.58 Твардовский признается в своем «фантастически беспорядочном» чтении в отроческие годы: «… в 11–12 лет я читал “Братьев Карамазовых”, а “Трех мушкетеров”, о которых знал из литературы же, прочел уже где-то около сорока лет и т.п.» [18, с. 373]. Данная цитата является частью фрагмента, в котором повествуется о том, что в 10–11 лет Твардовский отличался «исключительной религиозностью», однажды он объявил

родителям, что собирается «посвятить себя богу, т.е. пойти в попы или монахи». Спустя десятилетия тот свой «религиозный пыл» объяснял чтением «изданий вроде “Почаевского листка”» [18, с. 373] – духовной газеты, которую выпускала Почаевская Успенская лавра. По-видимому, не случайно в одном абзаце «соседствуют» духовное издание и итоговый роман Достоевского. Нам представляется, что «речь у камня», произнесенная Алешей Карамазовым и обращенная к мальчикам, нашла глубокий отклик и в сердце юного Твардовского в пору первого чтения книги. Вся последующая жизнь поэта служит тому подтверждением. Разве не были исполнены им заветы героя Достоевского: быть добрыми и честными, великодушными и смелыми, «стыдливыми, но умненькими и милыми» [5, с. 293]? И разве не реализует Твардовский спустя годы в своем творчестве и на посту главного редактора журнала «Новый мир» призыв: «Милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!» [5, с. 293]. Да и «пострадать за всех людей» – это слова Коли Красоткина, которые приводит Алеша в своей речи, – Твардовскому пришлось в определенной степени: он, «богатырь», принес себя в жертву, защищая А. Солженицына, а в его лице и всех, ставших «лагерной пылью».

В итоговой поэме «По праву памяти» автор-повествователь будто бы повторяет заветы, усвоенные с детства: «Не лгать. / Не трусить. / Верным быть народу. / Любить родную землю-мать, / Чтоб за нее в огонь и в воду. / А если – / То и жизнь отдать» [20, с. 433]. Образ «родной земли-матери» является одним из ключевых у Твардовского. Восходящий к народно-поэтическому творчеству, характерный для русского национального самосознания концепт «мать-сыра земля» особенно значим и для почвенника Достоевского: «Идея поклонения земле – одна из самых заветных у Достоевского; земля для него – это высшая реальность и одновременно тот мир, где протекает земная жизнь духа, достигшего состояния истинной свободы...» [29, с. 93]. В романе Дмитрий Карамазов восклицает: «Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по *матери родной земле* (выделено нами. – *В. И., О. Н.*) затоскует…» [5, с. 281].

На «душу ребячью» Твардовского пало и принесло «много плода» еще одно благодатное «зерно» из слова-обращения Алеши Карамазова: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» [5, с. 292]. Пожалуй,

трудно найти другого автора, чье творчество так же, как творчество Твардовского, было бы пронизано «лирикой родных мест» и теми самыми «святыми воспоминаниями, сохраненными с детства»:

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу – света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен стороны родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом новых дней, –
Старинных зим с певучим стоном
Далеких – за лесом – саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.
Всего – и скудости унылой
В потемках отчего угла...

[22, т. 3, с. 253–254]

«Воспоминания детства, родной природы, времен года, мечты о “главной книге”» Твардовский называл «золотым фондом души» [18, с. 154]. С его именем прочно связано и концептуальное понятие «малая Родина».

Самостоятельной темой исследования в свете рецепции Достоевского может стать тема «Детские образы в творчестве Твардовского». Выскажем лишь некоторые соображения. «Дети у Достоевского – не совсем дети, они выглядят взрослыми, поражают эксцентричностью своих поступков, разговорами не по летам» [12, с. 50–51], – замечает В. Кулешов. Вслед за Достоевским Твардовский рисует образы «взрослых детей» – в большинстве своем они не по годам рассудительные, рано повзрослевшие, тонко чувствующие состояние взрослых. Так, в записи «В самой Германии» книги о Великой Отечественной войне «Родина и чужбина» дана портретная зарисовка девочки Анютки – «лет десяти-одиннадцати», «с усталым и по-взрослому сердитым» лицом, в «рваных больших ботинках на ногах». По замечанию автора, она слушала рассказ авиатехника о Таш-

кенте с «детской завороженностью, не теряя все же выражения усталости и сердитости» [22, т. 4, с. 352]. Герой известного стихотворения «В пилотке мальчик босоногий…» (1943) также мало походит на ребенка («И, как большой, с ладони крошки / С великой бережностью – в рот», «Глядит, задумался мужчина...»), на заданный вопрос встречного человека о сиротстве с досадой отвечает: «– Ну, сирота. – И тотчас: – Дядя, / Ты лучше дал бы докурить» [22, т. 2, с. 122].

«Христовое открытие ребенка во взрослом человеке», выявление в нем "Детского Начала"» [11, с. 181] – неотъемлемая черта художественного мира Достоевского. Примеры такой «детскости» можем обнаружить и у Твардовского в портретных очерках означенной книги «Родина и чужбина». Героиня очерка «Надя Кутаева» санинструктор предстает хрупкой, «остриженной» девушкой. Сходство с ребенком, незащищенность не раз акцентируются в ее портрете: «девчонка в подростковой шинели», «худышка, бледненькая» [22, т. 4, с. 234]. В рассказе «Костя», примыкающем к книге, «молоденькая, маленькая девушка», за храбрость прозванная мужским именем, является бойцом партизанского отряда. Однако и в ней автор сумел разглядеть «детскую старательность», «беззащитную улыбку» – черты, характерные для Кости в прошлой, довоенной жизни, когда она была «девчонкой» из Тулы, «дочкой своей мамы» [22, т. 4, с. 387]. Именно эти черты в облике героини особенно дороги рассказчику и поэтому тщательно фиксируются им.

Описывая небо над линией фронта, Твардовский использует непривычное сравнение – «Край неба нежной, детской голубизны» [22, т. 4, с. 263]. Голубой цвет – один из значимых в русской иконописи, прочно связанный с Пресвятой Богородицей, символизирующей небесную чистоту и непорочность. Алеше Карамазову Достоевского мальчики видятся «голубчиками», потому что все они «очень похожи на них, на этих хорошеньких сизых птичек» [5, с. 292]. По замечанию О. Сыромятникова, герой данным «сравнением с голубями указывает на ангельскую чистоту детей» [16, с. 127]. После похорон Илюши Снегирева мальчик Смуров бросает камень в «стаю воробушков» – именно так проявляя свои глубокие переживания. Слово *птица* является одним из ключевых в романе, «при этимологическом срезе обнаруживает связи со словами "дитя", "детеныш", что вполне вписалось в символический подтекст романа» [3, с. 22]. (В свете сказанного по-новому видится известный факт о том, что первые рифмованные строчки, сложенные Твардовским, были вызваны к жизни гуманным порывом, направлены в защиту птиц: «Зачем вы птиц пугаете / И гнезда разоряете? / Вот расскажу учителю, / Он вам задаст, / Мучители» [4]).

И Достоевскому, и Твардовскому пришлось испытать страшное отцовское горе – смерть маленького сына. Личная мука Достоевского ощущается при описании скорбящего штабс-капитана Снегирева, видящего

мертвого ребенка: «В голубом, убранном белым рюшем гробе лежал, сложив ручки и закрыв глазки, Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились <…> Выражение лица было серьезное и как бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные накрест, точно вырезанные из мрамора. В руки ему вложили цветов, да и весь гроб был уже убран снаружи и снутри цветами…» [5, с. 286]. Твардовский оставил проникновенную запись о похоронах сына Саши – одного из своих «птенцов» [17, с. 82] – в дневнике: «Гробик нашелся готовый, только мы попросили его оклеить белым. <…> Самое трудное и мучительное было у мертвецкой, когда женщина, обряжавшая Сашеньку (“У меня свои дети”), вынесла его в *гробике, в синенькой рубашечке* (выделено автором. – *В. И., О. Н.*), бледненького и серьезного, со сложенными на груди ручонками. Губки запеклись и потрескались, ноготки на ручонках посинели… А Вера и Маня, еле держась на ногах от слез, стали его убирать цветочками, <…> он лежит, бедный, обиженный, покинутый мальчик с цветком в ручках (он очень любил цветочки – особенно любил обдувать одуванчики), и закрыли. <…> Могилка вышла очень похожей на детский глиняный пирожок. Маня и Вера убрали ее оставшимися цветочками, аккуратно уложив их» [17, с. 101]. После утраты маленького сына с «синими-синими глазами» [17, с. 98] ясное небо, по-видимому, навсегда связалось с ним в сознании Твардовского, как это произошло ранее с обликом матери:

И первый шум листвы еще неполной,
И след зеленый по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо –
Мне всякий раз тебя напоминают.
[22, т. 1, с. 149]

Как известно, Достоевский является создателем особой жанровой формы – полифонического романа, который, по описанию М. Бахтина, представляет *«множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинную полифонию полноценных голосов»* [2, с. 7] (курсив М. Бахтина. – *В. И., О. Н.*). Полифонический прием Твардовский мастерски применил в поэме «Страна Муравия». Во второй главе странствующий герой Никита Моргунок попадает на свадьбу, на которой «Гости ели, пили, пели, / Говорили, кто что мог...» [22, т. 1, с. 232]. А далее читатель становится свидетелем полилога, в котором можно насчитать не менее девятнадцати «партий» – самостоятельных голосов (в том числе мелодических в прямом смысле слова), в тексте реплики обозначены характерным знаком тире и начинаются с новой строки:

– Что за помин?
– Помин общий.
– Кто гуляет?
– Кулаки!

Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.
– Их не били, не вязали,
Не пытали пытками,
Их везли, везли возами
С детьми и пожитками.
А кто сам не шел из хаты,
Кто кидался в обмороки,
Милицейские ребята
Выводили под руки...
[22, т. 1, с. 233]

На фоне разных голосов, в которых слышны призывы есть и веселиться («– Подноси, вытаскивай. / Угощенье ставь!» [22, т. 1, с. 235]), жалобы о непосильных налогах («– А кто платил, / Когда я не платил? / За каждый стог, / Что в поле метал, / За каждый рог, / Что в хлеву держал…» [22, т. 1, с. 234]), «вразумляющие» речи («– Будет нам пить, / Будет дурить. / Пора бы нам одуматься, / Пойти домой, задуматься: / Что завтра пропить?» [22, т. 1, с. 233]) и горькие слова хозяина усадьбы («– Тут и свадьба, и поминки / Все на свете, дорогой» [22, т. 1, с. 232]), выделяются стилизованные песни разных жанров. Вот плясовая:

– Трулля-трулля-трулля-ши!..
Пропил батька *лемеши*.
А сынок Топорок,
А дочушка Гребенек,
А матушка,
Того роду,
Пропила Сковороду.
Па-алезла под печь:
«Сынок, блинов нечем печь...»
[22, т. 1, с. 234–235];

лирическая (протяжная):

– Отчего ты, божья птичка,
Хлебных зерен не клюешь?
Отчего ты, невеличка,
Звонких песен не поешь?
Отвечает эта птичка:
– Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...
[22, т. 1, с. 233];

духовный стих:

– Иисус Христос
Чудеса творил...
…
– Иисус Христос
По воде ходил...
[22, т. 1, с. 233]

Звучит здесь и байка о солдате:

– Сорок лет тому назад
Жил да был один солдат.
Тут как раз холера шла,
В день скатала пол-села.
Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.
Пил да ел, как богатырь,
И по всем читал псалтырь,
Водку в миску наливал,
Делал *тюрьку* и хлебал,
Все погибли, а солдат
Тем и спасся, говорят.
[22, т. 1, с. 234]

Наряду с полифонизмом Твардовский использует в поэме и прием карнавализации. Л. Аннинский полагает, что «традиция карнавального "низа", вытащенного "наверх", могла быть учуяна Твардовским и без помощи теоретиков, хотя в ИФЛИ, куда он поступил, их хватало» [1, с. 152]. (Отметим неточность, которая вкралась в это суждение: поэт перевелся в ИФЛИ в 1936 году, уже будучи автором «Страны Муравии»). Вопрос о возможных истоках карнавальной эстетики у Твардовского требует более тщательного исследования: на наш взгляд, вряд ли следует отдавать предпочтение ифлийцам, более вероятно влияние стихии народного творчества, а также опыта классиков – А. Пушкина и Н. Гоголя. Элементы карнавального в означенной поэме были определены и охарактеризованы в работе Т. Рябовой. Это образы брачного пира («свадьба-поминки» Бугрова в начале поэмы и колхозная свадьба в конце), неожиданные совпадения, взлеты и падения, переворачивающие привычные представления о мире (цыганский колхоз, поп-вор); развенчание карнавального короля на карнавальной площади (разоблачение Моргунком Бугрова на базаре) и др. [14, с. 12].

Молодые годы Твардовского – это годы напряженной духовной работы. Поэт, как Иван Карамазов, пытался дать ответ на «предвечные вопросы», «мысль разрешить». Так, в тетрадях «муравского периода» он записывает: «Смерть никогда не будет желанной. И она – из тех вопросов, которые я должен разрешить для себя сам, несмотря на то, что их уже разрешали лучшие из людей» [21, с. 328]. В том же 1934 году в рабочей тетради появляется и такая запись: «Есть во мне сознание, слабоватое лишь в силу малого исторического образования, что мы обо всем будем писать, о чем уже писали и древние и вообще все до нас. Все перепишем сначала. Могут быть даже, пожалуй, при высоком уровне поэтического сознания, взяты известные образы и сюжеты (Прометей и т.п.)» [21, с. 330].

С учетом сказанного нам представляется возможным и обращение поэта к наследию Достоевского. Полагаем, что в стихотворении 1929 года «Красивый почерк» («Гибель канцеляриста») поэт мог использовать сюжет и образ

героя повести «Слабое сердце» Достоевского. Ее главный персонаж Вася Шумков служит в канцелярии под руководством своего благодетеля Юлиана Мастаковича, ценящего подчиненного за талант («не найдешь такого почерка»). Получив сложное задание, Вася старается выполнить его в срок, поэтому и ночью не отходит от письменного стола. Заканчивается произведение безумием героя: сидя за столом, «Вася водит по бумаге сухим пером, перевертывает совсем белые страницы и спешит, спешит наполнить бумагу» [9, с. 82]... Увидев, что стало с его помощником, Юлиан Мастакович восклицает: «Боже, как жаль! … И дело-то, порученное ему, было неважное и вовсе не спешное. Так-таки, не из-за чего, погиб человек!» [9, с. 85]. Прочитав стихотворение Твардовского, читатель придет к аналогичному выводу, ибо канцелярист – старший писарь, обладающий красивым почерком («Он рассыпал узорный бисер»), «помещичий бывалый гость», три года в «сельсовете дрожал за секретарский пост», «Строчил, / Дыханьем вея пар, – / Отчеты, / Акты, / Протоколы / И самый срочный циркуляр». Но после того, как «мелко согрешил в Совете», «был уволен в тот же день» [19, с. 117]. Потрясенный герой, чувствуя одиночество, «в последний час» так же усердно – «С обычным трепетным стараньем» в своей «каморке» (!) составляет предсмертную записку, которой и заканчивается стихотворение: «…Падет сегодня жизнь моя. / Об этом через час услышат. / И акт, / Хотя не так, как я, / Но все же как-нибудь напишут» [19, с. 118].

Исследователи, писавшие о произведениях раннего Твардовского с ведущим мотивом «бюрократического обезличивания человека» («Телеграфист», «Доклад», «Юбилей», «Новый работник»), особо выделяют стихотворение «Красивый почерк». От других названных текстов его отличает психологизм: «Сквозь авторскую насмешку и иронию проступает осознание глубокой жизненной драмы героев» [14, с. 8]. Не исключено, что именно наличие «достоевского» подтекста углубляет содержание произведения.

Т. Снигирева отметила тот факт, что Твардовский «… при всем богатстве литературной эрудиции … сравнительно редко допускал в свой художественный мир открытую цитацию “чужих слов”. Удельный вес реминисценций, цитаций, аллюзий в художественной системе Твардовского невелик» [15, с. 165]. Тем ценнее для нас найденные у Твардовского аллюзии и реминисценции из текстов Достоевского. Обнаружены они преимущественно в творчестве военных лет. В главе «Память первого дня», открывающей книгу «Родина и чужбина», автор вспоминает о деревне Грязи Звенигородского района, в которой его и застала весть о начавшейся войне. Место, выбранное для дачи, «очень нравилось»: «Направо, над зеленью лужайки в огороде, – небольшая редковатая полевая елочка, какая могла быть и в моем Загорье, на Смоленщине. И помню, эта елочка как-то сразу расположила и, так сказать, приободрила меня к новому месту» [22, т. 4, с. 226]. В романе «Идиот» князь Мышкин, рассказывая о своем приезде в Швейцарию, первым делом вспоминает об осле и признается: «Осел ужасно поразил меня и необыкновенно почему-то мне понравился <…>,

чрез этого осла мне вдруг вся Швейцария стала нравиться» [6, с. 59]. Возможно, не случайно у Твардовского возникла перекличка с текстом Достоевского, ассоциативно крепко связанным с периодом загорьевского чтения, к тому же Звенигородский район часто именуют русской Швейцарией.

Следующий случай включения слова Достоевского в текст Твардовского выявлен в его письме от 8 июля 1942 года, адресованном жене. Твардовский признается, что замыслил возвращение «Теркина» в поезде редакции «Красноармейки», будучи «в тяжелом настроении всех этих месяцев», «лежа на нижней полке писательского купе» [23, с. 111]. В известном письме, датированном 9 октября 1859 года, Достоевский писал брату из Твери о рождении замысла романа «Преступление и наказание»: «Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...» [7, с. 351].

Призыв Раскольникова, обращенный к Соне Мармеладовой («…упокой господь мертвых, а живым еще жить!» [8, с. 226]), вспоминается при чтении первой строки стихотворения из поэтического триптиха «Их памяти» Твардовского: «Живым – живое в этой жизни краткой…» [22, т. 3, с. 48]. А последующие слова о товарищах, «не вернувшихся с войны» и оставшихся в «памяти», которую выражает «каждый камень нашей мирной кладки», «каждый колос, что растет для нас» [22, т. 3, с. 48], вновь напомнят о заветах Алеши Карамазова в речи у камня, пронизанной мотивом «вечной памяти мертвому мальчику» [5, с. 294]. В свете евангельского эпиграфа к роману «Братья Карамазовы» становится понятной солидаризация писателей в мысли о том, что, жертвуя собой во имя других, человек обретает духовное бессмертие, прорастая «зерном» в памяти потомков.

Отмеченное обращение к слову классика могло быть и бессознательным, однако само наличие вышеприведенных аллюзий свидетельствует о постоянном присутствии в сознании Твардовского художественного мира и «слова» Достоевского. (Заметим, что в трагическую военную пору Твардовский в своей главной поэме использовал важнейший элемент поэтики Достоевского – двойничество (см. главы «Теркин – Теркин» и «Смерть и воин»)).

24 декабря 1942 года в письме к жене создатель поэмы теперь уже благодарит судьбу за то, что был направлен именно в «Красноармейскую правду» – будь иначе, «может быть, и не написал бы этой книжки» [23, с. 150]. Возможно, и в этом случае приемлемо провести аналогию с Ф. Достоевским, чьи великие романы рождались в самых сложных, некомфортных условиях, рождались не благодаря, а вопреки. Так, в атмосфере травли в Смоленске поэт писал свою «Страну Муравию», не сдался и тогда, когда получил разгромный отклик М. Горького на поэму. Наперекор уже новым препятствиям в годы войны писались и гениальные строки поэмы «Василий Теркин».

Неизменную и постоянную поддержку поэт всегда ощущал только со стороны жены. Опубликованные военные письма поэта позволили раскрыть

роль М.И. Твардовской в его судьбе. В какие-то моменты она выступала в роли не только тонкого и вдумчивого критика, но и соавтора некоторых идей, направляющих дальнейшее развитие сюжетных линий поэмы «Василий Теркин» (например, в письме от 21 августа 1942 года Мария Илларионовна. предлагает мужу написать главу, «где Теркин берет в плен немца, как он его ведет и что при этом чувствует…» [23, с. 120], а также советует включить в текст солдатскую песню «Шинель», что и будет сделано в главе «Перед боем»). М.И. Твардовская была другом, мудрым советчиком, тонким ценителем творчества мужа-поэта, она безгранично верила в его талант и всегда поддерживала. Такими же качествами обладала и Анна Григорьевна Сниткина, жена Достоевского (сходство в поведении жен писателей отмечал и К. Ваншенкин, наблюдая поведение Марии Илларионовны в период гонений на опального Твардовского и журнал «Новый мир»).

Как показало наше исследование, Твардовский чаще всего вспоминал Достоевского в драматические периоды своей жизни (1930–1940-е годы). В последующие десятилетия он также обращался к великому писателю, чаще всего перечитывая вновь знакомые с детства романы («Преступление и наказание», «Подросток», «Братья Карамазовы» и «Записки из Мертвого дома» – «одну из самых великих книг в мире» [18, с. 430]), высказывая свое редакторское мнение о присылаемых в редакцию «Нового мира» рукописях, посвященных Достоевскому. Обращает внимание не раз акцентирующееся свойство творческой манеры Достоевского – «энергия письма». Это объяснимо: задумывая свой роман «Пан Твардовский», поэт не мог не обратиться к опыту великого предшественника – гениального романиста. Думается, что и сами «Рабочие тетради», включающие наброски стихотворных и прозаических текстов, произведения «малых» форм и пр. структурно схожи с «Дневником писателя» Достоевского.

В заключение скажем следующее. Среди литературных «отцов» Твардовского специалисты называют А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина. Мы полагаем, что этот список должен пополниться именем Ф.М. Достоевского, чье воздействие на Твардовского нам представляется бесспорным.

***

Перед смертью Достоевский не расставался с Евангелием, читал священную книгу. Федор Абрамов так вспоминал о последнем посещении Твардовского (вместе с Г. Троепольским) незадолго до его ухода: «Мы поздоровались с поцелуем, вернее, приложились к Александру Трифоновичу, как к иконе. Добрейший Гаврила Николаевич … потом спросил конкретнее: как же все-таки со здоровьем-то?

– Христос и подушка, – загадочно, тоном юродивого ответил Александр Трифонович. (Опытный читатель, наверное, воскресит в памяти эпизод в эпилоге романа «Преступление и наказание» с Раскольниковым, держащим Евангелие под подушкой. – *В. И., О. Н.*).

Помолчал и сказал уже проще:

– Дай тебе бог. …

А временами он совсем выключался из нашего разговора и мыслями был далеко-далеко от нас. В каких-то нездешних мирах. И вообще вид у него был блаженного человека, отрешившегося от всего земного. Кажется, он обрел те небесные дали…

Небесная лазурь глаз. Да, да! Твардовский – это летняя голубизна в глазах.

Бывало, как радостно, когда в его яростных, белых от бешенства глазах появится наконец эта спасительная голубизна.

А теперь в глазах Твардовского только одна лазурь. И ничего больше. И, честное слово, я не один раз мысленно обращался к богу: о, если бы из этой лазури грянул прежний гром. С грозой. С грохотом. Но тщетны были мои мольбы. За все время нашей беседы ни разу не омрачились глаза Александра Трифоновича. И казалось, мы не с Твардовским, а с каким-то райским праведником сидим» [26, с. 231–233].

Писатели не были праведниками, но именно такими они запомнились современникам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л. Александр Твардовский: «...Но все же, все же, все же...» // Свободная мысль – XXI. 2005. № 8. С. 147–161.

2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.

3. Бондаревская О.А. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 25 с.

4. Гавриков Ф. В большую жизнь первые шаги: Воспоминания о встречах с юным А.Т. Твардовским // Сельская новь. 1977. 30 июня.

5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 10. 357 с.

6. Достоевский Ф.М. Идиот // Собр. соч. В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 6. 571 с.

7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1: Письма, 1832–1859 / подгот. текста, прим. А. И. Битюговой [и др.]. М., 1985. 552 с.

8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 575 с.

9. Достоевский Ф.М. Слабое сердце // Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 2. С. 49–88.

10. Ильин В.В. «Скольким душам был я нужен…» А.Т. Твардовский: Очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.

11. Кулакова Е.Е. Детское начало в творческих исканиях Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2002. 201 с.

12. Кулешов В.И. Жизнь и творчество Ф.М. Достоевского: Очерк. М.: Дет. лит., 1984. 208 с.

13. Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М.: Московский рабочий, 1989. 448 с.

14. Рябова Т.А. Проблемы комического и трагического в творчестве А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 17 с.

15. Снигирева Т.А. Интертекст в творчестве Твардовского (Аллюзия. Заимствования. Цитация. Иносказание) // А.Т. Твардовский: исследования и материалы / отв. ред. Г.Н. Ермоленко. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 165–169.

16. Сыромятников О.И. Поэтика русской идеи в «великом пятикнижии» Ф.М. Достоевского: монография / под ред. Б.В. Кондакова. Пермь: Маматов, 2014. 368 с.

17. Твардовская М.И. Колодня // Воспоминания об А.Т. Твардовском. М.: Советский писатель, 1978. С. 94–102.

18. Твардовский А.Т. Дневник: 1950–1959 / подг. текста, предисл., коммент., указ. имен В.А. и О.А. Твардовских. М.: ПРОЗАиК, 2013. 526 с.

19. Твардовский А.Т. Из ранних стихотворений (1925–1935). М.: Советский писатель, 1987. 272 с.

20. Твардовский А.Т. Избранные произведения. В 3 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 463 с.

21. Твардовский А.Т. На пути к «Стране Муравии» (Рабочие тетради поэта) / вступ. ст. А.М. Туркова // Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования. (Литературное наследство). М.: Наука, 1983. Т. 93. С. 297–398.

22. Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. / под общ. ред. Ю.Г. Буртина. М.: Худож. лит., 1976–1983.

23. Твардовский А.Т. «Я в свою ходил атаку…» Дневники. Письма 1941–1945 / публ. и предисл. В.А. и О.А. Твардовских. М., 2005.

24. Твардовский А.Т. Новомирский дневник: в 2 т. / предисл. Ю.Г. Буртина, подгот. текста, коммент. В.А. и О.А. Твардовских. М., 2009. Т. 2. 640 с.

25. Твардовский И.Т. Родина и чужбина. Смоленск: Посох, 1996. 352 с.

26. Творчество Александра Твардовского. Исследования и материалы / под ред. П.С. Выходцева и Н.А. Грозновой. Л.: Наука, 1989. 384 с.

27. Тихомирова Н. Ф.М. Достоевский и А.Т. Твардовский. Духовные соприкосновения // «И дружбы долг, и честь, и совесть…»: материалы Седьмых Твардовских чтений. Смоленск: Маджента, 2012. С. 130–160.

28. Фридлендер Г.М. Достоевский в эпоху нового мышления // Достоевский: материалы и исследования / ред. Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1991. Т. 9. 304 с.

29. Энгельгардт Б. Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 2. Л.–М.: Мысль, 1924. С. 71–109.

V.V. Ilin, O.A. Novikova
Dostoevsky in the Creative Consciousness of A. Tvardovsky

Key words: *A. Tvardovsky; F. Dostoevsky; comparative studies; literary connections; literary influences; intertextuality; psychology of creativity.*

The article raises the problem of F. Dostoyevsky's influence on A. Tvardovsky's literary work. Drawing on the Tvardovsky's assessments of Dostoevsky 's works, the authors of the article single out typological analogies in the writers' biography. Intertextual elements are also revealed which testify to Tvardovsky's creative analysis of the heritage of the 19th century classics.

А.В. Королькова
Смоленский государственный университет

УДК 811.33

Функциональная закрепленность и эмоционально-экспрессивная окраска русских афоризмов

Ключевые слова: *русская афористика; афоризм; лингвокультурология; эмоционально-экспрессивная окраска; функциональная окраска русских афоризмов.*

Функциональная закрепленность русских афоризмов заключается в преобладании в корпусе русской афористики книжных афоризмов. Эмоционально-экспрессивная окраска русских афоризмов связана с яркой эмоциональностью и экспрессией отдельных изречений.

Афоризмы различны по своей стилистической природе. Этот факт представляется не требующим доказательств в связи с тем, что афоризмы объединяют совершенно разнородные высказывания. В их составе встречаются и серьезные сентенции, и максимы, и гномы, и шутливые изречения, и пр. Однако стилистическая характеристика афоризмов не будет настолько разноплановой, как их семантика.

Подобно тому, как принято характеризовать современную стилистическую природу языка, можно исследовать и стилистическую природу афоризмов. Мы полагаем, что афоризмы являются частью современной фразеологии, однако они состоят не из компонентов, а из отдельных лексических единиц, которые и определяют их стилистическую природу. «Своеобразная роль в структуре функционального стиля отводится лексическому компоненту», – отмечает Д.Х. Баранник в статье «О месте лексики в системе стилеобразующих средств языка» [1, с. 108].

Слово играет в афористических текстах эстетическую роль. В поэтических афоризмах слово в совокупности с композицией, интонацией, ритмом является средством создания образов. Поэтому возможно производить стилистический анализ природы афоризмов с точки зрения функционально-стилевой закрепленности. Для этого разделим их на две большие группы: «нейтральные» и «стилистически окрашенные». Однако заметим, что в силу преобладания в них серьезной тематики большая часть «нейтральных» афоризмов все же имеет книжную окраску. Основой для исследования послужил «Словарь афоризмов русских писателей» [3].

Нейтральные афоризмы

Приведем отдельные примеры «нейтральных» афоризмов, различных по тематике.

Люди бы жили гораздо веселее и счастливее, если бы играли в сказку (Л.А. Кассиль).

Самое сильное сожаление вызывает у нас чрезмерная и ничем не оправданная стремительность времени... Не успеешь опомниться, как уже блекнет молодость и тускнеют глаза. А между тем ты еще не увидал и сотой доли того очарования, какое жизнь разбросала вокруг (К.Г. Паустовский).

Стилистически «нейтральные» афоризмы по преимуществу состоят из стилистически нейтральных лексических единиц, в которых не выражается сильная экспрессия. Отсутствие яркой экспрессивности в афоризмах подобного рода компенсируется за счет глубокого и чаще всего серьезного содержания изречения. В отличие от лексики современного русского языка, «нейтральных афоризмов» не так уж и много. «Нейтральные» – «стилистически окрашенные» афоризмы в нашем словаре находятся в процентном соотношении 30 на 70%, в то время как в литературном языке основу любого стиля составляют нейтральные словарные единицы.

«Стилистически окрашенные афоризмы» предполагают, согласно логике стилистических исследований лексики, разделение на две группы: книжные и разговорно-бытовые, к которым примыкают просторечные афоризмы.

Книжные афоризмы

Книжные афоризмы составляют большую часть афористики современного языка. Это вполне закономерное явление, так как большая часть афоризмов, представленных в самых разнообразных сборниках афористики, извлекается из разного рода контекстов, главным образом художественной и публицистической литературы.

Книжные афоризмы (и вводные, и обособленные) преимущественно стилистически возвышенны. В русской афористической традиции только в последнее время активно пополняется группа афоризмов шутливых. В XVIII–XIX и даже XX веке их было совсем немного.

Приведем несколько примеров афоризмов с яркой книжной окраской:

Идея отечества одинаково для всех плодотворна. Честным она внушает мысль о подвиге, бесчестных – предостерегает от множества гнусностей, которые без нее, несомненно, были бы совершены (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Человеческую жизнь можно сравнить с ручейком, берущим начало свое в недрах земли. Ручейки эти, сливаясь, образуют величественнейшие реки общей человеческой жизни, замутненные потоками сточной воды (И.С. Соколов-Микитов).

Весьма часто встречаются афоризмы с торжественно окрашенными лексическими единицами, риторической лексикой, которая в словарях марки-

руется пометой *высок*. Не следует думать, что в афоризмах такого рода всегда присутствует положительная коннотация, воспевание чего-либо.

Например:

Какое мучительно чувство: испытывать позор за свою Родину. В чьих Она равнодушных или скользких руках, безмысло или корыстно правящих Ее жизнь. В каких заносчивых, или коварных, или стертых лицах видится Она миру. Какое тленное пойло вливают Ей вместо здравой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взняться (А.И. Солженицын).

Однако чаще торжественные высокие афоризмы имеют положительную коннотацию. Например: *Все смертно. Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминания, которое никто еще не решился осквернить. Память о матери питает в нас сострадание, как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие вселенную… (И.Э. Бабель).*

Встречаются афоризмы, в составе которых используется устаревшая лексика, однако их нельзя классифицировать как устаревшие, поскольку семантика вполне их современна. Их нужно рассматривать как книжные. Кроме того, в момент написания изречения устаревшие к настоящему времени лексические единицы были общеупотребительными.

Например:

Злоумна ненависть, судя повсюду строго, / Очей имеет много / И видит сквозь покров закрытые дела (И.Ф. Богданович).

Устаревшая лексика в составе афоризмов в современных условиях не затрудняет понимание изречения, но воспринимается как дополнительное средство выразительности.

Во многих афоризмах используются окказионализмы и индивидуально-авторские неологизмы, которые даже могут являться ключевыми словами. Подобные изречения также нельзя классифицировать иначе, как просто книжные.

Заметим, что ни в одном толковом словаре не отражено все многообразие значений слов, которое появляется в контексте. Афоризмы являются минимальными контекстами, поэтому наличие индивидуально-авторских неологизмов и окказионализмов характерно для них. Особенно часто неологизмы и окказионализмы встречаются в поэтических афоризмах, так как именно поэзии свойственно образное понимание и отражение мира.

Например:

Любовь и горе – вне советов. / Наглеющая верхоглядь, / Великих женщин и поэтов / Не вам учить или понять! (А.А. Вознесенский).

Процесс окказионального словотворчества обогащал афоризмы, делал их оригинальными, запоминающимися и выразительными.

В целом книжные афоризмы составляют около 80% от всего корпуса афористики, зафиксированной в нашем словаре.

Народно-поэтические (фольклорные) афоризмы

В современном корпусе афоризмов русского языка достаточно много изречений с народно-поэтической или традиционно-поэтической стилистической окраской. Данные афоризмы также относятся к книжным. Это, прежде всего, поэтические афоризмы, имитирующие строй и образную систему русской песни.

Например:

Горе душит – не задушит, / Вольный ветер слезы сушит, / А веселье, чуть погладит, / Сразу с бедным сердцем сладит (А.А. Ахматова).

Кроме названных, есть афоризмы, имитирующие зачины или рефрены русской сказки. Например:

В России революция – дрогнула мати сыра земля, замутился белый свет (Артем Веселый).

Традиционно-поэтическая окраска присутствует в поэтических или прозаических афоризмах в тех случаях, когда речь идет о так называемых «вечных истинах», иногда в них встречаются явные аллюзии на библейские тексты.

Например:

Суров и горек черствый хлеб изгнанья; / Наводит скорбь чужой страны река… (В.К. Кюхельбекер).

Народно-разговорные (фольклорные) афоризмы составляют не более 5% от книжных афоризмов в корпусе «Словаря афоризмов русских писателей».

Разговорные афоризмы

Немного в нашем словаре и изречений разговорного плана, среди которых встречаются афоризмы со стилистической окраской неодобрительности. Однако окраска неодобрительности присутствует в книжных афоризмах, и даже книжных поэтических афоризмах.

Например:

Для преобразования России нужно было, чтоб шалопаи были на глазах, чтоб они не гадили втихомолку, а делали это, буде хватит смелости, в виду всей публики (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Разговорно-бытовая афористика представлена в современных словарях и справочниках нешироко. Во-первых, в связи с традиционно понимаемой природой афоризма как изречения морально-нравственного, поучительного характера, во-вторых, в связи с тем, что авторы этих афоризмов малоизвестны. В популярной газете «Аргументы и факты» несколько лет подряд на обложке пятничной «толстушки» печатается по одному афоризму, найденному в каком-либо письме читателей. Афоризм всегда паспортизирован, то есть указано имя его автора. Обычно люди даже не подозревают, что создают афоризмы. Афоризмы с обложки «Аргу-

ментов и фактов» издаются отдельными брошюрами в серии «Суперальманах народных АИФоризмов», однако в тематические словари, справочники изречений, афоризмов, крылатых выражений они не попадают.

Например:

На сеющих разумное, доброе, вечное и пахать удобно (Л.М., Башкортостан).

Жизнь по законам многим просто не по средствам (А. Реттих, Александров, Омская область).

С точки зрения эмоционально-экспрессивной характеристики афористический корпус русского языка довольно разнообразен. Экспрессия всегда выражает эмоционально-оценочное значение. Большая часть афоризмов содержит ту или иную оценку, чаще положительную, однако возможна и негативная. В качестве негативной окраски в афоризмах преобладает окраска пренебрежительности. Как уже отмечалось, подобных афоризмов немного.

Например:

Идиоты не переводятся – они совершенствуются (А.В. Вампилов).

Необходимо заметить, что ироничные афоризмы хотя и нешироко, но представлены в афористике и XVIII, и XIX веков, и начала – середины XX века.

Встречаются и афоризмы, ирония в которых создается с помощью такого приема, как каламбур. «Каламбур является одним из наиболее ярких способов создания сатирического и юмористического эффекта. Секрет каламбурной игры заключается в умышленном столкновении слов, оборотов речи, тождественных или сходных по звучанию, но различных по значению» [2, с. 294–295].

Это легко запоминающиеся афоризмы, быстро становящиеся общеизвестными и попадающие в разряд крылатых выражений.

Например:

В России две напасти: / Внизу – власть тьмы, / А наверху – тьма власти (В.А. Гиляровский).

Каламбуры являются приметой довольно большого количества афоризмов, но не всегда с помощью каламбура создается ирония или изречение становится крылатым выражением, иногда каламбуры просто привлекают внимание читателя. Каламбуры придают афоризмам изящество, блеск, большую экспрессивность.

Разговорные афоризмы составляют не более 7% афоризмов, зафиксированных в нашем словаре. Однако в настоящее время наблюдается тенденция к расширению этой экспрессивно-стилистической составляющей афористики.

Просторечные афоризмы

Афоризмы, состоящие из лексических единиц с уничижительной, презрительной, бранной окраской, в большинстве современных афористических словарей и справочников не фиксируются. Однако заметим: это

еще не повод утверждать, что таких афоризмов вообще не существует. Вероятнее предположить, что они просто не зафиксированы.

Во всем корпусе «Словаря афоризмов русских писателей» встречается лишь несколько афоризмов просторечного характера с грубой коннотацией, что в словарях маркируется как *бранное*.

Например:

Люди – дерьмо, они не то что плохи, но они слабые, вялые и жалкие, предают они от слабости, а не от зла (Э. Лимонов).

В настоящее время бытует распространенное мнение, что афоризмы должны быть непременно комическими, ироническими и разговорными. Эта тенденция сформирована средствами массовой информации. В лингвистической теории афоризмов такие признаки не являются обязательными для изречений. В разнообразных словарях есть афоризмы шутливого и шутливо-иронического характера, но их немного.

Природе комического в афористике посвящена работа Т.И. Дамм «Малоформатные комические речевые жанры современной российской газеты (лингвистический аспект)» [5], в которой подробно исследуются комические афоризмы в СМИ.

В современных электронных средствах массовой информации, в Интернете афоризмы и афористика пользуются огромной популярностью. В Москве десять лет назад создан и до сих пор активно действует «Клуб афористики», проводятся заседания, результаты их публикуются в Интернете. Существуют тысячи сайтов, так или иначе связанных с афористикой, многие авторы создают специальные сайты, на которых публикуют подборки своих обособленных афоризмов. Афоризмы, представленные здесь, гораздо более стилистически разноплановы, чем афоризмы, напечатанные в различных афористических книгах. Они ироничны и комичны. Ирония и шутливость создаются за счет привлечения разговорно-бытовой и даже просторечной лексики.

Заметим, что ирония и юмор афористики роднят ее с народной фразеологией. «Фразеологические единицы в речи не только содержат экспрессивно-оценочную характеристику лиц, предметов, процессов, но и являются средством эмоционального воздействия на слушателя, собеседника. Поэтому в народной фразеологии часто отражается насмешливое, ироническое отношение к обозначаемому, нарочитая гиперболизация отдельных признаков создает комический эффект» [4, с. 80].

Приведем примеры ироничных «народных» афоризмов:

Если бы ты выбирал между женой и супермоделью, то какую бы ты выбрал супермодель?

Кто первым встал, того и тапки.

Когда кончается водка, закуска становится просто едой.

Проведя исследование эмоционально-экспрессивной и функциональной окраски афоризмов, можно утверждать, что в связи с некоторой консервативностью тематики они традиционно обладают книжной окраской, хотя сейчас наблюдается активная тенденция развития афористики разговорно-бытового иронического и комического плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранник Д.Х. О месте лексики в системе стилеобразующих средств языка // Вопросы лексикологии: сборник работ кафедры русского языка. Днепропетровск: Изд. Днепропетровского педагогического института, 1969. С. 106–112.
2. Зеленов А.Н. О каламбурном использовании фразеологизмов // Вопросы семантики фразеологических единиц. (На материале русского языка). Ч. I: Тезисы докладов и сообщений. Новгород: Изд. Новгородского университета, 1971. С. 303–310.
3. Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н. Словарь афоризмов русских писателей / под ред. А.Н. Тихонова. М.: Русский язык Медиа, 2005. 685 с.
4. Ивашко Л.И. Юмор в народной фразеологии // Грани слова: сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: Элпис, 2005. С. 80–82.
5. Дамм Т.И. Малоформатные речевые жанры современной российской газеты (лингвистический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2003. URL: http://search.rsl.ru/ru/record/01003237529.

A.V. Korolkova
Functional Consistency and Emotionally Expressive Coloring of Russian Aphorisms

Key words: *Russian aphorism; aphorism; linguistic culture studies; emotionally expressive coloring; functional coloring of Russian aphorisms.*

Functional consistency of Russian aphorisms consists in the predominance of bookish aphorisms in the body of Russian aphorisms. Emotional-expressive coloring of Russian aphorisms is associated with vivid emotionality and the expression of individual sayings.

А.Д. Дудько
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Республика Беларусь)
Е.В. Кодин
Смоленский государственный университет

УДК 811.161.3’0(410)

Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

Ключевые слова: белорусоведение; культура Беларуси; история белорусской литературы и языка; славистика Великобритании; литература белорусской эмиграции.

В статье рассматривается творческое наследие выдающегося британского слависта-белорусоведа – Арнольда Макмиллина, посвященное изучению истории белорусского языка, литературы и культуры XIX – начала XXI века. Отмечены особенности его стилевой манеры, мотивы творчества, ключевые работы и их источниковая основа. Делаются выводы о его вкладе в разработку новых проблем истории белорусской культуры. Определяется его место в зарубежном белорусоведении Европы второй половины XX – начала XXI века.

Рассматриваемый в статье вопрос – формирование традиций зарубежного белорусоведения как одной из отраслей интегративной белорусистики – является одним из наиболее значимых аспектов современной исторической культурологии Беларуси. Это направление в системе славистики Великобритании наработало определенные традиции и вышло на уровень теоретико-концептуального осмысления. В нашей статье акцент делается на оценке роли одного из ведущих британских славистов А. Макмиллина в зарождении и развитии белорусоведения в Великобритании второй половины XX века, определении места его работ в контексте исследований послевоенного времени. Научная актуальность проблемы обусловлена отсутствием комплексной оценки творческого наследия этого британского слависта в зарубежной и белорусской исследовательской традиции.

Проблема разработки данного направления в белорусоведении Великобритании очень слабо отражена в отечественной историографии. Ведущих британских филологов и их достижения упоминают в своих монографиях Н. Гордиенко («Белорусы в Великобритании»), М. Пригодич («Белорусский язык в трудах зарубежных лингвистов»). О присутствии белорусской литературы в странах Западной Европы писал В. Соколовский [3; 10; 12]. Однако стоит отметить достаточно хорошую источниковую базу, представленную работами самих славистов и биографическими сведениями о них в справочных изданиях [11; 13].

В рамках статьи мы считаем целесообразным уделить внимание следующим аспектам:

– характеристике персоналии одного из ведущих славистов Великобритании второй половины XX века А. Макмиллина, внесшего существенный вклад в развитие белорусоведения в этой стране, определению причин его интереса к белорусской проблематике;

– выявлению основных направлений и доминантной проблематики его исследований на основе характеристики специфики его главных работ (ключевые проблемы, источники, степень новизны);

– определению роли А. Макмиллина в разработке историко-культурологического направления в белорусоведении Великобритании.

Арнольд Макмиллин занимает, пожалуй, наиболее видное место среди когорты британских славистов. Профессор Макмиллин – доктор славянской филологии (1971), один из самых уважаемых активных исследователей белорусской литературы на Западе. Еще Р. Бородулин назвал его «английским белорусом» [1, с. 13]. Он известен как специалист во многих областях белорусской культуры: языкознании, истории, литературе, переводе. Макмиллин принадлежит к ряду активных популяризаторов белорусской культуры на Западе, в частности белорусской литературы. Свою научную деятельность он посвятил главным образом исследованию путей развития белорусской литературы.

Интерес к белорусоведению зародился у ученого в 1964 году под влиянием известного слависта Лондонского университета Роберта Оти. Под его руководством была написана докторская диссертация А. Макмиллина «Развіцце беларускай літаратурнай мовы ў XIX стагоддзі», в 1973 году ставшая монографией «The vocabulary of Byelorussian literary language in the nineteenth century» («Лексика белорусского литературного языка в девятнадцатом веке», Лондон, 1973 год) [11, с. 2; 15, с. 1]. Эта работа базируется на исследовании всех доступных печатных и рукописных изданий XIX века. Здесь автор проводит анализ 3378 слов, относящихся к абстрактной лексике литературного языка XIX века. Понятие литературного языка представлено в работе в широком смысле – как язык «письменной» традиции [15, с. 29]. Ученый объясняет выбор именно абстрактной лексики рядом причин: 1) она в меньшей степени изучена филологами, чем слова, относящиеся к материальной культуре; 2) абстрактная лексика больше подвержена формальным и семантическим изменениям, таким образом представляя более широкое исследовательское поле для изучения процесса развития языка; 3) состав абстрактной лексики помогает выявить источники, к которым прибегали авторы для расширения области исследования нового литературного языка.

Целями работы являлись: выявление частоты использования отдельных слов и (в пределах семантических групп) сравнение круга лексических источников, созданных авторами XIX века; установление первичного употребления слов; выявление (путем статистического анализа) состава словаря XIX века в соотношении с русским, украинским и польским литературными языками, а также некоторыми диалектами; определение значимости географического и других факторов в выявлении степени иностранного влияния и авторской изобретательности в текстах; подсчет и анализ использования русизмов, украинизмов и полонизмов, не зарегистрированных словоформ у отдельных авторов и в текстах XIX века; выявление взаимосвязи между литературным лексиконом и современным языком на основе словарей, зафиксировавших слова этого столетия. Безусловным достоинством данной

работы является то, что это исследование базируется на максимально возможном количестве текстов XIX века, способствуя созданию цельной картины развития белорусской литературы в данный временной период, а тексты и авторы представлены в историческом контексте. Библиография основных источников дополнена детальной фактической информацией, включающей даты, места рождения авторов и места издания работ, авторство и псевдонимы авторов текстов. В монографии «Лексика белорусского литературного языка XIX века» ученый выявляет также семантику, сферу употребления и распространения слова и использует новый для белорусского языкознания статистический метод [11; 15, с. 280].

На основе проведенного исследования автором делаются аргументированные выводы. Во-первых, белорусский литературный язык в XIX веке был отрезан от литературных и языковых традиций предшествующих XVI и XVII веков, что повлияло на несколько экспериментальный характер употребления грамматики, орфографии и лексики [15, с. 289]. Более того, многие писатели пытались в своем творчестве воссоздать черты местных диалектов, сказывалось также влияние русского и польского литературных языков. Во-вторых, столкновение с политической оппозицией со стороны России привело к тому, что первые литературные шаги были нерешительными, многие не имели возможности в полной мере познакомиться с творчеством других писателей, что, в свою очередь, не содействовало нормализации литературного языка и обусловило фрагментарный характер представленной в литературе XIX века информации [15, с. 34]. Хотя автор выделяет именно язык В. Дунина-Марцинкевича как более приближенный к литературному языку данного периода. К концу XIX века, как отмечает А. Макмиллин, появилось несколько литературных жанров и работ, на базе которых последующее поколение писателей, языковедов смогло создать современный литературный язык. Третий вывод строится на основе данных статистического анализа 3378 слов, относящихся к абстрактной лексике XIX века, и свидетельствует о том, что последние имеют сходство с русскими, украинскими и польскими словами, лишь 1/8 часть характерна только для белорусского языка. Отсутствие стандартного литературного языка в XIX веке привело к наличию значительного количества смешанных (гибридных) форм, лексических изобретений, вариаций в ударениях, орфографии, грамматике. А. Макмиллин делает попытку проследить связь между лексическими заимствованиями в их жанровом разнообразии и ареалом географического распространения. Например, он делает вывод о том, что русизмы и незарегистрированные словоформы менее типичны для текстов из центральных регионов Белоруссии, северо-западные и северо-восточные регионы имеют одинаковое количество заимствований и т.д.; в публицистических текстах больше заимствований, чем в беллетристике, авторские работы содержат меньше незарегистрированных форм, чем анонимные тексты. Еще один вывод ка-

сается ударения – как полагает исследователь, здесь отчетливо наблюдается польское влияние [15, с. 289]. Проанализировав работу А. Макмиллина «Лексика белорусского литературного языка в XIX веке», можно утверждать, что автор сделал попытку пролить свет на малоисследованную проблему – зарождение и развитие «нового» литературного языка, что благодаря широте использованных и проанализированных им источников и впервые использованному в белорусском языкознании статистическому методу удалось ему в значительной мере.

После выхода в свет монографии исследователь получил приглашение от немецкого издательства в Гиссене написать историю белорусской литературы, которая была издана в серии «Работы по истории литератур славянских народов» на английском языке [16]. Первая обзорная монография о белорусской литературе Арнольда Макмиллина «История белорусской литературы от ее истоков до сегодняшних дней» (1977) была самым масштабным академическим исследованием истории белорусской литературы в западноевропейской славистике конца XX века [4]. Изначально публикация монографии была неоднозначно встречена в Беларуси, поскольку в работе А. Макмиллина критически анализировались «неприкосновенные» в советской Белоруссии поэты и писатели и восхвалялись авторы, не входящие в ряды официального литературного пантеона. В 1980 году в газете «Полымя» появилась рецензия на книгу, написанная А. Мальдисом, которому позволили подготовить отзыв при условии соавторства с двумя признанными официальными литераторами И. Науменко и М. Мушинским и после обещания дать критическую оценку работы зарубежного исследователя. Так в рецензии появилось вымышленное название исследовательского подхода А. Макмиллина – «буржуазный объективизм» [9]. В монографии рассматривается история белорусской литературы с XII до 70-х годов XX века. Ученый выделяет доминантные жанры, выдающихся представителей каждого периода, литературные течения и группы. Литературные сведения дополняются историко-культурологическими фактами, что позволяет лучше понять особенности того или иного этапа в развитии белорусской литературы и факторы, повлиявшие на нее. Автор четко очерчивает хронологические рамки разделов, способствуя при этом системному восприятию информации: «Церковная литература XII–XV вв. (жития, гомилетическая литература, описания пилигримов»; «Хроники и мемуары»; «Проза в XVI и XVII веках»; «Поэзия от Скорины до Полоцкого»; «Восемнадцатый век»; «Возрождение белорусской литературы»; «Период “Нашей Нивы”»; «От революции до войны (литературные группы и организации, советская поэзия, поэзия Западной Белоруссии)»; «Послевоенное развитие» [4, с. 38–39]. Отдельные главы отводятся наиболее видным деятелям белорусской литературы: Ф. Скорине, В. Дунину-Марцинкевичу, Ф. Богушевичу, М. Богдановичу, А. Гаруну, Я. Купале, Я. Коласу, З. Бедуле, К. Черному. Работы раннего периода рассматривались исходя из лингвистических и географических критериев начиная с XV века – только работы на белорусском язы-

ке либо с ярко выраженным «белорусским элементом» [4, с. 10]. Полезными дополнениями служат достаточно обширная библиография, а также указатель персоналий (имена всех авторов белорусских произведений в работе подаются в современной белорусской форме) и названий литературных произведений (наименования в самой монографии даются на английском языке (с оригиналом), указываются даты, когда они впервые упоминались). В монографии присутствует большое количество произведений и фрагментов из них в переводе на английский язык, что делает эти тексты более доступными для широкого восприятия их зарубежными читателями [4, с. 6].

Особо хотелось бы отметить последнюю, девятнадцатую главу «Послевоенное развитие», где исследователь не только дает обзор литературы, начиная с периода окончания Второй мировой войны до 1970-х годов, но и отмечает наиболее видных, получивших широкую популярность писателей (Я. Бриля, И. Шамякина, И. Мележа, В. Быкова), а также малоизвестных, но не менее интересных авторов периода «оттепели» (Т. Шадкевича, Н. Лупсякова, А. Мартиновича, Н. Лобана, А. Чернышевича, А. Карпюка). А. Макмиллин дает небольшую биографическую справку о писателях и поэтах, отмечает наиболее яркие их работы, выделяет особенности (жанры, темы, проблемы) их творчества, указывает на достоинства и недостатки. Из поэтов исследователь выделяет представителей старшего поколения С. Дергая, А. Пысина, П. Панченко, которые внесли положительный вклад в развитие белорусской поэзии. Упоминает не менее ярких авторов – А. Острейко, А. Бачило, К. Кириенко, А. Русецкого, Н. Аврамчика, Л. Гениуш, С. Граховского. А. Макмиллин отметил поэтесс послесталинской эпохи, которые популяризировали уже забытый в тот период жанр любовной лирики и проявили индивидуальный поэтический талант (Д. Бичель-Загнетову, Е. Лось, В. Вербу, М. Савченок, О. Ипатову, Е. Янищиц, Л. Заболоцкую). Исследователь не обходит стороной и белорусскую литературу эмиграции данного периода (М. Седнева, Ю. Витьбича, Н. Арсеньеву, Г. Крушина, литературную группу в Белостоке – объединение «Белая Вежа»). Автор монографии также пишет о состоянии жанра драмы на послевоенном этапе, которая, по его мнению, была «слабым звеном» белорусской литературы, хотя при этом объективно отмечает ряд имен, внесших свой вклад в ее развитие (А. Макаенка, А. Кучера, К. Губаревича, А. Мавзона, И. Козел, А. Петрашкевича, И. Исаченко, А. Дялендика). А. Макмиллин с особой симпатией пишет о молодых, многообещающих авторах тех лет и их вкладе в современную белорусскую литературу (В. Карамазове, А. Жуке, Б. Сачёнко, М. Стрельцове). И как итог наблюдений автора звучит его оптимистический вывод о том, что на протяжении восьми веков сложного развития белорусская литература постепенно завоевала свое уже почетное место в европейской литературе [4, с. 332]. Монография А. Макмиллина явилась первым комплексным исследованием, дающим широкий обзор белорусской литературы на английском языке в западном зарубежном белорусоведении в рамках основательного историко-культурологического контекста.

Следующей книгой Арнольда Макмиллина стала «Белорусская литература в 50–60-е годы XX в.», изданная в Кельне в 1995 году, переведенная с английского на белорусский и вышедшая в Минске в 2001 году – своего рода энциклопедия истории белорусской поэзии, прозы и драматургии этого периода [17; 5]. Монография охватывает огромное количество имен и произведений. Особое внимание уделяется творчеству И. Мележа, В. Быкова, И. Пташникова, В. Короткевича, которым посвящены отдельные главы. В предисловии книги А. Макмиллин дает краткий обзор предшествующего развития белорусской литературы в связи с теми общественно-политическими процессами, которые происходили в Беларуси (с XI до 40-х годов XX века). Он отмечает, что белорусский роман 30-х годов и военного времени был «покалечен кривой рукой сталинизма» [5, с. 11]. Ученый не собирался включать всех многочисленных писателей, которые публиковали свои произведения после смерти Сталина. Главным критерием размещения авторов в различных разделах книги было десятилетие, в котором они получили известность и внесли определенный вклад в развитие белорусской литературы [5, с. 296].

В разделе «Пятидесятые – выход из темноты» автор рассматривает поэзию С. Дергая, А. Кулешова, П. Панченко, А. Пысина, М. Танка, прозу Я Скригана, Я. Брыля, И. Шамякина; дает биографические сведения и характеристики творческого пути П. Бровки, М. Лужанина, В. Дубовки, М. Лынькова и др. А. Макмиллин отмечает негативное влияние пережитков сталинской эпохи на характер литературного процесса в Беларуси в 50-е годы XX века, что наглядно прослеживается в творчестве некоторых белорусских писателей и поэтов. Очень критично оценивается творчество П. Бровки, которого он назвал «плодовитым и бездарным писателем», «неинтересным поэтом с простыми мыслями и неоригинальными формами», обвинил в «политической наивности», «следовании партийной линии с особой отдачей» [5, с. 14–15]. С большой долей субъективизма анализируется, на наш взгляд, творчество П. Глебки («завзятый публицист, имел героико-романтический, часто задиристый, но грубоватый стиль»), М. Лужанина («отсутствие творческой искры») и А. Велюгина («фальшивый пафос»), которые, по его словам, не смогли в своем творчестве отреагировать на новую «послесталинскую» атмосферу в обществе [5, с. 18]. Тем не менее отмечаются и сильные стороны, и заслуги авторов этого поколения (тонкий лиризм М. Лужанина, баллады А. Зарицкого, произведения В. Дубовки, Я. Пущи, С. Шушкевича, поэзия А. Острейко, А. Бачилы, А. Русецкого, Н. Аврамчика, К. Кириенко, Г. Нехая, Э. Огнецвет, Я. Непочиловича) [5, с. 33].

Раздел «Проза в пятидесятые годы» начинается с острой критики творчества М. Лынькова («Литературно-критические статьи и многочисленные переводы Лынькова такие же неудачные, как и его художественные произведения», «Ни один другой белорусский писатель того времени не получил такого количества незаслуженных наград») [5, с. 56]. Особо

рассматривается творчество С. Дергая, А. Кулешова, П. Панченки и А. Пысина, отличающихся своими высокими литературными достоинствами. В главе «Поэзия в шестидесятые годы – традиции и новаторство» характеризуются основные черты, тематика произведений поэтов, многие из которых продолжали писать и в дальнейшие годы (Г. Буравкина, А. Вертинского, С. Гаврусева, Ю. Свирки, Р. Тармолы, А. Вольского, Е. Лось, Д. Бичель-Загнетовой, В. Вербы, О. Лойко, Н. Гилевича, Я. Сипакова, А. Гречаникова, В. Зуенка).

Особый раздел составили размышления о белорусской прозе и драматургии 60-х годов, которые рассматриваются более дифференцированно и подробно: военная проза С. Граховского, А. Осипенко, А. Карпюка, И. Науменко, Б. Саченко, сельская проза В. Адамчика, Н. Ракитного, П. Мисько, А. Кудрявца, А. Василевича, В. Полторан, историческая проза А. Чернышевича, А. Пальчевского, В. Домашевича, история литературы Л. Арабей, научная фантастика В. Шитика, Н. Ткачова, драмы А. Макаенка, А. Делендика, А. Петрашкевича, Н. Матуковского, В. Мехова, И. Козела [5, с 174–184]. Как неоднократно подчеркивает А. Макмиллин, в белорусской драматургии и 50-х, и 60-х годов не наблюдалось значительных перемен, был недостаток возможностей постановки на сцене белорусскоязычных пьес по сравнению с русскоязычными. Лишь немногим удалось достичь драматического мастерства, присущего пьесам Янки Купалы. Отдельные главы, как уже отмечалось ранее, посвящены четырем наиболее значимым, на взгляд А. Макмиллина, фигурам белорусской литературы: И. Мележу, В. Быкову, И. Пташникову, В. Короткевичу. Основные черты их творчества были отражены в названии посвященных им разделов: «Иван Мележ – возвращение эпоса», «Василий Быков – боль правды», «Иван Пташников – суровый лиризм», «Владимир Короткевич – романтическое воспроизведение истории» [5, с. 185–206, 207–232, 233–246, 246–285, 296].

Анализ монографии А. Макмиллина позволяет выделить следующие характерные моменты: 1) авторская критика носит порой чересчур резкий характер, что нередко расходится с теми представлениями о белорусских литераторах, которые сложились в официальном литературоведении БССР тех лет; 2) достоинство монографии в том, что она не ограничивается лишь рамками 50–60-х годов XX века, а включает их в более широкий временной историко-культурологический и литературный контекст; 3) работа А. Макмиллина интересна и тем, что представляет системный, широкий обзор литературных явлений исследуемого периода. В книге присутствуют многочисленные цитаты, точные биографические и фактографические сведения. На фоне традиционных отечественных литературоведческих исследований творчества белорусских писателей эта монография вызывает особый интерес, так как в ней представлен независимый взгляд западного лингвиста и литературоведа, которого в советские времена нередко обвиняли в субъективизме, на

белорусский литературный процесс 50–60-х годов и на белорусскую литературу и культуру в целом [9].

«Белорусская литература диаспоры» – третье монографическое исследование А. Макмиллина, посвященное белорусской литературе, и второе переведенное на белорусский язык (в 2004 году) [18; 6]. Как отмечает в предисловии сам автор, его замыслом изначально было написание книги об истории развития белорусской литературы с 1970-х годов до начала XXI века. Один из разделов этой монографии предполагалось посвятить литературе эмиграции. Однако знакомство с ней показало ученому, что она по богатству и разнообразию заслуживает отдельного монографического исследования [6, с. 7]. Поэтому А. Макмиллин решил посвятить отдельную монографию белорусской литературе диаспоры как малоисследованной области восточноевропейской культуры. Цель работы – представить картину литературы, которая «оказалась в поле зрения исследователя во время написания книги» [6, с. 8]. Композиционно книга делится на три части: литература белорусской эмиграции в целом, белорусская литература в современной Восточной Европе (кроме Польши) и белорусская литература Польши как отдельный феномен (среди стран, где создается литература зарубежья, Польша является доминирующей).

В главе «Литература белорусской эмиграции» автор пишет о двух формах существования литературы зарубежья: с одной стороны, это диаспорная литература – произведения, написанные за рубежами стран, с которыми эмигранты связаны этническими и культурными «корнями»; с другой – эмиграционная литература, созданная писателями, эмигрировавшими или высланными из своей страны по политическим мотивам. Большинство произведений рассматриваются в соответствии с жанрово-родовыми характеристиками, поэтому имена некоторых авторов встречаются в нескольких разделах. Более того, количество страниц, отведенных определенным писателям, пропорционально не количеству написанного ими, а степени их таланта [6, с. 8].

В первом разделе А. Макмиллин отмечает, что поэзия белорусской эмиграции и по форме, и по содержанию неравноценна. Наибольшее влияние на авторов оказали традиции «нашенивского» периода, а также творчество М. Богдановича. Практически все поэты обращались к запрещенным в советской Беларуси темам, что, на наш взгляд, является спорным моментом. Среди интересных, порой не столь известных, но не менее талантливых представителей белорусской поэзии эмиграции, которым А. Макмиллин уделил внимание в этом разделе, – Г. Крушина, С. Хмара, Н. Верба, М. Ковыль, С. Ясень, Ю. Веселковский и А. Березка. Отдельные разделы посвящены знаменитым поэтам-эмигрантам: Я. Юхновцу, который радикально отличается от всех перечисленных поэтов, являясь единственным поэтом-авангардистом [6, с. 79]; Л. Гениуш – автор монографии отмечает ее как поэта с многострадальной жизнью, но необычной духов-

ной стойкостью, стремящегося постоянно служить Беларуси [6, с. 91]; Н. Арсеньевой – «поэтессе осени», автору тонких лирических произведений с гармонией рифмы и ритма и аристократическим мировоззрением; М. Седневу, который, по словам А. Макмиллина, был крупнейшим белорусским поэтом-эмигрантом.

Эмиграционная проза, по мнению автора, по своему общелитературному значению уступает поэзии. А. Макмиллин выделяет два вида эмигрантской прозы – историческую и мемуарную с преобладанием исторической, вносящей важный вклад в процесс создания наиболее полной картины сложного белорусского прошлого. Среди авторов исторической прозы выделены имена С. Хмары, С. Ковша, А. Змагара, В. Седуры, П. Сыча, А. Адамовича. По А. Макмиллину, родоначальниками мемуарной традиции эмигрантской прозы явились К. Сваяк, В. Отважный, Е. Колубович, а наибольший вклад внес М. Седнев с его полудокументальной прозой [6, с. 198]. Два его романа «І той дзень надышоў» и «Раман Корзюк» ставятся в один ряд с произведениями Я. Брыля, В. Быкова и И. Пташникова.

Выводы, которые делает британский славист в своей работе об эмигрантской поэзии и прозе, содержат все же ряд противоречий. По словам А. Макмиллина, поэзия эмирантов двояка: с одной стороны, ее отличает богатство и разнообразие, с другой – она является консервативной, следующей традициям «Нашей Нивы», особенно в области формы. Что касается прозы: вначале подчеркивается ее важность, а в конце раздела говорится о том, что большая часть эмигрантской прозы имеет только историко-литературный интерес [6, с. 203].

Монография не лишена недостатков: биографические неточности, некоторые противоречия и поверхностность на уровне макролитературного анализа, причинами которых являются языковой барьер и сложности работы с труднодоступными источниками, а также неглубокое знакомство с творчеством некоторых писателей. Раздел «Белорусская литература современной Восточной Европы» – о творчестве лишь трех белорусских поэтов: Э. Вайвадиша из Латвии, А. Кирвеля из России, И. Снарской из Украины. На основании только этой информации сложно претендовать на комплексный аналитический обзор белорусской литературы Восточной Европы.

Раздел о белорусской литературе Польши имеет ту же структуру, что и предыдущие. Согласно А. Макмиллину, белорусские поэты Польши представляют разные поколения, разнообразные формы и стили. Лидирующее положение в этой нише занимает Я. Чиквин. Остальные авторы сгруппированы по поколенческому принципу: на тех, чьи творческие дебюты состоялись в 1950-е годы, и тех, кто начинал в 1970-х годах. Но некоторые из них – «не самые лучшие» – стали известными в Беларуси после окончания холодной войны [6, с. 250]. Автор выделяет из когорты поэтов М. Лукшу – поэтессу огромного природного таланта и широких тематических интересов, импрессиониста Я. Бурша, который повлиял своим твор-

чеством на более молодых коллег, и, безусловно, Я. Чиквина, чье творчество вобрало в себя все лучшее из польской и белорусской поэзии. Проза и драматургия проигрывают по достижениям и качеству белорусской поэзии в Польше, однако девять писателей были отмечены авторским вниманием. Проза представлена жанрами мемуаров, воспоминаний, исторического романа, а также менее значительными прозаическими жанрами – лирическими рассказами, шутками, анекдотами, этнографическими зарисовками. Вслед за Я. Чиквиным А. Макмиллин выделяет С. Яновича, отмечая ведущую роль, которую он играл в культурной жизни восточной Польши [2].

Монография британского филолога-слависта охватывает большое количество имен и произведений, частично уже известных белорусскому читателю, а частично все еще недоступных или труднодоступных для ознакомления. Важно то, что в книге сделана попытка объединить авторов, которые представляют не только литературу эмиграции или белорусскоязычную литературу Польши и стран бывшего СССР. Здесь создан цельный образ всей заграничной литературной Беларуси, предпринята удачная попытка исследовать связи между белорусскими писателями мира на уровне как личных контактов, так и типологических сопоставлений.

Одним из последних значимых монографических исследований Арнольда Макмиллина является книга «Пісьменства ў халодным клімаце: Беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзен», изданная в 2011 году [19; 7]. Она вызвала немалый резонанс в отечественном литературоведении, на нее был написан ряд рецензий и отзывов [27]. В книге, которую автор создавал на протяжении шести лет, около 1000 страниц, более 700 имен, 40 страниц библиографических источников. Для сбора материала славист неоднократно приезжал в Беларусь, встречался со многими белорусскими писателями. Британский исследователь попытался взглянуть на белорусскую литературу непредвзято, без идеологических установок, в равной степени рассматривая литераторов именитых, членов Союза писателей Беларуси, и малоизвестных широкой читательской аудитории, не входящих ни в какие литературные организации. Книга состоит из 16 разделов, поделенных на главы. Оригинальны способы систематизации писателей – здесь нет единой системы, это систематизация по принадлежности к обществам («Тутэйшыя», «Бум-Бам-Літ») либо поколениям («прозаики старшего поколения», «среднее поколение» или «четыре поэтессы будущего»), иногда автор прибегает к жанрово-тематическим критериям («авторы исторической прозы», «пьесы театральные и литературные», «сказки, предания и фантастические пьесы для взрослых и детей»), настроениям, отраженным в произведениях («четыре мрачных поэта», «шесть поэтов более светлого настроения») [7, с. 127, 235, 509, 546, 547, 551, 565, 693, 775, 794, 837]. Примечательным является отдельное рассмотрение региональной литературы (полоцкой, гродненской, гомельской и т.д.), что не имело места ранее в официальном белорусском литературоведении [7, с. 586, 619, 655]. В книге

большое количество цитат и стихотворений, в англоязычной версии поэзия подается в оригинале с подстрочниками, проза – в переводе на английский язык, что позволяет зарубежным читателям понимать смысл произведений белорусских писателей.

Книга является своего рода продолжением проекта исследования белорусской литературы, который британский славист начал еще в 70-е годы XX века, целью которого было познакомить англоязычных читателей с малоизвестной и, как отмечает А. Макмиллин, несправедливо обделенной вниманием литературой [7, с. 17]. Некоторые авторы рассматриваются отдельно, некоторые вместе (объединены жанром, тематикой), отдельные разделы посвящены новым литературным обществам. Большинство произведений датируются, в библиографическом списке приводятся лишь те книги и статьи, которыми автор пользовался и из которых черпал информацию для своего исследования. Автобиографические сведения даются дозированно, при описании творческого пути авторов, делается акцент на их основных профессиональных достижениях, цитируются наиболее важные и интересные произведения, характеризуются сюжеты, тематико-стилистические особенности работ, делаются выводы о важности творчества того или иного писателя в белорусской литературе, его перспективности в будущем.

Особенностью стиля А. Макмиллина является индивидуально-авторская оценка писательских талантов, что находит отражение в названиях некоторых разделов («Алесь Разанаў – на рэдкасць складаны паэт» [7, с. 670], «Адам Глобус – правакацыйны постмадэрніст» [7, с. 430], «Уладзімір Някляеў – творца з рэдкім літаратурным уяўленнем» [7, с. 465] и др.) и непосредственно в статьях о самих писателях и поэтах. Например, «Васіль Гігевіч – надзвычай паслядоўны пісьменнік» [7, с. 76], «Юры Станкевіч — надзвычай цікавы, часам цяжкі аўтар. Яго трывога за сваю нацыю можа выклікаць занепакоенасць у прыхільнікаў ліберальных каштоўнасцяў, але, безумоўна, ен прынес на старонкі беларускай літаратуры новую манеру пісьма і новы светапогляд» [7, с. 91], «Рыгор Барадулін – творца надзвычай размаіты, насамрэч неверагодна шматбаковы, з велізарным наробкам» [7, с. 92–126], Віктар Казько – «сур'езны, нават цяжкі пісьменнік, які ставіць пытанні, а не прапануе адказы…» [7, с. 57], «Анатоль Сыс – нязручны, гнятлівы надзвычай яркі паэт» [7, с. 463], «Навум Гальпяровіч – далікатны, чуйны і непрэнэнцыйны паэт, большасць твораў якога прыдатная для чытачоў любога веку» [7, с. 604], Генадзь Пашкоў – «таленавіты, досыць традыцыйны, нават кансерватыўны паэт, які заслугоўвае прынамсі некаторага прызнання, якімі б ні былі ягоныя палітычныя погляды» и т.д. [7, с 193].

Книга «Пісьменства ў халодным клімаце» – это комплексная, многосторонняя историко-культурологическая и литературоведческая работа, которая будет интересна не только узким специалистам, филологам, культурологам, историкам, но и простому читателю, как в Беларуси, так и за рубежом.

Исследователь, родившийся далеко за пределами Беларуси, трепетно, преданно, с неподдельным и человеческим, и профессиональным интересом относится к белорусской литературе. Как он отмечает во введении, на частый вопрос, который ему задают за пределами Беларуси: «Стоит ли чего-нибудь белорусская литература?», он всегда отвечает уверенно: «Да». А. Макмиллин видит перспективы развития белорусской литературы в будущем, что подтверждается большим количеством многообещающих молодых литераторов, которые создают качественную прозу и поэзию [7, с. 21].

Эта работа А. Макмиллина на сегодняшний день является фундаментальным источником по истории современной белорусской литературы и, несомненно, может стать ценным учебным пособием для филологов, историков и культурологов. Академическая основательность работы, как в содержательном, так и в количественном плане, позволяет ее назвать «энциклопедией сегодняшней литературной жизни Беларуси» и уже получила высокую оценку у современных литературоведов [26]. Как справедливо, на наш взгляд, считает В. Горбацкий: «Тоўстая кніга Макміліна “Пісьменства ў халодным клімаце” – шэдэўр не толькі беларускага маштабу, твор еўрапейскі, напісаны хаця і энцыклапедычна, але жвава, з гумарам і са смеласцю, уласцівай хіба замежніку, пра аўтараў і часцяком жывых класікаў» [25].

Последней монографической работой А. Макмиллина, вышедшей в 2015 году пока только на английском языке, стала книга «Spring Shoots: Young Belarusian poets in the early twenty-first century», белорусский перевод которой планируется выпустить в октябре под названием «Рунь. Маладыя беларускія паэты пачатку XXI стагоддзя». В ней представлено творчество сорока поэтов молодого поколения, многие из которых дебютировали на литературной арене в XXI веке, а некоторые, родившиеся в 1980-х годах, продолжают свое раннее творчество (В. Морт, В. Тренас, В. Кустова) [20]. Одним из мотивов написания книги о данной группе поэтов стало недостаточное внимание к их таланту и творчеству в белорусской критической литературе. По мнению А. Макмиллина, именно это поколение поэтов заслуживает особого внимания, они представляют многообещающее будущее белорусской поэзии [20, с. 7]. Структура книги представлена восемью тематическими главами, позволяющими систематизировать большое количество разнообразных поэтических индивидуальностей. Исследователь отмечает оригинальность идей, тем и качество стихотворений каждого из этих литераторов, оригиналы стихотворений подаются на белорусском языке с переводами на английский в прозе. Сам Арнольд Макмиллин называет свою монографию «книгой без конца», выражая надежду, что она может представить читателям интересные молодые литературные таланты, которые способны продолжить развитие качественной белорусской литературы [20, с. 2].

Помимо монографических работ, Арнольд Макмиллин написал большое количество статей, посвященных разным аспектам языка и лите-

ратуры, персоналиям, внесшим значительный вклад в белорусскую культуру. В статьях «Стаўленне да беларускай мовы ў XIX ст. да з'яўлення прац Карскага» (1966), «Акадэмік Я.Ф. Карскі» (1967) Макмиллин раскрыл состояние белорусского языка и белорусского языкознания в XIX веке и вклад в него Карского [21]. Ученый выступал и в защиту белорусского языка в статье «Русіфікацыя і яе апаненты ў сучаснай беларускай літаратуры» (1989) [11]. Оценку попыток ряда писателей и поэтов-эмигрантов представить в своих работах образ Ф. Скорины британский ученый дал в работе «Скорина и диаспора» [22, с. 9–17]. Автор отмечает неоднозначное отношение как белорусской историографии, так и властей к фигуре белорусского первопечатника, чье имя то возвеличивали, то вычеркивали из истории. А. Макмиллин – автор обзорных статей и разделов о белорусском языке для энциклопедических справочников и обобщающих работ, рецензий на работы белорусских и зарубежных исследователей (рецензии на работу А. Безлепкиной, В. Горбатского, Н. Мечковской и др.) [23; 14; 24]. Статья А. Макмиллина «Пакаранне без злачынства: Беларуская турэмная паэзія» посвящена поэзии белорусских поэтов, оказавшихся в неволе в польских и советских тюрьмах по политическим мотивам [8].

В последние годы Макмиллин неоднократно приезжал в Беларусь для участия в международных конференциях, для сбора информации о современной белорусской литературе, в 2009 и 2015 годах он принимал участие в работе международных конгрессов белорусистов. В 2006 году он являлся президентом Ассоциации современных гуманитарных исследований в Великобритании [28].

Сегодня работы Арнольда Макмиллина представляют собой ценность не только как литературоведческие, языковедческие и историко-культурологические источники по истории западноевропейской славистики, но и как независимое видение зарубежного ученого по ключевым проблемам белорусской культуры Нового времени. Благодаря его исследованиям белорусская литература стала известна не только в Великобритании, но и в других странах Запада. Его труды, которые базировались на широком источниковом фундаменте по истории белорусской культуры, литературы и языка, в частности, способствовали первому знакомству британского и европейского экспертного сообщества с малоизвестной до работ А. Макмиллина славянской культурой Беларуси. Спецификой работ А. Макмиллина является наличие комплексного подхода к исследуемым проблемам, которые рассматриваются с глубоким проникновением в историко-культурологический контекст истории белорусского языка и литературы. Еще одно отличительное достоинство работ А. Макмиллина – широкие хронологические рамки исследования белорусской литературы (от XII до XXI века). Все это позволяет оценить работу ученого как глубоко оригинальную, существенно отличающуюся от традиционных отечественных (белорусских) литературоведческих исследований белорусской культуры. В его

монографиях представлен независимый взгляд западного лингвиста, литературоведа, культуролога, который практически не был подвержен влиянию изменчивой социально-политической конъюнктуры эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапран Сергей. Наш человек в Лондоне // Ніва. 2005. № 27 (15 апреля). С. 13.
2. Булгакаў Валер. Вузкія месцы дыяспары // Arche. 2004 (30). № 1. С. 6–24.
3. Гардзіенка Н. Беларусы ў Вялікабрытаніі. Мінск: Медысонт, 2010. 620 с.
4. Макмілін А. Гісторыя беларускай літаратуры ад яе вытокаў да сенняшніх дзен. Гісэн, 1977. 447 р.
5. Макмілін А. Беларуская літаратура ў 50–60-я гады XX стагоддзя / пер. з англ. А. Літвіноўскай. Мн.: МГА «Бел. кнігазбор», 2001. 329 [2] с.
6. Макмілін А. Беларуская літаратура дыяспары: пер. з англ. Мн.: Тэхнапрынт, 2004. 439 с.
7. Макмілін А. Пісьменства ў халодным клімаце: беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзен. Беласток: Orthdruk, 2011. 910 с.
8. Макмілін А. Пакаранне без злачынства: Беларуская турэмная паэзія // Журнал беларускіх даследаванняў. 2013. Частка 7. № 1. С. 75–87.
9. Мальдзіс А. Arnold McMillin. Belarusian literature in the 1950th and 1960s. Köln, Wien, Böhlau, 1999. 315 p. // Кантакты і дыялогі. 2000. № 1–2. С. 37–40.
10. Прыгодзіч М.Р. Беларуская мова ў працах замежных лінгвістаў. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2010. 183 с.
11. Сакалоўскі У. Арнольду Макміліну – 65. Да 65-годдзя англійскага даследчыка беларускай літаратуры // Наша слова. 2006. № 25(761) (21 чэрвеня). С. 1–2.
12. Сакалоўскі У.Л. Беларуская літаратура ў даследаваннях заходнееўрапейскіх славістаў // Славяне: адзінства і мнагастайнасць: міжнародная канферэнцыя, Мінск, 24–27 мая 1990: тэзісы дакладаў і паведамленняў. Секцыя 5: Узаемасувязі і ўзаемадзеянне славянскіх культур: фальклор, літаратура, мастацтва / рэдкал.: М.В. Бірыла (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелНДІНТІ, 1990. С. 66–67.
13. Сакалоўскі У.Л. Макмілін (McMillin) Арнольд Барат // Беларуская Энцыклапедыя: у 18 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. Мн.: БелЭн, 1999. Т. 9: Кулібін – Малаіта. С. 539.
14. Harbacki Uladzislau. McMillin Arnold. Ab Feminizacyi Bielaruskaj Movy: Feminizacyja Nomina Agentis i Peunych Inšych Katehoryjau Sucasnaj Bielaruskaj Movie: Ese. belarusians.co.uk: Leicester, 2012. 99 p. // The Journal of Byelorussian Studies. 2013. Vol. 7, No. 1. P. 120–122.
15. McMillin Arnold Barrat. The Vocabulary of the Byelorussian Literary Language in the Nineteenth Century. L.: The Anglo-Byelorussian Society, 1973. 336 p.
16. McMillin A. Die Literatur der Weißrussen: a history of Byelorussian literature from its origins to the present day. Giessen: Wilhelm Schmitz Verlag, 1977. 447 p.
17. McMillin Arnold. Belarussian literature in the 1950s and 1960s: release and renewal. Köln [etc.]: Bohlam, 1995. 315 p.
18. McMillin Arnold. Belarusian literature of the diaspora. Birmingham: Centre for Russian and East European Studies. The University of Birmingham, 2002. XVI. 503 p.
19. McMillin Arnold. Writing in a Cold Climate: Belarusian Literature from the 1970s to the Present Day. L.: Maney Publishing, 2010. XXI. 1129 p.
20. McMillin Arnold. Spring Shoots: Young Belarusian poets in the early twenty-first century. Cambridge: Modern Humanities Research Association, 2015. 200 p.
21. McMillin Arnold B. Academician Ja. F. Karski (1861–1931) // The Journal of Byelorussian Studies. 1967. Vol. I, No. 3. Year III. P. 207–215.

22. McMillin Arnold. Skaryna and the diaspora // Роля беларускай дыяспары ў захаваньні і разьвіцьці беларускае культуры: матэрыялы Міжнароднай канфэрэнцыі (Лендан, 29–30 верасьня 2001 г.) / укл. І. Іваноў, І. Лабацэвіч. Менск: БелФранс, 2004. С. 9–17.

23. McMillin Arnold. Contemporary Belarusian Literature // The Journal of Belarusian Studies. 2014. Vol. 7, No. 2. P. 97–99.

24. McMillin Arnold B. Belorusskii iazyk: Sotsioligvisticheskie ocherki by Nina B. Mechkovskaia // The Slavonic and East European Review. L.: the Modern Humanities Research Association and University College London, School of Slavonic and East European Studies. 2004. Vol. 82, No. 2. P. 317–319.

25. Гарбацкі Уладзіслаў. Макмілін заўседы вязе ў Беларусь добрае надвор'е. URL: http://novychas.by/asoba/makmilin-zausjody-vjaze-dobrae-nadvor-e (дата обращения: 05.09.2016).

26. Жывень Алег. «Арнольд МакМілін пра беларускую літаратуру». n-europe.eu, 8.11.2011. URL: http://news.arche.by/by/page/reviews/litaratura-ahliady/6679 (дата обращения: 10.04.2016).

27. Пахомчык Наталля. Здалек пра блізкае // Літаратура і мастацтва. URL:http://www.main.lim.by/?p=1372 (дата обращения: 16.04.2016).

28. MHRA President for 2006 // News from the Modern Humanities Research Association URL: http://www.mhra.org.uk/wp/?p=90 (дата обращения: 12.12.2015).

A.D. Dudzko, E.V. Kodin
Arnold McMillin – a British Researcher of the Belarusian Literature of the Early Modern and Modern Historical Periods

Key words: *Belarusian studies; culture of Belarus; history of the Belarusian language and literature; British Slavic studies; literature of Belarusian emigration.*

The article studies the creative heritage of the outstanding British Slavic scholar Arnold McMillin, devoted to the study of the history of the Belarusian language, literature and culture of the XIXth – early XXIst centuries. The features of his style, motives of his research, key works and their source base are noted. Conclusions are drawn about his contribution to the research of new problems in the history of Belarusian culture. The role of Arnold McMillin in the foreign Belorussian studies in the second half of the XXth and beginning of the XXIst centuries is determined.

А.Е. Тишина
Смоленский государственный университет

УДК 811.111; 81'32

Соотношение концептуальных признаков метафорической модели в ранней лирике А.Ч. Суинберна

Ключевые слова: *индивидуальный стиль; метафора; корреляционный анализ; коэффициент Коула; Суинберн.*

В статье излагаются результаты проведения корреляционного анализа базы метафор А.Ч. Суинберна за первый период его творчества. На основе полученных данных о комбинаторике концептов в метафорической модели делаются выводы об индивидуальных особенностях образной системы поэта и специфике ее функционирования в его ранних работах.

В число центральных объектов изучения в лингвистике входит индивидуальный стиль автора как совокупность средств, находящихся на самых разных языковых уровнях и способных однозначно определить стиль конкретного поэта или писателя, ставя его в оппозицию к множеству остальных. Одним из наиболее продуктивных маркеров идиостиля является метафора, изучение которой позволяет не только эксплицировать формальные закономерности, но и описать тенденции в распределении доминант в ментальной картине мира автора [6]. В свою очередь, синтез методик когнитивной лингвистики и разнообразных техник количественного анализа позволил сделать исследования в данной области более точными, объективными, легко поддающимися сравнению как в диахроническом, так и в синхроническом плане [1; 2; 7].

При использовании авторской метафоры в качестве классификационного признака каждый из созданных образов исследуется как частный случай определенной метафорической модели, двучленной структуры, состоящей из левого элемента (концепта-цели, концепта-мишени, того, что сопоставляется) и правого элемента (концепта-источника, концепта-донора, того, с чем осуществляется сопоставление). Каждый концепт из полученной таким образом базы метафор может исследоваться по параметрам активности (степени значимости в когнитивной картине мира) и продуктивности (способности участвовать в создании метафорических моделей), что дает возможность выявить индивидуальные черты стиля автора на каждом этапе его деятельности, спроектировать конструкцию его образной системы [2].

Исследование образного ряда ранних произведений Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) – выдающегося английского поэта, драма-

турга, литературного критика эпохи царствования королевы Виктории – по параметрам активности и продуктивности концептов, входящих в метафорические модели, выявило определенные закономерности в процессе метафоризации и позволило создать модель образной системы поэта в первом периоде его творчества [8; 9].

Однако при изучении закономерностей авторской метафорической системы представляется важным не только воссоздание ее строения, конструктивных особенностей, но и выявление тенденций во внутренней организации, вскрытие механизмов функционирования процесса метафоризации внутри этой системы. Для выявления характера и измерения подобных связей между признаками используются различные коэффициенты сопряженности (в лингвистике эти техники относят к группе методов корреляционного анализа, понимая слово «корреляции» в широком смысле, как любое соотношение, взаимозависимость) [10]. Различные техники корреляционного анализа зарекомендовали себя как весьма действенные методы решения широкого спектра лингвистических задач в целом и проблем стилеметрии в частности [3; 4; 5].

В данной статье освещаются результаты корреляционного анализа базы метафор из лирических произведений Суинберна на раннем этапе его литературной деятельности. Подобное исследование позволяет выявить внутренние, неявные тенденции в комбинаторике концептов, причем оказываются вскрытыми не только случаи обоюдного тяготения концептов, но и эпизоды ограничительного воздействия компонентов образного пространства друг на друга. В настоящей работе для экспликации этих взаимозависимостей, измерения их силы и определения статистической значимости был применен коэффициент корреляции Коула (R). Несомненным преимуществом данного метода анализа является его релевантность при больших колебаниях частотности соотносимых признаков, что весьма важно при применении этой меры к текстовому материалу [3].

При анализе взаимной детерминированности между концептами, находящимися в левой и правой позиции в метафорической модели на первом этапе творчества Суинберна, статистически значимыми оказались 105 из 483 возможных связей, что составляет 21,7%; из 105 выявленных корреляций 70 являются положительными (66,7%), а 35 отрицательными (33,3%). Таким образом, можно говорить о возможности проследить определенные тенденции в комбинаторике некоторых концептов.

В первую очередь сравним характер распределения всех статистически значимых связей между концептами-целями и концептами-источниками, задействованными в раннем периоде творчества Суинберна (табл. 1).

Таблица 1

Распределение статистически значимых корреляций между концептами-целями и концептами-источниками в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Ранг концепта	Концепт-цель	Количество статистически значимых корреляций
1	Орган	11
2	Психическая сфера	10
3	Экзистенция	8
4–6	Звук	7
4–6	Информация	7
4–6	Существа	7
7	Время	6
8–12	Вода	5
8–12	Пространство	5
8–12	Растение	5
8–12	Свет	5
8–12	Социальное	5
13–15	Огонь	4
13–15	Предмет	4
13–15	Стихия	4
16–17	Еда	3
16–17	Природа	3
18–19	Орудие	2
18–19	Мир	2
20–21	Вещество	1
20–21	Драгоценное	1
–	–	–
–	–	–

Ранг концепта	Концепт-источник	Количество статистически значимых корреляций
1	Орган	15
2	Существа	14
3	Растение	10
4	Ткань	8
5–6	Звук	6
5–6	Предмет	6
7	Экзистенция	5
8–12	Вещество	4
8–12	Время	4
8–12	Драгоценное	4
8–12	Свет	4
8–12	Социальное	4
13–15	Контейнер	3
13–15	Орудие	3
13–15	Стихия	3
16–19	Еда	2
16–19	Информация	2
16–19	Пространство	2
16–19	Психическая сфера	2
20–23	Вода	1
20–23	Мир	1
20–23	Огонь	1
20–23	Транспорт	1

Лидирующие элементы области-донора метафорической экспансии довольно ярко ранжированы по количеству имеющихся взаимозависимостей с концептами-мишенями, в то время как по списку концептов-целей выявленные корреляции рассеяны достаточно диффузно. Так, на начальные 6 позиций в иерархии концептов-мишеней приходится 50 значимых связей, тогда как у концептов-доноров – 59. В первом списке у 6 концептов количество важных взаимозависимостей гораздо ниже среднего (1, 2 или 3), а во втором списке таких элементов 11.

Ведущую позицию как среди концептов-целей, так и среди источников метафорической экспансии занимает концепт Орган (табл. 2, 3; здесь и далее в таблицах приводятся только статистически значимые корреляции между исследуемыми признаками).

Таблица 2

Коэффициент корреляции Коула концептов-источников и концепта Орган в функции цели в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-цель	Концепт-источник					
	Время	Звук	Огонь	Орган	Орудие	Растение
Орган	–1,00	–1,00	0,39	–0,84	0,59	0,14

Таблица 2 (окончание)

Концепт-цель	Концепт-источник				
	Социальное	Стихия	Ткань	Транспорт	Экзистенция
Орган	–1,00	0,46	–1,00	1,00	–1,00

Таблица 3

Коэффициент корреляции Коула концептов-целей и концепта Орган в функции источника в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-источник	Концепт-цель							
	Вода	Еда	Звук	Огонь	Орган	Орудие	Предмет	Природа
Орган	0,09	0,27	–1,00	0,35	–0,84	1,00	0,18	0,27

Таблица 3 (окончание)

Концепт-источник	Концепт-цель						
	Пространство	Растение	Свет	Социальное	Стихия	Существа	Экзистенция
Орган	0,14	0,07	0,16	–1,00	0,11	–0,71	–0,74

Большое количество статистически значимых корреляций между концептом Орган в обеих функциях и остальными элементами концептосферы Суинберна (в случае использования указанного концепта как цели сравнения их число составляет 52% от всех возможных взаимозависимостей, а при употреблении в качестве источника – 65%) говорит о том, что в данном случае существуют весьма строгие законы сочетаемости, согласно которым происходит образование концептуальных пар в процессе метафоризации. Обращает на себя внимание и значительная доля отрицательных связей между рассматриваемыми концептами (с явным преобладанием сверхсильной степени отталкивания). Так, концепт Орган никогда не приобретает свойств, присущих времени, звуку, ткани, социальным и экзистенциальным явлениям, и крайне редко сравнивается с другими органами. Наличие этого концепта в правой части модели препятствует появлению слева концептов Звук и Социальное, а вероятность использования таких элементов области-цели, как Орган, Существа, Экзистенция, крайне мала.

Концепт Орудие, напротив, всегда сопоставляется с концептом Орган, а на последнее, в свою очередь, переносятся дифференцирующие характеристики транспортных средств (однако при всей однозначности подобных интерпретаций их частотность в ранней лирике Суинберна крайне низка):

The sides of the two-edged *sword* shall be bare, and
its **mouth** shall be red.
(«A Song in Time of Revolution»)

My *heart* swims blind in a sea
<…>
A broken, an emptied **boat**…
(«Satia te Sanguine»)

Интересно, что велика вероятность и обратной модели Орган – Орудие (R = 0,59):

Yea, with thy sweet *lips*, with thy sweet **sword**…
(«In the Orchard»)

Концепты Орган и Огонь испытывают явное взаимное притяжение друг к другу вне зависимости от их функции в метафорической модели:

Flame as fierce as the fervid **eyes** of lions.
(«Hendecasyllabics»)

With *hands* that sting like **fire**.
(«Before Dawn»)

Концепт-цель Психическая сфера находится на втором месте по количеству статистически значимых сочетаний, демонстрируя 10 связей, причем 8 из них отрицательные (табл. 4).

Таблица 4

Коэффициент корреляции Коула концептов-источников и концепта Психическая сфера в функции цели в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-цель	Концепт-источник				
	Вещество	Вода	Время	Звук	Орудие
Психическая сфера	–1,00	0,37	–1,00	–1,00	–1,00

Таблица 4 (окончание)

Концепт-цель	Концепт-источник				
	Свет	Стихия	Существа	Ткань	Экзистенция
Психическая сфера	–0,71	–1,00	0,17	–1,00	–1,00

Итак, несмотря на высокую частоту появления данного концепта-цели в раннем творчестве, он имеет довольно ограниченную сочетаемость в метафорической модели. Концепты Вещество, Время, Звук, Орудие, Стихия, Ткань, Экзистенция никогда не служат источниками для образного переосмысления элементов Психической сферы. Высокая степень отталкивания наблюдается также в модели Психическая сфера – Свет. Позитивно диагностируется лишь сочетаемость этого концепта-мишени с концептами Вода (R = 0,37) и Существа (R = 0,17):

Love is a barren **sea**, bitter and deep.
(«A Leave-Taking»)

Love **hath ta'en** me and **slain** unaware.
(«April»)

Концепт-цель Экзистенция располагается на третьей строке в иерархии концептов по числу выявленных важных взаимозависимостей с элементами области – донора метафорической экспансии (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициент корреляции Коула концептов-источников и концепта Экзистенция в функции цели в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-цель	Концепт-источник			
	Контейнер	Орган	Предмет	Пространство
Экзистенция	0,15	–0,74	0,04	0,12

Таблица 5 (окончание)

Концепт-цель	Концепт-источник			
	Растение	Существа	Ткань	Экзистенция
Экзистенция	–0,66	0,25	0,12	0,12

Наиболее сильными из имеющихся значимых корреляций концепта-цели Экзистенция являются случаи взаимного отталкивания с концептами-источниками Орган и Растение. В метафорических моделях, демонстрирующих обоюдное притяжение составляющих их концептов, коэффициент корреляции Коула имеет небольшие положительные значения, наивысшее из которых зарегистрировано в паре Экзистенция – Существа:

Our *lives* **would grow** together
In sad or singing weather.
(«A Match»)

На второй позиции среди концептов-источников метафорического сопоставления находится концепт Существа, имеющий 14 статистически значимых случаев взаимообусловленности с представителями зоны-цели, что лишь на 1 единицу меньше, чем у лидера данной иерархии – концепта-источника Орган. Стоит отметить: несмотря на то, что концепт-источник Существа стабильно доминирует по активности и продуктивности, большая часть релевантных корреляций имеет отрицательные значения (табл. 6).

Таблица 6

Коэффициент корреляции Коула концептов-целей и концепта Существа в функции источника в метафоризации на раннем этапе творчества Суинберна

Концепт-источник	Концепт-цель						
	Вещество	Вода	Время	Драгоценное	Еда	Информация	Огонь
Существа	1,00	–0,29	0,28	1,00	–0,50	–1,00	–0,70

Таблица 6 (окончание)

Концепт-источник	Концепт-цель						
	Орудие	Природа	ПС	Свет	Стихия	Существа	Экзистенция
Существа	–1,00	–0,50	0,17	–0,24	–0,15	–0,10	0,25

В раннем творчестве Суинберна абсолютно исключено появление моделей метафоры Информация – Существа и Орудие – Существа, мала вероятность возникновения схем сопоставления Огонь – Существа, Еда – Существа, Природа – Существа, Вода – Существа, Свет – Существа.

Напротив, в парах Время – Существа, Экзистенция – Существа, Психическая сфера – Существа отмечено взаимное притяжение составляющих их концептов, а такие низкочастотные концепты, как Драгоценное и Вещество, однозначно интерпретируются поэтом как репрезентанты мира живых существ.

Психическая сфера – Существа;
Время – Существа:
For *love* may not **remember**,
But *time* will not **forget**.
(«Rococo»)

В свою очередь, концепт-источник Растение, занимающий третье место по количеству корреляций, имеет 4 положительные связи слабой силы и 6 ярко выраженных отрицательных (табл. 7).

Таблица 7

Коэффициент корреляции Коула концептов-целей и концепта Растение в функции источника в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-источник	Концепт-цель				
	Вода	Время	Звук	Орган	Предмет
Растение	0,08	–0,71	–1,00	0,14	–1,00

Таблица 7 (окончание)

Концепт-источник	Концепт-цель				
	Пространство	Растение	Свет	Существа	Экзистенция
Растение	–1,00	–0,61	0,08	0,07	–0,66

Таким образом, за исключением шести концептов, которые демонстрируют взаимное отталкивание с концептом Растение в правой позиции, остальные элементы области-мишени в метафоризации сочетаются с этим концептом достаточно свободно. Наблюдается, однако, некоторое тяготение к интерпретации органов человеческого тела через элементы концептуальной области Растение, что представляется довольно интересной особенностью концептуальной картины мира Суинберна:

A *hand* like a white **wood-blossom**.
(«An Interlude»)

Round her woven tresses and ashen *temples*,
White as dead snow, paler than **grass** in summer…
(«Sapphics»)

Следует отметить, что картина распределения корреляций несколько схожа с соответствующими иерархиями концептов в обеих функциях по их активности: концепты-цели Орган и Психическая сфера, концепты-источники Орган, Существа, Растение занимают практически идентичные позиции в списках. Однако более детальное изучение показало, что выявленный параллелизм в распределении корреляций среди концептов и их активности в первом периоде не является универсальной закономерностью. Например, концепт Время в качестве цели метафорического переноса имеет активность 3, при этом располагаясь лишь на седьмом месте по количеству корреляций, важных с точки зрения описания авторского стиля. Наиболее сильная связь в данном случае наблюдается в модели Время–Время (см. табл. 8).

Till *day* like **night** were shady
And *night* were bright like **day**.
(«A Match»)

Таблица 8

Коэффициент корреляции Коула концептов-источников и концепта Время в функции цели в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-цель	Концепт-источник					
	Время	Драгоценное	Звук	Предмет	Растение	Существа
Время	0,31	–1,00	0,18	–0,51	–0,71	0,28

Относительно малочастотный концепт-источник Ткань (активность = 16), напротив, входит в пятерку лидеров по числу корреляционных связей, занимая четвертую строчку списка, и демонстрирует 8 взаимозависимостей, большинство из которых являются положительными и средними по силе (табл. 9).

Таблица 9

Коэффициент корреляции Коула концептов-целей и концепта Ткань в функции источника в метафоризации в первом периоде творчества Суинберна

Концепт-источник	Концепт-цель			
	Вода	Информация	Орган	Предмет
Ткань	0,14	0,16	–1,00	0,15

Таблица 9 (окончание)

Концепт-источник	Концепт-цель			
	Психическая сфера	Свет	Стихия	Экзистенция
Ткань	–1,00	0,15	0,14	0,12

Так, имеется определенная вероятность создания пар Вода – Ткань, Информация – Ткань, Стихия – Ткань, Экзистенция – Ткань. Примером реализации таких сопоставлений могут быть строки из стихотворения «Before Dawn»:

And **weave** with *foam* and feather
And *wind* and *words* the **tether**
Our memories play with yet.
Ah, one thing worth beginning,
One **thread** in *life* worth spinning…
(«Before Dawn»)

Итак, корреляционный анализ базы авторских метафор первого этапа литературной деятельности поэта позволил сформировать иерархические списки концептов-целей и концептов-источников для образного сопоставления по количеству статистически значимых корреляций, выявить и подробно изучить случаи взаимозависимости между элементами метафорической модели. Полученные данные, несомненно, являются характерными признаками индивидуального стиля Суинберна и позволяют дополнить и усовершенствовать модель образной системы автора, созданную на основе информации об активности элементов метафорического пространства, привнося сведения о внутренней организации системы, специфике ее функционирования.

Образы, создаваемые Суинберном в ранней лирике, не являются хаотичными, а представляют собой организованную систему, в которой имеют место как тенденции к обоюдному притяжению концептуальных признаков, так и случаи их взаимной несовместимости, причем на первом этапе творчества поэта число эпизодов положительной детерминированности внутри модели явно преобладает.

Несмотря на наличие некоторой однотипности в иерархиях концептов в обеих функциях по параметру активности и по количеству статистически значимых корреляций внутри модели, абсолютной пропорциональной зависимости между данными характеристиками нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.С. Ретроспективная межконцептуальная импликация в метафоре Г. Лонгфелло // Квантитативная лингвистика. 2016. Т. 4. С. 4–19.

2. Андреев В.С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов поэтов-романтиков): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 42 с.

3. Андреев С.Н. Семантические метаязыки: сходства и различия // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2(18). С. 137–146.

4. Гращенков А.С. Факторы, определяющие деривационную сочетаемость английских глаголов и существительных в подъязыке делового общения: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2012. 24 с.

5. Кутузова Н.В. Структурная организация строки в условиях синтаксического переноса (на материале лирики английского поэта-романтика У. Вордсворта) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12(79). С. 103–108.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

7. Николаева Е.А. Соотношение стилей американских поэтов начала XX века в пространстве лингвистических признаков (на материале лирики Р. Фроста, Э. Робинсона, Э. Лоуэлл и В. Линдзи): автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2013. 22 с.

8. Тишина А.Е. Основы метафорической системы в индивидуальном стиле А.Ч. Суинберна // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 111–118.

9. Тишина А.Е. Особенности метафоризации в индивидуальном стиле раннего А.Ч. Суинберна // Риторика – Лингвистика: сборник статей. Вып. 11. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 112–120.

10. Тулдава Ю.А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1988. Вып. 827. С. 146–162.

A.E. Tishina
Correlation of Conceptual Features of the Metaphoric Model in the Early Lyrics of A.C. Swinburne

Key words: *individual style; metaphor; correlation analysis; Cole coefficient; Swinburne.*

The paper presents the results of correlation analysis of the base of A.C. Swinburne's metaphors during the first period of his creative activity. Some conclusions on the individual peculiarities of the poet's image system and the specific features of its functioning in his early works are made on the basis of the data concerning combinability of the concepts in the metaphoric model.

Р.В. Гуревич
Смоленский государственный университет

УДК 821.112.2.09

Художественные особенности раннего экспрессионистского романа австрийского писателя Альберта Париса Гютерсло «Танцующая дура»: структура текста, язык, фигуры героев

Ключевые слова: *экспрессионизм; ранний экспрессионистский роман; экспрессионистская проза; импрессионизм; модернизм; модерн.*

В статье обсуждаются проблемы ранней австрийской экспрессионистской прозы, отраженные в одном из самых первых экспрессионистских романов писателя Альберта Париса Гютерсло «Танцующая дура». В работе рассматриваются как связь романа с искусством предшествующих десятилетий (импрессионизм, модерн), так и те новые признаки, которые характеризуют его как экспрессионистское произведение.

До второй половины XX века в литературоведении существовала точка зрения на прозаические жанры как на периферию литературного

творчества экспрессионистов. Однако исследования последующих десятилетий показали, что в большинстве стран бывшей Австро-Венгрии, в Польше ведущая роль в освоении нового жизненного опыта принадлежит прозе. Особенно велико значение австрийского романа (Франц Кафка, Макс Брод, Альфред Кубин, Эрнст Вайс, Альберт Парис Гютерсло) в развитии экспрессионистской художественной системы [4, с. 336].

Материалом исследования служит роман А.П. Гютерсло «Танцующая дура» («Die tanzende Törin»), который написан в 1909, опубликован в 1911, доработан в 1913. Роман является одним из самых ранних «первопечатных изданий (инкунабул) экспрессионистского стиля» [5, S. 99]. Задача статьи – показать, что это произведение, с одной стороны, укоренено в искусстве модерна, искусстве конца XIX и начала XX века, а с другой – являет признаки совершенно нового мироощущения и эстетического мировосприятия, характерного для экспрессионизма.

А.П. Гютерсло (A.P. Gütersloh), настоящее имя Альберт Конрад Китрайбер (A.K. Kiehtreiber), – одна из самых значительных фигур австрийского духовного пространства XX века. На протяжении всей своей жизни (1887–1973) он был активным участником не только литературного, но и историко-культурного процесса в стране, находился в центре всех художественных исканий своего времени, знал изнутри художественное движение в первом десятилетии XX века (1).

А. Гютерсло начал свой путь художника, когда формировалось понятие модернизма как сознательное противопоставление наступающей новой эпохи всей предшествующей истории развития, как принципиальное изменение человеческого способа мышления и бытия. По мысли духовных учителей и провозвестников модернизма (Герман Бар, Генрих Харт, Ойген Вольфф), новому человеку необходимо было порвать с предрассудками античности. Под античностью понимался не конкретный исторический промежуток времени, связанный с эпохой греко-римского развития, а вся история человечества до конца XIX века. Путь от античности к модернизму, утверждали они, ведет не от животного к нравственному, а от животного к духовному и техническому. Человек, живущий в эпоху господства техники, призван быть властителем мира, его центром и точкой отсчета. Этот человек (homo intelligens, homo faber) должен пройти процесс эмансипации и отбросить ненужные «костыли» – авторитет семьи, религию, государство (закон). Человек эпохи модернизма – повелитель техники; он не только владеет миром, но и создает его.

Положения, развивавшиеся теоретиками модернизма, использовали выводы из теоретических естественнонаучных взглядов и философских построений, витавших в воздухе европейской цивилизации начиная с эпохи Возрождения. Решающую роль в процессе «эмансипации от всего» сыграл Ф. Ницше, отчеканивший эти идеи в блестящие афоризмы, клеймившие обывателя, «человека на подпорках». При таком подходе не мир сам по себе, а

его превращаемость путем человеческой деятельности стала предметом исследования. Это обусловило две стороны во взаимоотношениях человека с миром. Во-первых, мир в представлении человека модернизма стал открытым и не защищенным от любых посягательств; во-вторых, он предстал для познающего и действующего в нем субъекта как пространство реализации бесконечных возможностей. В искусстве модернизм явился методом, вскормившим все значительные художественные направления XX века: эго- и кубофутуризм, имажинизм, дадаизм, сюрреализм. В немецкоязычной литературе и искусстве наиболее мощным движением первой трети столетия был экспрессионизм, вобравший в себя все указанные выше течения. Он достиг апогея своего влияния в «экспрессионистское десятилетие» (1911–1921) и оставил глубокий след в европейской культуре, в ее поэзии и романе, драматургии и живописи. Одним из первопроходцев нового художественного мышления и чувствования в прозе стал Альберт Парис Гютерсло.

Сюжет книги «Танцующая дура» строится на описании жизни восемнадцатилетней дочери богатого берлинского банкира Рут Хэрценштейн. Скука и надзор в родительском доме, перспектива такой же бесцветной жизни замужем пробуждает в Рут желание выйти в большой мир, урвать свой кусок счастья. Ее поддерживает старший брат Роланд, издающий на деньги отца какой-то передовой журнал для молодежи и выступающий с крамольными речами, направленными против всех авторитетов – семьи, государства, религии. Однако и сама Рут обладает железной волей и хваткой. В трудных для нее ситуациях она всегда прибегает к лжи. Так она избавляется от нежеланного жениха, от опеки брата, порывает с семьей, получает финансовую поддержку от влюбленного в нее богача-художника и переезжает в Вену. В Вене она вращается в среде художественной богемы, бывает в аристократических салонах, всюду распространяя и искусно поддерживая слухи о своих занятиях современным танцем. Красавица Рут, наделенная талантом танцовщицы, окружена хороводом почитателей-мужчин, для которых она «символ» и «событие». Она влюбляет их в себя, разыгрывая роль одновременно и монахини, и кокотки, никому не отдаваясь, но втайне желая обычной плотской любви. Это и тайна, и драма ее жизни, основанной на лжи: ведь, заставив других поверить в свой необыкновенный дар танцовщицы, она в конце концов уверовала в него сама. Ей кажется, что она, никогда не учившаяся искусству танца, сумеет поразить зрителей, если будет звучать вдохновляющая ее музыка. Она без колебаний принимает ангажемент, но чуда не происходит. В финальном эпизоде Рут в каком-то сомнительном увеселительном заведении последний раз испытывает свои чары, убеждая полубезумного слепого под маской Пьеро поверить в то, что она принимает его за зрячего. Затем, изощренно издеваясь над ним, заставляет несчастного пройти к выходу и затем по тротуару к каналу, где он тонет. Так Рут осуществляет свою месть «всем мужчинам, которые никогда не дотронулись до нее» [7, S. 369].

Роман написан совсем молодым человеком, он и писался для молодых, более того, для «своих»: таких же одержимых идеями творческого противостояния прежнему искусству. Литературный текст, созданный Гютерсло, стоит как бы на некой промежуточной почве. С одной стороны, его герои живут внутри тех же конфликтов, что характерны для искусства предыдущего десятилетия (конфликт отцов и детей, бунтарские стремления к свободной любви); а с другой – на всем лежит отсвет уже иного мироощущения. Это можно проследить, в первую очередь, в рассуждениях персонажей, воспроизводящих идеи властителей дум молодежи той эпохи: антиавторитарные высказывания в духе Ф. Ницше, рассуждения об Эдиповом комплексе и нарциссизме из психоанализа З. Фрейда, женоненавистнические инвективы О. Вейнингера. Примечательно, что нигилистические взгляды Ницше и психоаналитические новации Фрейда никак не маркированы – этот духовный багаж уже вошел в общественное и творческое сознание нового поколения художников. Произведение О. Вейнингера «Пол и характер» («Geschlecht und Charakter», 1903) также оказывало влияние на экспрессионистское мироощущение. Положения книги (бисексуальная природа человека, «генетический код» таланта) давали возможность заглянуть в те метафизические бездны, куда влекло экспрессионистов. Антифеминистический дух книги органично вписывался в экспрессионистское мировидение, основу которого составляло ощущение чужбины и вселенского сиротства. В экспрессионистской картине мира женщина была «чужачкой», опасной и волнующей, одновременно отталкивающей и притягивающей. Труд О. Вейнингера присутствует в книге Гютерсло и как учебник по женской психологии, и как пособие для самопознания героев (см.: [2, с. 51, 190–191, 314]).

Все эти идеи излагаются в многостраничных монологах и беседах героев. Как это принято в молодежной среде, с одинаковой запальчивостью высказываются диаметрально противоположные взгляды. Автор отказывается от любого вмешательства, давая возможность каждому персонажу изложить свои взгляды. Обсуждаемые в романе темы типичны для литературы экспрессионистского десятилетия. Это провозглашение свободы личности и протест против всех авторитетов, это самое радикальное и интенсивное выражение своего «я». Основной формой проявления как протеста, так и индивидуальности являются любовь и сексуальное влечение. Тема пришла из искусства модерна, достаточно вспомнить угнетенную сексуальность Франка Ведекинда («Пробуждение весны»). Но экспрессионизм внес свои драматические краски. В романе сексуальность движет всеми поступками героев, определяет радиус их действия. Гютерсло демонстрирует полный набор чувств, замешанных на эротике: романтическую влюбленность в Рут начинающего драматурга Феликса Эдельбауэра, драматическую любовь к ней художника Тонио Фаустинера, любовную одержимость ею Парацельса Вельзера, а также сексуальное влечение ее брата Роланда к матери и его тайную жажду инцеста с сестрой,

намек на лесбийские отношения Рут с актрисой Мальвой, гомоэротическую связь Ливлянда с мальчиком Элиасом. Каждый из персонажей выступает с монологом на отведенную ему тему. Как традиционные, так и нетрадиционные формы эротического влечения переданы с одинаковой серьезностью и равным пафосом. Какие-либо комментарии или тем более моральная оценка мыслей и действий героев отсутствуют. Как можно понять, молодой автор во многом идентифицирует себя с душевным настроем и мыслями своих героев. На всем повествовании лежит печать скандальной, вызывающей свободы, задиристое желание дать «пощечину общественному вкусу», эпатировать «почтеннейшую публику». Да, смутить покой буржуа, вывести его из состояния равновесия, поколебать своими эскападами его истовую веру в незыблемость основ бытия и морали, просто ошарашить и «попугать» обывателя – все это, бесспорно, входило в кодекс поведения молодых бунтарей прежнего времени и отразилось в книге Гютерсло. Однако самый смысл мятежных высказываний персонажей, ниспровергающих все установленные нормы, имел теперь иную направленность. Героям Гютерсло было важно пробиться к первоосновам, первоэлементам бытия, прорваться к внутренней сути предмета и вскрыть его корни. Поэтому любое явление, любые нормы и традиции должны были в глазах молодых пройти проверку и доказать свою состоятельность или несостоятельность перед их критическим чувством и разумом. На этом пути, как показывает роман Гютерсло, не обошлось без экзальтированных преувеличений, драматизации самых обычных, с точки зрения здравого смысла, явлений. Например, Роланд, брат Рут, обуреваем сложным комплексом чувств к актрисе Мальве, к своей матери и к самой Рут. Он подвергает сложному экзамену на принадлежность к новому поколению самого себя, свои предпочтения, вкусы и пристрастия. Обычный житейский эпизод – Роланд видит через неплотно прикрытую дверь обнаженную сестру – дает повод для многостраничного внутреннего монолога, в котором литератор Роланд во всеоружии своей осведомленности в ницшеанской философии и фрейдистской психологии рассуждает о взаимоотношении полов, об инцесте, о материнстве. Как же так? Он, считавший себя свободным от всех предрассудков, не посмел войти к сестре как молодой мужчина к красивой женщине. Его ужасает собственная ложь: за письменным столом он стоит «по ту сторону добра и зла», однако в действительности не имеет мужества порвать с предрассудками и традициями старого мира.

Столь же бескомпромиссной ревизии он подвергает чувство любви к матери. Любовь к матери предстает перед ним не как чувство привязанности ребенка, не как освященное христианской этикой отношение между родителями и детьми. Сознанию Роланда, вскормленному трудами Ницше и Фрейда, это глубокое душевное переживание представляется самым опасным пережитком. Любовь к матери, ее авторитет, которому бездумно подчиняется ребенок, есть в его глазах самое страшное проявление принципа зависимости, лежащего в основе любого государства. Для воспитания нового человека

необходимо, полагает он, вырвать как можно скорее беспомощное дитя из рук матери и передать его «асоциальным воспитателям-индивидуалистам».

Демонстративный отказ занять какую-то позицию по отношению к своим персонажам, к выражаемым ими точкам зрения иногда рассматривался критикой как недостаток профессионального опыта и мастерства молодого писателя. Действительно, для автора более важны идеи, чем персонажи; для него интереснее, что говорится, чем то, о ком это говорится. Данным обстоятельством объясняется и отсутствие индивидуализации языка героев. Уже в первом произведении Гютерсло в общих чертах реализовал принцип, впоследствии ставший основополагающим для его творчества вообще, – представить свое повествование как «роман возможностей», показать воображаемую ситуацию как открытую, допускающую многозначное толкование. В этой связи спорным становится тезис исследователя творчества Гютерсло Ф. Турнера о том, что в «Танцующей дуре» показана молодежь без идеалов [9, S. 32]. Не подлежит сомнению, что молодые бунтари, выступая против освященных государством традиций и норм, нередко впадают в крайности, готовы защищать в качестве возможных любые, в том числе и самые сомнительные, варианты. Однако у них есть идеалы, на которые они равняются. Цель их жизни – «экспрессионистская эманация» (Готфрид Бенн); их образец – свободная, раскрепощенная личность, какой она вырастала перед внутренним взором молодых поэтов и художников, вдохновленных Ницше. Фигурой, постоянно маячившей за их поступками и изречениями, был этот мыслитель, его жизнь. Как и он, они стремились «раздирать словами внутреннюю сущность, выразить себя в неудержимом порыве, формулировать, ослеплять, сверкать, искриться, игнорируя любую опасность, не обращая внимание на последствия, гасить содержание ради экспрессии…» [6, S. 10].

Одним из основных мотивов является эрос. Опираясь на античную философию, Гютерсло полагал, что любовный и познавательный интересы – две стороны одного целого. Эта мысль проходит красной нитью через все творчество писателя, и его первый роман несет на себе следы данной концепции, ибо эрос для героев Гютерсло – способ постижения мира и самих себя. В «Танцующей дуре» эрос составляет сущность жизни молодых героев. Для Рут это единственный путь выразить себя, для Феликса и Тонио – обретение высшего смысла, для Ливлянда его увлечение – нечто вроде новой религии.

«Танцующая дура» раскрывает еще одну тему, занимающую в книге самостоятельное место, – тему лжи. В романе лгут все персонажи, но подлинным мастером лжи выступает Рут. Рут постоянно вращается в артистической среде музыкантов, литераторов, художников, они рисуют картины, пишут стихи, сочиняют музыку. На вопрос брата, зачем она постоянно лжет, Рут отвечает, что так она становится «интереснее», «продуктивнее» [7, S. 43]. Она виртуозно владеет способностью лгать, и ее дар сродни художественным

талантам людей, окружающих ее. Она лжет самозабвенно, точно повинуясь некой силе, заставляя других верить ее выдумкам. Рут не какая-то заурядная лгунья – она гений лжи. Любое ее измышление есть своего рода художественное произведение, созданное по всем меркам высокого искусства. Оно обладает достоверностью, безупречной формой, выполнено рукой мастера, добротно, изящно. У Рут есть и название для своего «творческого» процесса. Построить здание лжи означает для нее провести по воздуху кратчайшую линию, подобную той, что соединяет две отдаленные географические точки. В своем воображении она рисует другого человека, приписывает этому вымышленному лицу свою волю, свои только предполагаемые способности. Этому «другому» она придает собственные черты, заставляет сконструированный ею механизм думать за нее и воспринимать собственные результаты действия этого автомата-двойника (2).

Артистическая ложь Рут обнаруживает близкое сходство с искусством, однако искусство, внушающее человеку «сон золотой», никогда не принимает, как известно, свои творения за действительность. Ложь Рут посягнула на единоличное владение истиной и разбилась при столкновении с реальной жизнью. Ее собственная жизнь, построенная на постоянной лжи, отражает самую большую тайну ее существования: она, известная соблазнительница, пробуждающая в мужчинах самые смелые эротические мысли о ее прошлом и настоящем, в действительности – невинная девушка. Лишь в финальной сцене, в момент аффекта, она признается самой себе, что смерть несчастного слепца, утонувшего по ее вине в городском канале, была местью мужчинам, поверившим в ее ложь.

Рут – самый убедительный персонаж романа. Она создана по «лекалам» О. Вейнингера. Не случайно мужчины обращаются к его книге «Пол и характер», чтобы разобраться в сущности Рут [2, с. 51]. Описывая женскую психологию, решительно выступая против, как он считает, пустопорожней болтовни образованного общества о тайнах женского сердца, О. Вейнингер настаивал на том, что у настоящей женщины нет ни сердца, ни души, ни логического мышления. Напротив, она бессердечна и безответственна; она русалка, ундина, бесстыжая, бессовестная лгунья. Единственное, чем она обладает сполна, – это сексуальность: «она сексуальна с головы до ног», но в силу лживости своей натуры всегда скрывает это [2, с. 13, 46, 52, 58].

Вот так и шагает по жизни «эмансипе» первого десятилетия XX века, превратившая скучную, чуждую ей реальность в остров радости и беззаботного существования. Это выражает и ее фантазия о танце, возникшая совершенно случайно во время посещения художника Вельзера при взгляде на стену, где висел его портрет танцовщицы. Артистическая ложь, дававшая Рут возможность всегда остаться «интересной» для кружка своих поклонников, была по большей части бескорыстной. Ее, как подлинного художника, увлекал не результат, а сам процесс: находясь на вершине «кратчайшей линии», добившись максимального эффекта воздействия, Рут обычно исчезает. Одна-

ко ложь Рут обнаружила несостоятельность при столкновении с жизнью (3). Таков идейный аспект, проливающий свет на ту общую почву, питавшую и искусство модерна, и искусство экспрессионизма.

Другой аспект, тесно связанный с первым, состоит в самом существовании героев, в устройстве и стиле их бытовой культуры, отражающей вкусы времени. Как известно, экспрессионизм возник в среде молодых людей, по преимуществу хорошо обеспеченных, из чиновничьих и буржуазных семей, получивших университетское (гуманитарное) образование. Подобная ситуация в целом соответствует и материальному положению героев в книге. В этом отношении наиболее показателен быт семьи Ф. Эдельбауэра. В отличие от нуворишей Хэрценштейнов, в салоне матери Феликса собирается высшее венское общество. Их дом с зимним садом посещают венская знать, университетские профессора, финансовые директора. Налаженный быт семьи свидетельствует о солидном и длительном благосостоянии. Стены увешаны произведениями художников австрийского бидермейера (Йозеф Данхаузер, Фердинанд Вальдмюллер, Фридрих Амерлинг). Однако у гостей салона уже иные вкусы: они смотрят «Саломею» О. Уайльда, цитируют М. Рильке, Ст. Георге, поручают создание новых вилл известному архитектору венского югендстиля Йозефу Гофману, а украшают стены картинами Гогена. Они на дружеской ноге с немецкими художниками Максом Либерманом и Вильгельмом Трюбнером. В комнате самого Ф. Эдельбауэра висит портрет Стефана Георге в окружении Сезанна, Ван Гога, Оскара Кокошки и Яна Торопа, скульптора Ивана Мештровича. Как видно, здесь представлены все течения, начиная с последней трети XIX века: импрессионисты, постимпрессионисты, модерн и, наконец, те, кто позднее определит развитие экспрессионизма, – Оскар Кокошка, Иван Мештрович.

И сам роман, и художественные ощущения его героев еще пропитаны духом импрессионизма, они думают и чувствуют, как говорит Ф. Эдельбауэр, в «колорите» импрессионистов (4). Так, Феликс, возвращаясь из скромного ателье Тонио Фаустинера к себе домой, передает смену обстановки словами: «Словно от Сезанна к Моне» [6, S. 152]. Он же, взволнованный красками и запахами весны, просит поэта Юлиуса Коринта написать стихотворение, способное удержать «впечатление момента»: запах духов, проходящих женщин. Но для его друга, как и для автора, уже ясно, что это импрессионистское восприятие ниже их уровня [6, S. 239].

Таким образом, роман Гютерсло вырос на почве искусства прежнего десятилетия (модерна), а корни его уходят еще глубже – в поиски и находки импрессионизма, глубоко повлиявшего на всю культуру последней трети XIX века. Тем не менее книга сигнализировала о чем-то новом, это новое было отмечено в немногих рецензиях, появившихся после ее публикации, как «странности», переполняющие роман: обилие метафор, эксцентричность героев, аффектированность их поведения. В отрицательных оценках подчеркивалась «расчетливая просчитанность спекуляции», призванной оша-

рашить читателя: «Если бы автор хотел создать пародию на Ведекинда, Ницше и Альтенберга, то она должна была бы выглядеть именно так, как этот поистине чудовищный продукт…» [5, S. 154]. Другие же, напротив, нашли в романе «исповедь молодежи» [5, S. 153], научный анализ жизни, «докторскую работу о жизни» и даже «энциклопедию вечности, запечатленную в нынешнем дне» [5, S. 156]. «Странности», на которые указывала критика, были того же рода, что и необычные, деформирующие реальность фигуры на картинах экспрессионистов. Вся структура романа, его язык, образы содержат в себе множество примет, указывающих на его родство с литературой модернизма в целом и экспрессионизма в частности. В построении книги явно ощущается то «расшатывание» логики действия, причинности и взаимосвязи, которое присуще новому роману. Кажется, что автор вовсе не озабочен тем, чтобы дать обоснованное, законченное объяснение поступкам своих героев, продумать мотивированность их действий, имеющих решающее значение для развития сюжета. Автора мало беспокоит сюжетная организация многостраничных монологов персонажей. Он без всяких объяснений вводит размышления своих героев, представленные в форме внутренних монологов, делая фигуры романа носителями важнейших идей, волновавших молодых, рупором «экспрессионистского десятилетия». Поэтому язык героев не индивидуализирован, их монологи буквально напичканы психологическими, философскими, литературными положениями и тезисами. Повествование не отличается однородностью, оно как бы смонтировано из множества стилистически разнородных частей. Есть куски, построенные как научные сообщения, трактат; другие (письмо Ливлянда и его внутренний монолог о мальчике Элиасе) напоминают проповедь; в текст вставлена сказка о башне и о рыцаре; в нем можно найти и великолепную лирическую прозу (знакомство Тонио с Рут, описание весенней Вены); наконец, есть отрывки, написанные в форме стихов в прозе (впечатления Феликса Эдельбауэра от пения Рут).

Подобный монтаж воспринимается достаточно органично за счет единой интонации, проходящей через все повествование. Эта чисто экспрессионистская интонация, взволнованная, прерывистая, захлебывающаяся от избытка эмоций и чувств. Она возникает за счет употребления автором коротких предложений, объединенных сочинительной связью. Такой комплекс предложений динамизирует действие, с помощью подобного членения автор передает накал чувств, характерный для экспрессионистского восприятия. Создается впечатление, что и автору, и персонажам именно в данный момент необходимо сообщить что-то необыкновенно важное, что переполняет их душу, заставляет говорить, прибегая к любым метафорам и сравнениям, лишь бы все это помогло донести их боль, их разрывающую сердце страсть, переполняющие их ненависть и любовь. То, что они должны сообщить «здесь и сейчас» (конфликт с «отцами», открытие своего «я», разрыв и уход), переживается ими в первый раз, а потому –

чрезвычайно интенсивно. Тут годятся любые «подручные» средства языка (метафоры, сравнения), лишь бы они соответствовали интонационной настроенности, что построено, по словам И. Бродского, на поэтике минимализма, «пресекшегося дыхания» [1, с. 6].

Был и еще один аспект, создававший ощущение «странности» текста, почувствованное первыми читателями. Они заметили, что книга написана художником (5). Действительно, даже первые страницы передают впечатление от ночного города, увиденного глазами художника, разделявшего принципы нового искусства. Он сравнивает фонари с «тюками» света, которые, сгрудившись, превращают окна в белую бумагу, отсвечивают на блестящем лаке колясок, выманивают спрятанную охру из серого асфальта и выдавливают из лиц мелкие, но яркие капли жемчуга [7, S. 5]. Свет и его рефлексы, живущие собственной жизнью, интенсивно переводятся в романе в языковые средства и динамизируют язык. На эту особенность указывают современные исследователи, которые видят в ней «основную черту экспрессионистского способа формообразования» (6). Свет высвобождает в вещах, находящихся в состоянии кажущегося покоя, беспокойную подвижность и обнажает в них повышенную способность выражения (см.: [8, S. 375]). В романе Гютерсло предметная среда живет и активно действует: рестораны «выжимают» желтый густой свет, витрины магазинов отбрасывают на мостовую зеленые и бирюзово-голубые четырехугольники, автомобили пробивают себе путь в ночном Берлине рогами [7, S. 5].

Как было показано, экспрессионистский роман Гютерсло крепко связан с эстетическим мирочувствованием предыдущих десятилетий и предшествующих художественных направлений (импрессионизм, модерн). Однако хорошо видно и то, что отличает это произведение от них, несет на себе знак нового искусства, экспрессионизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский Иосиф. Нобелевская лекция. URL: http://lib.ru/brodsky/lect.txt (дата обращения: 25.08.2017).

2. Вейнингер О. Пол и характер. URL: http://lib.ru/DPEOPLE/wajninger.txt (дата обращения: 25.08.2017).

3. Гугнин А.А. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. Вып. 1. Новополоцк – Москва: Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 2000.

4. Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008.

5. Allegorie und Eros. Texte von und über Albert Paris Gütersloh. München: Piper, 1986.

6. Benn Gottfried. Einleitung // Lyrik des expressionistischen Jahrzehnts: Von den Wegbereitern bis zum Dada. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1963.

7. Gütersloh Albert Paris. Die tanzende Törin. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1979.

8. Rash Wolfdietrich. Nachwort // Gütersloh Albert Paris. Die tanzende Törin. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1979.

9. Thurner Felix. Albert Paris Gütersloh: Studien zu seinem Romanwerk. Bern: Lang, 1970.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Щедро наделенный разнообразными художественными талантами, Гютерсло пробовал себя в разных областях. Пройдя актерскую подготовку, он участвовал в постановках знаменитого немецкого режиссера Макса Рейнхардта, брал уроки живописи и художественного ремесла у Густава Климта в Вене и Мориса Дени в Париже, принимал участие в художественных выставках. Работал журналистом. Позднее (1918–1919) издавал совместно с Францем Бляйем журнал «Спасение» («Die Rettung»), выражавший позицию австрийского экспрессионизма. Кроме того, он был режиссером и театральным художником. Удивляет не столько разнообразие его интересов – ведь пишущие художники, писатели-ваятели и писатели-композиторы не столь уж редкое явление в австрийской литературе XX века. Однако в творческой биографии Гютерсло совокупное действие разнообразных талантов занимало особое место. Он добился серьезных результатов во многих областях, а в живописи и писательстве его успех был выдающимся. Достаточно сказать, что как художник-прикладник (гобелен) Гютерсло дважды получал премии в Париже; считался вдохновителем, учителем и одним из организаторов Венской школы фантастического реализма, отмечен премиями как города Вены, так и многих других городов (Брюссель, Барселона, Милан). С 1931 он профессор школы прикладного искусства в Вене. Нацисты запретили ему занятия любой художественной деятельностью. В 1945 он преподавал в Академии изобразительных искусств в Вене (фреска, гобелен), а в 1954–1955 был ее ректором. Художник Гютерсло в 1952 году получил Государственную премию за живопись, писателю Гютерсло присуждена престижная немецкая премия имени Теодора Фонтане (1923) и Большая Австрийская государственная премия (1961).

2. Ее другое «я» имитирует зубную боль, когда Рут, не желая что-то делать, отправляется к зубному врачу. Оно же переводит стрелки часов, когда Рут опаздывает. Из мимолетных впечатлений (шум проезжающего автомобиля, случайный прохожий) Рут создает подлинное произведение искусства – историю о том, как ее обесчестили, историю, освободившую ее от нежелательного брака. Ее другой шедевр – завоевание с помощью вдохновенной лжи богатого художника Вельзера, материально обеспечившего ее, давшего возможность жить отдельно от семьи. Но самым любимым детищем Рут является выдумка о том, что она занимается танцами. Она любовно взращивает эту ложь, ложь обрастает подробностями, все большее число окружающих втягивается в радиус ее действия, постепенно Рут сама попадает в силки собственной фантазии. В финальной сцене ей удается еще один трюк – внушить слепому, что он видит. Но она уже не удерживается в своей роли вдохновенной предсказательницы и искусительницы и становится виновницей смерти несчастного слепого.

3. По-настоящему она танцует всего один раз в какой-то захудалой третьеразрядной гостинице на окраине города, где Ф. Эдельбауэр снял зал для несостоявшейся постановки своей пьесы. Вечером после провала он и его друзья оказались среди чужих им людей, завсегдатаев заведения, пришедших потанцевать. Заиграла музыка, и Рут, потеряв всякий контроль, почувствовала себя «лежащей в лодке, оторвавшейся от причала… и вынесенной в открытое море», пошла танцевать сначала с хозяином, а затем, переходя из рук в руки, с остальными: угольщиком, солдатом, землекопом, поденщиком, нищим, вором. Изумленные друзья, захваченные ритмом музыки и неподдельным воодушевлением Рут, не могут оторвать от нее глаз. Она танцует с закрытыми глазами, ее танец становится все более неистовым, она вызывающе высоко поднимает ноги, настроение в зале заметно накаляется, и только решительные действия Ф. Эдельбауэра дают Рут возможность покинуть зал (см.: [7. S. 224–226]).

4. Влияние импрессионизма на роман А.П. Гютерсло отметил в своих дневниковых записях такой тонкий знаток языка, как Роберт Музиль: «Все они (экспрессионисты) следуют за моментальными впечатлениями, то есть являются импрессионистами <…> Танцующая дура наполнена импрессионизмом» [5, S. 86].

5. Во время написания книги А.П. Гютерсло принял участие в выставке «Новое искусство», где, кроме него, участвовали Э. Шиле, Э.Д. Озен, О. Кокошка, А. Ханак, А. Шенберг. Выставка носила по своему содержанию и манифестации «отчетливо экспрессионистский характер…» (см.: [3, с. 103]).

6. Р. Музиль, внимательно следивший за развитием литературы, отметил новации Гютерсло в динамизации языка: «Ротация представлений <...> Не: он отделился от кулис. А: кулисы отпустили его. Взгляд из едущего поезда: «Телеграфные столбы идут им навстречу» [5, S. 86].

R.W. Gurewich
Poetic Features of the Early Expressionist Novel of the Austrian Writer Albert Paris Gütersloh «The Dancing Fool»: Text Structure, Language, Characters

Key words: *expressionism; expressionist prose; novel; impressionism; art nouveau.*

The article discusses the problems of one of the first expressionist novels by Albert Paris Gütersloh «The Dancing Fool». The article reveals the associations with literature of the previous decades (impressionism, art nouveau) and the new features which characterize expressionism.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.А. Королёва
Смоленский государственный университет

УДК 81'373.21

Древнерусские топонимы XII века (на материале Уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича)

Ключевые слова: *смоленские грамоты; топоним; князь; древнерусский город; договор; населенный пункт; имя собственное; княжество.*

В статье рассматриваются названия древнерусских городов в «Уставной и жалованной грамоте князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу» с лингвистической, исторической и культурологической точек зрения. Анализируются не только названия населенных пунктов, сохранившихся до настоящего времени, но и наименования давно исчезнувших поселений.

Для историка языка основным источником выявления и изучения лексики прошлых эпох оказываются памятники письменности. В установлении круга топонимов древнерусского периода на территории Смоленского региона могут помочь дошедшие до нас грамоты XII–XIV веков.

Лингвистическое их значение определяется прежде всего тем, что при исключительной ненормированности правописания они широко отражают местные диалектные черты, особенно в области фонетики, а также и морфологии. С точки зрения лексики, словообразования и фонетики эти памятники письменности уже достаточно хорошо исследованы в работах Л.Б. Усачевой, Л.В. Успенского и С.М. Успенского. В нашей работе мы рассматриваем их с точки зрения топонимической наполненности.

«Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом» представляет собой одновременно мирный договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с немецким Орденом и соглашение о взаимной торговле между русскими (смоленскими) и немецкими купцами. Особое историческое значение договора, отмечаемое историками, обусловлено тем, что он был подписан на фоне кардинального изменения расстановки сил на востоке Балтики, связанного с приходом и закреплением там немецких крестоносцев, и тем самым заложил основы взаимоотношений Руси с ее западными соседями на многие десятилетия.

Договор сохранился в двух редакциях – «готландской» и «рижской», каждая из которых представлена тремя списками соответственно. Несмотря на более чем полуторавековую традицию изучения, исследователи до сих пор не пришли к согласию по ряду важнейших вопросов истории и текстологии памятника. В частности, не решен вопрос о датировке самого известного списка договора. Разброс мнений здесь довольно широк, а историография проблемы примечательна сама по себе.

В грамотах освещаются экономические вопросы Смоленска с Ригой, Готским берегом, немецкими городами, рассматриваются вопросы взаимоотношений между смоленским князем и епископом. Самый известный документ датирован 1229 годом, это «Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом».

В издании АН СССР «Смоленские грамоты XIII–XIV веков» представлена и «Уставная грамота князя Ростислава с дополнительными статьями к ней и подтвердительной грамотой епископа Мануила» (1150 год), сохранившаяся в списке XVI века.

Уставная грамота особо ценна тем, что она является документом, в котором зафиксировано первоначальное место епископии в системе власти и управления, причем это сделано подробно, с исключительной полнотой. Ее основное содержание – размер феодальной дани между князем и вновь возникшей церковной организацией.

Смоленская уставная грамота сохранилась в близком к первоначальному тексту виде. Основная часть его относится к середине XII века.

«Используя эти данные, можно восстановить по ним организацию населения Смоленской земли накануне и в первые периоды выделения княжества.

1. Центры обложения: Торопец – 400 гривен, Витрин – 30 гривен, Былёв – 20 гривен, Хотшин – 200, Добрятин – 30, Доброчков – 20, Жабачев – 200, Заруб – 30, Копысь – 12, Жижец – 130, Вержавск – 30, Кречут – 10.

2. Области обложения (бывшие малые племена): Вержавляне Великие – 1000 гривен, Дешняне – 30 гривен.

3. Волости-погосты: Ження Великая – 200 гривен, Ветьская – 40 гривен, Путтино – 32,5 гривен, Воторовичи – 100, Искона – 40, Басея – 15, Шуйская – 80, Пацынь – 30.

4. Поселения «специализированные» (с жителями, занимающимися однородной деятельностью): Врочницы – 200 гривен, Лодейницы – 20 гривен, Беницы – 2 гривны, Бортницы – 40, Солодовницы – 20.

5. Крупные соседские общины (с патронимическими названиями): Мирятичи – 10 гривен, Жидчичи – 10 гривен, Погоновичи.

6. Простые села: Дросненское, Ясенское, Моншинское, Свирковы Луки (Свирколучье)» [1, с. 43–44].

Материалом для нашей статьи послужили 8 наименований населенных пунктов, приведенных в этом Уставе: *Вержавляне Великие*, *Торопец*, *Хотшин*, *Жабачев*, *Женння Великая*, *Жижец*, *Воторовичи*, *Врочницы*. Именно эти населенные пункты платили наибольший объем дани (крупнейшим городом того времени был *Смоленск*, но в настоящей статье данные о нем не рассматриваются).

Вержавляне Великие – самая платежеспособная единица Смоленской земли, которая упоминается в Уставе Ростислава Мстиславича. По наименованию видно, что территория Вержавлян Великих была сильно заселена и занимала, вероятно, большую площадь. Волость *Вержавляне Великие* состояла из девяти погостов. Погосты *Вержавлян Великих* приносили в казну 800 гривен и 100 гривен «передмера». *Вержавск* являлся центром волости. О его местоположении до сих пор идут дискуссии среди историков. Смоленский историк И.И. Орловский представил гипотезу о местонахождении *Вержавска* у деревни *Городище* рядом с озером *Ржавец* (сейчас озеро *Городище*) в бассейне реки *Гобзы* Смоленской губернии. «Основанием этой гипотезы выступило упоминание городища *Вержавска* в документах начала XVII века, связанных с нападением литовцев во главе с великим воеводой Александром и его братом Шимоном Госевскими на приграничные смоленские Щуцкую и Порецкую волости. Предположение И.И. Орловского было впоследствии подтверждено археологическими исследованиями А.Н. Лявданского и В.В. Седова, выявившими здесь городище, которое представляло собой остатки поселения городского типа. Гораздо сложнее обстоит дело с определением территории податной единицы (волости) *Вержавляне Великие* и ее погостов» (см.: [6, с. 150–151]).

Л.В. Алексеев попытался определить границы территории Вержавлян Великих: «… условно границы Вержавлян могут быть представлены следующим образом: их северной границей несомненно была р. Межа, отделявшая их от торопецких земель, восточную – представляли леса “Бельской Сибири” – правый берег реки Вотрь. Юго-западной границей служил правый берег среднего течения р. Каспля, а юго-восточная – условно может быть проведена через р. Жереспея в ее верхнем течении и р. Вотрь» [1, с. 57].

Река *Гобза*, соединенная с озером *Ржавцем* протокой, была очень удобна для судоходства. В ее верховьях находились участки для волоков, на которых перевозили товары в разных направлениях: на запад, в Полоцкую землю, а также в Прибалтику вел путь по *Гобзе*, *Каспле* и *Западной Двине*. Верховья *Гобзы* и ее притоков, сближаясь с реками, входящими в бассейн реки *Межи*, и с верховьями рек Днепровского бассейна, также подходили для волоков. Это открывало путь торговым судам на север, в Новгородскую землю, и на юг, к Киеву и в Причерноморье. Путь по *Гобзе* и ее притокам функционировал по крайней мере до XV века и в письменных источниках XV – начала XVI века именовался «Веръжанским путем».

Слово *вержавляне* имеет в своем составе формант *-ане* (Вержавск – вержавляне). «Перед морфом *-ан-* чередуются: |л – л'| (*село – селяне*), |р – р'| (*север – северяне*, но *Лютер – лютеране*), |н – н'| (*Двина – двиняне*), |з – з'| (*Тевриз – тевризяне*), |т – т'| (*Египет – египтяне*, но *Магомет – магометане*), |к – ч| (*Ессентуки – ессентучане*), |г – ж| (*Калуга – калужане*), |х – ш| (*Палех – палешане*), |ц – ч| (*Бронницы – бронничане*, *Кузнецк – кузнечане*), |д – ж| (*город – горожане*), |$с_3$т – ш'| (*Крестцы – крещане*), |$с_3$д – О'| (*поезд – поезжане*), |с(с') – ш| (*Котлас – котлашане*, но *Таруса – тарусяне* с чередованием |с – с'|), |$б_1$ – $б_1$л'| (*Витебск – витебляне*), |м(м') – $м_1$л'] (*Рим – римляне*, *Кемь – кемляне*), |в – $в_1$л'] (*Киев – киевляне*) или (чаще) |в – в'| (*Львов – львовяне*); |в' – в| *Молдавия – молдаване*; нерегулярная мена |н' – $т_3$) в *Дания – датчане*…» [8, с. 178].

Житель *Вержавска* и волости *Вержавляне Великие* тоже назывался вержавлянин. «В словах с суф. *-ан-ин*/*-чан-ин* отсутствуют финали основ мотивирующих слов: 1) перед морфом *-ан-*: *-ск-* (*Иркутск – иркутяне*, *Курск – куряне*), *-и*|j|- (*Галиция – галичане*), - |j|- (*Поморье – поморяне*, *Прионежье – прионежане*), *-к-* (*Опочка – опочане*) …» [8, с. 178].

Вторым по количеству дани был город Торопец. «*Торопецъ (Торопець, Торопечь)*, город в Смоленской земле, совр. административный центр Торопецкого района Тверской области. Косвенное упоминание о городе содержится в «Киево-Печерском патерике» (XII в.): «Сий убо преподобный отецъ нашь Исакие, еще ему сущу въ миръстѣм житии, богать бѣ купець, родом торопчанинъ (ПЛДР, XII в., М., 1980, 606)» [7, с. 173–174].

Название города дано по его расположению на реке *Торопе* (полагают, что ранее была форма *Торопица*, от которой и возникло название города). Гидроним связан со словом *тороп* в значении «поспешность» и объясняется скоростью течения реки при пороге и в месте ее впадения в реку Западную Двину.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера приводится следующее значение нарицательного существительного *тороп:* «тороп “поспешность”, также то́роп м., торо́па м., торопы́га м. «торопливый человек», второпя́х (преобразовано из **вътороп҃хъ; см. Соболевский, Лекции 178), торопи́ть, торопе́ть, торопли́вый. Праслав. *torp-, первонач. «поворотливый, проворный», сравнивают с греч. τρέπω «повертываю», аор. ἔτραπον, аор. страд. ἐτράπην, лат. trepit «vertit», др.-инд. trápatē «стыдится, приходит в смущение», первонач. «отворачивается», tr̥prás «беспокойный»; см. Штрекель, AfslPh 28, 503; Вальде–Гофм. 2, 702; Перссон 954» [14, т. IV, с. 85].

«По некоторым данным, распространение смоленской дани на севере шло именно из *Торопца*. Это распространение шло от *Торопца* на север и на северо-запад, в сторону Ловати, где со временем было остановлено

встречным движением со стороны Новгорода. Одним из крайних смоленских поселений в этом направлении была *Дубровна*, упомянутая в Новгородской 1-й летописи, как “селище в Торопецкой волости”. С юго-запада укрепленным форпостом Торопецкой волости был названный выше *Жижец*, тянувший (по более поздним данным) к *Торопцу*. Есть основания полагать, что распространение смоленской дани на северо-восток, к озеру Селигер и к верховьям Волги, шло также из *Торопца*. Во-первых, «Торопецкую волость» воевали из Торжка, следовательно, она выходила к северо-восточным рубежам Смоленской “области”. Во-вторых, в Уставной грамоте Ростислава упомянуты *Хотшин* и *Жабачев*, лежавшие в районе Селигера и верхней Волги, и не упомянута Ржева. Сама Ржева упоминается в начале XIII в. как город торопецкого князя. Таким образом, распространение смоленской дани на верхнюю Волгу шло не со стороны реки Вазузы, а со стороны *Торопца*. Это подтверждается тем, что город Зубцов, расположенный при впадении Вазузы в Волгу, к Смоленской “области” не принадлежал; а далее, вниз по Волге, в районе реки Холохольни шли места, где брали дань новгородцы» [1, с. 44].

На юго-восточном берегу озера *Волго*, около деревни, в конце XIX века сохранилось сильно подмываемое рекой городище. По мнению П.В. Голубовского, здесь находился древний *Хотошин* – центр одноименной волости, впервые упомянутой в грамоте Ростислава Мстиславича 1136 года. Сейчас в Тверской области на месте древнего города располагается деревня *Хотошина*.

Хотошин находился на северо-востоке Смоленского княжества, на озере *Волго*, в этом месте река Волга суживалась, с озерного переходила на быстрое речное течение, что требовало переоснащения судна – остановки [1, с. 55]. Название могло произойти от дохристианского имени с основой *Хот- (Хотош-)*, возможно от **Хотимир,* с помощью притяжательного суффикса *-ин.* А.В. Суперанская приводит имя *Хотен* – «др.-рус. любитель, охотник до чего-либо; кого хотели, желали» [12, с. 337].

История деревни *Верхняя Руда* начинается в глубокой древности, когда смоленские князья возвели на этом месте город *Жабачёв*, прекративший существование в XIII веке.

По данным писцовых книг, за 1634 год деревня *Верхняя Руда* или *Жабына* с 32 крестьянскими дворами входила в Ржевский уезд. Один из концов села ещё в начале XX века носил имя «*Жабино*».

Название города, по-видимому, отантропонимического происхождения, связано с прозвищем или фамилией (Жаба, Жабин).

В словаре И.М. Ганжиной дана следующая информация: «Жаба, Жабин, Жабко, Жабченко. В основе фамилий лежат прозвища Жаба, Жабка. Нарицательное *жаба*, кроме общеизвестного, имеет в диалектах и другие значения: “злая баба”, “злое дитя”, в пензенских говорах – “неотвяз-

ный, докучливый человек", а в олонецких – "рот". Прозвища и фамилии неоднократно записаны в документах: Жабка, сын Рословля, 1504; Сенко Жаба, наместник близ Вильны, 1520; пан Андрей Григорьевич Жаба, господарский дворянин, 1543; Онцифор Жабин, строитель каменного храма, новгородец, 1345; Михейко Жабин, крестьянин, 1495; Никита Федорович Жабин, митрополичий слуга, 1510; Ходор Жабин, полоцкий сельчанин, 1601; Никита Иванов сын Жабин, костромской дворянин, 1642» [2, с. 190].

Около деревни Изведово Тверской области, у озера *Пено*, в устье реки *Большая Исня (Женя)*, находилось городище. Как доказал И.М. Красноперов, там размещался центр древней волости *Женя Великая*, впервые упомянутой в грамоте Ростислава Мстиславича 1136 года [5, с. 55]. Название является неясным, оно могло быть связано с глаголами *жгу, жечь* и обозначать выжженое место, приготовленное для пашни. В названии, таким образом, прослеживается связь с подсечно-огневым земледелием. «Жжение, жженье действие и состояние по значению глагола» [3, т. I, с. 537]. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев, анализируя группу гидронимов на *-ня*, пишут: «Очевидно, что в эту группу входят образования, весьма различные по своему возрасту, структуре и продуктивности. Общий для всех этих образований элемент *-н-* делает целесообразным объединение этих гидронимических групп в один раздел. Некоторые суффиксальные разновидности с элементом *-н-* представлены в верхнеднепровской гидронимии весьма большим числом случаев (*-ня/-на*, отчасти *-ин/-ина*). Однако ... образования с элементом *-н-* не только не являются характерными для Верхнего Поднепровья, но, напротив, в ряде случаев более многочисленны в бассейнах других рек» [13, с. 105].

Формант *-ня* был довольно продуктивным в древнерусском языке. С его помощью образовывались имена существительные, имеющие тождественные по огласовке корня и близкие по значению соответствия среди корневых имен существительных.

Формант *-ьня (-ня)* использовался для образования слов различных семантических групп, в том числе для «слов, имевших значение места: "хлебня да поварня"» (XVI век), пекарня, опочивальня, челядня, оплетня, городня, кузня (кузница) и др. От этих имен отвлечен суффикс *-ня* топонимических образований. Воздействию этих образований на топонимию содействовало и нарицательное название пункта поселения – названия с суффиксом *-ня*: деревня. Кроме того, некоторые из нарицательных имен на *-ня* служат и для топонимии: Городня, Ельня. Эти топонимические образования вышли из народной среды, некоторые из них были вариантами официальных и полуофициальных названий, как указывает на это наличие двух форм по отношению к одному и тому же пункту» [10, с. 77–78].

На территории Псковской области рядом с деревней Залучье, на северо-западном берегу *Жижецкого озера* расположено городище древнерусского города *Жижца*.

Жижец – это древнерусский город, упоминаемый в Списке русских городов дальних и близких. Встречается в различных источниках также в написании *Жизец*, *Жижеч* или *Зижечь*. «Город возник, по-видимому, ещё в XI веке. Первоначально он входил в состав Смоленского княжества и в 1136 году платил Смоленскому епископу дань в размере 130 гривен (для сравнения, Торопец платил около 400 гривен). Спустя некоторое время *Жижец* стал городом Торопецкого княжества, отделившегося от Смоленского. В 1245 году, согласно летописи, князь Александр Невский разбил под *Жижецем* литовцев, совершивших поход в русские земли. В XIV веке *Жижец* вместе с *Торопцем* был захвачен литовцами. В 1503 году по результатам Благовещенского перемирия был возвращён объединённому Русскому государству и просуществовал как город ещё около столетия. Вероятно, был сожжён польско-литовскими отрядами во время походов Стефана Батория на Псковщину либо в Смутное время. Некоторое время сохранялся лишь погост *Жижещ (Жизец)* с деревянной церковью и тремя домами» [8, с. 38].

«Жижец располагался у основания узкого полуострова, вдающегося в озеро на 0,5 км. Узкий перешеек, соединяющий его с сушей, не позволял делать мощных укреплений. Верхняя овальная площадка имеет размеры 70 х 50 метров. Вокруг холма располагалось обширное неукреплённое селище-посад. При раскопках был обнаружен культурный слой мощностью в 1,1 метра, где преобладали древнерусские изделия XI—XIV веков – шиферные пряслица, стеклянные браслеты, трапециевидный гребень, лепная керамика и железные изделия. Крепость была возведена на городище дьякова типа» [8, с. 38].

Название образовано, видимо, от слова *жижа*. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера приводится следующее значение нарицательного существительного *жижа*: «Жи́жа русск.-цслав. жижда – то же, из *židjā̆ = греч. δεῖσα “жидкость, грязь, нечистоты”; см. жи́дкий» [14, т. II, с. 54].

Воторовичи могли получить свое название по реке *Вотре*, на которой они и располагались. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев считают, что название *Вотря* появилось, «вероятно, через *Вътъра из балт. ср. лит. uturiai (Буга)» [13, с. 181].

Топоним *Врочницы*, возможно, обозначал поселение, жители которого могли быть связаны с каким-то уроком (урок – «уговор, условия; определенное количество; плата; подать; налог; штраф; жалованье, оклад; иждивение; должность; срок, определенное время» [11, т. III, с. 1258–1259]. В Словаре В.И. Даля нарицательное существительное *урок* дано с пометой «стар.» в значении «оклад, окладной доход; оброк, подать», при этом пример приведен из Русской Правды: «А се уроци судебные: отъ виры 9 кунъ. Рск. Првд.» [3, т. IV, с. 509]. Топоним мог возникнуть путем прибавления суффикса Pluralia tantum *-ицы* [4, с. 101].

Смоленское княжество насчитывало большое количество населенных пунктов, среди которых были города и сельские поселения. Мы рассмотрели древнерусские топонимы, выявленные в «Уставной и жалованной грамоте князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу». Топонимы были проанализированы с точки зрения размера дани, уплачиваемой в княжескую казну. Наиболее состоятельными населенными пунктами были следующие: *Вержавляне Великие*, *Торопец*, *Хотшин*, *Жабачев*, *Врочницы*, *Женя Великая*, *Жижец* и *Воторовичи*. Многие из рассмотренных населенных пунктов не сохранились до наших дней (*Вержавляне Великие*, *Врочницы*, *Женя Великая*, *Жижец* и *Воторовичи*), но некоторые продолжают существовать и сейчас *(Торопец*, *Хотшин*, *Жабачев*). На исчезновение населенных пунктов повлияли экономические, военные и политические причины.

Многие названия населенных пунктов могут иметь несколько объяснений. Так, например, *Женя Великая, Торопец, Воторовичи, Жабачев и Жижец* получили свои названия по тем или иным особенностям местности. *Торопец* возник на реке *Торопе*, *Воторовичи* расположены на реке *Вотре*, город *Жижец* располагался на *Жижецком озере*. Волость *Женя Великая* находится на реке с неофициальным названием *Женя.* Центр *Вержавлян Великих* был на озере *Ржавец*. С другой стороны, названия *Женя Великая*, *Вержавляне Великие* и, предположительно, *Врочницы* могли получить свои названия по наименованию больших коллективов, населявших эти территории. *Хотошин* получил свое название от дохристианского имени, а *Жабачев* от прозвища «жаба».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 262 с.
2. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Фирма “Изд-во АСТ”», 2001. 672 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989–1991. Т. I–IV.
4. Картавенко В.С. Становление русской топонимической системы: проблемы историко-лингвистического исследования. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. Ч. 1. 160 с.
5. Красноперов И.М. Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII веке // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1901. Ч. 335.
6. Курмановский В.С. К исторической и географической местности Вержавляне Великие // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск IV: Смоленские войны XV–XVII вв. Ч. 1. С. 150–179. URL: http://www.milhist.info/spec_4.
7. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
8. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. М.–Л.: АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии. Т. 105). 248 с.
9. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
10. Селищев А.М. Из старой и новой топонимии // Селищев А.М Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.

11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. I–III.

12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

13. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 269 с.

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.

ИСТОЧНИКИ

1. Смоленские грамоты XIII–XIV веков / под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 140 с.

O.A. Koroleva
Ancient Place Names of the XIIth Century (on the Basis on the Charters of Smolensk Prince Rostislav Mstislavich)

Key words: *Smolensk charters; place name, Prince, ancient city, contract, settlement, proper name, Principality.*

The article investigates the names of ancient cities in «Grant-charter of Prince Rostislav Mstislavich to the Virgin Mary church and the Bishop» from a linguistic, historical and cultural points of view. The names of settlements that have survived to the present time are analyzed as well as the names of settlements that are long gone.

И.Д. Егорова

Смоленский государственный университет

УДК 811.161. 1'373

Лингвостилистические особенности ранних дружеских посланий В.Ф. Раевского

Ключевые слова: *дружеское послание; метафора; перифраза; эпитет; сравнение; период; риторические восклицания; обращение.*

Статья посвящена комплексному лингвистическому анализу стихотворений В.Ф. Раевского, написанных в жанре дружеского послания. Выявляются лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка ранних дружеских посланий, а также эмоциональные и экспрессивные средства, использованные автором. В статье уделено внимание роли средств выразительности, таких как метафора, перифраза, эпитет, сравнение, в раскрытии авторского замысла.

Излюбленным жанром В.Ф. Раевского, как и многих поэтов его времени, был жанр дружеского послания, который характеризуется обяза-

тельным наличием адресата, свободой выражения мысли, отсутствием строгих канонов. В 1815–1818 годах В.Ф. Раевский пишет послания: «Ода другу», «Князю Андрею Ивановичу Горчакову, «Послание к Николаю Степановичу Ахматову», «Послание другу», «Послание Петру Григорьевичу Приклонскому», «Послание Г.С. Батенькову».

«Послание к Николаю Степановичу Ахматову» – типичный образец данного жанра. Оно обращено к самому младшему из его сослуживцев – прапорщику 22-й артиллерийской бригады Н.С. Ахматову. В стихотворении В.Ф. Раевский дает наставление юноше, который, «оставя отчий кров», оказывается «в чужом краю один, от милых в отдаленьи…», предупреждает юного друга об испытаниях и соблазнах, которые ждут его на жизненном пути. Во временном плане происходит переход от настоящего, определяемого метафорами *на утренней заре*, *во цвете юных лет*, *рассвет твой*, *утро дней*, что должно указывать на юный возраст героя, к далекой старости его, для которой выбираются антонимичные выражения *дни угасающи*, *твой закат*, *поздняя заря*. Поэт как бы показывает юноше возможное будущее, то, что может его ожидать в зависимости от выбранного им пути.

Композицию сюжета составляют две части, темы которых можно определить строками из текста:

I. На утренней заре удел твой испытать
Печали, огорченье…
II. Но ум возвышенный, тебе природой данный,
Но сердце нежное и благородный дух…
……..
Тебе откроют путь ко славе, юный друг…
[5, с. 57]

Метафорически рисуются опасные «для сердца нежного» страсти («пламенный огонь», «светильник пламенный»), так как «чувствительным сердцам назначено страдать и горькою слезой платить за наслажденье». Однако если руководствоваться не чувствами, а законом добродетели и рассудком, человек перестает быть рабом пагубных страстей, ведь «не вечно радости из полной чаши пить». За наслаждения приходится платить «горькою слезой», о чем говорится в первой части стихотворения, где сконцентрированы слова с отрицательной экспрессивной окраской (*печали, огорченья, страдать, горькою слезою, вздохи умертвят, угасшее счастье, пагубные страсти, почести ничтожные* и др.). Ими поэт рисует «общий жребий», который ждет всех тех, кто встречает «рассвет жизни». Контраст «наслаждение – расплата» проявляется в общеязыковых и контекстуальных антонимах: *наслажденье – горькие слезы*; *веселый взор – слеза*; *улыбка – вздохи*; *дни ясные – угасшее счастье*.

Человеку, наделенному от природы благородною душой и разумом, стыдно тратить жизнь на то, чтобы добиться «почестей ничтожных» и любви «хитрых фей». Поэтому во второй части с дружеской откровенностью поэт

указывает молодому сослуживцу путь «ко славе», «судьбой определенный», исходя из тех качеств, которыми юношу наделила природа.

Того, кто избрал верный путь служения отчизне, на склоне лет ждет почетная старость: «С спокойной совестью и позднею зарею / Воспоминание приятно усладит / Дни угасающи под времени рукою…». В этой части сосредоточены слова с положительной экспрессивной окраской, раскрывающие тему служения родине: *приятно жертвовать собой*; *примеры славных дел*; *век чудесный, просвещенный*; *добродетельной стезею*; *добродетели закон священный*; *не сладостно ль отчизне долг отдать* и др. Повторение ряда важных для раскрытия темы слов и корней (*добродетель*, *добродетельный*, *приятно*, *долг*, *сладостно*, *усладит*, *отчизна* и др.) способствует усилению их смысла. Также смысловой акцент несут и целые строки, расположенные по центру стиха. Так, во второй части выделены такие знаковые смыслы: «Приятно жертвовать собой»; «И изумляет свет!»; «Благословляет русский трон!»; «И добродетельной стезею…»; «Ты с благородною душой…».

Ключевым в стихотворении является слово «слава», не зря этот корень повторяется несколько раз: «примеры славных дел сияют пред тобою», «монарх славный», «спеши… славу заслужить», «делами славными героев восхищенный». С ним перекликается еще одно ключевое слово «долг». Именно отдавая долг родине, можно заслужить славу: «Спеши ей долг отдать, ее достойным быть; / И добродетельной стезею / Спеши полезным быть и славу заслужить!». И далее: «Не сладостно ль отчизне долг отдать?».

Эмоциональную приподнятость этого отрывка выражают риторические восклицания, которых в общем тексте «Послания…» четырнадцать. Во второй части стиха они усиливаются повелительным наклонением глаголов-сказуемых побудительных предложений, содержащих наставление юному другу.

Наивысшей наградой патриоту является бессмертие – «приятная мечта – в потомстве вечно жить!». Раевский считает, что славные дела живут в памяти наших потомков, давая героям бессмертие: «Бессмертие по смерть великим достается». Эта мысль проходит через многие стихотворения поэта, в этих строках заключено идейное содержание патриотических произведений Раевского. «Раевский, – пишет В.Г. Базанов, – превращает традиционный жанр дружеского послания в своеобразную гражданскую проповедь, он “частную” поэтическую переписку делает по-декабристски, придает ей значение важного общественного документа» [2, с. 5].

Стихотворение «Князю Андрею Ивановичу Горчакову» по форме близко к хвалебной песне, в которой воспеваются храбрость и ратные заслуги полководца. Лексическим центром произведения являются слова *вождь*, *герой*, *слава*, *лавры*, которые, неоднократно повторяясь, служат одной цели – восславить героя. В этом стихотворении Раевский четыре раза обращается к А.И. Горчакову, используя иносказательный способ номина-

ции адресата и распространенную структуру синтагмы с обращением. Он называет генерала *вождь*, *друг* (*ратным*, то есть воинам), *сын* (*победы*), *князь* (*духом*). Лексическое значение этих обращений расширяет семантическое поле предложений экспрессивной коннотацией, а распространители обращений (определения и дополнения) вводят добавочную информацию – характеристику А.И. Горчакова как воина и полководца: *смелый*, *любимый*, *непобедимый*, *благополучный*, сын *победы*, *славы, ратным* друг, князь *духом*, *россов* вождь. Первая синтагма с обращениями представляет собой однородный ряд: «Вождь смелый, ратным друг, победы сын любимый! / Склони свой слух к словам свободного певца…». Необычна по структуре третья синтагма, в которой, кроме однородных обращений, употреблено присоединение с союзом *и* как экспрессивный прием: «Князь духом, россов вождь, и вождь непобедимый, / Хвала тебе стократ!». Таким образом, Раевскому удалось только в обращениях – осложняющей категории простого предложения – максимально охарактеризовать главные качества военачальника. О том, что эти качества князя Горчакова важны для поэта, свидетельствуют лексические и смысловые повторы: *вождь смелый – вождь непобедимый – вождь благополучный*; *победы сын любимый – с тобой они давно привыкли побеждать* и др. Повторяющиеся обращения перемежают повествование о прошлых заслугах князя, оформленных риторическими вопросами и анафорой *Не ты ль*:

Не ты ль с Суворовым чрез Альпы проходил?
Не ты ли презирал опасные стремнины?
И под державною рукой Екатерины
Не ты ль полками предводил?
[5, с. 56]

Главная тема – прославление героя – раскрывается через повторы единиц одной тематической группы: *военный*, *поле бранное*, *ратный*, *герой*, *вождь*, *полки*, *подвиги*, *победа*, *лавры*. Важную роль в возвеличивании играют эпитеты, метафоры, перифразы: *смелый, непобедимый*, *благополучный*, *великий*; *полетишь чрез бурные стремнины*; *поле бранное считать себе забавой*; *на лаврах отдыхать при звуке громкой славы*; *стремиться за тобой на глас трубы военной*; *лавром осененный*; *славу добрых дел ничто не разрушает*.

Как уже отмечалось выше, главной наградой за ратные подвиги герою служит память потомков, то есть бессмертие («И, лавром осененный, / Ты будешь здесь в сердцах, а там – в потомстве жить!»). И эта идея так важна для поэта, что он не только повторяет ее несколько раз («Герой бессмертье обретает» – «Бессмертие по смерть великого встречает» – «Ты будешь здесь в сердцах, а там – в потомстве жить!»), но и усиливает традиционное противопоставление *смерть – бессмертие*, превращая его в оппозицию смыслов: *тиранов и по смерть потомство проклинает – бессмертие по смерть великого встречает*.

В посланиях используется много книжной устаревшей лексики, в том числе и славянизмов (*ратный*, *бранный*, *росс*, *днесь*, *глас*, *чрез*, *хвала*, *стремнина*, *дерзнет* и т.д.), что придает ему торжественность, свойственную хвалебной песне. Нужно отметить и устаревшие грамматические формы (*лест**ию***, *счаст**ию***; *скромн**ыя*** цевницы, славы *громк**ия***; *век**и*** протекут; *о счаст**ии***), и случаи несвойственного современному русскому языку управления: *проклинает по смерть*; *достается по смерть* (то есть посмертно, после смерти); *отчизне, долгу раб* (приименной Дат. п. вместо Род. п.). А.В. Архипова и В.Г. Базанов отмечают: «Философский и дидактический пафос приводит Раевского к фразеологии выспренней, к сложному синтаксису и архаизированной лексике…» [1, с. 38].

Иной образец представляет собой «Послание другу», написанное в 1816 году. Это стихотворение по своей направленности ближе к «Сатире на нравы», в нем поэт разоблачает высшие круги дворянства, показывая их нравственное убожество. С «Сатирой на нравы» его роднит и образ «обезьян пустоголовых» [3]. Поэт, наставляя юного друга, призывает бежать общества «обезьян пустоголовых / И отъявленных льстецов, / Кои лижут пыль следов / Истуканов многославных», а также тех, «кои славною стезею, / Не средь гибели и бою, / Достигают всех чинов». Он отдает предпочтение простым людям и простой хижине: «Лучше в хижине простой / Жить с скотами, с простотой, / Чем с людьми скотов глупее!».

Насмешливое описание светского общества, пустого и невежественного, создается употреблением экспрессивно окрашенной лексики (*льстецы*, *скука*, *безделье*, *подлецы*, *злые невежды*, *подлая лесть*; *позитура* – старин. и ирон. «положение тела, то же, что поза» [7]; *креатура* – книжн., пренебр., ставленник, любимец [6]), метафор (*обезьяны пустоголовые*, *истуканы многословные*; *по уму – весь желтый дом*, *по делам – Гомор-Содом*, *навозных куч сиянье*; *мир безумный*).

Это стихотворение, помимо злой иронии, о чем и сам Раевский пишет: «Вид иронии презлой!», отличает легкость и простота языка. Славянизмы почти не встречаются, мало устаревших слов и форм, зато используется разговорная лексика (*образчик*, *вечерок*, *лира Грицка*, *желтый дом*, *позабыть*), отнюдь не возвышенные образы (*средь корчмы под вечерок*; *лицо рябое*; *навозные кучи*; *навоз рекой*; *в съестных рядах стали и в моих стихах продавать пирог в копейку*; *жить с скотами*), что объясняется непринужденной интонацией послания и скорее иронической, чем сатирической окраской.

«Послание Петру Григорьевичу Приклонскому» (1817) адресовано одному из близких товарищей Раевского. В этом послании поэт продолжает обличать высшее общество, называя его «сословием невежд, гордящихся породой, без знаний, без заслуг, но с рабскою душой». Послание предваряется эпиграфом – строками из V послания Буало: «Qui vit content de

rien possede toute chose» (Кто в жизни довольствуется малым, владеет всем. – *пер. Е.А. Егоровой*). В нем заключен главный смысл стихотворения: человек должен стремиться не к славе, почестям, богатству, а к свободе, знаниям, мудрости.

Стихотворение построено на противопоставлении благородных духом людей, которым «неведом путь покорства, низкой лести», и знатных вельмож. Все, чем кичится светское общество: титулы, чины, почести, порода, – противопоставлено знаниям, мудрости, о чем свидетельствуют повторы ключевых слов и смыслов (*путь титулов и честей*; *сословие невежд*, *гордящихся породой*; *чины и почести и всех богатств собор*; *доля скромная и бедность мудреца*; *смирение, таланты отличает*; *независимость есть мудрого черта*). Однако поэт предупреждает, используя анафору, повторы и антонимы, что выбранный знатью путь «до степени высокой» чреват опасностями: «Чем выше здание – тем ближе к разрушенью, / Опасен скользкий путь титулов и честей, / Опасны милости и дружество царей – / Кто ближе к скипетру, тот ближе к ниспаденью!».

Для усиления оппозиции в стихотворении использованы перифразы (*полсвета бич и страх* – Наполеон; *богиня быстроногая* – изменчивая Фортуна; *наш подлунный свет* – Россия), метафоры (*гром побед*; *скрылся под кров беспечности*; *нас скукой отягчают*; *оспаривать и власть и силу бога*; *идет надменною и быстрою стопою*; *в объятиях природы*; *жребий отлучил*; *довольно за призраком гоняться*), фразеологизмы (*у моря ждать погоды*; *не за горами*). Это уже не ирония, а сатира, о чем говорит обилие архаизмов, лексических (*стезя*, *зреть*, *ниспаденье*, *брань, алчный*, *о́стрить* и т.д.) и грамматических (*на брат**ий***, *ручьи кровав**ы***, *счаст**ие***).

Еще одним образцом данного жанра является «Послание Г.С. Батенькову» (1818), близкому другу Раевского. Стихотворение построено на контрасте военных воспоминаний Раевского и мирной жизни Батенькова, ужаса и крови, сопутствующих войне, и гармонии и покоя. Воспоминания о войне, открывающие это послание, даны в виде классического периода, структурно представленного сложноподчиненным предложением с тремя придаточными времени в повышении и главной частью, заключающей в себе вывод, – в понижении.

Тема войны раскрывается в повторах ключевых слов: *война*, *кровь*, *месть*, *убийство*. Патриотические и освободительные идеи нашли яркое поэтическое выражение в метафорах (*Москва в цепях страдала*; *губительной рукою война носила смерть и страх*; *разливала кровь рекою*; *перуны грозные бросал*; *путь гробами застилал*; *среди громов борьбы кровавой*), в сравнении (*как быстро гибнет блеск зарницы, так из разрушенной столицы тиран … хлынул с хищною ордой*), в синонимических заменах (*гробы – могилы*; *убийства – преступленья*; *мщение – мзда – месть*; *перуны грозные – громы борьбы*), в эпитетах (*кровавая* рука*, кровавая* честь*, губительная* рука*, хищная* орда).

Если в стихотворениях, написанных сразу после Отечественной войны, Раевский воспевает ратные подвиги во славу отчизны, призывает к отмщенью и «к мечам» (то есть война – это подвиг и слава), то в «Послании Батенькову» война – это кровь, смерть, страдания. Из заграничных военных походов Раевский, как и многие его товарищи, вернулся духовно преображенным, с иным отношением к армии, о чем он пишет Батенькову, прибегая к перифразе: «Я взор печальный отвратил / От поприща кровавой чести / И острый меч в ножны вложил…».

Другая часть стихотворения, в которой повествуется о жизни Батенькова в Сибири, проникнута иным чувством – чувством мирной радости. Эта часть представлена выразительной периодической речью (с анафорой *где* и лексическим повтором *там*), раскрывающей прелести мирной жизни. Здесь доминируют иные слова: *радость*, *покой*, *мир*, *гармония* с *душою*. В этот мир «кровавою рукою / Войну, убийства и пожары / Никто не понесет с собою». В этом мире другие ценности: «луч учения», «все в гармонии с душою», «чужд клевет и злобы слух». Однако Раевский выбирает иную дорогу – дорогу борьбы за свои идеалы, отвергая покой («могу ль покоем обладать?»). В «Послании Г.С. Батенькову» появляется образ пловца, борющегося с волнами и не находящего себе пристани. Образ пловца – намек на свою революционную деятельность – появится позже и в других стихотворениях поэта, например, в послании «К друзьям в Кишинев».

Звуковая сторона стиха не играет значимой роли в выражении смысла. Поэтому аллитерации и ассонансы в большинстве стихотворений редки и охватывают чаще всего два-три рядом стоящих слова (***ч**ины и по**ч**ести*; *пу**т**ь **т**и**т**улов и чес**т**ей*; *др**у**гих – без**у**мие и прест**у**плений след*; *п**р**ед Ки**р**ом на кост**р**е от сме**р**ти **р**оковой*; ***р**учьи к**р**овавы*; *ост**р**ит на б**р**атий г**р**озный меч* и т.д.).

Интересным приемом создания антитезы в посланиях служит противопоставление собственных имен реальных лиц и мифологических персонажей, за каждым из которых стоит целый набор смыслов. В послании Приклонскому поэт, чтобы показать всю глубину невежества знати, пишет: «Нерона с Августом в величии равняют, / Херила наших дней Пиндаром называют…». Пи́ндар (ок. 512–442 гоов до н.э.) – греческий поэт, чьи произведения относятся к области хорической лирики, то есть песнопений, исполнявшихся хором на празднествах, тогда как Херил из Ияса был бездарным греческим поэтом IV века. В «Послании другу», характеризуя круг интересов высшего света, Раевский противопоставляет произведения Вобана¸ Кассини, Жомини легкому чтению сочинений Грессета и Грекура. А упоминая в этом стихотворении имена Венеры, Вакха, Приапа, он высмеивает нравы светского общества.

Даже ранние дружеские послания В. Раевского далеки от шутливых тем и легкого подтрунивания над адресатом. Этот жанр поэт использовал

для выражения своей гражданской позиции, своего представления о жизни, для оценки общественных явлений, таких как крепостничество, сословные предрассудки. В дружеских посланиях В.Ф. Раевского сочетаются элементы сатиры и лирической «думы» [4]. Философская направленность посланий определяет и выбор языковых средств: перифраза, эпитеты, архаизмы, узуальные и окказиональные антонимы, на которых строятся развернутые антитезы. Особенностью стиля Раевского является употребление повторяющихся словосочетаний и слов-образов, переходящих из одного стихотворения в другое. За этими словами закрепляются определенные ассоциации, смысл которых раскрывается не в контексте одного стихотворения, а в совокупности смыслов всех стихотворений. Данные слова-образы используются и в прямом значении, но чаще для более яркого выражения переживаний на их основе создаются развернутые метафоры и сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова А.В., Базанов В.Г. В.Ф. Раевский и декабристская поэзия // Раевский В.Ф. Полное собрание стихотворений. М.–Л.: Советский писатель, 1967. С. 5–50.

2. Базанов В.Г. Владимир Федосеевич Раевский [1795–1872]: Новые материалы / Акад. наук СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский Дом). Л.; М.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград). 216 с.

3. Егорова И.Д. Особенности словоупотребления в стихотворениях В.Ф. Раевского // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 3(23). С. 66–75.

4. Левкович Я.Л. Поэзия декабристов // История русской литературы в 4 т. Т. 2. Л.: Наука, 1981. С. 150–178.

5. Раевский В.Ф. Полное собрание стихотворений / подгот. текста и прим. Базанова В.Г. Библиотека поэта. Большая серия. М.–Л.: Советский писатель, 1967. 254 с.

6. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А – К / под ред. Д.Н. Ушакова. Репр. воспр. изд. 1935 г. М.: Русские словари, 1994. 844 с.

7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: П – Р / под ред. Д.Н. Ушакова. Репр. воспр. изд.1939 г. М.: Русские словари, 1994. 714 с.

I.D. Yegorova
Linguistic and Stylistic Characteristics of V.F. Rayevsky's Early Friendly Epistles

Key words: *friendly epistle; metaphor; periphrases; epithet; comparison; period; rhetorical exclamations; reference.*

The article is devoted to the complex linguistic analyses of Raevsky's poems written in the genre of a friendly epistle. The study revealed lexical, phonetic, morphologic and syntax language features of the early friendly epistles as well as emotional and expressive means used by the author. The article also deals with the means of expressiveness such as metaphor, periphrases, epithet, and comparison and analyses their role in disclosing the author's intent.

В.С. Ковалёва
Смоленский государственный университет

УДК 81.367.7

Текстообразующая роль частиц в повести Н.В. Гоголя «Шинель»

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь; частицы; высокая частотность присутствия в тексте; союзная функция; речевой портрет; авторский сказ; грамматическая гипербола.*

В статье рассматривается функционирование частиц в качестве текстообразующих элементов повести Н.В. Гоголя «Шинель». Корпус частиц в повести насчитывает более пятидесяти единиц. Помимо маркировки наиболее значимых мест текста частицы выполняют союзную функцию, подчеркивают уникальную особенность авторского сказа, участвуют в создании грамматической гиперболы как отличительного приема поэтики Гоголя.

Что нового можно сказать о произведении, которое написано более 170 лет назад и изучено так основательно, что очередному исследователю трудно отыскать в нем что-то уникальное? И тем не менее... Как всякий большой писатель, Н.В. Гоголь неисчерпаем. На наш взгляд, он современен и для тех, кто жил с ним в одном веке, и для тех, в чьей жизни был век двадцатый, и для тех, кто вступил в век двадцать первый.

Существенны ли для жизни языка семнадцать десятилетий? Весьма существенны для лексики, значимы для стилистики, почти неощутимы для грамматики.

Наше внимание привлекла одна из грамматико-стилистических особенностей повести Н.В. Гоголя «Шинель», а именно использование частиц в качестве текстоообразующих элементов.

Частица, как служебная часть речи, постоянно пополняет свой состав, вовлекая в свою грамматическую сферу знаменательные части речи. Академик В.В. Виноградов подчеркивал гибридный полуграмматический, полулексический характер частиц [1, с. 521]. Нам, вслед за В.В. Виноградовым, представляется, что в отношении частиц корректнее было бы вести речь не о лексической (даже наполовину), а прежде всего о грамматической семантике. На это указывал другой исследователь, академик А.А. Шахматов, называя частицы «словами, усиливающими или оттеняющими в том или ином отношении грамматические формы или предикат» [5, с. 99].

Читающий повесть «Шинель» невольно обращает внимание на нарочитое присутствие в ней частиц. Образно говоря, ими обильно покрыто все графическое полотно произведения. В качестве примера приведем нижеследующий фрагмент из повести, выделив частицы курсивом:

«Когда и в какое время он (Акакий Акакиевич. – *В. К.*) поступил в департамент и кто определил его, этого никто *не* мог припомнить. Сколько *не* переменялось директоров и всяких начальников, его видели *все* на одном *и* том *же* месте, в том *же* положении, в той *же* самой должности, тем *же* чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так *и* родился на свет *уже* совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте *не* оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа *не* только *не* вставали с мест, когда он проходил, но *даже не* глядели на него, как будто *бы* через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника *прямо* совал ему под нос бумаги, *не* сказав *даже* "перепишите", или "*вот* интересное, хорошенькое дельце", или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев *только* на бумагу, *не* глядя, кто ему подложил и имел *ли* на то право. Он брал и тут *же* пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут *же* пред ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но *ни* одного слова *не* отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто *бы* никого и *не* было перед ним; это *не* имело *даже* влияния на занятия его; среди всех этих докук он *не* делал *ни* одной ошибки в письме» [2, с. 280].

Гоголевский словарь частиц, употребленных в повести «Шинель», насчитывает более пятидесяти единиц. Примерно половина из них так называемые первообразные частицы (отрицательные *не* и *ни,* формообразующая *бы*; указательная *вот,* частицы *уже* и ее вариант *уж, именно, только, разве, же* и вариант *ж, даже* и другие*)*, а вторая половина – это либо перешедшие в частицы местоимения и наречия, причем этот контекстный грамматический переход осуществляется именно в повести (таковы частицы *все, всего, решительно, совершенно, прямо, просто*), либо созданные писателем из первообразных составные частицы (*именно вот, пусть бы еще, только разве, все еще как будто, чуть было даже*). Приведем примеры последних.

«Может быть, читателю оно (имя. – *В. К.*) покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло *именно вот* так» [2, с. 279];

«*Пусть бы еще* Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий» [2, с. 280].

«Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и *только разве* если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и

напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не в середине строки, а скорее на средине улицы» [2, с. 281];

«– Как же новую? – сказал он, *все еще как будто* находясь во сне, – ведь у меня и денег на это нет» [2, с. 284];

«Один раз, переписывая бумагу, он *чуть было даже* не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул “ух!” и перекрестился» [2, с. 285].

Каждая из немалого количества частиц употреблена в тексте повести от одного до нескольких десятков раз (частица *даже* более пятидесяти раз).

Служебная часть речи с такой высокой частотностью присутствия в тексте должна претендовать на особую роль.

Полагаем, что авторитет академика А.А. Шахматова позволяет нам считать усилительное грамматическое значение инвариантным для частиц в целом. Это значит, что в той или иной степени оно будет присутствовать в каждой частице, независимо от ее синтаксической позиции в тексте, и оно же будет способствовать укреплению внутритекстовых связей.

У частиц нет постоянного места в предложении, они могут стоять при разных членах предложения, распространяя на них свое усилительное значение и тем самым выделяя их. «Привычное» место для частицы – препозиция к тому или иному члену предложения, например:

1) к подлежащему: «И отец, и дед, и *даже* шурин, и все *совершенно* Башмачкины ходили в сапогах…» [2, с. 279];

2) к сказуемому: «Родился Акакий Акакиевич против ночи, если *только не* изменяет память…» [2, с. 279];

3) к дополнению: «Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила *тоже* предметом насмешек чиновников…» [2, с. 282];

4) к определению: «… *именно* из готового *уже* дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место» [2, с. 281];

5) к обстоятельству: «…священное имя его произносится *решительно* всуе» [2, с. 279].

Таким образом, с помощью частиц маркируются наиболее значимые места текста.

В повести «Шинель» Н.В. Гоголь прибегает и к такому словорасположению, при котором одна частица (в интерпозиции) распространяет свое влияние сразу на два члена предложения, например, в приведенном выше фрагменте обратим внимание на словосочетания:

не сказав *даже* «перепишите»;

посмотрев *только* на бумагу.

Словосочетание с помощью частицы в интерпозиции, образно говоря, «цементируется», поэтому часто становится невозможным сделать паузу ни до частицы, ни после нее:

«…при встрече с нею одни *только* гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик…» [2, с. 282].

Синтаксическая конструкция как бы «прошивается» частицей в двух направлениях, благодаря чему усиливается связь компонентов.

В создании текстовой ткани участвуют также повторяющиеся частицы:

«– А я вот *вот* того, Петрович… шинель-то, сукно… *вот* видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да *вот* только в одном месте немного того… на спине, да еще *вот* на плече одном немного попротерлось, да *вот* на этом плече немножко – видишь, *вот* и все. И работы немного…» [2, с. 283].

Повторяющиеся частицы усиливают как связи членов предложения между собой, так и связи предикативных единиц, то есть внутритекстовые связи. В этом случае частицы начинают выполнять союзную функцию. Так, например, в русском языке с течением времени на базе частиц появились союзы *как только, лишь только* и др. У Гоголя таким союзом является *не только, но даже*:

«Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге *не только* титулярным, *но даже* тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами» [2, с. 281–282].

Частица *даже* является наиболее частотной среди всех частиц повести. Как отмечалось выше, она более пятидесяти раз встречается в тексте произведения. Объяснить это можно тем, что частица *даже* в существующих классификациях данной части речи относится к усилительным, то есть находится в ядерной зоне части речи. Она как бы вдвойне усилительная: и по классификации, и по выполняемой функции. Можно сказать, что частица *даже* – своеобразный эталон инвариантного значения. В академическом словаре русского языка о ней содержится следующая информация:

«ДАЖЕ, *частица усилит*. 1. Употребляется для выделения и усиления слова или словосочетания, к которому относится (ставится обычно перед выделяемыми словами)» [3, т. 1, с. 362].

В повести частица *даже* выделяет самые разные члены предложения, маркируя таким образом важные текстовые фрагменты. В отдельных случаях она демонстрирует способность своеобразно «прошивать» словосочетания в двух направлениях: и в сторону главного слова, и в сторону зависимого, например:

«Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько *даже* на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным» [2, с. 279];

«Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, *даже* попал бы в статские советники, но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу» [2, с. 280–281];

«…у Петровича есть жена, носит *даже* чепчик, а не платок…» [2, с. 282];

«…хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть *даже и* самых тараканов» [2, с. 282];

«Огонь порою показывался в глазах его, в голове *даже* мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?» [2, с. 285];

«Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему *даже* стыдно» [2, с. 286].

Есть в произведении весьма уникальное предложение, фрагмент, в котором частица *даже* повторена пять раз:

«*Даже* в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, – когда все уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше *даже*, чем нужно, неугомонный человек, – когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенок; кто на вечер – истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, – словом, *даже* в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или *даже*, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, – словом, *даже* тогда, когда все стремится развлечься, – Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению» [2, с. 281].

Неоднократный повтор частицы *даже* в вышеприведенном примере не создает лексической избыточности, поскольку частица участвует в необычном строении «многоступенчатого» периода: каждый член периода в свою очередь представляет собой период же («…когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенок; кто на ве-

чер – истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний…»). Подобные усложненные построения характерны для гоголевского идиостиля.

Почему же в первую очередь частицы призваны выполнять в повести текстообразующую функцию?

По нашему мнению, есть три причины.

Первая кроется в том, что весь текст повести в определенной степени отражает речевой портрет Акакия Акакиевича, о чем Гоголь пишет:

«Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» [2, с. 283].

Вторая связана с особенностями авторского сказа, в котором соединены комическое и мелодраматическое начала. По поводу сказа, исследованием которого занимался В.В. Виноградов, читаем: «Сказ – это своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, это художественная имитация монологической речи, которая воплощает в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке непосредственного говорения» [4, с. 257–258].

И, наконец, третья – это созданная автором и наглядно представленная грамматическая гипербола. Известно, что гипербола является постоянным, и отличительным, приемом поэтики Гоголя. По мнению доктора филологических наук И.Н. Сухих, у Гоголя гипербола – это образ, а не стилистическая фигура [4, с. 249]. В повести «Шинель» этот образ создан средствами грамматики, а именно обилием частиц в ткани произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972.
2. Гоголь Н.В. Повести. Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1984.
3. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 1. М.: Русский язык, 1985.
4. Сухих И.Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Вып. 2. Л., 1927.

V.S. Kovaleva

Text Forming Role of Particles in the Novel «The Overcoat» by N.V. Gogol

Key words: *N.V. Gogol; particles with high frequency in the text; conjunction function; speech portrait; author's style; grammatical hyperbole.*

The article discusses the functions of particles as text forming elements in the novel «The Overcoat» by N.V. Gogol. The list of particles in the novel

includes more than fifty units. Apart from marking the most important places in the text, the particles perform the function of conjunctions, emphasize unique features of the author's style, and participate in the creation of grammatical hyperbole as a distinctive device of the poetics of Gogol.

И.А. Королёва

Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'27

Речевой этикет эпистолярного дискурса соратников А.Т. Твардовского (по материалам архива Маргареты Томпсон из Литературного музея Смоленского государственного университета)

Ключевые слова: *речевой портрет; речевой этикет; письменная речь; специфика речевых письменных стандартов.*

В статье на материале писем друзей и коллег А.Т Твардовского к американской исследовательнице его творчества профессору Маргарете Томпсон рассматривается специфика речевого эпистолярного этикета элитарной языковой личности. Анализируются речевые стандарты, позволяющие представить фрагмент речевого портрета интеллигентного русского человека 90-х годов XX века. Материал впервые вводится в научный оборот.

В 2010 году, в год юбилея великого русского поэта Александра Трифоновича Твардовского, известная американская исследовательница его творчества профессор университета штата Джорджия Маргарета Томпсон прислала в дар Смоленскому университету архивные материалы, связанные с именем нашего выдающегося земляка. Сегодня в Литературном музее есть Фонд № 52, который так и называется – Фонд Маргареты Томпсон.

Материалы архива очень разноплановы: это письма людей из круга Александра Трифоновича, прежде всего «новомировцев», материалы интервью, научные статьи, вырезки из газет, театральные афиши и программы спектаклей по произведениям Твардовского, некоторые статистические данные. Часть текстов на русском языке, часть – на английском. Несмотря на то, что большинство материалов представляют собой копии писем и публикаций, они уникальны, так как нигде в России не представлены.

Наше внимание привлекли письма соратников А.Т. Твардовского, написанные ими Маргарете Томпсон в 90-е годы XX века, то есть в тот период времени, когда американская исследовательница наиболее активно сотрудничала с российской литературной интеллигенцией, бывала в России.

Так, в архиве содержатся пять писем известного критика В. Лакшина, шесть писем М. Кураева, частные письма А. Рыбакова, Ф. Искандера,

А. Синявского, одно письмо дочери Твардовского, Валентины Александровны. Именно эти письма стали объектом нашего исследования.

Целью настоящей статьи является воссоздание фрагмента коллективного речевого портрета окружения А.Т. Твардовского, его соратников и сподвижников, по материалам эпистолярного дискурса. Особый интерес заключается в том, что все письма посланы одному адресату – широко известной и за рубежом, и в России исследовательнице биографии и творчества Твардовского, что позволяет обратить внимание на деловой и дружеский речевой этикет: ведь именно такая корреспонденция дает возможность достоверно выявить специфические особенности эпистолярного дискурса на коммуникативно-прагматическом уровне [1, с. 3].

Так, Владимир Лакшин переписывался с ней в 90-е годы XX века. Практически во всех письмах он обращается «Дорогая Маргарета!», что свидетельствует о дружеских отношениях коммуникантов. Подписи также самые дружеские: «Искренне Ваш В. Лакшин» (17 апреля 1992 года (рукопись)); «Сердечно приветствую Вас В. Лакшин» (без даты, машинопись); «Самый сердечный привет и добрые пожелания В. Лакшин» (12 июля 1991 года, машинопись).

Критик, как и большинство из окружения Твардовского, много пишет о самом Твардовском и его работе: «О лирике Твардовского лучше взять не старую мою статью, а решительно обновленную – предисловие к кн.: “А.Т. Твардовский. Стихотворения”. М., Худ. лит., 1989, с. 5–20)» (без даты); «С Твардовским меня познакомили как молодого автора журнала… Он был очень талантливый критик, мой друг (речь идет о Марке Щеглове. – *И. К.*), и Твардовский принял в нем участие, поручил мне собрать его статьи и посмертно выпустить книгу… Твардовский пригласил меня в качестве члена редколлегии “Нового мира” в 1962 году… С 1967 года я был его заместителем по журналу – до разгона редколлегии в 1970-м году» (без даты).

Естественно, Лакшин просил о публикациях за границей и благодарил за содействие, так как Томпсон очень благосклонно относилась к окружению Твардовского и помогала: «Спасибо Вам за письмо. Рад, что Ваша работа над составлением и переводом моей книги подходит к концу» (17 апреля 1992 года); «Как продвигается Ваша работа над переводом моих статей?» (12 июля 1991 года). Он надеялся на личную встречу с Маргаретой: «Мне будет приятно увидеть Вас в июне в Москве» (17 апреля 1992 года).

И вместе с тем очевидно, что отношения все же не столь близкие, хотя и дружеско-деловые – в основном используются стандартные этикетные фразы и обороты: «Удачи Вам!» (12 июля 1991 года); «В последнее время я больше всего времени отдаю журналу «Иностранная литература», главным редактором которого недавно стал» (без даты); «Сообщенными сведениями Вы можете располагать по своему усмотрению» (там же); «Очень хотелось бы надеяться, что Ваш труд не напрасен» (17 апреля 1992 года).

В письмах Лакшина есть приветы третьим лицам: так, он иногда передает привет или сердечный поклон Лене Красносумовой, подруге Маргареты Томпсон, есть и письма к ней. Вот начало одного из них: «Дорогая Лена! Спасибо Вам за теплое и весьма приятное мне письмо. Светлана (жена. – *И. К.*), которой я его прочел, с большой симпатией вспоминала Вас. Для меня неожиданность, что Вы сотрудничаете и дружите с Маргаритой, которая появилась на моем горизонте внезапно, словно из космоса, но намерение которой издать мою книгу и стремительный энтузиазм, с которым она это делает, переполняют меня благодарностью. Слов нет, если Вы ей поможете, я буду еще увереннее и спокойнее за то, в каком виде предстану перед англоязычным читателем». Далее следуют рекомендации по составлению книги. Как видим, в письме третьему лицу дается очень оригинальная метафорическая характеристика знакомства с М. Томпсон. Предположительная дата письма – 17 или 19 января 1991 года.

В архиве есть письма и других ярких личностей из окружения Твардовского. Так, есть письмо Фазиля Искандера, где он делится с Маргаретой, которую называет «Дорогая Маргарета», своими мыслями о некоторых произведениях советской литературы (например, романе Гранина «Зубр», «Созвездии Козлотура» Лысенко). Подпись – «Крепко жму руку. Фазиль» (9 февраля 1989 года). Есть письмо А. Синявского от 30 июня 1985 года; в нем писатель отмечает, что с удовольствием ответит на письмо, на вопросы, которые Томпсон, видимо, задавала. Ответы краткие, далее следует замечание о том, что при личной встрече в Париже ответит более подробно. Главный вопрос, естественно, об отношениях с Твардовским. Ответ Синявского очень конкретен и ясен: «С Твардовским у меня были добрые деловые отношения, когда я в роли критика выступал в “Новом мире”. После моего ареста помощи от него не было. Да и трудно было бы ее ожидать. Во-первых, положение “Нового мира” было уже шатким, а я моим именем и арестом компрометировал журнал. Во-вторых, партийная и литературная позиция Твардовского вряд ли ему позволяла мне сочувствовать… К Твардовскому – человеку и редактору журнала – у меня самое сердечное расположение. Другое дело, его поэтические вкусы, с которыми я расходился. Личных контактов у меня с ним почти не было, и потому я почти ничего не могу сказать о его характере». Подпись: «С уважением А. Синявский». Письмо написано от руки.

Интересно письмо дочери Твардовского – Валентины Александровны – к самой Маргарете Томпсон. Безусловный дружеский этикет, выражение доброжелательной (по этикету) благодарности за сотрудничество. Вот некоторые этикетные выдержки: «Дорогая Маргарет»; «Вся наша семья благодарит Вас за память и Вам кланяется и шлет приветы – особенно сестра Ольга»; «Будьте здоровы и благополучны»; «Наилучшие пожелания всей Вашей большой семье»; «С искренним уважением и симпатией В. Твардовская» (письмо без даты, отпечатано на машинке, последние пожелания и подпись от руки).

Содержание письма – сетования на неиздание работ Твардовского, который в 90-е годы XX века стал «некоммерческим» автором. Твардовская сообщает, что «она (мать) так спешила писать эту книгу (имеются в виду "Материалы к биографии А. Твардовского". – *И. К.*), что и в этой работе надорвала свое здоровье». Письмо написано уже после смерти Марии Илларионовны.

Одно письмо, от 9 февраля 1989 года, от Анатолия Рыбакова. В нем обращение более официальное – «Уважаемая Маргарета!» и подпись тоже более строгая – «С искренним пожеланием успехов Ан. Рыбаков»; имеется личная подпись.

Письмо краткое, представляющее ответ на вопросы о персонажах романа «Дети Арбата» Рязанове и Онисимове. Отмечается их преданность Сталину и кратко характеризуются эти две фигуры. Видимо, исследовательница похвалила автора, так как Рыбаков вежливо благодарит Томпсон, используя только одно определение – «теплый отзыв».

Наше внимание привлекла переписка с Михаилом Кураевым.

Эти письма отличаются большей степенью своеобразной «практической» близости. Переписку ведет Кураев от себя и от имени жены Ольги. Обращения всегда однотипные, кроме первого письма, где вместо «Дорогая Маргарета!» находим «Уважаемая госпожа Маргарета Томпсон! (12 марта 1989 года). Это начало знакомства.

В первом письме Кураев сразу же благодарит Томпсон за труд по переводу романа «Дикштейн», за внимание и интерес к персоне автора. Подробно описана история создания произведения, отмечена его реалистичность и правдивость по отношению к реальным фактам бытия: «Я пишу о человеке, который выстоял». Далее описывается создание романа «Ночной дозор».

Особо подчеркивает Кураев свои отношения с редакторами: «Путевку в жизнь дал Д.С. Лихачев. В "Новом мире" (1987) помогал И.И. Виноградов, завотделом прозы в те годы. Прекрасный отзыв дал историк И.П. Данков».

Далее подробно изложена биография Кураева. Он подчеркивает свое питерское происхождение (родился в Ленинграде в 1939 году), описывает потери блокады, свою учебу и, более подробно, работу на киностудии и женитьбу на Ольге Мирошниченко. Констатирует, что в пятьдесят лет началась абсолютно новая жизнь: стал писателем, второй брак, новая среда обитания…

Кураев подчеркивает свои связи с Америкой, перечисляет друзей, живущих там: В. Аксенов, Б. Фрумин, Я. Склянский. Задает вопросы о переводе книги, рассчитывает на переписку: «Рад буду получить от Вас письмо». Естественно, при приезде в СССР, в Москву, приглашает Томпсон пожить у него: «Вы желанный наш с Ольгой гость».

В дальнейшем отношения стали очень близкими и дружескими; из писем узнаем об обмене фотографиями, письмами, посылками: «Дорогая Маргарета! Спасибо за Ваше чудесное письмо, за доклад в Техасе. Я две страницы Вам выслал, но на всякий случай посылаю еще. Оля пошлет из Германии, куда летит сегодня. Наш привет Дику и Томасу. Оля и я желаем Вам и Вашей семье всего самого лучшего. Ваш М. Кураев» (рукопись, 9 ноября 1990 года).

Переписка ведется в начале 90-х годов XX века весьма активно. Кураев постоянно пишет о своей работе, о прошлых сценариях, о настоящих произведениях, печатавшихся в журналах. Речь идет о «Новом мире», московском издательстве «Слово», о журналах «Знамя», «Дружба народов»… Отмечает даже рецензии в газетах с точными датами статей («Независимая газета» и др.). Постоянно высказывает благодарность за сотрудничество в весьма теплых словах: «…хочу сказать, что в эти предновогодние дни думаю о Вас, думаю с чувством благодарности за Ваш труд и желаю Вам и Вашим близким в новом году благополучия, здоровья, удачи» (28 декабря 1992 года).

Таким образом, в результате проведенного анализа эпистолярного дискурса окружения А.Т. Твардовского мы пришли к следующим выводам.

1. Речевой этикет в рассмотренном эпистолярии лиц из окружения Твардовского имеет много общих, характерных для творческих людей черт: доброжелательность, хороший разговорный письменный язык, использование этикетных речевых стандартов, строгость и точность в отборе лексических языковых единиц [3].

2. Если адресанты входят в переписку с адресатом, то есть с Маргаретой Томпсон, то стандартные речевые фразы иногда заменяются на более свободные конструкции, свидетельствующие, как правило, об углублении деловых отношений. Маргарета Томпсон связана со всеми своими корреспондентами именем Твардовского, но одновременно старается всем помочь в издании работ в Америке, что является немаловажным в 90-е годы XX века. Именно поэтому в содержании всех писем имеют место речевые стандарты просьбы и благодарности, которые составляют значительную часть текстов писем.

3. Несмотря на то, что переписка ведется с человеком из капиталистической Америки, тексты показывают свободу и открытость общения. Своеобразный этикет доверия свидетельствует о стремлении установить искренние и дружеские отношения с известной американской исследовательницей творчества Твардовского.

4. Многие ответы на вопросы, уже заданные Маргаретой Томпсон, имплицитно показывают устойчивые двусторонние контакты. Можно предположить, что российские литераторы старались поддержать эти отношения и в память о Твардовском, и с личными целями.

5. Проведенный анализ эпистолярного дискурса позволил составить своеобразный собирательный речевой портрет элитарной языковой личности [2] на коммуникативно-прагматическом уровне, что позволяет гово-

рить об общих речевых особенностях творческих личностей из окружения А.Т. Твардовского, среди которых следует отметить отсутствие просторечной лексики, жаргонизмов, диалектизмов, переизбытка изобразительно-выразительных языковых средств. Общими являются этикетные стандарты обращений, просьбы, благодарности, извинения.

6. И вместе с тем следует указать на определенные индивидуальные особенности отдельных участников эпистолярного общения. Михаил Кураев, например, находился в более тесном контакте с Маргаретой Томпсон, так как в письмах есть упоминание о членах семьи, общих друзьях, частных прагматических действиях (обмен посылками, встречи в определенных городах, в частности в Париже). Наоборот, эпистолярный стиль Анатолия Рыбакова более строгий и официальный, о чем можно судить по обращениям, подписям, краткости ответов, отсутствию каких-либо эпитетов и метафор. Возможно, это говорит и о более официальных отношениях респондентов.

Итак, мы показали, что анализ эпистолярного текста дает большие возможности для изучения отношений между корреспондентами, которые являются элитарными языковыми личностями из литературного окружения великого русского поэта А.Т. Твардовского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2017.

2. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

3. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилициной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Либроком, 2009.

ИСТОЧНИКИ

Письма А.В. Македонова Маргарете Томпсон // Архив Маргареты Томпсон. Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 52.

I.A. Koroleva

Speech Etiquette of A.T. Tvardovsky Comrades' Epistolary Discourse (Based on the Materials of Margareta Thompson's Archive at the Literary Museum of Smolensk State University)

Key words: *speech portrait; speech etiquette; written speech; specific features of written speech standards.*

On the basis of letters of A.T. Tvardovsky's friends and colleagues to professor Margareta Thompson, an American researcher of his creative activity, the article considers specific features of epistolary speech etiquette characteristic of an elite speech personality. The paper analyzes speech standards which make it possible to construe a fragment of a Russian intellectual's speech portrait timed to the 1990s.

Е.С. Лунькова
Смоленский государственный университет

УДК 811.161.1'28

Нерегулярные конфиксальные отсубстантивы в словообразовательной системе смоленских говоров

Ключевые слова: *смоленские говоры; словообразование; конфикс*.

Статья посвящена комплексному описанию нерегулярных конфиксальных отсубстантивов с предметной семантикой в смоленских говорах; существительные разделены на две группы (парные и единичные слова), каждая из групп описана с точки зрения комбинаторики словообразовательных средств и словообразовательного значения.

Конфиксы представляют собой явление, имеющее длительную историю формирования, и признаются неоднозначными образованиями в теории словообразования. Конфиксация как способ словообразования не существовала изначально, она «могла возникнуть только на определенной ступени развития языковой абстракции носителей языка» [1, с. 4].

Процесс развития конфиксации обычно связывается с переразложением отношений внутри суффиксальных словообразовательных типов (СТ), которые изначально возникли на базе предложно-падежного мотивирующего сочетания слов. Причины этого процесса достаточно многообразны и обычно рассматриваются с ретроспективной точки зрения.

Конфиксация в смоленских говорах представлена преимущественно в области отсубстантивных существительных с предметной семантикой и интересна с точки зрения синхронного словообразования: в этой области сосредоточено максимальное количество СТ, а именно 33, наполненных с разной степенью регулярности и включающих от 47 до 3 производных слов. В общей совокупности к числу конфиксальных существительных в рамках СТ относятся более 270 слов, зафиксированных в смоленских говорах (выборка была проведена по «Словарю смоленских говоров» [4]). Необходимо отметить, что подсчеты диалектных слов относительно условны, цифры не носят абсолютного характера и могут незначительно меняться с учетом результатов новых полевых исследований.

Парные и единичные конфиксальные отсубстантивы с предметной семантикой противостоят в словообразовательной системе смоленских говоров целому массиву регулярных СТ и представляют особый интерес для исследования, поскольку, вопреки расположению на периферии частной диалектной системы, демонстрируют широкое разнообразие формантов, являющихся носителями разнообразных видов словообразовательного значения.

Количество нерегулярных конфиксальных отсубстантивов, функционирующих в смоленских говорах, достаточно велико – всего было установлено 139 существительных, что составляет совокупно одну третью часть от общего числа конфиксальных отсубстантивных дериватов.

Описываемые диалектные слова не образуют СТ в силу слабой регулярности, однако некоторые из них потенциально могут сформировать типы – речь идет о парных производных, которых встретилось 48. Единичных слов почти в два раза больше – 91 производное диалектное существительное.

Словообразовательная семантика производных диалектных слов, образованных при помощи конфиксов, традиционно связана с областью словообразовательной мутации, за исключением отдельных, специально оговоренных случаев словообразовательной модификации.

Описание существительных целесообразно вести по схожим принципам, чтобы установить характерные черты каждой группы.

Парные конфиксальные образования могут быть распределены на три группы:

1) слова, полностью совпадающие в общерусском языке и в смоленских говорах с точки зрения их конфикса, являющегося носителем тождественного словообразовательного значения (устанавливается здесь и далее по [2; 3]);

2) слова, имеющие разное (несовпадающее) словообразовательное значение в общерусском языке и в смоленских говорах при тождественном словообразовательном средстве;

3) слова, обладающие словообразовательным средством, которое характерно только для смоленских говоров и не встречается в общерусском языке.

Первую группу составляют слова, обладающие следующими формантами:

без-...-к(а): безрука́вка ‘парадный бархатный костюм черного или темно-синего цвета’, бестáрка ‘телега, приспособленная для перевозки зерна, овощей без тары’ – в диалектных словах выделяется словообразовательное значение «предмет, характеризующийся отсутствием того, что названо производящим словом» (ср. общерусские *безрукавка*, *бескозырка* с той же семантикой);

на-…-j(е): надво́рье ‘место, пространство на крестьянском дворе и перед двором’, накопы́рье ‘бурав для просверливания дерева’; и в смоленском диалекте, и в общерусском языке имеет место грамматическая семантика, связанная с обозначением пространственных отношений (например, в общерусском слове *нагорье*);

от-...-ок: отполо́сок ‘часть поля, земельной полосы’, отхво́сток ‘конец ветки, веревки, ленты и под., выступающий за пределы чего-либо’ – в

говорах они обладают тем же значением, что и в общерусском языке: «часть, отделившаяся от того, что названо производящим словом», например, в общерусском существительном *отроек*, образованном от *рой*).

Все три форманта первой подгруппы обладают как материальным тождеством с общерусским языком (для их образования были использованы широко известные префиксы и суффиксы), так и большим сходством словообразовательной семантики. Первая подгруппа парных конфиксальных существительных – самая немногочисленная в смоленских говорах.

Вторая подгруппа включает слова, которые обладают известными общерусскому языку конфиксами, но в то же время развивают новое словообразовательное значение в говорах. Сюда можно отнести существительные со следующими формантами:

без-...-ник: бездо́нник ‘специальный наперсток без дна / ведро, кадка без дна’, безруко́вник ‘поддевка без рукавов; безрукавка’; основное различие сводится к тому, что в общерусском языке формант используется для наименования лица (*безбилетник*), а в смоленских говорах участвует в формировании предметной семантики производного существительного;

без-...-ниц(а): безруко́вница ‘безрукавка’, бесполи́чница ‘женская рубашка с неотрезанным рукавом на плече, без оплечья (устар.)’; в общерусском языке формант используется для обозначения лица (*бесприданница*), как и формант *без-…-ник*;

вз-…-ек (вз-...-ок): взме́жек ‘земля вдоль межи’, взло́бок ‘вершина, гребень крыши’, в общерусском языке подобные слова называют то, что по внешнему виду напоминает производящее слово (*взгорок*), то есть обладает мутационной словообразовательной семантикой;

о-…-ин(а): опу́зина ‘обод’, ощепина ‘щепка’, в общерусском языке слова с данным формантом обозначают место, территорию, непосредственно прилегающую к тому, что было названо производящим словом (*обочина, окраина*), в смоленских говорах у форманта наблюдаются разновидности модификационного значения – выявляется семантика подобия (опу́зина) и тождества (ощепина) тому, что названо производящим словом (пузо, щепка);

по-..-ень: по́жилень ‘жердь, соединяющая нижние части передней и задней подушки телеги’, похлопе́нь ‘лапоть’; в общерусском языке формант используется для обозначения предмета, предназначенного для осуществления действия (поручень), тогда как в смоленских говорах формант обладает более широким словообразовательным значением и обозначает предметы, характеризующиеся отношением к тому, что названо производящим словом;

у-...-j(е): уло́нье ‘охапка чего-либо’, уру́чье ‘палка, рукоятка чего-либо’; в общерусском языке формант используется для обозначения территории и имеет пространственное значение (*угорье*), в смоленских говорах

обладает либо модификационным значением (слово *уло́нье* образовано от существительного *ло́нья* с тем же лексическим значением – ‘охапка’), либо указывает на способ использования предмета (*уру́чье* в силу диалектной фонетической трансформации восходит к предлогу *в* и обозначает то, что находится в руке человека – рукоятку или палку чего-либо).

Таким образом, в переходной подгруппе единиц, известных общерусскому языку, но обладающих иной словообразовательной семантикой в смоленских говорах, было зафиксировано шесть конфиксов.

Особую, третью по счету, подгруппу составляют диалектные слова, которые не обнаруживают материального соответствия в общерусском языке. Вопрос об их собственно диалектном характере является в данном случае не принципиальным, поскольку, во-первых, «строительный материал», то есть префиксы и суффиксы, вошедшие в состав диалектных конфиксов, широко известен общерусскому языку, а во-вторых, нельзя исключать наличие подобных конфиксов в других русских народных говорах.

В данную подгруппу входят следующие диалектные образования:

вз-…-j(е): взголо́вье ‘изголовье’, взду́жье ‘полоз саней, загнутый спереди’;

за-...-к(и): за́головки ‘изголовье кровати’, заку́льки ‘небольшие снопы соломы, которыми крыли крышу’;

на-...-ень: нали́чень ‘сетка, защищающая лицо от пчел’, насто́лень ‘скатерть’, **на-…-н(я)**: надво́рня ‘место, пространство на крестьянском дворе’, натопо́рня ‘ручка топора’;

на-…-ник(и): напру́жники ‘часть упряжи’, нау́сники ‘глиняная посуда в виде двух горшочков, скрепленных общей ручкой’;

на-…-есник: налобе́сник ‘старинный женский головной убор в виде повязки, налобник’, начеле́сник ‘женская повязка в виде широкой полоски ткани, унизанной бусинками, со шнурочками на концах; повязывалась поверх головного убора (шапочки)’;

на-...-ешник: настоле́шник ‘скатерть’, начеле́шник ‘головной убор невесты в виде гребенки с украшениями’;

о-…-ек: окра́ек ‘краюха хлеба’, опе́чек ‘деревянный фундамент русской печи’;

па-...-к(и): па́золки ‘мыльная вода, оставшаяся после стирки белья’, па́мылки ‘мыльная вода, оставшаяся после стирки белья’;

по-...-иц(а): подво́рица ‘пространство вокруг дома, двор’, поне́бица ‘часть ткацкого станка’;

под-...-ин(а): подворо́тина ‘доска для закладывания щели между воротами и землей’, подгу́мнина ‘кровля гумна в виде большого навеса’;

под-...-ищ(е): поддо́нище ‘подставка, подстилка под что-либо’, подпе́чище ‘подпечье’;

при-...-к(и): примо́стки ‘крыльцо без крыши’, при́паро́мки ‘сходни у парома’;

су-…-к(а): су́но́жка ‘педаль в ткацком стане’, сукра́йка ‘нижняя кромка платка’;

у-…-ин(а): упа́рина ‘поле, оставленное под пар’, уру́чина ‘палка, рукоятка чего-либо’;

у-…-ок: уло́нок ‘охапка чего-либо’, усу́док ‘место для хозяйственной утвари’.

Третья подгруппа парных существительных оказалась самой репрезентативной – в ней 15 формантов.

Единичные конфиксальные существительные, обладающие конкретно-предметным значением, представлены в смоленских говорах гораздо шире, чем парные. Эта группа насчитывает в общей сложности 91 формант и, соответственно, 91 слово (против 24 парных формантов в 48 словах, описанных выше).

Заявленное многообразие диалектных слов может быть сведено в три подгруппы по модели, использовавшейся для описания парных отсубстантивов.

В первой подгруппе окажутся слова, демонстрирующие полное совпадение форманта и словообразовательного значения в смоленских говорах и в общерусском языке: **меж-...-j(e)** в диалектном существительном междво́рье ‘участок между двумя домами’ (ср. общерусское *межгорье*), **над-...-j(e)** в слове наддве́рье ‘пространство над дверью’ (ср. общерусское *надпечье*), **пере-...-j(e)** в диалектном перекле́тье ‘навес и помост перед входом в амбар’ (при общерусских *перепутье, перелесье*; в то же время можно констатировать наличие варианта *пере-* у регулярного префикса *пред-* в смоленских говорах), **пред-…-ик** в *предмы́льник* и **пред-…-ник** в *предклу́бник* с соответствующими значениями ‘предбанник’ и ‘коридор, сенцы перед входом в клуб’ (формально в первом случае можно выделить суффикс *-ик*, но в силу высокой частотности данной словообразовательной модели и в говорах, и в общерусском языке, как, например, в существительных *предбанник*, *предплужник*, диалектные слова можно отнести именно к одной модели и рассматривать *-ик* как алломорф суффикса *-ник*; в данном случае словообразовательная семантика диалектного слова предполагает именно такое истолкование).

Первая подгруппа является и самой немногочисленной, поскольку включает лишь пять диалектных слов. Это вполне отвечает тенденции, наметившейся для парных отсубстантивов: диалектизмов, которые полностью совпадают в смоленских говорах и в общерусском языке как по форме, так и по значению, – меньшинство.

Вторая подгруппа диалектных отсубстантивов демонстрирует наличие тождественных словообразовательных средств в смоленских говорах и

общерусском языке при расхождении, полном или частичном, словообразовательных значений данных средств. В данную подгруппу можно отнести диалектизмы со следующими конфиксами:

за-…-ек: запе́чек ‘место, промежуток между печкой и стеной / отгороженная часть избы возле печки’, в общерусском языке – более широкое значение отношения к производящему существительному, обозначающему место (*закоулок*);

за-...-ин(а): запотоло́чина ‘пространство между крышей и потолком; чердак’, при общерусском *закраина*, со значением тождества тому, что названо производящим словом;

на-...-Ø: наше́сть ‘насест для кур’, в данном случае возможны два истолкования диалектного слова: 1) лексикализация фонетических изменений в слове (насест – нашесть), 2) словообразовательный процесс, в пользу которого говорит изменение рода с мужского на женский в смоленских говорах. Если рассматривать второй вариант, то нужно констатировать модификационное значение тождества в диалектном существительном, тогда как в общерусском языке образованное по похожей модели существительное *наледь* обозначает отношение к тому, что названо производящим словом;

о-...-к(а): ощепка ‘щепка’, в общерусском языке формант используется в сфере отглагольного словообразования (*одышка*);

па-...-иц(а): па́голица ‘паголенок’, в общерусском языке *падчерица* – наименование лица;

по-...-ищ(е): подво́рище ‘место, на котором находится дом с хозяйственными постройками’, при общерусском *посмешище* – наименовании лица;

по-…-щин(а): погро́бщина ‘полотно, на котором спускают гроб в могилу’, ср. общерусское *поденщина* с более широким словообразовательным значением процесса;

при-...-ек: припе́чек ‘фундамент, на который ставится русская печь’, ср. общерусское *пригорок* со значением подобия тому, что названо производящим словом;

раз-…-j(е): разду́жье ‘часть телеги’, тогда как в общерусском языке *распутье*, *разводье* – место, характеризующееся отношением к тому, что названо производящим словом;

раз-...-ин(а): разду́жина ‘дужки по остову телеги, самого ее корпуса’, в общерусском языке *расщелина* – наименование места;

су-…ок: судво́рок ‘крыльцо’ при общерусском *суглинок* – наименование вещества;

су-…-Ø: су́березь ‘березовая чурка, которая плохо колется’ при общерусском *супесь* – название вещества;

су-...-ок: судво́рок ‘соседний двор’, тогда как в общерусском языке встречается *суглинок* с вещественным значением.

Вторая подгруппа диалектных существительных, тождественных лишь по форме с общерусским языком, включает 13 производных слов, что также согласовывается с тенденцией, наметившейся для парных конфиксальных отсубстантивов: слов, совпадающих в словообразовательном средстве только по форме с общерусским языком, относительно немного в смоленских говорах.

Третья подгруппа объединяет слова, которые не имеют соответствия диалектному словообразовательному средству в общерусском языке. Это самая многочисленная группа, которая включает 73 слова. Сюда относятся следующие существительные:

бес-…-к(и): беспя́тки ‘лапти без мыска и без пятки’;

в-…-ищ(е): вру́чище ‘деревянная рукоять вил, лопаты и т.д.’;

возо-…-j(е): возопя́стье ‘манжета женской вышитой рубашки’, однако если рассматривать данный конфикс как алломорф другого словообразовательного средства *вз-...-j(е)*, то можно установить соответствие с общерусским языком: *взморье* имеет похожее значение «место, территория, расположенные возле того, что названо производящим словом»; в то же время в пользу самостоятельного диалектного характера алломорфа говорит архаичный вид приставки *возо-* в его составе; по-видимому, установить окончательно статус алломорфа или самостоятельного конфикса возможно будет лишь при наличии похожих по словообразовательной структуре слов;

за-...-ень: запя́тень ‘часть чулка выше пятки’;

за-...-ец: засту́лец ‘столб фундамента под углом дома’;

за-...-иц(а): засто́лица ‘стол, за которым сидят гости во время пиршества’;

за-...-ник(и): заколе́нники ‘длинные, за колено сапоги’;

за-...-ниц(а): загро́бница ‘крышка гроба’;

за-...-ышник: залобы́шник ‘фронтон крестьянского дома, имеющий вид треугольника’;

зана-...-ник: заналожник ‘полочка у стены, за которую ставят ложки’; в данном случае обращает на себя игра смыслов двух приставок *за-* и *на-*, которые одинаково участвуют в формировании семантики нового диалектного слова: *на* полочку действительно ставят ложки, при этом они стоят *за* специальной дощечкой, предотвращающей падение;

ко-...-н(я): колубня́ ‘корзина’;

коло-…-Ø: коломе́жь ‘межа’;

коло-...-ник: колоше́йник ‘шарф’;

коло-…-ниц(а): колодво́рица ‘место около дома’; во всех перечисленных случаях префикс *коло-* является бывшим предлогом *около*;

на-...-ищ(е): надво́рище ‘дом со всеми хозяйственными постройками’;

на-...-нищ(е): нави́льнище ‘рукоятка вил’;

на-...-Ø: напо́л ‘большая кадка для засолки огурцов, капусты, для кваса и под.’;

на-...-Ø(а): наладо́на ‘часть рукавицы, покрывающая ладонь’;

на-...-енник: набе́дренник ‘фартук’;

на-...-н(и): на́крестни ‘верхняя часть розвальней, которой они отличаются от дровней’;

на-...-ник(и): нау́шники ‘серьги’;

на-...-ыш: наголо́выш ‘уздечка без повода’;

о-...-ец: окра́ец ‘краюха хлеба’;

о-...-к(и): одо́нки ‘остатки жидкой пищи на дне чего-нибудь; подонки’;

об-…-j(е): обла́рье ‘сундук с выпуклой крышкой’; в пользу того, что это не алломорф конфикса *о-...-j(е)*, известного общерусскому языку (*оплечье, оголовье*), а самостоятельная словообразовательная единица, говорит принципиально иная словообразовательная семантика диалектного слова, из которой исключено указание на пространственные отношения, заданное семантикой предлога;

об-...-ек: обме́жек ‘граница между земельными участками, межа’;

об-...-к(а): обоко́нка ‘подоконник’;

от-...-j(е): отхво́стье ‘конец ветки, веревки, ленты и под., выступающий за пределы чего-либо’;

от-...-Ø: ото́с ‘чека у колеса в телеге, с помощью которой удерживается колесо на оси’;

от-...-Ø(а): ото́са ‘металлический прут (проволока, верёвка), соединяющий в телеге ось с оглоблей’; в общерусском языке действует словообразовательная модель *от-...-Ø*, но она характерна для отадъективного словообразования (*оттепель*);

от-…-ин(а): отду́шина ‘отверстие в печи, через которое поступает теплый воздух’;

от-…-к(а): отли́чка ‘вышивка на мужской рубашке’;

от-…-ник: отли́чник ‘вышитый стоячий воротник’;

па-...-j(е): па́золье ‘мыльная вода, оставшаяся после стирки белья’;

па-...-ик: па́гольник ‘паголенок’;

па-...-к(а): па́голенка ‘паголенок’;

пад-...-к(а): па́ддоска ‘железная планка снизу оси для предохранения ее от стирания’; интересна диалектная трансформация префикса *под-* в *пад-*, который к тому же является ударным; словообразовательная семантика слова сохраняет значение прежнего предлога *под*;

пере-...-ашк(а): переголова́шка ‘деревянный настил в изголовье кровати’;

пере-...-ник: перекле́тник ‘навес и помост перед входом в амбар’; в обоих случаях с префиксом *пере-* имеет место замена алломорфом префикса *перед-*, возможно, в силу того, что этот бывший предлог не является характерным для словообразовательной системы русского языка, в смоленских говорах закрепилась в отдельных случаях его усеченная версия;

перед-...-ник: передба́нник ‘предбанник’; возможно истолкование диалектного конфикса как варианта общерусской морфемы *пред-...-ник* в том же слове *предбанник* – широко известна высокая вариативность слова в диалектной речи;

по-...-Ø: по́нож ‘деревянная педаль в ткацком станке’;

по-…-Ø(и): попу́ти ‘самодельная берестяная обувь’;

под-...-ашк(и): подголова́шки ‘деревянный настил в изголовье кровати’;

под-...-ашник: подголова́шник ‘деревянный настил в изголовье кровати’;

под-...-ёнок: подосёнок ‘железо, подкладываемое под нижнюю часть оси в телеге’;

под-...-иц(а): подызбица ‘подполье’;

под-...-к(и): подмо́стки ‘брус, на который стелется пол, переводина’;

под-...-н(и): подстре́льни ‘отводы у задней тележной оси’;

под-...-ниц(а): подворо́тница ‘доска для закладывания щели между воротами и землей’;

под-...-овк(а): подколо́довка ‘толстый ремень на кнуте от деревянной ручки до конца’;

под-...-очк(а): подневе́сточка ‘подвеска, серьга’;

под(о)-...-ин(ы): подопле́чины ‘подкладка у мужской сорочки’;

при-…-ин(а): причелина ‘наличник окна’;

про-...-ень: прохлопе́нь ‘лапоть’;

про-...-ин(а): просвя́тина ‘нарядный праздничный сарафан’;

про-...-иц(а): просве́тица ‘прорубленное отверстие’;

про-...-к(а): проно́жка ‘педаль ткацкого стана или прялки’;

про-...-ник: протаба́чник ‘кисет для нюхательного табака / портсигар’;

про/ко-...-ок: прокоу́лок ‘промежуток между двумя строениями’;

рас-...-Ø(а): рассо́ша ‘ручка сохи’;

с-...-Ø(а): супря́га ‘упряжка’;

с-...-ек: скра́ек ‘горбушка’;

с-…-ец: скра́ец ‘горбушка’;

с-...-ин(а): спосу́дина ‘один предмет из посуды’;

с-...-ищ(е): сголо́вище ‘изголовье’;

с-...-ок: сверше́к ‘сливки или сметана’;

с-...-ышек: сколабышек ‘маленькая булочка, колобок’;

су-...-ник: сумо́стник ‘крыльцо’;

у-...-ень: уголо́вень ‘возвышение для головы; изголовье’;

у-...-иц(а): утру́бица ‘трубчатая часть колеса, в которой укрепляются спицы’;

у-...-ищ(е): уру́чище ‘то, что сделано вручную’;

у-...-ник: уко́сник ‘лента, кусочек ткани, вплетаемые в косу’;

у-...-ниц(а): уко́сница ‘лента, кусочек ткани, вплетаемые в косу’. Нужно отметить, что в ряде диалектных образований с префиксом *у-* возможна лексикализация фонетических изменений: утру́бица – втру́бица, уру́чище – вру́чище, уко́сник и уко́сница – соответственно вко́сник и вко́сница. Отдельный интерес вызывает слово *уру́чище*, поскольку оно обладает более широкой словообразовательной семантикой по сравнению с известным смоленским говорам существительным *вру́чище* ‘деревянная рукоять вил, лопаты и под.’. Слов *втру́бица*, *вко́сник* и *вко́сница* в «Словаре смоленских говоров» не зафиксировано, что оставляет возможным выделение префикса *у-* в составе указанных выше конфиксов.

Интересен факт сохранения сразу нескольких грамматических значений бывших предлогов в диалектных конфиксах (например, пространственного и объектного у префикса *на-* в словах *надво́рье* ‘место, пространство на крестьянском дворе и перед двором’ и *накопы́рье* ‘бурав для просверливания дерева’). Такая грамматическая многозначность достаточно широко распространена у нерегулярных отсубстантивов в смоленских говорах и имеет место практически в каждом случае, когда в роли приставки используются бывшие высокочастотные предлоги (*на*, *для* и др.).

По результатам исследования можно сделать вывод о богатых вариантах диалектной комбинаторики словообразовательных элементов по сравнению с общерусским языком: в сравнительно небольшой группе парных и единичных конфиксальных отсубстантивов, функционирующих в частной диалектной системе смоленских говоров, было обнаружено 88 конфиксов, которые представляют собой преимущественно известные общерусскому языку префиксы и суффиксы, расположенные в новых комбинациях в рамках диалектных словообразовательных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гунько О.Г. Формирование и развитие субстантивной конфиксации в русском языке XI–XVII вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань, 2012.

2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005. 636 с.

3. Русская грамматика: научные труды. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 2005. 784 с.

4. Словарь смоленских говоров. Т. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

E.S. Lunkova
Irregular Confix Words Derived from Nouns in Smolensk Dialect Derivation System

Key words: *Smolensk dialect; word formation; confix.*

This article is devoted to the general description of the confix noun-derived dialect words with object semantics in Smolensk dialect; these words are divided into two groups (pair and singular words in each), groups are described based on the combinatory features of formal confix elements and derivative semantics.

Л.Г. Смирнова
Смоленский государственный университет

УДК 81-23

О принципах классификации лексики с оценочным компонентом значения

Ключевые слова: *лексика с оценочным компонентом значения; классификация лексики; семантические, стилистические основания классификации; формальная структура слов; прагматические, функциональные характеристики слов.*

В статье рассматриваются возможные принципы классификации лексики с оценочным компонентом значения. Необходимость учета разнообразных характеристик слов с оценочным компонентом предполагает построение классификации в виде пересекающихся рядов оппозиций. В оппозиции сведены лексемы на основании их семантических, стилистических характеристик, грамматического значения и формальной структуры, прагматической маркированности и особенностей функционирования.

Вопрос о классификации лексики с оценочным компонентом значения до настоящего времени не получил в научной литературе исчерпывающего освещения. Лингвисты, занимающиеся проблемами оценочной семантики, тем или иным образом касаются вопроса о классификации ОЛСЕ (оценочных лексико-семантических единиц) [1; 2; 4; 5; 10–15 и др.]. В литературе в основном рассматриваются общетеоретические принципы таксономии оценочной лексики (работы Н.Д. Арутюновой) или разрабатываются классификации лексики, представленной в достаточно ограниченном круге текстов. Характерны, например, названия исследовательских работ: «Оценочная лексика в языке английской газеты» [12], «Аксиологическая

прагмасемантика англоязычного рекламного текста» [8]; «Средства выражения оценки в поэтическом языке А.Т. Твардовского» [6] и др.

Сложность классификации лексем с компонентом оценки обусловлена несколькими факторами. Во-первых, существуют определенные трудности в выделении самого объекта классификации, поскольку ОЛСЕ лишь эпизодически отмечаются в словарях специальными пометами. Во многих случаях оценочный компонент значения в слове с разной степенью регулярности появляется в том или ином типе дискурса или в конкретном тексте. В связи с этим трудно даже приблизительно ограничить круг лексики, связанной с выражением оценки. Причем если в языке объективно существует пласт оценочно маркированной лексики, то в конкретном тексте функцию оценочного прагматического сигнала могут выполнять слова, никаким образом не связанные с оценочной семантикой в системе языка.

Во-вторых, выступая в качестве прагматического сигнала, слова с компонентом оценки во многом «привязаны» к определенной разновидности национального языка (жаргон, просторечие, диалект), а в литературном языке – к определенному стилю или функциональной разновидности языка (разговорная речь, язык художественной литературы, научный стиль, публицистический стиль). Этот фактор приводит к трудностям в создании общеязыковой классификации ОЛСЕ даже при рассмотрении ее синхронического аспекта. Кроме того, оценочная лексика крайне разнообразна с точки зрения «объема» оценочного компонента в своей семантике, наличия или отсутствия экспрессивности, эмотивности.

В-третьих, оценочный компонент значения может быть выражен эксплицитно (закреплен в семантической структуре ЛСЕ, объективирован в ее словарном толковании), а может присутствовать в структуре значения слова имплицитно. Во втором случае оценочная коннотация может соотноситься с данной лексемой (с экспликацией в словообразовательных дериватах) в речевом узусе (имплицитная системно-языковая оценка) или привноситься в нее контекстом в самом широком понимании последнего (квазиоценка, актуальная оценка).

В-четвертых, отметим постоянную тенденцию оценочной лексики (в основном экспрессивной) к обновлению. Появление новых слов с оценкой характерно прежде всего для разговорного и политического дискурсов, поскольку именно в бытовой жизни и в социально-политической сфере чаще всего появляются новые реалии, которые вызывают оценочное отношение носителей языка. Причем многие из новых слов с оценкой являются актуальными сравнительно недолгое время, они «живут» тот срок, на протяжении которого сохраняется актуальность названных ими реалий.

Рассмотрим некоторые типологические подходы к систематизации лексики с компонентом оценки. Общепризнанным является разграничение лексических единиц с аксиологической и деонтической оценкой; общеоценочной и частнооценочной лексики; положительной (мелиоративной) и

отрицательной (пейоративной) оценки; рациональной и эмоциональной оценки. В некоторых работах различаются эвалюативы (лексемы с экспликацией оценочного компонента) и импликативы (лексемы с имплицитным выражением оценки). Разделяют также ингерентную (языковую, узуальную) и адгерентную (речевую, окказиональную) оценку.

В научной литературе широко используется предложенная Н.Д. Арутюновой типология частнооценочной лексики, базирующаяся на объективных дескриптивных основаниях оценочных суждений. В соответствии с этой классификацией выделяется, во-первых, тип оценок, которые характеризуют в большей мере субъект оценки, чем ее объект, поскольку связаны с ощущениями и чувственным опытом человека. Это *сенсорные* оценки (*сенсорно-вкусовые*, или *гедонистические* (*приятный, вкусный, привлекательный, то, что нравится*); *психологические* (*добрый, злой*)); *эмоциональные* оценки (*радостный, печальный, желанный*). Вторая группа оценок отражает онтологические свойства объекта и характеризует больше объект, чем субъект. Это *рационалистические* (*утилитарные* (*полезный, благоприятный*); *нормативные* (*правильный, корректный, нормальный*), *телеологические* (*эффективный, целесообразный, удачный*), *интеллектуальные* оценки (*интересный, захватывающий, умный, глубокий*) и др.). Третья группа оценок ориентирована более всего на основание оценки – норму, образец, пример и т.п. Это *абсолютные* или *сублимированные* (*эстетические*, являющиеся синтезом сенсорно-вкусовых и психологических (*красивый, уродливый, симпатичный*) и *этические* оценки (*моральный, нравственный, добродетельный*) [2, с. 76–77; 3, с. 199]. Классификация Н.Д. Арутюновой с теми или иными дополнениями активно используется в работах по лексикологии и лексической семантике [1; 7; 8; 9; 11; 13 и др.].

Однако объективные дескриптивные основания оценок не всегда столь очевидны. Характерно, что типология Н.Д. Арутюновой строится на примере оценочно маркированных прилагательных, если же оценочный компонент входит в семантику слов других частей речи, установить основания оценочных суждений гораздо сложнее, в этом случае в большей мере проявляется синкретизм основания оценки. Например, оценочный компонент в словах *резонер, приколист, забулдыга, кодла, мудреж, трепаться, глючить* очевиден, однако установить его дескриптивное основание в каждом случае достаточно сложно.

В некоторых работах при классификации оценочной лексики учитываются в том числе и ее синтаксические функции. Так, основываясь на классификации типов оценочных значений В.В. Виноградова, Т.В. Маркелова предлагает следующую классификацию оценочных значений, определяемых ею как *характеризующие* или *предикатные*: «прямое неноминативное: подлец, шельма, пустяк; переносное неноминативное: актер – не о профессии *Все мы – смешные актеры в театре у Господа Бога!* (Н. Гумилев) <…>; прямое несвободное – синтаксически ограниченное – мучитель,

хитрец, фразеологически связанное – отъявленный, заклятый; переносное несвободное: *Ну-ну, петухи индейские!.. только что свиделись, а уж и разодрались* (М. Салтыков-Щедрин). Неноминативность и несвобода диктуют зависимость оценочного признака от речевой ситуации, коммуникативных намерений говорящего» [10, с. 24]. Как предикатные рассматривает оценочные значения Л.М. Васильев, причем он отграничивает их от предикатов отношения и свойства. Исследователь выделяет следующие группы предикатов в зависимости от роли оценки в структуре значения: 1) оценочные предикаты, выражающие понятия оценочного содержания (*хороший, полезный*); 2) предикаты, выражающие их коннотативное содержание (*негодяй, сборище*); 3) предикаты, выражающие преимущественно их экспрессивное содержание (*Какая мерзость!*) [4, с. 58].

С нашей точки зрения, преимущественное внимание к предикатной (то есть синтаксической) функции ОЛСЕ не позволяет объективно оценить место оценочно маркированных слов в лексической системе русского языка, выявить системные связи между ними. На повестке дня стоит создание всеобъемлющей классификации ОЛСЕ, позволяющей учесть разные принципы их типологии.

Перечислим те очевидные признаки, на которых может базироваться таксономия ОЛСЕ: *прагматика* ОЛСЕ (классифицирующим признаком является характер оценки (аксиологическая – деонтическая), передаваемой словом как прагматическим сигналом); *семантика* ОЛСЕ (классифицирующими признаками являются компоненты, входящие в лексическое значение помимо оценочного, а также возможность лексической единицы приобретать оценочную семантику в переносном значении); *стилистическая характеристика* ОЛСЕ (классифицирующим признаком является стилистическая маркированность ЛСЕ); *формальная структура* ОЛСЕ (классифицирующим признаком является возможность выражения оценочного значения в слове с помощью аффиксов); *грамматическая характеристика* ОЛСЕ (классифицирующим признаком является частеречная принадлежность слов с оценочным компонентом значения); *характер функционирования* ОЛСЕ (классифицирующим признаком является узуальное или окказиональное употребление слов с оценочным компонентом значения).

Названные признаки являются базовыми для оппозиционного противопоставления слов с оценочным компонентом значения, причем оппозиции, основанные на семантике, стилистической характеристике, формальной структуре и грамматических признаках ОЛСЕ, можно отнести к *системно-языковым*. Оппозиции, основанные на характере функционирования, мы квалифицируем как *функциональные*. Что же касается оппозиций, связанных с прагматикой ОЛСЕ, то их можно определить как *синкретичные*: ряды лексем противопоставлены как в системе языка, так и в речевом употреблении.

Целесообразно представить классификацию ОЛСЕ в виде пересекающихся рядов оппозиций с различным количеством языковых единиц в каж-

дом ряду, причем один из двух сведенных в оппозицию рядов ОЛСЕ в количественном (а чаще всего и в функциональном) отношении доминирует. В приведенном ниже перечне оппозиций доминирующие в количественном отношении ОЛСЕ объединяются в первом из обозначенных рядов. Маркированными членами оппозиций в большинстве случаев являются ряды с количественным доминированием единиц ряда. Приведем примеры оппозиций ОЛСЕ, основанных на перечисленных выше признаках.

1. Прагматическая характеристика слов с оценочным компонентом значения:

ЛСЕ с *аксиологической* оценкой – ЛСЕ с *деонтической* оценкой (*приятно, зануда, нервировать – следует, неподобающий, пресечь*);

ЛСЕ с *определенным* знаком оценки (положительной или отрицательной) – ЛСЕ с *амбивалентной* оценкой, противоположно интерпретируемой разными субъектами оценки (*воодушевлять, рвань, позорный – озорник, компромисс, рисковать, шебутной, расчетливый*);

ЛСЕ с *отрицательной* оценкой – ЛСЕ с *положительной* оценкой (*обжора, подлый, прогуливать – аккуратно, рачительный, обиходить*).

2. Особенности семантики слов с оценочным компонентом значения:

частнооценочные ЛСЕ – *общеоценочные* ЛСЕ (*душевный, чисто, грязнуля – прекрасно, молодец, отвратительный*);

ЛСЕ, содержащие оценочный компонент в *прямом значении* слова, – ЛСЕ, содержащие оценочный компонент в *переносном* значении слова (*вор, ехидничать – тряпка* (о человеке), *пилить* (попрекать));

ЛСЕ с *реальной* оценкой – ЛСЕ с *потенциальной* оценкой (реализующей определенный знак в контексте или в словообразовательных дериватах) (*веселье, самоотверженный, портиться, предатель – дом, новый, кочевать*).

3. Стилистическая характеристика слов с оценочным компонентом значения:

ОЛСЕ, имеющие *стилистическую* или *экспрессивно-эмоциональную маркированность, – нейтральные* ОЛСЕ (*созидать, заваруха, прикольный – формальный, устаревать*);

ЛСЕ с *собственно понятийной* оценкой – ЛСЕ со *стилистической* оценкой, выступающие обычно как экспрессивно-синонимические номинации (*хулиган, вредоносный, находчивый – башка, глазеть, лопать*).

4. Формальная структура слов с оценочным компонентом значения:

ЛСЕ, содержащие оценку в своем *понятийном значении,* – ЛСЕ, в которых оценка выражена в том числе *с помощью аффиксов (вкусный, враг, притеснять – солдат**ня**, хап**уга**, мам**уля**, солн**ышк**о, шуга**нуть**)*.

5. Грамматическая характеристика слов с оценочным компонентом значения:

ОЛСЕ *знаменательных* частей речи – ОЛСЕ *незнаменательных* частей речи. Оценочный компонент значения прежде всего входит в состав лексем знаменательных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов,

наречий). Кроме того, оценочным потенциалом обладают некоторые *местоимения* (*мы, наши, свой, иной, другой* и т.д.); однако оценочная прагматика высказывания может создаваться во многих случаях с помощью *предлогов (благодаря, под предлогом, в угоду), союзов (нет того чтобы, якобы), частиц (ишь, вот тебе и, ай да), междометий (Вот еще! Здорово!).*

6. Функционирование слов с оценочным компонентом значения:

ЛСЕ с *системной* оценкой (*прелесть, душитель*) – ЛСЕ с *квазиоценкой* (квазиоценку получают, например, в современном публицистическом дискурсе ЛСЕ *модернизация, инновация, креативность, гламур* и т.д.);

ЛСЕ с *устойчивой* оценкой (*сберегать, растратчик, военщина*) – ЛСЕ с *актуальной* оценкой (актуальную оценку, то есть конкретизирующую свой знак в определенный период в определенном типе текстов, получают, например, в публицистическом дискурсе слова-идеологемы *либерализм, социализм, капитализм, советский* и т.п.);

узуальные ЛСЕ с компонентом оценки (*умник, созидательный, пьяница, транжирить*) – *окказиональные* ЛСЕ с оценкой (*Рубляндия, модерфигация, свалинг, массбескультурье, укры, укропы, гламурло* и т.д.).

Предложенная классификация позволяет дать достаточно полную характеристику каждой ЛСЕ с оценочным компонентом значения, представленной как в системе языка (как элементу лексического ресурса), так и в конкретном тексте. Например, окказионализм ***Рубляндия*** в интернет-текстах встречается в значении «место жительства сверхбогатых людей современной России», существительное образовано от онима *Рублевское шоссе*. ЛСЕ включает оценку, которая может быть охарактеризована как аксиологическая, с определенным знаком, отрицательная; ЛСЕ частнооценочная, содержит оценочный компонент в прямом значении слова, оценка реальная, ЛСЕ имеет стилистическую маркированность как разговорная единица; оценка собственно понятийная, конструируется сочетанием оценок в корневой и суффиксальной морфемах; является существительным с актуальной, окказиональной оценкой.

Языковая оценка – сложное явление, имеющее формальное выражение практически на всех уровнях языка. При классификации лексики – главного средства выражения оценочной семантики – должны учитываться как лингвистический, так и экстралингвистические факторы: семантика, коннотативные составляющие (в том числе национально специфические коннотации), грамматические характеристики, функциональные возможности слов. Актуальное направление в исследовании лексики с оценочным компонентом значения – создание классификаций, систематизирующих функциональные признаки, которые реализуются при использовании ОЛСЕ в текстах разной стилистической принадлежности и в дискурсах разных типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 348–388.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
4. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике. Уфа, 1996. С. 54–61.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Головня М.В. Средства выражения оценки в поэтическом языке А.Т. Твардовского: дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 184 с.
7. Заморева А.В. Репрезентация концепта «общая оценка» в современном русском языке: системно-структурный, когнитивный и функционально-прагматический аспекты анализа: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2007. 221 с.
8. Крамаренко М.Л. Аксиологическая прагмасемантика англоязычного рекламного текста: автореф. дис. … канд. филол. наук. Донецк, 2005. 25 с.
9. Ланге Н.В. Эмотивно-оценочная лексика эпистолярного дискурса А.С. Пушкина (на примере анализа наименований лиц): дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2010. 335 с.
10. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.
11. Мечковская Н.Б. К характеристике аксиологических потенций слова: концепты «круг», «колесо» и их оценочно-экспрессивные дериваты // Логический анализ языка: языки пространств / РАН, Ин-т языкознания. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 299–307.
12. Новиков В.П. Оценочная лексика в языке английской газеты: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992. 22 с.
13. Сергеева Л.А. Оценочная семантика: опыт интерпретационного анализа: дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2004. 316 с.
14. Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1999. 37 с.
15. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

L.G. Smirnova
The Principles of Classification of Vocabulary with Attitudinal Aspects of Meaning

Key words: *vocabulary with attitudinal aspects of meaning; classification of vocabulary; semantic and stylistic grounds for classification; formal structure of words; pragmatic and functional characteristics of words.*

The article reviews the possible principles for classification of the vocabulary with attitudinal aspects of meaning. The importance of considering various characteristics of words presupposes the classification in the form of overlapping rows of oppositions. Lexemes are drawn into oppositions on the grounds of semantic and stylistic characteristics, grammatical meaning, formal structure, pragmatic markedness, and the specific features of functioning.

Н.А. Максимчук
Смоленский государственный университет

УДК 0014:81`373.2

Терминологическое поле ономастического пространства

Ключевые слова: *метаязык лингвистики; термин; терминология; имя собственное; ономастика; ономастическая терминология; ономастическое пространство; терминологическое поле*.

В статье обсуждается специфика терминов ономастики как компонента метаязыка лингвистики. Характеризуются особенности терминологической номинации объектов ономастических исследований. Рассматриваются возможные подходы к упорядочению и организации ономастической терминологии с позиций соотношения понятий «ономастическое пространство» и «терминологическое поле» ономастики.

Термин как базовая единица понятийной части метаязыка науки находится в центре внимания исследователей с 30-х годов прошлого века, когда в трудах Д.С. Лотте, Э.К. Дрезена, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского были сформулированы важнейшие проблемы терминологии и намечены направления их решения [14; 8; 4; 19 и др.]. Интерес к термину со стороны лингвистики проявляется волнообразно, поскольку его интенсивность и предметная обращенность определяется общим состоянием научного поиска в актуальных научных направлениях. Так, еще в 1975 году в работе, посвященной взаимодействию общества, науки и языка, ее авторы писали: «В связи с современным прогрессом науки и техники и сопутствующими ему социальными изменениями, вызывающими радикальную перестройку понятийного аппарата многих научных дисциплин и возникновение новых отраслей знания, возникают новые понятия, что резко увеличивает потребность в номинации. Все это приводит к так называемому “терминологическому взрыву”, т.е. к массовому возникновению новых терминов, терминологических полей и целых терминологических систем, и вносит серьезные изменения в существующие терминологические системы» [21, с. 5] (1). Вывод, которым заканчивалось приведенное умозаключение, чрезвычайно актуален для современной ономастики: «Задача лингвистов в том, чтобы превратить “терминологический взрыв”, носящий во многом стихийный характер, в управляемый процесс» [Там же].

Повышенный интерес к ономастическим исследованиям, своего рода *ономастический бум,* наблюдаемый в лингвистике рубежа веков, связан с переключением лингвистических исследований на регистры когнитивной парадигмы, с расширением антропоцентрического подхода к изучению и описанию языковых единиц и явлений, с развитием общей теории лингвострановедения,

лингвокультурологии, этнолингвистики и т.д., в которых имя собственное рассматривается как важнейший (наряду с фразеологией – в широком смысле) носитель национально-культурной семантики, знак культуры [25]. Это закономерно отражается в бурном развитии терминологии данного научного направления. Некоторые происходящие при этом процессы вызывают неоднозначное отношение и требуют осмысления и оценки. Так, появление новых терминов – очевидное условие и свидетельство движения научной мысли. Широкое терминотворчество в сфере ономастики на формальном уровне поддерживается наличием и простотой стандартной модели: *греческий или латинский корень* (преимущественно) *со значением обозначаемого предмета* + *оним*: *антропоним*, *топоним*, *зооним* и т.д., что позволяет без дополнительных усилий дать терминологическое наименование практически любому виду предметов действительности, выделяемых из ряда однородных.

С другой стороны, отсутствие целостной концепции терминирования объектов ономастических исследований, существенное отставание работы по упорядочению и кодификации ономастической терминологии от живого терминотворчества, в процессе которого каждый исследователь стремится предложить собственные терминологические номинации (исходя, не в последнюю очередь, из признанного положения о том, что появление нового термина сигнализирует о получении нового знания), оказывается сегодня серьезным фактором отрицательного влияния на качество самих ономастических работ, по крайней мере, с точки зрения их доступности даже «для представителей смежных направлений ... понятности научных текстов для читателей» [24, с. 134] (2) (ср., например, типичные ономастические термины: *дримонимы*, *дромонимы, батионимы, пелагонимы, потамонимы, оронимы, ойкодонимы, порейонимы, энонимы* и т.д.).

Не менее дискуссионным (по крайней мере – на уровне определения их терминологического статуса) кажется и широкое введение в ономастическую терминологию наименований типа *фильмонимы*, *балетонимы*, *конфетонимы* и т.п., которым, на наш взгляд, мешает приобрести полноценную терминологичность возникающая при восприятии такого сочетания компонентов ассоциативная отсылка к сфере языковой игры.

Заметными проблемами научного ономастического дискурса являются и существование различий в определении объема понятий, имеющих общий план выражения (ср., например, толкования терминов *микротопонимы*, *эргонимы, прагмонимы* и др.), распространенность терминологической синонимии (*ктематониы – хрематонимы, литературная ономастика – поэтическая ономастика – ономатопоэтика* и др.) и т.п.

Характеризуя современную терминологическую ситуацию в ономастике, В.И. Супрун подчеркивает: «С каждым годом появляются все новые и новые термины уже не для просто разделов или подразделов ономастической лексики, а для небольших групп имен собственных или похожих на них слов,

для именования мельчайших отличий функционирования онимов в разных видах текстов и дискурсов. По своему "птичьему языку" ономастика, пожалуй, опередила другие направления лингвистического поиска» [Там же].

Такая ситуация порождает немало вопросов, касающихся создания, упорядочения и использования ономастической терминологии, и свидетельствует о необходимости ее целенаправленного исследования [23; 16 и др.]. Это справедливо не только для русской ономастики. Как замечает украинский исследователь И.А. Казимирова, сегодня «… не существует другой терминологической подсистемы лингвистики, которая вызывала бы большее внимание специалистов» [9, с. 40–41]. Серьезная работа проводится по унификации и лексикографическому описанию славянской ономастической терминологии в целом [5 и др.], украинской терминологии [8 и др.] и др. Особое внимание обращается на необходимость координации терминологий разных языков [2; 27 и др.], требование которой обусловливается не только универсальным характером научного знания, но и актуализацией коммуникативной функции термина в условиях расширения интеграционных процессов в науке и т.д.

Формирование современной системы русской ономастической терминологии, как известно, начинается с появлением в 1960–1970-е годы первых трудов В.А. Никонова, А.В. Суперанской, В.В. Бондалетова и др. Центральное место в терминологии ономастики принадлежит терминологическим номинациям разрядов собственных имен как основному предмету ономастических исследований. На материале этого фрагмента ономастического знания рассмотрим некоторые проблемы упорядочения ономастической терминологии (обращение к широко известным классификациям в данном случае имеет смысл как способ проследить развитие основных направлений организации терминологической системы ономастики).

В классификациях имен собственных по принципу их связи с именуемым объектом (В. Бах, В.Д. Бондалетов, А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, А.А. Белецкий, В.А. Жучкевич, Ю.А. Карпенко, С. Роспонд, Л.А. Введенская и Н.П. Колесников и др.) количество выделяемых разрядов онимов (терминов) заметно различается, что характеризует не только взгляды исследователя, но и состояние терминологии на момент создания классификации.

В классификации В.Д. Бондалетова, которая, как правило, приводится в школьных и вузовских учебниках, выделяются шесть разрядов ИС: 1) *антропонимы*, 2) *топонимы*, 3) *космонимы*, 4) *зоонимы*, 5) *теонимы*, 6) *ктематонимы* (имена предметов материальной культуры, науки, техники, а также произведений духовной культуры; позднее эти объекты стали обозначаться как *хрематонимы*) [1]. В принципе, уже эти, базовые, разряды охватывают почти все многообразие типов именуемых объектов, вопрос состоит в выборе степени обобщения / детализации, диктуемой задачами исследования.

В других классификациях состав базовых онимов (терминов) заметно расширяется, проводится их первичная систематизация на основе категоризации объектов внешнего мира. Так, характерным для классификаций этого типа становится разграничение онимов, обозначающих живых существ (*антропонимы*, *зоонимы*, *теонимы*, *мифонимы*) и неодушевленные предметы, вещи (*космонимы*, *хрематонимы*). Внутривидовая классификация имен второго типа оказалась весьма разноречивой уже на этапе своего создания. Наиболее последовательно выделяются разряды *топонимов* и *астронимов* / *космонимов*. При классификации остальных групп объектов наблюдаются колебания в степени их дифференциации. Так, А.В. Суперанская выделяет в качестве *хрематонимов* названия пароходов, лодок, яхт, космических кораблей, самолетов, автомашин, поездов; сортовые и фирменные названия (промежуточный тип между собственными и нарицательными именами). Как отдельный разряд исследователь представляет собственные имена комплексных объектов, к которым относит: 1) названия предприятий, учреждений, обществ, объединений, союзов и т.п., названия церквей, монастырей, часовен (*экклезионимы*), названия органов периодической печати; 2) *хрононимы* – имена, обозначающие определенные отрезки и точки времени (Возрождение, Варфоломеевская ночь); 3) названия праздников, юбилеев, торжеств; 4) названия мероприятий, кампаний, войн; 5) названия произведений литературы и искусства; 6) *документонимы* – названия документов, актов, законов; 7) *анемонимы* – названия стихийных бедствий; 8) товарные знаки (вопрос об их языковом статусе остается дискуссионным). В целом же все выделенные разряды исследователь объединяет в две категории в зависимости от их отнесенности к *духовной* или *материальной культуре* [23].

Обратим внимание, что на этом этапе еще не все выделяемые общности собственных наименований уже получили обобщающее терминологическое обозначение.

В классификацию Л.А. Введенской и Н.П. Колесникова включены следующие термины: 1) *антропонимы*, 2) *топонимы* (в их числе – *ороним*ы, *спеленонимы*, *гидронимы*, *урбанонимы*), 3) *анемонимы*, 4) *теонимы*, 5) *космонимы*, 6) *зоонимы*, 7) *хрононимы* [3]. Здесь, как видим, продолжается детализация отдельных разрядов, которая проводится избирательно.

В основе наиболее детальной классификации Н.В. Подольской лежит противопоставление *имя реального объекта – имя вымышленного объекта*, которые обозначаются соответственно как *реалионим* и *мифоним*. В свою очередь, *реалионимы* делятся по принадлежности к зоне *космического* или *земного* пространства. Дальнейшая классификация, включающая все упоминавшиеся разряды и дополненная некоторыми другими (например, *бионим*, *хороним*, *агороним*), отличается максимальной детализацией (например: *топоним – урбаноним* – 1) *агороним*; 2) *хороним городской*; 3) *годоним*).

Выделяя имена сфер человеческой деятельности, Н.В. Подольская классифицирует их по направлению *духовное – прагматическое*. Имена первой группы (*идеонимы*) охватывают религиозно-мифологическую (*теонимы*, *мифонимы*), умственную и идеологическую сферы, имена второй группы (*прагматонимы*) – производственно-материальную сферу (*хрематонимы*, *урбанонимы*, *драмонимы*, *агроонимы*, *ойконимы* и др.).

Таким образом, в классификации Н.В. Подольской ономастическая терминология представлена в структурированном, детализированном виде. Эта классификация легла в основу первого развернутого труда по упорядочению терминологии ономастики, которым стал словарь-тезаурус ономастической терминологии [18]. Словарь включал около 700 единиц (отдельные терминологические структуры были представлены в виде схем, что усиливало его систематизирующую функцию) и на несколько десятилетий в принципе решил проблему выбора и толкования терминологических номинаций в работах по ономастике. Однако бурное развитие данного научного направления в последние десятилетия, отмеченное расширением предмета исследований, стремящейся к максимуму детализацией наименований его составляющих и т.д., потребовало дальнейшего осмысления проблемы.

В данной работе предпринимается попытка рассмотреть возможности организации ономастической терминологии на основе учета характера взаимоотношений между термином и именем собственным.

В ряду языковых единиц, объединяемых или противопоставляемых по определенным принципам, термины и онимы занимают особое место. С одной стороны, они включены в основную оппозицию категории имени существительного *апеллятив – онома* [11; 22 и др.]. С другой – при ближайшем рассмотрении у термина и онима обнаруживается ряд признаков, сближающих главные характеристики их лингвистической сути.

И термин, и имя собственное характеризуются двойственной природой, являясь одновременно носителями и языкового, и предметного (энциклопедического) знания [20], то есть обе единицы одной стороной обращены к системе языка, другой – к той системе предметных знаний, объекты которой они обозначают. Выполняя присущую обоим кумулятивную функцию, термин выступает в качестве «минимального носителя научного знания» (С.Е. Никитина), а имя собственное – в качестве носителя объемной и многослойной информации культурологического характера, формирующей богатый и разнообразный ассоциативно-культурный фон. Предметное содержание имени собственного может дифференцироваться по линии *научное – общеязыковое*, что также позволяет проводить некоторые параллели между термином и именем собственным (подробнее см.: [15]). Иными словами, и термин, и имя собственное обладают разветвленной системой предметно-логических (тезаурусных) и ассоциативно-культурных связей, структурирующих и организующих информационное

пространство в рамках языковой (концептуальной, научной) картины мира, опорными единицами которой они являются (3).

Для характеристики ономастического термина и его свойств представляется важным уточнить, каким образом возникает термин, исходя из того, что «термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим средством профессиональной коммуникации. … Термины необходимо рассматривать как историческую категорию в языке» [7, с. 58]. Терминологическая номинация может осуществляться несколькими путями. В результате процесса познания исследователь получает новое знание. Чтобы это знание стало доступно для анализа, обсуждения и использования, его необходимо вербализовать – так появляется термин. Таким образом, терминологическую номинацию можно изобразить в виде некоторой последовательности: *процесс познания – результат познания* (получение нового знания, обнаружение нового объекта) – *номинация результата познания* (*терминирование*) – *термин*. Термин как результат вторичной номинации является результатом сознательного действия человека.

Таким образом, с позиций когнитивного терминоведения термин характеризуется как динамическое явление, «которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции)» [13, с. 21–22]. При этом «в связи с историческим характером процесса познания и закрепления знания термин получает новое определение как вербализованный знак … могущий иметь ряд вариантов, зависящих от выбранной теории и глубины знания» [Там же].

Если речь идет об ономастическом термине, то важно подчеркнуть, что терминологической номинации предшествует ономастическая номинация. Процесс ономастической номинации заключается в присвоении предмету, уже имеющему нарицательное обозначение (наличие термина – обозначения научного понятия факультативно), но выделенному (по разным причинам) из ряда однородных, собственного наименования.

Отношения между термином и обозначаемым объектом (научным понятием) – это отношения от *понятия* (*объекта*) к *термину*. Ситуации, когда исследователь путем научной рефлексии предвосхищает (прогнозирует) открытие того или иного явления, факта, объекта и т.д. (возможно, уже обозначенного термином), реальны, но немногочисленны (самой известной иллюстрацией к такой ситуации является, вероятно, открытие Д.И. Менделеевым периодической системы химических элементов с обозначением лакун, которые заполнялись при реальном обнаружении элементов, предсказанных ученым) (4). Однако этот и подобные исторические факты лишь подтверждают общее правило: термин появляется тогда, когда возникает необходимость обозначить, научно описать и зафиксировать с помощью языковых средств результаты научного познания – новое научное знание (5).

В случае с ономастической терминологией (речь идет о терминологических обозначениях разрядов ИС) ситуация выглядит иначе. Объекты терминологической номинации, как правило, не только существуют эксплицитно, имеют собственные наименования, но и широко известны и обычно зафиксированы в разных источниках, соответствующих их характеру. В целях научного описания для них конструируется («придумывается» – выражение Б.Н. Головина) термин. Процесс возникновения ономастического термина выглядит так: *предмет действительности*, *обозначенный апеллятивом, – его выделение из ряда однородных – присвоение объекту имени собственного* (*ономастическая номинация*) – *терминирование* (*создание термина* по существующей модели) – *присвоение ономастического термина данному классу объектов – процесс познания* (исследование особенностей данного разряда онимов).

Если рассматривать взаимоотношения термина и онима с позиций обсуждаемой проблемы, то необходимо обратить внимание на все единицы, участвующие в данном процессе: 1) *предмет* (существующий или воображаемый), 2) *апеллятив* (общеупотребительное нарицательное наименование предмета), 3) *имя собственное*, *выделяющее предмет из ряда однородных*, 4) *термин научной сферы, к которой принадлежит предмет*, 5) *ономастический термин, обозначающий имена собственные данного разряда*. В естественной языковой среде компоненты 1-й и 2-й существуют как исходно данные, 3-й – как результат ономастической номинации (целенаправленной или стихийной); компоненты 4-й и 5-й появляются в научном дискурсе в результате исследовательской рефлексии. Для описания структурной организации терминосистемы ономастики представляется важным учет всех перечисленных компонентов в их взаимоотношениях. Так, классификацию по типу именуемых объектов (1), означающую выявление связей и отношений онимов (3) и их нарицательных соответствий (2), можно представить как актуализацию (с присвоением ономастичсекого термина) в идеографической (научной) системе (картине мира) тех единиц, которые подверглись дополнительной терминологической (5) номинации. В.М. Лейчик пишет: «Анализируя пути образования терминологии определенной области знания, можно увидеть, что эти пути совпадают с путями создания совокупностей лексических единиц, присущих данному естественному языку в целом» [13, с. 107–108].

Исходя из этого процесс структурирования ономастической терминологии может быть представлен следующим образом: 1) выделение и категоризация сфер действительности (идеографическая классификация), которым могут принадлежать объекты ономастической номинации; 2) структурирование нарицательных vs терминологических наименований данных объектов в рамках выделенных сфер; 3) соотнесение данных наименований с ономастическими терминами.

В качестве возможных инструментов системно-структурной организации ономастической терминологии могут быть использованы понятия *ономастическое пространство – терминологическое поле*.

Согласно современным философским представлениям, теории пространства в гуманитарных науках касаются фундаментальных измерений человеческого мира и выражают их в специфических нестрогих понятиях *верх – низ*, *центр – окраина*, *поверхность – глубина*, *удаленность – близость* и др., которые фиксируются уже на уровне обыденного сознания. Они служат экспликации того, в каких именно координатах и векторах описывается динамика и статика человеческого существования, конструируется его онтология [26].

Лингвистический термин *ономастическое пространство* связан, прежде всего, с именами В.Н. Топорова и А.В. Суперанской. В.Н. Топоров, говоря о топономастическом пространстве, характеризовал его как всю совокупность собственных наименований [26]. В определении А.В. Суперанской подчеркивается, что ономастическое пространство – это совокупность всех имен собственных, употребляющихся в определенном социуме в определенную историческую эпоху, поэтому его объем и характер могут меняться [22]. Динамический характер ономастического пространства ярко проявляется в наблюдаемом сегодня массовом стремлении давать собственные имена видам окружающих объектов, ранее не обладавших таковыми. Это можно объяснить как общими, так и конкретными причинами. Как пишет В.Н. Топоров, «… человек с его стремлением к очеловечению мира живых существ и мира вещей склонен именовать и то, из чего состоят эти миры, уподобляясь ребенку, играющему с куклами, игрушками, изображающими животных, склонному к включению их в свой собственный мир» [25, с. 372]. Существенное влияние на характер, активность и предметную направленность ономастической номинации оказывает социальный фактор: так, идеология современного общества потребления выдвигает на передний план объекты торгово-экономического сектора, сферы услуг, развлечений и т.п., что порождает массовое появление собственных наименований магазинов, аптек, торгово-развлекательных центров, клубов, самого разного рода товаров и т.д. (в ономастике такие объекты обозначаются терминами *прагмонимы*, *эргонимы*, *рекламное имя* [12]).

Понятие *терминологическое поле* как производное общей теории поля в последнее время достаточно широко используется для обозначения способа представления и организации терминологии определенных научных областей (см., например: [28] и др.). Терминологическое поле может быть определено как «иерархически организованная, логически последовательная система связей между терминами и группирующимися вокруг них элементарными полями или микрополями терминологической системы» [10, с. 114].

Составляющие иерархическую структуру терминологического поля имеют разный статус (и, соответственно, объем). Высшую ступень в иерархии занимает *терминологическое гиперполе* (ТПГ), озаглавливаемое термином, обозначающим определенную научную сферу, в данном случае ТГП *Ономастика*.

Терминологическое *гиперполе Ономастика* состоит из *макрополей* двух уровней. Макрополя первого уровня могут быть озаглавлены обозначениями, отсылающими к важнейшим элементам структуры этой научной сферы, но при этом не являющимися собственно ономастическими терминами: *Разделы ономастики*, *Свойства и признаки имен собственных*, *Функции имен собственных*, *Разряды имен собственных*, *Процессы и явления в сфере ономастики*, *Методы ономастических исследований* и некоторые другие. Макрополя второго уровня организуют структуру отдельных макрополей предыдущего уровня: например, макрополя-2 *Антропонимы*, *Топонимы* входят в макрополе-1 *Разряды имен собственных* и др.

На следующем уровне иерархических отношений внутри терминологического макрополя-2 располагаются *микрополя*. Они объединяют терминологические единицы, находящиеся в отношениях гипонимии с заглавным родовым термином предыдущего уровня.

Используя классические обозначения структуры поля, можно отнести названные элементы к *ядру* (макрополя первого и второго уровней), *центру* (микрополя первого уровня), *периферии* (микрополя второго и последующих уровней). Количество выделяемых в конкретном макрополе структур – величина переменная и определяется как состоянием научной теории, так и целями классификатора.

Вопрос о глубине отражения ономастического пространства в терминологическом поле может быть разделен на две части. С точки зрения построения научных классификаций, глубина детализации при описании объекта номинации должна стремиться к абсолюту. Однако с точки зрения логики научного познания здесь, как кажется, должен включаться критерий научной целесообразности. Ономастические единицы нижних уровней (в зависимости от конкретных групп – третьего, четвертого и далее) могут быть полноценным (с позиций когнитивной функции термина) объектом терминологической номинации, однако правомерность их включения в данную структуру должна подкрепляться обнаружением у них характеристик, дополняющих научное знание о сущности имени собственного, его функционировании, ассоциативно-культурном фоне и т.д. В противном случае исследование таких разрядов онимов (например, *названия сортов мороженого, конфет, студенческих аудиторий, ветеринарных клиник* и т.д.) можно рассматривать в плане экстенсивного развития ономастики, что, безусловно, интересно и может быть полезно в практическом отношении, однако не должно становиться преобладающим.

Поскольку количество макрополей второго уровня в составе терминологического поля *Ономастика* больше одного, то проблемы его организации будут в значительной степени касаться отражения совмещенных характеристик ономастических единиц, обозначенных термином.

Соотношения отдельных номинативных единиц, находящихся в рамках *ономастического пространства – терминологического поля*, могут быть представлены в виде многослойной структуры (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение элементов процесса ономастической (терминологической) номинации

<table>
<tr><td colspan="2">Предмет
(объект номинации)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Общеупотребительное слово (апеллятив)</td></tr>
<tr><td>Терминологическое наименование
(термин научной сферы, к которой принадлежит объект номинации)</td><td>Ономастическое наименование
(имя собственное)</td></tr>
<tr><td></td><td>Ономастический термин</td></tr>
</table>

Таким образом, ономастическая терминосистема оказывается зеркальным отражением структуры ономастического пространства (как компонента картины мира). Задача структурной организации ономастической терминологии в таком случае может решаться с опорой на системные связи имен собственных (обозначаемых ими объектов) в рамках картины мира. Вопрос в том, какая идеографическая схема выбирается для решения поставленных задач.

В рамках рассматриваемого подхода общая структура ономастического пространства может формироваться в соответствии со сферами, обозначающими взаимоотношения субъекта номинации – человека с окружающим миром: *человек и Вселенная, человек и Земля, человек и природа, человек и общество* (6). С учетом этих сфер внеязыковой действительности структура терминологического макрополя *Разряды имен собственных* может быть представлена следующим образом.

1. Вселенная.
- 1.1. Космические объекты (*космонимы*).
- 1.2. Небесные тела (*астронимы*).

2. Земля (*топонимы*).
- 2.1. Суша (*оронимы*).
- 2.2. Вода (*гидронимы*).
- 2.3. Атмосфера.

3. Природа (*бионимы*).
- 3.1. Человек (*антропонимы*).
- 3.2. Животный мир (*зоонимы*).
- 3.3. Растительный мир (*фитонимы*).

4. Общество (*соционимы*).

4.1. Государственная, общественно-политическая сфера (*политонимы*).

4.2. Производственно-экономическая сфера (*прагмонимы*).

4.3. Наука (*терминонимы*).

4.4. Культура, искусство, спорт (*культуронимы, артионимы*).

4.5. Религия, мифология (*религионимы*, *мифонимы*).

Внутренняя структура каждой сферы детализируется (развертывается) до той степени, которая необходима для установления точных координат конкретной единицы в ономастическом пространстве (ономастической картине мира), а также до необходимой конкретизации терминологического обозначения групп объектов, обладающих именами собственными. В результате такого развертывания формируются терминологические поля (ономастические структуры) разных уровней, которые при совмещении, с одной стороны, могут демонстрировать потребности в терминологической номинации объектов – носителей собственных наименований (терминологическую недостаточность), а с другой – терминологическую избыточность.

В принципе любому типу объектов, имеющих терминологическое / номенклатурное наименование, отражающее их понятийно-предметное содержание, и являющихся объектом ономастической номинации, может соответствовать ономастический термин. Однако в реальных отношениях предметно-терминологических и онимо-терминологических номинаций наблюдается выраженная асимметрия.

В результате многие объекты ономастической номинации, имеющие в предметной сфере видовое терминологическое обозначение, в ономастической системе обозначаются родовым термином. Это является и одной из причин разночтений при определении объема содержания некоторых ономастических терминов (*хрононим*, *хрематоним* и др.), недостаточно корректного «одноуровневого» употребления родовых и видовых (как внутриразрядных, так и межразрядных) терминов (*топоним*, *гидроним*) или использования в одном ряду терминов типа *мифонимы*, *топонимы*, *зоонимы* и др. Структурирование терминологического поля ономастики позволит устранять возникающие противоречия.

Построение терминологических микро- и макрополей, объединение их в единое гиперполе *Ономастика* – задача, решение которой не только будет способствовать систематизации и упорядочению ономастической терминологии, но и позволит прояснить условия использования тех или иных терминов, их содержательные и функциональные характеристики.

Положение о тесной взаимосвязи знания и его языкового выражения в случае с терминологией имеет особое значение. Научная практика показывает, что состояние терминологии наглядно отражает состояние развития данного научного направления так же, как уровень развития науки напрямую связан с развитием терминологического аппарата, которым она обладает.

Можно надеяться, что проводимая научным ономастическим сообществом работа по упорядочению ономастической терминологии, выстраиванию терминосистемы ономастики позволит перейти на следующий уровень в исследовании ономастического знания и имени собственного как его носителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Васильева Н.В. О координировании ономастической терминологии // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 2(1). С. 373–377.
3. Введенская А.А., Колесников Н.П. От названий к именам. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 529 с.
4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛИ: сб. статей по языкознанию. 1939. Т. 5.
5. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 5–13.
6. Головин Б.Н., Кобрин Н.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
7. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта – Наука, 2011. 224 с.
8. Дрезен Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация. М., 1936.
9. Казимирова И.А. Метаязык украинской ономастики в контексте славянской традиции // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 31(322). Вып. 84. С. 40–42.
10. Комлева И.Л. Принципы формирования русской компьютерной терминологии. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 114 с.
11. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М., 1962.
12. Крюкова И.В. Рекламное имя: отупотребления до прецедентности. Волгоград, 2004.
13. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
14. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М., 1961.
15. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении: дис. … д-ра филол. наук. М., 2002.
16. Матвеев А.К. Ономатология. М.: Наука, 2006.
17. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М.: Наука. 1987. 143 с.
18. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 196 с.
19. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1967.
20. Реформатский А.А. Что такое термин и «терминология»? М., 1959.
21. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык / Г.А. Азимов [и др.] // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 3–11.
22. Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. М. 1978. С. 32–33.
23. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 246 с.
24. Супрун В.И. Размышления над ономастической терминологией // Известия ВГПУ. 2011. № 2. С. 133–138,

25. Топоров В.Н. Имя как фактор культуры // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. В 3 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 380–383.

26. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

27. Хамаева Е.А. О современном состоянии ономастической терминологии в китайской и русской лингвистике // Вестник Иркутского государственного университета. 2009. № 4(8). С. 148–152.

28. Хакимова Г.Г. Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополя // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 4. С. 1136–1142.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примером влияния «терминологического взрыва» последнего времени, отразившегося в лингвистике, стало появление множества работ по компьютерной лексике и экономической терминологии.

2. Важность понятности ономастических работ для широкого читателя обусловливается тем огромным просветительским, лингвокультурологическим и др. потенциалом, которым обладает ономастическая лексика.

3. Косвенным аргументом, подтверждающим возможность рассмотрения терминов и онимов как равноценных в определенном смысле единиц, можно считать тесную функциональную связь терминов и онимов, которая подчеркивается, например, их пересечением в понятии *номен*. Разграничение терминов и номенов, необходимое в теоретическом плане, в целях стандартизации терминологии, при составлении терминологических тезаурусов и т.п., оказывается несущественным с точки зрения общеобязательного научного знания, к тому же с определенных позиций и номенклатурные единицы могут рассматриваться как особые типы терминов, соотнесенные с единичными понятиями и актуализирующие предметные связи [6]. Кроме того, в качестве традиционных номенов (например, *географическая номенклатура*, *астрономическая номенклатура* и др.) могут выступать многие разряды собственных имен, формирующих наряду с терминами структуру научной картины мира.

4. В данном случае не имеет значения, что с номинативной точки зрения названия химических элементов занимают промежуточное место между термином и ИС, так как в строгом смысле характеризуются как *номены*, то есть единицы переходного плана между термином и ИС.

5. Такое понимание термина характеризует его как «имя сгустка смысла» [11, с. 29].

6. Подробная идеографическая схема соотношения сфер действительности и имен собственных как опорных единиц нормативно-научной картины мира (общеобязательного научного знания) представлена в [15].

N.A. Maximchuk
Terminological Field of Onomastic Space

Key words: *metalanguage of linguistics; term; terminology; proper name; onomastics; onomastic terminology; onomastic space, terminological field.*

The article discusses the specifics of onomastic terms as a component of the metalanguage of linguistics. Characteristics of the terminological nomination of objects of onomastic research are analyzed. Possible approaches to the organization of onomastic terminology from the point of view of the relationship between the concepts of «onomastic space» and «terminological field» of onomastics are considered.

Е.Г. Малышева, И.А. Крамарь
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

УДК 81’42

Концепт ‘Игра’ как доминанта современного журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх: опыт фреймово-полевого моделирования содержательной структуры когнитивного феномена

Ключевые слова: *концепт; журналистский интернет-дискурс; политический дискурс; фреймово-полевый анализ.*

В статье рассматривается фреймово-полевая структура концепта ‘Игра’, объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, определяется лингвокогнитивная специфика и особенности его структурирования. Обосновывается метод фреймово-полевого анализа, при помощи которого становится возможным доказать гипотезу о родстве изучаемого дискурса с социальным, культурным и политическим. Характеризуется феномен «интерфрейма», отражающий ассоциативную связь ядерных фреймов концепта ‘Игра’.

Развитие и эволюция любой науки предполагают расширение сферы объектов ее исследования, включение в научную парадигму тех областей, которые ранее не выделялись как перспективные для изучения. Диахронически рассмотренная наука обнаруживает в себе, что одни объекты ее исследований, ранее отмечаемые как центральные, со временем уходят на периферию научного знания, в то время как незначительные ранее явления обретают новое видение. Как отмечал Карл Раймунд Поппер, «требование научной объективности делает неизбежным тот факт, что каждое научное высказывание должно всегда оставаться временным. Оно действительно может быть подкреплено, но каждое подкрепление является относительным, связанным с другими высказываниями, которые сами являются временными» [10, с. 259].

Для комплексного и полноценного исследования функционирования когнитивных систем в языковой картине мира, прежде всего молодых носителей русского языка, следует начать изучение дискурса, который, как кажется, в ближайшее время может стать одним из наиболее влиятельных в формировании этой картины мира; тем более любопытно, что данный вид дискурса уже сегодня пересекается с другими «влиятельными» дискурсивными разновидностями, в частности с политическим дискурсом.

С этой целью в качестве объекта изучения в данной статье был выбран сравнительно «молодой» тип дискурса – журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх, который ранее практически не входил в сферу рассмотрения лингвокогнитивной науки.

Журналистский интернет-дискурс о компьютерных играх можно определить как процесс тематически обусловленного, опосредованного интернет-средой общения журналистов с адресатами о компьютерных играх и как совокупность текстов (в том числе поликодовых), продуцируемых в результате этого общения.

Для нас очевидно, что выделенная дискурсивная разновидность конституируется признаками как медиадискурса вообще, так и интернет-дискурса в частности. Участники коммуникации в рамках этого дискурса получают роли, характерные как для медийного дискурса, так и для интернет-общения, а продуцируемые ими тексты строятся по схемам, характерным для этих «родительских» дискурсов.

Базовым концептом журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх является концепт ‘Игра’. Данная когнитивная единица занимает важное место во множестве других дискурсов: театральном, спортивном, образовательном и других.

Рассмотрением лингвокогнитивной и философской природы концепта ‘Игра’ занимались такие известные ученые, как Л. Витгенштейн [4], Й. Хейзинга [11; 12], А. Вежбицка [3], Н.Д. Арутюнова [1], А.Д. Шмелев [13; 14], И.И. Волкова [5] и др. Однако заметим, что предметом исследования названных ученых становились либо теория игры как философского феномена, либо поведенческие особенности сквозь призму игры, либо игровая природа театра, экранной коммуникации, спорта. Исследования лингвокогнитивной специфики концепта ‘Игра’ – когнитивной доминанты журналистского дискурса о компьютерных играх – до сих пор предпринято не было, что и определяет актуальность настоящей работы.

В качестве исходной гипотезы можем выдвинуть предположение о том, что ядро когнитивной структуры концепта ‘Игра’, объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, составляют фреймы, родственные с базовыми концептами спортивного дискурса, а периферия модифицируется за счет влияния социокультурного и политического медиадискурсов.

Фреймово-полевый анализ как метод выявления лингвокогнитивной специфики концепта ‘Игра’

Структуру концепта ‘Игра’ целесообразно, ввиду его многоаспектной природы, рассмотреть с позиции фреймово-полевого анализа, то есть провести комплексное исследование, сочетающее в себе принципы теории фреймового анализа и теории полевой организации элементов концепта в виде ядерных и периферийных зон.

Концепт ‘Игра’ как многокомпонентная структура представляет собой совокупность фреймов. Фрейм, по М. Минскому, «является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает,

каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [8, с. 7]. Идеи М. Минского адаптировал к лингвистическим реалиям Ч. Филлмор, выполнивший исследование фреймовой семантики [15, p. 111–137].

В настоящем исследовании мы придерживаемся позиции, что фрейм является структурой для представления знаний из любой сферы человеческой жизни, стереотипных ситуаций, «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [2, с. 62]. Мы принимаем иерархию «дискурсивное пространство – дискурс – концепт – фрейм – слот» и именно сквозь призму этой иерархии предпринимаем фреймово-полевое моделирование концептуальных доминант журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх.

Применительно к фреймово-полевому подходу самые значимые фреймы концепта будут составлять ядро концепта, частотные фреймы образуют ближнюю периферию, а наименее актуализированные фреймы «уйдут» в дальнюю периферию. Точно так же произойдет и со слотами, которые составят ядро, ближнюю и дальнюю периферию каждого из фреймов концепта.

«Значимость» слотов и фреймов во фреймово-полевой структуре концепта определяется путем количественного подсчета лексических репрезентаций в рамках изучаемого дискурса: чем чаще слот определенного фрейма лексически объективируется в текстах журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх, тем ближе он к ядру этого фрейма, а фреймы, чьи слоты являются наиболее актуализированными в дискурсе, составляют ядро концепта.

Итак, необходимо выделить основные фреймы, формирующие концепт ‘Игра’, содержащие основную, типическую и потенциально возможную информацию. Для описания компонентов концепта как когнитивной структуры логично представить его содержание в виде ядра и периферии. Ядро концепта состоит из обязательных признаков, являющихся наиболее выразительными: «… ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именующего концепт» [9, с. 97]. Периферийное же поле составляют абстрактные, наиболее слабо структурированные признаки.

Для выявления маркеров, указывающих на понятия, включенные в вершины слота каждого из фреймов, конституирующих концепт ‘Игра’, определяется номинативное поле концепта при помощи двух методов. Во-первых, анализируются словарные дефиниции ключевого слова (лексемы), именующего концепт. Во-вторых, проводится контент-анализ текстов изучаемого дискурса с целью выявления наиболее частотных лексем, семантически соотносимых со значением ключевой лексемы концепта. Таким образом обнаруживаются лексемы, маркирующие слоты фреймов, специфичных именно для данного дискурса, в котором объективирован концепт.

Итак, структура концепта будет состоять из фреймов, имеющих слоты, в свою очередь, определяющиеся маркерами, коими в данном случае выступают лексические репрезентанты, которыми концепт объективируется в текстах журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх.

Фреймово-полевая структура концепта ‘Игра’: отражение иерархической лингвокогнитивной специфики доминанты изучаемого дискурса

Для того чтобы реконструировать фрагмент языковой картины мира, связанный с объективацией концепта ‘Игра’ в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх, нами были взяты тексты специализированных игровых порталов «Игромания» (http://www.igromania.ru/), «Канобу» (http://www.kanobu.ru/), «AbsoluteGames» (http://www.ag.ru/), «IGN Russia» (http://ru.ign.com/), «Навигатор игрового мира» (http://www.nim.ru/), «Playground» (http://www.playground.ru/), «GameBomb» (http://gamebomb.ru/), «StopGame» (http://stopgame.ru/), «GameGuru» (http://gameguru.ru/), а также тексты видеовыпусков передач издания «Игромания»: «Игровые новости», «Обзоры», «Во что поиграть?», «Клуб игропутешествий», «Игромания Кино» и издания «Канобу»: «Не занесли», «Паша Today», «Игорь тонет», «Итоги недели», «Надо брать!», «Канобувости», «Теория игр» за временной промежуток с марта 2015 по апрель 2017 года. В совокупности было проанализировано более 2500 текстов общим объемом более 13 миллионов знаков.

Проведенный в ходе исследования контент-анализ эмпирического материала и последующая реконструкция фреймово-полевой модели концепта позволяют представить лингвокогнитивную специфику содержания изучаемого феномена и особенности его объективации в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх в обобщенном виде в таблице 1, где отражена в том числе иерархия фреймов и слотов в репрезентируемой структуре концепта в количественном и процентном соотношении.

Таблица 1

Фреймово-полевая структура концепта ‘Игра’

Слот	Лексический маркер	Частота употребления (раз)	Процентное отношение к другим фреймам/слотам
ЯДРО			
Игра (базовое имя концепта)		9360	57,1%
Фрейм «Состязание»			12,76%

Игра как личное состязание (Человек – Компьютер)	Выиграть игру	608	10,07%
	Пройти игру	560	
	Пройти уровень	288	
	Победить босса	88	
	Выполнить квест	77	
	Решить загадку	31	
Игра как спортивное состязание	Киберспортсмен	262	2,68%
	Киберспорт	168	
	Кибертурнир	1	
Фрейм «Зрелище»			8,01%
Игра как развлекательное зрелище	Стримы	524	8,01%
	Прохождение	375	
	Донат	171	
	Стримеры	105	
	Трансляции игр	78	
	Пожертвование	32	
	Летсплеи	28	
Интерфреймовое пересечение в слоте «Игра как спортивное состязание» (= «Игра как спортивное зрелище»)			
Фрейм «Развлечение»			7,6%
Игра как развлечение	Удовольствие от игры	399	7,6%
	Хорошо провести время	309	
	Увлекательная игра	289	
	Захватывающая игра	250	
	Играть в игры	123	
Интерфреймовое пересечение в слоте «Игра как развлекательное зрелище» (= «Игра как развлечение через зрелище»)			
БЛИЖНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ			
Фрейм «Культурное пространство»			5,68%
Игра как искусство	Художники игр	324	4%
	Игровые сценаристы	137	
	Геймдизайн	108	
	Искусство геймдизайна	88	

Игра как постмодернистское пространство	Отсылки (к фильмам / играм / книгам)	264	1,68%
	Цитирование	11	
Фрейм «Ритуал»			3,34%
Игра как пространство веры	Верить в…	347	2,56%
	Потерять веру в…	64	
	Отчаяться от слов	9	
Игра как сакральное действие	Посвятить в тонкости игры	77	0,78%
	Олдфаг	27	
	Ньюфаг	16	
	Игровой гуру	8	
Фрейм «Общение»			2,59%
Игра как площадка для общения	Игровая корпорация	146	2,03%
	Игровая гильдия	66	
	Многопользовательская игра	49	
	Игровой чат	47	
	Голосовая связь	25	
Игра как место для агрессии	Игровые тролли	47	0,56%
	Оскорбить в чате	24	
	Игровая агрессия	21	
ДАЛЬНЯЯ ПЕРИФЕРИЯ			
Фрейм «Мотиватор к действию»			0,94%
Игра как позитивный мотиватор	Развивает навыки	77	0,77%
	Делает лучше	30	
	Воспитывает добрые чувства	20	
Игра как негативный мотиватор	Пустая трата времени	16	0,17%
	Тратить время впустую	12	

Фрейм «Зависимость»			0,29%
Игра как болезнь	Игровая зависимость	36	0,21%
Игра как способ бегства от реального мира	Игровой эскапизм	6	0,08%
	Женился в игре	5	
	Хикикомори	2	

Итак, мы представили целостную фреймово-полевую структуру концепта ‘Игра’, объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх. Ядро концепта составляют три фрейма, родственные с базовыми концептами спортивного дискурса. Данные фреймы находятся в своеобразном когнитивном «симбиозе», связанные друг с другом тем, чему нами была дана номинация *интерфрейм*. *Интерфреймы* связывают ядерные концепты, и, когда адресат изучаемого дискурса взаимодействует с объективацией одного фрейма концепта, те сразу вызывают ассоциативную связь с двумя другими фреймами ядра. Данный феномен является весьма перспективным для изучения и может стать объектом последующих научных изысканий.

Ближняя периферия фреймово-полевой структуры концепта представлена фреймами социокультурного пространства – «культурное пространство», «ритуал», «общение». Очевидно, что если ядро концепта составляют фреймы, связанные со значением имени концепта, то ближнюю периферию составляют фреймы, относящиеся к коннотативным значениям лексемы «игра».

Дальняя периферия представлена фреймами, возникшими как реакция на материалы общественно-политических СМИ, связанные с вредом компьютерных игр. Таким образом, можно наблюдать проникновение общественно-политической смысловой составляющей даже в базовый концепт ‘Игра’ журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх. Данная тенденция более заметна при анализе языковой репрезентации в изучаемом дискурсе этического концепта ‘Толерантность’, которому посвящены опубликованные ранее работы (см. подробнее: [6; 7]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. С. 5–16.

2. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Стернин И.А. Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 25–36.

3. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

5. Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 433 с.

6. Крамарь И.А. Лингвокогнитивная специфика концепта ‘Толерантность’ в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх // Коммуникативные исследования. 2016. № 2(8). С. 71–78.

7. Малышева Е.Г., Крамарь И.А. Интердискурсивная природа концепта ‘Толерантность’, объективированного в журналистском интернет-дискурсе о компьютерных играх // Политическая лингвистика. 2017. № 2(62). С. 98–103.

8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 154 с.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

10. Поппер К.Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.

11. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 464 с.

12. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. М.: Айрис-Пресс, 2003. 496 с.

13. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

14. Шмелев А.Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 410–423.

15. Fillmore Ch. J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. Seoul, 1982. P. 111–137.

E.G. Malysheva, I.A. Kramar
Concept 'Game' as a Dominant in Modern Journalistic Internet Discourse of Computer Games: the Experience of Frame-Field Modeling of Cognitive Phenomenon Structure

Key words: *concept; journalistic internet discourse; political discourse; frame-field analysis.*

This article deals with with frame-field structure of the concept 'Game' objectified in the journalistic internet discourse of computer games and reveals linguistic and cognitive specifics and hierarchy of its contents. The frame-field analysis method is validated. It presents the possibility to prove the hypothesis that the analyzed discourse is connected to social, cultural, and political discourses. The phenomenon of «Interframe» is discovered which illustrates the associative relation of core frames of the 'Game' concept.

Т.И. Ретинская
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

УДК 811.133.1'28

Исторические источники как материал для проведения регионолектологического исследования (на материале арденнского и шампанского регионолектов)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-50078.

Ключевые слова: *ареальная романистика; шампанский регионолект; арденнский регионолект; исторический источник; косвенный информант.*

В статье поднимается вопрос об использовании исторических произведений для исследования арденнского и шампанского вариантов французского языка. Особое внимание уделено разнообразным периодическим историографическим изданиям, которые служат источником для сбора языковых фактов, уточнения ареальной характеристики регионализмов, описания антропонимической системы обозначенных узусов и проведения полевого эксперимента. Данные проанализированных источников могут быть применены для воссоздания регионолекторецептивных концептов и определения специфики регионолекта как «нематериального культурного наследия».

Изучение регионолекта (1) как одного из пластов национального языка сохраняет актуальность и имеет большое значение для полиаспектной характеристики лингвистического ландшафта.

Так, системное исследование пространственного варьирования французского языка на территории Франции (2) позволяет охарактеризовать ареальные черты специфического лексического континуума и сопоставить синхронические срезы локально ограниченных лексических единиц.

Комплексный подход к описанию регионолекта предполагает детальное изучение не только лексикографических работ, но и исторических, источниковедческих и этнографических изданий.

Назовем исторические источники (3), используемые для характеристики социолингвистического статуса территориального варианта французского языка, анализа витальности регионализмов и создания индивидуального и группового портретов носителей арденнского и шампанского регионолектов (департаменты Арденны (*Ardennes*), Марна (*Marne*), Верхняя Марна (*Haute-Marne*), Об (*Aube*) региона Гранд-Эст / *Grand Est*):

1) периодические издания (*Revue Historique Ardennaise*, *Terres Ardennaises (Revue d'histoire et de géographie locales)*, *Bulletin du groupe de recherche sur l'histoire de Thin le Moutier*, *Le Cercle des collectionneurs de Signy-l'Abbaye*);

2) коллективные монографии (*Histoire et traditions de Champagne. Mélanges d'ethnographie et d'histoire*, *Les noms de famille en Champagne-Ardenne. Histoires et anecdotes*);

3) исторические очерки (*E. Charpantier. Ces Messieurs… Journal de l'occupation allemande à Vouziers du 31 août 1914 au 31 juillet 1915*, *G. Maillet Histoire de la Champagne*).

Не меньшую ценность представляют публикации архивных материалов. Так, журнал *Revue Historique Ardennaise*, выпускаемый Обществом любителей истории департамента Арденны, основанным в 1954 году, регулярно издает информацию об электронном архивировании исторических документов и презентует программу ежемесячных лекций лектория «Экскурс в историю по пятницам» (*«Les vendredis de l'Histoire»*).

Исторические издания служат дополнительным источником для сбора языковых фактов. В качестве примера процитируем отрывок из историко-биографического очерка *Hervé Pierre, agriculteur à Étrépigny*, в текст которого включены региональные лексемы как прямым (контекстуальным) методом, так и посредством приемов текстуального пояснения:

Hervé Pierre avoue : Pendant les vacances, on *maronnait* parfois. Au lieu de jouer, il nous fallait retourner le foin, ramasser les pommes de terre aux vacances d'octobre, cueillir les noix, les noisettes, les pommes à cidre. <…> En réalité, indique Hervé Pierre en souriant, sur ces deux cochons, un et demi était pour notre consommation, le demi qui restait passait en entier dans les *«charbonnées»* distribuées aux voisins et amis, comme cela se fait encore un peu maintenant. <…> J'ai créé ainsi des pannes originales, comme enrouler les fils de pâture sur l'axe de râteau : ah ces intellectuels ! Ce qui a permis â Hervé d'effectuer des réparations qu'il n'avait jamais eu à faire… J'ai mis *« à roûle»* et pressé, et, surtout, j'étais chargée d'arranger les *ballots* sur les chariots et de décharger (*maronner* (4) 'быть раздосадованным', *charbonnée* 'часть свиной туши, передаваемая в дар друзьям и соседям', *à roûle* 'в большом количестве', *ballot* 'рулон сена') [14, p. 8–10]. Подобного рода контексты от косвенных информантов уточняют значения регионализмов и являются источником сведений о состоянии идиома на современном этапе его развития.

Отдельные элементы корпуса локально ограниченных лексических единиц, зафиксированных в историографических изданиях, снабжены ценной информацией о повседневной жизни региолектофонов и их мировидении.

Такой сегмент регионектной лексики, как коллективные прозвища жителей коммун и кантонов, как правило, не подвергается лексикографической обработке. Именно исторические произведения являются источником для описания важной составляющей антропонимической системы региолекта. Например, в отдельной главе этнографического издания *Traditions, coutumes, légendes et contes des Ardennes comparés avec les traditions, légendes et contes de divers pays* инвентаризированы прозвищные онимы жителей департамента Арденны. В качестве примера процитируем региолектные слова, послужив-

шие основой для создания прозвищного наименования: *les Godeux de Séry* (*godeux* ‘бездельники’ ‹ *godailler* ‘бездельничать’), *les Mattoniers d’Alland’huy* (*les Matrouillards de Charbogne)* (*mattoniers* (*matrouillards*) ‘любители простокваши’ ‹ *matton* (*matrouille*) ‘простокваша’), *les Mangeux de fevette de Charbogne* (*mangeux de fevette* ‹ *mangeurs de féverolles* ‘любители конских бобов’), *les Cahottes d’Alland’huy* (*cahotte* ‹ *carotte* ‘морковь’ / этот оним указывает на выпадение интервокальной согласной в речи жителей обозначенного населенного пункта), *les Gaudeux de Rilly* (*gaudeux* ‘гусеводы-любители’ ‹ *gaude* ‘гусь’), *les Harnicots de Lametz* (*harnicot* ‘майский жук’‹ *Arnaud* ‘личное имя Арно’) [16, p. 129–130].

Небезынтересно отметить, что отдельные издания содержат рубрику, в которой собрана информация о функционировании регионализмов. Упомянутое в тексте статьи периодическое издание *Le Cercle des collectionneurs de Signy-l’Abbaye* регулярно включает в выпуски раздел, посвященный изучению лексем говора отдельного сельского населенного пункта. Авторы, которые употребляют регионализмы в тексте, почти не используют методы семантизации специфических лексем. Так, нижеследующие лексические единицы инкорпорированы в рассказ *L’Ascension, ben, c’est la grimpe!* без применения способов актуализации семантического содержания территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка: *agasse* ‘сорока’, *bènaise* ‘довольный’, *creûte* ‘углубление’, *étourniau* ‘скворец’, *fergouner* ‘мешать угли’, *margoulette* ‘голова’ [11]. В подобного рода текстах с высокой концентрацией локальных слов можно выделить не только грамматические и фонетические регионализмы, но и лексемы, обозначающие региональные реалии, не отраженные в общенациональном фонде и перешедшие в разряд историзмов или архаизмов, и панрегионализмы, вышедшие из употребления в других лингвистических ареалах, но активно используемые жителями исследуемого региона.

Особое место среди исторических источников занимают материалы, дающие возможность изучить историко-литературоведческий контекст при характеристике творчества писателей-областников. Яркой иллюстрацией роли историографических изданий в воссоздании историко-культурных факторов, способствующих решению художественной задачи региональными авторами, являются специализированные выпуски журнала *Terres Ardennaises*. В первую очередь следует упомянуть номера журнала, подготовленные к юбилею арденнских писателей Жана Рожиссара (2011, № 116) и Жюля Леру (2015, № 131). Подчеркнем тот факт, что именно редколлегия этого журнала применяет междисциплинарный подход при формировании тематического выпуска, представляя работы не только ведущих исследователей того или иного аспекта региональной истории и историографии, но и публикации диалектологов и лингвокультурологов, эксплицирующих как константы языковой картины мира соотечественников, так и приемы порождения регионалект-

ного художественного текста. Процитированный выпуск журнала, посвященный творчеству Жана Рожиссара, содержит две статьи, в которых инвентаризированы элементы арденнского региолекта, включенные в роман писателя-областника [20; 24].

Отдельного упоминания заслуживает периодическое издание *Lou Champaignat. Culture, histoire et langue champenoises-ardennaises.* Его статьи являются источником ретроспективного описания региолекта и уточнения ареальной характеристики регионализмов. Редколлегия журнала публикует как ценные этнографические и лингвокультурологические материалы, так и тематические выпуски, отражающие вклад диалектологов в исследование региональных вариантов французского языка. Так, один из номеров, озаглавленный *Henri Bourcelot, notre président d'honneur : sa vie, son œuvre*, посвящен научной деятельности Анри Бурсело, сыгравшего ведущую роль в документировании регионализмов провинции Шампань. Особо выделим в этом выпуске статью председателя Национального комитета по ономастике Мишеля Тамина *L'homme et son œuvre. L'Atlas linguistique de la Champagne et de la Brie : une œuvre majeure pour la culture régionale* [21].

Именно Анри Бурсело указывал на необходимость изучать локально ограниченные лексические единицы в синхронном и диахронном аспектах и учитывать постоянную эволюцию региональных форм языка [5, p. 83]. В этой связи целесообразно регулярно привлекать историографические источники для уточнения характеристики региональных единиц и языковой традиции.

Изучение обширного массива исторических произведений подтверждает наличие у региолекта идентифицирующей функции и функции конкретизации места и времени бытования идиома. При этом важно упомянуть о том, что одним из назначений региональной формы речи является обогащение французского языка словами, метко именующими факты языковой действительности [8, p. 11], которые, безусловно, находятся в прямой корреляции с темпоральными маркерами.

Немаловажную роль играют фатическая, то есть контактоустанавливающая функция, и солидаризирующая функция, способствующая созданию атмосферы взаимопонимания. К примеру, статья *Comment dire «bonjour»* в регулярной рубрике *Un trait de culture régionale* вышеописанного журнала *Lou Champaignat* содержит обширный перечень приветственных формул (более восьмидесяти монофрастических высказываний), характерных для носителей исследуемых регионалектов (с указанием как на возраст и семейное положение регионалектофонов, так и на конкретный населенный пункт; в отдельных случаях зафиксированы различные варианты фонетических модификаций одной лексемы) [7].

Специализированные издания уделяют также внимание специфике социально-экономического развития департаментов и уникальности ремесел, промыслов и видов деятельности местного населения. Прежде всего

отметим вклад журнала *Revue Historique Ardennaise* в сохранение самобытных черт многовековой истории металлургического и стеклодувного производств региона (см., например, статью *Une famille de la métallurgie ardennaise : les Faure* [13]).

Ознакомление с историческими изданиями является одним из важных этапов подготовки полевого эксперимента. В картотеке региолектолога особое место занимают публикации, повествующие о возникновении и историческом развитии населенных пунктов (см., например, статью *Montigny-sur-Vence, heurs et malheurs d'un si «joli petit village»* [15], которую можно использовать для организации полевого исследования в обозначенной коммуне).

Комплекс представленных источников, запечатлевших важные историко-культурные сведения, с помощью которых инвентаризируются локально маркированные лексемы, активно используется как для воссоздания региолекторецептивных концептов, так и для определения специфики региолекта как «нематериального культурного наследия» («*patrimoine culturel immatériel*») (5).

Таким образом, исторические источники являются ценным иллюстративным материалом для описания функционирования комплекса регионализмов и обязательным компонентом алгоритма сбора языкового материала (6) и систематизации синхронических срезов региолектной лексики.

Системное изучение большого фактического и полифункционального материала, отраженного в разнообразных региональных исторических исследованиях, позволит выявить стабильные регионализмы и определить факторы, влияющие на уровень жизнеспособности арденнского и шампанского идиомов. Сопоставительный анализ историографических изданий, прямо или косвенно отражающих специфику территориальных модификаций французского языка, будет в дальнейшем применен для описания способности региолекта к самосохранению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ретинская Т.И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных арго / под науч. ред. Э.М. Береговской. Орел: Изд-во ОГУ, 2011. 284 с.

2. Ретинская Т.И. Региональный вариант французского языка: определение статуса, классификация функций, семантические доминанты (на материале шампанского и арденнского регионалектов) // Риторика ↔ Лингвистика: сб. статей / отв. ред. М.П. Тихонова. Вып. 12. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 228–238.

3. Abry-Deffayet D., Abry N. Parler des Savoies et ses histories à rire. P.: Christine Bonneton Éditeur, 2013. 192 p.

4. Bésème-Pia L. Patois ardennais. Le parler de mon village. Langres: Éds Dominique Guéniot, 2011.

5. Bourcelot H. L'Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie et les limites linguistiques // Langue française. 1971. № 9. Linguistique et société. P. 82–92.

6. Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages – Activités humaines. – Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims – Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou,

directrice de recherche honoraire au CNRS. P.: Éds du CTHS; Langres: Éds Dominique Guéniot, 2012. 368 p.

7. Comment dire «bonjour» // Lou Champaignat. Culture, histoire et langue champenoises-ardennaises. 2013. № 42. P. 18–20.

8. Cordier J.-P. Dictionnaire de patois ardennais : français-patois & patois-français. Charleville-Mezières: Éds de la Société des Écrivains Ardennais, 1988. 189 p.

9. Daunay J. Parlers de Champagne. Langres – Saints-Geosmes: Dominique Guéniot Éditeur, 1998. 851 p.

10. Fierobe N. Les mots du champagne // Parlure Champagne-Ardenne. Charleville-Mézières: Institut Charles-Bruneau, 1996. № 11. P. 3–59.

11. Guillaume J.-J. Patois // Le Cercle des collectionneurs de Signy-l'Abbaye. 2013. № 80. P. 7.

12. Huart D. Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon – Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique. Charleville-Mézières: Imprimerie ARDENN'OFFSET, 1988. 206 p.

13. Kaczmarek G. Une famille de la métallurgie ardennaise : les Faure // Revue Historique Ardennaise. 2014. № 46. P. 85–100.

14. Lambert J. Hervé Pierre, agriculteur à Étrépigny // Terres Ardennaises. Revue d'histoire et de géographie locales. 2016. № 134. P. 7–13.

15. Loche G. Montigny-sur-Vence, heurs et malheurs d'un si «joli petit village» // Terres Ardennaises. Revue d'histoire et de géographie locales. 2016. № 134. P. 14–19.

16. Meyrac A. Traditions, coutumes, légendes et contes des Ardennes comparés avec les traditions, légendes et contes de divers pays. P.: Librairie Guénégaud, 1980. 600 p.

17. Philipponnat G. Le parler champenois. Recueil des mots particuliers aux vignerons champenois suivi des surnoms donnés aux habitants des communes viticoles. Aÿ-Champagne: Imprimerie Plantet, 1979. 48 p.

18. Tamine M. Le parler des Ardennes. P.: Christine Bonneton Éditeur, 2006. 192 p.

19. Tamine M. Le parler de Champagne. P.: Christine Bonneton Éditeur, 2009. 160 p.

20. Tamine M. La langue de Rogissart: aspects lexicaux // Terres Ardennaises. Revue d'histoire et de géographie locales. 2011. № 116. P. 40–57.

21. Tamine M. L'homme et son œuvre. L'Atlas linguistique de la Champagne et de la Brie: une œuvre majeure pour la culture régionale // Lou Champaignat. Culture, histoire et langue champenoises-ardennaises. 2013. № 42. P. 4–11.

22. Tarbé P. Le patois champenois. Dictionnaire ancien et moderne. P.: Le Livre d'histoire-Lorisse, 2010. 240 p.

23. Vauchelet A. Tous les patois des Ardennes. Vieux langages et vieilles choses. Charleville-Mézières: Imprimerie SOPAIC – Savreux, 1979. 270 p.

24. Vauchelet L. La langue et les dialectismes dans trois romans paysans de J. Rogissart: *Coline*, *Mervale*, *Les Hauts de Rièzes* // Terres Ardennaises. Revue d'histoire et de géographie locales. 2011. № 116. P. 58–67.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Под регионолектом следует понимать региональную форму языка, сосуществующую с национальным языком, элементы которой представлены на всех языковых уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом (см., например, работу Доминик Абри-Деффайе и Николя Абри [3]).

2. Подробно о природе и эволюции регионолекта, характеристике первичных и вторичных функций, выполняемых шампанским и арденнским узусами, см. в статье «Региональный вариант французского языка: определение статуса, классификация функций, семантические доминанты (на материале шампанского и арденнского регионолектов)» [2].

3. Автор статьи выражает глубочайшую признательность кафедре иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им.

М.В. Ломоносова за приглашение принять участие в Международной научной конференции «Роль и место иностранных языков в университетском историческом образовании». Подготовка доклада для выступления на секции «Язык исторических источников как предмет лингвистических исследований» способствовала изучению и введению в научный оборот новых исторических документов, характеризующих французские регионолекты.

4. Материалом для исследования шампанского и арденнского регионолектов послужили лексикографические труды Лиз Безем-Пья [4], Альбера Вошле [23], Жана Донэ [9], Жан-Поля Кордье [8], Мишеля Тамина [18; 19], Проспера Тарбе [22], Гюстава Филиппонна [17], Николь Фьероб [10], Дезире Юара [12] и «Лингвистический и этнографический атлас провинций Шампань и Бри» Анри Бурсело [6].

5. См. IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle » Istanbul, Turquie, 16–17 septembre 2002. URL: http://portal.unesco.org/fr/ev.php-URL_ID=6209&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION =201.html (дата обращения: 19.06.2017).

6. Подробно о составляющих алгоритма сбора языкового материала для изучения социальной и территориальной вариативности национального языка см. в монографии [1, с. 43–82].

T.I. Retinskaya

Historical Sources as the Material for Carrying out Regional Dialect Research (on the Material of the Ardennes and Champagne Regional Dialects)

Key words: *areal Romance studies; Champagne regional dialect; Ardennes regional dialect; historical source; indirect informant.*

The article deals with the problem of the use of historical works to study the Ardennes and Champagne variants of the French language. It pays particular attention to a variety of periodic historiographic publications that serve as a source for collecting linguistic facts, clarifying the areal characteristics of the regionalisms, describing the anthroponymic system of marked ususes, and conducting a field experiment. The data of the analyzed sources can be used to recreate regional dialect receptive concepts and to define the specifics of the regional dialect as an «intangible cultural heritage».

В.С. Андреев
Смоленский государственный университет

УДК 811

Опыт стилеметрического подхода к проблеме сопоставления индивидуальных стилей

Ключевые слова: *индивидуальный стиль; стилеметрия; дискриминантный анализ; разноуровневые признаки.*

Статья посвящена сопоставительному анализу индивидуального стиля американского поэта-романтика Дж. Райли и стилей основателей американского романтизма в поэзии. На базе единого признакового пространства, включающего разноуровневые и разноаспектные формальные характеристики, и однородных корпусов стихотворных текстов проведен многомерный дискриминантный анализ. Результаты позволяют соотнести формальные и содержательные параметры текстов, а также внести коррективы в существующее представление о соотношении стиля Райли и других поэтов-романтиков.

Данная работа относится к числу исследований, выполняемых в рамках лингвистического направления, получившего название «стилеметрического».

Как правило, решение задач, связанных с поиском маркеров индивидуального стиля, его признаковых моделей, закономерностей проявления скрытых от непосредственного наблюдения соотношений признаков, осуществляется при помощи формально-количественных методов, которые создают базу для построения объективно проверяемой модели идиостиля. Как подчеркивалось многими исследователями, стилеметрия не ставит целью отмену достижений традиционного лингвистического и литературоведческого анализа стиля, позволяя в целом ряде случаев существенно дополнить и уточнить имеющиеся выводы. С другой стороны, следует подчеркнуть, что стилеметрический анализ является полновесным самостоятельным подходом к решению круга лингвистических задач, относящихся к различным аспектам анализа стиля, который выработал свою методологию, принципы отбора и анализа материала, критерии оценки правильности решения задач, имеет свою историю и типологию [2; 4; 5–8; 10; 11].

В стилеметрических исследованиях стиль обычно рассматривается как совокупность особенностей в использовании языка, характерная для отдельного человека либо группы лиц [9; 10, p. 53; 11].

Указанный подход к определению индивидуального стиля принимается в нашем исследовании. Соответственно, при изучении индивидуальных особенностей авторской речи в центре внимания находится степень представлен-

ности, характер соотношения и закономерности варьирования комплекса разноуровневых и разноаспектных признаков, присущих текстам автора.

Задачей настоящей работы является определение места идиостиля известного американского поэта-романтика Джеймса Уиткомба Райли (1849–1916) среди основоположников американского романтизма У. Брайента, Г. Лонгфелло, Р. Эмерсона и Э. По.

Несмотря на то, что к тому моменту, когда Райли получил образование, пик популярности поэтов-романтиков уже прошел, Райли всю свою жизнь оставался приверженным традициям романтизма и является своего рода «последним романтиком», продолжавшим отринутую литературной средой и обществом традицию даже в XX веке.

Критики единодушны в отнесении Райли к числу последователей Брайента и Лонгфелло. Возникает вопрос, насколько формальные традиции языкового выражения бостонской школы сильны в его творчестве, особенно учитывая временной промежуток между расцветом романтизма и началом плодотворной литературной работы Райли.

Для исследования были взяты только наиболее известные ямбические произведения Райли, вошедшие в антологии и не превышающие 80 строк, что соответствует критериям отбора материала для основателей американского романтизма, анализ стилей которых был ранее произведен в наших исследованиях [1] и, таким образом, позволяет провести сопоставление стилей.

Несмотря на широкий спектр используемых в стилеметрии признаков, пока не найдено универсальных лингвистических маркеров дифференциации идиостилей и не существует единого списка характеристик, который позволял бы осуществлять эффективную дифференциацию индивидуальных стилей для любых авторов. Причем задача поиска такого унифицированного признакового пространства осложняется еще и тем, что имеет место существенная вариативность признаков для текстов различных жанров, различных временных пластов и эпох, различных периодов творчества.

В связи с этим признаковое пространство определяется опытом классификации текстов Брайента, Лонгфелло, Эмерсона и По. Список характеристик включает морфологические и синтаксические параметры лексики в первой и последней сильной позициях, маркеры синтаксической сложности текста, в том числе признаки стихотворного синтаксиса (придаточные в сложноподчиненных предложениях и простые в сложносочиненных предложениях, полная и частичная инверсия, синтаксический перенос (enjambement) разрыв строки синтаксической паузой), а также характеристики ритма (пропуски ударений на иктах, усечение и наращение анакрусы, ударение на анакрусе, отклонение от мужской клаузулы).

Следует подчеркнуть, что все приводимые выше признаки отражают как качественный, так и количественный подход, поскольку подсчитывались путем подсчета того, сколько раз данный признак встречается в тексте или в

составе элементов текста (в предложении, абзаце, строфе, стиховой строке и т.д.). Данные затем нормировались относительно длины текста в строках.

В качестве метода в нашем исследовании используется многомерный дискриминантный анализ, который является одним из наиболее апробированных многомерных методов при исследовании стиля. Дискриминантный анализ включает в себя ряд статистических процедур, направленных, во-первых, на изучение различий между классами объектов и, во-вторых, на решение вопросов, связанных с отнесением спорных случаев к одному из существующих классов [3, с. 80–82; 12, p. 250]. В ходе анализа классы объектов сопоставляются одновременно по большому количеству признаков и выделяются характеристики, максимально различающие эти классы. Метод дискриминантного анализа позволяет сократить признаковое пространство, определить дифференциальную силу каждого признака.

В частности, для этого рассчитываются линейные функции, значения которых для объектов разных классов (текстов разных авторов) максимально различаются. Ниже приводится формула дискриминантной функции для простого случая с двумя группами объектов:

$$Y = n + d_1x_1 + d_2x_2 + \ldots d_mx_m,$$

где Y – значение дискриминантной функции для текста;

m – количество дискриминантных признаков, то есть признаков, дифференцирующих классы;

n – константа;

$x_1 – x_m$ – значения дискриминантных признаков;

$d_1 – d_m$ – коэффициенты дискриминантных переменных (признаков).

Проведенный анализ позволил получить информацию об удалении (квадрат расстояния Махаланобиса) текстов Райли от центроидов критериальных классов (классов текстов Брайента, Лонгфелло, Эмерсона и По). Эти данные представлены в таблице 1. Под центроидом понимается точка в многомерном признаковом пространстве с координатами, являющимися средними значениями переменных (признаков) всех текстов в данном классе.

Таблица 1

Квадрат расстояния Махаланобиса текстов Райли до центроидов критериальных классов четырех авторов

Названия текстов	Класс 1 (Брайент)	Класс 2 (Лонфелло)	Класс 3 (Эмерсон)	Класс 4 (По)
At Noon Interval	81,18	75,37	83,59	72,61
A Summer Afternoon	57,52	58,14	64,87	64,70
At Broad Ripple	65,15	60,75	64,04	49,48
Ike Waltop's Prayer	100,19	92,41	90,31	67,28
The Old Guitar	68,85	52,23	79,47	55,93
The Rapture of the Year	60,62	55,75	65,84	51,35
The Ripest Peach	64,74	51,35	61,51	60,45
The Rival	140,60	140,86	148,71	129,01

There was a Cherry-Tree	129,96	140,04	161,69	145,48
Unless	88,93	88,47	98,78	75,04
Who Bides His Time	43,71	36,79	42,43	62,59
Ylladmar	42,65	34,87	52,36	33,12
A Barefoot Boy	91,80	95,77	108,57	79,79

Среднее расстояние всех произведений Райли колеблется от 73 (относительно центроида По) до 86 (Эмерсон).

Для количественной оценки значимости вычисленных расстояний проведен подсчет апостериорных вероятностей отнесения произведений к тому или иному классу (табл. 2).

Таблица 2

Апостериорные вероятности отнесения текстов Райли к критериальным классам

Названия текстов	Класс 1 (Брайент)	Класс 2 (Лонфелло)	Класс 3 (Эмерсон)	Класс 4 (По)
At Noon Interval	0,01	0,36	0,00	0,62
A Summer Afternoon	0,44	0,54	0,01	0,01
At Broad Ripple	0,00	0,01	0,00	0,99
Ike Waltop's Prayer	0,00	0,00	0,00	1,00
The Old Guitar	0,00	0,94	0,00	0,06
The Rapture of the Year	0,01	0,20	0,00	0,79
The Ripest Peach	0,00	0,99	0,00	0,00
The Rival	0,00	0,01	0,00	0,99
There was a Cherry-Tree	0,99	0,01	0,00	0,00
Unless	0,00	0,00	0,00	1,00
Who Bides His Time	0,01	0,95	0,04	0,00
Ylladmar	0,01	0,48	0,00	0,51
A Barefoot Boy	0,00	0,00	0,00	1,00

В большинстве случаев произведения Райли достаточно определенно относятся к одному из «критериальных» авторов, и только три текста в равной степени близки к центроидам сразу нескольких классов («At Noon Interval», «A Summer Afternoon», «Ylladmar»).

Проведенный анализ привел к неожиданным результатам: вопреки прогнозируемой близости к языковым особенностям бостонской школы только 5 текстов из 13 более сходны с произведениями Брайента и Лонгфелло. Бóльшая часть произведений оказалась ближе к центроиду текстовой группы По, из них одно («Ylladmar») занимает промежуточное положение, являясь близким по стилю как По, так и Лонгфелло.

С точки зрения содержания сближающиеся с Брайентом и Лонгфелло по выделенным стилистическим маркерам тексты отмечены позитивным восприятием жизни и природы. Так, в произведении «A Summer Afternoon» автор описывает красоту и спокойствие природы в летний полдень, неодолимо притягивающие человека. При этом ярко выраженной является такая особенность метафоризации, как масштабное сопоставление природных фе-

номенов (morn, sky, summer, sun и др.) с человеческим существом (the pulse of Summer; the morn has been a feverish, restless thing; a languid atmosphere), постепенно оставляющим дела и погружающимся в сон:

A dreamy day; and tranquilly I lie
At anchor from all storms of mental strain;
With absent vision, gazing at the sky…
(«Like one that hears it rain»)

And drowsily I hear the plaintive strain
Of some poor dove... Why, I can scarcely keep
My heavy eyelids – there it is again –
«Coo-coo!» – I mustn't – «Coo-coo!» – fall asleep!
(«A Summer Afternoon»)

Другой образной схемой является сопоставление природных феноменов с притягивающей взгляд бегущей водой. Данная метафорическая модель является достаточно распространенной в творчестве Брайента, Лонгфелло и По, но зачастую связывается ими с мотивами борьбы и смерти: The tidings of despair (Лонгфелло); The swelling heart heaves moaning like the ocean (Лонгфелло); Death was in that poisoned wave / And in its gulf a fitting grave (По). Райли переплавляет эту достаточно распространенную у американских романтиков модель в ряд образов ленивой и беспечной, вполне по-человечески счастливой Природы:

A languid atmosphere, a lazy breeze,
With labored respiration, moves the wheat
From distant reaches, till the golden seas
Break in crisp whispers at my feet
<…>
The warm sun showers in the open glade…
(«A Summer Afternoon»)

Воспоминания о прошлом характеризуются позитивной эмоциональной окрашенностью (airy visions of pure joy; our child-eyes saw the miracle) в противовес печальному настоящему:

There was a cherry-tree. The Bluejay sat
His blue against its white – O blue as jet
He seemed there then! – But now – Whoever knew
He was so pale a blue!
(«There Was a Cherry-Tree»)

Neglected now is the old guitar
And moldering into decay;
Fretted with many a rift and scar
That the dull dust hides away,
While the spider spins a silver star
In its silent lips to-day.
(«The Old Guitar»)

Тем не менее поэт находит возможность отыскивать в этом источник радости, а не скорби.

The rose of pearl with the jeweled stem
Still blooms
(«The Old Guitar»)

Даже в случае, когда поэт пишет о сложностях любви (The ripest peach is highest on the tree – / And so her love, beyond the reach of me), используя природу как источник при метафоризации, картина мира автора достаточно статична, текст лишен угроз и опасностей.

I drink the sunshine showered past her lips
As roses drain the dewdrop as it drips.
The ripest peach is highest on the tree,
And so mine eyes gaze upward eagerly.
(«The Ripest Peach»)

Напротив, в текстах, которые обладают лингвистическими маркерами, сближающими их с идиостилем По, часто присутствует более драматическое повествование о борьбе и страданиях.

Who has not wanted, does not guess
What plenty is. – Who has not groped
In depths of doubt and hopelessness,
Has never truly hoped.
(«Unless»)

Таким образом, в идиостиле Райли имеет место своего рода дуализм: признаваемая всеми критиками идейная принадлежность к бостонской школе сочетается с формальным следованием моделям, наблюдаемым в текстах По. Степень выраженности лингвистических структурных особенностей гораздо сильнее, чем у других авторов, связана с тематикой текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.С. Языковая модель развития индивидуального стиля (на материале стихотворных текстов поэтов-романтиков): монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011.

2. Андреев С.Н. Репрезентация художественного пространства в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: статика – динамика // Когнитивные исследования языка. 2016. Т. 24. С. 79–85.

3. Клекка У.Р. Дискриминантный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / под ред. И.С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 78–138.

4. Мартыненко Г.Я. Основы стилеметрии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 176 с.

5. Мартыненко Г.Я. Введение в теорию числовой гармонии текста. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 252 с.

6. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. СПб.: Филологический факультет СПбРУ, 2006. 158 с.

7. Тулдава Ю.А. О теоретико-методологических основах квантитативно-системного анализа лексики (3): методика исследования // Linguistica. Тарту, 1982. С. 123–143.

8. Holmes D. The Evolution of stylometry in humanities scholarship // Literary and Linguistic Computing. 1998. Vol. 13, No. 3, P. 111–117.

9. Juola P. Authorship attribution // Foundations and Trends in Information Retrieval. December 2006. Vol. 1. Is. 3. Hanover, MA, USA: Now publishers Inc., 2006. P. 233–334.

10. McMenamin G.R. Forensic stylistics: Advances in forensic stylistics / by Gerald R. Boca Raton. London, New York, Washington D.C.: CRC Press LLC, 2002. 334 p.

11. Rudman J. The state of authorship attribution studies: Some problems and solutions // Computers and the Humanities. 1998. Vol. 31. P. 351–365.

12. Warner R.M. Applied statistics. Los Angeles–London: Sage Publications, 2008. 1100 p.

V.S. Andreev
An Experiment in Stylometric Approach to the Problem of Individual Styles Comparison

Key words: *individual style; stylometry; discriminant analysis; multilevel characteristics.*

The article deals with comparative analysis of individual style of J. Riley, American romantic poet, and the styles of the founders of American romanticism. On the basis of unified feature set, which includes both formal and semantic features and homogeneous corpora of verse texts, multivariate discriminant analysis was carried out. The results make it possible to establish the interrelations between formal and semantic characteristics and to introduce changes into the existing opinion as to the relations between the style of Riley and styles of other American romantic poets.

Ю.А. Белютина

Смоленский государственный университет

УДК 81’27

Детерминанты лингвистической невежливости в потенциально конфликтных коммуникативных ситуациях (на материале английского языка)

Ключевые слова: *лингвистическая вежливость; речевой этикет; потенциально конфликтные коммуникативные ситуации; просьба; совет; предложение; «негативное лицо»; сохранение лица.*

Статья посвящена исследованию моделей нарушения этикетного регламента в потенциально конфликтных коммуникативных ситуациях. Выстраивание барьеров рассматривается на примере просьбы, совета и предложения, чье сходство проявляется в побуждении адресата к некоторому действию. Описываются стратегии уклонения от выполнения навязываемого поведения ради сохранения лица, случаи «злоупотребления» маркированным кодом вежливости и привлечения импликатур, особенности транспонирования этикетных клише в деструктивном общении.

Речевая деятельность представляет собой разновидность целенаправленного поведения человека, в ней проявляется его сущность: привычки, характер, темперамент, воспитанность и т.д. Столкновение интересов, целей, типов личностей коммуникантов нередко порождает конфликт, реализующийся, помимо прочего, через вербальное противостояние собеседников. Увеличивающийся объем антропоцентрических исследований в лингвистике сделал возможным подробное освещение вопросов «рассогласованного общения» [1].

Важной составляющей, определяющей ход взаимодействия, является этикет, который в научной литературе нередко отождествляется с регламентом, ритуалом, поскольку относится к системе закрепленных форм поведения и определяет выбор стратегий и тактик в момент участия в межличностной коммуникации. Речевой этикет задает рамки, в пределах которых должно проходить нормальное, бесконфликтное общение в некоторых наиболее часто повторяющихся ситуациях, например, знакомство, прощание, поздравление, извинение, приглашение, совет.

Настоящее исследование посвящено лингвистической невежливости в *потенциально конфликтных этикетных ситуациях*. Под ними мы понимаем такие коммуникативные ситуации, в которых может возникнуть столкновение между собеседниками из-за нанесения ущерба «негативному лицу» адресата или препятствия в реализации коммуникативных интенций говорящего. Среди потенциально конфликтных коммуникативных ситуаций можно выделить извинение, просьбу, приглашение, совет, предложение. Рассмотрим подробно некоторые из них.

Этикетная ситуация *просьба* представляет собой обращение к собеседнику с призывом удовлетворить собственные нужды, желания, требования. Побудительный характер данного этикетного акта объясняет широкое многообразие речевых формул вежливого обращения к партнеру по общению для реализации поставленной цели.

Соблюдение правил вежливости в этой ситуации особенно релевантно, поскольку просьба чревата конфликтом в широком понимании этого феномена. Во-первых, она может быть предъявлена адресату как единственно возможный, навязанный план его дальнейших действий. Во-вторых, конфликт заключается в потенциальной возможности невыполнения желаемого действия адресатом.

Во избежание столкновений речевой этикет предусматривает использование наряду с повелительным наклонением вопросительных, вопросительно-отрицательных конструкций с привлечением модальных глаголов и других маркеров вежливой просьбы. Они нейтрализуют обращение и позволяют собеседнику самостоятельно сделать выбор, сохранив «лицо».

Коммуникативная стратегия просьбы также выглядит весьма неоднородно. Наиболее развернутая форма осуществления одного речевого акта

представляет собой трехчастное образование, содержащее «предпросьбу» [6], «просьбу о просьбе» [3], собственно просьбу. В зависимости от параметров коммуникации и интенций адресата, а также сложности выполнения действий по реализации пожелания задействуется полная или неполная цепочка тактических ходов. По наблюдению Дж. Хаус, чем больше потенциальная угроза «лицу», тем нормативнее использование коммуникантами вспомогательных ходов, и наоборот, в обращениях с невысокой степенью угрозы наименее вероятно появление периферийных компонентов [4].

Такое многообразие языковых и неязыковых средств объясняется тем, что при совершении коммуникативного акта просьбы модальным субъектом и одновременно субъектом пользы выступает говорящий [2, с. 127]. Это значит, что положительные для отправителя сообщения события не обязательно имеют такой же знак для его получателя.

При этом вежливые модели просьбы нередко задействуются в деструктивном общении в функции *коммуникативного транспонирования*. С одной стороны, они «вуалируют» агрессивный настрой коммуниканта, разбавляют высказывание ироничным содержанием и смягчают его категоричность. С другой – речевое поведение адресанта не имеет ничего общего с деликатностью, поскольку оставшаяся часть обращения опровергает наличие псевдо-доброжелательной установки.

«**Be so good as** to attend», says my Lady then, addressing the reflection of Hortense, «to your business. You can contemplate your beauty at another time» [Dickens Ch. Bleak House].

В приведенном примере адресант находится в состоянии фрустрации, на невербальном уровне проявляющемся в раздражении из-за того, что реципиент нарушает границы его внутреннего мира, переступает пределы дистантного ограничителя. Вербальная реакция актуализируется в форме императива и транслирует требование, приказ прекратить нежелательное воздействие. При этом попытка сочетать обращение с периферийными элементами просьбы («просьба о просьбе») – *be so good as* – делает высказывание противоречивым. С одной стороны, отправитель сообщения заботится о сохранении «лица» собеседницы и взывает к ее снисходительности, с другой – дает понять, что в данный момент не нуждается в ее обществе и пытается прекратить контакт. Негативный для сохранения отношений перлокутивный эффект второй части просьбы подавляет положительный заряд первого.

Если роль этикета – установление контакта или поддержание отношений, то невежливое поведение чаще всего функционирует как «катализатор» конфликта, независимо от того, какие цели преследовал коммуникант. Вызывая *эффект обманутого ожидания*, клишированные формулы просьбы задействуются для завладения инициативой в беседе. Они призваны дезориентировать оппонента, рассчитывавшего на контактное общение, и, вследствие этого, наделяют говорящего временным преимуществом.

«**Have the goodness** to keep your observashuns to yourself, sir, **I beg»**, said Mrs. Raddle, suddenly arresting the rapid torrent of his speech, and addressing the third party with impressive slowness and solemnity [Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club].

Невежливое поведение собеседницы в момент взаимодействия с адресатом свидетельствует о ее демонстративном пренебрежении их отношениями. Кроме того, она подчеркнуто презрительно заявляет об игнорировании мнения собеседника, нарушая кооперативные установки коммуникации. Дублирование вспомогательных ходов просьбы в начале и в конце обращения (*Have the goodness; I beg*), привлечение уважительной формулы вокатива (*sir*) придают ему ироническое содержание и эмоциональную экспрессию, а также маскируют категоричность. Эффект некоммуникативного воздействия при этом усиливается.

Регулируя отношения в межличностном взаимодействии, речевой этикет традиционно рассматривается как воплощение стратегии по установлению контакта, его сохранению и сглаживанию неприятных моментов коммуникации. Однако в некоторых случаях можно наблюдать участие конвенционализированных формул вежливой просьбы при реализации противоположно направленных тактических шагов, связанных с разрывом взаимоотношений и прекращением общения.

«Captain Cuttle», returned the Manager, with all possible politeness, «I **ask you to do me a favour**».

«And what is it, Sir?» inquired the Captain.

«**To have the goodness** to walk off, **if you please**», rejoined the Manager, stretching forth his arm, «and to carry your jargon somewhere else» [Dickens Ch. Dealings with the Firm of Dombey and Son].

В примере говорящий демонстрирует владение нормами этикета, а инициирующая реплика сигнализирует о его позитивных намерениях. Завершенный коммуникативный акт просьбы включает три типовых компонента: обращение (*Captain Cuttle*), просьба о просьбе с привлечением перформативного глагола в ассертивном речевом акте (*I ask you to do me a favour*) и собственно просьба, содержащая два дополнительных формульных элемента (*to have the goodness; if you please*). Невежливо само содержание просьбы, которое после такой деликатности и тактичности не оставляет выбора адресату. О намеренности невежливости свидетельствуют как вербализация реплик субъекта просьбы, так и его невербальное поведение, которое трансформируется от чрезвычайной учтивости к торжеству над поверженным соперником.

Анализ примеров показал, что, несмотря на большое разнообразие средств вежливого обращения к собеседнику с просьбой, коммуникация имеет склонность перерастать в конфликтную. Это может объясняться как чрезмерной навязчивостью адресанта, его неделикатностью в отстаивании

собственных интересов, так и нежеланием получателя сообщения действовать согласно предложенному плану.

Кроме того, внедрение в просьбу «вежливых» элементов не всегда демонстрирует позитивные коммуникативные намерения говорящего. В одних случаях он ставит целью ввести оппонента в заблуждение и выиграть время, в других – подчеркнутая вежливость служит сигналом намеренного дистанцирования от собеседника. Наконец, наличие этикетных формул в обращении с просьбой «вуалирует» агрессивный настрой коммуникантов и может участвовать как в смягчении категоричности и резкости высказывания, так и в усилении их эффекта.

Предложение и совет, как и просьба, связаны с побуждением к некоторому речевому или неречевому действию. *Совет* в эксплицитной или имплицитной форме выражает мнение говорящего по поводу того, как слушающему поступить в той или иной ситуации, какие предпринять шаги. Это своего рода наставление, указание. С помощью предложения коммуниканты в более тактичной и мягкой форме излагают собственные взгляды и представляют их на обсуждение, не рассматривая как единственно возможный способ поведения слушающего.

Помимо языкового выражения, сходство совета и предложения проявляется в мотивации говорящего: они ориентированы скорее на интересы адресата (я *советую*, *предлагаю* – это *тебе* полезно) и в большинстве случаев демонстрируют положительное отношение к тому, кто нуждается в помощи [5, с. 286], хотя коммуникация, как правило, осуществляется с целью взаимного удовлетворения потребностей. Нередки случаи, когда в реальной коммуникации советы и предложения тактично и / или косвенно выражают указания и команды [7]. Поэтому, предлагая или советуя, необходимо соблюдать деликатность и не вторгаться грубо во внутренний мир собеседника.

Нарушение этикетного предписания, связанного с намеренным или ненамеренным вмешательством в личную сферу адресата и с настойчивым воздействием на его мнение или поведение, можно дефинировать как невежливость, *назойливость*.

«<…> I think **I ought to advise you**».

«**To advise me**?»

«I think I know your nature».

«I think you don't», said Gertrude.

«You make yourself out worse than you are – to please him», Mr. Brand said, gently [James H. The Europeans].

В примере мистер Бранд произносит инициирующую реплику на правах коммуниканта, занимающего более престижную позицию, на этом же основании он считает возможным обращение к собеседнице с наставлением. Коммуникативное действие «совет» считается этикетным, если его содержание несет существенную информацию для реципиента, она необ-

ходима ему и может быть востребована. Об обратном свидетельствует реакция адресата: вопрос транслирует не только изумление, но и отказ выслушивать бесполезные рекомендации. Неспособность правильно декодировать сообщение заставляет мистера Бранда реализовать исходные намерения, для чего он прибегает к аргументации своего стремления. На этот раз вектор возражения не столько направлен в сторону предыдущей реплики, сколько выражает стремление говорящего оградить себя от назойливого воздействия. Поведение отправителя совета можно считать ненамеренно невежливым, поскольку он, вопреки желанию адресата, настойчиво продолжает навязывать свое мнение.

Помимо деликатности и тактичности в обсуждении с собеседником собственного воззрения на тот или иной вопрос, в условиях неконфликтного общения коммуниканты в форме совета или предложения стремятся донести полезную для адресата информацию. Если же совет или предложение *негативны* по отношению к слушающему или их вербальное выражение не соответствует этикетным требованиям, они невежливы или даже грубы.

«In what company, Barnes, **would you like** me to say that I think you are a snob? **Will you have it** on the Parade? <…>» [Thackeray W. The Newcomes. Memoirs of a most respectable Family].

Приведенный пример предваряют взаимные обвинения собеседников в грубости и отсутствии такта. Каждый из них пытался выставить оппонента в неблагоприятном свете, за счет чего сам оказался бы в более выгодном положении. Симметричность социальной позиции и родственные отношения коммуникантов определяют отсутствие маркеров формализованного общения и этикетных рестрикций. При этом стремление сохранить отношения и не допустить резкой эскалации конфликта вынуждает одного из братьев отказаться от эксплицитного оскорбления. Вместо того, чтобы прямо заявить реципиенту о своей негативной оценке его личностных качеств (*I think you are a snob*), говорящий акцентирует внимание адресата на псевдопредложении. Он предоставляет получателю сообщения выбор группы слушателей неодобрительных отзывов о себе. Ситуация осложняется тем, что доверие третьих лиц к мнению адресанта способно подорвать репутацию пациенса отрицательного воздействия.

Посредством коммуникативных актов «совет» и «предложение» агрессивно настроенный собеседник может вербализовать *угрозу*. От эксплицитного запугивания их отличает наличие в высказывании смягчающих элементов; их сходство проявляется в выдвижении условий и требований, произнесении ультиматума, в резкости и безапелляционности тона говорящего.

Mr. Bramble's eyes began to glisten, and his teeth to chatter <…> he said, raising his voice <…> «Heark ye, Mrs. Tabitha Bramble, **I now propose** an alternative in my turn – Either discard your four-footed favourite, or give me leave to

bid you eternally adieu – For I am determined, that he and I shall live no longer under the same roof <…>» [Smollett T. The Expedition of Humphry Clinker].

В приведенном примере об агрессивности говорящего свидетельствуют экстралингвистические характеристики диалога: внешний вид субъекта речи и выбранный им стиль общения. Вокатив формируется не только с помощью общепринятого обращения и называния имени и фамилии собеседницы, привлекаются также усеченная форма глагола *hearken* и местоимение второго лица *ye*, которые усиливают детерминированные неязыковыми признаками параметры коммуникации. Перформативный глагол *propose* развертывает коммуникативный акт «предложение» с инкорпорированной в него угрозой. Налицо признаки ультимативного требования: в случае невыполнения условий адресанта последуют решительные меры воздействия в виде разрыва отношений. Предложение альтернативы по своей сути невежливо, поскольку дает слушающему неравноценный выбор и содержит открытую угрозу.

Несоблюдение этикетных предписаний в ситуациях «совет» и «предложение» связано не только с навязчивым поведением говорящего или его негативными интенциями в отношении адресата. В отдельных случаях невежливость может быть заключена в *ответной реакции* на искренний совет или доброжелательное предложение, когда их адресат в резкой и категоричной форме отклоняет мнение собеседника.

«Come, come! They let you off easily enough», sneered Drummle. «You shouldn't have lost your temper».

«Mr. Drummle», said I, «**you are not competent to give advice on that subject**. When I lose my temper (not that I admit having done so on that occasion), I don't throw glasses» [Dickens Ch. Great Expectations].

Пытаясь успокоить собеседницу, говорящий терпит коммуникативную неудачу из-за язвительного презрительного тона и упрека в ее адрес по поводу вспыльчивости и нетерпеливости, проявленной ранее. Он разозлил девушку и вызвал агрессию по отношению к себе. Вместо нейтральной ответной реакции за советом последовало имплицитное утверждение о том, что советующий и сам несдержан и раздражителен. Такая же «упаковка» для выражения обвинительного содержания применяется и в следующем высказывании. Физическая экспликация агрессивного состояния (throw glasses) усугубляет его проявление и, следовательно, усиливает позицию девушки, по ее собственному мнению, по сравнению с другим коммуникантом. В примере попытка нежелательного воздействия на собеседника привела к возникновению помех в общении. Однако и в «выстраивании» барьеров собеседница перешла грань необходимой защиты своего «я», что делает ее поведение тоже невежливым.

Таким образом, совет и предложение, ввиду их воздействующего потенциала, тоже становятся в один ряд с коммуникативными актами, чреваты-

ми конфликтом. Столкновение может быть связано с чрезвычайной навязчивостью говорящего, отсутствием у него чувства такта. Предложение и совет, которые заведомо способны негативно сказаться на адресате, тоже невежливы. Помимо прочего, за внешне деликатными этикетными формулами в некоторых случаях скрывается угроза, за которой иногда следует оскорбление. Реакция адресата совета или предложения также не всегда бывает адекватной и корректной, особенно если собеседник не расположен к общению.

Как показало исследование, нарушение этикетного регламента может быть представлено в виде четырех коммуникативных стратегий: эксплицитный или имплицитный отказ от соблюдения социокультурных установок, коммуникативное транспонирование этикетных единиц, ответная реакция на условный код вежливости. Потенциально конфликтные этикетные ситуации реализуют дополнительно функцию «сохранения лица», преодолевая при этом границы допустимой защиты и угрожая «негативному лицу» реципиента.

Социометрические характеристики этикетных ситуаций также релевантны при интерпретации невежливых высказываний. Взаимодействие в условиях социальной симметрии менее чувствительно к нарушению регламента, чем коммуникация с ярко выраженным статусно-ролевым неравенством. При социальной асимметрии говорящий с более престижной позицией акцентирует ее или принижает позицию слушающего посредством невежливости. Невежливость нижестоящего демонстрирует его стремление возвысить или уравнять себя в социально-ролевом отношении с вышестоящим.

Данное исследование представляется перспективным с точки зрения выявления моделей, по которым могут выстраиваться барьеры в общении в других потенциально конфликтных этикетных ситуациях, например, извинение, приглашение, отказ, запрещение, сочувствие, неодобрение и т.п. Интересным представляется кросс-культурный анализ детерминант нарушений лингвистической вежливости в разных коммуникативных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 41 с.

2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2014. 284 с.

3. Blum-Kulka Sh., House J., Kasper G. Investigating Cross-Cultural Pragmatics: An Introductory Overview // Cross-Cultural Pragmatics. Requests and Apologies. Norwood; New Jersey, 1989. P. 1–33.

4. House J. Politeness in English and German: the Functions of Please and Bitte // Cross-Cultural Pragmatics and Apologies. Norwood; New Jersey, 1989. P. 96–119.

5. Hudson T. The Discourse of Advice Giving in English: 'I Wouldn't Feed Until Spring No Matter What You Do' // Language and Communication. 1990. No. 4(10). P. 285–297.

6. Jacobs S., Jackson S. Strategy and Structure in Conversational Influence Attempts // Communication Monographs. 1983. 50. P. 285–304.

7. Leech G.N., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. URL: https://ru.scribd.com/document/327674074/a-communicative-grammar-of-english-pdf (дата обращения: 25.08.2017).

Yu. A. Belyutina
Linguistic Impoliteness Determiners in Potential Conflict Speech Situations (on the Material of the English Language)

Key words: *linguistic politeness; speech etiquette; potential conflict speech situations; request; advice; offer; 'negative face'; saving face.*

The article deals with the analysis of patterns of etiquette regulations violation in potential conflict speech situations. Conflict is viewed using the example of acts of request, advice and offer, the similarity of which consists in inducing the addressee to some action. The article describes strategies of avoiding the imposed behavior, cases of abusing the marked politeness code and implementation of implications, peculiarities of etiquette clichés transposition in destructive communication.

Г.Г. Сильницкий
Смоленский государственный университет

УДК 81'37

Дифференциальный корреляционный анализ разноуровневых глагольных признаков в английском языке

Ключевые слова: *дифференциальный корреляционный анализ; мотивирующая – ограничительная функции; формальные (фонетические – морфологические) – семантические признаки; нейтральные показатели; доминанты – субординаты корреляций.*

Дифференциальная кластеризация, в комплементарном отличии от интегральной, основана на отрицательных и статистически нейтральных корреляциях между глагольными признаками, подчеркивая таким образом роль оппозиций в корреляционной структуре глагольной системы в английском языке. Основная дифференцирующая функция, ограничивающая реализацию их корреляционных субординат, осуществляется формальными (фонетическими и морфологическими) признаками. Особый интерес представляют нулевые показатели этих признаков, отображающие нейтрализацию их ограничительной функции и обусловливаемое этим «свободное» проявление (в метафорическом значении данного термина) их корреляционными субординатами имманентно присущего им лингвистического содержания. Показательно, что эти признаки, выделенные на основании своих нейтрализованных доминант, в свою очередь, характеризуются, подобно последним, наивысшим количеством нейтральных показателей в своих соответствующих кластерах. Таким образом, подобное порождает подоб-

ное. В своей совокупности два набора необусловленных признаков образуют относительно недетерминированное промежуточное пространство, «свободное» от влияний, ограничивающих появление новых признаков в качестве источников эндогенного саморазвития глагольной системы.

Статья автора [2] была посвящена интегральному корреляционному исчислению системы английских глагольных признаков, основанному на учете лишь позитивных и статистически нейтральных корреляционных отношений, то есть в отключении от негативных оппозиций между ними. В результате интегрального анализа были выявлены три интегральных кластера глагольных признаков, ИК1, ИК2 и ИК3, элементы которых взаимосвязаны положительными или нейтральными корреляциями и лишены отрицательных. ИК2 и ИК3 более тесно связаны между собой на основании общего семантического признака, отображающего отнесенность их значений к сфере человеческой психики, и совместно образуют на данном общем семантическом основании более широкий макрокластер ИК2а.

В итоге получаем следующую двухуровневую бинарную схему.

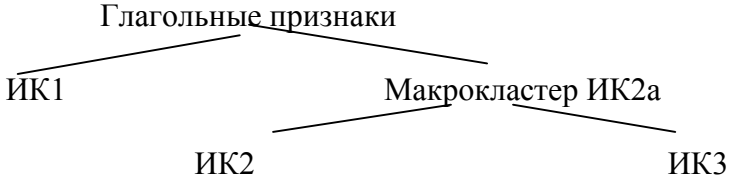

Схема 1. Двухуровневая бинарная классификация английских глагольных признаков

На первом уровне бинарной классификации совокупность английских глагольных признаков подразделяется на ИК1 и макрокластер ИК2а на основании дифференциального признака наличия или отсутствия в глагольной семантике признака «психологизма» (отнесенности к сфере человеческой психики). На втором бинарном уровне макрокластер ИК2а подразделяется на ИК2 и ИК3.

Настоящая статья посвящена рассмотрению дифференциального корреляционного исчисления глагольных признаков и сопоставлению его результатов с комплементарным интегральным подходом, представленным выше. При дифференциальном исчислении, в противоположность интегральному, учитываются лишь отрицательные и нейтральные (приравниваемые к нулю) корреляции между признаками, но не положительные. Иными словами, здесь выявляется в чистом виде классификационная роль оппозиций между элементами рассматриваемой системы. Сумма отрицательных коэффициентов корреляции со всеми остальными признаками соответствующего комплекса составляет его отрицательный суммарный коэффициент корреляции (СмК), отображающий в обобщенном виде степень его корреляционной противопоставленности остальным признакам исследуемой системы.

Интегральный корреляционный показатель глагольного признака отображает его синтетическую функцию в системе, то есть его объединяющую

роль в образовании соответствующего интегрального кластера, дифференциальный показатель – степень его корреляционной изолированности в системе, определяемой суммарной противопоставленностью другим признакам.

Положительные коэффициенты при интегральном корреляционном анализе выявляют позитивно-мотивирующую функцию соответствующих глагольных признаков в системе. Так, признаки с наивысшими интегральными СмК оказывают наибольшее суммарное мотивирующее влияние на другие корреляционно сопряженные с ними признаки: 2уд: .2.32, Пф/: 2.12, Члн: .1.80, А: 1.69, Глс/: 1.55, I: 1.53, Рчь: 1.51 [5, с. 105].

Дифференциальный подход, наоборот, выявляет противительное влияние соответствующих признаков на сопряженные с ними признаки. Наивысшие по абсолютной величине СмК отображают здесь наиболее сильное препятствующее воздействие соответствующих признаков на реализацию других: Члн: –4.47, Пф/: –4.03, 2уд: –3.84, Глс/: –2.29, 4сл: –2.08, Сф/: –1.71 (см. табл. 1).

Таким образом, корреляционные отношения между элементами рассматриваемой системы являются направленными. Глагольные признаки оказывают мотивирующее или ограничительное влияние друг на друга. Признак-источник этого влияния будет называться доминантой соответствующей корреляции, признак, испытывающий данное влияние, – ее субординатой.

Дифференциальный подход применяется к той же совокупности разноуровневых глагольных признаков (за исключением внешнедеривационного префикса out-), служивших объектом рассмотрения при интегральном подходе и распределяемых по следующим типам.

1) 14 семантических признаков, из них:

а) 11 парадигматических: каузативность (Кз), некаузативность (Нкз), движение (Двж), положение (Плж), пространственные характеристики (Прс), информационное значение (I), когнитивность (Кгн), речь (Рчь), оценка (Оц), целенаправленность (+Ц), социальные характеристики (Soc);

б) 3 синтагматических: сочетаемость с конъектом (К), семантическим актантом, осуществляющим привязку глагольной ситуации к внешнему континууму объективной действительности; сочетаемость с адъектом (А), семантическим актантом, обозначающим внутриситуативный фактор, подчиненный объекту в некаузативной ситуации, или средство воздействия субъекта на объект в каузативной; координативность (Крд), обозначающая координативное соотношение двух или более однофункциональных объектов или субъектов речевой ситуации;

2) 6 фонетических признаков: начальный согласный (Сг/), начальный гласный (Глс/), односложность (1сл), четырехсложная структура (4сл), ударность первого слога (1уд), ударность второго слога (2уд) [1; 3];

3) 5 морфематических признаков: морфематическая членимость (Члн), морфематическая нечленимость (Нчл), наличие префикса (Пф/), наличие суффикса (Сф/), безаффиксное (конверсивное) деривационное соотношение с существительным (Кнв);

4) 3 внешнедеривационных признака: внешнедеривационное образование отглагольного существительного (/Сщ), прилагательного (/Плг), глагола (/Глг);

5) 5 синтаксических признаков: интранзитивность (Инт), транзитивность (Трн), сочетаемость с обстоятельством (Обс), послелогом (Псл) и придаточным дополнительным (Прд).

Дифференциальные корреляции данной системы глагольных признаков приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Дифференциальные корреляции английской системы глагольных признаков

	1уд	Нчл	**1сл**	Кнв	Сг/	Псл	Об	
Члн	–.63	–.79	**–.57**	–.50	–.36	–.44	–.39	
Пф/	–.79	–.48	**–.46**	–.44	–.47	–.40	–.35	
2уд	–.76	–.55	**–.68**	–.38	–.35	–.36	–.31	
Глс/	–.43	0	0	–.28	–.76	–.23	–.20	
4сл	–.29	–.22	**–.65**	–.21	–.14	–.15	–.14	
Сф/	0	–.53	**–.33**	–.24	–.05	–.15	–.14	
Оц	–.09	–.11	**–.10**	–.12	–.05	–.16	–.15	
I	–.07	–.10	**–.09**	–.05	0	–.12	–.12	
Рчь	–.08	–.09	**–.09**	–.06	–.05	–.08	–.09	
А	–.09	–.08	**–.05**	–.06	0	–.09	–.06	
Трн	–.07	–.07	**0**	–.05	–.08	0	–.05	
Кгн	.11	**–.12**	**–.09**	**–.10**	0	–.08	–.07	
Кз	0	0	**0**	0	0	0	–.06	
Soc	–.07	–.08	**–.09**	0	–.06	–.09	–.10	
Прд	–.09	–.06	**–.05**	–.06	0	0	0	
+Ц	0	0	**0**	0	0	0	0	
/Плг	–.09	–.10	**0**	–.06	–.10	0	0	
/Сщ	–.09	–.11	**0**	0	–.05	–.05	+.06	
Крд	.05	**.05**	**–.06**	0	0	0	0	
	–3.80	**–3.44**	**–3.31**	**–2.61**	**–2.52**	**–2.40**	**–2.17**	
	Двж	Инт	Прс	Нкз	К	Плж	/Глг	
Члн	–.14	–.23	–.13	–.06	–.09	0	–.14	**–4.47**
Пф/	–.11	–.25	–.09	–.08	0	0–	–.11	**–4.03**
2уд	–.09	–.19	0	–.08	0	0	–.09	**–3.84**
Глс/	–.07	–.20	–.06	–.06	0	0	0	**–2.29**
4сл	–.06	–.09	–.07	0	0	0	–.06	**–2.08**
Сф/	–.08	0	–.08	0	–.05	0	–.06	**–1.71**
Оц	–.13	–.13	–.14	–.14	–.13	–.07	**–.08**	**–1.60**
I	–.20	–.06	–.23	–.12	–.16	–.11	0	**–1.43**
Рчь	–.15	0	–.17	–.21	–.11	–.11	0	**–1.26**

А	–.22	–06	–.25	–.12	–.21	–.11	0	**–1.40**
Трн	–.19	–.32	–.09	–.17	–.08	0	.+11	**–1.06**
Кгн	**–.12**	0	**–.14**	0	**–.09**	**–.06**	0	**–.98**
Кз	–.09	–.15	–.09	–.37	0	0	0	**–.76**
Soc	–.05	–.08	0	–.11	0	0	0	**–.73**
Прд	–.10	0	–.09	0	–.07	–.05	.+07	**–.50**
+Ц	0	–.08	0	–.16	0	0	**+.05**	**–.19**
/Плг	0	0	0	**+.07**	0	0	+15	**–.13**
/Сщ	0	.+11	0	0	0	0	**+.10**	**–.03**
Крд	0	**+.0**7	0	**+.06**	**0**	0	0	**–.03**
	–1.80	**–1.66**	**–1.63**	**–1.55**	**–.99**	**–.48**	**–.06**	**–28.52**

В столбцах приведенной таблицы представлены глагольные признаки, входящие в интегральный кластер ИК1, в строках – все остальные признаки рассматриваемой системы, то есть охватываемые макрокластером ИК2а. Корреляционные соотношения между этими двумя комплексами признаков являются в подавляющем большинстве (96,24%) отрицательными или нейтральными.

Таким образом, дифференциальное корреляционное исчисление выявляет корреляционную противопоставленность ИК1 и ИК2а по всей совокупности корреляций между разноуровневыми глагольными признаками английского языка, то есть подтверждает бинарную оппозицию на первом уровне схемы 1. Возникает вопрос о внутренней корреляционной структуре макрокластера ИК2а, то есть о наличии корреляционной оппозиции между ИК2 и ИК3 в его составе. Дифференциальный подход дает отрицательный ответ на этот вопрос: макрокластер ИК2а содержит лишь положительные или нейтральные, но не отрицательные корреляции между элементами ИК2 и ИК3, то есть представляет собой интегральный кластер.

Таблица 2

Корреляции ИК2 и ИК3 в составе макрокластера ИК2а

	А	Кгн	Ц+_	Рчь	Трн	Глс/	2уд	Сущ	I	/Плг	Члн	Пф	Оц
Крд	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–0	.05	.08	0
Soc	0	+.10	+.08	0	0	0	+.06	0	0	0	.08	.06	.04
Кз	0	0	+.08	+.10	+.29	0	0	0	0	0	0	0	.05
Глг/	+.06	+.07	0	0	0	+.14	+.20	0	0	+–08	0	.42	.09
4сл	0	0	0	0	0-	+.14	+.25	+.07	0	0	.22	.18	0
+Ц і	+.05	0	X	+,09	+.21	**0**	0	0	+.07	0	0		0
Чл	+.08	+.12	0	+.09	+.07.	0	+.55	+.11	**+.10**	**0**	X		+.11
Пф і	+.10	+.13	0	+.09	+.11	+.42	+.70	+.12	+/05	0	.65	X	+.10
Сф	0	0	0	+.04	0	0	0	+.09	0	0	.43	0	0

Итак, сфера применения тотального дифференциально-корреляционного исчисления полного набора глагольных признаков с учетом всех корреляционных соотношений между ними ограничена первым уровнем бинарной схемы 1 и не может быть распространена на второй ее уровень. Иными словами, тотальное дифференциальное исчисление всего

множества выявленных корреляций дает дополнительное обоснование основополагающей бинарной структуры системы английских глагольных признаков, определяемой двумя условиями: отсутствием или предельно минимальной представленностью оппозиций между элементами во внутренней структуре выделенных комплексов и отсутствием положительных связей между самими этими комплексами.

Уточнение внутренней корреляционной структуры макрокластера ИК2а может быть осуществлено на материале не полного набора признаков, а лишь некоторой его части, диагностичной для данного комплекса, то есть путем выделения некоторых наиболее релевантных для него признаков, отображающих, с одной стороны, общее основание его противопоставленности ИК1 на первом классификационном уровне, с другой – оппозицию ИК2 – ИК3 на втором.

Признаки первого типа, диагностичные для ИК2а в целом, фактически уже были выделены на интегральном этапе исследования в виде «*связующих*» признаков, представленных в структуре как ИК2, так и ИК3: +Ц и Члн [2, с. 106]. Системный принцип предписывает нам выделение противоположных признаков –Ц и Нчл в разноуровневой структуре ИК1, играющих определяющую роль в его противопоставленности ИК2а. Таким образом, исходная многоуровневая системообразующая оппозиция ИК1 – ИК2а уточняется путем выделения в ее многоуровневом составе определяющей роли привативных оппозиций –Ц/+Ц в семантическом плане и Нчл/Члн в формальном. Это придает всей многоуровневой оппозиции ИК1 – ИК2а характер привативной оппозиции, в которой ИК2а, отмеченный наличием двух дифференциальных признаков, +Ц и Члн, выполняет роль маркированного члена, тогда как немаркированный ИК1 характеризуется их отсутствием. Немаркированный ИК1 будет далее называться *антецедентом* данного корреляционного противопоставления, маркированный ИК2а – его *консеквентом.* Таким образом, исходное корреляционное противостояние первого уровня бинарной схемы 1 получает следующее уточнение: определяющую роль в его многоуровневой структуре играют привативные оппозиции –Ц/+Ц в семантическом плане и Нчл/Члн в формальном.

Выборочные признаки второго типа играют дифференциальную роль между ИК2 и ИК3. Диагностичной для ИК2 является конъюнкция семантических признаков I и A, тесно связанных между собой (.43). По данному двойному критерию кластер ИК2 включает признаки Кгн (соответствующие корреляции: .28 и .12), Рчь (.17, .40), +Ц (.07, .05), Оц (.09, .10), Члн (.10, .10), Пф/ (.07, .10), /Сщ (.07, .08), /Прд (.07, .07), 2уд (.06, .07). К периферии кластера относятся Трн (признак маркирован лишь по одному релевантному критерию, положительной корреляцией с A: .05) и немаркированный признак Глс/.

Диагностическим признаком ИК3 является Soc, положительно коррелирующий с признаками Крд (.10), Кз (.08), Глг/ (.06), Сф/ (.07), 4сл (.07) и со «связующими» признаками +Ц (.08), Члн (.08), Пф/ (.06). Показательно, что признак Сф/, хотя и представляет собой подтип признака Члн, не имеет положительной корреляции с признаками I и A и, следовательно, по данному вновь введенному критерию не подлежит включению в ИК2 и не играет «связующей» роли в ИК2а.

Как показывает таблица 1, глагольные признаки характеризуются более четкой группировкой по различным типам своих дифференциальных функций, чем интегральных. Это относится в первую очередь к *формальным* внутрилексемным (представленным в составе глагольной основы) *фонетическим* и *морфологическим* признакам, занимающим 5 первых, наиболее сильных позиций в составе антецедентного ИК1 (1уд: –3.80, Нчл: –3.41, 1сл: –3.31, Кнв: –2.61, Сгл/: –2.52) и 6 в составе консеквентного ИК2а (Члн: –4.47, Пф/: –4.03, 2уд: –3.84, Глс/: –2.29, 4сл: –2.08, Сф/: –1.71). Семантические и синтаксические признаки в основном заполняют усредненные, близко расположенные друг к другу позиции в таблице. Внелексемные *синтаксические* формальные признаки занимают промежуточное положение в нисходящей дифференциальной шкале между формальными внутрилексемными и внешнедеривационными признаками: Псл: –2.17, Обс: –1.80, Инт: –1.63, Трн: –1.06, Прд: –.50. *Внешнедеривационные* признаки (/Сущ, /Прл, /Гл) характеризуются самыми низкими показателями негативных СмК по абсолютной величине: /Гл: –06; деривация отглагольных существительных и прилагательных даже выходит за рамки нисходящей дифференциальной шкалы и имеет положительные корреляционные показатели (/Сущ: +.10, /Прл: +.15).

Интегральный анализ выявил значительно менее упорядоченное типовое распределение глагольных признаков по силе своего корреляционного влияния. Соответственно, дифференциальное корреляционное исчисление играет бо́льшую системообразующую роль при классификации английских глагольных признаков, чем интегральное.

Итак, *формальные* (фонетические и морфологические) глагольные признаки выполняют основную дифференциальную функцию в рассматриваемой системе, состоящую в нейтрализации реализации признаков противоположного кластера. При этом наблюдается следующее различие между формальными признаками ИК1 и ИК2а: первые отображают различные аспекты *простоты* фонетической (1сл, 1уд) и морфологической (Нчл) синтагматических структур глагольной основы, вторые – различные аспекты ее формальной *сложности* (Члн, Пф/, 2уд, 4сл, Сф/). Начальный согласный в составе ИК1 положительно коррелирует с Нчл (.36), 1сл (.30) и 1уд (.43), то есть также отображает формальную простоту глагольной основы, тогда как начальный гласный в составе ИК2а положительно коррелирует с Члн (.36), Пф/ (.47),

Сф/ (.05) и 4сл (.14), усиливая фактор сложности формальных элементов данного макрокластера в их противительной функции. Таким образом, качество начальной фонемы также оказывает определенное противительное корреляционное воздействие в дифференциальном плане на реализацию тех или иных мотивирующих признаков, определяя степень формальной простоты глагольной основы при Сгл/ или ее сложности при Глс/. По-видимому, здесь можно в известном смысле говорить, по аналогии с замыкающей слогообразующей функцией конечного согласного в дифференциации закрытого и открытого типов слогов, о функции начального согласного в определении «инхоативно-закрытой» структуры лексической основы в английском языке и начального гласного в определении ее «инхоативно-открытой» структуры. Соответственно, может быть выдвинута гипотеза о корреляционной сопряженности начального согласного с формальной простотой глагольной основы и начального гласного с ее формальной сложностью. Как неоднократно отмечалось различными исследователями, *начало* лексической основы является одним из наиболее значимых элементов английского слова, что получило проявление в распространенном стилистическом приеме использования слов с одинаковой исходной фонемой для подчеркивания их смысловой связи по сходству или контрасту значения: *last but not least, doing and daring, curiousity killed a cat, 'Are we men or mice?', 'Not all that glitters is gold'*.

В английском языке действует фонетический закон «плавного перехода» от начальной консонантной части лексической основы к вокальной. Максимальная консонантная нагрузка лексической основы в английском языке ограничена тремя предвокальными согласными, дистрибуция которых подчинена строгим правилам.

На первом месте в их последовательности всегда фигурирует фонема [*s*].

Второе место может быть заполнено только глухой взрывной фонемой: [*k*], [*p*], [*t*].

На третьем месте, наиболее приближенном к вокальному ядру первого слога глагольной структуры, представлены полугласные [*w*], [*j*] и сонанты [*l*], [*r*]: *scramble, split, stream.*

По данному критерию фонема [*s*] как синтагматически наиболее противопоставленная гласному является в английском языке наиболее четко отмеченной своей консонантной природой (ср. начальную шипящую [ʃ] в немецком языке).

Особого осмысления требуют нейтральные, нулевые корреляционные показатели как при интегральном, так и при дифференциальном корреляционном исчислении. Обычно они трактуются как статистически незначимые данные, которые служат лишь нейтральным фоном для выделения релевантных положительных и отрицательных корреляций и представляют своего рода побочные «отходы» корреляционного исчисле-

ния, лишенные собственной эвристической значимости. Между тем, по нашим представлениям, эти нейтральные показатели могут в определенном смысле быть уподоблены понятиям «темной материи» и «темной энергии» в современной физике как источники «скрытой» информации о рассматриваемых системах, выходящей за рамки эксплицитно сформулированных (на данном этапе исследования) теорий.

Согласно этим предварительным соображениям, нейтральные корреляционные показатели служат проявлением неполной внутренней детерминированности соответствующих кластеров, то есть их относительной неоднозначности. В терминах концепции «психологизма», составляющей маркированный семантический признак консеквентного кластера исходного противостояния, это значение перекликается с широко понимаемым в его переносном метафорическом смысле философским понятием «свободы» в его двух негативных интерпретациях: «свободы» как отсутствия необходимости реализации определенного действия или состояния (при нулевых показателях интегрального исчисления) или «свободы» как отсутствия факторов, препятствующих реализации состояний, имманентно присущих элементам данной системы (при нулевых показателях дифференциального исчисления). Таким образом, семантическая система, выявленная через корреляционный анализ глагольных признаков в английском языке, несет в своей структуре возможности экстраполяции на сферу психологических и социальных отношений между людьми.

Степень внутренней недетерминированности кластеров глагольных признаков, или относительной «внутренней свободы» в указанном метафорическом смысле данного термина, определяется количеством нулевых показателей в их составе.

ИК1: 42 нулевых показателя (21,43% общего количества корреляций). Из всех элементов данного кластера наибольшая доля нулевых показателей (64,29%) наблюдается у признака Плж (Положение), играющего в силу этого значительную роль в системном становлении разрабатываемой теории (см. дальше).

ИК2: 56 нулевых показателей (33,14% общего количества корреляций). Наивысшей степенью внутрикластерной недетерминированности характеризуется +Ц (интенциональность), служащая основным «связующим» признаком ИК2 и ИК3 и одновременно диагностичным дифференциальным признаком всего консеквентного макрокластера ИК2а.

ИК3: 33 нулевых показателя (51,56% общего количества корреляций). Два элемента данного кластера имеют наивысшую процентную долю нулевых показателей – +Ц (связующий признак с ИК2) и Кз (каузативная глагольная структура).

Процентные доли нулевых корреляционных показателей трех интегральных кластеров, отображающие степени их «внутренней недетерми-

нированности», представлены в следующей нисходящей последовательности: 1) ИК3: 51,56%, 2) ИК2: 33,14%, 3) ИК 1: 21,43%. Из конкретных индивидуальных признаков наивысшей долей нулевых показателей в составе их корреляционной парадигмы выделяются Положение (ИК1), +Ц (ИК2), +Ц и Кз (ИК3).

Особый интерес для настоящего исследования представляют нулевые показатели формальных (фонетических и морфологических) признаков, играющих определяющую роль в нейтрализации корреляционно зависимых от них признаков в дифференциальном исчислении. Таким образом, исходное корреляционное противостояние первого уровня бинарной схемы 1 получает еще одно уточнение: помимо того, что определяющую роль в его многоуровневой структуре играют привативные оппозиции –Ц/+Ц и Нчл/Члн, основное ограничительное влияние на реализацию признаков противоположного кластера оказывают приведенные формальные признаки ИК1 и ИК2а.

Мы здесь имеем дело с гегелевским «двойным отрицанием» («отрицанием отрицания»), означающим устранение противительного фактора, препятствующего реализации определенного признака, то есть обеспечивающего «свободное» проявление интегрально присущих ему свойств и особенностей. По данному критерию формальные признаки ИК1 своими нулевыми показателями в дифференциальном плане выделяют два семантических признака ИК2а: +Ц и Кз. Как было показано выше, +Ц (интенциональность, целенаправленность глагольного действия) составляет семантический диагностический признак всего макрокластера ИК2а в целом, являющийся маркированным элементом его привативной оппозиции с ИК1. Второй признак – Кз, каузативная структура глагольного значения, значимость которого в английской глагольной системе подчеркивается выделением его в дифференциально-корреляционном плане нулевыми показателями формальных признаков ИК1, является одним из основных семантических признаков в составе ИК3. Таким образом, дифференциальные корреляционные формальные признаки ИК1, оказывающие основное противительное действие на реализацию признаков противопоставленного макрокластера ИК2а, на уровне своих нулевых показателей выделяют позитивно-маркирующую значимость двух семантических признаков последнего, +Ц и Кз. Показательно, что именно эти два признака выделяются по двум самостоятельным, независимым друг от друга критериям в качестве наиболее значимых в консеквентном макрокластере исследуемой системы.

Аналогичным образом формальные признаки ИК2а на уровне своих нулевых показателей в строках таблицы выделяют позитивную роль в составе ИК1 признака Плж, также отмеченного выше по максимальной представленности в его корреляционной парадигме нулевых показателей. Эвристическая роль данного признака в становлении рассматриваемой

системы требует некоторого дополнительного комментария. Признак «Положение» (to place, to keep) обозначает «изменение местонахождения объекта в результате его передвижения»: *a ship harbours* – ‘корабль входит в гавань’. Все семантические компоненты данного комплексного значения («местонахождение», «перемещение») могут быть подведены под общее понятие «энергетических» значений, которое определяется отсутствием каких-либо коннотаций информационных смыслов, связанных с теми или иными аспектами человеческой психики, то есть лишено каких-либо оттенков «психологизма», составляющего дифференциальный признак ИК2а. Эксплицитное определение «энергетического» семантического класса глагольных значений, лежащего в основе ИК1, было сформулировано лишь в 1988 году и не успело быть заявленным в числе базовых глагольных признаков в итоговой монографии [4], служащей эмпирическим основанием настоящей статьи, и в [2], хотя (как было показано выше) реально лежало в основе семантической привативной оппозиции между ИК1 и ИК2а в качестве ее слабого, немаркированного члена. Таким образом, выделение этого потенциально имплицированного на том этапе исследования семантического основания ИК1 может рассматриваться как проявление *опережающей* потенциальной импликации в проводимом системно-ориентированном исследовании его последующих системных звеньев, ждущих своего эксплицитного терминологического оформления на одном из последующих его этапов. Согласно данной концепции, системно-мотивированное исследование способно в силу ортогенетической направленности уже на одном из своих прелиминарно пропедевтических этапов предвосхищать некоторые общие контуры становящейся конечной теории.

***

Итак, в итоге проведенного дифференциального корреляционного анализа глагольных признаков английского языка, комплементарного к интегральному анализу, представленному в [2], были получены следующие результаты.

Основным итогом исследования явилось установление бинарной двухуровневой классификационной системы английских глагольных признаков, определяемой конъюнкцией двух привативных оппозиций, интенциональность – неинтенциональность глагольного действия в семантическом плане и членимость – нечленимость глагольной основы в формальном. Вдвойне маркированный макрокластер ИК2а, именуемый консеквентом данной оппозиции, противостоит немаркированному кластеру ИК1, именуемому ее антецедентом. Наложение друг на друга результатов интегрального и дифференциального подходов определило два необходимых условия надежности полученной классификационной схемы: отсутствие отрицательных противопоставлений между элементами одного и того же таксономического комплекса и отсутствие положительных связей между самими таксонами.

На втором иерархическом уровне бинарной схемы маркированный макрокластер ИК2а состоит из двух ординарных кластеров, ИК2 и ИК3, элементы которых не имеют ни единой отрицательной связи между собой, то есть совместно образуют цельный интегральный макрокластер. Таким образом, базовая двухуровневая классификация характеризуется различной структурой на двух своих уровнях, образуя четкую оппозиция на первом уровне и интегральный макрокластер на втором.

Дифференциальное исчисление характеризуется более упорядоченным распределением глагольных признаков по их типовым функциям, чем интегральное, и поэтому играет более существенную системообразующую роль. Это относится в первую очередь к формальным (фонетическим и морфологическим) признакам.

Последние играют основную дифференциальную роль в английской глагольной системе, то есть оказывают наиболее сильное нейтрализующее влияние на корреляционно сопряженные с ними признаки противоположного кластера. Особый интерес представляют нулевые показатели формальных признаков, снимающие это их противительное влияние, то есть обусловливающие беспрепятственное проявление зависимых от них глагольных признаков. По данному критерию формальные признаки антецедентного ИК1, подчеркивающие *простоту* глагольной основы (1сл, 1уд, Нчл), выделяют в консеквентном ИК2а признаки +Ц и Кз. С другой стороны, нулевые показатели ИК2а, подчеркивающие *сложность* глагольной основы (2уд, 4сл, Члн), выделяют в составе ИК1 признак Плж.

В рассматриваемой глагольной системе статистически нерелевантные нулевые показатели отображают степень внутренней недетерминированности соответствующих комплексов, то есть степень метафорически понимаемой «свободы» их элементов. Показательно, что вышеприведенные признаки (+Ц, КЗ, Плж), выделяемые при нулевых показателях формальных признаков, в свою очередь, имеют максимальное количество нулевых показателей в соответствующих кластерах, то есть характеризуются максимальной свободой и полнотой реализации имманентно присущих им качеств и особенностей. ‘*Like begets like*’ *(Подобное порождает подобное)*. Эти выделяемые признаки обладают двойной необусловленностью: в плане как мотивирующих их системных воздействий, так и своих собственных корреляционных влияний на другие элементы системы, они составляют лакуну внутренней недетерминированности, хайдеггеровский «просвет», свободное пространство для появления качественно новых признаков, служащих предпосылкой эндогенного саморазвития системы.

Выявленная совокупность значимых и нейтрально-нулевых корреляций в силу своей системности характеризуется эндогенной ортогенетической последовательностью саморазвития, проявляемой в опережающем имплицировании на ранних этапах исследования некоторых конечных аспектов

разрабатываемой теории. Так, семантическая структура признака «Положение» («изменение местонахождения предмета в результате его перемещения») в свернутом виде несет в себе представление о каузации неинтенциональным передвижением материального объекта в пространстве определенных изменений в обозначаемой ситуации, то есть о комплексном понятии, предвосхищающем значение «энергетического процесса», лишенного каких-либо связей со значением «психологизма» и сферой человеческой психики. Данное значение было в дальнейшем эксплицитно оформлено терминологически в качестве диагностического признака антецедентного кластера ИК1, служащего немаркированным основанием его привативной семантической оппозиции с ИК2а.

Выявляя статистически значимые соотношения между глагольными признаками, интегральный и дифференциальный методы корреляционного анализа выполняют функции, аналогичные роли интегрального и дифференциального исчисления в теоретической физике, устанавливая релевантные связи и противопоставления между исследуемыми явлениями. Значимость корреляционного анализа в лингвистических и гуманитарных исследованиях в целом определяется меньшей представленностью в них экспериментального метода, в частности «критического эксперимента» (*experimentum crucis*), служащего в естественных науках основным критерием выделения научно значимых соотношений между исследуемыми явлениями из числа незначимых. Корреляционный анализ способствует достижению этой цели в гуманитарных исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. О некоторых закономерностях дистрибуции предвокальных фонем в разноструктурных языках / Г.Г. Сильницкий [и др.] // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 4(12). С. 262–270.

2. Сильницкий Г.Г. Интегральная кластеризация разноуровневых глагольных признаков в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 1(29). С. 102–115.

3. Сильницкий Г.Г. О некоторых статистических закономерностях распределения фонем в различных типах слогов в английском языке // Романо-германская филология. Смоленск, 1973. С. 48–50.

4. Сильницкий Г.Г. Семантические классы «энергетических» и «информационных» классов глаголов и их формальные характеристики. Тарту: Университет, 1988.

5. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке / Г.Г. Сильницкий [и др.]. Минск: Навука і тэхніка, 1990. 182 с.

G.G. Silnitsky
Differential Correlation Analysis of Multilevel Verbal Features in English

Key words: *differential correlation analysis; motivating – restrictive functions; formal (phonetic – morphological) – semantic features; neutral indices; the dominants – subordinates of correlations.*

Differential clusterisation, in complementary distinction to integral clusterisation, is based upon negative and statistically neutral correlations between verbal features, thus highlighting the role of oppositions in the correlation structure of the verbal system in English. The main differentiating function, restricting the realisation of their correlation subordinates, is performed by formal (phonetic and morphological) features. Of special interest are the zero indices of these features, manifesting the neutralization of their restrictive function and the ensuing «freedom» (in the metaphorical meaning of the term) of their correlation subordinates in the display of their immanent linguistic content. It is to be noted that these features, singled out on the basis of their neutralized dominants, are in their turn characterised by the largest number of neutral indices in their corresponding clusters. Thus like begets like. Taken together, the two sets of unconditioned features constitute the relatively undetermined interspace, «free» and uninhibited in the origin of new features as sources of endogenic selfdevelopment of the verbal system.

И.Н. Кучер
Смоленский государственный университет

УДК 811.111

Индивидуально-авторский концепт «love» как элемент идиостиля А. Теннисона

Ключевые слова: *художественный концепт; индивидуальный стиль; метафорическое отождествление; абстрактность; оценочные коннотации; лингвокогнитивный анализ.*

В статье рассматриваются механизмы метафоризации индивидуально-авторского концепта «love» в контексте структурной и когнитивной лингвистики. В этой связи дается количественная оценка концептуальной сочетаемости элементов антропоморфной метафоры автора и описание особенностей лингвистической репрезентации образующих ее концептов на материале элегической поэзии Альфреда Теннисона. Автор устанавливает универсальные тенденции и индивидуальные особенности актуализации концепта в поэтическом тексте.

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики обусловило особый интерес к изучению концептуальной структуры художественного текста. С точки зрения лингвокогнитивного подхода концепт понимается как информационная структура, выраженная в языке произведения. При этом художественный концепт рассматривается как актуализированная в соответствии с авторским замыслом единица концептосферы текста и тракту-

ется как сложное ментальное образование, «как уникальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [11, с. 41–42].

Феномен концепта тесно связан с такими проблемами, как картина мира, языковая личность, индивидуальный стиль. Концепт выступает в качестве репрезентанта языковой личности, с одной стороны, демонстрируя единство представлений в социуме, с другой – в индивидуальной реализации и через индивидуальный стиль выявляя различие представлений, связанное с личностным опытом.

Функциональная особенность художественного концепта состоит в том, что он содержит в себе универсальный опыт литературной личности, ее мировоззрение, систему ценностей и способствует формированию новых художественных смыслов. В тексте художественный концепт выполняет заместительную функцию и обладает следующими свойствами: неподчиненность законам логики, отсутствие жесткой связи с реальной действительностью, динамическая направленность к потенциальному образу, образность, эстетизм, индивидуальность. Рассматривая онтологическую сущность концептуальной структуры художественного текста, Н.С. Болотова отмечает, что «концептуальную структуру художественного текста можно представить как осуществляемый в сознании читателя процесс формирования и взаимодействия художественных концептов разных типов, стимулированный ассоциативно-смысловым развертыванием текста на основе лексической структуры» [4, с. 309].

В поэтическом тексте происходит эмоционально-образная трансформация общенародного языка, приводящая к формированию текстуальной семантической нормы, то есть к реализации системного значения языковых единиц, ориентированной на контекстуальные значения других компонентов поэтического текста (см.: [16]).

В нашем исследовании используется методика анализа метафоры, разработанная в когнитивной лингвистике [8; 10; 12] и апробированная на материале стихотворных текстов [1; 2; 6; 7; 13]. Эта методика позволяет дать количественную оценку концептуальной сочетаемости компонентов метафорической модели автора и описать особенности лингвистической репрезентации образующих ее концептов.

Настоящее исследование ставит целью выявить индивидуально-авторские характеристики концепта «love» на материале элегической поэмы *In Memoriam A.H.H.* английского поэта Альфреда Теннисона (1809–1892) [15]. В рамках общего подхода к описанию речевых и языковых единиц художественного поэтического текста нами привлекались следующие признаки вербализации концепта-источника «love» в структуре метафоры:

– представленность концепта в обеих частях двухкомпонентной метафорической модели (концепт-цель и концепт-источник);

– номинативное поле концепта с указанием части речи репрезентанта;

– выявление наиболее частотных репрезентантов;

– определение наиболее частотных метафорических моделей;

– выявление взаимосвязей между концептами на различных уровнях анализа (морфологическом, семантическом и когнитивном) [12, с. 45].

Поэма *In Memoriam A.H.H.* рассматривается как главное произведение в зрелом творчестве Теннисона, так как в ней отражены основные философские и психологические наблюдения поэта, его глубокие переживания в связи со смертью горячо любимого друга Артура Хэлама. В ней наиболее полно отражена образная картина мира, явившаяся итогом семнадцатилетнего периода работы над элегиями. Важно подчеркнуть, что поэма была признана как гениальное произведение широким кругом читателей, что, в частности, выразилось в присуждении Теннисону почетного звания поэта-лауреата. Этот факт представляет особую важность для выделения поэмы из ряда произведений автора в плане исследования индивидуальной концептосферы [6, с. 31].

Стоит отметить, что Теннисон не ставил целью создание единого произведения в процессе написания элегий. В большинстве своем стихотворения были написаны до 1842 года. Идея объединения разрозненных стихотворений возникла у поэта в середине 40-х годов, но их было уже так много, что придать хронологическую последовательность и логическую согласованность не представлялось возможным.

Однако мы считаем цикл стихотворений цельным произведением, представленным в жанре элегической поэмы и объединенным «элегическим модусом» (см.: [14]). В основе цикла элегий А. Теннисона лежит принцип «импульсных» поэтических описаний переживаний автора, характеризующих непростой, подчас противоречивый путь душевных исканий любви. При этом яркой чертой идиостиля А. Теннисона является удивительная по глубине и богатству образность концепта «love». В связи с этим другим важным интегральным признаком становится, на наш взгляд, образный концепт «love», репрезентирущий номинативное поле Психическая сфера. Целостность всего текста поэмы, таким образом, определяется динамикой когнитивной метафоры *Психическая сфера* → *Y* и ее взаимодействием с другими концептами-источниками метафорических моделей.

Стихотворный текст может быть проанализирован на различных уровнях (начиная от фоники и метра и кончая образным строем). На каждом уровне действуют свои автономные законы, а некоторые более общие законы действуют на всех уровнях и связывают их органически воедино [5, с. 14–15].

Материалом для исследования выступают 133 стихотворных текста с общим количеством строк 2892. Количество метафорических моделей с концептом «love» в функции источника – 14, они реализованы в 77 элементарных образах, выявленных в результате сплошной выборки из стихотворных текстов.

В нашем исследовании для описания слов, репрезентирующих концепты-источники в метафорических моделях, привлекаются наиболее обобщенные лексико-семантические признаки. В результате выделяются следующие группы существительных: нарицательные, собственные, персонифицированные, одушевленные, неодушевленные, исчисляемые, неисчисляемые, конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные.

Рассмотрим подробнее способы лексической вербализации исследуемого концепта в стихотворных текстах Теннисона. Концепт «love» реализуется в поэме субстантивными (love, O Love, love's, loving, loves, lover, loveliness), глагольными (love, don't love, loves, has / have loved, loved, will love) и адъективными (beloved, much-beloved) словоформами лексемы *love* немногим более 150 раз и относится к числу наиболее частотных наряду с лексемами *death*, *life* и *soul*. Кроме частотного признака обращают на себя внимание случаи нетипичного, с точки зрения грамматической нормы английских существительных, употребления абстрактного имени *love*. Так, в текстах Теннисона маркированное поэтом понятие приобретает характеристики персонификации и плюральности.

Strong Son of God, immortal *Love*, / Whom we, that have not seen *thy face*, / But faith, and faith alone, embrace <…> (Prelude).

Thine are these orbs of light and shade; / *Thou* madest Life in man and brute; / *Thou* madest Death; and lo, *thy* foot / Is on the skull which *thou* hast made (Prelude).

But for one hour, *O Love*, I strive / To keep so sweet a thing alive (35).

Thrice blest whose lives are faithful pryers, / Whose *loves* in higher love endure (32).

Использование существительного *love* в качестве образа сопоставления связано с процессом онимизации и вызвано намерением индивидуализировать и подчеркнуть необыкновенную значимость концепта в идиостиле А. Теннисона. Заглавные буквы, обращения, форма множественного числа, заменяемость личными и притяжательными местоимениями способствуют, с одной стороны, предметному восприятию абстракций, а с другой – усилению экспрессивной оценки обозначаемого концепта «love» в индивидуальной картине мира поэта.

Исследование выявило наиболее распространенные концепты-источники, служащие для поэта средством метафорического переноса абстрактного концепта «love». В поэтических текстах Теннисона на основе лингвокогнитивного анализа выявлено 14 концептов-источников, взаимо-

действующих с концептом цели «love» в результате метафорического отождествления. По объему номинативного поля они выстраиваются в следующую иерархию (от большего к меньшему): Существо (31,4%), Психическая сфера (22,6%), Экзистенция (10,7%), Растения (6,5%), Пространство (6,5%) (земное, воздушное, строения), Информация (5,2%), Свет (4,8%), Орган (4,6%), Предмет (2,4%), Вода (2%), Еда (2%), Стихия (1,3%), Драгоценное (1%), Звук (1%). С помощью данных концептов-источников формируется универсальное ядро концепта «love» в английском языке, которое, в свою очередь, выступает в качестве репрезентанта языковой личности поэта Теннисона, демонстрируя универсальность представлений «викторианской» Англии о любви к женщине, другу, родителям и детям, родине, природе, Богу, знаниям и др.

Психическая сфера → Существо

Love → Lord, King: *Love* is and was my *lord* and *king* <…> (126).

Психическая сфера → Психическая сфера

Love → Passion: My *love* involves the love before; / My *love* is vaster *passion* now (130).

Love → Pain: Nor could I weary, heart or limb, / When mighty *Love* would cleave in twain / The lading of a single *pain* (25).

Психическая сфера → Экзистенция

Love → Life, Death: *Love* madest *Life* in man and brute; / *Love* madest *Death*; and lo, thy foot / Is on the skull which though has tmade (Prelude).

Психическая сфера → Растения, Психическая сфера → Свет

Love → to grow, Love → Beam: And yet we trust it comes with *Love*, / A *beam* in darkness: let it *grow* (Prelude).

Психическая сфера → Пространство

Love → Realm: As parting with a long embrace / She enters other *realms* of *love* (40).

Психическая сфера → Информация

Love → Lies: Or *Love* but play'd with gracious *lies*, / Because he felt so fix'd in truth (125).

Психическая сфера → Орган

Love → Heart: O *heart*, how far it with *love* now (4).

Психическая сфера → Предмет

Love → Lading: Nor could I weary, heart or limb, / When mighty *Love* would cleave in twain / The *lading* of a single pain (25).

Психическая сфера → Вода

Love → to drain: And whether *love* for him *have drain'd* / My capabilities of love <…> (85).

Психическая сфера → Стихия

Love → Warmth: Look also, *Love* a brooding star, / A rosy *warmth* from marge to marge (46).

Психическая сфера → Драгоценное

Love → Worth: And strangely on the silence broke / The silent-speaking words, and strange / Was *love*'s dumb cry defyining change / To test his *worth* <…> (95).

Следует отметить, что в практике исследования выразительных средств поэтического языка некоторых английских и американских авторов отмечалось использование ими подобных метафорических моделей и реализующих их в текстах конкретных когнитивных образов [2; 3; 7; 13]. Результатом работы исследователей стало получение эксплицитных данных о ядре и периферии изучаемой концептосферы поэта, о характере структурно-семантических и когнитивных корреляций между концептами цели и концептами-источниками метафорических моделей.

Привлечение разнофакторных характеристик для исследования концепта «love» на материале стихотворных текстов А. Теннисона позволило нам определить общие закономерности моделирования образного концепта, установить универсальные взаимосвязи между элементами метафорической модели на различных уровнях анализа.

Таким образом, ядро концептосферы, являющейся средством метафоризации исходного концепта «love», составляют два компонента метафорической модели: Существо и Психическая сфера. Они участвуют в создании 54% образов (42 образа из 77). Данное наблюдение позволяет нам сделать вывод о том, что на тематическом уровне наблюдается противопоставление двух тенденций: конкретизации и обобщения. Основной является тенденция конкретизации, которая реализуется путем отождествления абстрактного концепта «love» с объектами и явлениями предметного, наглядно-чувственного мира (Существо, Орган, Растение, Пространство и Предмет):

Love → Friend, **Brother**: Sleep, gentle winds, as he sleeps now, / My friend, the *brother* of my *love*. (9); **Love → Wings**: The *love* that rose on stronger *wings*, / Unpalsied when he met with Death, / Is comrade of the lesser faith <…> (128); **Love → Grain**: «*Love*'s too precious to be lost, / A little *grain* shall not be spilt» (65); **Love → Room**: But thou, that fillest all the *room* / Of all my *love* <…> (112).

Данный вывод соответствует ценному опыту, накопленному в исследованиях абстратных концептов и метафорических моделей [11; 15]. «Функция вербализации непредметного мира присуща метафоре и является важным результатом действия метафоры как языкового средства … и по отношению к отвлеченному обозначаемому метафорическая номинация является основным способом выделения его в отдельный класс и представления в материальной (языковой) форме» [9, с. 15].

Противоположная тенденция является менее выраженной и заключается в отождествлении отвлеченного имени «love» с абстрактными сущностями (Психическая сфера, Экзистенция, Информация, Свет, Звук). В

русле данного направления можно выделить три сферы, в рамках которых происходит метафорическое сближение концепта «love»: зрительная, слуховая и ментальная, отражающие различные способы познания и восприятия феномена любви. С точки зрения коннотативного аспекта концепта «love» вербализация метафорических моделей Психическая сфера → Психическая сфера, Психическая сфера → Свет связана преимущественно с позитивным отношением автора к феномену любви.

Love → Creation: Who trusted God was *love* indeed / And *love Creation*'s final law <…> (56); **Love → Higher love**: Thrice blest whose lives are faithful prayers, / Whose *loves* in *higher love* endure. (32); **Love → Star**: Look also, *Love* a brooding *star*, / A rosy warmth from marge to marge (46).

Напротив, звуковые ассоциации обладают негативной эмоциональной окраской:

Love → Cry: And strangely on the silence broke / The silent-speaking words, and strange / Was *love'*s dumb *cry* defyining change / To test his worth <…> (95).

Широкое номинативное поле концепта Экзистенция в элегиях Теннисона раскрывает всю сложность миропорядка, уникальность бытия человека, жаждущего любви, его способ существования без любимого друга и проецирование себя в будущее, что позволяет разделить репрезентанты экзистенциального концепта на две группы: 1) темпоральная сфера (*time, years, hour, night, past, present*) и 2) бытийная сфера (*life, death, result, deeds*).

Love → Result: Than that the victor *Hours* should scorn / The long *result* of *love*, and boast, / «Behold the man that loved and lost, / But all he was is overworn» (1); At first as *Death*, *Love* had been <…> (35).

Близкая романтической поэзии антитеза «тогда – сейчас» в высшей степени образно представляет концепт «love»: с положительной коннотацией зафиксирована лексика, имеющая признак «прошлое».

Day → Crime: *Day*, mark'd as with some hideous *crime* (52); **Present → Lowness**: And is it that the haze of grief / Makes former gladness loom so great? / The *lowness* of the *present* state, / That sets the past in this relief? (24); **Past → Glory**: Or that the *past* will always win / A *glory* from its being far (24).

В целом исследование показало, что основной моделью метафорического переноса для концепта «love» в лирике Теннисона является антропоморфная модель Психическая сфера → Существо. Анализ лексических репрезентантов концепта Существо позволил описать характеристики, которыми поэт наделяет концепт «love», и отметить почти равное соотношение существительных по признаку конкретности – абстрактности (конкретных существительных – 52,6%, абстрактных – 47,4%). Практически отсутствуют имена действия и веществ. Остальные субстантивные признаки имеют слабую распространенность: имена собственные – 4,03% (*Phosphor, Satyr*), форма множественного числа – 0,86 (*lies, wings*), персонифи-

кация имеет место для 0,62% (*Life, Death*) существительных в функции источника. Имена собирательные составляют 0,26% (*manhood*).

Концепт Существо в значительном количестве представлен одушевленными нарицательными существительными (*lord, king, comrade, friend*).

Love → Brother: Sleep, gentle winds, as he sleeps now, / My friend, the *brother* of my *love* (9); **Love → King**, **Love → Lord**: *Love* is and was my *king* and *lord* (126).

Спецификой актуализации концепта «love» является метафорическое отождествление феномена с библейскими и мифологическими персонажами.

Love → Satyr: At first as Death, *Love* had been, / Or been in narrowest working shut, / Mere fellowship of sluggish moods, / Or in his coarsest *Satyr*-shape / Had bruised the herb and crush'd the grape, / And bask'd and batten'd in the woods (35); **Love → God**: They are but broken lights of Love, / And thou, O Lord, art more than they (Prelude).

Психическая любовная сфера в представлении Теннисона чрезвычайно активна, поэтому в качестве релевантного признака идиостиля автора можно отметить частеречную принадлежность концептов-источников. Индивидуализация концепта «love» в рамках метафорической модели Психическая сфера → Существо в максимальной степени обеспечивается признаковыми метафорами, в состав которых входит глагольная и адъективная лексика. Глагольные концепты-источники имеют высокую распространенность – 31%, прилагательные – 17%. По содержательному признаку лидирующие позиции занимают глаголы движения, глаголы чувственного восприятия и информационные глаголы (*to embrace, to to seem, to make, to bear, to talk*).

Let *Love clasp* Grieg lest both be drown'd, / Let darkness keep her raven gloss) (1); And *Love would answer* with a sigh <…> (35); My *love has talk'd* with rocks and trees) (97); No lapse of moons can canker *Love*, / Whatever fickle tongues may say (26).

Адъективные метафорические модели, как правило, обозначаются концептами, связанными отношениями противоречия в узком смысле, и реализуются в оксюморонах, антитезах, контрасте, парадоксах и т.д. Отношения между элементами модели указываются двойной стрелкой ↔, так как отождествление либо неопределенно, либо реализуется одновременно в обе стороны: the *silent-speaking* words of Love (65), Love seemest *human and divine* (Prelude), *widow'd* love (93); *human-hearted* man I loved (47); *crown'd* love (86); *fruitless* love (43); *echo-like* love (73); *forsake* love (104); *breathing* love (24); *mature* love (81).

Употребление притяжательных и личных местоимений А. Теннисоном также имеет свою особенность: применительно к метафоризируемому концепту «love», как правило, автор использует местоимения, относящиеся

к живым существам, – thy, thine, his, что лишний раз подчеркивает стремление обозначить доминирующую роль Существа как инструмента метафоризации. Похожая тенденция была отмечена В.В. Поповой при выявлении доминантных концептов в ранней лирике Саути [11, с. 49].

Таким образом, проведенное исследование позволило нам представить индивидуально-авторскую метафорическую модель Психическая сфера → Существо на основе комплексного описания ядерного концепта цели «love». Концепт выступает основой поэтического сознания и, объективируясь в тексте, предстает как один из наиболее значимых для осмысления языковой индивидуальности поэта. Именно феномен любви становится в зрелом творчестве Альфреда Теннисона объектом познания окружающего мира, а своеобразие и субъективность авторского представления о нем проявляется в целом ряде авторских антропоморфных моделей метафорического отождествления концепта «love» с реальными и вымышленными персонажами. Множественность метафорических коннотаций в репрезентации концепта обусловлена постоянным присутствием глагольных и адъективных окказиональных метафор, которые выводят концепт «love» за пределы общего когнитивного поля и наполняют его индивидуальным, творческим содержанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.С. Квантитативное описание индивидуально-авторской метафорической системы Г. Лонгфелло // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3(31). С. 201–210.

2. Андреев В.С. Эволюция индивидуального стиля Г.У. Лонгфелло и Э.А. По: образная система и репрезентация пространства: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2011. 124 с.

3. Андреев С.Н. Репрезентация художественного пространства в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: статика – динамика // Когнитивные исследования языка. 2016. Т. 24. С. 79–85.

4. Болотова Н.С. Методика анализа концептуальной структуры художественного текста // Слово – сознание – культура: сб. научных трудов / сост. Л.Г. Золотых. М.: Флинта; Наука, 2006. 378 с.

5. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Российский гос. гуманит. ун-т, 2000. 289 с.

6. Кучер И.Н. Структурно-семантические признаки именных образных моделей в английском языке (на материале образной системы А. Теннисона: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 157 с.

7. Кучер И.Н. Семантические характеристики метафоризации (на материале именных образов идиллий А. Теннисона) // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3(35). С. 129–236.

8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.

9. Опарина Е.О. Концептуальная метафора и ее функции в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 23 с.

10. Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН ИРЯ, 1995. 492 с.

11. Попова В.В. Доминанты концептосферы в ранней лирике Роберта Саути // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 1(37). С. 44–51.

12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. АСТ: Восток-Запад, 2010. 315 с.

13. Тишина А.Е. Особенности поликомпонентных метафорических конструкций в индивидуальном стиле А.Ч. Суинберна // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 3(35). С. 136–144.

14. Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Красноярск, 1987. 246 с.

15. In Memoriam A.H.H. (1850) // Tennyson's Poetry: authoritative texts, contexts, criticism / selected and edited by Robert W. Hill, Jr. 2nd ed. New York, London: W.W. Norton & Company, 1999. P. 203–291.

16. Chandler D. Metaphor and Metonymy. URL: http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem07.html (дата обращения: 09.02.2011).

I.N. Kucher
The Author's Individual Concept of «Love» as an Element of A. Tennyson's Individual Style

Key words: *poetic concept; individual style; metaphoric identification; evaluative connotations; linguo-cognitive analysis.*

The article considers metaphorization mechanisms of individual concept of «Love» in the context of structural and cognitive linguistics. In this connection, quantitative estimation of the conceptual compatibility of the anthropomorphic elements of metaphor is presented, as well as the description of the linguistic representation of the concepts within metaphor on the material of Alfred Tennyson's elegiac poetry. The author reveals the universal trends and individual peculiarities of conceptual actualization in poetic text.

И.В. Тимошенко

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

УДК 811.11

Сравнительный анализ артиклевых форм (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки)

Ключевые слова: *артикль; инвариант артикля; референция существительного; параллельные тексты.*

В статье излагаются результаты контрастивного анализа функционирования артиклей в английском и французском языках на материале параллельных текстов (фрагментов переводов романа М. Булгакова). Описание артиклевой системы исходит из понимания артикля как указателя на тип референции имени.

Несмотря на то, что в разных языках артикли имеют свои особенности, существует возможность выделения инварианта значения артикля и проведения сравнительного описания артиклевых форм. Наиболее наглядно это проявляется при сопоставлении параллельных текстов переводов с третьего языка. Один исходный текст позволяет рассмотреть особенности передачи отношений референции имен в оригинальном высказывании (на безартиклевом языке) при переводе на артиклевый язык в условиях возможности неоднозначного толкования переводчиком оригинального текстового фрагмента.

Изучение параллельных текстов позволяет, во-первых, рассмотреть функционирование артиклей в условиях идентичной языковой ситуации и, во-вторых, исключить негативные проявления человеческого фактора, в том числе явно неверное понимание оригинального текста и типографские ошибки. Это положительно сказывается на репрезентативности выборки, повышая точность результатов исследования, и позволяет выявить особенности восприятия переводчиком как адресантом сообщения выраженной в исходной языковой ситуации (то есть в тексте оригинала) референции существительного или номинативной группы (подробнее см.: [8; 9]). Выбор для анализа переводов с безартиклевого языка позволяет исключить возможное влияние артикля, имеющегося в оригинале, на то, какой артикль используется для обозначения типа референции в тексте перевода.

При продуцировании текста на иностранном языке говорящий чаще всего руководствуется заученными грамматическими правилами, содержащими в себе образцы языковой нормы. Это касается, в том числе, и выбора артиклей для обозначения типа референции и других параметров, варьирующихся в зависимости от особенностей конкретного языка и, в частности, его артиклевой системы. Говорящий на иностранном языке применяет осознанный практический навык, выработанный в ходе многократного использования конструкций, содержащих артикли. Носитель языка не руководствуется специально выученными правилами и причин выбора языковых единиц в норме не осознает. Можно говорить о том, что в данном случае имеет место своеобразный условный рефлекс, который позволяет не затрачивать мыслительные ресурсы на процесс подбора адекватно передающей необходимую информацию конструкции или выражения, как это происходит у человека, для которого язык говорения неродной. У говорящего на родном языке в ходе построения высказывания активизируются подсознательные процессы, которые автоматизируют процесс выбора. Наиболее наглядно, на наш взгляд, это иллюстрирует выбор артикля переводчиком – носителем языка.

Сопоставление функционирования системы артиклей в разных языках неоднократно предпринималось отечественными и зарубежными исследователями. При этом артикль и его свойства получили различное описание. В частности, предлагается рассматривать артикль как компонент

высказывания с позиций теории референции, то есть анализировать функционирование артиклей в тексте.

Так, Харальд Вайнрих считает, что вся «лингвистика неизбежно является текстовой», и показывает на примере анализа артиклей во французском языке, что «функции этого класса морфем могут быть поняты только в перспективе текста» [1, с. 371–372]. Исследователь предлагает «принять принцип нейтрализации, предложенный первыми структуралистами и перенесенный Андре Мартине и другими в морфологию и синтаксис из фонологии» и утверждает, что «приложение понятия нейтрализации к артиклям» возможно при рассмотрении не только «оппозиции женский / мужской род и (по крайней мере частично) единственное / множественное число», но и оппозиции «определенность / неопределенность» [Там же], усматривая в существовании нулевого артикля непосредственное указание на возможность нейтрализации противопоставления определенности и неопределенности. И если рассмотрение явления нейтрализации применительно к родочисленному различению артиклевых форм встречает мало поддержки в теориях других исследователей, то изучение «распределения артиклей в тексте» как важного аспекта «его семиологической структуры» [Там же, с. 371] имеет значительное число сторонников. Лингвисты, придерживающиеся данной точки зрения, считают, что артикли – это сигналы, помогающие слушающему или читающему понять знаки текста и их взаимозависимость (см., напр.: [2; 3; 8; 9]).

В.Г. Гак определяет явление референции как «соотнесение языкового знака с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации» [4, с. 96], а артикль – как указатель на характер референции существительного в каждом отдельном тексте. Он особо отмечает, что «имя или именная группа референтны, если они соответствуют некоторому объекту или группе объектов, выбранных из данного класса объектов и представленных в сознании говорящих; они не референтны, если не соотносятся с каким-либо индивидуализированным объектом, но с классом в целом, либо с признаком этих объектов» [4, с. 96].

В нашем исследовании передача референциального значения имени (именной группы) принимается за основное назначение артикля в речи.

В рамках проводимого нами сопоставительного анализа предпринята попытка построения цельной теории, способной описать особенности функционирования артикля для передачи референции существительного и установить возможные причины возникновения несовпадений между употреблениями артиклей для передачи отношений референции, воспринятых из одной исходной коммуникативной ситуации. Объект, с которым у существительного устанавливаются референциальные отношения, содержится во внеязыковой реальности и воспринимается переводчиком через соответствующее имя и его контекст в тексте на исходном языке.

Ряд выявленных несовпадений в употреблении артиклей связывается нами с несовпадениями в трактовке исходной языковой ситуации. Возможность различной интерпретации исходного текста изучала, в частности, Е.С. Кубрякова, считая главной причиной разночтений проблему образных репрезентаций: «Репрезентация объекта сознанию должна сохранить черты подобия, и в этом смысле она соответствует “миру как он есть”, однако из-за ограниченности такого подобия она оказывается одновременно единицей, обработанной нашим сознанием, и, конечно, разные репрезентации могут различаться существенно по степени их подобия оригиналу» [6, с. 65]. В процессе реального общения различия в образных репрезентациях компенсируются уточнениями, в результате которых говорящие приходят к единому пониманию предмета речи (см.: [5]). Сходных взглядов придерживается Н.А. Беседина, которая в своей работе «Морфологически передаваемые концепты» рассматривает проблему неодинакового восприятия коммуникантами одного и того же объекта реального мира и пишет, что «образные репрезентации субъективны и не носят конвенционального характера. Даже когда для них существует реальный референт, в сознании людей они могут иметь разные репрезентации» [1]. Переводчик в процессе интерпретации фрагментов оригинала, не содержащих однозначных указаний на тип референции, вынужден опираться исключительно на собственное понимание объектов-референтов, что может приводить к появлению несовпадений в употреблении артиклей в идентичных языковых ситуациях.

При рассмотрении функционирования артиклей в тексте мы опирались на описание категории, выражаемой артиклем, предложенное Ф.А. Литвиным и позволяющее избежать бинарной оппозиции «определенность – неопределенность», не предусматривающей наличия в языке более двух форм артикля. Указывая на семантическую неопределенность терминов «определенность» и «неопределенность» и некоторую некорректность применения их к трех- и более компонентной системе артикля, автор предлагает иной подход к описанию артикля, где определенный артикль представлен как «знак того, что множество, именем которого в языке является данное существительное, представлено в ситуации <...> одним или совокупностью из элементов множества, выделенным (-ой) из общего ряда»; неопределенный артикль указывает на то, что «номинат существительного представлен в референте данного речевого высказывания элементом множества как обладающим признаками, дифференциальными для всего множества» [7, с. 91]; нулевой артикль, в свою очередь, используется для обозначения множества «без выделения его элементов» [7, с. 91]. Артиклевые формы в разных языках рассматриваются как носители общего семантического значения, то есть как имеющие «общий семантический инвариант своего лексического значения» [7, с. 91]. В качестве именований инвариантов артикля выбраны нейтральные названия, не имеющие в своем составе компонентов «неопределенный»,

«определенный»: инвариант определенного артикля назван «выделением из класса», неопределенного артикля – «отнесением к классу», а нулевого артикля – «именованием класса» [7, с. 90].

При сопоставлении английского с французским языком обнаруживается, что инвариант сохраняется и добавляются другие параметры и функции. В английском языке артикли кроме обозначения типа референции другой информации об имени не передают, а во французском языке артикль указывает также на число, род и значение параметра дискретности / недискретности именуемого множества. Под дискретным множеством понимается бесконечное счетное множество, под недискретным – бесконечное несчетное. Это приводит к межъязыковым несовпадениям артикля в переводах. Указание на дискретность / недискретность связано с характерными для французского языкового сознания особенностями восприятия мира, однако частичный артикль, передающий соответствующее значение, возможно представить исходя из его номинативных свойств. В таком случае его следует рассматривать как имеющий инвариант со значением «именование класса». Обозначение родочисленных характеристик имени (именной группы) не связано с типом референции и на передачу типа референции артиклем влияния не оказывает. Большинство межъязыковых несовпадений имеют грамматическую природу, в частности, они могут быть обусловлены существованием во французском языке формы неопределенного артикля *des*, употребляющейся с именами в форме множественного числа, и отсутствием аналогичной артиклевой формы в английском языке.

Определение типа референции неразрывно связано с соотнесением объекта с соответствующим ему классом. При отсутствии в исходном тексте конкретного указания на то, в каких отношениях состоит именуемый объект с классом, к которому он принадлежит, возможно возникновение ситуации, в которой один и тот же объект будет идентифицирован как вступающий в разные референциальные отношения с именем. Иными словами, возникнет возможность неоднозначного толкования исходной ситуации, что на текстовом уровне проявляется в несовпадениях в выборе артикля, а на уровне когнитивных процессов – во влиянии субъективного компонента языковой личности на восприятие исходного текста и на референциальный выбор.

Материалом исследования послужили параллельные переводы с русского на английский [12; 13] и французский языки [14; 15] глав I и XXV романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [11]. Нами были проанализированы по два перевода на английский и французский языки, выполненные профессиональными переводчиками – носителями языка перевода. В ходе анализа была сделана выборка имен и именных групп, в которую вошли все существительные и равнозначные им номинативные группы, кроме единиц, имеющих в своем составе детерминанты, отличные

от артикля (дейктические, неопределенные и количественные местоимения). Всего было зафиксировано 4750 существительных и именных групп, которые составляют 1312 тетрады и триады, соответствующие заявленным критериям и подлежащие изучению, из них 1039 полных тетрад и 273 триады (в одном переводе отсутствует материал для анализа). Аналитическая выборка содержит 909 совпадений и 378 несовпадений.

Наличие и значительное преобладание совпадений (около 70% всей выборки) подтверждает выдвинутое предположение о том, что в основе функционирования артикля в сопоставляемых языках лежат сходные принципы, а механизмы функционирования основываются на общем семантическом инварианте артикля, который можно назвать универсальным для рассматриваемых языков.

Все совпадения в употреблении артиклей характеризуются общим параметром, обеспечивающим единогласное предпочтение одного артикля во всех изучаемых переводах, – наличием однозначного указания на тип референции имени в исходном текстовом фрагменте. Под термином «совпадения» нами понимаются такие элементы выборки, в которых во всех четырех переводах переводчики употребили один артикль для обозначения референции имени (именной группы).

Так, например, в текстовом фрагменте:

(1) но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице // but all along the tree-lined path that ran parallel to Malaya Bronnaya Street // but along the entire tree-lined avenue running parallel to Malaya Bronnaya Street // mais tout au long de l'allée parallèle à la rue Malaïa Bronnaïa // mais dans toute l'allée parallèle à la rue Malaïa Bronnaïa –

зафиксировано полное совпадение *аллее // the tree-lined path // the entire tree-lined avenue // l'allée // l'allée*, в котором переводчики употребили один и тот же артикль для передачи воспринятого из оригинала референциального отношения «выделение из класса». Указание на этот тип референции оформлено как лексически (с помощью зависимого прилагательного «всей»), так и синтаксически (через зависимую от имени конструкцию – обособленное определение).

Наличие несовпадений в статистически значимом количестве (более 30% от общего числа элементов анализа), на наш взгляд, говорит о том, что при возможности неоднозначной интерпретации исходного контекста переводчик, который является одновременно и «слушающим» (то есть адресатом исходного текста), и «говорящим» (то есть адресантом текста перевода), опираясь на собственное толкование оригинального текстового фрагмента, предлагает читателю собственное понимание того, на какой тип референции осуществляется указание. Процесс выбора способа выражения референции в соответствии с пониманием и восприятием исходной внеязыковой ситуации у носителя языка перевода автоматизирован и представляет собой психолинг-

вистический рефлекс, относящийся к области подсознательной активности человека. В связи с тем, что непосредственно пронаблюдать течение данного процесса не представляется возможным, исследователь может только рассмотреть видимую в ходе сравнительного анализа деятельность переводчика по использованию средств языка перевода для передачи значений компонентов исходного текста в условиях отсутствия обратной связи с автором оригинала, то есть при переводе письменного текста.

Все выявленные несовпадения были проанализированы и распределены в группы. Дифференцирующими признаками явились «система отсчета» (внутриязыковые и межъязыковые несовпадения) и природа несовпадения (особенности грамматического строя языка, возможность неоднозначной интерпретации референциального значения существительного в исходном текстовом фрагменте). Нами выделены три вида несовпадений артиклей, каждый из которых обусловлен собственными причинами:

1) одиночные внутриязыковые несовпадения (три переводчика употребили один артикль, в четвертом переводе использован иной артикль);

2) парные внутриязыковые несовпадения (внутри каждой моноязыковой пары переводов);

3) парные межъязыковые несовпадения (внутриязыковые совпадения не совпадают друг с другом).

В исследуемых главах переводов зафиксировано 294 межъязыковых и 196 внутриязыковых несовпадений. Из внутриязыковых 88 приходится на английский язык, а 108 – на французский.

Каждый из видов несовпадений может быть вызван одним из трех выявленных факторов, влияющих на возникновение несовпадений.

Первый фактор – разные трактовки одного двойственного основания для постановки артикля. Так, во фрагменте главы XXV:

(2) Над Ершалаимом плыло уже не фиолетовое с белой опушкой покрывало // the violet coverlet with the white trim that had been floating above Yershalaim was gone // No longer did there float above Yershalaim a violet coverlet with white trimming // Au-dessus de Jérusalem, ce n'était plus un linceul violet frangé de blanc qui s'étendait // Ce n'était plus un linceul violet frangé de blanc qui recouvrait le ciel de Ierchalaïm – основанием для возникновения расхождения в интерпретации исходного типа референции является наличие ограничивающего определения. Это определение может быть понято как указание на референциальный тип «отнесение к классу» без наделения именуемого объекта признаками, отличающими его от других элементов множества, к которому объект относится. Такая интерпретация является основанием для предпочтения неопределенного артикля, как это сделали один переводчик на английский язык и оба переводчика на французский. В то же время лимитирующее определение может быть понято как указание на индивидуализирующий признак, обособляющий объект от других ком-

понентов класса. Такой трактовке соответствует тип референции «выделение из класса», обозначенный во втором переводе на французский язык при помощи определенного артикля.

В ходе исследования нами было установлено, что возможность двойственной интерпретации основания для постановки артикля, содержащаяся в оригинальном тексте, может влиять и на указание типа референции имен с абстрактным, вещественным значением, как, например, в этом фрагменте главы I:

(3) Обнаруживая солидную эрудицию, Михаил Александрович сообщил поэту // With a display of solid erudition, Mikhail Alexandrovich also informed the poet // Displaying sound erudition, Mikhail Alexandrovich also informed the poet // Montrant la profondeur et la solidité de ses connaissances, Mikhaïl Alexandrovitch révéla même au poète // Faisant montre d'une solide érudition, Mikhaïl Alexandrovitch apprit aussi au poète, –

где зафиксировано несовпадение в передаче типа референции имени *эрудицию // erudition // erudition // la profondeur et la solidité de ses connaissances // une solide érudition.* В одном из переводов на французский язык переводчик использовал развернутую описательную конструкцию для передачи исходного значения имени и определил тип референции как «выделение из класса», что передано при помощи определенного артикля. Во втором переводе на французский язык для обозначения характера референциальных отношений переводчик употребил неопределенный артикль со значением инварианта «отнесение к классу». В переводах на английский язык переводчики предпочли в качестве способа указания на тип референции нулевой артикль со значением «именование класса».

Вторым фактором, определяющим выбор переводчиком того или иного артикля, является предпочтение различных одновременно присутствующих в тексте оригинала указаний на тип референции. При восприятии сразу нескольких маркеров референциального статуса имени происходит референциальный конфликт: говорящий получает разную информацию о типе референции одного имени. Так, например, в следующем фрагменте главы I:

(4) все, сообщаемое редактором, являлось новостью // everything the editor said was a novelty // everything being imparted by the editor was news // tout cela était nouveau // tout ce que racontait le rédacteur en chef était chose neuve –

одиночное внутриязыковое несовпадение вызвано возможностью рассмотрения исходного имени «новость» как имеющего тип референции «именование класса», то есть соотносящегося с множеством, в котором невозможно выделить отдельные элементы, и как имеющего референциальное значение вида «отнесение к классу» и соотносящееся с одним из объектов,

входящим в класс однородных элементов и не наделенным индивидуализирующими признаками.

В еще одном контексте, содержащемся в главе I:

(5) Отношения таким образом были восстановлены // Thus relations between them were restored // Relations thus restored // Les relations ainsi renouées, // Les relations ayant été ainsi rétablies, –

зафиксировано несовпадение межъязыкового типа, которое имеет неграмматическую природу. Рассмотрим исходный текстовый фрагмент для установления причины несовпадения. Имя «отношения» не имеет при себе никаких очевидно индивидуализирующих параметров и именует объект, ранее читателю не известный. При этом оно стоит в тематической позиции (то есть предварительно выделено при помощи синтаксических средств), а контекст ситуации позволяет читателю логическим путем установить, о каких отношениях идет речь в этом текстовом фрагменте. То есть в одном контексте одновременно существуют указания на разные типы референции, и переводчик может выбрать любое из указаний, исходя из собственного видения ситуации.

В ходе аналитической работы над материалом исследования нами было установлено, что степень влияния рассматриваемого фактора на способ перевода текстового фрагмента, содержащего имя или именную группу, зависит от статуса референта, имеющегося на момент получения информации о номинанте и референциальном компоненте его значения, в когнитивной системе адресата. Под когнитивной системой при этом понимается «система познания человека, сложившаяся в его сознании в результате становления его характера, воспитания, обучения, наблюдения и размышления об окружающем мире» [10] в совокупности со знаниями о реальности художественного текста, полученными адресатом, в роли которого выступает переводчик, из этого произведения. Так, в примере *(6)*:

(6) Ливень хлынул неожиданно // the downpour broke out unexpectedly // Torrential rain gushed unexpectedly // Soudain, la pluie jaillit, torrentielle // Une pluie torrentielle se déclencha inopinément, –

где зафиксировано внутриязыковое несовпадение (в переводах на английский язык) *ливень // the downpour // torrential rain // la pluie // une pluie*, в более широком контексте имеется описание урагана, черных туч, грома и молний, предваряющее введение в повествование объекта *ливень*. Это дает читателю возможность идентифицировать этот объект как единичный, относящийся к дискретному множеству и имеющий референцию типа «выделение из класса» на основании информации, полученной из текста, и своего личного опыта. Одновременно с этим тип референции имени *ливень* воспринимается как «именование класса», поскольку это существительное может быть понято как именующее недискретное множество, внутри которого невозможно выделить составные элементы.

Еще одной причиной возникновения несовпадений в употреблении артиклей для передачи референциального значения, обозначенного в одном и том же текстовом фрагменте, является рассмотрение языковой ситуации с разных точек зрения и применение различающихся принципов интерпретации оригинального указания на референциальное значение имени.

(7) Гражданин ростом в сажень // The man was seven feet tall // A citizen almost seven feet tall // Ledit citoyen était d'une taille gigantesque – près de sept pieds // Le citoyen mesurait une bonne sajène de haut.

В этом контексте в одном переводе используется конструкция, исключающая артикль, а в имеющейся триаде артиклей зафиксировано внутриязыковое несовпадение. В двух переводах языковая ситуация рассматривается с позиции говорящего, знающего, о каком гражданине идет речь, определяя этот объект как выделенный из класса, что передано при помощи определенного артикля. В одном переводе на английский язык контекст рассматривается с позиции слушателя, не имеющего достаточно информации о том, с каким объектом соотносится имя *гражданин*, и переводчик определяет тип референции как «отнесение к классу», используя неопределенный артикль с соответствующим значением инварианта.

Проведенный сравнительно-логический анализ артиклевых форм позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Основным назначением артикля является указание на тип референции имен и именных групп. Одновременно с этим, в зависимости от особенностей грамматического строя языка, артикль может дополнительно выражать и другие признаки существительного. Несмотря на очевидную связь с существительным и служебную роль в частеречной системе, артикль является отдельной частью речи, которая характеризуется собственными значением, назначением, паттернами функционирования.

2. Каждой конкретной артиклевой форме соответствует один из инвариантов артикля. Инвариант определенного артикля понимается нами как указывающий на подмножество, выделенное из общего множества объектов. Инвариант неопределенного артикля имеет значение указания на объект, принадлежащий к множеству, но не наделенный индивидуализирующими признаками. Инвариант нулевого артикля мы рассматриваем как указатель на соотнесение имени с целым классом объектов без возможности выделения отдельных элементов.

3. Национальная специфика артиклевой системы может влиять на то, как артиклевые формы соотносятся с инвариантами. Так, во французском языке существует частичный артикль со значением указания на недискретную часть множества, который соотносится с инвариантом определенного артикля («выделение из множества»).

4. Язык, как динамическая и развивающаяся система, допускает варьирование нормы в использовании артиклей для указания на референциальное

значение, поэтому в ряде случаев возможно возникновение несовпадений в трактовке исходной языковой ситуации, зафиксированной в тексте оригинала и переданной переводчиком средствами языка перевода. Эти несовпадения обусловлены неоднозначностью указаний на тип референции имени в исходном тексте. Отсутствие однозначного указания может принимать разные формы – как одного указания, которое может быть понято по-разному, так и нескольких одновременно существующих указаний на референциальное значение одного имени. Наличие несовпадений может говорить о том, что в ситуации, когда говорящий не получает из референциального (внеязыкового) контекста достаточных для безальтернативного выбора указаний на характер референции, у него возникает возможность осуществления самостоятельного референциального выбора. Употребление разных артиклей в переводах для передачи типа референции имени, воспринятого из одного исходного текста, является результатом разной интерпретации номинируемой ситуации разными адресантами при отсутствии в исходном тексте четких указаний. Поскольку в качестве исходного языка выступает безартиклевый русский язык, в котором референция является скрытой категорией, существование сразу нескольких маркеров референциального значения для одного имени не противоречит языковой норме. В русском языке референциальное значение передается с помощью разнообразных средств, принимающих указание на тип референции в качестве дополнительного значения. В качестве лексических средств могут выступать местоимения, числительные, указательные частицы, некоторые местоименные наречия, прилагательные и сочетания слов; к грамматическим (синтаксическим) средствам следует отнести порядок слов в высказывании и тематичность-рематичность актантов.

5. При переводе с безартиклевого языка на артиклевый переводчик осуществляет передачу исходного значения скрытой языковой категории средствами явной. Язык, в котором существует такая служебная часть речи, как артикль, является отражением восприятия мира его носителями, которые уделяют значительное внимание соотнесенности единиц речи с внеязыковыми объектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/2028/1/Besedina_koncept.pdf (дата обращения: 23.01.2016).

2. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII / под ред. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 370–386. URL: http://www.rostov-language.ru/help-108.html (дата обращения: 08.01.2016).

3. Веденина Л.Г. Андре Мартине и французская школа функциональной лингвистики // Иностранные языки в школе. 2000. № 3. С. 97–102.

4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.

5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

6. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 22–31. URL: http://feb-web.ru/feb/izvest/1997/03/973-022.htm (дата обращения: 17.01.2016).

7. Литвин Ф.А. Общее и национально-специфическое в семантике артикля в разных языках // Общество & Человек. СПб.: Алеф-пресс, 2014. № 2(8). С. 89–99.

8. Тимошенко И.В. Некоторые вопросы функционирования артиклей в английском языке // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 82–84.

9. Тимошенко И.В. Моделирование процесса выбора артикля (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки) // Scripta manent. Вып. XXI. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 156–165.

10. Шершукова О.В. О характере представления твердых веществ в португальском языке: континуальное VS дискретное // Романские языки и культуры: от античности до современности: сборник материалов VIII международной научной конференции романистов. М.: МГУ, 2016. URL: http://www.philol.msu.ru/science/publications/2016/ (дата обращения: 18.03.2017).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

11. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2001. 448 с.

12. Bulgakov M. The Master and Margarita / translated by Hugh Aplin. London: One World Classics, 2008. 432 p.

13. Bulgakov M. The Master and Margarita / translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. London: Picador, 1997. 384 p.

14. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Texte presenté, traduit et annoté par Françoise Flamant. P.: Éditions Gallimard, 2004. 734 p.

15. Boulgakov M. Le Maître et Marguerite. Traduit du russe par Claude Ligny. P.: Robert Laffont, 2012. 608 p.

I.V. Timoshenko
Comparative Analysis of Article Forms (on the Basis of Translations of Novel «Master and Margarita» by M. Bulgakov into English and French)

Key words: *article; contrastive analysis; invariant article; noun reference.*

The article presents the results of contrastive analysis of articles functioning in English and French on the material of parallel texts (fragments of translations into English and French of a novel by Mikhail Bulgakov). The articles are viewed as markers of the noun reference type.

М.М. Пензина, С.И. Дубинин
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва

УДК 811.112.2

Жанр Radiofeature в современном медиапространстве ФРГ

Ключевые слова: *Feature; документально-художественный радиожанр; радийный медиатекст; радиодискурс ФРГ; немецкий язык.*

В данной статье предпринята попытка выделить жанрообразующие характеристики Radiofeature с учетом происхождения его наименования, особенностей становления и развития этого жанра и его положения относительно других радиоформ. Полученные результаты помогают выработке дефиниции Radiofeature как самостоятельного жанра.

С самого момента зарождения Radiofeature являлся экспериментальным для ФРГ радиожанром, переживавшим непрерывное развитие, а рефлексия над производством таких радиопередач исчерпывалась долгое время немногочисленными статьями и сочинениями самих их авторов. Первые диссертации, посвященные специфике жанра Radiofeature, датируются началом 1980-х годов, и до сих пор их количество остается минимальным (см.: [3; 6; 7; 10]).

Авторы научных исследований и практико-ориентированных статей, посвященных Feature, неизменно говорят о сложности выработки дефиниции этого жанра и выделяют в качестве жанрообразующих характеристик различные категории. Однако, обобщая существующие подходы, можно выделить несколько центральных аксиологических аспектов: анализ этимологии лексемы *feature* и однокоренных лексем, исторический обзор становления жанра, определение места Radiofeature в оппозиции *«Zweckform – Kunstform» («прагматически обусловленная "форма ради формы" – художественная форма»)*, сравнительный анализ Radiofeature с близкими ему радиожанрами, перечисление отдельных признаков, конституирующих Radiofeature. Уделяя внимание каждому из перечисленных подходов, мы попытались выделить сущностные характеристики Feature для последующего их обобщения в дефиниции жанра в контексте современного радиодискурса ФРГ.

Обращаясь к происхождению названия *Feature*, исследователи анализируют как исходные англоязычные лексемы *feature, to feature, featured, featureless* [3; 6; 7]. Таким образом, в поле рассмотрения попадают следующие релевантные для описания своеобразия Radiofeature семантические единицы:

– *feature* (сущ.):

a) make, form, fashion, shape / Aussehen, Form, Gestalt / внешний вид, форма, образ;

б) the elements which constitute the bodily form / Gesichtszug, Körperform / черты лица, форма тела;

в) a distinctive or characteristic part of a thing, some part which arrests the attention by its conspicuousness or prominence / charakteristischer Teil einer Sache / признак, черта, свойство, характеристика;

– *to feature* (гл.):

а) to outline, to picture, to portray / unterstreichen, abbilden, porträtieren / подчеркивать, изображать, обрисовывать, показывать, описывать;

б) to exhibit as a feature / etwas als charakteristisch zeigen / отводить важнейшее место, представлять в главной роли;

– *featured* (прич. I):

а) fashioned, formed, shaped / gestaltet, geformt / оформленный, имеющий определенные черты;

б) furnished with or having features of a certain cast / mit ausgewählten Eigenschaften versehen / обработанный, отделанный, снабженный определенными свойствами;

– *featureless* (прил.): without any prominent mark or point of interest, uninteresting / ohne markante Merkmale, uninteressant, flach / не имеющий выраженных особенностей, невыразительный, безликий [6, S. 46; 7, S. 6–8; 9].

К. Хюльзебус-Вагнер и Ф. Крибус находят в значениях каждой из приведенных лексем возможность соотнесения с сущностными характеристиками Radiofeature. Так, Feature задает предмету своего освещения определенные форму и образ, складывающиеся из отдельных элементов; он способен изображать и посредством субъективного подхода автора выделять важное и стремится при этом к выразительности изображения [6, S. 46; 7, S. 6–8].

Англоязычная исходная лексема *feature* восходит, в частности, к однокоренным лат. *factura, factus, facere – изготовление, обработанный, делать* и др. Эти значения также соотносимы с обозначениями креативных композиционных особенностей Radiofeature – радиопередач, построенных, «сделанных» из разнородных лингвистических и акустических элементов [6, S. 47; 7, S. 6].

Словарь иноязычных слов Duden отсылает к значениям лексемы *feature* непосредственно в контексте СМИ. Словарная статья фиксирует вариативность показателя грамматического рода существительного *das (die) Feature* в немецком литературном языке со значениями: 1. a) Sendung in Form eines aus Reportagen, Kommentaren u. Dialogen zusammengesetzten [Dokumentar]-berichtes; b) zu einem aktuellen Anlass herausgegebener, besonders aufgemachter Text- od. Bildbeitrag. 2. Hauptfilm einer Filmvorstellung [5, S. 246–247].

Этимологический анализ слова *feature* несколько приближает к определению сущности жанра, однако подобная «подстановка» характеристик выглядит искусственной. Не стоит забывать, что перенос термина *fea-*

ture в реалии немецкого радиовещания произошел на основании переноса существовавшей практики производства передач *featured programmes* на британском канале BBC. Деятельность пионеров радиовещания в Великобритании отличалась прогрессивностью рабочего подхода редакторов и авторов, открытостью к техническим и творческим экспериментам. Термин *feature* стал использоваться на BBC с 1939 года для обозначения новых экспериментальных радиопродуктов драматургического отдела BBC *featured programmes* – «особенно выделяемых» передач в рамках рубрики *experimental hour*, приуроченных к важным календарным событиям.

В условиях дальнейшей практики BBC значение термина быстро распространилось для обозначения всех радиопередач экспериментального характера, а форма была сокращена до *feature* [3, S. 9]. Современные теоретики и практики радиопроизводства отмечают, что рефлексия над значением термина не являлась в условиях постоянного развития радио-производства важнейшей задачей – на переднем плане находились эксперимент, новый опыт, поиск специфичной, собственно радиоформы, способной наиболее полно и продуктивно использовать технические возможности радио [7, S. 31]. Кроме того, понятие *feature* долгое время использовалось для обозначения радиопостановки, радиопьесы (англ. *radio drama*), что также не способствовало выработке дефиниции Feature [7, S. 31].

После Второй мировой войны на канале BBC была организована редакция Feature (*feature department*). Ключевой характеристикой ее передач считалась особенная форма: они были призваны привлекательным для слушателя образом освещать определенное событие посредством объединения различных радийных практик [3, S. 10]; центральной содержательной категорией передач являлись информативность и документальность. Таким образом, Feature являлся, прежде всего, величиной формальной (*Zweckform*), а потенциал его художественной выразительности использовался минимально [3, S. 10; 6, S. 53].

В практику послевоенного радиопроизводства ФРГ термин *Feature* вошел после перехода радиовещания NWDR (*Nordwestdeutscher Rundfunk*) под контроль британских оккупационных властей. Британский журналист Х. Грин (1910–1987), уполномоченный руководить редакционной деятельностью канала, познакомил редакторов и авторов с Feature – в той форме, которая была известна ему из практики работы на BBC. Благодаря либеральному стилю руководства, привлечению новых журналистов, писателей в качестве авторов передач, поддержке их прогрессивных идей жанр Feature пережил стремительное развитие.

Возвращаясь к содержанию публицистического понятия *feature*, обратимся к определению А. Андерша (1914–1980), выдающегося автора передач Radiofeature послевоенного времени, радиоредактора, писателя, который характеризовал *feature* как внутрипроизводственный *terminus technicus*, отмечая

необязательность и непродуктивность обращения к этимологии слова [1, S. 95]. Несмотря на то, что иностранное обозначение *feature* не сразу вошло в широкое употребление, ни один из немецкоязычных эквивалентов не смог выдержать конкуренции с емким англоязычным понятием [6, S. 46].

Необходимо подчеркнуть, что выше речь шла о переносе самого обозначения *feature*, тогда как практика производства передач, схожих по жанровому своеобразию с британским Feature, существовала в Германии с середины 1920-х годов. Праформами немецкоязычного Radiofeature считаются Hörbild и Hörfolge. Начало производства радиопередач жанра Hörbild датируется июнем 1924 года. Они представляли собой «собирательное» описание культурной эпохи или ландшафта, реализованное технически с помощью комбинации монологов, диалогов, шумов, музыки, а также пояснительного сопровождения автора-комментатора. Интенцией таких «акустических картинок» являлась передача зрительного образа, впечатления [7, S. 50]. Более сложной композиционной структурой обладала Hörfolge – своеобразный калейдоскоп «акустических картинок». Передача объединяла в композиции ряд Hörbilder, связанных тематически, но не имевших первичной структурной или содержательной взаимозависимости [7, S. 50–51]. Этот композиционный принцип стал в дальнейшем основополагающим для Feature и остается актуальным поныне.

Еще одним различием между Hörbild и Hörfolge являлась роль, отводимая звукам и шумам как структурным элементам: в Hörfolge их использование было более редким и объяснялось интересом авторов к развернутым текстам, призванным создать комплексную содержательную основу передачи [7, S. 51]. Ф. Крибус отмечал, что в практике радиовещания периода Веймарской республики термины, обозначавшие передачи, построенные по принципу, близкому к современному Radiofeature, использовались непоследовательно. Так, Hörbild и Hörfolge не всегда разграничивались при наименовании в редакционной практике между собой, а также от радиопостановки (*Hörspiel*; первоначально: *Sendespiel*), доклада или репортажа [7, S. 58]. Подобно ситуации в Великобритании, в Германии эксперимент и развитие жанра имели приоритетное значение относительно теоретической рефлексии над терминами [7, S. 58].

Следующим шагом в жанровом определении Radiofeature является анализ истории развития жанра, важных жанрообразующих характеристик, устойчивых на том или ином этапе. Так, период 1924–1932 годов считается началом расцвета жанра Feature в Германии. За передачами Radiofeature, точнее сказать его праформами Hörbild и Hörfolge, в эти годы закрепился принцип структурного разнообразия материала [7, S. 50–51]. По сравнению с передачами последующих периодов степень гетерогенности элементов Radiofeature была не столь высока, однако обращение авторов к различным приемам реализации содержания стало обязательным признаком

жанра. Чаще всего оно выражалось на уровне типов текстов, составлявших общее повествование, в их озвучке, а также нередко в привлечении музыкальных и других звуковых эффектов.

Работая с разными композиционными элементами, авторы экспериментальных передач постепенно отказывались от поступательности развития повествования [6, S. 54]. Жанровая форма Feature приобрела статус открытой радиоформы, однако обращение к действительности и документальность оставались обязательными требованиями.

Теоретическое описание первого периода расцвета жанра исчерпывалось статьями самих авторов передач, однако их труды позволяют получить представление о коммуникативной и композиционной направленности передач-предшественников Radiofeature. А. Широкауэр, первым представивший теоретическое осмысление экспериментального жанра, писал о теме как о центре сценария. Раскрытие темы должно происходить в «циклических сценах», то есть сцены должны «выстраиваться, подобно планетам, вокруг центра передачи – ее темы» [6, S. 55]. Исследователи отмечают, что А. Широкауэр опередил свое время, разработав концепцию жанра, к которой приблизятся авторы послевоенных Feature и которая не потеряла актуальности сегодня [6, S. 55].

Второй период расцвета жанра в Германии (имеется в виду ФРГ) приходится на послевоенные годы. В это время укрепился ряд признаков, ставших впоследствии ключевыми для определения жанра. В рамках политики *reeducation* британские оккупационные власти в лице Х. Грина преследовали цель превратить радио в источник правдивой, достоверной информации. Радиовещание ФРГ было призвано работать с актуальными темами современности, предлагать вниманию слушателей проблемный анализ того или иного информационного повода, обнаруживать предпосылки, причины явлений [3, S. 48; 7, S. 74]. Х. Грин, а также первые авторы и редакторы передач А. Эггебрехт (1899–1991) и П. фон Цан (1913–2001) распознали в Feature потенциал отвечавшей этим задачам жанровой формы.

Темами для послевоенных Radiofeature ФРГ становятся актуальные общественные процессы, противоречия и перспективы, а документальная достоверность остается важным жанрообразующим принципом. При этом решающей становится задача подойти к раскрытию проблемы критически, проникнуть в суть вопроса, обнаружив его многоаспектность. Открытый критический подход к информационному поводу стал принципиальным для жанровой концепции Feature и должен рассматриваться в качестве одной из ключевых характеристик для его определения. Т. Ауэр-Крафка сформулировала его как «разрушение аффирмативно-пассивных установок слушателей» [3, S. 21].

Значимый вклад в развитие послевоенного Feature внесли писатели «Группы 47» (нем. *Gruppe 47*), объединения немецкоязычных авторов

ФРГ, стремившихся в своем творчестве осмыслить и преодолеть духовный кризис военного прошлого и послевоенной реальности. Главными посредниками между литераторами и радиожурналистами стали члены «Группы 47» Э. Шнабель (1913–1986) и А. Андерш, успешно работавшие в качестве авторов Feature на NWDR. Они создавали сложные литературные сценарии передач Radiofeature, выработав со временем стиль, отвечавший требованиям текста, предназначенного для восприятия на слух.

Во второй период расцвета Radiofeature впервые возникла дискуссия о художественной ценности жанра [3, S. 49; 6, S. 65–72; 7, S. 77–78]. Начиная с 1950-х годов среди писателей и радиожурналистов ФРГ распространяется скептическое отношение к самостоятельности жанровой формы. Суть их критических аргументов заключалась в отрицании художественных качеств жанра, его категоризации как *Zweckform*, отвечавшей лишь требованиям информативности и дидактичности содержания, в противопоставление *Kunstform* [6, S. 65–72]. Художественную ценность композиционной формы Radiofeature постулировал А. Андерш, которому принадлежит наиболее известное лаконичное определение Radiofeature – «Montagekunst par excellence» [1, S. 96]. Он подчеркивал значимость приема монтажа, объединяющего элементы передач в единое целое, художественность «формирования» единой ткани произведения [6, S. 69], обращая внимание на то, что именно форма становится источником художественного воздействия. Благодаря А. Андершу Feature перестал восприниматься как чисто формальная единица, а стилистика сценариев и язык передач, принадлежавших авторам – членам «Группы 47», явились ярким подтверждением художественной самостоятельности жанра [6, S. 61].

Справедливым решением дискуссии о месте Radiofeature в оппозиции *«Zweckform – Kunstform»* является позиционирование жанра между обоими полюсами. Многие исследователи говорят об открытости, подвижности формы Feature, благодаря которым от передачи к передаче наблюдается тенденция к смещению центра в одну из сторон [2, S. 232–233; 6, S. 61; 10, S. 32, 35]. С. Петчке добавляет, что Feature присуща литературность в той же мере, что и Hörspiel, предлагая для них, однако, собственную признаковую категорию – *Medienliteratur*, то есть произведения, конципируемые с целью трансляции через акустический канал радио [10, S. 32]. Таким образом, категоризация Radiofeature по критерию *«Zweckform / Kunstform»* не может быть абсолютной, а в рамках современного радиодискурса ФРГ следует говорить о Radiofeature как о документально-художественном радиожанре, в котором документальность обеспечивается материалом передачи, а художественность – интенционально субъективным подходом автора к освещению информационного повода, отбором материала, композиционными и языковыми решениями.

В истории становления жанра особенно важен третий период – расцвет Radiofeature, пришедший на смену этапу стагнации (1957–1963), ко-

гда темами передач становились, как правило, будничные вопросы с невысоким проблемным потенциалом. К середине 1960-х годов у радиослушателей ФРГ возникла потребность в просвещении, получении качественной информации из разных сфер жизни: политики, экономики, медицины, образования, спорта, юриспруденции и др. Результатом этого стала переориентация в концепции передач Radiofeature – важнейшая роль отводилась информативности содержания, возросло значение документальности, возникло *Dokumentarfeature* [3, S. 85–88; 6, S. 87–88].

Появившаяся техническая возможность использовать оригинальные записи голосов и атмосферных шумов (нем. *Originalton, O-Ton*) в Radiofeature и изобретение стереофонии позволили жанру наиболее полно и ярко воплотить представление о документальности и аутентичности содержания [3, S. 97–98]. Возникли *O-Ton-Feature*, активно использовавшие оригинальные записи интервью, выступлений, бесед, опросов и другие первично устные источники, а также *akustisches Feature*, уделявшие особенное внимание выразительности и атмосферности звукового оформления материала передачи [3, S. 99–106].

Активное применение новых технологий означало потерю главенства для письменного текста (сценария), так как авторам Feature вскоре удалось раскрыть в оригинальных записях голосов и звуков потенциал функционирования в качестве самостоятельного носителя информации [3, S. 99–106, 107–114]. Использование оригинальных записей позволило авторам наряду с информацией, выражаемой языковыми средствами, транслировать неязыковые эффекты, акустические «впечатления». Развивалось и культивировалось представление о выразительности неязыковой информации, передаваемой Feature аудитивно: атмосферных шумов, музыкальных элементов, качественных различий человеческих голосов, акустических характеристик их носителей.

Спектр функций оригинальных записей распространялся от иллюстрирования того или иного факта или утверждения, представленного в радиотексте, до непосредственной передачи информации, когда при количественном доминировании оригинальных записей над письменным текстом первые способны доминировать и качественно, определяя содержание и форму передачи [3, S. 103]. Впоследствии записанный авторами в ходе передачи оригинальный акустический материал уже традиционно являлся в практике подготовки передачи Radiofeature отправной точкой для создания сценария, первичным по отношению к письменному тексту [11, S. 49; 8, S. 9].

Третьему периоду своего расцвета Radiofeature обязано становлением следующих жанрообразующих принципов: широчайший тематический спектр, приближавший жанр к идеалу «универсальной» радийной формы, к которому стремились пионеры радиопроизводства в Великобритании и Германии; гетерогенность материала по источнику и способу акустической

реализации, по пространственно-временному происхождению элементов и многоуровневая композиционная структура передач. Т. Ауэр-Крафка обозначает эти качества жанра как полиморфизм (нем. *Polymorphie*) и дисконтинуум (нем. *Diskontinuität*) [3, S. 22].

Гетерогенные акустические элементы Radiofeature, объединяемые посредством техники особого монтажа, образуют актуальный медиатекст с собственной коммуникативной направленностью, создают в своем единстве новую медиареальность в рамках радиопередачи. Впервые сущность этого качества Feature была теоретически выражена К. Хюльзебус-Вагнер [6, S. 63]. Впоследствии Ф. Крибус назвал его «собственной медийной продуктивностью жанра» (нем. *Eigenproduktivität*), реализуемой благодаря технике монтажа, в котором априори заложен потенциал к «эстетизации» материала [7, S. 12–13].

Перечисленные признаки, устоявшиеся в представленные периоды развития Feature, явились жанрообразующими и релевантными для определения жанра в его современном формате. С середины 1970-х годов развитие Feature происходит согласно вектору, заданному именно в третий период расцвета жанра. В это время наблюдаются колебания в представлениях о количественной и качественной роли письменного текста относительно оригинальных записей голосов и шумов, послужившие причиной выделения отдельных разновидностей Radiofeature. Наиболее распространенным субжанром в современном радиодискурсе ФРГ является *Große Form* – «большая», открытая форма Radiofeature, допускающая использование в своей комплексной структуре всех семиотических элементов радийного медиатекста – звучащего слова, шумов, музыки – в их многообразии по содержанию, первичной пространственно-временной обусловленности и способу реализации в актуальном медиатексте Feature [11, S. 38–39]. Feature пережил и некоторые важные изменения, связанные с технологическим прогрессом в практике радиопроизводства (дигитализация носителей, появление Интернета и др.), не повлиявшие, однако, кардинально на публицистический профиль жанра.

Описание жанрового своеобразия Feature зачастую было связано также с его отграничением от других радиожанров. Наиболее проблематичным традиционно считалось обособление Radiofeature от радиопостановки (нем. *Hörspiel*) и документальной передачи (нем. *Dokumentation*). Спектр выделяемых исследователями жанроразличительных признаков Radiofeature относительно Hörspiel обширен, однако многие из них имеют очевидную историческую или авторскую обусловленность и не могут быть использованы для дифференциации современных жанров [10]. За годы своего существования Feature и Hörspiel подвергались многочисленным экспериментам технологического и художественного толка, заимствовали друг у друга стилистические и композиционные приемы [2, S. 232; 8, S. 1]. Так, Hörspiel активно обращается к документу, а Feature использует Hör-

spiel в качестве своего композиционного элемента (наряду с другими жанрами, например интервью, новостной сводкой, комментарием). На сегодняшний день ключевое различие между Radiofeature и Hörspiel заключается в том, что содержание материала Radiofeature должно отвечать требованиям актуальности, информативности, достоверности и однозначно указывать на элементы, построенные на художественном вымысле, если таковые имеются [2, S. 233; 7, S. 22; 11, S. 21; 8, S. 1].

Близость Feature с Dokumentation обусловлена исторически и крайне важна для понимания сущности современного Feature. Основным отличием Feature от Dokumentation является отсутствие у второго выраженной субъективной оценки автора [7, S. 15–16]. Это различие закреплено в принятой для медийной системы ФРГ классификации радиожанров, руководствующейся разделением между функциями передачи информации и авторского комментария. А. Бениш предлагает разделение радиожанров на три группы: реферирующие (нем. *referierend*), интерпретирующие (нем. *interpretierend*) и комментирующие (нем. *kommentierend*), относя при этом Radiofeature к интерпретирующим жанрам, а Dokumentation – к реферирующим. Тогда как задачей медиатекстов реферирующего типа является обобщение информации – неких обстоятельств и фактов, а также мнений третьих лиц – и ее «безоценочная» трансляция, тексты интерпретирующего типа, имея в своей основе также фактическую информацию, призваны представить ее согласно субъективному видению автора [4, S. 60]. Таким образом, можно заключить, что грань между Feature и Dokumentation проходит в области интерпретации информационного повода, а интерпретирующий признак может считаться характерным для определения Radiofeature.

Выделенные нами ключевые характеристики радиожанра Feature служат для выработки его более точной дефиниции. Существующие на сегодняшний день исследовательские и практико-ориентированные работы в той или иной степени учитывают многие из перечисленных признаков, однако в единичных случаях они объединены в исчерпывающее определение. Наиболее развернутое определение Radiofeature, отображающее его жанровую многоаспектность, принадлежит Ф. Крибусу, который понимает Feature как радиопередачу, которая в своей композиции «обрабатывает» акустические элементы (слово, шум, музыку), происходящие из различных содержательных и временных контекстов с целью освещения социально значимой темы, и проявляет благодаря радийной реализации элементов способность к собственной медийной продуктивности, создавая, таким образом, новую медийную реальность. Интенция передачи определяется при этом функциональностью акустических элементов [7, S. 213].

Целесообразно также подчеркнуть важный в контексте современного радиодискурса ФРГ принцип открытого критического подхода к информационному поводу, реализуемый автором Feature посредством «сталкивания» в

композиционной структуре передачи элементов, отображающих различные точки зрения на центральную проблему, ее комплексность, различные аспекты ее рассмотрения, а также акустических эффектов, содержащих неязыковую информацию с содержательно-художественной ценностью. Таким образом, учитывая выделенные ранее релевантные характеристики Feature, мы предлагаем следующее определение жанра: Radiofeature представляет собой авторскую документально-художественную радиопередачу интерпретирующего типа со сложной композиционной структурой, которая с целью комплексного воздействия на радиослушателя через аудитивный канал объединяет языковые и неязыковые гетерогенные элементы посредством акустической реализации и монтажа в новую «медийную реальность» и обеспечивает открытый критический подход к значимой проблеме социальной действительности, соотнося разные аспекты и перспективы ее восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andersch A. Versuch über das Feature. Anläßlich einer neuen Arbeit Ernst Schnabels // Rundfunk und Fernsehen. 1953. Jahrgang [1], Heft 1. S. 94–97.

2. Arnold B-P. Feature // ABC des Hörfunks. Reihe praktischer Journalismus; 14, 2., überarb. Aufl., Konstanz: UVK-Medien, 1999. S. 231–236.

3. Auer-Krafka T. Die Entwicklungsgeschichte des westdeutschen Rundfunk-Features von den Anfängen bis zur Gegenwart. Wien: Braumüller, 1980. 154 S.

4. Böhnisch A. Journalistische Darstellungsformen // Overbeck, Peter [Hrsg.]. Radiojournalismus, Handbuch Journalismus. Konstanz: UVK Verl.-Ges., 2009. S. 59–111.

5. Feature // Duden Fremdwörterbuch / Bearb. von W. Müller u. a. Mannheim. Wien, Zürich: Dudenverlag, 1982. S. 246–247.

6. Hülsebus-Wagner Ch. Feature und Radioessay. Hörfunkformen von Autoren der Gruppe 47 und ihres Umkreises. Aachen: CoBRA Medien, 1982. 276 S.

7. Kribus F. Das deutsche Hörfunk-Feature: Geschichte, Inhalt und Sprache einer radiogenen Ausdrucksform. Tübingen: Univ., Diss., 1995. 229 S.

8. Lindemann K. Was ist ein Feature? URL: http://yeya.de/dl/journaltexte/was-ist-feature.pdf (дата обращения: 20.08.2017).

9. Multitran. System for translators. URL: https://www.multitran.ru/c/M.exe?a=1 (дата обращения: 20.08.2017).

10.Petschke S. Die Trennung des Features vom Hörspiel im Zeitraum von 1950 bis 1954 beim NWDR. Berlin: Diss. FU Berlin, 1985. 236 S.

11.Zindel U. [Hrsg.]; Bauernfeind, Wolfgang. Das Radio-Feature: inklusive CD mit Hörbeispielen. Konstanz: UVK Verl.-Ges., 2007. 424 S.

M.M. Penzina, S.I. Dubinin

The Genre of «Radiofeature» in the Modern Media Space of Germany

Key words: *Feature, feature-documentary; radiogenic media text; radio discourse in FRG; German language.*

The article intends to single out the key genre characteristics of Radiofeature in the light of etymology of its name, historical development and its relation to other radio forms. The results serve as the basis for elaborating of the definition of «Radiofeature».

Р.Х. Яфаров
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

УДК 811.112.2

Вариативность терминов в немецкоязычном спортивном дискурсе

Ключевые слова: *терминологические варианты; терминология зимних видов спорта; спортивный дискурс*.

Статья посвящена проблеме терминологической вариативности в немецком языке зимнего спорта. На примере «молодых» терминологий зимних видов спорта рассматриваются орфографическое, морфологическое, категориальное варьирование, амбисемия, эврисемия и концептуальная модификация. Предлагается учитывать в качестве причины вариантности не только языковую, но и дискурсивную обусловленность. Автором делается вывод о явной и неявной терминологической вариантности, непосредственном влиянии дискурса на появление вариантов и необходимости изучать специальную лексику в сфере ее функционирования.

Терминологическая вариативность давно привлекает внимание исследователей. Существующие классификации типов варьирования в терминологиях [1; 5, с. 103–108; 9; 10; 14; 15], дополняя друг друга, все же говорят об отсутствии единого взгляда на сущность данного явления. Кроме того, описание терминологических вариантов, на наш взгляд, в большинстве случаев сводится к констатации их типов и указанию нескольких тривиальных причин возникновения.

Доминирующая в современном терминоведении дескриптивная парадигма позволяет принять терминологический динамизм как неизбежную [12, с. 202] и уникальную данность, отражающую связь терминологий с естественным языком и подтверждающую тезис о том, что для понимания специальной лексики важно то, каковы термины в действительной речевой практике [8, с. 251]. Развиваемое сегодня когнитивно-дискурсивное направление расширяет понимание вариативности и напрямую связывает появление терминологических вариантов с функционированием в дискурсе [10, с. 26].

Статья посвящена дискурсивной вариативности в немецком языке зимнего спорта на примере «молодых» немецкоязычных терминологий керлинга, сноубординга и лыжного фристайла. Под дискурсивной вариативностью мы понимаем совокупность типов терминологического варьирования, проявляющихся в текстах спортивного дискурса и обусловленных не только возможностями языковой системы, но и влиянием процесса дискурсообразования. Дискурсивное варьирование специальной лексики мы подразделяем на орфографическую вариативность, текстовую (или контекстную) вариативность и содержательную модификацию терминов.

Орфографическая вариативность в текстах спортивного дискурса возникает в результате:

а) авторских ошибок, например, неверного написания названий трюков (*Daggy* вместо *Daffy*, *Mude Grab* вместо *Mute Grab*):

(1) *Die Flüge sind spektakulär und bringen neben den traditionellen Figuren des Akro (**Daggy**, Twister, 360, **Mude Grab**, etc.) neue Elemente wie Saltos oder Rückwärtslandungen (Fakie-Landungen)* [26].

Примечательно, что отклонения от нормы (ошибки, оговорки, описки, неточности и др.) в целом характерны для участников немецкоязычного спортивного дискурса (см.: [4]), а ошибки в употреблении терминов, на наш взгляд, свидетельствуют как об определенных когнитивных процессах говорящего или пишущего, так и о молодости задействованной в речи терминологии;

б) использования дефисов и пробелов для удобства и легкости восприятия слова читателем, ср.: *Freestyleski / Freestyle-Ski*, *Halfpipefahrer / Halfpipe-Fahrer* и др.;

в) борьбы противоположных тенденций: интернационализации термина и ассимиляции заимствованного языкового знака; ср. разное написание заимствованного термина *Short-Track*:

(2) ***Short Track**: Salzburgs Damen holten ÖM-Gold* [26];

(3) *Sowohl quantitativ als auch qualitativ sehr gut besetzt war der dritte von vier Bundesliga-Wettbewerben im **Short-Track** im Mannheimer Eissportzentrum Herzogenried* [26];

(4) ***Shorttrack**: Mit einer Medaille musste sich das deutsche Aufgebot bei den Europameisterschaften im lettischen Ventspils begnügen* [26];

г) стремления к краткости:

(5) *Die Ringe, die den Button umgeben, werden gemäß ihrem Durchmesser als Vier-Fuß, Acht-Fuß- und **Zwölf-Fuß-Ring** bezeichnet (1,22 m, 2,44 m und 3,66 m). <…> Ein Stein jedoch, der nicht mindestens den äußeren Rand des **12-Fuß-Rings** berührt, steht außerhalb des Hauses und zählt nicht für die Punktevergabe* [30].

Контекстное варьирование, как показал анализ, воплощается:

а) при сокращении термина (например, *Skilift*) и использовании усеченного знака (например, *Lift*), форма которого совпадает с общеспортивным словом или словом общего языка, однако значение эквивалентно полному слову за счет контекста:

(6) *Fernen muss die Benutzung der **Skilifte** mit Kindern geübt werden; insbesondere das Ein- und Aussteigen aus den **Liften**, aber auch das Verhalten <…>* [19, S. 17];

б) при использовании взаимозаменяющих термина-гипонима и термина-гиперонима:

(7) *In dieser Anlage sollen die Fahrer möglichst viele verschiedene* ***Sprünge*** *zeigen. Unterschieden wird dabei grundsätzlich zwischen «****Standard airs****» und «****Rotations****»* [21, S. 25];

в) при использовании эквивалентного термина или термина-дублета:

(8) *Am Wochenende haben sich 70* ***Rider*** *von 19 Nationen zum Kaunertal Slopestyle OPEN 2016 versammelt, um ein wenig olympische Stimmung auf die neue Pro Line im Snowpark Kaunertal zu bringen! <…> Nach zwei erfolgreichen Wettkampftagen waren sich* ***Fahrer*** *und KTO-Team einig: Der mit dem Snowboardsport traditionell verbundene Kaunertaler Gletscher und das Park-Setup vor Ort ist ein perfekter Standort für sportliche Spitzenbewerbe* [34];

г) при экспликации заимствованного термина:

(9) *Schließlich sollte noch ein kurzer Blick auf das moderne «****Handle****» geworfen werden. Waren die* ***Griffe*** *früher noch aus Eisen, verwendet man heutzutage fast ausschließlich «****Handles****» aus Kunststoff* [20, S. 46];

д) при аббревиации и «раскрытии» аббревиатуры:

(10) *Snowboarden wurde zur olympischen Sportart in Nagano 1998 erklärt, und noch immer ist nicht klar, ob die Lizenzierten des ISF oder jene* ***des Internationalen Ski-Verbandes*** *– oder beide – teilnehmen werden. Die ungeklärte Frage will er jedoch nicht forcieren, «wir warten auf eine Einladung* ***der FIS****»* [26];

е) при употреблении краткой формы термина в определенных типах текста; как выявил анализ, в немецкоязычном спортивном дискурсе существует тенденция к использованию краткой – нередко интернациональной – формы знака (*Snowboard* вместо *Snowboarden*, *Freestyle* вместо *Freestyle-Skiing*) в новостных текстах, сообщающих результаты соревнований (11), в анонсах соревнований и в текстах, где есть перечисление видов спорта (12); в подобных контекстах термин приближается по функции к номенклатурному обозначению.

(11) ***FREESTYLE****: Spektakulärer geht Wintersport kaum. Die Ski-Freestyler zeigten am Wochenende im chinesischen Beida Lake ihr Können. Alexandre Bilodeau aus Kanada (Foto) begeisterte auf der Buckel-Piste wieder mit halsbrecherischen Einlagen* [26];

(12) ***Freestyle*** *Frauen 30. Männer 33*

Snowboard *Frauen 36. Männer 39* [24, S. 3].

Морфолого-синтаксический и *грамматический* типы варьирования являются разновидностями текстового варьирования в том случае, если обусловлены: тема-рематическим развитием и созданием связности текста; акцентированием внимания на признаке обозначаемого понятия (13); стремлением к краткости (ср. (14) и (15)), разнообразию или образности речи (ср. (16) и (17)).

(13) *Den Anfang machten die* ***SnowboarderInnen*** *und* ***FreestylerInnen****, am Sonntag beginnen die Abfahrten der Frauen und Männer* [26].

(14) *Die Piste wurde von Peter Both,* ***Technischer Delegierter der FIS****, freigegeben* [26].

(15) *Hans Grogl, guter Geist der Weltcuprennen, mitunter auch* ***FIS-Delegierter*** *und Club-5-Mitglied, gab sich zuversichtlich* [26].

(16) *In der gewaltigen Bergkulisse Alaskas zeigen die* ***Snowboard-Artisten*** *Travis Rice, John Jackson und Mark Landvik ihre neuesten Tricks* [26].

(17) *Dies ist ein neues, innovatives, spektakuläres Snowboard-Event, organisiert vom wohl besten und momentan bekanntesten* ***Snowboarder*** *der Welt, Travis Rice* [26].

Идея *категориальной вариативности* терминов получила развитие, прежде всего, в работах С.Д. Шелова [14; 15]. Как показывает анализ, данный тип вариативности встречается нечасто и выражается в немецкой терминологии зимнего спорта, например, при характеристике инвентаря (*harte Ski – Härte des Ski*, *starke Taillierung – stark tailliert*); обозначении действий и техник катания (*Verkanten des Boards – verkantetes Board, Verlagerung des Körpergewichts – verlagertes Körpergewicht*); обозначении подготовки мест для катания (*Shapen der Kicker – geshapte Kicker – Shape des Kickers*). Изменение категориального содержания как главный признак подобных вариантов является прямым следствием синтаксического варьирования терминологических словосочетаний, происходящего в речи. Следовательно, мы относим данный вид также к текстовой вариативности.

Важно отметить, что структурное варьирование терминологических единиц нередко влечет за собой семантические изменения [17, с. 66]. Как пишет М.Н. Володина, «термины, обозначающие один и тот же предмет или явление, но образованные с использованием различных признаков номинации», семантически информируют, «какие стороны объективной действительности в них фиксируются» [4, с. 139–140]. Другими словами, даже малейшие модификации в написании термина могут привести к изменению восприятия его значения, прежде всего на ассоциативном уровне (ср.: *Short Track – Short-Track – Shorttrack*, *Carving – Carven*, *Snowboarder – Snowboardfahrer*).

В рамках содержательной модификации термина мы выделяем *амбисемию*, *эврисемию* и *концептуальную модификацию*. Амбисемия – неопределенность, неоднозначность содержания понятия [13, с. 135], как правило, характерна для терминов, именующих абстрактные и новые, неустоявшиеся понятия. Так, термин *Funsport* (рус. *развлекательный спорт* или *развлекательные виды спорта*) в различных лексикографических источниках имеет несовпадающие дефиниции. Основное его значение – «спортивная деятельность, в которой удовольствие и совместные переживания стоят на первом месте» [22, S. 126] (перевод наш. – *Р. Х.*). Однако в определение разными авторами включаются и иные содержательные признаки: *unkonventioneller Sport*

(нетрадиционные виды спорта) [27]; *als Gegenkultur zum herkömmlichen leistungsorientierten Sport entstandener Sporttrend* (антитрадиционные виды спорта), *freizeitsportliche Betätigung* (досуговый спорт), *Naturerlebnis im Vordergrund* (спорт на природе), *im Bereich des Marketing verwendeter Begriff* (маркетинговый характер), *die Zielgruppe sind zumeist Jugendliche oder junge Erwachsene* (молодежный спорт), *Betätigung, die in vielen Trendsportarten ihre Verwirklichung findet* (модные виды спорта) [28]; *Elemente, die beim Funsport gesucht werden, sind: Spaß, Freiheit, Gruppengefühl, Miteinander statt Konkurrenz oder Abenteuer* («несоревновательная или полусоревновательная спортивная деятельность, в которой ищут чувство удовольствия и сопричастности»), *aus Regeländerungen bei vorhandenen Sportarten entstanden* («модификации традиционных видов спорта») [29].

Эврисемия, или «способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов» [13, с. 136], представлена в основном общеспортивными и межотраслевыми терминами, то есть специальными словами и словосочетаниями, которые встречаются в нескольких терминологиях и имеют сигнификативное сходство содержания. К таким терминам относятся, например: *Kapitän*, *Team*, *Ski*, *Eisbahn*, *Strecke*, *Bakken* и др. Примечательно, что бóльшая часть подобных терминов является консубстанциональными или же наиболее понятными неспортсменам и неспециалистам.

Концептуальному варьированию терминов в отечественной лингвистике посвящены работы О.К. Ирисхановой, Ю.Б. Мотро [8] и др. Суть данного явления сводится к идее, что, функционируя в нескольких дискурсах, термин может терять «присущие ему концептуальные свойства», деспециализироваться [11, с. 182] или проявлять разные степени терминологичности. Концептуальное варьирование рассматривается на основе таких явлений, как концептуальный диапазон и активная зона (часть концептуальных признаков, непосредственно активируемых в конкретном контексте). Концептуальный диапазон делится на максимальный (все потенциальное концептуальное содержание термина) и ближайший (стабильное семантическое ядро) [11].

Спортивный дискурс, взаимодействуя с иными типами дискурса [7], образует «субдискурсы» (ср.: [6]), обусловленные проницаемостью и интердискурсивностью сферы спортивной коммуникации (1). Далее мы рассмотрим семантическую модификацию на примере термина *Funcarver*, обнаруженного в печатных текстах, которые можно причислить к массмедийному (новостная статья), дидактическому (статья в спортивном словаре), научно-учебному (спортивный справочник-руководство), рекламному (рекламный текст на специализированном сайте), туристическому (описание горнолыжного курорта), художественному (тексты художественной литературы) и бытовому (спортивный интернет-форум) субдискурсам.

Анализ показал, что термин *Funcarver* (или *Fun-Carver*), обозначающий очень короткие лыжи для карвинга, имеет в текстах учебного [25; 33], учебно-научного [23, S. 45] и научного [18, S. 192] субдискурсов схо-

жие определения: стоящее за ним понятие эксплицируется идентичными или синонимичными лексемами (*kurzer Ski / kurze Skilänge*, *kleiner Radius / enge Radien*, *starke Taillierung / stark tailliert* и др.).

В качестве ядерных признаков понятия в определениях обычно указываются родовые (принадлежность к карвинговым лыжам или предназначение (для карвингового катания)) и видовые (длина, форма, особые возможности при катании, особая группа спортсменов). Концептуальная информация в данных текстах, помещаемая в фокус внимания (активную зону), максимально совпадает с ближайшим диапазоном (понятийным содержанием) данного термина.

Несколько уже ближайшая зона термина *Funcarver* в рекламном субдискурсе. Внимание адресата концентрируется на внешних и ездовых характеристиках конкретной модели и марки лыж:

(18) *In der recht* ***kurzen Länge*** *von 175cm und mit seinem ausgeprägten* ***Rocker*** *ist der Racetiger ein Funcarver, der sehr spielerisch daherkommt und nicht ganz so streng wie manch anderer* ***Riesenslalom-Carver****. Er ist relativ* ***einfach zu handlen****,* ***drehfreudig*** *bei* ***Kurzschwüngen*** *und* ***reaktionsschnell****. Der Racetiger GS UVO kommt mit allen* ***Kurvenradien*** *gut zurecht, seine Stärken liegen aber nicht unbedingt bei den* ***langen Highspeed-Kurven*** [32].

Однако благодаря профилированию других признаков (место катания (*auf weichem Schnee sehr stabil*, *blankes Eis nicht ganz sein Terrain*), тип спортсменов (*sollte von Longturnern <…> ausprobiert werden*, *für eher leichte Typen*), ощущения при катании (*Balance und Spaß <…> bekommen*)) активируется значительная часть максимального диапазона.

В массмедийном субдискурсе (в зависимости от жанра и темы) активная зона может быть узкой или широкой, как правило, при узком ближайшем диапазоне. Так, в примере (19) в фокус внимания попадает лишь один из понятийных признаков (*superkurze*) ближайшего диапазона. С другой стороны, активная зона передает содержание максимального диапазона. Его заполнение происходит благодаря указанию на другие средства и места для катания:

(19) *Klassische Grenzen verwischen mehr und mehr – das ist der* ***Generaltrend*** *auf den* ***Ski-****, pardon* ***Schneesportpisten****: mit* ***Crossski*** *werden* ***Snow-Parks*** *befahren,* ***Boardercrosser*** *verlassen die abgesteckten* ***Obstacle-Rides****,* ***Freestyle-Ski*** *oder* ***superkurze Funcarver*** *tauchen dafür immer mehr in* ***Half-pipes*** *auf, und aus* ***Freeride-Boards*** *werden plötzlich* ***Allmountain-Bretter*** [26].

Похожая ситуация обнаружена в бытовом субдискурсе, представленном, в частности, форумами на спортивных сайтах. В зависимости от темы общения и профессионального статуса участников активная зона и ближайший диапазон будут расширяться или сужаться.

Самая узкая активная зона и наименьший ближайший диапазон с относительно широким максимальным диапазоном выявлены в туристическом и художественном субдискурсах. В тексте туристического сайта [31] из ближайшего концептуального диапазона термина *Funcarver* активируется при-

знак «принадлежность к спортивным снарядам зимнего спорта». Содержание максимального диапазона отражено благодаря подробному описанию места отдыха и катания (*in einer der Skihütten einkehren und regionale Spezialitäten probieren*), указанию на возможность проката инвентаря (*Verleih- und Servicestellen*), имплицитному противопоставлению данных лыж традиционным беговым лыжам (*von der Langlauf-Ausrüstung bis zu Funcarvern*).

Тем не менее массмедийный, рекламный, бытовой и художественный дискурсы характеризуются значительным жанровым разнообразием и коммуникативно-прагматической вариативностью текстов. Семантическая модификация термина зависит от типа рекламы (скрытая, явная, креолизованная), специализации СМИ, авторства и темы художественного произведения, темы сайта и интернет-форума. Более того, в случае с новыми терминами, не зафиксированными в учебном или научном субдискурсе, тексты СМИ и рекламы способны брать на себя роль контекстов с максимальным ближайшим диапазоном.

Таким образом, вариативность спортивных терминов в немецкоязычном печатном дискурсе бывает не только явной (орфографическое или морфологическое варьирование), но и скрытой (амбисемия, эврисемия и концептуальное варьирование). Существование имплицитных разновидностей вариативности указывает на контекстуальную зависимость распознавания и понимания специальной единицы, а также на дискурсивную обусловленность появления самих вариантов. Приведенные примеры также свидетельствуют о смежности причин вариантности, их языковой (системной), текстовой и психолингвистической природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38–49.

2. Белютин Р.В. Внутридискурсивный «импорт» концептов в языке спорта // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 4(16). С. 211–217.

3. Белютин Р.В. «На грани фола» или «в чистом офсайде»: о некоторых отступлениях от нормы в немецком спортивном дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 3(31). С. 166–177.

4. Володина М.Н. Знание сквозь призму терминологической информации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2011. № 3. С. 136–145.

5. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.

6. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 26 с.

7. Зильберт А.Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 103–112.

8. Ирисханова О.К., Мотро Ю.Б. Построение специальных (терминологических) значений в институциальном дискурсе // Вестник МГЛУ. 2010. № 597. С. 45–93.

9. Лейчик В.М. Лексическая вариантность и ее развитие в системе, норме и речи // Вариантность как свойство языковой системы: тезисы докладов. М.: Наука, 1982. Ч. 2. С. 140–141.

10. Мишланова С.Л., Гуреева А.М. Вариативность терминологии международного бакалавриата. Пермь: ПГНИУ, 2011. 158 с.

11. Мотро Ю.Б. Семантическая неопределенность терминов в когнитивно-прагматическом освещении // Вестник МГЛУ. 2009. № 557. С. 182–190.

12. Николаева Н.Н. Вариативность англоязычной научно-технической терминологии как отражение динамики научных знаний (когнитивный подход) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 200–209.

13. Татаринов В.А. Терминологическая лексика русского языка: Эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131–161.

14. Шелов С.Д. Еще раз о вариативности терминов: термины-словосочетания – особый случай? // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам международной научной конференции. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 532–542.

15. Шелов С.Д. О вариативности и синонимии в терминологии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 5. С. 3–17.

16. Шиканова Т.А. К вопросу о необходимости и значимости изучения реальной семантики терминов // Когнитивные исследования языка. Вып. 20: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: сб. науч. трудов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 249–256.

17. Якимова С.А., Сорокина М.В. Функционирование терминологических единиц и их вариантов на уровне предложения // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. Н. Новгород: ННГУ, 1997. С. 63–67.

ИСТОЧНИКИ

18. Engelhardt M., Krüger-Franke M., Pieper H.-G., Siebert C.H. Sportverletzungen – Sportschäden. Stuttgart: Georg Thieme Verlag, 2005. 211 S.

19. Hebbel-Seeger A. Skifahren und Snowboarden mit Kindern. Hamburg: Czwalina, 2005. 119 S.

20. Kapp U. Curling. München: Copress Verlag, 2006. 128 S.

21. Körger H., Scheid A. Snowboard Freestyle // SportPraxis: Die Fachzeitschrift für Sportlehrer, Übungsleiter und Trainer. Wiebelsheim: Limpert Verlag. 2001. № 1. S. 3.

22. Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen / D. Herberg, M. Kinne, D. Steffens. Berlin: de Gruyter, 2004. 393 S.

23. Riedel Ch., Birkel J. Wintersportgeräte: Richtig auswählen, sicher nutzen. Berlin: Beuth Verlag, 2008. 144 S.

24. Simon S. Olympische Winterspiele Sotschi 2014. München: Copress Verlag, 2014. 152 S.

25. Carving-Ski // Wikipedia. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Carving-Ski (дата обращения: 23.05.2017).

26. DeReKo – Deutsches Referenzkorpus. Корпус немецкого языка Института немецкого языка в Мангейме. URL: https://cosmas2.ids-mannheim.de (дата обращения: 23.05.2017).

27. Funsport // Duden.de. URL: http://www.duden.de/rechtschreibung/Funsport (дата обращения: 23.05.2017).

28. Funsport // Enzyklo.de. URL: http://www.enzyklo.de/Begriff/Funsport (дата обращения: 23.05.2017).

29. Funsportarten // Enzyklo.de. URL: http://www.enzyklo.de/Begriff/Funsportarten (дата обращения: 23.05.2017).

30. Kleine Einführung zum Curling. URL: http://www.curling-stgallen.ch/wp-content/uploads/2016/08/Curling_-_Was_ist_das_genau_-_Eine_Einfuehrung1393517516.pdf (дата обращения: 23.03.2017).

31. Skiverleih in Gastein. URL: http://www.skigastein.com/de/skigebiet/infrastruktur/skiverleih (дата обращения: 23.03.2017).

32. SkiInfo. URL: http://www.skiinfo.de/ausruestung/a/2361/racecarving-ski---riesenslalomski-2015/v%C3%B6lkl/racetiger-gs-speedwall (дата обращения: 23.03.2017).

33. Skilexikon. URL: http://skilexikon.info (дата обращения: 23.03.2017).

34. Snowboarder. Monster Backside Magazine. URL: https://snowboardermbm.de/snowboard-events/contests/kaunertal-slopestyle-open-2016-recap.html (дата обращения: 23.03.2017).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отметим, что существует и другое понимание термина «субдискурс». Так, Р.В. Белютин относит к субдискурсам немецкоязычного футбольного дискурса другие виды спорта, откуда происходит активное заимствование лексических единиц и «миграция» вербализуемых ими концептов в язык футбола [2, с. 211–213].

R.Kh. Yafarov
Terminological Variation in German Written Sports Discourse

Key words: *terminological variation; winter sports terms; German sports discourse*.

The article deals with terminological variability in the German winter sports language. The paper considers several types of terminological variants in the German terminologies of curling, snowboarding and free skiing. The author explains the mechanism of orthographic, categorial, semantic variability and conceptual modification of terms within German sports discourse. The article closes with the conclusion that the study of various kinds of variability within the discourse context gives rise to the problem of terms recognition and understanding and can also have a practical implication for analysis and description of terminologies.

П.И. Болдаков
Иркутский национальный исследовательский технический университет

УДК 81'373.217(23)

Лингвистические средства моделирования общественного сознания: к постановке проблемы (на материале статей в журнале Der Spiegel о ситуации в Крыму)

Ключевые слова: *политическая лингвистика; политическое литературоведение; коммуникативные стратегии; суггестия; суггестивный политический дискурс.*

В статье рассматриваются лингвистические средства моделирования общественного сознания в иноязычном публицистическом тексте. Автор делает попытку провести исследование с позиции нового методологического подхода с использованием как лингвистического, так и литературоведческого инструментария.

Актуальная геополитическая ситуация в мире обусловила необходимость осмысления политических процессов, происходящих в мировом пространстве. Осмысление в том числе лингвистическое. В период активизации пропагандистских кампаний возрастает интерес к использованию лингвистических средств, направленных на внушение определенной информации реципиенту. Комментарий в средствах массовой информации происходящих в мире событий носит субъективный характер. Например, в статьях отражается дискуссионная точка зрения автора текста или идеология заказчика статьи. Для того чтобы статья была правильно воспринята, она должна быть правильно написана. При этом решающее значение имеет то, какие средства использует автор материала, чтобы не только донести до читателя фактический материал, но и путем интерпретации событий корректировать у читателя его мировоззренческие убеждения, привить свою идеологию. В этой связи становится актуальным анализ речевых средств и приемов, выполняющих функцию манипулирования социально-политическими установками реципиентов.

Цель данной статьи – выявить коммуникативные стратегии развертывания политического дискурса в публицистическом тексте, используя как лингвистический, так и литературоведческий подходы. Наш исследовательский интерес сосредоточен на анализе лингвистических средств в отдельно взятой статье из объединенных общей политической темой публикаций. В перспективе представляет интерес проанализировать серию текстов с целью увидеть динамическую реализацию идеологической установки в политическом дискурсе, «метаустановку». Объектом исследования послужили статьи, опубликованные в интернет версии журнала «Der Spie-

gel» (Spiegel-Online, ФРГ [5]) и посвященные событиям в Крыму в марте 2014 года (в период с 13 по 20 марта). Предметом анализа стали лингвистические средства с точки зрения использования их для формирования общественного мнения относительно позиции России как субъекта международного права и создания политического имиджа президента РФ. Указанный период был одним из самых насыщенных событиями, поэтому интересным с точки зрения характера публикаций.

Научную новизну работы определяет методологический подход к исследованию политического дискурса в иноязычном публицистическом тексте с использованием как лингвистического, так и литературоведческого инструментария.

Методологический подход обусловил ход исследования. Нам важно проследить хронологию применения лингвистических приемов и средств в процессе развертывания анализируемого политического дискурса.

Некоторые исследователи говорят о становлении политологической филологии – дисциплины, сочетающей в себе политологическую лингвистику и «политологическое литературоведение» (термин Демьянкова). Одной из задач политологической филологии является исследование «соотношения свойств [политического] дискурса с такими концептами, как “власть”, “воздействие” и “авторитет”» [2], при этом фокус исследователя сосредоточен на «языковых особенностях поведения говорящих и интерпретации их речи» [Там же]. Таким образом, текст, содержащий политический дискурс, оперирует понятиями «власть», «авторитет», «воздействие», адресован конкретному реципиенту (целевая аудитория). Часто задача текста сводится к внушению читателю какой-либо точки зрения на происходящий политический процесс. При этом лингвистические средства могут использоваться так, чтобы восприятие информации осуществлялось читателем некритически. Например, в текстах, содержащих коммуникативные стратегии суггестивного политического дискурса, мы можем наблюдать присутствие лингвистических средств, направленных на корректировку социально-политических убеждений реципиента (см., например: [4]).

В современной лингвистике существует множество определений термина «дискурс». Т. ван Дейк понимал его следующим образом: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» (цит. по: [1]). В настоящей работе мы будем придерживаться следующего определения дискурса: «… сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата)» [1]. Исходя из вышеприведенного определения наше исследование политического дискурса будет носить междисциплинарный характер и заключаться в анализе

«формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных (“политических”) ситуациях» (Bell) (цит. по: [2, с. 33]).

Спецификой размещенного в СМИ текста на политическую тему является соединение авторского слова со словом политика, как правило, путем включения в авторский текст прямой или косвенной цитаты. При этом иллокутивная сила слов политика интерпретируется автором статьи. Подобное соединение обусловливает реализацию коммуникативной стратегии, направленной на достижение перлокутивного эффекта.

Рассмотрим пример. В интернет-версии журнала Der Spiegel (SPIEGEL ONLINE, выпуск от 13.04.2014) в статье под названием «Ukraine-Krise: Deutsch-russisches Gipfeltreffen steht auf der Kippe» («Кризис на Украине: германо-российская встреча на высшем уровне под угрозой срыва») речь идет о возможной отмене по инициативе немецкой стороны межправительственных германо-российских консультаций. Уже была назначена дата референдума о статусе полуострова Крым. Политическое руководство США и Германии предпринимало попытки политического давления на Российскую Федерацию с целью отмены референдума или изменения роли РФ в данной ситуации.

Архитектонически статья состоит из названия, лида, трех абзацев. Лид статьи:

«Angela Merkel hat ihren Ton in der Krim-Krise verschärft. Doch bisher blitzt die Kanzlerin bei Wladimir Putin ab, ein Ausweg ist nicht in Sicht. Jetzt steht das für April geplante deutsch-russische Regierungstreffen in Frage» [5].

В содержащихся в лиде тезисах сконцентрированы коммуникативные стратегии, которые далее развернутся в статье. Структура лида такова, что тезисы передают содержание текста ретроспективно. Таким образом, композиционно лид представляет собой зеркальное отражение содержания статьи. Статья начинается словами:

«Die für April in Leipzig geplanten deutsch-russischen Regierungskonsultationen stehen auf der Kippe. Wegen des russischen Vorgehens auf der ukrainischen Halbinsel Krim und der bislang unnachgiebigen Haltung Moskaus erwägt die Bundesregierung offenbar, das 15. Treffen dieser Art abzusagen oder zu verschieben» [Там же].

Интересно, что принцип «зеркального отражения», заданный в лиде, находит свое воплощение в следующих двух предложениях. Трудно сказать, соединены ли предложения намеренно или случайно, но мы констатируем лингвистический факт. Данный компонент текста начинается и завершается синонимами «Die Regierungskonsultationen» и «das 15. Treffen dieser Art». В середине компонента текста, то есть в начале второго предложения, названа причина, на которую указывает союз «wegen». Обратный порядок слов в предложении с дополнением и распространенным определением, стоящими на первом месте и указывающими на причину, создает смысловой эффект, который можно отнести к суггестивным средствам. Если трансформировать

данные предложения в виде «потока сознания», то есть именно так, как они «отражаются» в нашем сознании, то они будут выглядеть следующим образом: «… die für april in leipzig geplanten deutsch-russischen regierungskonsultationen stehen auf der kippe wegen des russischen vorgehens auf der ukrainischen halbinsel krim und der bislang unnachgiebigen haltung moskaus erwägt die bundesregierung offenbar, das 15. treffen dieser art abzusagen oder zu verschieben». В предложении смещаются смысловые акценты: «…Regierungskonsultationen stehen auf der Kippe wegen…» и «… erwägt die Bundesregierung … abzusagen oder zu verschieben», и оно однозначно констатирует причину отмены мероприятия, а также акцентирует политические усилия немецкой стороны.

В тексте поведение Москвы определено как «неуступчивое», «непреклонное», «не отступающее от принятого решения». Слово «unnachgiebig» имеет стилистическую окраску в сравнении с индифферентным синонимом fest – «твердый», «стойкий» (о людях, убеждениях) [3]. Следовательно, данная в начале статьи характеристика России как стороны, действующей на чужой территории в нарушение международного права, создает образ государства как стороны «конфликта», затем с помощью эпитета «unnachgiebig» развивает тему «конфликтности», формируя соответствующий образ РФ как «конфликтной стороны».

Из текста следует, что немецкое правительство вынуждено тщательно взвешивать решение проводить или не проводить встречу. Глагол «erwägen» в синонимическом ряду с индифферентным синонимом überlegen – «обдумывать, думать, размышлять» также имеет стилистическую окраску: «erwägen» *книжн.* «взвешивать, принимать во внимание». Причиной непростого для немецкой стороны решения являются неправовые «действия русских на полуострове», а также с точки зрения Запада нежелание Москвы что-то менять.

Итак, тезис о возможном срыве запланированной германо-российской межправительственной встречи, заявленный в заголовке, развертывается в первом абзаце текста. Акценты расставляются так, что ответственность за возможный срыв мероприятия перекладывается на сторону РФ в связи с ее действиями на полуострове Крым, а также с ее неуступчивостью, конфликтностью. Автор в начале статьи вводит тезис о конфликтности русских, затем развивает его. Именно позиция РФ, по его мнению (Philipp Wittrock), является причиной отмены межправительственной встречи:

«Darauf angesprochen, ob die Konsultationen aus heutiger Sicht vorstellbar seien, sagte Bundeskanzlerin Angela Merkel … in Berlin: „Über die Frage der deutsch-russischen Regierungskonsultationen werden wir zum gegebenen Zeitpunkt informieren. Dazu haben wir jetzt noch keine Entscheidungen getroffen. Wir werden jetzt erst einmal beobachten, wie sich die nächsten Tage entwickeln”» [5].

Следует отметить в прямой речи канцлера использование будущего времени Futurum I, которое имеет легкий модальный оттенок. Кроме этого,

наречие «jetzt» обозначает время действия в настоящем, но встречается в предложениях с прошедшим (Perfekt) и будущим временем (Futurum I). Таким образом, событие как бы останавливается в настоящем времени. Данная суггестивная стратегия моделирования категории времени является одной из стратегий в суггестивном политическом дискурсе. Е.Т. Юданова описывает ее так: «суггестор, фокусируя восприятие реципиента в координатах “здесь-сейчас”, ставит перед собой задачу взять под контроль перцептуальное время суггерендов» [4].

Прямая речь канцлера Германии интерпретируется автором статьи:

«Das ist noch keine Absage – aber eben auch keine Zusage. Hinter den Kulissen wird in der Bundesregierung schon länger darüber nachgedacht, wie man angesichts des Konflikts zwischen der Ukraine und Russland mit dem Termin umgehen soll. …ist es aber schwer vorstellbar, dass die Kanzlerin und ihre Minister sich mit Präsident Wladimir Putin und dem halben russischen Kabinett zusammensetzen, als wäre nichts geschehen» [5].

Внутригосударственная украинская политическая ситуация названа в тексте «конфликтом между Украиной и Россией». Однако в государственных российских СМИ с самого начала развития политического кризиса на Украине указывалось, что РФ не является стороной внутриполитического конфликта на Украине (например, см. об этом материалы РИА Новости). Таким образом, читателя убеждают в том, что возникшая внутриполитическая ситуация на Украине – это международный конфликт, одной из сторон которого является РФ.

В следующем абзаце текста мотив «конфликта» вариативно развертывается в виде другого аргумента в пользу отмены консультаций:

«Schließlich sollen Regierungskonsultationen Ausdruck einer besonders intensiven Zusammenarbeit sein. …auch dienen sie als politische Bühne für Vertragsabschlüsse deutscher Unternehmen. In einer Zeit, in der der Westen versucht, Russland politisch und wirtschaftlich zu isolieren, wären das die falschen Signale» [5].

Метафора «politische Bühne» имеет ключевое значение в приведенном компоненте текста. Межправительственные консультации являются возможностью для заключения политических и экономических договоров. Консультации служат политической ареной для интенсивной совместной работы (Zusammenarbeit) и, следовательно, выражением конструктивной политической воли. Последнее предложение компонента говорит о том, что время сотрудничества закончилось и настало время «конфликта», проявляющегося в консолидированной позиции западных союзников в их намерении политически и экономически сдерживать РФ за счет введения санкций. Из текста следует, что в инициативе отменить межправительственные консультации Германия заинтересована даже больше, так как их проведение будет воспринято Москвой как «неправильный сигнал», то есть фактически будет одобрением Западом ее действий в Крыму:

«Offiziell hält man sich bedeckt, doch schon jetzt heißt es in der Koalition, es könne auf keinen Fall “business as usual“ geben. Ein Gipfeltreffen mit kompletter Ministermannschaft sei schon jetzt nicht mehr vorstellbar» [5].

В предложениях последнего абзаца первого параграфа имеется Konjunktiv для передачи чужой речи. Безусловно, это голос высшего руководства немецкого правительства. При этом выражение на английском языке в немецком контексте делает чужую речь двухголосой. В данном случае слышится голос не только немецкой стороны, но и ее англоговорящих союзников.

Итак, в первом параграфе информация о возможной отмене межправительственных консультаций подана с использованием лексических средств: с помощью стилистически окрашенных слов; грамматических средств: обратный порядок слов, направленный на перлокутивный эффект, модальность, сослагательное наклонение для передачи двухголосой речи, коммуникативной стратегии (моделирование категории времени); стилистических средств: использование метафоры.

Модель ретроспективного освещения событий, заложенная в лиде, композиционно проявляется во втором абзаце, который почти полностью посвящен новейшей истории немецко-российских политических отношений:

«Zuletzt reisten Merkel und ihr Kabinett 2012 nach Moskau. Auch damals war die Stimmung angespannt. Putin war gerade als starker Mann in den Kreml zurückgekehrt, seine Regierung ging mit scharfen Gesetzen gegen politische Gegner und Menschenrechtler vor. Aus Deutschland gab es scharfe Kritik, die russische Seite konterte mit Angriffen auf Merkels damaligen Russland-Beauftragten Andreas Schockenhoff (CDU) und ließ sogar Büros deutscher Stiftungen durchsuchen» [5].

Из представленного компонента текста очевидно, что проблемный контекст исторически расширяется. Напряжение в отношениях возникли не в текущий момент, они копились последние годы. В 2012 году В.В. Путин возвращается в Кремль в качестве избранного президента. В тексте дан эпитет «als starker Mann» и развитие ситуации в виде борьбы «сильного» с помощью правительства (seine Regierung) с политическими оппонентами и правозащитниками. Данный эпитет имеет ключевую позицию в тексте, и далее мы увидим его вариацию.

Ситуация представлена так, что это Россия, ужесточая внутреннюю политику, начинает портить партнерские отношения с Германией тем, что отвечает на критику (слова) с немецкой стороны недружественными действиями. Действия Москвы выражает глагол «vorgehen», который в синонимическом ряду с индифферентным синонимом bekämpfen – «бороться, вести борьбу с чем-л.» означает «принимать меры против чего-л.; (преодолевая сопротивление, трудности) приступить к чему-л.», но имеет стилистическую помету *подчеркивает более решительный характер действия* [3].

Германия выступила с резкой критикой РФ в связи с принятием законов, направленных против политических оппонентов действующих властей.

Ответные действия России выражены глаголом «kontern» в одном из значений, имеющем помету *спорт.* «встречать» (*ударами в боксе*), «парировать» [3].

Последовавшая реакция РФ в виде нападок на доверенное лицо Меркель и обысков в офисах немецких общественных и культурных фондов была воспринята Германией как неадекватная. Произошедшие события повлияли на развитие официальных немецко-российских отношений в сторону охлаждения:

«Schon damals war von einem Tiefpunkt der Beziehungen die Rede - dieses Jahr aber zeigt: Es geht noch tiefer. Doch gerade deshalb, so sehen es manche Außenpolitiker in der Koalition, sollte man an dem Treffen festhalten. … „Deutschland ist mit Abstand Russlands wichtigster Partner in der EU. Diesen Einfluss sollten wir auch bei den Regierungskonsultationen nutzen“. … In Europa und auch den USA wird Merkel eine besondere Rolle auf der Suche nach einem Ausweg aus der Krise zugesprochen. Von den westlichen Staatenlenkern kennt die Kanzlerin Putin am längsten,… . Fünfmal hat Merkel in den vergangenen Tagen mit dem Präsidenten telefoniert, so oft wie kein anderer Regierungschef» [5].

Для Российской Федерации Германия – важнейший экономический партнер в Европейском Союзе. Несмотря на охлаждение политических отношений, экономическое взаимодействие двух стран оставалось продуктивным. Отсюда убежденность немецких политиков в эффективном влиянии экономических кругов Германии на политическую элиту России. Здесь очевидно основание для введения антироссийских экономических санкций как попытка повлиять на выстраивание внешнеполитического курса РФ.

В последнем абзаце второго параграфа использован образ коллективного лидера. Особую миссию в решении возникшего политического конфликта от канцлера Германии ожидали, прежде всего, США, а также в Европе. («Ukraine: USA geben Führungsrolle in Krim-Krise an Merkel ab». Spiegel-online, 12.03.2014). Для описания данной ситуации использован глагол «zusprechen», имеющий в синонимическом ряду с индифферентным синонимом «verleihen» стилистическую окраску с пометой *книжн*., и значение «присудить, решить отдать (высказавшись в пользу кого-л.)» [3]. Немецкий лидер Ангела Меркель делегировалась американскими и ведущими европейскими политиками для проведения переговоров. Таким образом, в сложившейся политической картине мира немецкого канцлера выдвинули в центр как человека особой миссии, способного найти выход из кризиса.

Итак, во втором параграфе мы видим развитие темы отмены межправительственных консультаций с использованием лексических средств (стилистически окрашенные слова), стилистических средств (эпитеты), композиционных приемов (ретроспектива).

Первое предложение третьего параграфа имеет яркую стилистическую окраску. Для описания ситуации использовано прилагательное «stur», имеющее в синонимическом ряду с индифферентным синонимом «eigensinnig» крайнюю степень возрастания выражаемого качества с поме-

той *груб*., и значение «упрямый как бык, меднолобый» [3]. Выражение «auf stur schalten», имеющее помету *разг., неодобр., груб*., можно перевести «заупрямиться» или даже «включить упрямца» [Там же].

«Doch bislang schaltet Putin auf stur. Merkel hat ihren Ton daher noch einmal verschärft. In ihrer Regierungserklärung am Donnerstag im Bundestag warf sie Russland vor, Politik mit Mitteln des 19. und 20. Jahrhunderts zu machen. „Das Recht des Stärkeren wird gegen die Stärke des Rechts gestellt“, sagte die CDU-Chefin» [5].

С одной стороны, в стремлении немецкого канцлера «повысить тон» в разговоре с «упрямым» российским президентом мы видим актуализацию психологического мотива отношений «мать – ребенок (непослушный)». Ангелу Меркель называли в Германии «мать немцев». Например, образ «заботливой матери» нации активно использовался на последних выборах, где Меркель победила своего соперника. Образ, укрепившийся в национальном сознании суггерендов, переносится на международный уровень. «Мать» вынуждена стать строже, обращаясь к упрямому «ребенку», не желающему поступать так, как от него требуется. В данном случае, актуализацию архетипического образа «матери» можно отнести к суггестивным средствам воздействия, поскольку данный архетип, являясь одним из образов коллективного бессознательного, непосредственно находит себя в индивидуальной сфере бессознательного.

С другой стороны, в сложившейся ситуации право канцлера Германии ужесточать свою позицию мотивировано решением союзников делегировать Ангеле Меркель полномочия представлять консолидированное мнение. Здесь мы видим вариацию образа коллективного лидера (своего рода «эпического героя»), обозначенную во втором абзаце. Таким образом воссоздается, вероятно, ранее укрепившийся в сознании суггерендов политический миф как «продукт целенаправленной идеологической активности отдельных личностей или групп. Его основная функция – обоснование в качестве единственного возможного того образа мира, который в наибольшей степени отвечает социальным и политическим интересам авторов мифа» [4, с. 51]. В архаическом мифе задачей эпического героя является победа над хтоническими силами и восстановление мирового порядка. В современном политическом мифе поведение «эпического героя» принципиально сохраняет свои мотивы и характеризуется стремлением доминировать на политической арене с помощью политических средств, поддерживая мировой порядок.

В комментарии автором статьи речи федерального канцлера использован глагол «vorwerfen», который, являясь индифферентным синонимом, все же несет в контексте экспрессивную нагрузку. В формулировке канцлера в противопоставлении словосочетаний «das Recht des Stärkeren» и «die Stärke des Rechts» находит развитие тема, заданная эпитетом «starker (Mann)» во втором параграфе. Но здесь вариация образа «сильного» имеет

отрицательную коннотацию. Таким образом, в статье актуальная картина мира представлена как нарушение Россией мирового порядка, определяемого международным правом, и попыткой федерального канцлера легитимными политическими средствами восстановить мировой порядок.

Последний абзац статьи завершается темой возможной отмены Петербургского диалога – форума гражданских обществ России и Германии, проходящего в рамках межправительственной встречи:

«Auch an den Regierungskonsultationen dürfte das Kanzleramt dann nicht mehr festhalten können. Unklar ist, was bei einer Absage aus dem Petersburger Dialog wird, der die zivilgesellschaftlichen Bindungen beider Länder stärken … soll. Der Russland-Experte Alexander Rahr …warnte vor dem Aus für beide Veranstaltungen. „Das Nicht-Stattfinden wäre eine Katastrophe, ... Dann hätte Diplomatie keine Chance mehr“» [5].

Лейтмотив статьи (возможная отмена консультаций) эмоционально усиливается акцентом потенциальной отмены общественного мероприятия. Слова эксперта по России Александра Рара в контексте развертывания политического дискурса могут восприниматься как ожидание Германии от России действий в соответствии с установками современного западного политического мифа.

Итак, в третьем абзаце, в котором реализуются целевые установки всей статьи, использованы лексические средства (стилистически окрашенные слова), стилистические средства (эпитеты), лингвистические стратегии (стратегия мифологизации): архетипический психологический мотив «матери», архетип эпического героя, вынужденного восстанавливать нарушенный мировой порядок.

Проведя комплексный филологический анализ текста, мы можем сделать следующие выводы. Рассмотренный публицистический текст был нами представлен как цепочка коммуникативных актов (событий), соединенных определенным образом для достижения заданного перлокутивного эффекта. Для адекватного выявления логики развертывания политического дискурса мы использовали лингвистический и литературоведческий инструментарий. Этот методологический подход показал свою продуктивность и позволил нам выявить коммуникативные стратегии развертывания политического дискурса в публицистическом тексте на лексическом, грамматическом, стилистическом и композиционном уровнях.

Мы выяснили, что используемые языковые средства хронологически формируют нижеследующую картину мира. В начале текста названа причина отмены мероприятия, обусловленная политическим характером РФ как «конфликтной стороны», как во внешней политике, так и во внутренней. Проблемный контекст исторически и политически расширяется и увязывается с выборами президента в 2012 году. С этого момента сотрудничество с РФ последовательно сокращается и актуальный период представлен в виде времени «конфликта». В современном западном политическом мифе время «конфлик-

та» с РФ воплощается в форме консолидированной позиции западных союзников в их намерении удержать установившийся мировой порядок. Время «конфликта» выдвигает на авансцену авторитета – лидера консолидированной власти, способного упорядочить возникший хаос.

Таким образом, выявленные с помощью лингвистического анализа на лексическом (выбор стилистически окрашенных слов), грамматическом (обратный порядок слов, модальность, сослагательное наклонение), стилистическом (использование метафор, эпитетов) уровнях текста языковые средства отвечают задачам статьи. Кроме этого, использование литературоведческого инструментария позволило выявить приемы на композиционном уровне текста (ретроспектива), отметить вариации одного и того же мотива в ткани текста (мотив «конфликта», образ «сильного»), двухголосое слово, провести более глубокий анализ лингвистических стратегий (стратегия моделирования категории времени, стратегия мифологизации): реконструкция современного западного политического мифа (архетипический психологический мотив «матери», архетип эпического героя как выражение авторитета политика). Мы установили, что информация в тексте подается с применением коммуникативных (суггестивных) технологий. Их выбор обусловливается идеологическим заданием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса. URL: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm#_ftnref23 (дата обращения: 24.03.2014).

2. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.

3. Немецко-русский синонимический словарь: Ок. 2680 рядов / И.В. Рахманов [и др.]. М.: Рус. яз., 1983. 704 с.

4. Юданова Е.Т. Суггестивная функция языковых средств англоязычного политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. URL: http://diss.rsl.ru/diss/03/1084/031084016.pdf (дата обращения: 7.10.2015).

5. SPIEGEL ONLINE. URL: http://www.spiegel.de/politik/ausland/ukraine-krise-deutsch-russische-regierungskonsultationen-wackeln-a-958451.html (дата обращения: 13.03.2014).

P.I. Boldakov
Linguistic Means of Modeling Public Consciousness: to the Statement of the Problem (on the Material of Articles in *Der Spiegel* Magazine about the Situation in the Crimea)

Key words: *political linguistics; political literary studies; communicative strategy; suggestion; suggestive political discourse.*

The article deals with linguistic means of modeling public consciousness in the foreign-language publicistic text. The author carries out the research utilizing new methodological approach which incorporates tools of both linguistics and literature studies.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Е.Г. Колб
Белорусский государственный университет (г. Минск)

УДК 323(44)

Адаптация Французской социалистической партии к роли правящей партии во Франции в 1980–1990-е годы

Ключевые слова: *Французская социалистическая партия (ФСП); социал-демократия; идеология; социально-экономическая политика во Франции.*

В статье рассматриваются особенности стратегии ФСП по адаптации к роли правящей партии, анализируются изменения в политике и идеологии французских социалистов, выясняется влияние отказа ФСП от глубокого идеологического обновления на электоральные неудачи партии.

Катастрофическое поражение Французской социалистической партии (ФСП) на выборах 2017 года дает основания обратиться к вопросу о стратегии ФСП по адаптации к роли правящей партии в 80–90-х годах XX века. Во-первых, именно в это время сформировались принципы деятельности партии при нахождении у власти, а в более широком плане – разработана стратегия адаптации ФСП к новым реалиям французского общества. Эта стратегия с незначительными корректировками использовалась французскими социалистами вплоть до выборов 2017 года. Во-вторых, исследование этой стратегии позволяет определить, какой из ее компонентов – политика социалистов или партийная идеология – оказывает решающее влияние на позиции ФСП в политической жизни страны. В-третьих, такое исследование важно для определения главной причины политических проблем ФСП.

На сегодняшний день стратегия ФСП по адаптации к роли правящей партии в единстве ее политического и идеологического компонентов в русскоязычной историографии изучена недостаточно полно. Деятельность ФСП в 1980-е годы наиболее глубоко исследована в работах И.М. Бунина, прежде всего в его монографии «Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы» [2]. В ней обстоятельно проанализирована эволюция внутренней политики социалистов в 1981–1986 годах, показаны изменения в социологии партии и идейно-политических взглядах ее активистов, установ-

лены перемены в партийной идеологии, проанализированы результаты выступления ФСП на выборах. В то же время исследованию политических аспектов деятельности ФСП отведено заметно больше места, чем переменам в партийной доктрине, и это вполне объяснимо, поскольку в 1980-е годы процесс изменения идеологии партии только начинался.

Деятельность ФСП в 1990-е годы в русскоязычной историографии рассмотрена не столь детально. Наиболее объемно она освещена в монографии Е.О. Обичкиной [3], хотя и не являлась исключительным предметом исследования. Но автор уделила политике социалистических правительств значительно больше места, чем работе ФСП над обновлением ее идеологии, положению дел в партии и анализу выступлений социалистов на выборах.

Во французской историографии деятельность ФСП в указанный период изучена более основательно, что вполне естественно. Среди работ французских специалистов широтой затронутых аспектов, глубиной и тщательностью анализа выделяется монография «Жажда успеха и угрызения совести. Французские социалисты и власть (1905–2005)» [6]. Она написана директором теоретического журнала ФСП «Ревю сосьялист» А. Бергунью, которого во Франции нередко называют официальным историком партии, и политологом Ж. Грюнбером, одним из крупнейших специалистов по идеологии французских левых сил. В этом объемном труде подробно проанализированы как политический, так и идеологический компоненты стратегии социалистов после 1981 года. В то же время авторы не дали четкого ответа на вопросы о причинах отказа ФСП от глубокого изменения идеологии и о влиянии такого отказа на электоральные неудачи социалистов.

Таким образом, имеет смысл рассмотреть стратегию адаптации ФСП к роли правящей партии, установить факторы, повлиявшие на ее характер, определить сильные и слабые стороны, а также политический эффект этой стратегии.

После победы левых сил на президентских и парламентских выборах 1981 года ФСП не только впервые за годы Пятой республики оказалась у власти, но и впервые в своей истории стала по-настоящему правящей партией, целиком определяя политику коалиционного левого правительства. После этого успеха перед ФСП встала, пожалуй, более трудная задача – доказать способность руководить страной.

В первые два года правления социалисты, выполняя предвыборные обещания, развернули проведение реформ, направленных на глубокую перестройку французского общества [2, с. 47–77]. Но уже в 1983 году в связи с обострением вызванных такой политикой экономических проблем ФСП перешла к проведению иного курса. При его разработке социалисты руководствовались не столько идеологическими установками, сколько объективными требованиями современного этапа развития, реалиями французского общества и настроениями населения. Этот курс был далек от

устоявшихся представлений о политике левого правительства и являлся по своей сути социал-либеральным, хотя руководство ФСП всегда категорически отвергало такую оценку.

Несмотря на то, что в 1983–2002 годах у власти находилось шесть левых правительств, содержание проводимой ими политики оставалось практически неизменным [3, с. 11–16, 31–38; 1, с. 83–90]. В экономической сфере ФСП сосредоточилась на модернизации существующей экономической модели. Усилия социалистов были направлены на стабилизацию государственных финансов, структурную перестройку экономики, стимулирование деловой активности частного бизнеса, за которым социалисты молчаливо признали роль главного двигателя экономического развития. При решении этих задач левые правительства использовали не столько дирижистские и кейнсианские, сколько неолиберальные методы. Социалисты сдерживали рост государственных расходов, предоставили налоговые льготы частным предприятиям, сохранили в силе практически все решения правых правительств по дерегламентации экономики. Они также проводили приватизацию госсектора и во время правления кабинета Л. Жоспена (1997–2002) даже опередили правые правительства по этому показателю.

Социальная политика ФСП была подчинена императивам экономической эффективности. Социалисты отказались от значительного повышения зарплат и пособий, от расширения прав профсоюзов и системы социального страхования, ужесточили контроль над расходами больниц и касс медицинского страхования. Одновременно социалисты изменили подход к решению вопроса о повышении уровня жизни трудящихся. Они направили социальные расходы преимущественно на развитие образования и профессиональной подготовки, на борьбу с безработицей, на строительство социального жилья. Одной из целей такого подхода являлось изменение представлений населения о социальной политике левых сил, которая традиционно ассоциировалась с повышением зарплат и социальных выплат, расширением социальных прав лиц наемного труда.

В вопросах безопасности и иммиграции принятые социалистами решения базировались на идейных установках партии. Но при этом социалисты оставили в силе почти все жесткие законы правых кабинетов по борьбе с преступностью и нелегальной иммиграцией. В социокультурной сфере ФСП твердо придерживалась принципа «культурного либерализма», который признает право индивида на выбор подходящего ему образа жизни.

В целом политика социалистов существенно совпадала с курсом, проводимым в это время правыми правительствами. В вопросах экономики, образования, здравоохранения, борьбы с безработицей, бедностью и социальным неравенством левые и правые кабинеты использовали практически одинаковые методы. Различия сохранялись в иммиграционной политике, политике безопасности и особенно социокультурной политике.

Переход социалистов к проведению такой политики был вызван несколькими факторами. Одним из них являлся реализм ведущих политиков партии, осознавших, что традиционные идеологические схемы в условиях нового этапа развития общества устарели. Вторым фактором выступило снижение привлекательности левых идей в общественном сознании, где в 1980-е годы произошел поворот вправо [4, с. 106–132]. Еще одним фактором стало «поправение» идейно-политических взглядов большинства активистов ФСП [2, с. 101–103]. Свою роль сыграл и тот факт, что после 1983 года ФСП не оказывала ощутимого влияния на политику левых правительств.

Проведение реалистичного курса позволило ФСП обрести имидж ответственной партии, которая учитывает реалии общества, не цепляется за идеологические догмы и не допускает в своей политике явного перекоса в сторону интересов своей социальной базы. Закреплению за ФСП такого имиджа содействовали также изменения в дискурсе и предложениях партии. В 1980-е годы социалисты отступили от леворадикальной риторики 1970-х годов, из партийного дискурса исчезли темы национализации и классовой борьбы, в нем появились ранее не свойственные социалистам ценности (конкуренция, инициатива, эффективность и др.). При разработке предвыборных программ ФСП перешла от «культуры оппозиции» к «культуре управления». Партия отказалась от выдвижения привлекательных, но мало реалистичных обещаний и выстраивала свои предложения с учетом ситуации в обществе и возможностей экономики.

Поворот к реализму дал позитивный для ФСП политический эффект. В 1980–1990-х годах она являлась первой по числу избирателей партией страны, за исключением провальных для ФСП парламентских выборов 1993 года. Партия сумела расширить свой электорат за счет представителей новых средних слоев, не относившихся к социальной базе левых сил. В это время ФСП успешно боролась за власть, несмотря на то, что развернувшиеся во французском обществе структурные изменения были потенциально неблагоприятными для левого лагеря. Потерпев поражение на парламентских выборах 1986 года, социалисты в 1988 году победили на президентских и парламентских выборах, а после катастрофического поражения в 1993 году они в 1997 году вновь оказались у власти после победы левой коалиции на парламентских выборах. Фактически два последних десятилетия XX века прошли во Франции под знаком политического преобладания ФСП.

Таким образом, ФСП на деле продемонстрировала способность быть правящей партией и прочно закрепилась в числе претендентов на управление страной. В то же время прагматичная политика социалистов, противоречившая идейным принципам ФСП, вызвала недовольство среди сторонников левых сил, привела к ухудшению отношений ФСП с профсоюзами, а также с коммунистами, которые в 1984 году разорвали альянс с социалистами. Перед ФСП встала задача идеологического обоснования

проводимого курса, а в более широком плане – поиска новой идейно-политической идентичности партии.

Процесс изменения идейно-политических установок ФСП начался на съезде в Тулузе (1985) и резко активизировался в связи с ростом недовольства трудящихся политикой правительства М. Рокара (1988–1991), отказавшегося от повышения зарплат, несмотря на ускорение экономического роста. В программе, принятой в 1991 году на съезде в Арше, ФСП сдвинулась в сторону реформизма и социал-демократизма. Партия начала рассматривать движение к социализму не как построение общества с четко определенными характеристиками, а как внедрение в общественную жизнь присущих социализму ценностей. Такими ценностями в программе 1991 года были названы свобода, качество жизни, толерантность, справедливость, солидарность, ответственность и равенство, которое не сводилось к эгалитаризму [4, p. 129–130]. Методом движения к социализму ФСП назвала реформу, а также отступила от исторически присущего партии «волюнтаризма», продекларировав стремление к проведению преобразований в духе социального компромисса и с учетом существующих в обществе «диалектических противоречий», то есть реалий [14, p. 107, 132, 134].

Но при всей важности проведенных изменений ФСП не перешла к новой политической философии. Так, не произошло полного отказа от традиционной установки ФСП на разрыв с капитализмом. При разработке программы 1991 года было отвергнуто предложение об «историческом компромиссе с капитализмом» и зафиксирована установка на «критическое отношение с капитализмом» [8, p. 106]. ФСП, пусть и в менее радикальном виде, продолжала выступать за трансформацию общества. Признав эффективность рыночной экономики, социалисты заявили о неприятии общественной модели, выстроенной на основе рыночных ценностей [14, p. 147]. Партия назвала себя сторонницей «общества смешанной экономики», в котором государству отводилась роль защитника населения от негативных последствий рыночной стихии [14, p. 148–149]. Фактически программа 1991 года была лишь шагом на пути ФСП к новой политической философии. По замечанию политолога Ю. Портелли, съезд в Арше «позволил скорее рассчитаться с прошлым, чем определить проект на будущее» [13, p. 91].

Но вместо продолжения работы по обновлению идеологии ФСП, наоборот, в программных документах 1993–1996 годов более отчетливо продемонстрировала верность традиционным установкам. Так, социалисты высказались за усиление роли государства в жизни общества, объявив, что оно должно не только амортизировать последствия рыночной экономики, но и играть активную роль в адаптации социума к требованиям современной эпохи. ФСП выступила за стимулирование экономического роста путем повышения покупательной способности трудящихся, за возврат к «волюнтаристским» методам деятельности, за активизацию распределительной политики.

Партия более ясно обозначила стремление к трансформации общества, правда, сделав объектом критики уже не капиталистическую систему, а неолиберальную модель общества. В то же время ФСП сохранила умеренность в обещаниях и заверяла французов в том, что ее курс, будучи левым по характеру, не приведет к обострению экономических проблем. Например, в предвыборной программе 1997 года ФСП, назвав целью легислатуры «создание общества прогресса и солидарности для XXI века», обещала установление «новой экономической логики, которая, не увеличивая бюджетный дефицит и инфляцию, сделает возможным более справедливое распределение богатства между французами» [7, p. 8].

Таким образом, ФСП не провела глубокого обновления своей политической философии и сохранила приверженность главным идейным принципам, пусть и в гораздо менее радикальной, чем ранее, трактовке. По оценке А. Бергунью и Ж. Грюнбера, ФСП, признав реалии рыночной экономики, отказалась от включения ее ценностей в свою политическую культуру [7, p. 436–437]. Французские социалисты не захотели последовать примеру британских «новых лейбористов», которые в рамках концепции «третьего пути» существенно пересмотрели взгляды на развитие общества и сущность политики левого правительства. Более того, ФСП развернула критику концепции «третьего пути», усмотрев в ней отказ от левой идентичности и переход лейбористов на центристские позиции. Этой концепции она противопоставила французский взгляд на социализм, суть которого тогдашний лидер ФСП Л. Жоспен выразил формулой «да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу» [12].

Отказ ФСП от глубокого обновления идеологии объяснялся несколькими причинами. Главной из них являлось то, что сторонники такого обновления не имели явного большинства в партии. Проведенное в 1989 году исследование настроений активистов ФСП показало, что большинство из них, признавая необходимость изменения идеологии, выступало за сохранение левой идентичности партии [5]. Даже в условиях резкого усиления обновленческих настроений после электоральной катастрофы 1993 года идея кардинального пересмотра партийной философии не стала преобладающей в ФСП. В июне 1993 года 52% активистов назвали причиной поражения неспособность социалистов обновить их ценности, тогда как 42% усмотрели причину неудачи в отказе партии от традиционных идеалов [9, p. 33]. В таких условиях любые резкие перемены в сфере идеологии были чреваты расколом партии.

Второй причиной являлось усиление критического отношения населения страны к неолиберальной политике и доктрине [10, p. 122–127]. Это открывало для социалистов возможность набирать политические очки за счет призывов к трансформации неолиберальной модели общества.

Третьей причиной стали политические соображения. Руководство ФСП опасалось, что сдвиг идеологических установок к центру чреват

разочарованием левого электората и ослаблением политических позиций партии. В августе 1998 года Ф. Олланд, возглавивший ФСП в 1997 году, заявил, что ФСП «должна оставаться полностью левой партией», так как если бы она «захотела занять центр и уйти с левого фланга, то подверглась бы риску быть наказанной в электоральном плане» [11].

Отказ ФСП от изменения идейно-политической идентичности позволил партии восстановить доверие со стороны рабочих и служащих, пошатнувшееся на рубеже 1980–1990-х годов из-за прагматичной политики социалистов, а также воссоздать в 1997 году левую коалицию. Но после возврата в 1997 году к власти ФСП вновь столкнулась с кризисом идентичности, вызванным противоречием между провозглашенными идеалами и социал-либеральной политикой кабинета Л. Жоспена, очень похожей на раскритикованную социалистами политику Т. Блэра.

Несмотря на то, что с точки зрения результатов политика Л. Жоспена выглядела вполне успешной, она вызвала разочарование среди сторонников левых сил, ожидавших от правительства более решительных действий по повышению доходов трудящихся и защите их социальных прав. В то же время сохранение левой идентичности ФСП не позволило социалистам обрести устойчивую поддержку со стороны средних слоев, которые в своем большинстве предпочитали поддерживать идеологически более близкие правые партии. Политическим последствием кризиса идентичности стало поражение социалистов на президентских и парламентских выборах 2002 года, хотя перед выборами все признаки свидетельствовали в пользу их победы.

Неудача 2002 года отчетливо показала противоречивость стратегии ФСП по адаптации к роли правящей партии. Социалисты за счет проведения реалистичной внутренней политики сумели набрать политический вес. Но одной лишь политики, даже в самом успешном варианте, без ее идеологического обоснования оказалось недостаточно для обеспечения прочного политического преобладания ФСП в стране. Однако задачу идейного обновления социалисты решить не сумели. Несмотря на все маневры в сфере идеологии, ФСП отказалась от кардинального пересмотра партийной философии и сохранила вполне отчетливую левую идентичность. Результатом несоответствия политики социалистов провозглашенным идеалам стал кризис идентичности ФСП, ставший главной причиной поражения социалистов на выборах в рассматриваемый период. Этот же кризис вызвал электоральный провал ФСП на выборах 2017 года.

Однако причина кризисов идентичности, которые настигали социалистов во время пребывания у власти, крылась не в нехватке решительности у руководства ФСП в деле обновления партийной идеологии. Она заключалась в том, что социальная база левых сил, составляющая костяк электората ФСП, сохраняла традиционный взгляд на политику, которую

должно проводить левое правительство. И эти устоявшиеся представления французским социалистам изменить не удалось.

Более того, вряд ли можно считать отказ от коренного пересмотра партийной идеологии главной ошибкой руководства ФСП. Как показали последующие события, сохранение левой идентичности стало одной из причин усиления политических позиций ФСП, которая в 2012 году достигла невиданной ранее концентрации власти в своих руках. Кроме того, ЛПВ и СДПГ, которые осуществили такой пересмотр, после поражений на выборах совершили поворот в сторону традиционной идейно-политической идентичности. Это было совсем не случайно и диктовалось настроениями социальной базы левых сил. События последних лет показывают, что сторонники левых партий ждут от них не корректировки неолиберальной модели общественного развития, а подлинной альтернативы ей. На фоне таких настроений усиливается популярность левопопулистских партий, которые в ряде стран уже начали теснить социал-демократов в роли ведущей силы левого лагеря.

На сегодняшний день главной проблемой ФСП, как и всей социал-демократии, является разработка альтернативного проекта общественного развития, который был бы не только левым по духу, но и – самое главное – реалистичным. Именно неспособность разработать такой проект лежит в основе идейно-политических проблем социал-демократов в последние четыре десятилетия. Но вопрос о том, почему им это не удалось, как и вопрос о том, возможна ли разработка такого проекта на современном этапе развития западного общества, требует отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.М. Проблемы экономического роста в идеологии и политике Французской социалистической партии // Проблемы экономического роста в стратегии основных политических партий стран Западной Европы. М.: ИНИОН, 1985. С. 64–108.

2. Бунин И.М. Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы. М.: Наука, 1989. 216 с.

3. Обичкина Е.О. Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности. М.: МГИМО, 2003. 137 с.

4. Франция глазами французских политологов. М.: Наука, 1990. 280 с.

5. Bardou P. Document: l'état d'ésprit des militants socialistes // Revue politique et parlementaire. 1989. An. 91. № 943. P. 50–56.

6. Bergougnioux A., Grunberg G. L'ambition et les remords. Les socialistes français et le pouvoir (1905–2005). P.: Fayard, 2005. 610 p.

7. «Changeons d'avenir, changeons de majorité: nos engagements pour la France» // Le Monde. 1997. 3 mai. P. 8–9.

8. Grunberg G. Le parti d'Epinay: d'une rupture fantasmée à une reformisme mal assumée // Histoire @ Politique. 2011. № 1. P. 99–111.

9. Le Nouvel Observateur. 1993. № 1495. P. 31–33.

10. Les valeurs des Français / Sous dir. Pierre Bréchon. P.: Armand Collin, 2003. 352 p.

11. M. N. La gauche «plurielle» empêche le PS de se «blairisé» // Le Monde. 1998. 4 aout. P. 5.

12. Noblecourt M. Lionel Jospin et Tony Blaire: de le concurrence à la convergence // Le Monde. 1998. 4 aout. P. 5.
13. Portelli H. Le parti socialiste: une position dominante // Les partis politiques français / Sous dir. P. Bréchon. P.: La Documentation française, 2001. P. 85–103.
14. Un nouvel horizont. Projet socialiste pour la France. P.: Gallimard, 1992. 313 p.

E.G. Kolb
The Adaptation of the FSP to the Role of the Ruling Party in France in the 1980–1990s

Key words: *French Socialist Party; social democracy; ideology; social and economic policy in France.*

The article examines the specifics of PS strategy for adapting to the role of the ruling party. Author analyzes changes in the policy and ideology of the French socialists, and explains the impact of the PS's refusal to take steps to implement a deep ideological renewal in response to electoral setbacks.

С.В. Востриков
Смоленский государственный университет

УДК 930.2 (53) 6199

К истории одного конфликта: ливанское «зеркало» ближневосточных коллизий

Ключевые слова: *война; общины; трайбализм; этнополитика; конфессионализм; клановость; сунниты; шииты; марониты; друзы; христиане; палестинцы; фрагментация.*

Статья посвящена рассмотрению истории развязывания, динамике, специфике и особенностям гражданской войны в Республике Ливан в 1975–1990 годах, исследованию взаимодействия и переплетения внутренних религиозно-конфессиональных и этнонациональных факторов с устремлениями различных внешнеполитических «интересантов».

Процессы, развертывающиеся в Ближневосточном регионе, наглядно свидетельствуют о глобализации современных политических конфликтов, усилении влияния факторов транснационального характера. Здесь сталкиваются и активно взаимодействуют устремления не только более чем двух десятков расположенных в данном районе государств, находящихся на разных уровнях развития [6], но и многих субъектов мирового сообщества, имеющих зачастую несовпадающие, а подчас и противоположные интересы. Тесное переплетение и взаимозависимость локальных, региональных и глобальных факторов в начале XXI века стали настолько

сложными и многогранными, что ныне их весьма трудно отделить друг от друга. Поэтому представляется актуальным и полезным анализ эволюции ливанского конфликта, являющегося средоточием многопланового комплекса проблем [13], в котором сфокусировались собственно ливанские, межарабские региональные и глобальные противоречия.

Конфликт в этой восточносредиземноморской стране, возникший первоначально на ливанской почве, практически с самого начала был сопряжен с воздействием внешних факторов. Вовлеченность в данный конфликт различных внешних сил во многом объяснялась своеобразным геополитическим положением Ливана, особенностями его исторического развития. Будучи расположен в одном из невралгических узлов мира и находясь как бы на стыке эпох, культур и цивилизаций, Ливан на протяжении многих веков служил мостом между Западом и Востоком, отличался исключительной сложностью, мозаичностью и амбивалентностью этноконфессионального состава населения, специфическим «гибридным» менталитетом [7, с. 83–85]. По-своему уникальна была и выполняемая Ливаном роль важнейшего центра торговой активности в регионе, крупнейшего и наиболее влиятельного центра средств массовой информации и коммуникаций, финансовых потоков, транзита, а также «гнезда» резидентур международных спецслужб. Тем самым он – как и отдельные этноконфессиональные общины страны – в силу объективных условий оказывался в фокусе интересов, притяжения и сфер влияния самых разных субъектов международного сообщества и транснациональных сил [15].

Так, Франция, как бывшее государство-мандаторий, располагала традиционными и прочными позициями в странах Леванта, что позволяло ей оказывать ощутимое воздействие на развитие ситуации в этом регионе. При непосредственном участии Парижа были заложены основы политической системы современного Ливана, которые сохранялись в незыблемости до последнего времени. Принцип разделения властей по конфессионально-общинному признаку, на котором базировалась эта система (предоставлявшая значительные преимущества и власть общине христиан-маронитов), исходил из существовавшего в Ливане с начала 30-х годов статус-кво и был призван, по замыслу французских мандатных властей, служить гарантом поддержания стабильности. Однако последующая динамика развития политического процесса, изменение демографической ситуации, нарастание региональных противоречий способствовали размыванию заложенной французами системы политического трайбализма (основы «политического феодализма» внедрялись в горах Ливана еще мамлюками и турками-османами) [3] и со временем стали одним из основных источников внутренней дестабилизации и межклановых раздоров.

Ватикан также имел давние и многосторонние связи с Ливаном. Начиная с III века католическая церковь осуществляла широкое проникновение и вела активную миссионерскую деятельность в странах Леванта.

Особенно тесные отношения сложились у Ватикана с общиной христиан-маронитов, населяющих преимущественно прибрежные районы восточного Средиземноморья [10, с. 25–26].

Сильное и крайне негативное воздействие на развитие событий в Ливане оказывало противостояние между США и бывшим Советским Союзом. Рассматривая Ближневосточный регион сквозь призму глобальной конфронтации, каждая из сверхдержав стремилась усилить здесь свое влияние и военное присутствие как на региональном, так и на локальном уровне. Поэтому, наряду с прямым наращиванием своих военно-морских сил в восточной части Средиземного моря, усилением поддержки (техникой, вооружениями, финансами), ориентируясь на своих региональных «клиентов» (то есть Сирию и Израиль), и американская, и советская стороны активно стремились к укреплению собственных позиций в стратегически важном ливанском ареале [14]. Так, если США оказывали военно-политическую и материально-техническую помощь ливанским силам прозападной ориентации (в основном из среды христиан-маронитов, частично – мусульман-сунитов), то бывший СССР осуществлял поставки вооружений, боеприпасов, готовил на своей территории кадры для друзских и просирийских организаций и группировок. Подобный избирательный подход только углублял раскол в ливанском обществе, способствуя, по существу, разжиганию религиозно-общинной розни. Особо следует выделить палестинское присутствие в этой стране, когда после событий «черного сентября» 1970 года в Иордании оттуда в Ливан были «выдавлены» вооруженные формирования ООП. Палестинские группировки, обладавшие более высоким уровнем организованности и боевым опытом, вскоре установили контроль над южным сектором Ливана и значительной частью Бейрута, который был разделен на два сектора – западный и восточный [16].

Свою лепту в обострение ливанского кризиса вносили и ближневосточные государства, претендующие на роль «региональных сверхдержав». Стремясь укрепить свое влияние на ливанской арене, они делали основную ставку на те общины, конфессии, организации и кланы, которые ориентировались – в силу политических, религиозных, идеологических, финансовых и иных положений – на них. Так, Египет установил тесные связи с организациями ливанских юнионистов насеристского толка; Иран глубоко интегрировался в общину мусульман-шиитов, стимулируя формирование в их среде радикальных религиозно-политических движений (движение «Амаль», послужившее в дальнейшем фундаментом движения «Хизболла») [4]; Ирак использовал в своих целях баасистов (ПАСВ), связанных с Багдадом. Ливия и Саудовская Аравия также обзавелись собственными креатурами в Ливане.

Естественно, наибольшую заинтересованность в положении дел в Ливане проявляли его приграничные соседи – Израиль и Сирия. Тель-Авив изначально, с момента образования израильского государства, привлекали плодородные ливанские земли, водные ресурсы Юга Ливана, рынки сбыта

соседней страны, ее коммерческие и торговые возможности, банки и биржа Бейрута. По мере расширения и эскалации арабо-израильского противостояния приоритетный характер для Израиля стали приобретать факторы, связанные с обеспечением безопасности пограничных с Ливаном территорий, нейтрализацией палестинского присутствия в соседнем государстве, предотвращением инфильтрации всякого рода террористических групп, а также пролонгированием сирийского военного присутствия в Ливане. Начиная со второй половины 50-х годов Дамаск последовательно наращивал усилия, направленные на проникновение в соседнее государство, на создание разветвленной инфраструктуры организаций и партий просирийской ориентации, налаживал отношения с различными ливанскими группировками. Особую роль в этом играли сирийские спецслужбы, возглавляемые полковником А.Х. Сарраджем.

Обострение в 60-х – начале 70-х годов арабо-израильского противостояния, являющегося основным генератором всех «мини-конфликтов» Ближневосточного региона, способствовало перерастанию ливанского конфликта из латентной фазы в «горячую», еще большему вовлечению в него внешних сил. Это привело к вытеснению собственно ливанской первоосновы конфликта, ее своеобразному сублимированию и замещению столкновением интересов, привнесенных извне [15].

Арабо-израильская война 1973 года вскрыла ряд принципиально новых моментов, побудивших обе соседние с Ливаном страны обратить пристальное внимание на потенциальные возможности, риски и резервы. Дело в том, что в ходе боевых действий военно-воздушные силы Израиля искусно использовали геостратегический фактор, а также рельеф местности на театре военных действий: израильские самолеты рассекали на низких высотах ливанскую долину Бекаа и наносили ракетно-бомбовые удары по сирийским объектам, расположенным в глубоком тылу САР (в частности, в районах Хомса, Латакии, Идлиба). После анализа текущей ситуации военно-политическое руководство САР приняло решение о перемещении подразделений ПВО, оснащенных переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК), на западные склоны горного хребта Антиливан, с тем чтобы они могли поражать воздушные цели над долиной Бекаа. Особую значимость приобретало выгодное географическое положение Ливана, юг которого как бы «нависает» над Израилем (в частности, Северной Галилеей и прибрежной полосой), что делает возможным его использование в качестве плацдарма, позволяющего обойти соперника с фланга. Кроме того, наличие собственных войск на территории соседней страны в случае очередной вспышки боевых действий позволяло обеим противоборствующим сторонам как-то локализовать конфликт, уберечь свою территорию от лобовых ударов (что и подтвердилось в ходе войны 1982 года). Игра на «нейтральном поле» предоставляла им возможность вести борьбу с соперником опосредованно, избегая прямого столкновения, сопряженного с большим риском и издержками.

Начало в 1975 году гражданской войны в Ливане, немаловажную роль в развязывании которой сыграл фактор Палестинского присутствия, – своего рода внесистемный чужеродный катализатор подрыва шаткого межобщинного сосуществования в Ливане: именно столкновение палестинских «партизан-фидаинов» с маронитской милицией обрушило хрупкое равновесие и детонировало «эффект домино», что крайне обеспокоило сирийское руководство [14]. Обострение ситуации в Ливане и нарушение баланса сил в этой стране, вызванное наступлением вооруженных формирований «национально-патриотических сил» (НПС) в коалиции с союзниками из ООП на позиции христианского блока, усиливали, по мнению Дамаска, опасность израильского вооруженного вмешательства, что было чревато очередным переделом Ближнего Востока. Кроме того, никак не отвечало интересам САР и чрезмерное укрепление самостоятельности ООП, рост ее влияния в межарабских отношениях.

Между тем, несмотря на предпринимаемые сирийским руководством меры, события на ливанской арене приобрели неблагоприятный для Дамаска характер: развивая наступление на позиции «фалангистов» (милиционные формирования христиан, созданные по образцу испанских «фаланг» харизматическим лидером общины маронитов Пьером Жмайелем после его визита в Мадрид и встречи с каудильо Франко. – *С. В.*), силы НПС – ООП к исходу весны 1976 года установили свой контроль над 80% территории Ливана. В сложившихся обстоятельствах САР интенсифицировала контакты со всеми заинтересованными сторонами (Франция, Ватикан, СССР, США, Великобритания). Разрабатывая план использования военной силы в Ливане [11], руководство САР стремилось свести к минимуму степень риска в любой будущей акции. Стратегия Сирии в Ливане, как позднее пояснил министр обороны САР, с самого начала основывалась на следующем принципе: «Ни победителей, ни побежденных».

Ввод сирийских войск в соседнюю страну, однако, не только не способствовал стабилизации положения, но и еще более осложнил и запутал ситуацию как в Ливане, так и вокруг него [6]. Резко обострились сирийско-палестинские отношения, что повлекло за собой долговременные негативные последствия для обеих стран. Египет незамедлительно отозвал свою дипломатическую миссию из Дамаска и потребовал от САР закрыть ее посольство в Каире. Багдад выдвинул к ирако-сирийской границе части регулярной армии, развернув в средствах массовой информации активную антисирийскую кампанию. В Саудовской Аравии шаг Дамаска также был воспринят с плохо скрываемым неодобрением, что нашло свое выражение в значительном сокращении объема финансовой помощи, предоставляемой Сирии. С настороженностью восприняла ввод сирийских войск в Ливан и Турция.

Относительно сдержанная реакция Израиля была обусловлена двумя взаимосвязанными, но разнонаправленными факторами: с одной стороны,

понижение потенциала ООП отвечало его интересам, с другой – перед Тель-Авивом возникала проблема, связанная с сирийским военным присутствием в соседней стране. Используя растущую разобщенность в арабском мире и изменение баланса сил в регионе (вызванное выходом Египта из арабо-израильской конфронтации), Израиль весной 1978 года предпринял массированное военное вторжение в Ливан. Целью данного шага было создание «пояса безопасности» и уничтожения баз ООП, расположенных к югу от реки Литани. Ослабление позиций ООП и ее военного потенциала на юге Ливана, контролировавшемся возглавляемой Я. Арафатом организацией «ФАТХ», вероятно, вполне устраивало Дамаск. Такое совпадение интересов породило среди западных аналитиков немало версий и предположений относительно существования негласной договоренности о разграничении сфер влияния и выработке «правил игры» между САР и Израилем в Ливане.

Если в начале и середине 70-х годов для лидеров христианской общины Ливана, располагавших значительными преимуществами благодаря традиционно существовавшей системе правления в стране, главную опасность представляла коалиция НПС – ООП, то с конца 70-х годов, по мере ослабления позиций ООП и ее ливанских партнеров, на первый план стали выдвигаться противоречия, связанные с сирийским военным присутствием. Их обострение привело в 1981 году к широкомасштабному военному столкновению между формированиями фалангистов и сирийскими войсками за обладание ливанским городом Захле. Для непосвященного наблюдателя столь неожиданные повороты и метаморфозы выглядели внешне алогичными и труднообъяснимыми [8]. Но ливанский конфликт, как и всякий другой, имел собственную мотивацию, динамику и, разумеется, внутреннюю логику развития. Такая логика была вполне понятна и ливанским политикам, для которых тщательный расчет вариантов всех возможных комбинаций с потенциально враждебными или дружественными силами, сочетаемый с нежеланием настраивать против себя любого потенциального союзника, стал после многих лет гражданской войны второй натурой. Являясь свидетелями вмешательства в кризис множества иностранных акторов (как региональных, так и глобальных), видя изменение коалиций в любых возможных вариантах, ливанские политики оказались вынуждены быть готовыми к внезапному вмешательству и быстрой смене союзников [5]. Автору самолично, на месте довелось наблюдать подобного рода «сверхгибкое» поведение конфронтирующих локальных и региональных «игроков».

С конца 70-х – начала 80-х годов на ливанской арене все ощутимее стал проявлять себя, наряду с другими, иранский фактор. Проводя курс на экспорт «исламской революции», Тегеран приоритетное внимание уделял Ливану, где община мусульман-шиитов, объединявшая более трети населения страны, стала весомым фактором политической жизни. Главную ставку Тегеран сделал на наиболее радикальную организацию «Хизболла», а также ряд

более мелких группировок фундаменталистского толка, ориентирующихся на ИРИ. «Хизболла» стала, по сути, проиранской организацией, финансируемой и направляемой из Тегерана (но связи с единоверцами в САР и Ираке также сохранялись). «Партия Аллаха» (так переводится с персидского название «Хизболла») установила тесные контакты с контингентом «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР), прибывшим в качестве добровольцев из Ирана летом 1982 года и дислоцированным в районе города Баальбек (долина Бекаа). Опираясь на мощную материально-финансовую, идеологическую, кадровую, информационную поддержку, «Хизболла» в течение короткого периода времени трансформировалась из аморфного движения в полноценную легальную политическую партию (с «боевым крылом») с сетевой инфраструктурой, которая получила свою фракцию в парламенте и три министерских портфеля в правительстве Республики Ливан [2].

Война 1982 года, показавшая, что практически все арабские государства, в том числе и САР, не были заинтересованы в предоставлении эффективной помощи ООП, оказавшейся в самый критический момент один на один с армией Израиля (которая броском «прошила» пол-Ливана и вошла в Бейрут), повлекла за собой расширение масштабов и ужесточение ливанского конфликта (экстремистское крыло ливанских «фаланг», используя ситуацию, устроило в 1982 году «большую зачистку» палестинцев: в лагерях беженцев Сабра и Шатила было вырезано более тысячи безоружных женщин, стариков и детей), стимулировала прямое вовлечение международных сил. Это нашло свое выражение в направлении в Ливан «многонациональных сил», включающих воинские контингенты Франции, США, Италии и Великобритании. Дамаск дал понять Вашингтону, что он не намерен поступаться своими интересами в Ливане и готов отстаивать их и с помощью военной силы. Сирийцы, побуждая западных союзников вывести «многонациональные силы» из Ливана, действовали с присущей им осмотрительностью, искусно применяя методы косвенного воздействия. Военная мощь САР в Ливане никогда не использовалась в наступательном плане против Израиля и Запада. В соперничестве САР и Израиля на ливанской арене возникла патовая ситуация, которая, как отмечал классик американской политологии Р.А. Даль, имеет место в тех случаях, «когда каждый участник конфликта продолжает блокировать действие другого, не будучи в силах изменить его поведение». При этом нередко, стремясь добиться выхода из тупика, одна из сторон пытается задействовать силовые методы, принуждение, шантаж. Дальнейшие события в Ливане развивались именно по этому сценарию.

Ужесточение политики САР в Ливане, применение ею методов силового подавления и принуждения за пределами национальной территории наиболее ярко проявилось в конце 80-х годов, когда в соседней стране разразился острый внутриполитический кризис [8]. Ему предшествовала интенсивная межобщинная и клановая борьба (открытая и закулисная), в ходе

которой Дамаск пытался провести на пост главы ливанского государства в преддверии очередных президентских выборов 1988 года лояльных ему кандидатов (первоначально – бывшего президента страны С. Франжье, а затем – депутата ливанского парламента М. ад-Дахера). Участие сирийской армии в развернувшемся внутриливанском противоборстве [11, с. 187], его масштабы и формы носили на этот раз столь явный характер, что это вызвало многочисленные протесты в Европе. Брюссель призвал Сирию прекратить вмешательство во внутренние дела Ливана и вывести свои войска с его территории. Отвечая на демарш западноевропейских государств, министр иностранных дел САР Ф. аш-Шараа утверждал, что сирийские вооруженные силы в Ливане не являются иностранными войсками. После затяжной ожесточенной конфронтации осенью 1989 года в саудовском городе Эт-Таиф состоялось выездное заседание ливанского парламента, принявшего Хартию национального согласия, то есть реформы конфессионального принципа строительства государства [6]. Выработанное соглашение открывало путь к достижению примирения, однако оно сразу же было отвергнуто генералом М. Ауном (командующим ливанской армией) под тем предлогом, что в нем не содержалось требования о немедленном выводе из страны сирийских войск. Непримиримая позиция, занятая М. Ауном, его отказ от каких бы то ни было компромиссов еще более осложняли положение «переходного правительства». Со своей стороны, руководство САР гибко сочетало наращивание военно-силового давления на режим М. Ауна с политическим маневрированием как на ливанской, так и на панарабской арене, учитывая общий контекст политического положения на Ближнем Востоке. С возникновением кризиса в Персидском заливе летом 1990 года М. Аун лишился поддержки Багдада, который сосредоточил все свои ресурсы на кувейтском направлении и противодействии многонациональным силам на Аравийском полуострове. Сирия, солидаризировавшаяся с антииракской коалицией и направившая свой воинский контингент в Саудовскую Аравию и Объединеные Арабские Эмираты (ОАЭ), обеспечила себе определенную свободу действий в соседней стране.

Наряду с созданием благоприятных внешних условий, значительные усилия предпринимались руководством САР и непосредственно на ливанском направлении, где сирийцы умело стимулировали в своих интересах вооруженный конфликт в рядах маронитов между военно-политической организацией «Ливанские силы» (ЛС) С. Джаджаа и армейскими частями М. Ауна, что существенно ослабило позиции последнего. Анализ хода подготовки операции по устранению с политической арены амбициозного ливанского лидера показывает, что она осуществлялась комплексно и одновременно по нескольким направлениям. Активное участие в ее разработке и обеспечении принимали Министерство обороны, Генштаб, МИД и спецслужбы САР. 13 октября 1990 года сирийская армия нанесла мощный ком-

бинированный (ракетно-бомбовый и артиллерийский) удар по группировке М. Ауна, в результате чего режим последнего пал, что означало устранение одного из наиболее серьезных препятствий, мешавших реализации планов сирийского руководства по обеспечению доминирующих позиций САР в Ливане. Весной 1991 года президенты САР и Ливана подписали «Договор о братстве, сотрудничестве и координации», который позднее был ратифицирован парламентами обеих стран. Тем самым Дамаск получил правовую основу для дальнейшего расширения сферы своего влияния во всех областях жизни Ливана. Договор означал фактическое признание доминирующей роли САР на ливанской арене. Таким образом, был сделан шаг в направлении реализации концепции воссоздания «Аш-Шам» («Великой Сирии») применительно к условиям изменившейся обстановки. Запад категорически отверг правомерность самой данной концепции.

Однако, проявив озабоченность по поводу происходящего, США и Франция в конечном счете, по существу, признали наличие «особых отношений» между САР и Ливаном. Наибольшую обеспокоенность в связи с ростом влияния Сирии, естественно, выразил Израиль, который опасался активизации палестинских и проиранских группировок на юге Ливана. Стремясь гарантировать свои интересы в районе, Тель-Авив заблаговременно предпринял превентивные меры. Суть позиции Израиля выразил генеральный директор израильского МИДа Д. Кимхе, который заявил, что в случае неблагоприятного развития событий будут возрождены в полном объеме старые связи Израиля с нерегулярной христианской милицией. Это означало бы де-факто раздел Ливана с непрямым контролем Израиля над Югом, что и было впоследствии реализовано на практике посредством создания вдоль северной границы Израиля «пояса безопасности».

Относительная стабилизация ситуации в Ливане после 16 лет непрерывной гражданской войны создала некоторые предпосылки (разумеется, относительные) для дальнейшего наращивания Дамаском своего влияния в Ливане. Но с исчезновением в 1991 году СССР и уходом постсоветской России с ближневосточной арены САР лишилась «патрона», мощной внешней поддержки (что вынудило ее свернуть свое военно-политическое присутствие в Ливане. – *С. В.*). И сегодня, на фоне глобализации, продолжают сохранять свое действие как внутренние, так и внешние конфликтогенные факторы, генерирующие рост транснациональной турбулентности. Существуют тенденции «ливанизации» (данный термин прочно вошел в современный политико-конфликтологический лексикон. – *С. В.*) обширных регионов Закавказья, Балкан, Центральной Азии, Северной Африки, Причерноморья. Анализ эволюции ливанского кризиса позволяет сделать ряд выводов и обобщений, которые могли бы быть использованы при прогнозировании, предотвращении и разблокировании конфликтных ситуаций.

1. Развитие ливанского кризиса убедительно доказывает, что различные типы и виды конфликтов тесно взаимосвязаны и переплетаются между собой. Традионное деление их в настоящее время во многом утрачивает смысл ввиду быстрого исчезновения четких граней между гражданскими и межгосударственными конфликтами, которые приобретают гибридный характер. Практически подавляющее большинство внутренних конфликтов имеет международный компонент, поскольку последствия национального конфликта в той или иной стране обязательно отражаются (в большей или меньшей степени) на международной стабильности, особенно на положении в соседних государствах и прилегающем регионе. С другой стороны, и внешние факторы, как подтверждает ливанский опыт, оказывают все возрастающее воздействие на развитие событий внутри отдельных стран.

2. Ливанский конфликт, будучи многоплановым синтетическим явлением, включает в свою структуру ряд компонентов более простых конфликтов. Являясь в своей значительной части субэлементом более масштабного Ближневосточного кризиса, война в Ливане, подобно зеркалу, отразила в себе широкий спектр различных граней ирако-сирийского, палестино-шиитского, ирано-иракского, иордано-сирийского, саудовско-иранского, сиро-палестинского противостояний, кризисов в Персидском заливе, в Афганистане. На развитие этих конфликтов очевидное влияние, в свою очередь, оказывали этнополитические, религиозно-конфессиональные и корпоративно-клановые конфликты внутри САР, Израиля, Ирана, США, Франции, Египта, Саудовской Аравии, Ливии. Наряду с ними, основной макроконфликт генерировал множество межличностных и микроконфликтов, ряд которых оказывал обратное влияние на эволюцию самого макроконфликта. Очевидно, что ответственные решения, которые принимались в связи с ливанским конфликтом, явились результатом определенных внутриличностных конфликтов у многих из тех лиц, которые эти решения принимали. Особенно это касалось таких вопросов, как ввод сирийских войск в Ливан в 1976 году, направление в Бейрут многонациональных сил в 1982 году, вторжение израильской армии в Ливан в 1978 и 1982 годах, иракской армии в Кувейт в 1990 году.

3. Ливанский кризис наглядно подтвердил усиление действия кросснациональных факторов. Такие факторы, как исламский фундаментализм, международный терроризм, панарабский национализм, транснациональный гегемонизм, пантюркизм, сирийский регионализм, ваххабизм, а также Интернет, бизнес, торговля, финансы, современные технологии, действуя не только внутри отдельных стран, но и за их границами, «поверх голов» национальных правительств, ведут к кардинальному изменению системы международных отношений, вследствие чего соперничество и хаотизация в мировой политике значительно усложняются.

4. Иностранное военное вмешательство не только не способствовало прекращению конфликта, но и служило дополнительным фактором,

отягощавшим развитие ливанского кризиса, стимулируя непримиримость противоборствующих сторон и усиление ожесточенности конфронтации (эту закономерность подтвердили позднее вторжения США и их союзников в Ирак, Афганистан, Ливию, Йемен). Дестабилизирующий эффект усиливался также в связи с высокой адресностью поставок вооружений различным ливанским группировкам (у большинства из них собственные «карманные порты» на побережье Средиземного моря). Такого рода политика имеет «эффект бумеранга»: кризис в Ливане, сопряженный с масштабным иностранным вмешательством, широким применением силовых методов, продуцировал питательную среду для роста терроризма, «отраженный эффект» которого проявился не только во всем Ближневосточном регионе, но и далеко за его пределами.

5. Взаимодействие на ливанской арене множества субъектов международного сообщества показывает, что столкновение интересов различных действующих сил может приобретать нецивилизованные формы. Чтобы избежать этого, необходима выработка новых правил поведения, адекватных внешней ситуации. Отстаивая собственную позицию, любой участник событий призван учитывать национальные интересы других субъектов политики.

6. Эволюция ливанского конфликта подтверждает, что для достижения позитивных сдвигов в деле урегулирования и стабилизации обстановки необходимы хотя бы минимальный уровень согласия между членами международного сообщества, выработка мер доверия и формирование соответствующей международной атмосферы. Достижение взаимопонимания делает возможным перевод кризиса из «горячей» фазы в латентную стадию (то есть первый шаг на пути к урегулированию).

Таким образом, системный анализ ливанского кризиса показывает, что временный политический конфликт представляет собой пеструю мозаику, в которой переплетаются многообразные внутри- и внешнеполитические факторы и проблемы. Динамика развития такого рода конфликтов подтверждает следующую закономерность: если внутренний конфликт не локализован на ранней стадии, то значительно возрастает (либо становится неизбежной) вероятность его «интернационализации». Не будучи пресечен в зародыше, конфликт переходит в затяжную хроническую стадию, имея тенденцию к дальнейшей эскалации. Это делает весьма сложным и дорогостоящим процесс «лечения» запущенного заболевания. Вместе с тем важно отметить следующее обстоятельство: «переболев» и пройдя через испытания гражданской войны, внешне архаичная (но автохтонная) система «политического феодализма» выработала подобие своего рода «иммунитета» и адаптировалась к перманентным потрясениям и катаклизмам: так, хаотизация «Арабской весны» [9], гражданская война в соседней Сирии 2011–2017 годов (имеющая этноконфессиональный «бэкграунд»), разгул терроризма ИГИЛ, «аль-Каиды», «Джабхат ан-Нусры» затронули Бейрут не столь сильно, как другие страны

(ближневосточные и европейские), несмотря на то, что число беженцев из САР в Ливане достигло 1 млн человек. Для сравнения: в ходе ливанской войны 1975–1990 годов вынужденная миграция из одной части страны в другую охватила 2/3 населения республики [12].

Трагический опыт Ливана мог бы послужить уроком для всех субъектов мирового сообщества, которое уже вступило в опасную стадию антропологического перелома (когда в международных отношениях преобладает одно правило: «игра без всяких правил». – *С. В.*). Сегодня особое значение имеет научное обеспечение политики: заблаговременное выявление конфликтогенных факторов, долговременное прогнозирование, ситуативное моделирование возможных вариантов развития событий. Однако происходящее сегодня как в постсоветском «Зарубежье», так и на Ближнем и Среднем Востоке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) показывает, что даже имеющиеся аналитические наработки зачастую остаются не востребованными практическими политиками, которые играют ведущую роль в урегулировании конфликтов XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агавельян Ю.В. Этноконфессиональные и социальные аспекты ливанского кризиса (70–90-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Востоковедения РАН, 2000. 18 с.

2. Ахмедов В.М. Ливанская «Хизбулла» как «центр силы» на Ближнем Востоке // Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001. 283 с.

3. Базили К.М. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. М.: Министерство культуры, 2007. 607 с.

4. Беренкова Н.А. Исторические формы участия шиитской общины в политической жизни Ливана // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2–1.

5. Горбунова Н.М. Конфессиональная борьба в Ливане в 80-е годы // Восток и современность // Научно-информационный бюллетень. 1989. № 4.

6. Джабер Шабиб Халиль. Место и роль ливанского кризиса в межарабских отношениях (1982–1996). М.: Институт Востоковедения РАН, 1997.

7. Журавский А.В. Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М.: Наука, 1990. 329 с.

8. Мадо Исса. Религиозно-этнические общности маронитов и друзов в политической истории Сирии и Ливана. М.: Институт Востоковедения РАН, 1990.

9. Мелкумян Е.С. Арабские монархии: моделирование регионального пространства и «арабская весна» // Вестник РГГУ. 2013. № 1.

10. Радионов М.А. Мароните. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М.: Наука, 1982.

11. Шайрян Г.И. Этноконфессиональный фактор, политическая борьба и армия (на примере Ливана и Сирии) // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М.: Наука, 1990. 200 с.

12. Assaf G. The Displacement of People in Lebanon. New York, 1992.

13. Corm G.The Desintegration of Lebanon: 1975–76 // Fragmentation of the Middle East. Hutchinson Education, 1988.

14. Irani G. Conflict in Lebanon:Origins and Evolution. Oxford: Centre for Lebanese Studies, 1988.

15. Firro K. The Druze in and between Syria, Lebanon and Israel // Ethnicity, Pluralism and State in the Muddle East. London: Ithaca, 1988.

16. Foster Ch. The Palestinians in Lebanon // Contemporary Review. 1995. Vol. 266, № 1553.

S.V. Vostrikov

To the History of one Conflict: the Lebanese «Mirror» of the Middle East Conflicts

Key words: *war; community; tribalism; ethnopolitics; confessionalism; clannishness; Sunnis; Shiites; Maronites; Druses; Christians; Palestinians; fragmentation.*

The article is devoted to the history of origin, dynamics, specifics and characteristics of the civil war in the Republic of Lebanon in 1975–1990, the study of interaction and intertwining of internal religious, confessional and ethno-national factors with the aims of various foreign «interested forces».

А.Ю. Дворниченко

Санкт-Петербургский государственный университет

Р.-Е.А. Кудрявцева

Высшая школа общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета

УДК 930

Политическая система Великого княжества Литовского XIV–XVI веков в российской, белорусской, украинской, литовской и польской историографии начала XXI века

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

Ключевые слова: *белорусская историография; Великое княжество Литовское; литовская историография; российская историография; политическая система; польская историография; Рада; Сейм; украинская историография; шляхта.*

В начале XXI века издано множество работ, в которых затрагиваются разные аспекты развития политической системы Великого княжества Литовского. Изучение политической системы ВКЛ строится на традициях, заложенных белорусскими, украинскими, литовскими и польскими исследо-

вателями XIX–XX веков, сформировавшими определенные направления исследования, развивающиеся в историографии и сейчас. Несмотря на разнообразие трудов, наука еще далека от единого комплексного исследования, в котором была бы собрана в целостную картину история политической системы Великого княжества Литовского.

В начале XXI века история Великого княжества Литовского (ВКЛ) является предметом внимания многих исследователей. Данная работа не претендует на полноту освещения всех трудов по истории изучения политической системы ВКЛ, а содержит освещение основных тенденций развития историографии указанных стран.

Предметом анализа в данной статье стала история изучения политической системы ВКЛ в трудах российских, белорусских, украинских, литовских и польских исследователей первых двух десятилетий XXI века, которая тесно связана с основными тенденциями, присущими развитию истории изучения литовской истории.

Историография изучения ВКЛ являлась предметом анализа многих исследователей. Основные направления развития современной историографии наиболее полно представлены в статьях российских, украинских, польских и литовских исследователей в сборнике научных статей «Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.», основные тенденции современной украинской историографии ВКЛ – в монографии В.О. Василенко [7], белорусской – в статьях Д.В. Карева [32–34].

А.И. Филюшкин определил основные *тенденции, характерные для изучения ВКЛ в российской историографии* 1990-х – начала 2000-х годов [76]: изучение истории ВКЛ является проявлением личной инициативы отдельных исследователей; история Великого княжества Литовского анализируется как аспект истории международных отношений, войн и межконфессиональных отношений; к истории ВКЛ зачастую не применяются новые методы исследования. Ученый также отметил, что история ВКЛ не является самостоятельным предметом изучения в российских вузах [76, с. 14–15].

Основные *тенденции изучения ВКЛ в рамках белорусской исторической школы* определил Г. Голенченко [15], указавший на несформированность истории ВКЛ как единого и целостного объекта исторического исследования, а также на то, что изучение основных вопросов истории ВКЛ идет через призму истории Белоруссии. По мнению этого автора, наиболее актуальным направлением является изучение культурной жизни, внутренней политики, социального устройства и конфессиональных отношений ВКЛ. Г. Голенченко также отметил, что и сегодня продолжают большую роль играть исторические мифы, часто подменяя собой обоснованные научные гипотезы. В историографии ВКЛ мало новых концепций и подходов, так как часто новизна исследования выражается лишь в смене терминологии. Кроме того, это источниковедческое направление вообще

медленно развивается, издается мало источников [15, с. 122–124]. Другой белорусский исследователь, Д.В. Карев, обратил внимание на двоякость современной белорусской исторической концепции, которая, с одной стороны, является крайне политизированной и обуславливает установку Беларуси на суверенитет, а с другой – хорошо сбалансирована и стремится раскрыть всю полноту исторических процессов [33, с. 281].

Современные тенденции развития украинской исторической школы изучения политической системы ВКЛ представлены в статьях К.В. Кириченко [37], В.А. Василенко [7], Д.С. Вырского [13]. К.В. Кириченко выделила основные направления украинской историографии начала XXI века, среди которых приоритетными являются политические вопросы, в том числе история Киевской земли в составе ВКЛ, борьба Литвы с Московским княжеством, заключение Люблинской унии. Кроме этого можно выделить изучение истории элит, которая, однако, рассматривается не для всего государства в целом, истории сельской общины, а также экономической истории украинских земель Великого княжества Литовского, истории права, церковной истории, истории городов [37, с. 494–495].

Д. Вилимас и Р. Шмигельските-Стукене отразили в своей статье *основные тенденции изучения политической системы ВКЛ, характерные для литовской исторической науки* [11]. По мнению литовских исследователей, сегодня происходит расширение тематики и географии исследований по истории Великого княжества Литовского. Также заметен переход от изучения социально-экономической истории к истории государства и общества, истории ментальности. Важнейшими темами в работах историков являются отношения между Литвой и Русью, история правящей элиты и шляхетских родов, история конфессий, национальных меньшинств. Кроме того, происходит формирование новых направлений изучения моделей коммуникации, активно развиваются вспомогательные исторические дисциплины и действует множество научных организаций, специализирующихся на исследовании и публикации Литовской метрики.

Основные *тенденции развития польской исторической науки* в изучении Великого княжества Литовского осветили в своих работах А. Закржевский [29], Г. Блащик [80].

А. Закржевский отметил, что сегодня можно выделить несколько основных центров развития исторической науки в Польше, которые отличаются различной проблематикой исследований. Именно поэтому в современной Польше нет единой концепции изучения ВКЛ, поскольку каждый региональный центр действует по собственной программе исследований. Одним из таких центров является Познань, где преимущественно изучаются история международных отношений и история культуры [29, с. 102–104]. В другом центре, Торуни, основными направлениями исследований являются история внешней политики, история картографии, история культуры и конфессий,

биографические исследования [29, с. 105–106]. Варшавские исследователи занимаются преимущественно политической историей, историей должностных лиц, военной историей, историей евреев, историей права ВКЛ [29, с. 108–111]. В Белостоке – историей Подляшья, конфессиональной историей [29, с. 112–113]. А. Закржевский отметил, что главным толчком для развития изучения ВКЛ в Польше явилось упрощение доступа к российским, белорусским и украинским архивам, а также совместные публикации исследователей разных стран [29, с. 114].

Важнейшей особенностью рассматриваемой историографии первых двух десятилетий XXI века является количественный рост российских, белорусских, украинских, литовских и польских исторических исследований по истории как политической системы ВКЛ в целом, так и отдельных ее аспектов. Изучение строится на традициях, заложенных еще польскими историками XVII века, которые описывали историю Литвы, и продолженных российскими, белорусскими, украинскими, литовскими и польскими исследователями XIX–XX веков, сформировавшими научные направления, развивающиеся в историографии и на современном этапе.

В целом в трудах исследователей, изучавших историю политической системы ВКЛ, можно выделить *четыре основных направления*: изучение статуса великокняжеской власти, изучение органов сословного представительства, их статуса и роли в политической системе, изучение шляхты как сословия и как социального института, изучение административного устройства и системы управления в ВКЛ. Впрочем, выделение этих направлений в данной статье не претендует на окончательную классификацию современной историографии политической системы ВКЛ.

В современной российской историографии интерес к истории ВКЛ невелик, к ней обращаются лишь отдельные исследователи. А.Ю. Дворниченко посвятил свое исследование развитию общины западнорусских земель, эволюции социальной борьбы и развитию государственности, эволюции боярства в литовском государстве, отмечая его функции: участие в правительстве, Раде, суде [23]. На материале ВКЛ он разработал концепцию военно-служилой государственности и ее постепенной трансформации в сословно-аристократическое государство по мере формирования частного землевладения. В книге проанализировано развитие дискуссий о терминологии, применимой к высшему сословию ВКЛ в исследованиях XIX–XXI веков, показана эволюция дискуссии о статусе Великокняжеской Рады и Сейма в отечественной историографии. То, что книга А.Ю. Дворниченко, написанная в первой половине 90-х годов прошлого века, и по сей день остается основной монографией по социально-политической истории ВКЛ в российской историографии, – живая иллюстрация к процитированной в начале статьи мысли о «личной инициативе отдельных исследователей».

Тогда же была написана и ценная книга М.Е. Бычковой, в которой предпринята попытка сравнения политического строя ВКЛ и Московского государства [5].

Работа М.М. Крома [41] посвящена истории вхождения в состав Великого княжества Московского княжеств верхней Оки, Брянска, Смоленска и других земель, находившихся в конце XV – начале XVI века на русско-литовском пограничье. В центре внимания автора – позиция местного населения (князей, бояр, горожан, православного духовенства), по-своему решавшего непростую задачу выбора между двумя противоборствующими державами – Москвой и Литвой. Исследователь приводит типологию русских городов в составе Великого княжества Литовского [41, с. 196].

В 2011 году вышла монография московского исследователя С.В. Полехова [56], развивающая идеи его кандидатской диссертации [55], в которой автор подробно проанализировал внутриполитический кризис в ВКЛ в 30-е годы XV века. В монографии опубликован ряд источников по истории ВКЛ. В настоящее время С.В. Полехов активно занимается историей ВКЛ, например, публикуя статьи, посвященные завещанию Витовта [58], Городельской унии [57].

В начале XXI века белорусские исследователи продолжают традиции изучения политической истории ВКЛ, заложенные дореволюционными российским и белорусскими историками. Среди белорусских исследований издано множество историографических работ по отдельным направлениям изучения политической системы ВКЛ.

В 2007 году вышла статья В.А. Белозоровича [2], в которой автор рассмотрел первые труды по литовской истории XVI–XVIII веков.

Белорусский исследователь Д.В. Карев в своих статьях осветил развитие историографии изучения Великого княжества Литовского в целом в белорусской и зарубежной науке [32], основные направления развития изучения ВКЛ в белорусской исторической науке начала XXI века [33], основные тенденции изучения истории культуры ВКЛ на современном этапе: исследования исторической памяти, роли христианства и значения белорусской культуры [34].

В 2016 году вышло несколько работ В.Ф. Голубева [17–20], посвященных развитию современной белорусской историографии истории ВКЛ в целом, а также социально-экономической истории государства. Исследователь отмечает, что на современном этапе развития белорусской историографии недостаточно изученными остаются вопросы истории торговли, местечек, панского землевладения, недостаточно работ по внешнеполитическим отношениям и дипломатии, истории взаимодействия этносов и развития образования в Великом княжестве Литовском [19, с. 14–17].

В 2017 году М. Кастюк проанализировал историю изучения ВКЛ в Институте истории НАН Беларуси, основные издания института, посвященные истории Великого княжества Литовского, а также отдельных городов [36].

Помимо обобщающих трудов можно отметить статьи, затрагивающие отдельные направления изучения историографии Великого княжества Литовского: историография концептов «Литва» и «Русь» [25]; историография образования Великого княжества [75]; историография развития феодальных отношений на территории Белоруссии XVI века (И.Ю. Уваров осветил эволюцию изучения вопроса в советский период [71]); историография развития представительных органов (тот же И.Ю. Уваров затронул дискуссию о значении Сейма в отечественной историографии [72]); историография развития городского самоуправления в Белоруссии [70]; историография эволюции термина «магнат» [16].

На современном этапе изучения политической системы ВКЛ продолжает развиваться юридическая школа изучения права. В диссертационном исследовании 2004 года [27] Ю.П. Довнар охарактеризовала предпосылки и сущность судебной реформы, этапы ее проведения и особенности изменения в судоустройстве и судопроизводстве. Автор опиралась на фундаментальные исследования отечественных историков М.В. Довнар-Запольского, И.И. Лаппо. Общая характеристика права и отдельных его аспектов дана в работах С.А. Лашкевича [44], Д.В. Щербика [78], В.В. Каляды [31]. В исследованиях права на современном этапе развития дискурса формируется точка зрения о прогрессивном характере законотворчества Великого княжества Литовского, чья правовая культура опережала в своем развитии не только соседние страны – Корону Польскую и Московское государство, но и страны Западной Европы [78, с. 113].

В изучаемый период вышло фундаментальное историографическое диссертационное исследование Н.В. Козловской [40], затрагивающее проблематику политико-правового статуса шляхетского сословия, в котором автор поставила целью представить исследовательский синтез историографии и источниковедения истории шляхты белорусских земель.

Для современной белорусской историографии политической системы ВКЛ актуальными остаются концепции, выдвинутые отечественными исследователями прошлого: древнего характера политической традиции Сейма Великого княжества Литовского (сформулирована в трудах М.О. Кояловича и М.К. Любавского); феномена народа-шляхты (сформулирована И.И. Лаппо), а также основные направления исследования, выделенные ранее.

В 2000 году вышел труд Николая Ермаловича [28], в котором автор рассматривает историю ВКЛ как историю самостоятельного государства и в составе Речи Посполитой и отмечает влияние белорусской составляющей в этническом, политическом и религиозном аспектах развития литовской государственности.

В 2005 году была издана «Энциклопедия ВКЛ» [9] – коллективный труд многих белорусских исследователей, сборник кратких статей по огромному кругу вопросов, касающихся истории ВКЛ.

В 2008 году группой белорусских исследователей под руководством Ю. Бохана и Г. Галенченко была издана многотомная коллективная монография [4], в которой авторы уделили внимание развитию панов-рады и Сейма, усилению их политической власти и влянию на великого князя, а также предложили классификацию шляхты ВКЛ по количеству коней, которая широко используется в работах современных белорусских исследователей.

Наиболее известным представителем белорусской историографии являлся П.О. Лойко, который охарактеризовал структуру управления крупными территориально-административными единицами ВКЛ [47].

В 2012 году была выпущена белорусская иллюстрированная энциклопедия В. Орлова и З. Герасимовича [1]. Книга представляет собой обширное обозрение культуры и истории Белоруссии с древнейших времен по новейшее время. Один из разделов книги, небольшой по содержанию, отражает функции органов воеводского и поветового местного управления ВКЛ. Данная книга является иллюстрированным продолжением другой белорусской энциклопедии, о которой говорилось выше.

Актуальным и дискуссионным в белорусской историографии остается вопрос о характере государственного устройства ВКЛ. Некоторые современные белорусские исследователи поддержали точку зрения, сформулированную Г. Голенченко в 1998 году, о «шляхетской демократии» в ВКЛ. С ней согласны, например, К. Карлюк [35], А.Н. Янушкевич [79], Т. Довнар [26], считавшие ВКЛ шляхетской демократией с главенствующей ролью Сейма, что привело впоследствии государство к гибели. Поддержал эту точку зрения и И.Ю. Уваров, отметивший, что Сейм не мог способствовать укреплению власти из-за внутренних противоречий в среде шляхты, а вольности и права лишь способствовали усилению этих противоречий [73; 74]. В 2007 году П.О. Лойко отмечал, что шляхта стремилась к идеалу, которым являлась диктатура права, основанная на нерушимости вольностей и политических прав шляхетства [45, с. 14].

Ю.Л. Казаков и Л.Я. Климуц придерживаются другой концепции, согласно которой формой правления в ВКЛ была феодальная монархия, построенная по федеративному типу [30, с. 13] и развивающаяся в русле идеологии сарматизма [38, с. 98].

Одним из самых активно развивающихся направлений изучения политической системы ВКЛ в белорусской историографии начала XXI века является изучение деятельности высших органов управления и полномочий отдельных должностных лиц, таких как канцлер и подканцлер ВКЛ. Генезис статуса института Рады и великокняжеской канцелярии рассмотрен в исследованиях А.И. Груши [21], В.В. Цишчанки [77], С.А. Лашкевича [44], А.В. Любого [48], Н.А. Скепьян [68], Д.В. Щербика [78], Л.Я. Климуц [38].

Истоки института рады современные белорусские исследователи видят в великокняжеских советах времен Миндовга, поддерживая концеп-

цию, высказанную в свое время Ф.И. Леонтовичем и М.В. Довнар-Запольским. Д.В. Щербик указывает на генетическую связь Рады как совета при князе в Киевской Руси и Литовском государстве [78, с. 99]. В.В. Цишчанка считал, что Рада по Привилею 1447 года получила огромные полномочия, но ведущую роль в политической системе занимал все же великий князь [77, с. 47]. С этим мнением не согласилась Л.Я. Климуц, считая, что в связи с отсутствием великого князя в Литве вся полнота власти передавалась в руки панов-рады [38].

Среди функций Рады исследователи выделили: совместное с великим князем судопроизводство, юридически закрепленное при Казимире Ягеллончике [77, с. 64] с целью уменьшить судебную волокиту во время отсутствия правителя, законотворчество по вопросам обложения налогами и распоряжению землей [77, с. 66], а также военно-совещательную [77, с. 69] и миротворческую, направленную на урегулирование внутриполитических конфликтов во время отсутствия в стране великого князя при помощи локальных привилеев [48, с. 100].

На современном этапе развития изучения политической системы белорусских исследователей в первую очередь интересуют внешнеполитические функции Рады [44], в рамках интереса к внешнеполитическим контактам ВКЛ с соседними государствами.

В первые два десятилетия XXI века актуальным направлением в изучении деятельности Рады является анализ придворных церемоний с участием панов радных и великокняжеского двора. С.А. Лашкевич в диссертационном исследовании рассмотрел процесс отправления посольства и церемониал приема иностранных послов при дворе ВКЛ. Исследователь заключил, что придворный церемониал ВКЛ не был законодательно оформлен и опирался на традиции стран Западной Европы и Московского государства [44, с. 53].

В белорусских диссертационных исследованиях статуса и функционала высших и центральных органов ВКЛ отдельным направлением является изучение великокняжеской канцелярии и должности канцлера (исследования А.И. Груши [21], А.Е. Рыбакова [66], О.И. Лазоркиной [42], С.А. Лашкевича [44], Н.А. Скепьян [68]). А.И. Груша определил основное назначение великокняжеской канцелярии как документальное обеспечение деятельности великого князя [21, с. 97], изучил основной должностной состав канцелярии, а также проанализировал изменения в структуре института после канцелярской реформы XVI века. Н.А. Скепьян рассмотрела функции канцлера ВКЛ и его роль в общественно-политической жизни государства.

В работах С.А. Лашкевича [44], Д.В. Щербика [78], Ю.П. Довнар [27], И.Ю. Уварова [72–74] основным объектом исследования стали Вальный Сейм и Трибунал Великого княжества Литовского. Д.В. Щербик отметил особенности организации литвинского Сейма в сравнении с органами представительства Короны Польской в опоре на родовую организацию

магнатов и шляхты, в отличие от территориальной организации шляхты в представительном органе Короны Польской [78, с. 57]. Истоки формирования Сейма исследователь видит в древних формах общих собраний племенного строя, оформившихся после Кревской унии в представительный орган феодалов [78, с. 59].

В последние годы активно развиваются исследования Головного съезда ВКЛ в работах В.А. Падалинского [50–53], доцента кафедры истории Беларуси БГУ, который рассматривает вопросы состава этого органа, регламента его работы, а также съезд как инструмент борьбы шляхты за свои политические права.

Возрастает интерес к изучению судоустройства и судопроизводства в ВКЛ среди исследователей-юристов, например, в работах Ю.П. Довнар [27], анализировавшей местные органы судопроизводства в пореформенный период – гродский и земский суд, их состав и компетенцию, а также функционал и особенности некоторых должностных лиц [78, с. 73].

Предметом анализа белорусских исследователей современного этапа развития историографии является институт сеймиков. Их состав, регламент работы и компетенцию рассматривали П.О. Лойко [46], С.А. Лашкевич [44], Д.В. Щербик [78], В.А. Воронин [6; 14], В.А. Падалинский [50–53], многие работы которого посвящены сеймовым поветовым представительствам гродненского, лидского, полоцкого шляхетства.

Актуальными остаются вопросы, касающиеся развития политических и имущественных прав шляхетства, рассматриваемые в статьях И.Ю. Уварова [72–74], А. Радамана [63], вопросы соотношения политических прав православного и католического шляхетства, например в работах В.А. Голубева [18–20].

В трудах современных украинских исследователей политическая система ВКЛ остается актуальным предметом исследования. В 2007 году вышла обобщающая монография украинского исследователя В.А. Василенко [8], в которой автор рассматривает проблемы освещения в историографии процесса создания ВКЛ и оформления его территории. Также автор рассматривает эволюцию политического строя и властных органов, внутриполитическую борьбу и положение православного населения, внешнеполитические отношения.

Так как основной вектор интереса украинских исследователей направлен на украинские земли в составе ВКЛ, среди них почти нет больших обобщающих работ по истории политической системы государства. В 1998 году вышла многотомная монография «Україна крізь віки» [65]. Шестой том исследователя А.В. Русиной содержит анализ перехода русских земель в состав ВКЛ, противостояния ВКЛ и Московского государства, а также освещает реформы Сигизмунда Старого и их общегосударственное значение.

Так же, как и белорусские исследователи, украинские историки обращают внимание на проблему представительства на сеймах поветовых шляхтичей. В 2001–2008 годах вышло несколько статей В. Полищука [59–61], в которых он рассматривал волынские сеймовые прошения середины XVI века и представительства украинских шляхтичей на сеймовых заседаниях.

В 2009 году опубликована монография С.Г. Ковалевой [39] по истории права Великого княжества Литовского, посвященная Судебнику Казимира. Украинские исследователи-юристы также затрагивают историю права ВКЛ при анализе современной ситуации на Украине, например в статье З. Романивка [64].

Среди литовских исследователей современного периода усилился интерес к истории Литвы XX века, но, несмотря на это, изучение политической системы ВКЛ не теряет актуальности. Литовские исследователи обращаются к историографии отдельных направлений в изучении политической системы. В 2006 году вышла статья М. Сирутавичюса [67], в которой автор отметил рост социальных и политических исследований по истории ВКЛ в литовской историографии при снижении интереса к истории внешней политики [67, с. 238], поэтому автор при написании работы концентрировался именно на работах по истории дипломатии. Отдельные направления в изучении историографии истории ВКЛ также присутствуют в трудах литовских исследователей. Например, в своей монографии [62] Р. Петраускас поместил объемный раздел, посвященный историографии вопроса, однако исследователь уделяет внимание в основном литовским и польским работам, не представив в обзоре труды отечественных, белорусских и украинских исследователей.

В 2002 году вышла работа литовского исследователя З. Кяупы [87], в которой он подробно излагает историю государства с древнейших времен до постсоветского периода.

В 2003 году появилась монография литовского исследователя Р. Петраускаса, переизданная в 2014 году на белорусском языке [62], на стыке персональной и социальной истории. Автор проанализировал происхождение и генеалогию литовской шляхты, а также раскрыл ее внутреннюю структуру и охарактеризовал шляхетское землевладение. Основную ценность данного издания представляет просопография литовской знати в период с 1387 по 1492 год с указанием должностей и гербов.

Исследование по литовской истории Э. Гудавичюса [22], изданное на русском языке в 2005 году, – основная работа, представляющая точку зрения современной литовской исторической науки на развитие статуса великокняжеской власти. В этом исследовании дан подробнейший анализ формирования литовской монархии в XIII – конце XIV века и сословного общества, а также генезиса княжеской власти в Литве XV–XVI веков. Важной чертой государственного устройства ВКЛ Э. Гудавичюс считает

следующее: несмотря на то, что великий князь не являлся ко времени издания I Литовского Статута единственным институтом воплощения государственности, он занимал в государственной иерархии первое место.

По вопросу государственного устройства Э. Гудавичюс придерживается точки зрения, что в ВКЛ доминировала магнатская олигархия Рады [22, с. 434]. Но, так как монография посвящена истории государства до Люблинской унии, анализ структуры местного управления, городов и местечек охватывает только период до середины XVI века.

Вопросы государственного устройства, шляхетского представительства на сеймиках, а также роль земских учреждений рассматривает в своих трудах литовский историк Д.К. Вилимас. Исследователь разделяет точку зрения о существовании в ВКЛ магнатской олигархии [12, с. 150].

В современной литовской исторической школе исследователи З. Норкус и Г. Бераснявичюс развивают дискуссию о восприятии ВКЛ как империи. З. Норкус [92] рассматривает ВКЛ как многонациональную и многоконфессиональную империю. Г. Бераснявичюс также видел в ВКЛ имперскую идею. Исследователь выделил две особенности ВКЛ как империи: религиозную и этническую толерантность и альтернативность (для аристократии Московского государства) [3, с. 218]. Имперская идея выражалась, в том числе, в присоединении русских земель к ВКЛ, распространении русских политических традиций и была утрачена после смерти Витовта.

Актуальным остается вопрос о правовом положении женщины ВКЛ, его затрагивает в своей работе Д.Н. Сконюте, проанализировавшая статьи Статута 1588 года [69].

В 2014 году вышла монография М. Ючаса о древнем периоде истории Литвы [85], в которой автор затронул вопросы развития политической системы изучаемого периода: развитие шляхетского землевладения и личных прав, становление сеймов, отмечая древний характер первых собраний [85, с. 102].

В 2015 году издана монография Л. Буцевичюте [81], посвященная формированию государственных границ государства, анализу картографии и концепции Литовского княжества в правовых документах государства, процедуре определения границ.

В работах литовских исследователей не теряет актуальности исследование права. В Литовской Республике активно продолжается издание томов Литовской метрики, а также других источников по истории ВКЛ. В 2015 году вышла работа Р. Рагускене [95], посвященная истории развития исторической памяти, анализу частных архивов светской и духовной знати, способов формирования архивов, особенностей содержания и полноты охвата коллекций.

В 2015 году также вышел сборник статей литовских, украинских и польских авторов по истории ВКЛ «Статут Литвы и благородное общество Великого княжества Литовского», в котором представлены труды Э. Гуда-

вичюса [84], И. Валконите [97], Ю. Кяупене [88], Р. Петраускаса [93], посвященные великокняжеским привилеям, Статуту 1529 года, роли К. Острожского и Л. Сапеги в кодификационном процессе в Великом княжестве Литовском, значению Статута в XVIII веке.

Исследования польских историков по истории политической системы ВКЛ в основном посвящены отдельным вопросам. Польские исследователи затрагивают вопросы историографии отдельных направлений изучения политической системы.

В 2014 году вышла статья исследователя К. Петкевича, рассматривающая польскую историографию Люблинской унии 1990-х годов с точки зрения ее роли в развитии польско-литовского конфликта [54].

Труд А. Закржевского [98], в котором автор анализирует генезис сеймиков XVI–XVIII веков, рассматривает вопросы возвышения шляхетской власти, желание ее участвовать в политической жизни государства и формы этого участия. По мнению автора, шляхетские сеймики являлись не «гласом общества», но вспомогательным органом при великом князе. Тематику изучения сеймиков ВКЛ и Короны Польской также развивает исследователь А. Рахуба [94], затронувший вопросы регламента работы Литовского сейма в период с XVI по XVIII век.

Польский историк Е. Луковский в книге по истории Польши [90] рассматривает также историю ВКЛ, обращая внимание на ослабление великокняжеской власти в ВКЛ после принятия Люблинской унии.

Актуальным остается направление изучения органов представительства в ВКЛ. В 2008 году вышла статья Л. Корчак [89], в которой автор поставила целью проанализировать истоки литовского парламентаризма, а также составила комплексный анализ парламентских органов ВКЛ и стран Центральной Европы.

Польские историки затрагивают и вопросы этноконфессиональных отношений в ВКЛ. Так, например, Т. Кемпа [86] проанализировал позиции, занимаемые православной и протестантской знатью на сессиях сеймиков ВКЛ в конце XVI века.

Одной из популярных литовских персоналий в работах польских историков является Лев Сапега, канцлер ВКЛ, дипломатической и кодификационной деятельности которого посвящено множество исследований, например работы М. Страшевича [96], А. Закржевского [100], А. Чволека [82].

В Польше, как и в Литве, идет активный процесс публикации книг Литовской метрики, а также работ по истории кодификации права, изучению статутов, которые рассматривались еще в работах С. Лазутки [43]. В 2014 году вышло несколько статей в литовском сборнике, посвященном литовским статутам. Это работы А. Монюшко [91] о процессе кодификации права при Сигизмунде III, А. Закржевского [99] о процессе объедине-

ния права ВКЛ и Польской короны, С. Годека [83] о методах исследования третьего раздела Статута 1588 года.

Таким образом, российские, белорусские, украинские и литовские исследователи политической системы ВКЛ XIV–XVI веков на современном этапе обращаются к истории органов власти ВКЛ, проблеме роста влияния шляхты на политическую систему государства, проводят просопографические исследования шляхетских родов, анализируют этноконфессиональную ситуацию. Зарождаются новые направления, зачастую развивающие «старые» концепции.

В настоящее время история ВКЛ является политизированным вопросом, споры о статусе и роли этого государства в истории Восточной Европы разворачиваются в Интернете (например, дискуссия, вызванная статьей «Что нужно знать о ВКЛ» К. Маркелова [49], подвергнутой критике в первую очередь белорусским историком В. Деружинским [24], в которой, несмотря на конструктивные замечания, присутствует приравнивание статьи к мнению «всех историков РФ» об истории ВКЛ). Представители национальных историографий зачастую мало учитывают достижения коллег, предпочитая, так сказать, вариться в собственном котле. С другой стороны, восточноевропейские историки проявляют недостаточное знакомство с интернационально-западной историографией.

На конец второго десятилетия XXI века издано множество работ, в которых затрагиваются разные аспекты развития политической системы ВКЛ. Однако, несмотря на разнообразие исследований и большую работу отечественных, белорусских, украинских, литовских и польских исследователей, историческая наука еще далека от создания целостной картины, в которой отразилась бы история развития политической системы и эволюция властных отношений литовского государства. Недостаточно определено место великого литовского князя в политической системе, недостаточно показано влияние шляхты на эволюцию органов власти и самого государства, а также не дан всесторонний ответ на вопрос: почему ВКЛ исчезло с карты мира и было почти забыто?

ЛИТЕРАТУРА

1. Арлоў У., Герасімовіч З. Ілюстраваная гісторыя. Минск, 2012.
2. Белазаравіч В.А. Пачатак гістарыяграфіі ВКЛ // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2007. С. 389–394.
3. Бераснявічус Г. Чароўнасць літоўскай імперыі // Druvis. 2008. № 2. С. 217–224.
4. Бохан Ю., Галенчанка Г. Гісторыя Беларусі. Т. 2. Мінск, 2008.
5. Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996.
6. Варонін В.А. Законатворчая дзейнасць віцебскіх абласных з'ездаў у першай палове XVI ст. (на прыкладзе ўстаў аб «пахожых» сялянах 1531 і 1551 гг.) // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Пас-

палітай у XV—XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 55–60.

7. Василенко В. Дослідження політічної історії Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в сучасній українській історіографії (1991–2003 рр.) // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.», (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 499–508.

8. Василенко В.О. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст.. Дніпропетровськ, 2006. 659 с.

9. Велікае княства Літоўская: энцыклапедыя. Ў 2 т. Т. 1–2. Мінск, 2005.

10. Вилимас Д. Врядники земских судов Великого княжества Литовского – участники сеймов Речи Посполитой и главных съездов ВКЛ (1569–1588 гг.) // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 92–95.

11. Вилимас Д., Шмигельските-Стукене Р. Основные достижения историографии Литвы последнего десятилетия в исследовании проблем Великого княжества Литовского (XIII–XVIII вв.): краткий обзор // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 226–237.

12. Вилимас Д.К. К вопросу о характерике государственного строя ВКЛ после Люблинской унии // Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: матерыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 15–17 кастр. 2009 г. Мінск, 2009. С. 149–154.

13. Вирський Д. Велике князівство Литовське як і досвід: випадок Украіини // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 506–516.

14. Воронин В.А. К проблеме взаимоотношений православных и католиков в Великом княжестве Литовском в конце XIV – середине XVI в. // Исторический вестник. Т. 7: Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 136–160.

15. Галенчанка Г. Беларуская гістарыяграфія гісторыі Вялікага княства Літоўскага XIII–XVIII стст. за 1992–2003 // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 112–124.

16. Ганчарэнка С. Магтарэрыя Вялкікага Княства Літоўскага: да праблемы выкарыстання тэрміна «магнат» у гістарыяграфіі // Вялікае княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. В 99 арт. Ч. 1. Мінск, 2017. С. 420–428.

17. Голубеў В.Ф. Агляд беларускай гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.) Аграрная гісторыя // Беларускі гістарычны часопіс. 2016. № 2. С. 22–30.

18. Голубеў В.Ф. Агляд беларускай гістарыяграфіі гістырі Вялікая княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.) // Беларускі гістарычны часопіс: навукова-тэарэтычны, навукова-метадычны часопіс / Выдавецтва «Пачатковая школа», Інстытут гісторыі НАНБ, БГУ. 2016. № 1. С. 25–31.

19. Голубеў В.Ф. Найноўшая беларуская гістарыяграфія гісторыі Вялікая княства Літоўскага (канец XX – пачатак XXI ст.): дасягненні, задачі, перспектівы // Беларускі гістарычны часопіс: навукова-тэарэтычны, навукова-метадычны часопіс / Выдавецтва «Пачатковая школа», Інстытут гісторыі НАНБ, БГУ. 2016. № 3. С. 13–15.

20. Голубеў В.Ф. Сельская абшчына 16–18 ст. у айчыннай гістарыяграфіі // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі, новай і навейшай гысторыі краін еўропы і ЗША. Мінск, 2008. Ч. 1. С. 54–58.

21. Груша А.І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў 15-першай паловы 16 ст.: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2001.

22. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. М., 2005.

23. Дворниченко А.Ю. Русские земли ВКЛ: очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.). М., 2013.

24. Деружинский В. Забытое королевство. ВКЛ в представлениях историков РФ // Аналитическая газета «Секретные исследования». 2016. № 19. URL: http://www.secret-r.net/arkhiv-publikatsij/36-2016/zabytoe-korolevstvo (дата обращения: 02.08.2017).

25. Дзярнович О. «Литва» и «Русь» в 13–16 вв. как концепты белорусской историографии // Гістарычна-археалагічны зборнік / Інстытут гісторыі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Мінск, 2012. Вып. 27. С. 7–14.

26. Доўнар Т. Вытокі і гістарычнае развіцце інстітута парламентарызму ў Беларусі // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 9–26.

27. Доўнар Ю.П. Судовая рэформа 16 стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2004. 135 с.

28. Ермаловіч М. Беларусская дзяржава Велікае княства Літоўскае. Мінск, 2000.

29. Закржевский А. Состояние и перспективы современных польских исследований по истории Великого княжества Литовского // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 1(3). Январь-июнь. С. 101–114.

30. Казаков Ю.Л. Самоидентификация шляхетского сословия в ВКЛ в конце XV – начале XVII в. // Пр. гіст. фак. БДУ: навук. зб. Мінск, 2009. Вып. 4. С. 13–20

31. Каляда В.В. Вайсковае заканадаўства Вялікага княства Літоўскага ў 16 стагоддзі: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2010. 156 л.

32. Карев Д.В. Великое княжество Литовское в отечественном и зарубежном белорусоведении XX – начала XXI в. // Гістарычна-археалагічны зборнік / Інстытут гісторыі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Мінск, 2012. Вып. 27. С. 93–99.

33. Карев Д.В. История Беларуси в белорусской историографии 90-х XX – нач. XXI в. (основные проблемы и тенденции изучения) // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы V международной научно-теоретической конференции, г. Минск, 22 мая 2012 г. / редкол.: В. В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2012. С. 277–283.

34. Карев Д.В. Основные тенденции изучения истории культуры народов ВКЛ 16–17 вв. в восточнославянской историографии новейшего времени // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 405–412.

35. Карлюк К. Magnus Dux Haereditarius: праблема легітымнасці літоўскай манархіі ў XVI–XVII ст. // Druvis. 2008. № 2. С. 183–199

36. Касцюк М. Вывучэнне гісторыі ВКЛ у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі і перспектывы далейшых даследаванняў // Вялікае княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура: зб. навук. В 99 арт. Ч. 1. Мінск, 2017. С. 12–17.

37. Кириченко К. Історія Великого князівства Литовського в украііньскій історіографііі 1991–2003 р.: основні тенденції // Вялікае княста Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 484–498.

38. Клімуць Л.Я. Сарматская культура Беларускай шляхты ў XVI–XVIII стагоддзях. Мінск, 2013.

39. Ковалева С.Г. Судебник великого князя Казимира Ягайловича 1468 року. Миколаїв, 2009. 112 с.

40. Козловская Н.В. Шляхта белорусских земель Великого княжества Литовского: российская, дореволюционная, советская историография и источниковедение проблемы: дис. … канд. ист. наук. Гродно, 2001. 131 с.

41. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010.

42. Лазоркина О.И. Дипломатическая служба Великого княжества литовского во внешнеполитическом механизме Речи Посполитой 1600–1697 гг. Минск, 2009. 126 с.

43. Лазутка С. Первый Литовский Статут. Вильнюс, 1983.

44. Лашкевіч С.А. Знешнепалітычная актіўнасць Вялікага княства Літоўскага пасля заключэння Люблінскай Уніі (1569–1600). Мінск: БГУ, 2007. 123 с.

45. Лойка П.А. Асноўныя прынцыпы дзярдаўнай улады ў поглядах Льва Івановіча Сапегі // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 11–15.

46. Лойка П.А. Соймікі беларускіх зямель у дзяржаўна-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай (апошняя трэць XVI – першая трэць XVII ст.) // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 176–182.

47. Лойко П. Улада і кіраванне ў ВКЛ. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі. URL: http://jivebelarus.net/for-pupils-and-students/history-of-belarus-grand-duchy-of-lithuania/power-and-governance-in-the-GDL.html#lnk2 (дата обращения: 30.03.2013).

48. Любый А.У. Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім у 30–40-ыя гг. 15 ст: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2006. 121 с.

49. Маркелов К. Что нужно знать о Великом княжестве Литовском. URL: http://russian7.ru/post/chto-nuzhno-znat-o-velikom-knyazhestve-li/ (дата обращения: 02.08.2017).

50. Падалінскі У.А. Галоўны з'езд Вялікага Княства Літоўскага: генезіс, функцыі, гістарыанаэ развіцце // Беларускі гістарычны часопіс: навукова-тэарэтычны, навукова-метадычны часопіс / Выдавецтва «Пачатковая школа», Інстытут гісторыі НАНБ, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 2015. № 8. С. 13–23.

51. Падалінскі У.А. Павятовая палітычная эліта ў святле дзейнасці гарадзенскага сойміка ў другой палове XVI ст. // Гарадзенскі палімпсест. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыцце, XV–XX ст.: зборнік матэрыялаў II Міжнароднай навуковай канферэнцыі (лістапад 2009 г., г. Гродна). Гродна, 2009. С. 179–199.

52. Падалінскі У.А. Палітічная эліта Лідскага павета ў апошнай трэці XVI ст. // БГА. 2009. Т. 16. С. 3–30.

53. Падалінскі У.А. Соймавае прадстаўніцтва Полацкага ваяводства ў канцы XVI ст. Спроба аналізу // Полацкі музейны штогоднік: зборнік навуковых артыкулаў. Полацк, 2010. С. 155–163.

54. Петкевич К. Люблинская уния как источник многовекового польско-российского конфликта в свете польской историографии // История и современность. Волгоград, 2014. № 2. С. 73–81.

55. Полехов С.В. Внутриполитический кризис в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 23 с.

56. Полехов С.В. Наследники Витовта: династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. 709 с.

57. Полехов С.В. Не толькі Гарадзенская унія. Да ацэнкі палітыкі вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча (1432–1440) // Arche. 2014. № 11: Гарадзенскі міленіум. С. 61–105.

58. Полехов С.В. Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 183–200.

59. Поліщук В. Врядове виживство красносільских бояр у контексті замкових служб (Луцьке староство в 1545–1547 рр.) // Молодая нація. 2001. № 3. С. 194–239.

60. Поліщук В. Прохання представників Волинскоі землі на вальних сеймах Великого князіства Литовьского 1547–1568 рр. // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 61–79.

61. Поліщук В. Свідкі у літовьско-руському праві до судово-адміністративної реформи 1564–1565 рр. // Молодая нація. 2000. № 1. С. 123–164.

62. Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: склад – структура – улада: пераклад з літоўскай мовы. Смаленск, 2014. 385 с.

63. Радаман А. Вайсковыя шляхецкія з'езды (попісы і зборы паспалітнага рушэння) Наваградскава павета ў другой палове XVI ст. // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 92–95.

64. Романивка З. Становление и историческая обусловленность учета орудий и средств совершения преступления в украинском уголовном праве // Legea şi viaţa. 2015. № 7/2. С. 70–74.

65. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою // Україна кріз вікі. Т. 6. Київ, 1998.

66. Рыбаков А.Е. Общее делопроизводство в центральном аппарате управления Великого княжества Литовского в 16 в.: дис. … канд. ист. наук. Минск, 1999.

67. Сирутавичюс М. Тенденции в исследовании истории внешней политики и дипломатии Великого княжества Литовского в литовской историографии последнего десятилетия // Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 238–245.

68. Скеп'ян Н.А. Інстытут канцлерства ў дзяржаўнаа-палітыным жыцці Вялікага княства Літоўскага ў канцы 15-першай палове 16 ст: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2007.

69. Сконюте Д.Н. о правовом положении женщины по статуту 1588 г. // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 95–99.

70. Стрэнкоўскі С.П. Сучасная айчынная гістарыяграфія гарадскога самакіравання Беларусі ў канцы XIV—XVIII стст. // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2012. № 2. С. 64–72.

71. Уваров И.Ю. Краткий обзор историографии советской медиевистики по вопросам эволюции феодальных отношений на территории Беларуси в XVI ст. // Романовские чтения – 5: сборник трудов международной научной конференции, 27–28 ноября 2008 года, г. Могилев. Могилев, 2009. С. 57–58.

72. Уваров И.Ю. Проблемы исследования историографии шляхты и сословно-представительных органов власти в период становления и развития Великого княжества Литовского до Люблинской унии 1569 года // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки: научно-теоретический журнал. 2010. № 7. С. 31–34.

73. Уваров И.Ю. Проявление сословных интересов шляхты ВКЛ на вальном сейме 1551 г. // Ученые записки: сборник научных трудов. 2015. Т. 20. С. 36–41.

74. Уваров И.Ю. Развитие институтов государственной власти в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна: навуковы часопіс. 2009. № 3. С. 28–31.

75. Федарасова В.Р. Утварэнне Вялікага княства Літоўскага (гістарыяграфічны

аспект) // Актуальныя праблема станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнаскі (Да 90-годдзя штварэння БССР): матэрыялы Респ. навук-тэарэт. канф. (г. Мінск, 27 люг. 2009 г.). Мінск, 2009. Ч. 1. С. 31–33.

76. Филюшкин А. Изучение Великого княжества Литовского и Речи Посполитой в российской историографии 1990-х гг.: проблемы, тенденции, перспективы // Вялікае княста Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.», (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 8–16.

77. Цішчанка В.В. Вялікакняжацкая ўлада ў уструктуры органаў дзяржаўнага кіравання ВКЛ ў канцы 14 – пачатку 16 ст: дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2006.

78. Щербик Д.В. Дискретнось и преемственность в развитии права Беларуси: дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2009. 139 с.

79. Янушкевич А.Н. Ливонская война. Вильно против Москвы 1558–1570. М., 2013. 384 с.

80. Blaszczyk G. Polska historiografia Wielkiego ksiestwa Litewskiego w latach 1990–2003 // Вялікае княста Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: матэрыялы міжнар. круглого стола «Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна 16–18 мая 2003 г.). Мінск, 2006. С. 336–374.

81. Bucevičiūtė L. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XV–XVI a.: valstybės erdvės ir jos sienų samprata. Kaunas, 2015. 396 c.

82. Czwołek A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час : зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 123–139.

83. Godek S. Jak badać porozbiorowe dzieje III Statutu Litewskiego? // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 277–287.

84. Gudavičius E. Zigmanto II 1529 metų šalies privilegija // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 15–30.

85. Jučas M. Senoji Lietuva: istorijos aktualijos. Vilnius, 2014. 158 p.

86. Kempa T. Współpraca protestantów i prawosławnych na sejmikach litewskich w czasie panowania Zygmunta III // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 152–175.

87. Kiaupa Z. The history of Lithania. Vilnius, 2002.

88. Kiaupienė J. 1588 metų Lietuvos Statutas Abiejų Tautų Respublikos politinės kultūros erdvėje (iki XVII a. pradžios) // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 47–62.

89. Korczak L. Początki litewskiego parlamentaryzmu na tle porównawczym // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Наваградак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 27–40.

90. Lukowski J. A Concise History of Poland. Cambridge, 2001.

91. Moniuszko A.III Statut a próby kodyfikacji prawa koronnego za panowania Zygmunta III // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 63–74.

92. Norkus Z. Nepasiskelbusioji imperija. Lietuvos Didžioji Kunigaikštija lyginamosios istorinės imperijų sociologijos požiūriu. Vilnius, 2009.

93. Petrauskas R. «Jei bajoras iš pono dvarą išsitarnautų». Feodalinės teisės apraiškos Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XV amžiuje–XVI amžiaus viduryje // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 87–100.

94. Rachuba A. Miejsca obrad sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1569–1794 // Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях: матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск – Навагрудак, 23–24 лістапада 2007 г.). Мінск, 2008. С. 183–197.

95. Ragauskienė R. Dingę istorijoje: XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. 366 c.

96. Straszewicz M. Po wielkim kanclerze. Osoba Lwa Sapiehy I jego koncepcje wschodniej politiki Rzeczypospolitej w rokowaniach polsko-moskiewskich w latach 1634–1647 // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 165–174.

97. Valikonytė I. Povilas Kasparavičius Ostrovickis (Bytautaitis): biografijos bruožai // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 31–46.

98. Zakrzewski A. Sejmiki Wielkiego Ksiestwa Litewskiego XVI–XVIII w. Warszawa, 2000.

99. Zakrzewski A. Naiwność czy taktyka? Uzasadnianie prób unifikacji prawa litewskiego i koronnego XVI–XVIII wieku // Lietuvos Statutas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė: straipsnių rinkinys. Vilnius, 2015. P. 75–83.

100. Zakrzewski A.B. Lew Sapieha a kodyfikacja prawa litewskiego // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зборнік навуковых артыкулаў / Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Я. Купалы; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна, 2007. С. 73–78.

A.Ju. Dvornichenko, R-E.A. Kudryavtseva
The Political System of the Grand Duchy of Lithuania in the XIVth–XVIth Centuries in Russian, Belarusian, Ukrainian, Lithuanian and Polish Historiography of the Beginning of the XXIst Century

Key words: *Belarusian historiography; Grand Duchy of Lithuania; Lithuanian historiography; Russian historiography; political system; Polish historiography; Rada; Sejm; Ukrainian historiography; gentry.*

At the beginning of the XXIst century there were many scientific works which addressed different aspects of the political system development in the Grand Duchy of Lithuania. The study of the political system in the GDL is based on the traditions established by Belarusian, Ukrainian, Lithuanian and Polish researchers of the XIXth – XXth centuries. They formed the certain areas of research, which continue to develop in the modern historiography. Despite the diversity of works, science is far from a single comprehensive study, which would combine the history of the political system in the Grand Duchy of Lithuania into a single system.

Д.А. Ивочкин
Смоленская православная духовная семинария

УДК 94

Деятельность Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: из опыта взаимодействия Смоленской епархии и православно-общественных организаций во второй половине XIX – начале XX века

Ключевые слова: *Смоленская епархия; Императорское Палестинское Православное Общество; просветительское воздействие; социальная деятельность; православно-общественные организации.*

Статья посвящена взаимодействию Смоленской епархии и православно-общественной организации – Императорского Православного Палестинского Общества во второй половине XIX – начале XX века. Благодаря привлечению отчетов указанной организации произведен анализ деятельности Смоленского отдела в просветительской плоскости и в социальном служении Русской православной церкви на Смоленщине.

В 2017 году исполнилось 135 лет со дня учреждения в России Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Кроме того, в этом же году в Смоленске было возрождено отделение ИППО. Цель данной статьи – проанализировать деятельность указанной организации на территории Смоленской епархии во второй половине XIX – начале XX века.

Императорское Православное Палестинское Общество было одной из общественных инициатив выдающихся русских людей второй половины XIX века. Оно создано указом императора Александра III в 1882 году. Устав общества был утвержден 8 мая 1882 года, а официальное открытие, приуроченное к празднованию дня памяти равноапостольных Константина и Елены, воздвигших первые христианские храмы в Святой земле, произошло в Санкт-Петербурге 21 мая того же года [16].

В качестве девиза общества была принята цитата из книги пророка Исайи: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». Основными целями общества являлись: а) поддержание духовных связей России со Святой землей; б) сохранение культурного и исторического наследия; в) развитие дружественных связей России со странами и народами Ближнего Востока; г) гуманитарные и просветительские миссии в ближневосточном регионе; д) содействие православному паломничеству; е) поддержание православия на Святой земле. Эти цели были тесно связны с проводимой Российской империей внешней политикой и традиционными духовно-нравственными приоритетами русского народа [Там же].

Первым председателем Общества стал великий князь Сергей Александрович Романов, а после его трагической смерти общество возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна.

Первоначально общество называлось Православным Палестинским, а с 24 марта 1889 года получило почетное наименование «Императорское».

18 октября 1884 года общее собрание общества приняло решение об открытии отделов в разных городах империи. Первым отделом стал Якутский, а затем, с января 1894 по апрель 1895 года, в России было открыто еще 16 отделов общества. Главной целью деятельности региональных отделов являлась пропагандистская и научно-популярная работа среди местного населения для ознакомления с историей Святой земли и значением русского присутствия на Востоке. Кроме того, региональные отделения Православного Палестинского Общества были призваны активизировать сбор пожертвований в пользу Русской Палестины [Там же].

Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского Общества стал действовать в 1895 году. Его появлению в Смоленской епархии предшествовали следующие события.

20 декабря 1894 года на имя епископа Гурия поступил рескрипт председателя общества великого князя Сергея Александровича. В документе подчеркивалось, что правление общества считает желательным открыть отделение в пределах Смоленской епархии. Сергей Александрович просил архиерея рассмотреть его просьбу в духовной консистории и выразил надежду, что епископ сделает все от него зависящее для появления во вверенной ему епархии отделения ИППО [12, с. 2–5].

После получения рескрипта епископ Гурий активно принялся воплощать в жизнь предложение великого князя. По благословению владыки рескрипт был опубликован в «Смоленских епархиальных ведомостях». В дополнение к документу архиерей изложил цели работы общества с разъяснением его значения в общественно-церковной жизни. Епископ Гурий просил духовенство епархии сочувственно отнестись к принятию на себя звания членов указанной организации и призывал привлекать в состав отделения лиц, известных своей приверженностью Святой земле. Членами общества могли стать православные верующие обоего пола. Лица, вносящие ежегодный взнос в размере 25 рублей или единовременно 500 рублей, становились действительными членами, пожертвовавшие по 10 рублей или 200 рублей – членами-сотрудниками, а почетными становились люди, внесшие не менее 5000 рублей. Все почетные члены и внесшие единовременно по 200 и 500 рублей получали дипломы общества и установленный для каждой категории членства нагрудный знак [13, с. 3–4].

На призыв епископа Гурия откликнулись духовенство и миряне епархии. В их числе, кроме архиерея, были: губернатор В.О. Сосновский, управляющий акцизными сборами В.Л. Озмидов, ректор семинарии про-

тоиерей Петр Черепнин, настоятели и настоятельницы монастырей, купцы и мещане – всего 50 человек [14, с. 274–276].

После того, как изъявивших желание стать членами Палестинского Общества собралось достаточное количество, епископ Гурий принял решение немедленно открыть местный отдел. Днем открытия архиерей назначил 19 марта 1895 года, о чем было объявлено в газете «Смоленский вестник», а наиболее уважаемым лицам разосланы специальные приглашения. Так как 19 марта выпало на воскресенье, владыка совершил литургию в Малом Богоявленском кафедральном соборе в сослужении двух архимандритов, ректора семинарии, кафедрального протоиерея, эконома архиерейского дома и соборного ключаря. По завершении богослужения епископ с духовенством отслужили молебен перед чудотворной Смоленской иконой Божией Матери «Одигитрии» [1, с. 270].

Открытие отдела последовало в покоях архиерейского дома, куда к 13 часам прибыли губернатор и другие светские лица, собралось духовенство. После пения молитвы «Царю Небесный» епископ Гурий огласил рескрипт великого князя, а затем ректор-протоиерей П. Черепнин прочитал составленную им записку о целях и деятельности ИППО и о состоянии православия на Святой земле. По окончании чтения записки владыка разъяснил присутствовавшим параграфы устава общества, касающиеся работы отделов, и предложил избрать председателя, товарища председателя, казначея и его заместителя (кандидата) Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Председателем был избран епископ Петр, товарищем председателя – губернатор В.О. Сосновский, казначеем – эконом архиерейского дома иеромонах Петр, его заместителем – начальник смоленской тюрьмы Н.Н. Ерыхайлов [Там же, с. 271].

В тот же день епископ Гурий телеграммой сообщил великому князю об открытии в Смоленске отдела Палестинского Общества, на что получил ответ следующего содержания: «С душевной радостью получил Ваше любезное сообщение, сердечно радуюсь открытию отдела» [Там же].

23 марта владыка направил в совет ИППО рапорт об открытии в Смоленске его отдела и приложил к нему список лиц, изъявивших желание быть членами этой организации. Совет своим постановлением признал открытие епархиального отдела и утвердил его должностных лиц, причем удостоил епископа Гурия звания почетного члена, а В.О. Сосновского – пожизненного действительного члена общества [Там же, с. 272].

В феврале 1896 года епископ Гурий при назначении его на другую архиерейскую кафедру получил от великого князя Сергея Александровича рескрипт со словами благодарности за открытие Смоленского отдела.

«Получив известие о призыве Вас на новое место архипастырского служения, мне приятно вспомнить, что Вашему сочувственному почину обязан Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского

Общества своим открытием и выразить Вашему Преосвященству мою искреннюю благодарность за труды Ваши при его образовании и дальнейшей деятельности» [10, с. 133].

В декабре того же года Сергей Александрович направил рескрипт новому архиерею, епископу Никанору, с просьбой приложить все силы к исполнению в епархии задач ИППО [11, с. 65–66].

Анализ документов Смоленского отдела позволяет выделить основные виды его деятельности. Их четыре: 1) привлечение в состав отдела новых членов; 2) чтения и собеседования о Святой земле и Палестинском Обществе; 3) распространение изданий общества; 4) сбор пожертвований на нужды православных, живущих на Святой земле и в Палестине [9]. Рассмотрим каждое из этих направлений.

1. Ежегодно члены отдела старались привлекать к его деятельности как можно больше светских и духовных лиц. Это было связано со сбором средств, перечисляемых на нужды ИППО. Чем больше было собрано пожертвований, тем выше становился процент помощи христианам Палестины. Отчеты Смоленского отдела за конец XIX – начало XX века показывают, что с каждым годом, хоть и незначительно, увеличивалось число членов-соревнователей. Количество же почетных, пожизненных и действительных членов практически не изменялось.

2. Важным направлением в работе отдела являлось проведение чтений и собеседований. Главными темами встреч были сведения о Святой земле, христианских святынях и предметах религиозного поклонения, там находящихся. Для охвата как можно большего количества участников чтений в уездные города отдел разослал правила ведения чтений, книги и брошюры, монографии, изданные Палестинским Обществом. При этом многие картины и брошюры предназначались для бесплатной раздачи народу.

Первоначально чтения проходили в Смоленске в Надвратной Одигитриевской церкви с периодичностью каждый воскресный день. Они собирали порой более 100 человек, а иногда и несколько сотен. Большой резонанс в обществе вызвала платная беседа епископа Никанора, состоявшаяся 19 марта 1898 года. За несколько дней до встречи жители Смоленска были оповещены об ее проведении через объявления, опубликованные в местной прессе и расклеенные по городу. Беседа прошла в зале Дворянского собрания при большом стечении народа. Интерес к рассказу о Святой земле был вызван тем, что архиерей сам совершил паломничество к великим христианским святыням Палестины.

«В назначенный день Преосвященный паломник сам лично изволил вести беседу собравшимся многочисленным слушателям о своем паломническом “Путешествии к Мамврийскому дубу, в Вифлеем и окрестности его”. Живая беседа владыки, сопровождавшаяся пением архиерейского хора, была выслушана с глубоким вниманием и живейшим интересом».

После беседы епископ Никанор раздал всем присутствовавшим виды Святой земли и других священных мест Востока [4, с. 588].

Как уже было сказано, беседа архиерея произвела большое впечатление на слушателей. Она также способствовала увеличению количества посетителей на чтениях о Святой земле. К 1900 году встречи проходили уже в двух храмах Смоленска – Надвратной Одигитриевской и Петропавловской церквях. Когда по просьбе отдела 13 декабря 1899 года прислали световой фонарь с картинами, чтения стали проходить не только в храмах. Так, до 1 марта 1900 года было проведено шесть встреч. Первое чтение организовали в помещении церковно-приходской школы при Свято-Успенском кафедральном соборе, где присутствовали преподаватели, ученики и их родители, соборное духовенство, почетные гости. Дети сопровождали показ картин пением тропарей праздникам, которые совпадали с сюжетом изображений. По замечанию очевидцев, «не только на детей, но и на взрослых, никогда не видавших ничего подобного», чтение произвело глубокое впечатление [2, с. 809].

Второе чтение происходило в зале Смоленской общины Красного Креста и было посвящено празднику Крещения Господня. Третье чтение состоялось в казармах Копорского полка. Здесь лектор рассказал о Иерусалиме и его окрестностях. Для четвертого чтения была выбрана Смоленская Мариинская женская гимназия. Ее воспитанницы, знакомые по урокам географии с местами Святой земли, «в особенности с наслаждением любовались видами городов и святых мест, известных им из разного рода учебников» [Там же, с. 810].

Пятое и шестое чтения проходили в помещении Народного дома. Количество слушателей достигало 200 человек, среди них было много уважаемых смолян и людей с высшим образованием. Большое впечатление на присутствовавших оказала демонстрация картин.

«Глубокое впечатление, произведенное картинами на зрителей, еще более усиливалось тем, что фонарь во время этого чтения был освещаем сильным светом кислородно-эфирного газа, от чего прекрасные туманные картины получали на экране наибольшую ясность и отчетливость, увеличивавшие собою столь свойственную этим картинам эффектность. “Точно сами мы побывали во святых местах Востока”, говорили после этого чтения слушатели» [Там же].

Кроме чтений в Смоленске, беседы собирали людей и в уездных городах. Первоначально встречи проходили в Белом, Гжатске, Духовщине, Красном и Юхнове [Там же, с. 808]. К 1907 году чтения велись во всех уездных городах Смоленской губернии и крупных селах. Количество посетителей на них варьировалось от 20 до 300 человек [8, с. 395–400]. Всего же по уездам в разные годы производилось от 252 до 560 чтений, количество слушателей достигало от 27 000 до 72 000 человек [9]. Это свидетельствовало о распространении интереса в провинциальном обществе к историческому прошлому и

современному состоянию палестинских святынь. По замечанию совета Смоленского отдела, проведение чтений по палестиноведению год от года приобретало устойчивую организацию и труды его членов в деле религиозно-нравственного просвещения народа если и не «принесли плод мног», то, во всяком случае, не пропали без пользы [3, с. 583].

3. Кроме чтений и собеседований Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского Общества занимался распространением литературы, изданной обществом. Для наиболее полного ознакомления православных с задачами и деятельностью Палестинского Общества, а также с положением православия на Святой земле смоленские архиереи во время обзора приходов епархии лично раздавали издания общества. Распространение литературы осуществляли и члены отдела в своих храмах [4, с. 589].

Организуя бесплатную раздачу книг, листков и изображений святых мест, члены отдела, в первую очередь, содействовали просвещению низших слоев населения. Но, работая в этом направлении, отдел придавал значение распространению известий о научных трудах, издаваемых Палестинским Обществом, и среди образованного класса. Для этого на страницах губернской и епархиальной прессы регулярно публиковались объявления о выходивших в свет новых изданиях общества. Кроме того, списки изданий периодически направлялись во все уездные отделения епархиального училищного совета с рекомендацией местным священникам, чтобы они знакомили грамотных прихожан с каталогом изданий. Для этой же цели один экземпляр полного каталога отсылался в братство преподобного Авраамия Смоленского [3, с. 584]. Так как научные исследования имели высокую стоимость и не были предназначены к бесплатной раздаче, при отделе существовала небольшая библиотека. Она комплектовалась из изданий, пожертвованных архиереями, и хранилась у делопроизводителя отдела вместе с делами канцелярии. Пользовался книгами ограниченный круг читателей, в основном члены совета, что, по замечанию епископа Петра, было одним из недостатков деятельности отдела. Он считал, что библиотеку «желательно бы пополнить всеми ценными изданиями отдела, хотя бы по одному экземпляру, дабы ими можно было бесплатно на время снабжать всех лиц, имеющих нужду в них и интересующихся этими изданиями, но не могущих приобрести их в собственность покупкою» [2, с. 864, 867].

4. Как и в других православно-общественных организациях, в ИППО существовал сбор пожертвований на осуществление его уставной деятельности. В Смоленской епархии на нужды Палестинского Общества деньги поступали по нескольким статьям.

Во-первых, членские взносы от действительных членов и членов-соревнователей [9].

Во-вторых, кружечные сборы. Для этого при церквях и часовнях, а также в губернском и уездных казначействах, почтово-телеграфных конторах

и железнодорожных вокзалах, других общественных зданиях были установлены так называемые «палестинские кружки». Они впервые появились в 1902 году. Согласно анализу отчетов Смоленского отдела за 1902–1907 годы, количество кружек в разные годы составляло от 14 до 59 штук. Это увеличение было связано с большими суммами, собранными в кружки, и, как сказано в одном из отчетов, «неожиданным успехом кружечного сбора» [Там же].

В-третьих, тарелочные сборы в Неделю Ваий (Вербное воскресенье). За две недели до праздника духовная консистория рассылала по епархии 100 пакетов с воззваниями к пожертвованиям на нужды Императорского Православного Палестинского Общества. Сбор в Вербное воскресенье ежегодно приносил крупные суммы, за что Смоленский отдел регулярно получал благодарственные рескрипты председателя общества [5, с. 1106].

В-четвертых, сбор по подписным листам и квитанционным книжкам, которые благочинные в своих округах предлагали всем желающим оказать помощь Православному Востоку [9]. Иногда пожертвования по подписным листам достигали крупных сумм. Так, в 1902 году вдова коллежского секретаря Матрена Климентьевна Синицкая передала Палестинскому Обществу 100 рублей [6, с. 819].

Кроме денежных сборов устав позволял принимать пожертвования вещами. Однако в документах Смоленского отдела не зафиксировано сведений о таких поступлениях, за исключением случая, когда в 1902 году в «палестинской кружке» Благовещенского собора г. Рославля был обнаружен орден святого Станислава 2-й степени, опущенный туда неизвестным лицом [Там же].

Денежные пожертвования и членские взносы, поступавшие в Смоленский отдел, в основной своей массе переводились на счет Палестинского Общества. Небольшая сумма тратилась на нужды отдела: печать объявлений, отчетов, бланков, почтовые расходы и т.д. [9].

В заключение анализа деятельности Смоленского отдела ИППО необходимо сказать о его общих ежегодных собраниях. Эти собрания проходили в Вербное воскресенье и предварялись, исходя из места их проведения, либо литургией, либо кратким молебном. Если члены отдела собирались в архиерейских покоях, то сначала они молились на службе в Успенском кафедральном соборе. К определенному часу (обыкновенно к 12.30) в архиерейский дом прибывали высокопоставленные светские чиновники. Здесь собрание шло по утвержденной советом повестке. Из документов Смоленского отдела следует, что за время его существования общие собрания проходили в основном в архиерейских покоях [Там же]. Несколько раз члены отдела собирались в зданиях Дворянского собрания и Городской думы. Перед заседанием здесь совершался краткий молебен [Там же].

На общих собраниях, кроме ознакомления членов с работой отдела, оглашались рескрипты председателя ИППО, зачитывались доклады. Главной

темой докладов были сведения о паломничествах известных людей в Святую землю. Так, в 1901 году преподаватель духовной семинарии Д.К. Вишневский произнес речь «О паломничестве русских во Святую Землю, его причинах и условиях путешествий в минувшее и нынешнее время» [3, с. 525], в 1902 году преподаватель семинарии Ф.В. Воронин вниманию собрания предложил «обширный и прекрасный реферат» об одном из важных событий в жизни Н.В. Гоголя – его путешествии к святыням Палестины. Как отметил лектор, «мысль Гоголя о поездке во Святую Землю и ее осуществление стоят в неразрывной связи с общим ходом развития великого поэта и характером его религиозно-нравственного мировоззрения. В нем, т.е. путешествии, обнаруживается высоконравственная жизнь поэта, его усиленные стремления к нравственному самосовершенствованию, его религиозность, которой сам Гоголь сообщил высокое значение чисто народной, русской черты. С другой стороны, паломничество Гоголя, помимо частного биографического интереса, имеет общенародный смысл: оно открывает нам большое значение Палестины для русского православного человека, так идеально выразившееся в Гоголе» [6, с. 804–805].

Не оставались в стороне от внимания докладчиков и злободневные вопросы общественно-политической жизни. В 1904 году помощник инспектора семинарии Н.К. Казанцев произнес речь на тему «Социализм и христианство». Рассмотрев идеи родственных связей, семейной этики и индивидуализма религий, лектор пришел к выводу, что жизнь человечества может быть оздоровлена через подчинение интересов отдельного человека общечеловеческим идеям. Основополагающим принципом единения Н.К. Казанцев признал христианские нравственные ценности, свойственные русскому обществу, объединявшие всех, начиная от простого «сибирского колониста» и завершая носителем высшей власти – императором.

«Пусть утверждается общество на основах истинно христианского социализма. Пусть оно докажет, какое громадное значение для человечества имеют национализм, социализм и личность, если они действуют, утверждаясь на единстве человечества и горят любовью к нему» [7, с. 152–153].

В 1906 году преподаватель семинарии Самецкий прочел доклад «Сионизм», в котором были «приведены те принципы, кои положены в основу этого движения, раскрыты явные и тайные задачи сионизма и на основании имеющихся в литературе, преимущественно западной, данных и цифровых вычислений представлен дальнейший ход развития сионизма в среде евреев» [8, с. 395].

На наш взгляд, доклад «Сионизм» был написан под впечатлением принятого в 1906 году устава общества «Союз русского народа», в котором еврейскому вопросу было уделено особое внимание [15, с. 8].

Подводя итог сказанному, необходимо подчеркнуть следующее. Анализ деятельности Смоленского отдела ИППО позволяет утверждать, что его взаимодействие с представителями Смоленской епархии осуществля-

лось прежде всего в просветительской плоскости. Проведение чтений, собеседований, открытие доступных библиотек позволяло приобщить разные слои провинциального общества к образованию и культуре. Кроме того, сбор пожертвований на нужды Православного Востока являлся одной из разновидностей социального служения, как епархиального духовенства, так и православной паствы Смоленщины. Таким образом, можно констатировать, что Императорское Православное Палестинское Общество было одной из православно-общественных организаций, действовавших на территории Смоленской епархии, с которой у представителей духовного ведомства сложились плодотворные взаимоотношения. На наш взгляд, возрожденное Смоленское отделение ИППО продолжит осуществлять накопленный дореволюционный опыт работы в современных исторических реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Открытие в г. Смоленске Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Смоленские епархиальные ведомости. 1895. № 7. Отдел официальный. С. 269–272.

2. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за пятый год существования, с 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1900. № 16. Отдел официальный. С. 802–810; № 17. Отдел официальный. С. 861–869.

3. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за седьмой год существования, с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1902. № 11–12. Отдел официальный. С. 579–592.

4. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за четвертый год существования, с 1 марта 1898 г. по 1 марта 1899 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1899. № 11. Отдел официальный. С. 586–589.

5. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за девятый год существования, с 1 марта 1903 г. по 1 марта 1904 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1904. № 19. Отдел официальный. С. 1100–1111.

6. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за восьмой год существования, с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 г. // Смоленские епархиальные ведомости. 1903. № 14. Отдел официальный. С. 802–824.

7. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за одиннадцатый год существования, с 1-го марта 1905 года по 1-е марта 1906 года // Смоленские епархиальные ведомости. 1907. № 6. Отдел официальный. С. 150–156.

8. Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за двенадцатый год существования, с 1-го марта 1906 года по 1-е марта 1907 года // Смоленские епархиальные ведомости. 1907. № 17. Отдел официальный. С. 392–403.

9. Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.

10. Рескрипт Его императорского Высочества, Великого Князя Сергея Александровича, Председателя Императорского Православного Палестинского Общества на имя Председателя Училищного Совета при Св. Синоде Преосвященного епископа Гурия (бывшего Смоленского) // Смоленские епархиальные ведомости. 1896. № 4. Отдел официальный. С. 133.

11. Рескрипт Его императорского Высочества, Великого Князя Сергея Александровича на имя Преосвященнейшего Никанора, от 8 декабря 1896 г. за № 55 // Смоленские епархиальные ведомости. 1897. № 2. Отдел официальный. С. 65–66.

12. Рескрипт Председателя Императорского Православного Палестинского Общества – Его Императорского Высочества, Благоверного Государя и Великого Князя Сергия Александровича на имя Преосвященного Гурия, епископа Смоленского, от 20 декабря 1894 г. за № 37 // Смоленские епархиальные ведомости. 1895. № 1. Отдел официальный. С. 2–5.

13. Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1895. № 1. Отдел официальный. С. 3–4.

14. Список лиц, изъявивших желание поступить в число членов Императорского Православного Палестинского Общества и открыть отдел оного в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. 1895. № 7. Отдел официальный. С. 274–276.

15. Устав «Союза русского народа». СПб., 1907.

16. http://www.ippo.ru/historyippo/ (дата обращения: 07.05.2017).

D.A. Ivochkin

Activities of the Smolensk Division of the Imperial Orthodox Palestine Society: from the Experience of Interaction of Smolensk Diocese and Orthodox Public Organizations in the Second Half of the XIXth – Early XXth Centuries

Key words: *Smolensk diocese; The Imperial Orthodox Palestinian Society; Educational impact; Social activities; Orthodox public organizations.*

The article is devoted to the interaction of Smolensk diocese and an Orthodox public organization, the Imperial Orthodox Palestine Society, in the second half of the XIXth – early XXth centuries. Using the reports of the organization analysis of educational activities and social services of its Smolensk department was carried out.

А.В. Тихонова
Смоленский государственный университет

УДК 930:94(476-058.12«1800/1850»)

Белорусское дворянство в первой половине XIX века в контексте современной историографии

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

Ключевые слова: *белорусское дворянство; белорусская шляхта; первая половина XIX века; Российская империя; белорусские губернии; Смоленщина.*

В статье рассматривается историография белорусского дворянства в трудах исследователей XXI века с точки зрения проблематики, оценки эволюции шляхты в результате присоединения белорусских губерний к Российской империи. Историографический обзор включает работы ученых Смоленщины и Беларуси, касающиеся истории белорусского дворянства первой половины XIX века.

История белорусского дворянства привлекает внимание ученых как с точки зрения процесса формирования сословия, так и с прикладной целью изучения конкретной родословной. Эта проблематика важна и для краеведческих исследований Смоленщины в связи с ее территориальной близостью к Могилевской и Витебской областям (в административно-территориальном делении XIX века – губерниям, которые входили в 1823–1831 годах в генерал-губернаторство, включавшее также Смоленскую и Калужскую губернии, а в 1831–1856 годах – Смоленскую, Могилевскую и Витебскую), схожестью хозяйственно-климатических условий (нечерноземная зона), участием населения в важных политических событиях (таких как Отечественная война 1812 года, восстание 1830–1831 года), несомненно, тесными культурными связями.

В современной шеститомной «Истории Беларуси» при рассмотрении ситуации в первой половине XIX века Смоленщина упоминается в связи с переездом православного духовенства Минска во главе с архиереем Серафимом в Смоленск 24 июня (6 июля) 1812 года вследствие наступления наполеоновских войск [7, с. 76]; с неурожайными годами и голодом крестьян Витебской, Могилевской и Смоленской губерний в 1822–1824 годах [7, с. 115]; с демографией первой половины XIX века, когда, по российским официальным статистическим данным конца 1850-х – начала

1860-х годов, удельный вес белорусов среди крестьянского населения на Смоленщине колебался от 46,7 до 54,0%, при этом в некоторых уездах губернии он составлял 90% и более (например, в Краснинском – 95,4%, Рославльском – 94,7%, Смоленском – 90,5%, Ельнинском – 84,7%) [7, с. 224]. Авторы «Истории Беларуси» указывают на общие черты в одежде, быту и материальной культуре крестьянства Смоленщины и пограничных с ней белорусских губерний [7, с. 225].

Представители белорусско-литовских дворянских родов издавна входили в состав смоленской шляхты (князья Друцкие-Соколинские, Станкевичи, Воронцы, Храповицкие, Бородуличи, Гурко-Ромейко (смоленская ветвь), Ловейки, Милашевичи, Поплонские и др. [50]). Сложная в этническом отношении смоленская шляхта включала также польские семьи, давно проживавшие на территории ВКЛ (Повало-Швейковских, Пассеков, Рачинских, Глинок, Каховских (Коховских) и др.), выходцев из стран Западной Европы (например, Энгельгардтов) и представителей русских фамилий (Потемкиных, Римских-Корсаковых, Азанчеевых, Кульневых, Бердяевых и др.) [22].

Смоленская шляхта, получившая земли по польским «привилеям» 1630–1640-х годов, с момента вхождения Смоленска в состав Российской империи в 1654 году и до 1760-х годов имела ряд важных привилегий по сравнению с остальным российским дворянством: исключительное право на земельные владения на территории Смоленской губернии, дворянский состав полка с выборными командирами, право «не вступать в службу» и др. В конце XVIII века шляхта юридически оказалась лишена прежней исключительности. Было установлено соответствие армейских чинов и чинов, получаемых в полку смоленской шляхты, а служба «с земли» на собственном «коште» заменена денежным жалованием [2, с. 52–53]. Многие из числа смоленской шляхты смогли представить доказательства своей принадлежности к «древним благородным дворянским родам» и были записаны в VI часть родословной книги губернии, а обладавшие титулами – в V часть. Первоначально смоленская шляхта была многоконфессиональной, но одним из условий сохранения своих владений в составе Российского государства стало принятие ею православия. Однако польское влияние сохранялось до конца XVIII века в шляхетской моде и семейных предпочтениях (Л.Н. Энгельгардт упоминает стремление смоленских дворян выбирать себе в жены именно полек или смолянок).

В настоящее время история смоленской шляхты активно изучается: помимо работ С.В. Думина, посвященных XVII веку [19–22], появились исследования по генеалогии отдельных родов: Верховских, Краевских, Глинок, Энгельгардтов [4; 14; 15; 16; 32; 37; 41] и др.; опубликованы многотомные материалы к родословию смоленского дворянства, включающие поколенные росписи, составленные Д.П. Шпиленко по материалам Российского государственного архива древних актов, Российского государ-

ственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота и нескольких региональных архивов [50]. В двухтомник «Смоленская шляхта» (научный редактор Б.Г. Федоров), помимо статьи известного историка М.М. Богословского «Смоленское шляхетство в XVIII веке» (1899), списков смоленской шляхты XVII–XVIII веков из РГАДА, включен поуездный список смоленского дворянского ополчения 1812 года из юбилейного издания к столетию Отечественной войны [40].

Если смоленская шляхта к началу XIX века уже обладала опытом интеграции в состав российского дворянства, то белорусская шляхта находилась в этом отношении лишь в начале пути. Белорусская шляхта как привилегированное сословие сформировалась во времена Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а XVI век стал временем ее консолидации; таким образом, к моменту включения белорусских земель в Российскую империю шляхта имела многовековые традиции участия в местном и государственном управлении, принадлежности разным конфессиям, обладала собственной самобытной культурой. В результате территориальных приобретений Российской империи в екатерининскую эпоху одной из важнейших проблем стало инкорпорирование в состав российского дворянства разнообразных сословных и этнических групп, а также реализация в новых условиях Жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Изменениям в составе белорусского дворянства в конце XVIII – первой половине XIX века посвятила свою диссертационную работу Г.Н. Тумилович [38]. Явно негативный налет при оценке факта присоединения белорусских земель, вероятно, был связан со временем написания диссертации, защищенной в 1995 году, – государственность независимой Республики Беларусь находилась в стадии становления: «Белоруссия к концу XVIII в. была включена в состав Российской империи, которая не дала присоединенным территориям (площадь которых составляла 462 000 км^2 с населением около 5,5 млн. человек) ни более прогрессивного социально-экономического строя, ни свободы выбора государственных и политических институтов» [38, с. 11].

Рассматривая состав белорусского дворянства, Г.Н. Тумилович справедливо указала на его этническую разнородность (включение белорусского, литовского, польского, русского, украинского и татарского элементов) [38, с. 15]. Политика российского правительства имела, по мнению автора, серьезные последствия для социальной структуры белорусского общества. Если в конце XVIII века мелкая шляхта составляла около 95% дворянского сословия, то в результате «разбора» (требования российских властей документального подтверждения дворянского происхождения для причисления к дворянству) произошло значительное сокращение численности шляхты: от 1/2 до 2/3 по разным уездам (в целом с 10–12% от обще-

го числа населения до 6–4%). При этом «к концу изучаемого периода удельный вес дворян, владевших землей и крепостными, вырос с 5–6% (в последнюю четверть XVIII в.) до 14% к началу 60-х годов XIX в.» [38, с. 11]. При распределении потомственного белорусского дворянства по шести разрядам (в соответствии с Жалованной грамотой 1785 года) был выявлен высокий процент представителей «древних благородных родов»: в Минской губернии – 91,5%, а в Могилевской – свыше 66% потомственного дворянства [38, с. 15].

Разграничение понятий «дворянство» и «шляхта», как утверждает автор, привело «к размыванию рамок высшего сословия, к усложнению и без того пестрой картины социальной структуры изучаемого периода», что «сдерживало буржуазную эволюцию общества» [38, с. 16]. Тем не менее Г.Н. Тумилович констатировала и тот факт, что дворянство Белоруссии к 60-м годам XIX века отличалось самыми высокими показателями численности в сравнении с общероссийскими [38, с. 17]. Только в «литовских» (Виленской, Гродненской) и «белорусских» (Могилевской, Минской и Витебской) губерниях шляхта в 40-е годы XIX века составляла около 200 тысяч человек и по этому показателю почти догоняла все российское дворянство в целом. Если учитывать еще и знать украинских губерний, то получается, что шляхта бывшей Речи Посполитой превосходила остальное дворянство Российской империи почти на 150 тысяч человек [12, с. 19].

Специальное исследование М.М. Елинской было посвящено анализу источников, содержащих информацию о дворянских родах западноевропейского происхождения, проживавших в белорусских губерниях в конце XVIII – начале XX века [23]. Автор рассмотрела причины эмиграции выходцев из Западной Европы на территорию Белоруссии. В их числе – политико-экономические, социально-религиозные и личного характера (выгодная служба, землевладение, вступление в брак). Состав иностранцев был сложным и с точки зрения «древности» рода, и по другим составляющим: конфессиональной, этнической, служебной, имущественной. М.М. Елинская отметила, что «по законам Российской империи сохранение несколькими поколениями рода земельной недвижимости, где бы она ни находилась, являлось неоспоримым аргументом для утверждения иностранцев в официальном дворянском статусе и служило гарантом материального благополучия. В Белоруссии XVIII – первой половины XIX века широкое распространение получило пользование “посессионными” землями, одной из форм которого была аренда» [23, с. 13].

Изучая вопрос о возможной конфронтации иноземцев-дворян с административными структурами, исследовательница дала однозначный ответ о лояльности первых, так как подобные случаи не упоминаются в архивных источниках [23, с. 16]. М.М. Елинской были изучены документы департамента герольдии Правительствующего Сената в РГИА, Главного архива древних

актов в Варшаве, материалы дворянских собраний белорусских губерний из Национального исторического архива Беларуси в г. Минске и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно. В приложении к диссертации дан перечень 874 западноевропейских родов или отдельных их представителей, зафиксированных на территории белорусских губерний.

С 2002 года по настоящее время белорусские национальные архивные учреждения, в том числе Национальный исторический архив Беларуси в Минске, издают «Гербовник белорусской шляхты», в который помимо научных статей входят справки об отдельных родах [10]. В свет вышли четыре тома (А–Г). Характерно, что в программной статье Г.Я. Голенченко по истории шляхты главное внимание уделено периодам ВКЛ и Речи Посполитой как ключевым этапам формирования белорусского дворянства. Период же вхождения в состав Российской империи освещен достаточно кратко, автор подчеркнул, что политика правительства была направлена на распространение прав российского дворянства и на белорусскую шляхту. Те, кто не мог доказать свои права, входили в податное сословие. Упоминая об участниках восстаний 1794, 1830–1831 и 1863 годов, Г.Я. Голенченко не акцентирует внимание на дифференцированном подходе к ним со стороны российских властей, а лишь указывает на репрессивные меры (ссылку в Сибирь, конфискацию владений) [8].

Исследуя вопросы брачных отношений белорусской шляхты в первой половине XIX века, С.В. Словик отметила приоритетную роль католической религии (на 280 шляхетских пар приходилось 92% браков между католиками и только 8% – между католиками и представителями другой религии) [35, с. 163]. По данным А.М. Лютого и Г.М. Тумилович, около 87% шляхтичей были католиками, 6% – православными, 5,4% – униатами [31, с. 9].

Изучая проблемы интеграции шляхты белорусских земель в дворянское сословие Российской империи, современные белорусские исследователи правомерно обращаются к историографии. Оценивая работы дореволюционных российских историков, А.Э. Лютая отмечает большой фактологический материал по истории белорусской шляхты, использованный П.Н. Жуковичем, А.А. Корниловым, С.А. Корфом, интересные подходы к проблеме интеграции А.М. Романовича-Славатинского (положительную оценку действий российского правительства в отношении шляхты) и С.А. Василевича (о роли российской аристократии, готовой принять в свои ряды титулованное дворянство Речи Посполитой). Из белорусских работ упоминается труд М.В. Довнара-Запольского 1920-х годов, в котором автор «справедливо утверждал, что терпеливое отношение самодержавия до полонизации Беларуси в первой половине XIX века создавало условия для антироссийского движения и восстаний, сдерживало интеграцию шляхты белорусских земель в дворянское сословие Российской империи» [29, с. 52].

Из числа исследований советского периода, касавшихся первой половины XIX века, отмечены выводы В.К. Яцунского о значении объективных факторов социально-экономического характера, способствовавших интеграционному процессу в рассматриваемую эпоху. А.Э. Лютая, как и другие белорусские исследователи, обоснованно выделила работу П.Г. Козловского «Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в.» (1982), так как в ней впервые показаны не только явления, связанные с действиями шляхты, но и «тенденция проникновения на территорию русских землевладельцев из внутренних губерний империи» [29, с. 53]. В 2004 году в своей монографии А.М. Лютый на конкретных примерах показал особенности социально-экономического развития Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX века и влияние экономики на социальную эволюцию общества [30]. В диссертационной работе о роли дворянства в развитии культуры Белоруссии вышеназванного периода С.В. Омелько отмечает постепенную «переориентацию центров культурного развития на интеграцию в российскую культурную среду» [1, с. 13], внимание, проявленное со стороны российского правительства к медицине и образованию на территории белорусских губерний [1, с. 15].

М.А. Соколова и Е.В. Шило, анализируя развитие общественных организаций на белорусских землях Российской империи в первой половине XIX века, указывают на положительное влияние опыта уже действовавших благотворительных обществ (Либавского общества для призрения вдов и сирот, Виленского человеколюбивого общества, Российского императорского человеколюбивого общества) [36; 49]. Приводя конкретные примеры создаваемых белорусских организаций, авторы обозначают доминирование в их составе «дворянского элемента». Политические события в Европе, Семеновский бунт, по мнению историков, вызвали настороженность российского правительства к процессу общественной самоорганизации. При Александре I был принят указ о запрете масонских лож и тайных обществ 1 августа 1822 года, подтвержденный в 1826 году Николаем I. Уставом о предупреждении и пресечении преступлений 1827 года законодательно было запрещено образовывать какие-либо частные общества без высочайшего разрешения. Поэтому ряд благотворительных объединений был взят под покровительство царствующих особ. Так, с 1846 года покровительницей Минского благотворительного общества стала принцесса Мария Александровна.

В апреле 1831 года последовало еще одно высочайшее повеление, касающееся в большей степени благотворительных организаций. Было объявлено всем генерал-губернаторам и военным губернаторам, управляющим гражданской частью, что давать разрешения позволено только после сношения с соответствующим министерством. «В марте 1848 г. Николай I вообще запретил образовывать новые благотворительные общества, заявив о том, что “всякий имеет возможность оказывать пособие бедным

личным подаянием либо через посредничество приказов общественного призрения"» [49, с. 102]. В принятии подобных решений, несомненно, вновь сыграли важную роль политические события (польское восстание 1830–1831 годов и революция во Франции 1848 года).

Из современных исследователей непосредственно проблемой интеграции белорусской шляхты в состав дворянства Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX века занимается А.А. Доморад [11]. Он отмечает открытость российского дворянского сословия и его готовность к интеграционному процессу. В частности, аристократические шляхетские фамилии, к которым благоволил императорский двор, достаточно быстро инкорпорировались в российское дворянство [11, с. 1]. Не обошел белорусский ученый и проблему участия части белорусской шляхты, находившейся под польским влиянием, в антироссийских выступлениях. По мнению А.А. Домората, с одной стороны, шляхта в своих действиях ориентировалась на сословного лидера – аристократию, с другой – приоритетными являлись не национальные, религиозные или политические, а имущественные интересы [11, с. 2]. Процесс интеграции был сложным, но если в ходе «разбора шляхты» ее представителям удавалось документально подтвердить свою принадлежность к последней, то не возникало проблем с признанием полагавшихся российскому дворянину прав и привилегий. Автор привел конкретные примеры из истории отдельных семей, свидетельствующие об инкорпорации последних в российское дворянское сословие, подчеркнув, что главным условием успешности этого процесса являлась служба [18].

В диссертационном исследовании и публикациях С.Л. Луговцовой [27, 28] рассматривается дифференцированный подход российских властей к дворянству белорусских губерний конца XVIII – первой половины XIX века. Так, при Александре I в 1802 году был восстановлен ценз, введенный при Екатерине II и не применяемый при Павле I. Согласно законам Российской империи, помещик имел право участвовать в выборах, если являлся владельцем не менее 10 душ м.п., а избран мог быть при цензе в 20 душ м.п. С.Л. Луговцова отмечает, что возвращение ценза было направлено не против «высшего сословия белорусских губерний в целом, а на ограничение привилегий мелкой шляхты» [27, с. 9].

Декабрьским указом 1812 года были прощены все дворяне, изменившие присяге и перешедшие на сторону Наполеона. Им было разрешено вернуться в имения в течение двух месяцев, в противном случае предусматривалась конфискация имущества. Для сравнения автор привела наказание, грозившее участникам восстания 1794 года, – конфискация имущества и ссылка в Сибирь (при Павле I виновные были освобождены).

Если С.Л. Луговцова обратила внимание на оказанное российскими властями милосердие по отношении к коллаборационистским проявлениям части белорусского дворянства, то статья А.А. Игнатьевой посвящена попыт-

кам правительства Российской империи еще до начала военной кампании 1812 года предотвратить пронаполеоновские настроения на территории белорусских губерний обещанием жестких полицейских мер вплоть до депортации и смертной казни [25]. Последовавшие после победы действия свидетельствуют о стремлении российского правительства вести взвешенную политику и, в конечном итоге, найти опору среди белорусского дворянства.

С.Л. Луговцова приводит примеры государственной политики в отношении выборного чиновничества. Как известно, в 1812 году многие документы были уничтожены, а большое число вакантных выборных должностей оказалось свободно, поэтому в 1817 году к участию в выборах в белорусских губерниях были допущены лица, даже не записанные в родословную книгу. И хотя срок действия данного правила должен был истечь через три года, оно продолжало действовать и в 1820, и 1823 годах [28, с. 16]. В то же время Е.В. Шило, изучая дела об участии в выборах в дворянские сословные органы, пришла к выводу о том, что в западных губерниях России правительство принимало меры к пресечению допуска в выборные органы неимущего и малоимущего дворянства, а также лиц, состоявших под судом [48].

Политические и территориальные решения Венского конгресса 1815 года имели важные последствия для белорусских губерний, так как на этой территории усиливается польское влияние. Центром тайных патриотических обществ становится Виленский университет, закрытый после поражения восстания 1830–1831 годов. В результате участия в последнем белорусского дворянства 1831 год, по мнению С.Л. Луговцовой, является переломным в отношении российских властей к высшему сословию белорусских губерний. Анализ алфавитных списков участников восстания показал, по данным Д.П. Бригадина, что именно шляхта составляла более половины повстанцев [3, с. 18]. О.В. Горбачева выяснила, что в связи с восстанием 1830–1831 годов к следствию в белорусско-литовских губерниях было привлечено 2878 человек [9, с. 119].

Если за период с 1772 по 1831 год российское правительство не проводило активной политики «разбора шляхты», направленной на причисление мелкой шляхты к податному сословию (в результате отсутствия документальных доказательств дворянского достоинства), то с 1831 года этот процесс приобрел «политическую направленность»: «лишая шляхту привилегий, российское самодержавие стремилось разорвать ее сословную связь с поместным дворянством, основной армией всех антиправительственных восстаний и заговоров. Тем не менее даже в 30–50-е годы XIX века “разбор” шляхты происходил в большинстве случаев формально, а процесс приписки бывших шляхтичей к податным сословиям не был реально завершен к концу рассматриваемого периода» [27, с. 12]. При этом С.Л. Луговцова отмечает и тот факт, что даже при утрате документов реальное владение землями и душами с 1832 года было признано основанием для причисления к дворянству,

тем самым имущественное положение было для правительства главным аргументом [27, с. 12]. К подобному же выводу приходит и вышеупомянутый А.А. Доморад, оценивая результаты реализации закона от 19 октября 1831 года и указа Сената от 11 ноября 1832 года, направленных на ускорение процесса «разбора шляхты». При этом А.А. Доморад приводит статистические данные на примере украинских, а не белорусских земель, делая общий вывод о том, что «именно период 1831–1845 гг. стал переломным моментом в положении шляхты» [13, с. 147].

В то же время этот белорусский исследователь считает, что российская политика сокращения количества белорусского дворянства отвечала социально-политической целесообразности [12], правительственные меры были направлены на исключение из числа высшего сословия «недобросовестных» лиц, многие из которых были отнесены к шляхте на основании фальшивых документов в первые годы после разделов Речи Посполитой. Изучение дел в Виленской и Минской губерниях убедило А.А. Доморада в том, что процент утвержденных в дворянстве зависел не столько от политики центральных, сколько от позиции местных властей. Исследователь подчеркивает, что российское дворянство рассматривалось как общегосударственное основание безотносительно к национальной принадлежности его представителей [12, с. 22].

В свою очередь, С.Л. Луговцова полагает, что «разбор» шляхты стал необходимой мерой «в контексте слияния экономической и политической жизни белорусских губерний с общероссийской» [27, с. 13]. Однако, оценивая результаты политики «разбора» в первой половине XIX века, автор не считает их успешными, так как дворянство белорусских губерний по-прежнему продолжало отличаться наиболее высокими показателями численности в сравнении с общероссийскими [28, с. 65–66].

Сокращение числа выборных должностей во второй четверти XIX века было связано с эволюцией системы местного государственного управления на территории Российской империи «от сословно-бюрократической к полицейско-бюрократической модели» [27, с. 13]. Ограничение участия беспоместного и мелкопоместного белорусского дворянства в управлении было вызвано, по мнению автора, желанием российской администрации «отстранить от участия в выборах наиболее беспокойный элемент; сблизить законодательство о выборах в белорусских губерниях с общероссийским; укомплектовать судебно-исполнительную власть на местах депутатами, способными быть материально ответственными при исполнении своих обязанностей» [27, с. 14]. В целом же С.Л. Луговцова определила политику царизма в первой половине XIX века как компромиссную, однако, по мнению исследовательницы, это лишь «усиливало надежды тех, кто мечтал о независимости, подталкивало местное дворянство к противостоянию с российским самодержавием», вылившееся в восстание 1863–1864 годов.

Из современных направлений исследований следует выделить усадьбоведение. В Беларуси известным специалистом, занимающимся этой проблематикой, является А.Т. Федорук, автор нескольких монографий о старинных усадьбах Минской области, Гродненщины и Берестейщины [42–44]. По сути, это справочные издания об отдельных усадьбах, включающие их комплексную оценку с точки зрения истории формирования, архитектуры, садово-паркового искусства, состояния водоемов и хозяйственных построек, храмовых зданий и усыпальниц и т.д. Только на Гродненщине А.Т. Федорук выделил 600 объектов для изучения. Автор предваряет справочную часть, посвященную конкретным усадьбам, историческим очерком, разделы которого названы соответственно стилевым особенностям усадебного зодчества в конкретную эпоху. Первая половина XIX века обозначена как классицизм. К сожалению, специальных исследований по истории усадеб Могилевской и Витебской губерний до сих пор нет.

В настоящее время усадебной теме Смоленщины посвящены: публикации в «Новоспасском сборнике» [33] и изданиях Общества изучения русской усадьбы [45; 46], документальные очерки об отдельных известных дворянских имениях [5; 6; 17; 24; 26], каталог «Смоленские усадьбы» [47] и др. Становится традицией проведение в Смоленске научной конференции «Усадьбы Смоленщины и Беларуси: их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство», в которой принимают участие белорусские исследователи, сотрудники музейно-замкового комплекса «Мирский замок» [39] (1).

Несмотря на вышеназванные работы по отдельным аспектам истории белорусского дворянства, и белорусские, и российские историографы обоснованно полагают, что в настоящее время можно говорить лишь о начале «формирования современной историографической концепции, освещающей эту тематику» [34, с. 55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелька С.У. Роля дваранства ў развіцці культуры Беларусі (канец XVIII – сярэдзіна XIX стагоддзя): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2003. 22 с.

2. Богословский М.М. Смоленское шляхетство в XVIII в. // Федоров Б.Г. Смоленская шляхта: в 2 т. М.: Русское экономическое общество, 2006. С. 13–53.

3. Бригадин Д.П. Девиантное поведение представителей дворянского сословия белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины. 2016. № 4. С. 18–23.

4. Верховская Л.А. Родословная дворян Верховских Смоленской губернии. М.: Старая Басманная, 2010. 309 с.

5. Верховская Л.А., Деверилина Н.В. Четыре века смоленских усадеб. Смоленск: Свиток, 2011. 230 с.

6. Вторая жизнь Хмелиты / ред.-сост. С. Разгонов. М.: Альманах «Памятники Отечества», 1996. 176 с.

7. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / гл. рэд. М. Касцюк. Мінск: Экаперспектыва, 2007. 519 с.

8. Галенчанка Г. Шляхта Беларусі: доугія пуцявіны гісторыі // Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 1: А / Т.Ю. Капіца [і інш.]. Мінск: БелНДіДАС, 2002. С. 3–16

9. Гарбачова В.В. Паўстанне 1830–1831 гг. на Беларусі / навук. рэд. У.А. Сосна. Мінск: БДУ, 2001. 184 с.

10. Гербоўнік беларускай шляхты / Нацыянальны цэнтр па архівах і справаводству Рэспублікі Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. Т. 1: А / Т.Ю. Капіца [і інш.]. Мінск: БелНДіДАС, 2002. 493 с.; Т. 2: Б / С.А. Рыбчонак. Мінск: Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, 2007. 670 с.; Т. 3: В / Д.Ч. Матвейчык. Мінск, 2014. 647 с.; Т. 4: Г / Д.Ч. Матвейчык. Минск, 2016. 959 с.

11. Дамарад А.А. Інтэграцыя шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі: аўторэф. дыс. … канд. гіст. навук. Мінск, 2007. 19 с.

12. Дамарад А.А. Урадавыя мера прыемствы па скарачэнні колькасщ шляхты ў Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. // Труды БГТУ. Серия V: Политология, философия, история, филология. 2012. № 5. С. 19–22.

13. Дамарад А.А. Эвалюцыя палітыкі самадзяржаўя ў дачыненні да вышэйшага саслоўя беларусі ў першай палове XIX ст. // Труды БГТУ. Серия V: Политология, философия, история, филология. 2008. Вып. XVI. С. 145–147.

14. Дворяне Краевские Смоленской области: Родословные и мемуары / сост. Л.А. Верховская. М.: Старая Басманная, 2014. 739 с.

15. Деверилина Н.В. Смоленских Глинок древний род. Смоленск: Свиток, 2013. 173 с.

16. Деверилина Н.В., Королева Т.К. «Я открою вам сердце мое». Смоленск: Смядынь, 2004. 156 с.

17. Деверилина Н.В. «Я посетил тебя, пленительная сень...»: смоленские усадьбы и их владельцы. Смоленск: Маджента, 2014. 223 с.

18. Доморад А.А. Аристократия Беларуси в генеалогических процессах Российской империи 19 века // Труды БГТУ. История, философия, филология. 2013. № 5. С. 15–17.

19. Думин С.В. Первые дворянские родословные книги в белорусско-литовских губерниях в конце XVIII в. // Дворянские родословные книги: история и современные проблемы: материалы Шестого науч. семинара, 25 мая 2001 г. СПб.: ВИРД, 2001. С. 26–31.

20. Думин С.В. Смоленская шляхта и ее судьбы. // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы международной научной конференции (Краснодар, 10–11 июля 2002 г.). Краснодар: Кубанькино, 2003. С. 74–85.

21. Думин С.В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой. 1618–1654 гг.: по материалам Литовской метрики: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 24 с.

22. Думин С.В. Смоленское дворянство // Смоленское дворянство. Вып. 1. М., 1997.

23. Елинская М.М. Источники о дворянских родах западноевропейского происхождения в белорусских губерниях конца XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2005. 21 с.

24. Знаменитые усадьбы Смоленщины: сборник научных статей / А.И. Бер-Глинка [и др.]; науч. ред. Э.К. Сухова; авт. предисл. В.В. Стерлина. Смоленск: ИП И.А. Флиманкова, 2011. 519 с.

25. Игнатьева А.А. Борьба самодержавия с пронаполеоновскими настроениями в дворянской среде пяти северо-западных губерний накануне военной кампании 1812 г. // Весці БДПУ. Серыя 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія: што квартальны навукова-метадычны часопіс. 2014. № 4. С. 18–23.

26. Лапикова Анна. Дворянские гнезда Смоленщины. Смоленск: Изд-во «Универсум», 2010. 352 с.

27. Луговцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1999. 18 с.

28. Луговцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Мн.: БГПУ, 1997. 78 с.

29. Лютая А.Э. Интеграция шляхты белорусских земель в дворянское сословие Российской империи (1772–1914 гг.): историография проблемы // Весці БДПУ. Серыя 2: Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія: што квартальны навукова-метадычны часопіс. 2015. № 2. С. 52–55.

30. Люты А.М. Сацыяльна-эканамічнае развіцце Беларусі у другой палове XVIII – першай палове XIX ст. Мінск: БДПУ, 2004. 370 с.

31. Люты А.М., Туміловіч Г.М. Дваранства Беларусі у перыяд разлажэння і крызісу феадалізму (канец XVIII – першая палова XIX ст.). Мінск, 1991. 16 с.

32. М.И. Глинка и Смоленщина / авт.-сост. Н.В. Деверилина. Смоленск: Свиток, 2014. 205 с.

33. Новоспасский сборник / отв. за вып. Н.В. Деверилина. Смоленск: Смоленская городская типография, 2005 –…

34. Петухов Ю.С. Изучение историографии истории белорусского дворянства конца XVIII – начала XX вв. в современных белорусских исследованиях // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 26–27 красавіка 2007 г. / рэдкал.: В.І. Рагаўцоў. Магілеў: МДУ, 2007. С. 220–222.

35. Словік С.У. Шлюбы ў шляхецкім саслоўі Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2013. № 7. С. 160–165.

36. Соколова М.А. Общественные объединения и движения в Беларуси в конце XVIII – начале XX века: проблемы становления гражданского общества. Минск: Белорусская наука, 2000. 134 с.

37. Тихонова А.В. Род Энгельгардов в истории России XVII–XX веков. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2001. 503 с.

38. Тумилович Г.Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск, 1995. 22 с.

39. Усадьбы Смоленщины и Беларуси: их владельцы и обитатели. Музыка. Архитектура. Садово-парковое искусство: сборник материалов международной научно-практической конференции, 5–6 июня 2016 г. / отв. за вып. Н.В. Деверилина. Смоленск: Свиток, 2016. 263 с.

40. Федоров Б.Г. Смоленская шляхта: в 2 т. М.: Русское экономическое общество, 2006.

41. Федоров Б.Г., Деверилина Н.В., Королева Т.К. Смоленские Глинки: 350 лет на службе России, 1654–2004: родословная рода Глинок и потомков сестер М.И. Глинки. М.: Гареева, 2004. 302 с.

42. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины. 2-е изд. Минск.: Беларуская энцыклапедыя, 2006. 572 с.

43. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Гродненщины. Минск: Беларусь, 2014. 543 с.

44. Федорук А.Т. Старинные усадьбы Минского края. Минск: ООО «Полифакт»; ООО «Лекция», 2000. 415 с.

45. Филиппова А.А. Грибоедов и русская усадьба. «В деревню, в теплый край...» // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы. М.: Жираф, 2006. Вып. 12 (28). С. 113–126.

46. Чекмарев А.В. Усадьба Дугино Паниных // Русская усадьба: сборник Общества изучения русской усадьбы. М.: Жираф, 2001. Вып. 7(23). С. 404–433.

47. Чижков А.Б., Гурская Н.Г. Смоленские усадьбы: каталог с картой расположения усадеб / науч. ред. Н.В. Деверилина. Смоленск: Свиток, 2009. 191 с.

48. Шило Е.В. Правительственная регламентация дворянских собраний в западных губерниях Российской империи (последняя четверть XVIII в. – 1831 г.) // Працы Гістарычнага факультета БДУ. 2014. Вып. 9. С. 206–213.

49. Шило Е.В. Формы и особенности дворянской благотворительности на белорусских землях Российской империи в первой половине XIX в. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 9 / отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск: БГУ, 2014. С. 101–112.

50. Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 1. М., 2006. 304 с.; вып. 2. М., 2009. 677 с.; вып. 3. М.. 2014. 865 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информацию о II конференции с этой тематикой см.: URL: http://smolensklib.ru/node/2251.

A.V. Tikhonova
Belarusian Nobility in the First Half of the XIXth Century in the Context of Modern Historiography

Key words: *Belarusian nobility; Belarusian gentry; first half of the XIXth century; Russian Empire; Byelorussian provinces; Smolensk region.*

The article analyzes the historiography of Belarusian nobility in the works of researchers of the XXIst century from the point of view of the investigated problems, the evaluation of the gentry evolution after Belarusian provinces became part of the Russian Empire. The historiographic review includes the works of the scientific researchers of Smolensk and Belarus, which relate to the history of the Belarusian nobility of the first half of the XIXth century.

О.В. Козлов

Смоленский государственный университет

УДК 930:94(476) «1850/1917»:37

Становление системы просвещения на территории Витебской и Могилевской губерний в XIX – начале XX века: ракурсы современной белорусской историографии

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

Ключевые слова: *система просвещения; Белоруссия; белорусские губернии; Витебская губерния; Могилевская губерния; XIX – начало XX века; Российская империя.*

В статье представлен историографический обзор публикаций белорусских историков последнего десятилетия об образовательной сфере Беларуси XIX – начала XX века (на примере Витебской и Могилевской губерний). Автор не только раскрывает основное содержание работ белорусских коллег, но и выделяет особенности трактовок, касающихся периода вхождения белорусских губерний в состав Российской империи.

В научной литературе Беларуси последнего десятилетия особое внимание уделяется анализу результатов образовательной политики, проводимой имперскими властями в XIX – начале XX века. Так, в своей обобщающей историографической статье П.С. Крючек и В.Н. Сергеев называют периодом «первого знакомства с Беларусью» российского общества, когда начались поездки по краю с ознакомительными и научными целями, появились первые исследования по истории «Западной Руси», конец XVIII – первую половину XIX века [7, с. 3–6]. Следует все же уточнить, что это было явно не «первое знакомство» российского общества с белорусским, а скорее возобновление ранее утраченного опыта совместного проживания, по крайней мере для населения ряда приграничных территорий, что само по себе может стать предметом отдельного исследования.

П.С. Крючек и В.Н. Сергеев подчеркнули важную положительную тенденцию: «В целом изучение Беларуси и белорусов в первой трети XIX столетия развивалось по восходящей линии. Возникли первые научные центры, занимавшиеся историческим исследованиями (прежде всего Виленский университет и Полоцкая иезуитская академия), расширилась источниковая база, появились первые концепции исторического развития Беларуси» [7, с. 3–4]. При этом белорусские ученые отметили стремление официальных властей к осуществлению своей главной задачи – скорейшей интеграции западных земель в состав России, особенно после событий 1830–1831 годов. Для этого самодержавие «усилило репрессивную политику, в том числе и в сфере науки и культуры. Первым шагом на этом пути стало закрытие Виленского университета». В то же время, по мнению авторов, «наиболее дальновидные представители российской администрации понимали, что одними репрессиями изменить общественно-политический климат в крае невозможно. Необходимо создать и научные центры, и учреждения, способные нейтрализовать польское влияние» [7, с. 5].

К таким центрам П.С. Крючек и В.Н. Сергеев относят возникшие в конце 1830-х годов губернские статистические комитеты, главной целью которых являлся сбор информации об историко-бытовых особенностях развития западных губерний. Собранные материалы нашли свое отражение в «Памятных книжках губерний», которые издавались с конца 40-х годов XIX века, «в неофициальных их частях нередко публиковались историко-краеведческие очерки, заметки, исторические документы» [7, с. 5]. Как положительное явление авторами отмечено издание в 1840–1850-х го-

дах нескольких научно-литературных журналов под редакцией известного белорусского и польского историка и этнографа А. Киркора. Что примечательно, в его трудах пропагандировалась идея славянского единства, получившая продолжение в работах «Белорусское полесье» и «Литовское Полесье», специально написанных для третьего тома «Живописной России» (1882). По мнению авторов, именно А. Киркор «познакомил широкую российскую общественность с историческими и культурными особенностями белорусского народа, а также показал особенности и самобытность белорусского языка» [7, с. 5–6].

Вполне обоснованно П.С. Крючек и В.Н. Сергеев указали на то, что «такая тенденция в исследовании прошлого Беларуси естественно вызывала обеспокоенность властей. Поэтому большое внимание истории "Западной Руси" в этот период стала уделять и российская дворянская историография». Однако не столь однозначными выглядят попытки авторов представить историка Н.Г. Устрялова главным идеологом «основ великодержавной версии истории Беларуси, которая стала господствующей на долгие годы», как и то, что «в научном освещении Беларуси по-прежнему преобладает польское влияние» [7, с. 6].

Авторы статьи как пример некоего нового понимания истории белорусской земли в составе Российской империи привели работу О. Турчиновича «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен», отметив, что «несмотря на описательный характер, история Беларуси впервые рассматривалась в ней не как составная часть истории Литвы, Польши или России, а как история непосредственно белорусского края и белорусского народа» [7, с. 6]. Однако современные исследователи не могут игнорировать тот факт, что исторический процесс осуществлялся в территориальных границах вышеназванных государств [7, с. 6].

Русификации системы образования белорусских земель посвящены работы Л.М. Игнатовец [5; 6], которая отметила недостаточную изученность ее коллегами политики российского правительства «в области образования (просвещения) в Витебской и Могилевской губерниях во второй четверти XIX в.» [5, с. 21]. Исследование образовательной деятельности на местах убеждает автора в том, что «со времени первого раздела Речи Посполитой, когда восточно-белорусские земли вошли в состав Российской империи, и до начала 30-х гг. XIX в. образовательная политика российского правительства в отношении населения этих земель менялась трижды, что было обусловлено изменениями статуса этих земель. … Эти губернии, как и иные "присоединенные от Польши" территории, в 1803 г. были объединены в Виленский учебный округ, администрация которого, используя либеральные взгляды Александра I, вплоть до 1824 г. проводила последовательную полонизацию населения этих территорий» [5, с. 21–22].

Последующую реорганизацию Виленского учебного округа Л.М. Игнатовец обоснованно связывает с раскрытием деятельности тай-

ных обществ, обнаружением «истинных целей образовательной политики попечителя Виленского учебного округа А. Чарторыйского» и актуализацией генерал-губернатором Витебской, Могилевской, Смоленской и Калужской губерний князем Н.Н. Хованским вопроса о статусе «исконно русских» Витебской и Могилевской губерний и целесообразности их пребывания в составе указанного учебного округа как «неправомерно подвергающихся полонизации». По мнению автора, перевод Витебской и Могилевской губерний в Санкт-Петербургский учебный округ имел своей целью осуществление российским правительством русификации системы образования, что «со временем должно было сблизить во всех отношениях местное население с русским народом». Автор особо отметила, что «с этого времени Витебской и Могилевской губерниям снова был придан статус "возвращенных от Польши"» [5, с. 21].

Основываясь на изучении результатов ревизии белорусских учебных заведений 1826 года, Л.М. Игнатовец делает вывод о том, что «одномоментная русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях и тем более ее полное слияние с общероссийской образовательной системой в пределах Санкт-Петербургского учебного округа не возымели бы должного эффекта» [5, с. 22]. Дополнительной аргументации требует предположение автора о том, что наличие глубоко укоренившихся традиций «польско-ориентированного образования» при русификации могло привести «к бойкоту государственных учебных заведений в пользу частных учебных заведений или домашнего образования» [5, с. 22–23].

На наш взгляд, необходимо привести документальные свидетельства того, что «местное население, претендовавшее на образование, было почти полностью представлено шляхтой, идентифицировавшей себя с польской народностью (и все еще грезившей о восстановлении Речи Посполитой) и стремившейся привить своим детям патриотические чувства посредством польско-ориентированного воспитания». В подобном утверждении заметно некое принижение места и роли в образовательном сегменте собственно белорусского этноса, которому не было дано никакого права выбора ни в ходе полонизации, ни в ходе русификации. Отсюда возникают претензии и к сделанному авторами выводу: «По этой причине насильственная русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях была обречена на провал» [5, с. 23]. Условность терминов «насильственная русификация» и «провал» также очевидна и требует фактологического подтверждения.

Неопределенно трактуется автором и высказывание «визитатора белорусских учебных заведений от Санкт-Петербургского университета профессора О.И. Сенковского» о том, что «местное население отличалось от населения русских губерний языком, обычаями, нравами и, что самое главное, сословной структурой, и было бы концептуально неправильно насаждать в белорусских губерниях русскую систему образования без уче-

та этих особенностей». Такую трактовку, скорее всего, можно объяснить именно заботой о необходимости обязательного учета обозначенных особенностей. В то же время можно согласиться с авторской констатацией того, что при отнесении Витебской и Могилевской губерний к Санкт-Петербургскому учебному округу нужно было учитывать значительную территориальную «удаленность этих губерний от управляющего центра», которая «… снижала эффективность управления, а следовательно, и проведения русификации учебного процесса в них» [5, с. 23].

Для исследователей имперской политики России на территории российско-белорусского пограничья особый интерес представляет определение причин и изучение самого процесса создания особого Белорусского учебного округа. В этой связи Л.М. Игнатовец выявляет вполне приемлемую динамику в действиях имперских властей. Так, «решением вопроса об устройстве системы образования в Витебской и Могилевской губерниях занялся комитет устройства учебных заведений при МНП, который предложил третий вариант решения проблемы: изъять учебные заведения Витебской и Могилевской губерний из ведения Санкт-Петербургского учебного округа и назначить для управления ими особого попечителя, непосредственно зависящего от МНП» [5, с. 24].

Нельзя не согласиться с мнением автора, что именно «этот вариант и был закреплен в указе от 17 января 1829 г. “О дополнительных правилах к устройству Белорусских учебных заведений”, согласно которому из Витебской и Могилевской губерний был фактически учрежден отдельный учебный округ – Белорусский. Такое решение было принято ввиду того, что правительство не желало признавать их польскими губерниями (“присоединенными от Польши”), и в то же время осознавало, что они были не вполне идентичны русским, поэтому было бы концептуально неправильно оставлять их в составе СПб учебного округа и вводить в них русскую систему образования» [5, с. 24].

В результате изучения большого объема документальных свидетельств Л.М. Игнатовец делает вполне закономерный вывод о том, что «целью создания Белорусского учебного округа была деполонизация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях и ее сближение с общероссийской образовательной системой». Автор перечислила задачи попечителя нового округа Г.И. Карташевского, сформулированные вышеупомянутым комитетом: «1) реорганизовать с учетом местных обстоятельств систему образования в Витебской и Могилевской губерниях в соответствии с новым Уставом учеб. зав., утвержденным 8 декабря 1828 г. для четырех русских учебных округов; 2) обеспечить учебные заведения “русскими” учителями (учителями из внутренних российских губерний); 3) ввести преподавание предметов на русском языке, оставив возможность изучения польского языка; 4) заменить постепенно учебные заведения,

действовавшие при католических и униатских монастырях, учебными заведениями, содержащимися от правительства» [5, с. 24].

Полезная информация приводится Л.М. Игнатовец о деятельности самого Г.И. Карташевского, расширившего «применительно к Белорусскому учебному округу предложенную в Уставе 1828 г. типологию учебных заведений. Помимо 1-классных приходских училищ для людей “из самых низших состояний”, 3-классных уездных училищ для мещан и 7-классных гимназий для детей дворян и чиновников» были введены «4-классные уездные училища как отделения гимназии для детей несостоятельных дворян, которые не имели финансовых возможностей обеспечить обучение своих детей в гимназии в течение 7 лет» [5, с. 24].

Л.М. Игнатовец использовала выверенный статистический материал, согласно которому в Белорусском учебном округе «в начале 1830-х гг. были преобразованы или вновь учреждены: 3 гимназии – в Витебске, Могилеве и Динабурге, 8 уездных училищ для дворян – в Полоцке, Лепеле, Невеле, Орше, Мстиславле, Рогачеве, Гомеле и Креславле, 4 уездных училища для мещан – в Могилеве, Велиже, Костюковичах и Черикове (городах и местечках наиболее массового проживания мещан христианских вероисповеданий)». Приходские училища, как предписывал это Устав 1828 года, учреждались повсеместно, что вполне решало проблему получения местным населением начального и среднего образования [5, с. 24–25].

Л.М Игнатовец рассмотрела и вопрос об обеспечении учреждаемых учебных заведений русскими учителями. По мнению исследовательницы, Г.И. Карташевский предполагал предоставить «учителям уездных училищ для дворян права и преимущества младших учителей гимназии – 10-классный чин и жалование в 1200 рублей в год». При этом «нужно было заполнить 46 вакансий (55% от общего числа учителей)». В результате принятых мер с 1830–1831 учебного года во всех учебных заведениях Белорусского учебного округа преподавание велось на русском языке, программы почти полностью были идентичны русским [5, с. 25]. Материалы Л.М. Игнатовец дают возможность сравнить системы подготовки учительских кадров в Белорусском и Виленском учебных округах в первой трети XIX века с данными, имеющимися в работе С.Н. Даниленко о Виленском учебном округе в 1803–1832 годах [3, с. 31–35].

По результатам русификации в Витебской и Могилевской губерниях Л.М. Игнатовец приводит сведения о том, что с 1830 года были закрыты шесть учебных заведений, действовавших при монастырях: бернардинские училища в Орше и Мстиславле, доминиканское училище в Полоцке. Вторая волна закрытия ликвидировала базилианскую гимназию в Витебске и базилианское училище в Вербилове Витебской губернии. Значимым событием, по мнению автора, стало принятие указа 2 ноября 1835 года «О непреподавании польского языка в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний». Можно согласиться с выводом Л.М. Игнатовец о том, что результаты руси-

фикации системы образования стали очевидны уже спустя 15 лет. Учебные заведения Витебской и Могилевской губерний влились «в общероссийскую образовательную систему без затруднений, которыми в первой трети XIX в. являлись “местные особенности”» [5, с. 25].

Подводя итоги нововведений в вышеназванных губерниях, автор подчеркнула, что процесс русификации был формально и содержательно завершен «к концу 1837 г., когда было закрыто последнее среднее учебное заведение, действовавшее при католическом монастыре (доминиканская гимназия в Забялах). К этому времени все учебные заведения двух белорусских губерний действовали согласно общероссийскому Уставу учебных заведений 1828 г., преподавание в них осуществлялось на русском языке. Более того, польский язык в учебных заведениях этих губерний с 1836 г. не преподавался. Подобного результата русификации системы образования в четырех западных губерниях – Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской – удалось достичь в 1843 г., когда было закрыто последнее среднее учебное заведение при католическом монастыре (польский язык не преподавался с 1839 г.)».

Однако, как отмечает автор, «обеспечение учебных заведений учителями и чиновниками “из русских” во всех губерниях Белорусского УО было неудовлетворительным» [6, с. 54], в целом же свои задачи учебный округ выполнил. Тем не менее «сближения тамошних жителей с природными россиянами» не произошло. Об этом в своей докладной записке государю «О причинах неприязненных действий помещиков Витебской губернии в отношении к православию» 19 марта 1849 г. писал витебский губернатор С.А. Долгоруков. Резолюция Николая I была следующей: «Министру народного просвещения обратить особое внимание» [6, с. 54–55].

В отчете попечителя Белорусского учебного округа Э.А. Грубера содержалась критика в отношении некоторых присылаемых русских учителей, поведением своим не соответствовавших «званию учителя» [6, с. 56]. Грубер полагал, что сложившаяся система образования «обеспечивала необходимые условия для формирования у местного населения русского национального самосознания» [6, с. 58]. Министр народного просвещения С.С. Уваров в записке от 27 июня 1849 года, основываясь на отчете попечителя, считал задачу по русификации системы образования в Северо-Западном крае выполненной, а потому признавал нецелесообразным принимать «экстраординарные меры в отношении Белорусского УО» [6, с. 59]. Тем не менее, как подчеркивает Л.М. Игнатовец, уже «через полгода после увольнения С.С. Уварова с должности министра, императором было принято решение ликвидировать Белорусский УО. Согласно указу от 2 мая 1850 г. из Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской губерний вновь был создан Виленский УО, управление которым на правах попечителя было возложено на Виленского военного, Гродненского, Минского и Ковенского генерал-губернатора И.Г. Бибикова; Витебская и Могилевская губернии снова были включены в состав Санкт-Петербургского УО» [6, с. 60].

Русификация системы образования должна была, по обоснованному утверждению Л.М. Игнатовец, стать лишь частью целого «комплекса мероприятий общественно-политического и социально-культурного характера» для осуществления «русификации населения западных губерний (в первую очередь дворянства)» [6, с. 60].

Что же касается продолжения имперской политики на белорусских территориях в годы реформ Александра II, то в современной белорусской историографии ее однозначных оценок нет. В статье В.М. Остроги «История народного образования и учительства Беларуси в исследованиях второй половины XIX – начала XX в.» отмечено, что в указанный период был собран огромный фактологический и статистический материал, отражающий общие вопросы истории развития начальной школы и мероприятия государства в этой сфере, а также проблемы подготовки учительских кадров, их материального и правового положения, сравнения статуса просвещения в России и европейских странах. Автор указывает на значительное расширение исследовательского поля в начале XX века за счет внимания к вопросам женского и педагогического образования, деятельности учительских обществ, развитию национальной культуры и др. Однако, по мнению В.М. Остроги, основу для дальнейших исследований в области образования создали современные научные работы [14].

В настоящее время ученые Беларуси продолжают изучение процесса становления системы народного образования, в том числе и на территории российско-белорусского пограничья. Так, в работах С.А. Сергейко, посвященных истории образования и гувернерства на территории белорусских губерний, XIX век оценивается как определенный этап, когда государственная система Беларуси претерпела некоторые изменения, находясь в составе Российской империи [15; 16, с. 182]. Белорусская исследовательница полагает, что в 1860-е годы на принятие важных административных решений существенное влияние оказало мнение генерал-губернатора М.Н. Муравьева, который считал, что «излишние гимназии в этом крае вредны, потому что они потворствуют шляхетству к выходу в чиновники и дворянство». По этой причине якобы и были закрыты некоторые учебные заведения: Горецкий земледельческий институт, 8 средних учебных заведений, Молодечненская прогимназия, а из средних школ исключено почти 2 тысяч человек. Дальнейшее усиление администрирования автор связывает с тем, что в 1863 году «Западным комитетом были утверждены “Временные правила для народных школ в губерниях: Виленской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской”» [15, с. 174].

С.А. Сергейко не обходит вниманием и происходившие тогда некоторые позитивные изменения: «Одновременно открываются женские гимназии ведомства императрицы Марии: в Гродно – 1862 г., в Могилеве – 1863 г., в Минске – 1865 г., в Витебске – 1866 г. В этот период в учебных заведениях усиливается преподавание русского языка и словесности, вво-

дятся внеклассные литературные чтения, должности преподавателей заменены "лицами русского происхождения" православного исповедания; преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания осуществляется на русском языке, вводится обязательный экзамен по русскому языку для окончивших гимназию в "западных" губерниях при поступлении в университет. Последняя мера была принята министерством народного просвещения в связи с тем, что в гимназиях западных губерний "вследствие польской пропаганды и раздражения умов, воспитанники показывали большее презрение к занятиям русским языком"» [15, с. 175].

В монографии А.И. Ганчара «Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – начало XX вв.)» [2], вышедшей в 2015 году, справедливо утверждается, что «народное образование на территории Беларуси в 1860-х гг. строилось на утвержденных 18 мая 1864 г. Александром II принципах, которые сводились к следующему: в селах и в городах предполагалось создать возможно большее число народных школ; их программа ограничивалась русской и славянской грамотой, первыми началами счисления, элементарными знаниями о православной вере и пением на клиросе; школы должны были состоять в руках православного духовенства; светские народные школы следовало утверждать только там, где не было возможности поручения их православному духовенству; содержание школ в селениях предполагалось постепенно относить на счет сельских обществ; в городах учреждать двухклассные училища с большим развитием знаний, а следовательно, и с большим курсом наук, чем в сельских народных школах, отнюдь не допуская в них обучения польскому языку» [2, с. 78]. Вышеперечисленные меры соответствовали взглядам М.Н. Муравьева [10, с. 36].

По мнению А.И. Ганчара, «процесс секуляризации образования, таким образом, коснулся лишь римско-католического костела. Из-под его влияния выведены были не только высшее и среднее образование, но также начальное – в первую очередь, учебные заведения для крестьян. Закрепить за собой место в сфере обучения и воспитания костел мог теперь лишь через преподавание религиозных дисциплин. Однако и здесь возникали значительные трудности, обусловленные ограничениями в языке преподавания. Польский язык был изъят из обучения Закону Божию в 1864 г. и заменен русским. Это должно было стать одним из пунктов масштабной программы по "располячиванию" костела в Северо-Западном крае: перевода языка римско-католического богослужения с польского на русский». Последнее, как считает автор, в свою очередь, «не устраивало православную церковь – русский язык римско-католического богослужения мог способствовать быстрому распространению католицизма в глубь Российской империи. В результате активность властей перешла, в основном, в надзор за языком обучения римско-католиков Закону Божию в учебных заведениях Северо-Западного края. В Ковенской губернии указом от 4 марта 1863 г. был разрешен к использова-

нию и литовский язык». А.И. Ганчар привел утверждение Л. Заштовта о том, что польский язык по-прежнему звучал на уроках римско-католической религии, но посчитал необходимым заметить, что «это мнение, по-видимому, нельзя принимать безоговорочно» [2, с. 246].

В своей работе А.И. Ганчар обратил внимание и на процесс распространения правил о церковно-приходских школах, утвержденных Александром III 13 июня 1884 года [2, с. 251–253]. По мнению автора, «как и по всей Российской империи, на территории Беларуси, начиная с 1880-х годов, особенно быстро росла сеть школ церковного ведомства. Наибольшее число церковно-приходских школ наблюдалось в Витебской, Минской и Могилевской губерниях» [2, с. 261]. Кроме того, А.И. Ганчар подчеркнул, что «для привлечения еще большего числа римско-католиков в церковно-приходские школы действовало правительственное распоряжение, дающее послабления и льготы в отбывании воинской повинности» [2, с. 265].

В то же время в статье О.И. Ершовой «Политика российского правительства в области финансирования начальных школ Виленского учебного округа, расположенных в селениях бывших крепостных крестьян (1860-е гг.)» отмечены тенденции к ограничениям в сфере образования. Так, министр народного просвещения А.В. Головнин считал невозможным бесплатное обучение для народа, так как «правительство должно было определить источники финансирования для решения в короткие сроки первостепенной задачи: открытия большого количества школ, каждую из которых следовало обеспечить помещением, мебелью, учебными пособиями …оплачивать труд учителей, осуществлять текущий и капитальный ремонт школьных помещений и пр.» [4, с. 56].

Автор статьи обоснованно утверждает, что до 1867 года Россия находилась в состоянии глубокого финансово-экономического кризиса и ассигнования на народное образование были явно недостаточными. Несмотря на негативную оценку советскими исследователями финансовой политики правительства в отношении начальной школы, О.И. Ершова на основе анализа законодательных и статистических материалов показывает рост в 1860-е годы затрат Государственного казначейства на начальное образование Виленского учебного округа (непосредственно на содержание учебных заведений, привлечение в край учителей, оплату служащим управления) [4, с. 57].

О.И. Ершова приводит весьма интересные данные. Например, в Витебской и Могилевской губерниях изначально пособие штатному училищу составляло не менее 175 рублей, а «больший размер пособий был характерен для училищ в уездах со значительным количеством католического населения: Полоцком, Лепельском, Витебском, Сенненском, Оршанском». Помимо этого, «часть суммы из государственного казначейства, поступавшей в Витебскую и Могилевскую губернии, распределялась между сверхштатными училищами, получавшими в год от 20 до 100 руб. … В результате к 1869 г. количество штатных училищ в Витебской губернии выросло в полтора раза, а

сверхштатных уменьшилось почти вдвое. В целом, исходя из особенностей национально-конфессионального состава населения Витебской и Могилевской губерний, тяготения определенной его части к русской культуре, МНП сочло допустимым расходовать на местные народные училища суммы меньшие в сравнении с тремя остальными губерниями» [4, с. 59].

В.П. Мазуркевич в своем историческом очерке «Народное образование на территории Белоруссии в XVI–XX вв. (до октября 1917 г.)» упоминает о попытках правительства улучшить систему подготовки учителей для средней и начальной школы. По представлению МНП в один и тот же день, 23 марта 1865 года, были приняты два постановления: «О приготовлении учителей гимназий и прогимназий» и «Об учреждении педагогических курсов при уездных училищах для приготовления учителей народных училищ» [9, с. 73]. Автор подчеркивает, что преобразование гимназий и прогимназий по утвержденному уставу и штатам рекомендовалось проводить постепенно, по мере выделения необходимых ассигнований и исходя из местных условий [9, с. 66]. В результате, по данным на 1915 год, на территории Белоруссии было всего 34 гимназии и два средних женских училища [9, с. 109].

Что касается учительских семинарий, то В.П. Мазуркевич подтверждает: на территории Белоруссии, как и в российских губерниях, они появились во второй половине XIX столетия, а точнее – в 1864 году, и предназначались для подготовки учителей народных школ и начальных училищ. Старейшей из них не только на территории Белоруссии, но и в целом в Российской империи являлась Молодечненская учительская семинария. Автор свидетельствует, что в 1917 году в белорусских губерниях насчитывалось 9 учительских семинарий, из них – 6 мужских и 3 женских [9, с. 108]. Специализированными педагогическими учебными заведениями являлись учительские институты, действовавшие в Витебске, Могилеве и Минске [9, с. 107].

В статье Е.Б. Лавицкой «Развитие начального образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века (на примере церковных школ Полоцкой епархии)» [8] подчеркивается, что «в настоящее время актуализировались исследования в области исторических наук, в том числе и истории педагогики» [8, с. 103]. Для автора «в этом отношении интересным и важным периодом изучения является рубеж XIX–XX веков. Именно в этот период основным типом начальных учебных заведений на территории Российской империи, в том числе и Витебской губернии, являлись церковно-приходские школы». В то же время Е.Б. Лавицкая отмечает, что «эти школы были немногочисленны, не имели хорошо организованного учебного процесса» [8, с. 103]. При этом в статье допускается разночтение. Например, сначала автор сожалеет, что не сохранились точные сведения о числе школ, открытых духовенством до 1864 года, и о количестве учащихся, а позже утверждает, что есть основания предполагать, что число таких школ было весьма значительным [8, с. 104]. Требует дополнительного статистического подтверждения и

заявление автора, что Положение от 14 июня 1864 года привело к тому, что «впоследствии церковные школы стали очень быстро исчезать целыми десятками, а на их месте столь же быстро появились школы нового типа – начальные народные училища МНП». Далее следует документально не подкрепленная констатация: «К началу 1880-х годов церковные школы существовали как случайные и крайне редкие» [8, с. 105].

В то же время вполне обоснованным является утверждение Е.Б. Лавицкой о том, что «фактическое возрождение церковных школ началось в 1883–1889 годах, когда духовенством не без больших усилий были открыты 22 церковно-приходские школы». Издание «Правил о церковно-приходских школах» в 1884 году, как считает автор, «дало сильный толчок дальнейшему развитию» этих учебных заведений в Полоцкой епархии. Только в 1884 году духовенство открыло 20 новых школ, а общее число церковных школ составило 44, из них 43 были одноклассными, а одна – школой грамоты. Автор приводит данные, что «в 1885 году было открыто 28 одноклассных церковно-приходских школ, так что общее число их стало 71, а через 5 лет, т.е. в 1890 году, всех школ было 204, в том числе 2 двухклассные школы, 144 одноклассные и 58 школ грамоты. В продолжение следующего пятилетия, т.е. с 1890 по 1896 год, число церковно-приходских школ увеличилось только на 112, но зато школ грамоты с 58 поднялось до 492» [8, с. 105].

Эта диспропорция, по мнению Е.Б. Лавицкой, произошла потому, что «быстрому увеличению числа школ грамоты способствовала, с одной стороны, крайняя скудость средств в распоряжении духовенства на открытие школ более высшего типа. С другой стороны, крестьянское население поддержало этот тип школ. В Полоцкой епархии сельское население жило по преимуществу небольшими поселками дворов по 5–10, разбросанными иногда на довольно значительные расстояния друг от друга, а при таких условиях самым подходящим являлся именно тип школы грамоты, как школы в высшей степени несложной, рассчитанной на небольшое количество учеников (20–25). А главное – не требующей от крестьян особых затрат на снаряжение учеников одеждой и содержание их в общежитиях, без которых школы грамоты легко могли обходиться. Крестьяне нередко и сами становились инициаторами в этом деле» [8, с. 105].

В статье Е.Б Лавицкой приводится статистика, отражающая рост числа церковно-приходских школ с 1895 по 1909 год, к началу января 1909 года их было 273. Что же касается школ грамоты, то к 1905 году их насчитывалось 640, а с 1906 года наблюдается быстрое уменьшение количества этих учебных заведений почти вдвое (к 1 января 1909 года их 331). Причины, которые указала Е.Б. Лавицкая, заключались в быстром росте народных училищ МНП, которые открывались Витебской дирекцией народных училищ именно в тех пунктах, где раньше были школы грамоты. Автор также отметила, что с 1905 года прекратилось увеличение жалования учителям школ грамоты, окончившим второклассные школы, был уменьшен

и размер пособия на школы грамоты с неправоспособными учителями. Таким образом, Е.Б. Лавицкая сделала вывод, что «этот тип школы, столь симпатичный крестьянству, но не встретивший никакой поддержки со стороны интеллигенции и высших учреждений, занимающихся школьным делом, можно считать обреченным на уничтожение» [8, с. 105].

В статье затрагиваются и вопросы, касающиеся социального статуса и образовательного уровня учителей школ грамоты. По данным Е.Б. Лавицкой, «учительские обязанности в них исполняли по преимуществу члены причта. Так, в 1885–1886 учебном году из 72 начальных школ в 40 школах занимались обучением местные приходские священники. В 8 школах обучали псаломщики под наблюдением местных священников, и только в 24 были особые учителя из окончивших духовную семинарию и училище или учительницы из окончивших курс Витебского женского и Полоцкого Спасо-Евфросиньевского училищ». Автор отмечает положительные тенденции в процессе становления школ синодального ведомства: «В последующие годы со стороны епархиального училищного совета замечается стремление к увеличению числа особых учителей для церковных школ, процент которых постепенно увеличивается, и вместе с тем учительский состав улучшается и качественно». При этом Е.Б Лавицкая считает, что число правоспособных учителей в школах грамоты начинает увеличиваться только после открытия в епархии второклассных школ, предназначенных специально для подготовки учителей [8, с. 106].

Приведенный Е.Б. Лавицкой фактический материал позволил автору констатировать, что преподавание в церковно-приходских школах Полоцкой епархии велось по программам, утвержденным Святейшим Синодом. Успехи учеников с небольшими исключениями были удовлетворительными. Расписание уроков составлялось согласно требованиям программ [8, с. 106]. Кроме того, автор показала еще одну положительную тенденцию: с 1887–1888 годов начинается снабжение церковных школ епархии учебными книгами за счет училищного совета при Святейшем Синоде. Предметом особого внимания администрации Полоцкой епархии стала организация чтений для народа, устраиваемых при школах. Для этого проводилось регулярное пополнение церковно-приходских школ библиотеками для внеклассного чтения [8, с. 107]. Все это позволило автору сделать, на наш взгляд, довольно смелые выводы. Один из них – «школы ведения МНП по количеству чтений значительно отодвигаются церковно-приходскими, где чтений на одну школу было в 2 раза больше, и даже стоят ниже школ грамоты, в которых чтений было в 1,5 раза больше» [8, с. 107].

В заключение Е.Б. Лавицкая подвела итоги своего исследования, с которыми вполне можно согласиться. Она подчеркнула, что начальное образование в церковных школах, существовавших до 80-х годов XIX века, имело недостатки в организации учебного процесса, в материальном обеспечении школ и снабжении их учебниками и учебными пособиями, со-

ставлении программ обучения. Принятие в 1864 году «Положения о начальных народных училищах» привело к массовому закрытию церковно-приходских школ и распространению школ нового типа – начальных народных училищ МНП [8, с. 107]. Тем не менее, по мнению автора, «церковную школу никак нельзя считать безрезультатной, не говоря уже о том, что она все-таки давала значительное число грамотных людей и тем удовлетворяла насущные потребности своего времени. Несомненная и очень крупная заслуга “старинной” школы состоит в том, что она подготовила почву для современной школы» [8, с. 108].

В числе современных исследователей истории образования Беларуси пореформенного периода следует упомянуть Н.С. Моторову, которая описала динамику развития витебских городских училищ в 1897–1914 годах [11], осветила роль самоуправления белорусских городов в системе начального и среднего образования в 1875–1914 годах [12; 13]. В своих публикациях автор анализировала эволюцию правительственной политики, справедливо обращала внимание на значение взаимодействия власти и общества в процессе реформирования образовательной сферы.

Воскресным школам как части внешкольного образования в белорусских губерниях на рубеже XIX–XX веков посвятила свою статью М.Ю. Ширяева. Автор привела данные переписи населения 1897 года, свидетельствующие о том, что, несмотря на увеличение числа образовательных учреждений, уровень грамотности населения оставался низким (около 25%). Из-за недостаточного количества начальных школ и низкого уровня преподавания в них основная масса населения страны не обладала элементарными знаниями. Поэтому деятельность воскресных школ, по мнению автора, была призвана способствовать повышению уровня грамотности крестьянского и рабочего населения [17, с. 18].

В этой связи М.Ю. Ширяева отметила тот факт, что воскресные школы были узаконены циркуляром Министерства внутренних дел 1860 года и вошли в подчинение МНП. В том же году для них были опубликованы правила, а с 1864 года эти школы стали приравниваться к начальным народным училищам. Школы открывались по инициативе различных обществ, а также частных лиц с разрешения инспекторов народных училищ и председателей уездных училищных советов, первоначально новые учебные заведения предназначались для раздельного обучения (либо для женщин, либо для мужчин). Существовали они на частные средства, собранные с населения. С 1871 года в них разрешалось преподавать рукоделие, ремесла и гимнастику [17, с. 19].

М.Ю. Ширяева приводит и другие сведения, в частности о том, что в большинстве своем воскресные школы не имели собственных зданий, а занятия в них проходили по воскресным и праздничным дням в виде уроков-лекций, уроков-чтений и уроков-бесед. Школы ставили перед собой задачи обучить азам грамотности, заинтересовать чтением книг, увлечь

самообразованием. Обучение в школах было бесплатным, а полный курс соответствовал программам одноклассных церковно-приходских школ. Кроме того, автор констатировала, что в этих учебных заведениях отсутствовали экзамены, оценки, не выдавались документы, свидетельствовавшие о прохождении обучения, и, как следствие, воскресные школы не предоставляли своим выпускникам права продолжать обучение [17, с. 19].

Неоднозначным в плане развития образования для взрослых, по мнению М.Ю. Ширяевой, стало издание 27 октября 1885 года циркуляра об оказании возможного покровительства и содействия воскресным школам всякого типа со стороны подведомственных министерству учреждений. Согласно циркуляру, правительство намеревалось передать воскресные школы Священному Синоду, чтобы обучение в них носило церковно-православный характер. Автор не без основания полагает, что очередной закон практически запрещал организацию воскресных школ при начальных народных училищах.

Попыткой же, призванной улучшить работу школ, по мнению М.Ю. Ширяевой, стало принятие в 1907 году «Правил об уроках и курсах для взрослых», в соответствии с которыми расширялись программы и разрешалось совместное обучение. В целом автор оценивает политику правительства как непоследовательную и противоречивую. В то же время постепенный рост количества воскресных школ говорит об осознании факта необходимости удовлетворить потребности взрослого населения в образовании [17, с. 20].

Что касается статистических данных, то М.Ю. Ширяева приводит сведения, согласно которым «в декабре 1895 г. были открыты 4 воскресных класса в Могилеве, в 1896 году – в Витебске. … В 1893 г. открывается по одной школе в Минске, Вильно и Витебске, в 1894 г. – в Гродно, в 1895 г. – в Бобруйске и Велиже, в 1896 г. еще одна женская школа – в Минске, в 1897 г. – в Могилеве (по инициативе местной комиссии народных чтений желающих учиться было 300 человек, но принято 220 из-за нехватки помещения)» [17, с. 20]. В 1908–1909 годах «в Виленском учебном округе работало 16 воскресных школ, 5 – в Витебской, в Минской и Могилевской таких школ не было. В 1914 г. есть сведения о единственной в то время воскресной школе в Могилевской губернии» [17, с. 21].

Общий вывод, который сделала М.Ю. Ширяева, вполне обоснован: «Несмотря на жесткую политику в сфере образования со стороны царского правительства, нехватку помещений, отсутствие финансирования, крайний дефицит подготовленного педагогического персонала и учебно-методического обеспечения, внешкольное образование развивалось по всей территории Российской империи, в том числе и в Северо-Западном крае» [17, с. 22].

Комплексное исследование системы образования на примере Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века предприняла Е.Н. Бусел [1]. Проанализировав историографию проблемы и новые архивные источники, ав-

тор убедительно показала, что к концу XIX века начальные и средние учебные заведения региона приобрели более демократичный характер, была заложена основа для дальнейшего развития новых отраслей образования – дошкольного и профессионального. Что касается первого, то, по мнению Е.Н. Бусел, во второй половине XIX века «в Витебской губернии сохранились традиции общественного дошкольного воспитания и обучения малоимущих детей в приютах, заложенные в более ранний период» [1, с. 57]. Автор приводит опубликованные статистические сведения из дореволюционного издания, согласно которым к 1861 году на территории губернии было открыто 7 начальных народных училищ всех ведомств (для сравнения, в Минской губернии – 30, Могилевской – 19). Однако это в некоторой степени противоречит свидетельству современников, например Н.Я. Никифоровского. В этой связи Е.Н. Бусел отмечает, что вышеназванный автор привел также «сведения о существовании в губернии прицерковных, примонастырских, польских (помещичьих) и др. школ до реформы 1861 г.» [1, с. 59]. По данным, собранным Е.Н. Бусел, «к концу XIX в. в городах Витебской губернии действовали 5 городских по положению 1872 г., 6 уездных двухклассных, 27 мужских и женских городских начальных одноклассных училищ и 2 училища при евангелическо-лютеранских церквях. Отдельную группу составили 147 еврейских училищ, включая начальные одноклассные, народные и частные, мужские и женские, школы русской грамотности. А также талмуд-торы и хедеры» [1, с. 64].

Относительно системы среднего образования Е.Н. Бусел сообщает, что в середине 1850-х годов действовали мужские гимназии в Витебске и Динабурге, кадетский корпус («военная гимназия») и духовная семинария в Полоцке. Кроме того, дворяне могли получить среднее образование «в пятиклассных дворянских училищах, находившихся в Полоцке и Лепеле» [1, с. 64]. Однако «уже в 1864 году, по проекту М.Н Муравьева, гимназии были оставлены только в губернских городах Витебске и Могилеве, а также в виде исключения – в уездном городе Динабурге Витебской губернии. Лепельское и Полоцкое дворянские пятиклассные, а также трехклассные Витебское, Вилижское и Невельское училища Витебской дирекции и Режицкое Динабургской упразднялись. На их месте были открыты двухклассные училища для мальчиков и женские смены для девочек, которые не давали воспитанникам возможность продолжать обучение в гимназии» [1, с. 65].

Автор упоминает и женские дворянские пансионы, существовавшие в Витебске, а также факт открытия в городе в 1866 году первой женской трехклассной гимназии ведомства учреждений императрицы Марии, преобразованной в 1874 году в семиклассную [1, с. 65–66]. Правительство, по мнению Е.Н. Бусел, «сделало упор на развитие женских школ духовного ведомства, служащих источником проведения национально-охранительной политики государства», в дальнейшем «закреплению статуса духовных училищ Виленского учебного округа способствовало правительственное распоряжение 1884 г., согласно которому они получили права прогимназий» [1, с. 66]. В ко-

нечном итоге «в 1894 г. по числу государственных учебных заведений, обеспечивающих получение общего среднего образования, Витебская губерния занимала третье место в округе». Кроме того, как установила белорусская исследовательница, в 1883 году в регионе насчитывалось 9 негосударственных учебных заведений: 2 мужских и 7 женских. В отличие от мужских, большинство частных женских школ Витебщины середины 1880-х годов получали пособия со стороны правительства, за исключением Витебского, Динабургского и Дриссенского училищ третьего разряда [1, с. 67]. Автор разбирает довольно подробно и сословно-конфессиональный состав учащихся, анализирует учебные планы и программы, воспитательный процесс средней мужской и женской школы [1, с. 67–70].

Что касается профессионального образования, то Е.Н. Бусел отмечает внимание правительства к вопросам ремесленной подготовки населения белорусских губерний, начиная с середины 60-х годов XIX века. С 1880-х годов обучение ремеслам и рукоделию вводится в школах духовного ведомства, а дальнейшему развитию профессионально-технической школы способствовало создание в 1884 году при МНП особого отделения Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию, на которое возлагалось составление общего плана развития промышленного образования империи. При этом самостоятельные «промышленные училища» в Витебской губернии возникли только в начале XX века [1, с. 71–72]. Е.Н. Бусел считает, что в 1870–1880-х годах закладываются различные направления развития среднего специального образования, а к концу века «в регионе продолжали действовать отрасли духовной и военной школы», основанные ранее, «формировались основные ветви профессионального образования, включавшего ремесленное, сельскохозяйственное и педагогическое. Была предпринята попытка развития специального медицинского образования, а также действовала школа полицейских урядников» [1, с. 73].

Относительно развития образования в начале XX века Е.Н. Бусел отметила обострение противоречий «между сложившейся образовательной практикой и возросшими общественными потребностями… Народное просвещение не удовлетворяло возросшим экономическим и социально-культурным потребностям населения белорусских губерний, в том числе Витебской» [1, с. 73–74]. При этом автор подчеркнула, что введение земского самоуправления на территории Беларуси в апреле 1903 года оказало решающее положительное влияние на состояние школьного дела и просвещение, а «разработка и осуществление земством плана “всеобщего обучения” способствовали не только развитию начального образования, но и определенным образом стимулировали рост профессиональной школы» [1, с. 74].

Интересный фактический материал Е.Н. Бусел привела по развитию дошкольных учреждений всех типов, отметив, что в начале XX века своеобразную альтернативу дошкольным учреждениям «представляли так называемые “приготовительные училища” – частные учебные заведения

третьего разряда, которые открывались для девочек еще в XIX в.». Их целью «объявлялось первоначальное умственное и религиозно-нравственное развитие» [1, с. 76–77].

В целом же состояние народной школы в Витебской губернии в начале XX века Е.Н. Бусел охарактеризовала как неудовлетворительное, «несмотря на относительный рост числа начальных училищ, ... их количество было явно недостаточным для того, чтобы удовлетворить потребность в элементарном образовании всех слоев населения, в первую очередь крестьян» [1, с. 77]. Статистические данные, приведенные автором, свидетельствуют, что на 1 января 1911 года в Витебской губернии насчитывалось 1262 начальных училища. В «правильно организованных школах», включая училища Министерства народного просвещения и церковно-приходские школы, исключая школы грамоты, обучались 53 133 человека (из них в школах церковного ведомства – 13 199, светского – 39 943), таким образом, доля учащихся к принятому количеству детей школьного возраста составила 41,2%. К началу Первой мировой войны число обучающихся увеличилось до 63 063, что свидетельствовало о наиболее выигрышном положении Витебщины по степени доступности населению светского образования в сравнении с другими белорусскими губерниями. В 1911 году «одна школа приходилась на 1214 жителей и 14,2 кв. версты, в то время как по округу в среднем – на 1416 жителей и на 29,8 кв. верст». Учитель в среднем обучал 46 учащихся, что было ниже установленной МНП нормы в 50 человек [1, с. 78]. Кроме того, Е.Н. Бусел приводит сведения об организации в западных уездах региона «тайных школ», создаваемых в противовес русским школам, открываемым «в административном порядке» [1, с. 80].

1900-е годы, по мнению автора, стали временем реализации задач по физическому, нравственному и умственному развитию учащихся, активизировалось внешкольное образование, проводились народные чтения по различным отраслям знаний, расширилась сеть воскресных и вечерних школ для взрослых, росло число бесплатных библиотек при начальных училищах. Так, в 1909 году «комиссией при управлении Виленского учебного округа были предложены новые формы организации работы с детьми – занятия фотографией, ученические дачи, детские площадки» [1, с. 81]. В Витебской губернии «широко практиковались обновленные формы воспитательной деятельности – экскурсии, музыкально-литературные вечера, чтения “с туманными картинками”» [1, с. 82].

В годы Первой мировой войны часть уездов Витебской губернии была оккупирована, однако, по данным Е.Н. Бусел, «на 1 января 1917 г. система образования Витебской губернии находилась в более благоприятном положении относительно других регионов округа. Например, в указанный период только в Витебской и Могилевской губерниях действовали воскресные школы и школы для взрослого населения». Кроме того, «Витебская губерния лидировала по числу учебных заведений, размещенных в

городах: на 1 января 1917 г. их насчитывалось 63. По количеству сельских училищ (1258) Витебская губерния уступала только более многолюдным Минской и Могилевской губерниям» [1, с. 82].

По сведениям белорусской исследовательницы, количество средних школ в регионе в начале XX века также значительно возросло. С 1915 года, «когда учащимся высших начальных училищ было разрешено поступать во вторые и третьи классы мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ», можно говорить об установлении преемственности между начальной и средней школой региона [1, с. 87]. Продолжило развиваться и профессиональное образование: «На территории Витебской губернии насчитывалось 15 ремесленных классов при училищах Министерства народного просвещения. В школах церковного ведомства также осуществлялись ремесленная подготовка мальчиков и обучение рукоделию девочек... Всего до 1917 г. в Витебской губернии известно о 7 ремесленных школах: Витебской, Городокской, Дриссенгской, Режицкой, Двинской, Ловожской и Кульневской... В 1913 г. в Лепеле была открыта ткацкая школа» [1, с. 87–88], «к 1910 г. сохранились сведения о пяти сельскохозяйственных школах» [1, с. 89].

Новым явлением в сфере профессионального образования в регионе, по мнению Е.Н. Бусел, стало открытие торговых школ, в том числе мужской и женской в Двинске и частной четырехклассной торговой школы в Режице [1, с. 90]. Более интенсивно в губернии начало развиваться среднее специальное образование: в Витебске открыта фельдшерско-акушерская школа и три коммерческих училища [1, с. 90–91]. В связи с острой потребностью в квалифицированных педагогических кадрах «подготовка домашних и народных учительниц осуществлялась в женских училищах духовного ведомства и светских гимназиях» [1, с. 91]. Учителей для городских училищ готовил Витебский учительский институт, впервые открытый на белорусских землях в 1910 году [1, с. 92]. Церковное ведомство располагало на Витебщине наибольшим количеством учительских семинарий по сравнению с другими губерниями – к 1916 году 3 из 13 по округу [1, с. 92].

Вопрос об открытии высшего учебного заведения был поднят в начале XX века. В 1911 году было учреждено Витебское отделение Московского археологического института. По словам председателя губернской ученой архивной комиссии, оно стало «первым высшим учебным заведением не только в Витебской губернии, но и во всем Северо-Западном крае» [1, с. 92–93]. В монографии Е.Н. Бусел приведено и мнение современного историка А.Ф. Шумейко, который считает отделение университета в Витебске «предшественником… Белорусского государственного университета по гуманитарной составляющей». Сама автор полагает, что отделение стало «базой для развития высшей школы советской Беларуси» [1, с. 93].

Подводя итоги процесса развития образования на Витебщине, автор утверждает, что «в начале XX в. в регионе были заложены основы профессионально-технического и среднего специального образования, включая

ремесленное, сельскохозяйственное, педагогическое, торговое, коммерческое и др. направления, а также база высшей школы Беларуси» [1, с. 93].

Обзор вышеперечисленных исследований, охватывающий работы современных белорусских историков лишь за последнее десятилетие, не претендует на полноту. Тем не менее он убедительно демонстрирует несомненный интерес ученых к проблематике, связанной с образовательной сферой Беларуси XIX – начала XX века. На наш взгляд, очевидно, что дальнейшее изучение процесса становления системы просвещения на территории русско-белорусского пограничья будет более плодотворным при объединении усилий историков России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусел Е.Н. Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. 172 с.

2. Ганчар А.И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – начало XX вв.). Минск: Медисонт, 2015. 582 с.

3. Даниленко С.Н. Система подготовки учительских кадров в Виленском учебном округе (1803–1832 гг.) // Начальная школа: проблемы, приоритеты и перспективы развития: сб. материалов IV регион. науч.-практ. конф. (Брест, 12 ноября 2014 г.). Брест: БрГУ, 2014. С. 31–35.

4. Ершова О.И. Политика российского правительства в области финансирования начальных школ Виленского учебного округа, расположенных в селениях бывших крепостных крестьян (1860-е гг.) // Гуманітарна-эканамічны веснік: навукова-тэарэтычны часопіс / заснавальнік Міжнародны гуманітарна-эканамічны інстытут. Минск, 2014. № 2. С. 56–61.

5. Игнатовец Л.М. Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830–1850 гг.) // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага універсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія): навукова-метадычны часопіс. Магілеў, 2012. № 1(39). С. 21–27.

6. Игнатовец Л.М. Русификация системы образования в Белорусском учебном округе: итоги и оценки // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 8 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2013. С. 52–61.

7. Крючек П.С., Сергеев В.Н. Проблема включения Белорусских земель в состав Российской империи в историографии конца XVIII – первой половины XIX в. // Труды БГТУ. 2014. № 5. С. 3–6.

8. Лавицкая Е.Б. Развитие начального образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века (на примере церковных школ Полоцкой епархии) // Вестник Витебского государственного университета. 2012. № 3. С. 103–108.

9. Мазуркевич В.П. Народное образование на территории Белоруссии в XVI–XX вв. (до октября 1917 г.). Исторический очерк. Минск: БНТУ, 2006. 130 с.

10. Миловидов А.И. Деятельность М.Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае. Харьков: Губ. тип., 1900. 46 с.

11. Моторова Н.С. Витебские городские училища (1897–1914 гг.) // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава: навукова-практычны часопіс. 2008. № 3. С. 3–7.

12. Моторова Н.С. Деятельность органов городского самоуправления Беларуси по развитию системы средних учебных заведений (1875–1914 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2011. № 5(68). Гуманитарные науки. С. 78–84.

13. Моторова Н.С. Роль городского самоуправления в развитии системы начального образования в Беларуси (1875–1914 гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ / Бел. дзярж. ун-т. 2010. Вып. 5. С. 115–124.

14. Острога В.М. История народного образования и учительства Беларуси в исследованиях второй половины XIX – начала XX в. // Труды БГТУ. 2014. № 5. С. 26–29.

15. Сергейко С.А. История образования и педагогической мысли: пособие. Гродно: ГрГУ, 2010. 251 с.

16. Сергейко С.А. Развитие гувернерства за рубежом и в Беларуси // Сравнительная педагогика в условиях международного сотрудничества и европейской интеграции: сб. материалов IV междунар. науч. конф. (Брест, 12–13 ноября 2009 г.). В 2 ч. Брест: БрГУ, 2009. Ч. 2. С. 180–185.

17. Ширяева М.Ю. Воскресные школы как часть внешкольного образования в белорусских губерниях на рубеже XIX–XX веков // Вестник МГИРО: научно-методический журнал / Минский городской институт развития образования. 2012. № 2. С. 18–23.

O.V. Kozlov
Formation of the System of Education on the Territory Vitebsk and Mogilev Provinces in the XIXth – early XXth Centuries: Approaches of Modern Belarusian Historiography

Key words: *education system; Belarus; Byelorussian provinces; Vitebsk province; Mogilev province; the XIXth – early XXth centuries; Russian empire.*

The article presents a historiographical overview of the publications of Belarusian historians in the last ten years about the educational sphere of Belarus of the XIXth – early XXth centuries (on the example of Vitebsk and Mogilev provinces). The author not only analyses the main content of the works of his Belarusian colleagues, but also singles out the features of interpretations concerning the period of the entry of Belarusian provinces into the Russian Empire.

Д.О. Федотов

Смоленская академия профессионального образования

УДК 94(470.332)”18:343.16

Институт судебных следователей в пореформенной России (на материалах Смоленской губернии)

Ключевые слова: *великие реформы*; *судебная реформа 1864 года; Смоленский окружной суд; полномочия судебных следователей; социальный состав; деятельность.*

В статье анализируется состав и деятельность института судебных следователей пореформенной России, созданного по судебной реформе 1864 года, на материалах Смоленской губернии. Основное внимание уделяется полномочиям судебных следователей, выявлению сходства российской и континентальной модели предварительного следствия, работе

судебных следователей. Автор впервые показывает социальный состав судебных следователей Смоленской губернии второй половины XIX века и результаты их деятельности.

Институт судебных следователей появился в России в 1860 году до судебной реформы 1864 года. Судебная реформа 1864 года, в свою очередь, ввела институт следствия в новый уголовный процесс. Вопросы организации деятельности судебного следователя освещались в трудах дореволюционных юристов А.Ф. Кони, И.Я. Фойницкого [12; 28]. Советская историография рассматривала судебную реформу как самую прогрессивную и последовательную и высоко оценивала отделение следствия от судебного процесса [14]. Возросший в последнее десятилетие интерес историков к судебным преобразованиям второй половины XIX века касается и института судебных следователей [13; 26].

Дореформенный следственный процесс страдал многими недостатками. Закон не определял четких критериев возбуждения уголовного дела. За «фундаментом дела» – предварительным следствием – следили прокурор и стряпчие, которые были защитниками и обвинителями одновременно [10, с. 149]. По окончании следственных действий результаты расследования попадали в земский суд «вне зависимости от того, найден ли виновный или нет» [14, с. 12]. Во время проведения следствия нередки были случаи произвола полиции, незаконного лишения свободы, «напрасного производства обысков», отсутствия ясного понимания о настоящем составе преступления. Известный дореволюционный юрист А.Ф. Кони констатировал, что «неумелость и нередко желание “покормиться”, “выслужиться” или отличиться были характерными признаками производства таких следствий» [12, с. 323].

Судебный следователь являлся членом уездного суда и, когда он не был занят производством следствия, должен был участвовать в его работе. Закон определял образовательный ценз, необходимый для занятия этой должности. Судебным следователям требовалось высшее или среднее образование, опыт разбора уголовных дел или следственных действий. Судебные следователи и кандидаты на эту должность назначались губернатором по соглашению с губернским прокурором и состояли при уездных судах. Судебные следователи получали ежегодный оклад и некоторые деньги на канцелярские расходы [16, ст. 5].

Деятельность судебных следователей была уточнена «Учреждением судебных установлений» и «Уставом уголовного судопроизводства». По «Учреждению судебных установлений», следователями не могли быть лица, находившиеся под следствием, подвергшиеся заключению за противоправные деяния, а также несостоятельные должники, состоявшие под опекой за расточительность и исключенные со службы. Имелось возрастное ограничение: в судебные следователи назначали лиц не моложе 25 лет [17, ст. 201, 205].

Полномочия судебного следователя можно условно разделить на три группы.

Первая группа включала в себя полномочия, связанные с началом следствия. Судебный следователь должен был при наличии законных поводов «приступить к следствию», допрашивать свидетелей и потерпевших, а также принимать явку с повинной, проверять действия полиции по произведенному ею первоначальному расследованию, сообщать прокурору об отсутствии достаточных оснований к производству следствия [18, ст. 189, 269, 297, 307, 309].

Вторая группа – это полномочия, связанные с ведением следствия. Судебный следователь был уполномочен самостоятельно производить осмотры и освидетельствования, обыски и выемки в домах, собирать и сохранять вещественные доказательства, допрашивать обвиняемого, избирать в отношении обвиняемого меры пресечения, допрашивать свидетелей, давать поручения полиции, составлять протоколы предварительного следствия [18, ст. 271, 315–335, 371–376, 415–432, 433–453].

К третьей группе относились полномочия, связанные с заключением следствия. Судебный следователь по окончании предварительного следствия предъявлял обвинение, проверял новые обстоятельства, на которые указывал обвиняемый, объявлял участвующим в деле лицам о том, что следствие закончено, и отсылал все производство к прокурору и его товарищу, просил разрешение окружного суда на прекращение следствия [18, ст. 277, 476, 477, 479].

По мнению современного исследователя А.А. Трефилова, российская модель предварительного следствия восходит к романо-германской модели. Русский судебный следователь, как и французский следственный судья, обладал значительной самостоятельностью, имел право вести расследование, допрашивать обвиняемых, выполнять осмотр, проводить экспертизы или назначать иные следственные и процессуальные действия, не находясь при этом на стороне обвинения [27, с. 4]. Однако говорить о полном перенесении норм французского права на русскую почву нельзя. Дореволюционный специалист в области зарубежного права и будущий министр юстиции профессор И.Г. Щегловитов выделял отличия российского следствия от французского. По его мнению, в российском следствии не было всевластия прокуратуры, оно обладало более широкими задачами. Таким образом, авторы судебной реформы взяли наиболее удачные идеи иностранного законодательства и значительно адаптировали их к отечественным реалиям [27, с. 4].

Значительная независимость судебных следователей вызывала раздражение у консервативно настроенных кругов министерства юстиции. Так, министр юстиции граф К.И. Пален в своем выступлении перед прокурорским надзором Москвы находил положение следственной части по судебным уставам неправильным, «слишком независимым и самостоятельным». По мнению Палена, прокурорский надзор, который обязан следить

за производственными действиями, был лишен возможности влиять на судебных следователей. С такой точкой зрения не соглашался известный правовед И.В. Гессен, который указывал на то, что «состав московских следователей был безукоризненный и что никаких проблем не было с прокурорским надзором» [10, с. 144].

Еще до введения в Смоленской губернии судебной реформы каждый уезд делился на следственные участки в зависимости от количества полицейских станов (участков) (см.: [14]). Два следователя полагалось на уезд, в котором было два-три стана, три следователя – на уезд, где имелось от четырех до шести полицейских станов. Следственный участок, который получал следователь, определялся губернатором и губернским прокурором на основе сведений из полиции и уездных судов [16, ст. 8].

В 1863–1864 годах в 12 уездах Смоленской губернии существовало 23 судебно-следственных участка. Восемь уездов Смоленской губернии (Поречский, Рославльский, Юхновский, Краснинский, Вяземский, Гжатский, Духовщинский, Ельнинский) имели по два следственных участка; Сычевский и Дорогобужский уезды – по одному. Во время введения судебной реформы 1864 года поступали предложения о разделении на участки Дорогобужского уезда, в котором была высокая преступность. Исключением стал Смоленский уезд, в котором находилось три участка. Первый из них считался городским, второй – смешанным, состоящим из части Смоленска и части сельской местности, третий – уездным, в который входила оставшаяся сельская территория уезда [26, с. 15–16]. Наличие города на территории следственного участка многократно увеличивало количество дел. По мнению титулярного советника Кондырева, который собирал сведения для введения судебной реформы на территории Смоленской губернии, в Смоленском уезде необходимо было сделать четыре участка: два в городе, два в уезде. Но этого не произошло.

В 1866 году к 23 судебным следователям, которые работали в участках, добавились три временных судебных следователя [24, с. 290–292]. В конце 1880-х годов количество следственных участков сократилось до 20. Кроме того, имелась должность следователя по особо важным поручениям [25, с. 139–141]. Сокращение следственных участков было вызвано повышением эффективности следственной деятельности и постоянным стремлением государственной власти к сокращению расходов.

В середине 1860-х годов Министерству юстиции удалось сделать максимум возможного в деле укомплектования общероссийских органов следствия юридически подготовленными кадрами. В 1866 году Министерство юстиции сумело довести долю следователей – дипломированных юристов – до 51,4% наличного состава. Это было ниже, чем в столичных судебных округах. Число следователей с высшим юридическим образованием в Санкт-Петербургском и Московском окружных судах составляло 87,5% от общего

их числа [23, с. 22–29]. В Смоленской губернии ситуация с образованием судебных следователей была несколько иной. Мы можем привести лишь данные о лицах с общим высшим и среднем образованием. Из 26 судебных следователей (23 постоянных и 3 временных) 7 окончили полный курс наук Московского университета, 7 имели за плечами образование губернской гимназии, 2 – уездных училищ, 2 – кадетских корпусов. Остальные окончили другие учебные заведения. Так, судебный следователь второго участка Ельнинского уезда Ф.М. Скородумов обучался в Лазоревском институте восточных языков. В стенах Нежинского юридического лицея князя А.А. Безбородко получил образование Н.Ф. Долинский, следователь второго участка Вяземского уезда. В первом участке Ельнинского уезда работал судебный следователь И.К. Миллер, воспитанный в Горыгорецком земледельческом институте; духовную семинарию окончил Д.П. Щировский, следователь первого участка Бельского уезда [24. с. 290–291]. Доля следователей с высшим образованием в Смоленской губернии росла и к 1894 году составила 95% (сравним с 42% середины 1860-х годов). В 1894 году почти все судебные следователи (20 из 21), работавшие в Смоленском окружном суде, имели высшее образование. Девять следователей окончили Московский университет, четыре – Санкт-Петербургский [25, с. 139–141].

Помимо образовательного уровня следует указать на социальный и имущественный статус судебных следователей Смоленской губернии. Большинство из них принадлежало к мелкопоместным дворянам и разночинцам. Так, в 1894 году из 21 следователя в Смоленской губернии 14 были из дворянского сословия. Следователь второго участка Поречского уезда А.Н. Гончаров происходил из обер-офицерских детей [9, л. 1–2]. Следователь Духовщинского уезда А.А. Лазаревич – из потомственных беспоместных дворян [8, л. 20]. Таким образом, дворяне по происхождению составляли более половины общего числа. Анализ имущественного положения показывал, что среди судебных следователей были люди, владеющие значительным состоянием. Например, следователь Сычевского уезда Л.Я. Дудкин владел двумя домами в г. Орле стоимостью 50 000 рублей, приносивших ему доход 3000 рублей [25, с. 139–141]. Были и лица средней руки. Так, следователь первого участка вяземского уезда Г.И. Краевский владел имением в 250 десятин земли; А.Н. Гриненко с 1885 года работал следователем первого участка Смоленского уезда и имел в Смоленске дом стоимостью 13 000 рублей.

Проанализировав полномочия и социальный состав следователей, можно перейти к описанию их деятельности. До введения Судебных уставов 1864 года следователям приходилось работать в системе старых судебных институтов. Особенно тяжело складывались отношения с полицией. В 1864 году смоленский губернский прокурор, обеспокоенный несовершенством следствия, подал специальный доклад в губернское

правление. По данным губернского прокурора, полицейские чиновники крайне несвоевременно и некачественно выполняли требования судебных следователей по вызову свидетелей, проведению обысков и других следственных действий [3, л. 2]. К тому же полиция была «завалена» множеством собственных дел [3, л. 4].

В 60-е годы XIX века в среднем в Смоленской губернии возникала необходимость проведения около 3000 следственных дел в год, 80% которых успешно раскрывались судебными следователями. Незначительное количество дел возникало в малонаселенных уездах Смоленской губернии, обладающих невысокой преступностью. Например, в Поречском уезде в 1863 году возникло 99 дел в первом участке и 57 дел – во втором, тогда как в городском участке Смоленска необходимо было расследовать 226 дел. Немного работы для судебных следователей было также в Духовщинском, Краснинском и Юхновском уездах [26, с. 13–14].

На протяжении 1870-х годов росло число открывавшихся дел, что значительно увеличивало объем работы судебных следователей. В целом по России число следствий с 1873 по 1879 год увеличилось в 1,2 раза (с 97 547 до 119 753); в Смоленской губернии за это же время количество дел сократилось на 14% (с 2741 до 2361) [11, с. 3]. После принятия закона 18 мая 1882 года, который передал мировым судам значительную часть дел о кражах, наблюдалось сокращение возникновения судебных следствий. Так, в 1884 году возникло 94 057 следствий – даже меньше, чем в 1873 году.

Для наиболее полного анализа работы судебных следователей надо рассмотреть то количество следствий, которые один человек вел в течение года. Количество дел у одного следователя в Смоленском окружном суде было ниже, чем по российским показателям. В 1873 году один следователь в России в среднем вел 140 дел, а смоленский следователь рассматривал меньше – 119 дел в год [19, с. 38–39]. В 1875 году эти показатели составляли соответственно 138 и 96 дел, а в 1879 году – 117 и 101 [21, с. 66–67].

Одновременно можно утверждать, что в Смоленской губернии работали лучше, чем в других. В 1873 году в смоленском судебном округе один следователь заканчивал 82% дел, поступивших к нему, а в стране – 76% [18, с. 4]. В 1889 году судебные следователи Смоленской губернии решали 88% возникающих дел, эти показатели были выше общероссийских (86%) [22, с. 9].

Продолжительность проведения следствия зависела от сопутствующих факторов, к которым можно отнести погодные условия и несовершенную дорожную инфраструктуру. Поэтому не всегда имелась возможность расследовать дело непосредственно после преступления. Тем не менее в Смоленской губернии свыше трети дел расследовалось «по горячим следам». Особенно это касалось краж, убийств и т.д. Две трети преступлений раскрывалось в трехмесячный срок [20, с. 6].

С начала 80-х годов XIX века начинают наблюдаться и некоторые кризисные явления в работе судебных следователей. Ревизия сенатором И.И. Шамшиным Саратовской и Самарской губерний вскрыла значительные недостатки в работе института судебных следователей. Должности судебных следователей занимались людьми, не имеющими достаточного опыта для осуществления этой работы. Отмечались медленность движения дел, неудовлетворительность предварительного следствия [2, л. 4]. Аналогичные недочеты наблюдались и в работе следователей Смоленской губернии.

Прокуроры осуществляли надзор за деятельностью судебных следователей, которые находились в иерархическом подчинении окружному суду и судебной палате. Смоленский окружной суд, открытый 16 ноября 1870 года, не оставлял без внимания эффективность работы предварительного следствия и отмечал негативные явления в работе судебных следователей [1, л. 2–3]. Общей бедой была медлительность проведения следствия. 12 августа 1872 года окружной суд рассматривал дело судебного следователя Телеснина, который, получив дело о краже хлеба, продержал его без действия целый год [4, л. 24]. Более года не разбирал дело о краже лошади следователь третьего участка Виноградов. 4 ноября 1873 года окружной суд отметил медлительность следователя 16-го участка Филимонова в ведении следствия о покушении на отравление крестьянина Федора Афанасьева. Нерадивому следователю было сделано замечание, согласно которому «в делах подобной важности, каково обвинение в отравлении» следовало действовать решительнее [4, л. 26]. Подобная медлительность возникала как по объективным причинам (непогода, плохая дорожная сеть), так и по «нерадению» следователя. Например, следователь Краснинского уезда П.В. Мясоедов объяснял свою медлительность в деле о поджоге мельницы тем, что результаты дознания пришли только через два месяца после совершения преступления. Смоленский окружной суд посчитал такие рассуждения неверными и объяснил следователю, что согласно закону сообщение полиции о преступлении является поводом для начала следственных действий [7, л. 1, 4; 18, ст. 297].

Другой проблемой было неправильное ведение следственных действий, например неверное составление протокола допроса. Следователь 20-го участка Григорьев, как показала ревизия Смоленского окружного суда в 1873 году, не стеснялся «в резких выражениях» при проведении допросов. У некоторых следователей случались и другие нарушения: вызовы свидетелей без повесток, потери бумаг, посланных губернским прокурором, или обыск без понятых [7, л. 7].

В феврале 1889 года член окружного суда Соколов обнаружил ряд нарушений в работе следователя второго участка Рославльского уезда Рафайлова. Он увидел, что некоторые судебно-следственные действия не документировались должным образом. Члены Смоленского окружного суда

считали недопустимым, что по делу об убийстве следователь поручил проводить допрос свидетелей уряднику [7, л. 33].

Помимо этих вполне объяснимых недостатков бывали из ряда вон выходящие случаи преступлений по должности. Некоторые судебные следователи прибегали к рукоприкладству. В 1869 году судебный следователь Щелкан нанес побои крестьянину Дмитрию Сергееву при исполнении им служебных обязанностей. На заседании Смоленского окружного суда 18 февраля 1871 года, где рассматривалось это нарушение, за следователя вступился смоленский прокурор, который характеризовал его как отличного работника – «одного из лучших следователей окружного суда как по своей успешной деятельности, так и по нравам». Прокурор считал, что этот инцидент, вероятно, «произошел под влиянием особых причин». Следователь был оправдан. Однако подобный метод ведения предварительного следствия был применен Щелканом снова. 6 декабря 1873 года Иван Николаев из д. Гришино Бельского уезда подал жалобу о нанесении ему следователем Щелканом оскорблений действиями и лишением свободы. 21 сентября 1874 года Московская судебная палата рассмотрела это дело и наложила дисциплинарное взыскание на следователя [7, л. 33]. Однако подобного рода проступки были нечасты, смоленские следователи работали ответственно, руководствуясь буквой и духом прогрессивных Судебных уставов 1864 года.

Ревизии, проводимые членами Смоленского окружного суда, показывали, что большинство следователей успешно справлялись со своими обязанностями [4]. В то же время судебные следователи Смоленской губернии в своей работе нередко сталкивались с оскорблениями, грубостью подозреваемых или свидетелей. Так, 7 декабря 1884 года подозреваемый в краже мещанин П. Шевин, находясь в помещении для арестантов при Смоленском городском полицейском управлении, требовал у судебного следователя и полицейских вызова свидетелей по своему делу и назначения ему защитника «только такого, который выяснит все пакости творимые следователем» [6, л. 66–67]. Подобные высказывания были, несомненно, оскорбительными для должностных лиц и являлись основанием для начала соответствующего делопроизводства. В 1874 году свидетель по делу о подлоге документов дочь полковника М.И. Клетнева отказалась давать показания судебному следователю первого участка г. Смоленска и охарактеризовала его действия как «произвол». Это превратило ее в фигурантку дела об оскорблении судебного следователя [5, л. 6, 7, 15].

Таким образом, судебные следователи Смоленского окружного суда, состоящие из представителей различных сословий, справлялись с возложенными на них обязанностями, обеспечивая достаточно высокий уровень предварительного следствия – «фундамента правосудия». Их деятельность, не лишенная недостатков, тем не менее, позволяет говорить о положительных результатах в борьбе с преступностью на территории Смоленской губернии.

Судебные уставы 1864 года повсеместно приносили положительный результат и способствовали установлению справедливости и законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 41. Д. 259.
2. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1540.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 60. Д. 246.
4. ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 66.
5. ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 140.
6. ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 182.
7. ГАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 211.
8. ГАСО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 12.
9. ГАСО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 1.
10. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Изд-во П.П. Гершунина, 1905. 267 с.
11. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1899. 407 с.
12. Кони А.Ф. Сочинения. М.: Юридическая литература, 1967. Т. 4. 528 с.
13. Конин В.В., Струкова А.А. Судебный следователь в российском уголовно-процессуальном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 45–49.
14. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Воронежский университет, 1989. 184 с.
15. Мамонтов А.Г. Социально-политические мотивы формирования института судебных следователей в России // Курицын В.М. Концепции истории государства и права. М.: Юнити-Дана, 2008. С. 531–562.
16. Учреждение судебных следователей // ПСЗ-II. Т. 35. № 35 890.
17. Учреждение судебных установлений // ПСЗ-II. Т. 39. № 41 475.
18. Устав уголовного судопроизводства // ПСЗ-II. Т. 39. № 41 476.
19. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1873 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 г. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1874. 128 с.
20. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1875 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 г. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1876. 166 с.
21. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1879 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 г. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1876. 148 с.
22. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1889 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 г. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894. 176 с.
23. Серов Д.О. Прокурорско-следственные кадры Российской империи в 1850–1860-е гг.: образовательный уровень (из истории и предыстории судебной реформы 1864 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11. С. 22–29.
24. Список чинам Правительствующего Сената и Министерства Юстиции. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1866. 467 с.
25. Список чинам ведомства Министерства юстиции. Ч. 2. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894. 513 с.
26. Судебно-статистические сведения и соображения о введении Судебных Уставов 20-го ноября 1864 года (по 32 губерниям). Ч. 1. СПб., 1910. 454 с.

27. Трефилов А.А. Судебный следователь в дореволюционной России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 4. С. 4–12.

28. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 584 с.

D.O. Fedotov

Institute of Judicial Investigators in Post-Reform Russia (on the Materials of Smolensk Province)

Key words: *Great reforms; the judicial reform of 1864; Smolensk District Court; powers of judicial investigators; social composition; activity.*

The article analyzes the composition and activities of the institute of judicial investigators of post-reform Russia, established under the judicial reform of 1864, on the basis of materials of Smolensk province. The attention is focused is on the powers of judicial investigators, the identification of similarities between the Russian and the continental model of the preliminary investigation, the work of judicial investigators. The author is the first to present the social composition of the judicial investigators of the Smolensk province of the second half of the XIXth century and the results of their activities.

Т.Г. Леонтьева, А.В. Полевая

Тверской государственный университет

УДК 94

Карелы-переселенцы в поисках новых мест обитания (по Переписной книге Бежецкого уезда 1709 года)

Статья подготовлена в рамках проекта академии Финляндии «The Integration of the Karelian Periphery in European Society» № 14 997.

Ключевые слова: *Переписная книга Бежецкого уезда; тверские карелы; карелы-переселенцы.*

В исследовании поднимается вопрос о переселении карел на территорию тверского Верхневолжья. Анализируется один из основных источников – «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 года». Ее содержание открывает перспективы междисциплинарных исследований: маршруты «внешних» и «внутренних миграций», география расселения, формы и механизмы адаптации к новым территориально-географическим, социоэкономическим, культурным и (в определенном смысле) политическим контекстам в конце XVII – начале XVIII века. Гарантией успешной адаптации карел к новым реалиям стало преобладание экономически устойчивых дворов.

Тверские карелы – древний финно-угорский народ, живущий на территории Верхневолжья с середины XVII века в ситуации диаспоры, что позволяет рассматривать его как уникальный объект для гуманитарных и социальных исследований. Карельские анклавы в Бежецком, Весьегонском, Вышневолоцком, Новоторжском, частично в Тверском, Зубцовском, Кашинском уездах в 30-е годы XIX века получили название «Тверская Карелия». Однако это обозначение – не только географическое понятие, но и социокультурный феномен, сыгравший существенную роль в формировании этнокультурных особенностей населения тверской провинции.

В данной статье речь пойдет о Бежецком уезде, на территории которого разместились первые карелы-переселенцы еще в XVI веке. В административном отношении – это часть Новгородской земли (***«новгородский выселок»*** [9, с. 1], или особый судно-податной округ [13, с. 51], который с первой половины XVI века вошел в состав Московского государства как ***Бежецкий уезд***, с 1775 года в составе Тверского наместничества). Здесь, по преимуществу в южной части, и располагались дворцовые волости.

Из дореволюционной и советской историографии (В. Михайловский, В. Покровский, Ю. Готье, А. Вершинский, Д. Золотарев, А. Жербин) известно, что колонизация Бежецкого уезда началась в 30-е годы XVII века, продолжалась в 1670-е годы, когда здесь осели 954 семьи [6, с. 189; 7, с. 17], а в начале XVIII века (так называемая «третья волна») переселенцы появляются не только в Бежецком, но и в Вышневолоцком, Весьегонском и Новоторжском уездах Тверской губернии. К 70-м годам XIX века карельские деревни образовали на всей территории Тверского Верхневолжья уже 13 компактных ареалов [1, с. 20].

Данная периодизация и мотивы миграций (российско-шведские военные конфликты, конфессиональные противоречия, поиски материальных выгод), высказанные дореволюционными историками, поддержаны современными авторами обстоятельных трудов по истории тверских карел – А.Н. Головкиным и Л.Ю. Андреевой [1; 5]. Вместе с тем известная исследовательница карельской проблематики И.А. Чернякова обращает внимание на побудительную роль «внутренних факторов»: ужесточение налогового гнета, активный процесс раздачи земель в поместья служилым людям, опричный террор, которые спровоцировали миграции так называемых «корельских выходцев» из Приладожья «…на Олонец и далее к югу – в центральные районы России, где сформируется новая компактная территория их проживания, известная ныне как Тверская Карелия» [14, с. 7–32].

В исследованиях первой трети XX века прослеживается ход внутренних миграций карел: небольшими группами они проникали на земли Кашинского, Осташковского, Зубцовского и Старицкого уездов и укоренялись там [2, с. 14]. Современные исследователи: Л.Ю. Андреева, А.И. Савинова и Ю.В. Степанова (последние – применяя ГИС-технологии) – подтвердили эту

информацию [1; 11]. Отметим, что локализация карельских дворов (и, главное, идентификация их как собственно карельских) – задача непростая в силу того, что география (границы) и Бежецкого Верха, и Бежецкого уезда (как, впрочем, и других административных единиц) неоднократно менялась [10, с. 142–154]. И на сегодняшний день проблема «привязки» карельских дворов к местности остается актуальной для исследователей.

Если причины локализации поселений карел в Тверском Верхневолжье в целом понятны и приняты научным сообществом, то сведения о численности карел-переселенцев, направлявшихся из Швеции транзитом через Новгородские земли на Верхнюю Волгу и осевших там к 70-м годам XVII века, резко расходятся. По данным зарубежных историков (В. Салохеймо), в этот период покинуло территорию Швеции 1900 семей, направились на территорию Тверского Верхневолжья и осели в Бежецком Верхе 1140 семей [12, с. 41]. Это неудивительно: к началу XVII века регион потерял почти 75% коренного населения и оттого стал весьма притягательным для переселенцев [2, с. 14]. Кроме того, российская власть эффективно поддерживала мигрантов: местности, предназначенные для расселения, тщательно осматривались «знатцами», которые не только описывали потенциальные владения переселенцев, но и рассчитывали оптимальное количество семей, способных разместиться на избранных территориях [6, с. 190]. Подобно тому, как шведское правительство освобождало карельское население, заселявшее пустующие земли, от государственных поборов [7, с. 11], российские власти избавляли переселенцев от налогов и, возводя их в статус дворцовых (а позднее – удельных) крестьян, намеревались надолго закрепить их на пригодных для ведения хозяйства землях.

Но возникают вопросы: сколько семей «корелян» достигло земель Верхневолжья, как адаптировались осевшие на новых местах, в каком направлении кочевали остальные? Уходили они добровольно или под воздействием внешних обстоятельств: конфликтов, бедности, произвола властей? Кто возвращался назад: семьи или отдельные люди? И самый сложный вопрос: каков процент ассимилированных пришельцев?

В поисках ответа (и, соответственно, аутентичного источника) исследователи, как правило, обращаются к двум документам: «Экономическим примечаниям» по Бежецкому и Вышневолоцкому уездам 1778 года и «Генеральному соображению по Тверской губернии» за 1783–1784 годы. Однако эти наиболее часто цитируемые тексты не дают убедительного ответа на поставленные вопросы. Они фиксируют ситуацию второй половины XVIII века, тогда как движение населения (в том числе и карельского) по преимуществу приходилось на рубежный период (конец XVII – начало XVIII века).

В значительной степени прояснить географию миграций карел помогают материалы писцовых и переписных книг, широко известных научному сообществу еще в дореволюционный период. Некоторые затруднения

возникают в доступе к неопубликованному документу – переписной книге Бежецкого уезда 1709 года [3], что определяет цель данной статьи – представить современным кареловедам максимально полную информацию по ее содержанию.

Полное название документа – «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 г. переписи князя Григория Волконского». В 1708 году с целью проведения областной реформы Петр I издал указ о разделении страны на 8 губерний. Бежецкий уезд был причислен к Санкт-Петербургской губернии. Летом 1709 года под руководством князя Г.И. Волконского в Бежецком уезде проводилась первая после учреждения губерний подворная перепись. Она охватывала все административные единицы уезда: 11 станов (Городецкий, Каменский, Пироговский, Ивановский, Мещерский, Березовский, Антоновский, Верховский, Полянский, Есеницкий, Лошицкий), 4 волости (Дорская, Сулежская, Лесоклинская, Еськая) и Максимовское приселье.

Как подметили еще дореволюционные исследователи (И.Н. Миклашевский, Г.Н. Шмелев, Ю.В. Готье), объективность такого рода источников весьма условна: они составлялась путем записи «сказок» (рассказов / показаний) крестьян (респондентов переписи), проверка «сказок» не проводилась, но в сочетании с другими видами документов, содержащих «цифровой материал и терминологию», данные переписных книг проясняют вопросы, связанные с межеванием земель, движением населения и т.п. [15; 6, с. 2–4].

На сегодняшний день документ представляет собой более полутора тысяч листов (1581). Очевидно, что перепись вели разные писцы, имена которых не сохранились в истории: текст написан разными скорописными почерками начала XVIII века с особой манерой отображения букв и слов.

Текст книги организован традиционно для такого рода документа: описаны основные территориально-административные единицы Бежецкого уезда (станы), их владельцы, количество дворов и мужчин в каждом дворе; указан их возраст, семейное положение, род занятий, социальный статус. Опосредованно «прочитывается» количество семей, взрослых женщин / жен, но, к сожалению, не представляется возможным установить количество дочерей, «возрастных» женщин (бабушек, теток, снох). Для установления их численности требуются иные виды источников.

В описании владения значатся: имя землевладельца, количество населения по предыдущей переписи (1678 года), поименно перечисляются дворовладельцы (лица мужского пола). Наряду с именем нового землевладельца указывается его право на владение землей или крестьянами. Во дворах, где не было мужчин, упоминаются женщины и дети мужского пола. Перепись содержит перечень только тяглого населения: «…оброк платили с деревни по 2 рубли на год...» [3, л. 623–652]. Описание земельных наделов в данной переписной книге отсутствует.

Помимо названий административных единиц и селений, фамилий землевладельцев и крестьян, в данной книге содержатся дополнительные чрезвычайно важные сведения: перечень «пустых» дворов и причины запустения, место «выхода карел», что позволяет проследить движение карельских переселенцев в дворцовых волостях уезда, а также на помещичьих и монастырских землях. На основе анализа документа получены предварительные результаты по основным вопросам исследования.

Численность дворов: как уже упоминалось, в историографии данные по количеству пришельцев на территорию Бежецкого Верха существенно разнятся. По переписной книге 1650 года, здесь на частновладельческих землях разместились 954 семьи [7, с. 17]. А.С. Жербин подчеркивает, что среди мигрирующих встречалось немало сезонных рабочих, и ссылается при этом на опыт некоторых из них. «Петрушка Алексеев из Шуезерского погоста пришел в Москву; проработав там год, он ушел в Бежецкий Верх, затем – в Старую Руссу, оттуда – снова в Бежецкий Верх. Игнашка Иванов после прихода из-за рубежа работал в Холмогорах сапожником, потом переходил с места на место – в Олонец, Вологду и после долгих скитаний остановился в Бежецком Верхе» [7, с. 18].

По данным тверского историка-краеведа А.И. Лебедева (по переписной книге 1709 года), к началу XVIII века насчитывалось 630 карельских *дворов* (курсив наш. – *Т. Л., А. П.*), из которых сбежало и вышло 211 и принудительно вывезено 134 дворов [4], 54,7% карел находились в движении и окончательно не осели [4]. Данные Лебедева тиражируются в исследованиях А.И. Головкина и Л.Ю. Андреевой [5; 1].

Однако остается неясной терминология и методика подсчета: идентичны ли в этом случае термины *семья* и *двор*, которыми оперируют зарубежные и отечественные кареловеды? Так, в переписной книге 1709 года встречаются примеры, когда на одном дворе жили несколько семей: «а на том дворе две избы...». Только в одной (Прудовской) волости Бежецкого уезда насчитывается 28 таких дворов [3, л. 1155–1156].

По нашим подсчетам, на территории Бежецкого уезда к 1709 году размещалось 538 карельских дворов, из которых 264 двора были пусты (49%) (*убылые карельские дворы*). Остальные, судя по всему, находились в поиске новых мест обитания.

Локализация карельских анклавов. Общеизвестно, что еще правительство царя Алексея Михайловича было склонно поселять зарубежных выходцев в опустевшие дворцовые волости. На тверской земле места компактного расселения карел получили название «карельские дворцовые волости». К началу XVIII века на территории Бежецкого уезда обособились два крупных анклава: Ивицкая (34 населенных пункта) и Прудовская (18 населенных пунктов) волости. Они располагались в южной части уезда по берегам реки Ивица (Каменский стан).

Крупными центрами локализации карел в Ивицкой волости (по переписной книге это 176 дворов) были села Селище (21 двор) и Алексеевское (32 двора). В Прудовской волости зафиксировано 76 карельских дворов [3, л. 1155–1156]. Интересам автохтонного населения и переселенцев соответствовало стремление к компактности проживания. Однако переписная книга не содержит прямых доказательств, что в дворцовых карельских волостях проживали только карелы.

Из исследования Ю. Степановой и А. Савиновой следует, что во второй половине XVIII века «в Ивицкой волости насчитывалось 4 села и 46 деревень с не менее чем 23 пустошами» [11]. Можно заметить значительный прирост населенных пунктов Ивицкой волости: в сравнении с началом XVIII века почти в два раза (с 26 до 50). Авторы предполагают, что территории Ивицкой и Прудовской волостей Бежецкого уезда являлись исходной областью расселения тверских карел и центром притяжения карельского населения в XVIII–XIX веках, а остальные волости – Трестенская, Теблешская, Микшинская, Толмачевская, расположенные к западу и востоку, были заселены карелами позже, из «эпицентра» в Ивицкой волости [11].

По нашему предположению, значительный прирост поселений объясняется наличием на этой же территории населенных русскими крестьянами неучтенных дворов (хуторов), к которым в дальнейшем прирастали карельские дворы.

Направления внутреннего передвижения карельского населения. В переписной книге содержатся сведения о «выходах карел», позволяющие проследить движение карельских переселенцев в Бежецком уезде. Так, установлено, что точное место «исхода» карел указано в 96 случаях (18% от общего числа). Источник позволяет установить координаты новых прибежищ: преимущественно карелы перемещались в волости «своего» Бежецкого уезда (Кошевскую, Орловскую, Арханскую), либо направлялись далее в соседние – в село Чамерово Ярославского уезда (позднее – соседний с Бежецким Весьегонский уезд), где располагался еще один крупный карельский анклав, в Сандовскую волость, в Кашинский уезд (с. Кочемли), либо возвращались назад в Новгородскую землю: «Из сельца Бонюк 8 дворов карел вышли в дворцовую карельскую Сандовскую волость, в деревню Юрьево». «Из сельца Григорово 3 двора карел вышли в государеву дворцовую волость села Чамерово». «Ермолай Михайлов бежал с женой в государеву Кошевскую волость, в село Кошево» [3, л. 1236].

Эта информация не вполне совпадает с данными Ю.В. Степановой и А.И. Савиновой по географии миграций карел во второй половине XVIII века [11], что только подтверждает интенсивность мобильности переселенцев.

Дворы, которые к началу переписи 1709 года были пусты, именуются в книге как «убылые корельские дворы, что пришли из зарубежа по-

сле переписной книги 1678 году», затем следует подворное перечисление с пояснением: «а они вышеописанные корелы из той деревни с женами и детьми в прошлых 1707, 1708 годах и в нынешнем 1709 году бежали» [3, л. 1161]. Указанные причины «пустования» дворов неоднозначны: умерли на работах в Санкт-Петербурге (упоминается по 12 дворам), забраны в рекруты (упоминается по 6 дворам), умершие в […] году (упоминается по 28 дворам), бежали / вышли (136 дворов) или вывезены (77 дворов) в неизвестном направлении [3, л. 1155–1156]. Без указания причин «пустования» в тексте книги упоминается всего 5 дворов (*место дворовое пусто*). Ю.В. Готье связывает частые побеги карел с «политикой» вотчинников и помещиков ряда уездов (в том числе и Бежецкого), которые переманивали переселенцев и при этом «никаких крепостей не положили», да и сами податей в казну не платили [6, с. 192]. Однако данные по 1709 году указывают на преобладание побегов из частновладельческих вотчин в дворцовые (что подметил в свое время и А.И. Лебедев).

Представляется важным выявить места несанкционированного «исхода» карел Бежецкого уезда – побегов и, соответственно, прояснить вопрос о праве на мобильность. В документах (помимо переписной книги) встречаются упоминания о побегах, фиксируется движение из помещичьих земель в государевы дворцовые волости. Так, в Верховском стане из поместья Василия и Федора Афанасьевых «бежали» в разные годы (с 1707 по 1709) 17 дворов карел (!) [3, л. 1155–1157]. Аналогичный пример отмечается в Полянском стане во владении «Никиты Андреева сына Орлова», где 8 дворов карел бежали в разных направлениях начиная с 1699 года («Савелий Федоров бежал с женой и детьми тому лет десять назад») [3, л. 1435].

При этом движение карел внутри крупных дворцовых карельских волостей (Ивицкой и Прудовской) практически отсутствует: источник указывает на место «исхода» карел лишь у 5 из 252 дворов, а пустыми числятся 30 дворов [3, л. 1155–1156]. Прочно обосновавшиеся в дворцовых волостях крестьяне не стремились к переходам, чтобы сохранить налоговые преференции.

Между тем в книге зафиксированы примеры насильственного вывоза карел на сопредельные территории: «Чамеровский воевода Афанасий Филиппов, сын Елохов по указу великого государя вывез в деревню Чамерово: из деревни Богатово 4 двора карел, деревни Фастово – 5 дворов карел, деревни Мунощено – 3 двора, деревни Елица – 5 дворов, деревни Хромцево – 5 дворов, деревни Никулино 8 дворов и ныне те деревни пусты». Из исследований Ю.В. Готье следует, что соседняя с Бежецким уездом Чамеровская волость еще в конце XVII века считалась неблагополучной среди карел, поскольку тамошние помещики и вотчинники крестьян «бьют смертным боем» [6, с. 193]. Факты принудительной отправки карел в Чамерово, зафиксированные в переписной книге 1709 года, свидетельствуют о наличии конфликтов, связанных с насилием в отношении карел,

их побегах и попытках правительства восполнить дефицит земледельцев перемещением карел из волости в волость.

Иногда переселенцы-карелы самовольно занимали пустующие некогда помещичьи земли. «В поместье Ильи Батюшкова в деревне Никитине жили два двора карел, которые умерли с женами и детьми 15 и 20 лет назад. Тою деревнею и тою пашнею завладели карелы насильно» [3, л. 1236].

Уровень материального обеспечения карельского населения в рассматриваемый период следует признать достаточным: нищие (кормившиеся миром или «христовым именем») зафиксированы в 41 дворе из 274 населенных (15%); из них 8 дворов населены бобылями [3]. Политика поддержки переселенцев давала свои плоды, сказывалось также трудолюбие карел и их стародавний обычай поддерживать «единоплеменников». Семья переселенца соответствовала параметрам традиционного общества: по преимуществу сложная (расширенная), куда входили кровные и «приобретенные» родственники. Кроме детей (сыновей) в переписной книге упоминаются братья, в категорию родства включаются также двоюродные братья, племянники, пасынки, по женской линии – вдовы и снохи. Подобное устройство большой семьи в рассматриваемый период было характерно и для русских крестьян [8, с. 49]. В нуклеарных семьях, по данным переписчика, встречается в основном от 1 до 3, реже 5–6 сыновей. Из 274 населенных дворов (без учета пустующих) бобыли числились в 26 дворах (9,4%), вдовы упоминались в 21 дворе (7,6%), вдовцы – в 8 дворах (3%). Преобладание экономически устойчивых дворов являлось гарантией успешной адаптации карел к новым реалиям и способствовало сохранению этнокультурной идентичности.

Таким образом, переписная книга 1709 года действительно является важным ресурсом для исследования процесса колонизации территории Бежецкого уезда карелами в начале XVIII века. Ее содержание открывает перспективы междисциплинарных исследований: маршруты «внешних» и «внутренних миграций», география расселения, формы и механизмы адаптации к новым территориально-географическим, социоэкономическим, культурным и (в определенном смысле) политическим контекстам. Полученные данные в совокупности с материалами дополнительных источников позволят переосмыслить диалектику и иерархию взаимоотношений родины, государства и диаспоры в формировании национального самосознания в период адаптации пришлого населения к реалиям, созданным автохтонным этносом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской Империи (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Гос. ун-т управления, 2011.

2. Вершинский А.Н., Золотарев Д.А. Население Тверского края // Тверской край. 1929. № 6. С. 14–26.

3. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1409. Оп. 1. Ф. 232.

4. ГАТО. Ф. Р-1523. Оп. 1. Д. 3.

5. Головкин А.Н. История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.

6. Готье Ю.В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

7. Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.

8. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.

9. Попов Н. Исторические заметки о Бежецком верхе XVII и XVIII веков. 1892.

10. Постников И.Н. Бежецкий Верх. Историко-географический очерк // Литературное и краеведческое наследие о. Иоанна Постникова / сост. М.В. Волкова. Тверь, 2012. С. 142–154.

11. Савинова А.И., Степанова Ю.В. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Carelica: научный электронный журнал. 2014. Вып. 2. URL: http://carelica.petrsu.ru/2014/Savinova_2.pdf.

12. Салохеймо В. Проводимые в Финляндии исследования переселения карел в Россию // История и культура Тверских карел: перспективы развития. Тверь, 1997. С. 40–43.

13. Тверская область: энциклопедический справочник / сост. М.А. Ильин. Тверь, 1994.

14. Чернякова И.А. Накануне Нового времени // Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 7–32.

15. Шмелев Г.Н. К вопросу о степени достоверности переписных книг. СПб., 1898.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Названия административных единиц, общепринятые после губернской реформы Екатерины II.

T.G. Leontieva, A.V. Polevaya
Karelian Migrants Searching for new Territories to Settle down (due to Census Book of Bezhetsk District, 1709)

Key words: *Census book of Bezhetsk district; Tver karelians; karelian migrants.*

The research is bringing up an issue of the Karelians settling on the territory of Tver Upper Volga region. Census book of Bezhetsk district of 1709 is analyzed as one of the main sources of the study. Its contents open new perspectives for interdisciplinary research: external and internal migrations routes, the geography of resettlement, forms and mechanisms of adaptation to the territorial and geographical, as well as socioeconomic, cultural and political contexts at the end of the XVIIth – the beginning of the XVIIIth centuries. The authors conclude that the domination of economically stable households was the guarantee of the Karelians' successful adaptation to new conditions

.

А.Ф. Гавриленков
Смоленский государственный университет

УДК 94 (470.332)"1905/1917:2

Реализация идеи свободы совести и вероисповедания в Смоленской губернии в 1905–1917 годах

Ключевые слова: *свобода совести; православие; старообрядчество; сектантство; инославные вероисповедания; иноверные исповедания.*

На основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов рассматривается реализация идеи свободы совести и вероисповедания в Смоленской губернии в 1905–1917 годах. Показана сложность и противоречивость данного процесса в условиях, когда сохранялась главенствующая роль Русской православной церкви. Государственная власть контролировала деятельность общин сектантских и старообрядческих организаций, общин иноверных и инославных вероисповеданий.

Проблема реализации идеи свободы совести и вероисповедания в 1905–1917 годах нашла отражение в работах современных российских исследователей: А.А. Дорской, А.В. Логинова, М.Н. Образцовой, В.К. Пинкевича, А.А. Сафонова [18; 20; 23; 24; 26], а также автора данной статьи [1]. Однако применительно к Смоленской губернии вопрос до сих пор остается малоизученным.

Указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года создал условия для постепенной реализации идеи свободы совести и вероисповедания в Российской империи. Так, в указе отмечалось, что «...отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав...» [19, с. 34].

Тем не менее в обществе сохранялось деление на господствующую церковь, терпимые и гонимые религии. Бывший профессор Томского университета М.А. Рейснер в 1905 году отмечал: «...для русских подданных иной веры, кроме веры господствующей церкви и терпимых в государстве исповеданий инославных и иноверных обществ, юридически не существует» [25, с. 158]. Указ 17 апреля 1905 года устанавливал также категорию наказуемых в уголовном порядке – изуверных учений [19, с. 35].

В начале XX века на территории Смоленской губернии действовали различные вероисповедания: православие, старообрядчество, католицизм, протестантизм, иудаизм, ислам, а также секты отечественного и зарубежного происхождения. Подавляющее большинство живущих в Смоленской губернии являлись последователями Русской православной церкви. Так, если в 1905 году православные составляли 96,77% от общей численности населения,

то в 1913 году их количество незначительно уменьшилось, составив 96,49% от общей численности населения губернии [21; 22]. В соответствии с действующим законодательством государственная власть осуществляла контроль за численностью действовавших на территории губернии вероисповеданий, регистрацию религиозных общин, следила за процессом перехода верующих из одной конфессии в другую, а также за строительством культовых сооружений инославных и иноверных вероисповеданий и сект.

Анализ статистических материалов, документов, находящихся в ГАСО, свидетельствует о том, что государственную власть интересовали случаи перехода православных верующих в другие конфессии. С момента публикации Манифеста 17 апреля 1905 года православные верующие в Смоленской губернии наиболее часто переходили в евангельское христианство, старообрядчество, католицизм, лютеранство, баптизм, новоизраильскую секту (см. табл. 1). Периодически государственная власть собирала сведения о переходе православных верующих в указанные вероисповедания.

В то же время власть совершенно не учитывала, пусть и незначительные, факты перехода на территории Смоленской губернии верующих из православия в иудаизм, из иудаизма в методизм, католицизм и православие, из католицизма в лютеранство. Анализ архивных дел показал, что статистические данные о переходе верующих не совпадают со сведениями о количестве выдаваемых губернским правлением разрешений на переход верующих.

Таблица 1

Количество православных верующих, перешедших в различные вероисповедания в период с 1905 по 1914 год

Название вероисповедания	Годы									
	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914
Католицизм							4	Данные отсутствуют		9
Лютеранство							4			8
Старообрядчество	1	3		2	3	6	13			12
Евангельское христианство	11	5	2			1	40	69		29
Баптизм	3									1
Новый Израиль						10				
Итого	15	8	2	2	3	17	61	69		59

Департамент духовных дел МВД обратился к смоленскому губернатору с просьбой о выяснении того, «какими причинами обуславливается усматриваемая возростаемость интенсивности перехода в сектантство» [16, л. 44].

Смоленский епархиальный миссионер Александр Хотовицкий в отношении за № 41 от 10 февраля 1915 года фактически обвинял в сложившейся ситуации органы власти. Он считал, что главная причина такого увеличе-

ния количества перешедших из православия в сектантство «обуславливается главным образом и по преимуществу преждевременным разрешением со стороны полицейско-административной власти сектантских молитвенных собраний...» [16, л. 56]. По его мнению, органы власти выдавали разрешение на деятельность молитвенных собраний тогда, когда сектанты не собирали нужного для этого количества своих сторонников – 25 человек.

Второй причиной быстрого распространения сектантства миссионер называл активную деятельность баптистов и евангельских христиан [16, л. 56 об.–57].

В качестве третьей и четвертой причин (миссионер их объединяет. – *А. Г.*) перехода православных верующих в сектантство о. А. Хотовицкий указывал деятельность конкретных лиц в уездах, которые, по его мнению, оказывают сильное влияние на православное население [16, л. 57–57 об.].

Краснинский уездный исправник в рапорте за № 187 от 16 февраля 1915 года отмечал следующие причины распространения сектантства и перехода православных верующих в сектантство: 1) удаленность деревни Александровки, в которой находились пашковцы (евангельские христиане), от церкви на 12 км; 2) разлив реки Вихры весной, что затрудняет общение с верующими деревни; 3) близость к границе с Мстиславским уездом Могилевской губернии, населенным евреями (иудеями. – *А. Г.*), «развращающее влияние которых несомненно имеет значение в деле распространения сектантства» [16, л. 64].

По-иному определил причины перехода православных верующих в секту евангельских христиан в рапорте за № 408 от 27 февраля 1915 года рославльский уездный исправник. Во-первых, «лица, проживающие в отхожих заработках, подпадая под влияние тех или других руководителей сектантских учений, по возвращении к себе на родину, переносят эти учения и, не встречая со стороны духовных пастырей надлежащих разубеждений, большей частию распространяются среди соседей и родственников возвращающихся» [16, л. 76]. Во-вторых, причиной перехода православных верующих в сектантство в Радичской волости Рославльского уезда исправник назвал обострение отношений до такой степени, что крестьяне избегали богослужений, проводимых священником [16, л. 76 об.]. Рославльский исправник, между прочим, отмечал, что руководитель сектантов в уезде поведения и нравственных качеств хороших, и ни в чем предосудительном замечен не был.

Гжатский уездный исправник считал, что одной из причин перехода из православия в старообрядчество является соседство православных верующих и старообрядцев: «...отпадение от Православной веры ... замечается исключительно среди крестьянского населения и при том в таких местностях, где Православные живут в близком соседстве с раскольниками (так в документе. – *А. Г.*), а следовательно и тесно соприкасаются с последними» [16, л. 97]. Кроме того, в рапорте отмечалось, что переход в старооб-

рядчество был обусловлен материальным расчетом некоторых православных верующих [16, л. 97].

Причины, о которых размышлял исправник Ельнинского уезда, перекликались с причинами, обозначенными исправником Рославльского уезда. Однако первый высказал одно важное замечание, которое, как представляется, имело отношение к проблеме перехода православных верующих в сектантство: в места, где активно себя вели сектанты, «должны быть направлены энергичные, умудренные опытом, с живым словом священники...» [16, л. 98 об.].

Исследование причин перехода православных верующих в сектантство и старообрядчество свидетельствует о том, как представляется автору статьи, что корни данного явления крылись в неумении или нежелании священнослужителей церкви в ряде уездов работать с местным населением. Безосновательно, на наш взгляд, выглядят обвинения миссионера Хотовицкого в адрес губернских властей: они якобы регистрировали общины сектантов с нарушением российского законодательства [16, л. 56–56 об.]. Еще 12 января 1909 года министр внутренних дел П.А. Столыпин направил на имя смоленского губернатора Н.И. Суковкина письмо, в котором относительно разрешения молитвенных собраний, отделившихся от инославных вероисповеданий, говорилось следующее: «...считаю необходимым разъяснить для руководства Вашего Превосходительства, что молитвенные собрания сектантов, отделившихся от инославия, не подлежат стеснению по столько, поскольку сущность вероучения их не противоречит государственным интересам или требованиям нравственности» [3, л. 5].

На активизацию проповедей наставников сект отечественного и зарубежного происхождения церковь должна была грамотно ответить собственной проповедью, показать образцы нравственного поведения. Однако священнослужители ряда приходов по уездам были не готовы к такому повороту событий. Государство, в свою очередь, являлось заложником ситуации, когда, с одной стороны, необходимо было соблюдать положения Манифеста 17 апреля 1905 года, а с другой – признавать, что Русская православная церковь является главенствующей в Российской империи.

Интересно, что ещё в ноябре 1912 года губернатор Н.И. Суковкин направил отношение за № 8130 директору департамента духовных дел Е.В. Минкину, в котором определил первоочередные задачи по пресечению распространения сектантства в Смоленской губернии: «1) совершенно воспретить деятельность так называемых разъездных проповедников баптизма, членов юношеских кружков, учителей воскресных школ и т.п., ибо они под видом устройства собраний занимаются исключительно проповедью и восхвалением баптизма среди темного и невежественного крестьянства, и обычно стремятся в те местности, где сектанты живут в незначительном количестве. 2) Совершенно воспретить детские религиозные собрания сектантов, ибо именно среди подрастающего поколения, крайне неустойчивого в своих

религиозных убеждениях и особенно восприимчивых, опасна эта пропаганда баптизма. 3) Ни под каким видом не допускать устройства под открытым небом богослужебных и молитвенных собраний, привлекающих, как известного рода зрелище толпы любопытных, среди которых тотчас же начинается усиленная вербовка новых адептов баптизма. 4) Воспретить сектантам водить с собой в сектантские собрания православных членов своих семейств в возрасте от 14 лет до совершеннолетия. 5) О предстоящем совершении богослужений и о молитвенных собраниях хотя и в помещениях, означенных в п. 1. прав. 4 октября 1910 года должно быть обязательно заявлено местному исполнительному чиновнику полиции за неделю, причем присутствие лица местной административно-полицейской власти на этих собраниях, по моему мнению, должно быть обязательным» [10, л. 24].

Другим направлением деятельности государственной власти в Смоленской губернии в деле реализации идеи свободы совести и вероисповеданий был контроль за регистрацией религиозных общин и приходов в соответствии с установленными в законодательстве нормами. Однако отношение власти было избирательным: общины одних вероисповеданий регистрировались, общины других – нет. Анализ архивных документов показал, что в течение рассматриваемого периода были зарегистрированы старообрядческие общины, а также приход Римско-католической церкви в уездном городе Рославле.

В течение 1907–1912 годов в трех уездах Смоленской губернии были зарегистрированы общины старообрядцев: в Бельском – 1, в Гжатском – 5, в Сычевском – 6 общин, которые охватывали значительное количество верующих [10, л. 101 об.–102 об.].

Верующие-католики, жители города Рославля, подали прошение о разрешении открыть самостоятельный приход. Рославльский уездный исправник представил в губернское правление поименные списки католиков, проживающих в Рославле и уезде, а также сведения о состоянии костела [15, л. 5–9]. Открытие костела и постоянное проживание ксендза в Рославле вызывали опасения исполняющего должность губернатора Б.А. Булгакова, так как это могло способствовать увеличению числа «случаев переходов православных в католичество» [14, л. 18]. Тем не менее самостоятельный приход в Рославле был открыт.

С другой стороны, власть отказывала в регистрации общин евангельским христианам. 17 октября 1913 года в губернское правление поступило заявление от четырех групп евангельских христиан (всего 63 человека) об учреждении Краснопольской общины, расположенной в Рославльском уезде [12, л. 1–2 об.]. 2 ноября 1913 года губернское правление вынесло решение об отказе в регистрации Краснопольской общины в связи с тем, что «в 7 уездах ее (Смоленской губернии. – *А. Г.*) последователей этой секты вовсе нет, а потому просители и не вправе ходатайство-

вать о распространении деятельности Краснопольской сектантской общины на всю Смоленскую губернию» [12, л. 5 об.]. 5 ноября 1913 года своим указом Николай II также отказал в учреждении Краснопольской общины евангельским христианам [12, л. 7 об.]. Точку в решении этого вопроса поставил указ Временного правительства от 1 августа 1917 года: евангельским христианам было отказано в учреждении общины на тех же основаниях, что и в предыдущих актах [12, л. 10 об.].

Третьим направлением деятельности губернской власти являлся контроль за строительством культовых сооружений иноверцами и сектантами. Губернские власти строго следили за тем, чтобы количество культовых сооружений соответствовало числу верующих определенного вероисповедания.

Члены новохлыстовской секты «Новый Израиль», проживавшие в деревне Угрицы Ельнинского уезда, подали в 1907 году в губернское правление прошение на разрешение проводить молитвенные собрания и открытие молитвенного дома. Однако только в 1909 году оно было рассмотрено. Губернское правление отослало прошение уездному исправнику, чтобы последний предоставил сведения о том, обнаруживаются ли в религиозных обрядах секты действия, направленные против закона или нравственности [4, л. 1].

В течение всего рассматриваемого периода члены иудейских общин подавали заявления в губернское правление об открытии молелен в различных населенных пунктах губернии. Губернские власти строго вели учет всем молитвенным сооружениям иудеев и не дозволяли открытие новых молитвенных домов. По данным 1908 и 1910 годов молитвенные сооружения иудеев существовали только в двух городах губернии – Рославле и Поречье, в остальных городах богослужения проводились в частных наемных домах [2, л. 44; 7, л. 17]. В 1912 году иудейские молитвенные дома действовали в Смоленске, Рославле и Поречье [8, л. 31].

В октябре 1910 года иудеи с. Ярцево Духовщинского уезда подали прошение на имя смоленского губернатора об открытии молитвенной школы для совершения богомолений [6, л. 1–2]. Однако данное ходатайство было отклонено [5, л. 3]. 12 августа 1913 года евреи, жители 3-й части города Рославля, подали прошение о разрешении им открыть молельню в наемном доме [11, л. 1–2]. Прошение не было удовлетворено, так как в Рославле уже на тот момент была действующая синагога.

2 июня 1910 года департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД России направил на имя начальников губерний, градоначальников и начальников областей циркуляр за № 5700, в котором предписывалось подавать сведения о национальности прихожан евангелическо-лютеранской, евангелическо-реформатской церквей, а также баптистов; о языке, на котором ведется богослужение; о процентном соотношении прихожан разных национальностей в смешанных приходах [2, л. 1]. В течение

месяца (12 июля – 11 августа 1910 года) в Смоленское губернское правление поступали интересующие департамент духовных дел иностранных исповеданий сведения. Оказалось, что в Смоленской губернии действует один приход Евангелическо-лютеранской церкви – в 1-й части города Смоленска [2, л. 15–15 об., 16]. Пастор смоленской церкви периодически приезжал в уездные города Вязьму, Ельню и Рославль для проведения богослужений [2, л. 16, 22]. При этом богослужения проходили как на немецком, так и на латышском языках. Так, по рапорту смоленского губернатора Н. Суковкина, в Смоленске в течение года богослужения 50 раз велись на немецком языке, 13 раз – на латышском, в городах Вязьме и Рославле соответственно по 6 раз на немецком и по 3 раза на латышском, в остальных уездных городах и колониях, где проживали латыши, по 1–2 раза соответственно [2, л. 22].

Под контролем государственной власти находилась и ситуация с Армяно-Григорианской церковью в губернии. 12 сентября 1913 года директор департамента духовных дел МВД Е.В. Минкин направил на имя смоленского губернатора циркуляр за № 8442, в котором предписывалось предоставить статистические данные о численности армяно-григорианских церквей, духовенства и жителей армяно-григорианского исповедания в Смоленской губернии. По данным исправников всех уездов, на территории Смоленской губернии в 1913 году отсутствовали армяно-григорианские церкви и духовенство [13, л. 3–8, 11–16]. С августа 1913 года в селе Ершичи Рославльского уезда проживал один армянин, армяно-григорианин по вероисповеданию, земский врач Петр Александрович Маркарянц [13, л. 9–10 об.]. Несмотря на столь малую численность армяно-григориан в губернии, смоленский губернатор отметил в рапорте за № 6801 от 24 октября 1913 года, что с его стороны «не встречается препятствий к отнесению Смоленской губернии к Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии» [13, л. 17].

В начале XX века на территории губернии проживали мусульмане. Следует заметить, что их количественный состав постоянно менялся. В течение рассматриваемого периода численность мусульман росла и составила в 1913 году 352 верующих [22]. Кроме того, в Смоленске в годы Первой мировой войны были расквартированы части, где служили мусульмане. Тем не менее в губернии отсутствовала мечеть, а богослужения могли проводить в храме другого иноверного вероисповедания. В газете «Смоленский вестник» от 20 октября 1916 года было дано объявление следующего содержания: «Нас просят напечатать: Военный мулла смоленского гарнизона уведомляет мусульман, что 24 октября в праздник “Гашура”, т.е. Новый Год, а 24 декабря “Мевлюд” в день рождения Магомета будут совершаться богослужения в главной синагоге в 11 часов дня».

На территорию губернии высылали мусульман, совершивших уголовные преступления на территории Кавказского края. Ссыльные мусуль-

мане находились во всех уездных городах губернии. В 1910 году закончился последний срок мусульман, высланных в Смоленскую губернию. В 1914 и 1916 годах рассматривался вопрос об открытии мусульманского кладбища в Бельском уезде и о расширении мусульманского кладбища в Смоленске на Покровской горе [14; 17].

Реализация идеи свободы совести и вероисповеданий на территории Смоленской губернии в 1905–1917 годах происходила в достаточно сложных условиях. Государство стремилось взять под контроль процесс перехода части православных верующих в иные вероисповедания, прошения религиозных групп об открытии культовых сооружений, регистрацию приходов и общин распространенных на территории губернии вероисповеданий. Однако сделать это было сложно, так как, во-первых, сохранялся естественный союз между Российским государством и Русской православной церковью. Во-вторых, у органов власти не было опыта деятельности в условиях объявленной свободы совести и вероисповедания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриленков А.Ф. Вероисповедная политика российского государства в период империи (на примере Смоленской губернии) // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2010. № 6/2. С. 203–213.

2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 95. Д. 757.

3. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 255.

4. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 280.

5. ГАСО. Ф. 2. Оп. 96. Д. 442.

6. ГАСО. Ф. 2. Оп. 97. Д. 399.

7. ГАСО. Ф. 2. Оп. 97. Д. 536.

8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 97. Д. 537.

9. ГАСО. Ф. 2. Оп. 98. Д. 582.

10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 99. Д. 435.

11. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 346.

12. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 484.

13. ГАСО. Ф. 2. Оп. 100. Д. 523.

14. ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. Д. 693.

15. ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 220.

16. ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 230.

17. ГАСО. Ф. 2. Оп .103. Д. 180.

18. Дорская А.А. Проблема законодательного закрепления свободы совести в России в начале XX в.: дис.… канд. юрид. наук. М., 2002. 20 с.

19. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1909.

20. Логинов А.В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М.: Большая Российская энциклопедия, 2005.

21. Обзор Смоленской губернии в 1905 году. Смоленск: Губернская типография, 1906.

22. Обзор Смоленской губернии в 1913 году. Смоленск: Губернская типография, 1915.

23. Образцова М.Н. Государственно-церковные отношения в модернизационном процессе в России начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 215 с.

24. Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века, 1903 – февраль 1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 318 с.

25. Рейснер М.А. Государство и верующая личность: сборник статей. СПб., 1905.

26. Сафонов А.А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX века: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 46 с.

A.F. Gavrilenkov
The Implementation of the Idea of Freedom of Conscience and Worship in Smolensk province of 1905–1917

Key words: *freedom of worship; Orthodoxy; Old Belief; sectarianism; non-Orthodox religions; heterodox confessions.*

The article deals with the realization of the idea of freedom of worship in Smolensk province in 1905–1917 on the basis of the archival materials introduced into scientific circulation for the first time. The complexity and discrepancy of this process under the conditions of the domination of the Orthodox Church is analysed in article. The government controlled the activities of the communities of sectarian and Old Belief organizations, the communities of non-Orthodox and heterodox religions.

А.К. Лаптев

Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)’1914–1916

Смоленская жандармерия в борьбе с агентами неприятеля в 1914–1916 годах

Ключевые слова: *Первая мировая война; Смоленская губерния; жандармерия; полиция; антивоенная пропаганда; контрразведка; Минский военный округ; 1914–1916.*

В данной статье рассматривается деятельность государственных силовых структур Смоленской губернии по борьбе с германскими и австро-венгерскими шпионскими организациями и агентами в условиях военного времени. Анализ деятельности смоленской жандармерии позволил автору определить методы ведения работы по противодействию разведке со стороны противника в реалиях военного времени.

Во время Первой мировой войны противостояние между Антантой и Тройственным союзом охватило не только фронт, но и тыл. На территории прифронтовой Смоленской губернии смоленская жандармерия и полиция вынуждены были противостоять шпионской или антивоенной деятельности неприятеля. До настоящего времени эта проблема не была предметом специального исследования. В советской историографии основное внимание уделялось военным действиям на фронтах Первой мировой войны, а начиная с 1990-х годов тема противодействия агентам противника и обеспечения безопасности тыла стала изучаться историками и юристами на общероссийском уровне [9; 13; 15].

Для борьбы правоохранительных органов с агентурной работой неприятеля требовались особые правовые условия, которые ограничивали права и свободы подданных, усиливали контроль и возможности негласного наблюдения за населением, а также значительно расширяли репрессивные возможности жандармерии и полиции. Этими правовыми условиями стали специальные правовые режимы чрезвычайного [12] и военного положения [11], принятые еще во время царствования Александра III.

На территорию Смоленской губернии эти режимы были распространены царским указом от 24 июля 1914 года. В Смоленском, Краснинском и Поречском уездах, как «входящих в район театра военных действий и имеющих особо важное значение для интересов ... специально военных», вводилось военное положение. В остальных девяти уездах – положение чрезвычайной охраны [10, с. 322; 11, ст. 1].

Эти особые режимы давали правоохранительным органам возможность в условиях начавшейся войны вести борьбу как против революционных элементов внутри России, так и против внешних врагов в лице Германии и Австро-Венгрии, которые активно внедряли своих шпионов и агентов на территорию России уже с первых дней войны. В рамках режима чрезвычайной охраны значительно расширялись репрессивные права жандармерии и полиции. При обычном положении жандармерия и полиция имели право подвергать предварительному задержанию подозреваемых в государственных преступлениях лиц на срок не более семи дней и «производить у таких лиц обыски и выемки» [12, ст. 28]. В условиях чрезвычайной охраны подозрительные лица задерживались на срок до двух недель; по распоряжению губернатора – до одного месяца. Жандармерия и полиция по указанию местных начальников полиции и начальников жандармских управлений могли также «производить во всякое время обыски» и арестовывать имущество, губернатор имел право «учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды» [12, ст. 21, ст. 26].

Военное положение отменяло нормы чрезвычайной охраны [11, ст. 8]. В условиях военного положения обязанности полиции трактовались

довольно широко и сводились к содействию военным властям «по исполнению лежащих на них обязанностей», включая сбор сведений о благонадежности населения [11, ст. 14, 15]. Одновременно жандармерия и полиция могли предварительно задерживать на срок до двух недель всех лиц, «внушающих основательное подозрение в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии», производить обыски «во всех без исключения помещениях» и налагать арест на имущество подозреваемых лиц [11, ст. 23]. Основное отличие военного положения от чрезвычайного заключалось в том, что при военном положении правоохранительные органы были обязаны выполнять все распоряжения военного командования для обеспечения безопасности территории, ее населения и дислоцированных на ней военных частей.

Смоленское губернское жандармское управление, как и другие губернские жандармские управления, входившее в структуру МВД, находилось в непосредственном подчинении товарищу министра внутренних дел и командующему Отдельным корпусом жандармов и одновременно выполняло распоряжения губернатора и военных властей. Помимо работы, направленной на выявление, пресечение и расследование государственных преступлений, губернская жандармерия занималась выявлением и пресечением разведывательных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии; пресечением вербовки неблагонадежных лиц; выявлением контактов между революционными элементами и агентами противника; борьбой против революционных проявлений на территории губернии, которые во время войны создавали угрозу фронту. Главной формой решения этих задач была контрразведывательная работа, методами которой хорошо владела местная жандармерия.

В начале войны при штабах армий, фронтов, военных округов, а также при Главном управлении Генерального штаба создавались контрразведывательные отделения. Они были призваны заниматься обнаружением и ликвидацией шпионов и агентов противника, тайно собиравших сведения о вооруженных силах России и о ситуации в тылу страны. Смоленская жандармерия осуществляла плотное взаимодействие с контрразведывательным отделением при штабе Минского военного округа, которое возглавлял ротмистр Науменко [7, л. 31].

Для борьбы с неприятельскими агентами и шпионами смоленская жандармерия использовала методы негласного наблюдения, внедрения своих агентов в рабочую среду, слежку, перлюстрацию писем и другие меры, направленные на решение поставленных задач.

В начале войны из Смоленской губернии по распоряжению министра внутренних дел выселялись (или подвергались аресту) «потенциальные агенты» – подданные Германии и Австро-Венгрии [7, л. 1–2; 1, л. 15]. Так, в августе 1914 года заподозренный в шпионстве германский поддан-

ный Бромфиль был выслан в Тобольскую губернию под надзор полиции [8, л. 39]. Однако эта мера не предотвратила агентурную деятельность неприятеля на территории губернии.

Приемы разведки на территории Смоленской губернии были весьма разнообразны и требовали от смоленской жандармерии, которую возглавлял во время войны полковник И.Н. Астафьев, быстрых и грамотных действий, высокого профессионализма в экстремальной обстановке. Как выяснила жандармерия, вражеские агенты и шпионы для сбора информации и подрывной деятельности использовали разнообразные профессии. В губернских городах они выступали под видом эвакуированных чиновников, отставных офицеров, помещиков, чьи имения находились на оккупированных территориях. Неприятельские агенты рядились в маски артистов кафешантанов, лакеев в ресторанах, продавцов товаров, фокусников, железнодорожных агентов, инженеров, фабричных и заводских рабочих. Смоленская жандармерия задерживала шпионов, действовавших под видом проституток, воров, преступников, шулеров. К сбору информации об армии и внутренней ситуации в городах и волостях губернии иностранные агенты привлекали даже подростков, нищих, калек, которые передвигались по городам и уездам в поисках крова и пропитания. Особо охотно противники пользовались для разведки «кафешантанными» артистками и проститутками. Для этой цели выбирались «красивые, изящные и интересные» женщины [5, л. 5].

Агенты посещали все перворазрядные рестораны, старались приобрести как можно больше знакомых среди воинской молодежи, хотя и «не чурались старших чинов». Они завлекали к себе на квартиры офицеров, прибывших с позиций, предоставляли военным спиртные напитки в обильном количестве, устраивали «кутежи» и «попойки», во время которых и узнавали необходимые сведения благодаря болтливости и несдержанности подвыпивших офицеров. Женщинам-агентам рекомендовалось заводить знакомства не с отдельными лицами, а с компаниями офицеров, так как офицеры активно общались между собой и могли что-нибудь «выболтать». С неразговорчивыми офицерами агенты вступали в спор по поводу той или иной военной операции и заставляли собеседников высказаться. Подобные действия применялись и к чинам низкого ранга: писарям, нижним чинам штабных рот и телеграфов [5, л. 3].

Смоленской жандармерии были известны случаи непреднамеренной передачи русскими офицерами сведений о задачах армии, о распоряжениях высших начальников, о переменах в составе армии, о дислокации воинских частей и штабов. Это происходило в общественных местах и в разговорах с частными лицами или случайно встретившимися военными в присутствии посторонних лиц. В расположение войск шпионы попадали под видом подрядчиков, фокусников, шарманщиков, продавцов папирос и других мелочей [5, л. 4].

Для выявления неприятельских агентов смоленская жандармерия вынуждена была работать среди местного населения, поскольку противник часто прибегал к такому способу, как переодевание. Например, в крестьянскую одежду, для того чтобы выдать себя за беженцев. Агенты противника часто представлялись сестрами милосердия, так как этот наряд давал возможность проникать в среду военных, а также попадать в места, куда был закрыт или ограничен доступ посторонних. Для более близкого общения с солдатами неприятель часто засылал агентов, переодетых в форму нижних чинов русской армии, которые выдавали себя за лиц, отставших от своих эшелонов [5, л. 2].

Как выяснила смоленская жандармерия, агентам рекомендовалось делать записи под видом каких-либо заметок, не обращающих на первый взгляд на себя внимание. Например, запись полков шифровалась под видом счета за съестные продукты; в кредитных билетах подчеркивались карандашом или ставились точки над условными буквами; делались заметки на белье, на поясах внутренних сторон брюк; условные пометки размещались в паспортах и молитвенниках, записных книжках. Например, в переписке, отобранной у подозреваемого в шпионаже, были обнаружены следующие записи: «14/11 – 1915 г. Комисс. – 3» и «16, II, 915 баня – 14». Эти записи, как оказалось, означали, что 14 ноября была комиссия по поводу открытия новой железнодорожной ветви, а 16 ноября прошел на позицию поезд-баня. Знаки на белье в виде букв или цифр служили пропусками при возвращении с разведки. Сведения нередко записывали секретными чернилами [5, л. 5].

Из инструкций противника по работе в русском тылу, ставших известными смоленской жандармерии, следовало, что агентам из рабочих вменялось в обязанности вести среди своих товарищей политическую пропаганду, распространять революционные идеи, подбивать рабочих на стачки и забастовки. Как удалось установить смоленским жандармам, с этой целью в Россию были командированы специальные эмиссары для вербовки среди рабочих агентов-пропагандистов. Революционные идеи распространялись и лицами, которые вступали в общественные союзы под видом оказания помощи, для того чтобы «вносить дух разложения» [5, л. 6]. Таким образом, проявившееся в военное время усиление социальных противоречий в российском обществе было замечено в Германии и Австро-Венгрии. Поддержка революционных проявлений в пролетарской среде была направлена на подавление боеспособности русских войск. Противник надеялся также на переключение внимания властей с активных действий на фронте на действия в тылу по поддержанию стабильности и законности в российских губерниях.

Действия германских и австрийских агентов были направлены в первую очередь на подрыв боеспособности русской армии. Поддержка антивоенных проявлений осуществлялась так, чтобы агитация и пропаганда была направлена на солдат и офицеров русской армии. Именно для этого

использовались места массового скопления нижних чинов, а именно госпитали, перроны, а также места дислокации запасных батальонов.

Как установила смоленская жандармерия, для антивоенной пропаганды использовалась почта. В декабре 1915 года полковник Астафьев распорядился пресекать попытки получения пакетов и посылок из Стокгольма, содержащих «воззвания к русскому народу с призывом требования заключения мира» [14, с. 170].

Смоленским жандармам стало известно, что Германия и Австро-Венгрия, начиная с 1914 года, финансировали своих агентов, работавших на разложение русской армии. Это подтверждалось разведывательными донесениями, поступавшими в 1914 году в штаб Минского военного округа, который, в свою очередь, сообщал о возможных угрозах начальнику смоленского гарнизона. В одном из донесений говорилось о том, что германское правительство для достижения победы «отпустило русским революционным партиям большие средства для ведения пропаганды и революционной агитации в войсках, стараясь этим путем вызвать бунты среди нижних чинов» [2, л. 111].

Вместе с тем командование штаба Минского военного округа было обеспокоено нахождением в Смоленске разных посторонних лиц, которые старались завязать отношения с нижними чинами, уволенными со службы. Под видом обсуждения военных событий и ситуации в тылу они старались посеять недоверие к действиям правительства и ставили под сомнение необходимость войны. Сообщая об этом, штаб Минского военного округа обращал внимание начальника смоленского гарнизона на необходимость борьбы с подобного рода проявлениями антивоенной пропаганды [2, л. 110].

23 сентября 1915 года в переписке чинов Смоленского жандармского управления обсуждался факт пропаганды на немецкие деньги в запасных батальонах и ополченческих соединениях Южной России. В связи с тем, что в Смоленске были расквартированы запасные батальоны, смоленская жандармерия проводила постоянные наблюдения за пытавшимися проникнуть в эти подразделения пропагандистами [6, л. 20].

Смоленское губернское жандармское управление сталкивалось и с различного рода религиозной агитацией и пропагандой антигосударственного характера. Религиозные пропагандисты стремились действовать в военных подразделениях, расположенных преимущественно на фронте и в прифронтовых губерниях. Этот вопрос был в центре внимания смоленского губернатора, который руководствовался на этот счет специальными инструкциями начальника Петроградского военного округа от 8 мая 1915 года. В своем обращении на имя смоленского губернатора начальник Петроградского военного округа указывал, что за последнее время в некоторых воинских частях наблюдались отчетливые признаки пропаганды религиозного вероучения, так называемых «евангелических христиан». Опа-

сения властей вызывал тот факт, что среди нижних чинов встречались люди, склонные к мистическому мировоззрению, и этим пользовались проповедники, которые под видом религиозных истин несли разложение в воинские части и извращали понятие о присяге и долге [4, л. 33].

Смоленский губернатор получал сообщения о жителях Смоленской губернии, которые отказывались участвовать в боевых действиях по религиозным причинам. Так, по сообщению духовного департамента МВД от 31 декабря 1915 года, крестьянин Вяземского уезда Г.Е. Шахматов «отказался от употребления оружия против врагов Отечества» [3, л. 2]. Как выяснилось, Шахматов не принадлежал ни к какой секте, но «читал много разных книг, а особенно увлекался» сочинениями Л.Н. Толстого [3, л. 2].

В секретной телеграмме от 27 декабря 1914 года, полученной смоленскими жандармами, поступили сведения о немецких шпионах, находящихся в Смоленске. Данные лица вели неприметный образ жизни на постоялых дворах, напротив этапа, в Заднепровском районе города [2, л. 91]. Жандармами были установлены и конкретные сведения об иностранных агентах. В телеграмме от 25 сентября 1914 года жандармское управление сообщало смоленскому губернатору о том, что в ближайшее время в Россию должен приехать известный «интернациональный шпион», который выдает себя за английского инженера по фамилии Гунсман. Жандармское управление было осведомлено о приметах «названного Гунсмана»: «средний рост, крепкое телосложение, брюнет» [2, л. 111].

После отступления русской армии весной и летом 1915 года фронт приблизился к Смоленской губернии. В Смоленск переместился штаб Минского военного округа. Смоленское жандармское управление, анализируя оперативную информацию, пришло к выводу о широком распространении шпионажа и появлении разведгрупп на территории Смоленской губернии. Об этом сообщалось и в инструкции штаба Минского военного округа от 18 марта 1916 года [5, л. 1]. Подобные документы по противодействию германским и австрийским шпионам, исходящие от штаба Минского военного округа, носили для смоленского губернского жандармского управления руководящий характер. В вышеупомянутой инструкции содержалось обращение к местной администрации, которой предписывалось плотнее сотрудничать с военными властями. Инструкция ориентировала все «гражданские и военные» власти на усиление борьбы с агентурной сетью на территории губернии. В связи с этим необходимо было ознакомить широкие круги общественности и в особенности сельское население с конкретными методами неприятельской разведки и привлечь к борьбе с ней все «благонадежное» население. Особое внимание обращалось на ознакомление сельского населения с приемами шпионажа, а также со способами реагирования в случаях возникновения подозрения по отношению к какому-нибудь лицу. В инструкции пошагово определялись

действия населения: куда подавать заявления, как вести себя с подозрительными лицами и т.п. [5, л. 3].

Информацию о возможных действиях неприятеля и основных правилах собственного поведения сельское население должно было получать от земских начальников, чинов землеустроительных комиссий, учителей, духовенства и других чинов, к которым крестьяне питали доверие. К этому времени в Смоленской губернии уже были сделаны попытки ознакомления населения со способами борьбы со шпионажем на железных дорогах. На вокзалах и даже в вагонах были вывешены различные плакаты с предостережениями от разговоров в поездах на военные темы или с рекомендациями возможных действий в случае расспросов нижних чинов неизвестными лицами о прилегающих к железной дороге сооружениях [5, л. 3].

Инструкция ориентировала жандармское управление на контакты жандармерии и полиции с местным населением, которое могло оказать большие услуги в деле борьбы с вражеской агентурой. При этом документ содержал информацию о том, что с 1915 года участились случаи разъездов по селам и деревням «разных должностных лиц с теми или иными предписаниями». Эти лица могли работать на противника. Обращалось особое внимание на наступление весенних полевых работ. По опыту было известно, что в период полевых работ агентам противника не нужно было посещать населенные места. Они могли узнать интересующие их сведения у крестьян в поле, тогда как в населенных пунктах жители относились к «гастролерам» более настороженно [5, л. 3].

Населению предписывалось немедленно доводить до сведения уездных полицейских или административных властей о появлении подобных лиц в уездах для проведения своевременной проверки, действительно ли это лицо было командировано военными властями. Инструкция также требовала от гражданской администрации, чтобы она ознакомила население с новым приемом борьбы «культурного» врага: возможным преднамеренным распространением среди войск и мирного населения заразных болезней. Имелись сведения, что немцы искали специальных агентов, которые могли взять на себя доставку в Россию холерных бацилл для отравления водоемов, колодцев и рек. Одним из организаторов этого дела, по поступившим сведениям, являлся немецкий агент Антон Беренс, проживавший в Стокгольме [5, л. 4].

В инструкции штаба Минского военного округа особое внимание смоленской жандармерии обращалось на тот факт, что агентов противника интересовала не только армия, но и все, что имело отношение к ведению военных действий и положению в тылу: организация промышленности; оборудование фабрик и заводов, работающих на военные нужды; состояние дорог; расположение различных сооружений, устроенных для военных целей; обеспеченность населения съестными припасами и настроения в тылу [5, л. 4].

Таким образом, разнообразие форм и средств, которыми пользовались агенты противника, показывает, насколько серьезную ставку делали Германия и Австро-Венгрия на своих агентов в прифронтовых губерниях. Смоленская жандармерия хорошо осознала эту угрозу и пыталась активно противостоять ей, взаимодействуя в этом вопросе с полицией и военными властями, действуя в рамках режимов военного и чрезвычайного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 8. Д. 703. 1914 г.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 740. 1914 г.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 925. 1915 г.
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 763. 1915 г.
5. ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 949. 1916 г.
6. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 478. 1914 г.
7. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 481. 1914 г.
8. ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 484. 1914 г.
9. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны// Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
10. Лаптев А.К. Первая мировая война: новые обязанности полиции и жандармерии в Смоленской губернии в 1914–1915 гг. // Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск, 2016.
11. О местностях, объявляемых состоящими на военном положении // ПСЗ-III. Т. 12. № 8757.
12. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗ-III. Т. 1. № 350.
13. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований: сб. обзоров и реф. (Препринт). М., 2013.
14. Смоленская губерния в Первой мировой войне. Документы. Смоленск, 2016.
15. Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 2011.

A.K. Laptev
Smolensk Gendarmerie in the Fight against Enemy Agents in 1914–1916

Key words: *World War I; Smolensk Province; gendarmerie; police; anti-war propaganda; counterintelligence; Minsk Military District; 1914–1916.*

The article examines the activities of state law enforcement structures of Smolensk province to combat German and Austro-Hungarian intelligence organizations and agents in wartime. Analysis of the activities of Smolensk gendarmerie allowed the author to reveal the methods of counter intelligence work under the conditions of wartime.

И.Б. Красильников
Смоленский государственный университет

УДК 94(470.332)«1943/1953»

Восстановление радиовещания в Смоленской области в 1943–1953 годах

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-11-67002.

Ключевые слова: *Смоленская область; Великая Отечественная война; послевоенное восстановление; радиовещание; первые послевоенные годы; тоталитаризм.*

Статья посвящена восстановлению радиовещания в Смоленской области в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Отмечается недостаточная изученность данного вопроса в отечественной историографии. Дается характеристика восстановления радиовещания, с одной стороны, как составной части восстановления культурных учреждений области, с другой – как способа усиления коммунистической пропаганды и тотального контроля.

Восстановление советской системы культурно-просветительных учреждений и радиовещания как ее составной части после освобождения от немецких оккупантов и в первые послевоенные годы являлось одной из важнейших задач. С одной стороны, необходимо было мобилизовать силы для восстановительных работ, с другой – стояла задача проведения контрпропаганды среди населения, долгое время находившегося в условиях немецкой оккупации. С конца 1940-х годов все большее влияние на политику государства оказывает начавшаяся холодная война.

В отечественной историографии этот период в истории радиовещания рассматривается преимущественно либо в контексте развития советской радиожурналистики [2; 18], либо как часть процесса восстановления советских органов власти и пропаганды [20]. При этом по понятным причинам взгляды советских авторов и современных исследователей [3; 4; 10] часто противоположны. Основное внимание современных авторов больше сосредоточено на довоенном периоде, первые послевоенные годы изучены хуже. Отдельной работы, посвященной именно восстановлению деятельности радиовещания в Смоленской области как составной части культурно-просветительных учреждений на региональном уровне, нет. Данная статья и пытается восполнить пробел. При этом широко используются материалы Государственного архива Смоленской области (ГАСО), прежде

всего фонда 3574 (Областной радиокомитет при облисполкоме Смоленской области), впервые вводимые в научный оборот.

В Смоленской области в предвоенный период активно развивалось радиовещание. Всего было зарегистрировано около 50 тысяч точек, в том числе 10 тысяч на селе. В 14 районах области имелось свое собственное вещание [5, л. 1]. Радио выступало самым распространенным в это время средством массовой информации и пропаганды.

Война доказала необходимость более широкого распространения радиовещания. Мемуарная и научная литература о партизанском движении и действиях подпольщиков наполнена многочисленными примерами поиска радиосвязи. С началом освобождения вопрос о восстановлении радиовещания встал особенно остро. Голос Юрия Левитана, передающего сводки Совинформбюро, воспринимался как один из символов войны и Победы. Появление «тарелки» на освобожденной территории в городах и селах становилось признаком новой жизни. Уже в середине октября 1943 года, меньше чем через месяц после освобождения, такие репродукторы появились и в Смоленске. Они устанавливались не только на улице, но и в учреждениях [12]. К этому времени в области было восстановлено 55 радиоузлов, то есть во всех районах. Всего имелось 3984 трансляционные точки, в том числе в Кондрове – 853, в Медыни – 198, в Козельске – 613, в Сухиничах – 620 [5, л. 1]. Как видно, почти все восстановленные точки размещались на территории, освобожденной еще в 1942 году. Важнейшей проблемой развития радиосети стало отсутствие электроэнергии. Осенью 1943 года ее имело только 7 городов области (Вязьма, Гжатск, Козельск, Сухиничи, Мещевск, Медынь и Мосальск). В связи с этим радиоузлы работали на собственной энергобазе от сухих батарей. Такой узел мог обеспечить максимум 50–60 точек. Однако большинство радиоузлов в этот период было еще менее мощными. Так, в 43 райцентрах радиоузел состоял из обычного 6-ваттного приемника, который обеспечивал работу только 10 точек. В 9 райцентрах радиоузел имел мощность 12–25 ватт, то есть был рассчитан на 60–120 точек. Более мощные узлы имелись только в Кондрове, Вязьме и Гжатске. В Смоленске действовал передвижной радиоузел, который обслуживал 70 точек, в том числе 2 уличных репродуктора. Вещание осуществлялось всего 3–4 часа в день, смоляне могли слушать сообщения Совинформбюро, «Последние известия», обзор газеты «Правда». Кроме Смоленска собственные передачи осуществлялись в 14 районах [5, л. 5].

Особое значение придавалось созданию мощного радиоузла в Смоленске. Он возобновил свою работу 18 ноября 1943 года. Первоначально его мощность составляла 500 ватт, но затем была значительно увеличена. Увеличивалось и собственное вещание смоленского радио. В начале 1944 года оно составляло уже 45–60 минут в день. Передачи включали в себя «Последние известия», обзор «Рабочего пути» и выступления. В ян-

варе 1944 года по радио выступило 4 человека, в феврале – 18, в марте – 8, в апреле – 30. Среди выступавших были секретарь Заднепровского райкома Васюрин («Как трудящиеся района борются за восстановление хозяйства») и директор льнокомбината Павлов («Как восстанавливается льнокомбинат»). С апреля смоленское радио начало передавать концерты. По радио выступал ансамбль смоленского Дома Красной армии и (дважды) ансамбль Белорусского военного округа [5, л. 43].

С декабря 1943 года свое вещание (45 минут в день) возобновилось в Вязьме, Кондрове, Медыни. С января 1944 года возобновили вещание Юхнов и Новодугино, а с апреля еще 8 районов. Постепенно формировались редакции. В их состав вошли как смоляне, так и прибывшие из других областей. Областные передачи с 1945 года передавались один час в день, с 6 до 7 часов вечера. Всего за 1945 год в эфир было передано 600 различных материалов, у микрофона выступило 200 человек. Большинство материалов касалось, разумеется, войны. Так, 67 передач были с фронта, в 50 выступлениях рассказывалось о зверствах оккупантов, 40 были посвящены партизанам. В годовщину освобождения выступило с рассказом о боях под Смоленском 10 человек. В то же время ряд передач был посвящен прошлому Смоленска (Д.П. Маковский – 12 выступлений), передавались научные лекции (лектор Московского планетария Ларионов – 5 выступлений). Возобновились также передачи для школьников и малышей. С концертами выступал не только хор имени Пятницкого, но и детский сад № 3 города Смоленска [6, л. 3, 6, 9].

На 1 апреля 1944 года по области действовала 6021 радиоточка. Быстро увеличивалось количество трансляционных точек во вновь освобожденных городах и районах. Так, в Смоленске было 465 точек и еще 20 уличных динамиков, в Вязьме – 424 точки, в Гжатске – 289, в Починке – 125, в Сычевке – 120, в Дорогобуже – 65, в Рославле и Ярцеве – по 58. Но в районах, освобожденных еще в 1942 году, трансляционных точек было больше (Кондрово – 997, Козельск – 810). В целом по области трансляционные точки размещались очень неравномерно. Если в 15 крупных городах и районах было 4713 точек, то в 39 мелких райцентрах – только 1308 [5, л. 45].

К августу 1944 года в Смоленской области действовало 9 радиоредакций, 54 радиоузла и 8279 трансляционных точек. Изменения в сети были связаны с территориальными изменениями. Летом 1944 года часть районов из Смоленской области передали вновь образованным Калужской и Великолукской областям. Например, Калужской области было передано 5 радиоредакций, 13 радиоузлов и 3860 радиоточек [5, л. 47]. В Смоленской области относительно мощные радиоузлы были созданы только в 10 районах (Смоленск – 1015, Вязьма – 532, Гжатск – 361, Починок – 202, Ярцево – 182, Сычевка – 148, Новодугино – 109, Рославль – 96, Ельня – 74) [5, л. 49]. В остальных 30 районах были 6-ваттные узлы, по существу улучшенные радио-

приемники, которые обслуживали 20–40 точек. Так, в Батуринском районе было всего 29 точек, в Пречистенском – 25. Основной задачей областного радиокомитета являлось не только восстановление Радиодома, но и создание мощных радиоузлов во всех районах области.

Большое значение для пропаганды имел тот факт, что с апреля 1945 года все районы области получили возможность слушать областное радио. Основной заботой радиокомитета было скорейшее увеличение количества радиоточек. На 1 января 1945 года насчитывалось 7715 трансляционных точек, из них 1308 – на селе. В Смоленске было создано 1990 точек. В области действовало также 40 радиоприемников (в редакциях газет, на предприятиях). Среди индивидуальных приемников, а только зарегистрированных насчитывалось 876 [6, л. 19], часть – трофейные. Кроме того, в области действовало 10 радиолюбителей [6, л. 67]. Свои редакции появились в Сычевке, Ельне и еще в 8 районах области. Особенно выделялась Починковская редакция, которую возглавляла Голинкина. Ее актив составлял 20 человек. Свои активы имелись в редакциях в Ярцеве, Вязьме, Новодугине. Проблемой осталось качество не только самих передач, но и связи. Так, по телефонным проводам удавалось передавать материал только в 8 районов области, остальные принимали их по приемникам. В связи с этим качество передач оставляло желать лучшего. Среди поставляемых в область репродукторов было много неисправных. Так, в Ярцеве из 60 работала только половина [6, л. 44]. Кроме государственных действовало 14 ведомственных радиоузлов. Чтобы улучшить работу, необходимо было не только увеличить число радиоточек, а их число в 1945 году составляло 28,5% от довоенного числа, но и построить новые радиоузлы, создать редакции. Одним из препятствий для развития радиовещания в это время становился низкий уровень электрификации области.

В годы четвертой пятилетки перед радиокомитетом стояла задача завершить радиофикацию всех городов и районных центров области. Планы радиофикации предусматривали установку 1000 точек в квартал на всю область, или 3–5 точек в 10–15 районах в месяц. Однако даже официально эти планы считались заниженными и значительно перевыполнялись. Так, если на 1 января 1946 года по области насчитывалась 10 331 радиоточка, то через год – 14 484, а на 1 января 1948 года – уже 20 025 [8, л. 33]. Фактически уже к 1950 году по числу радиоточек (38 352) область восстановила довоенный уровень. Однако надо учитывать, что только 1/3 точек размещалась на селе [11, с. 103]. Причем в некоторых районах в деревнях было меньше 100 радиоточек (Издешковский – 8, Велижский – 24, Духовщинский – 26, Ельнинский – 40, Демидовский – 65, Хиславичский – 94). Правда, в районных центрах и здесь насчитывалось более 300 точек. А больше всего радиоточек было в Смоленском (749), Монастырщинском (648) и Новодугинском (500) районах. В двух последних – с учетом райцентров. Таким образом, радиофицировали, главным образом, только крупные населенные пункты. На VI областной

партконференции отмечалось, что на селе радио имеют менее 10% домов [15]. Фактически только в конце 1949 года была поставлена задача радиофицировать все избы-читальни и клубы области. Всего к 1950 году было радиофицировано 106 колхозов, 14 совхозов и 37 МТС [19, с. 175]. Особенно быстро росло число радиоточек в городах области. Так, в Смоленске в 1950 году их насчитывалось 12 739 (фактически каждая третья), в Вязьме – 2849, в Рославле – 2672, в Ярцево – 1695, в Сафоново – 700 [11, с. 103].

В то же время сохранялась проблема низкого качества поступающей продукции. Так, в 1947 году в Рославль завезли 30 приемников, из них работали только 15. Такая же ситуация была в Велиже и Сафонове. Всего по 11 районам из 311 приемников не работало 112 [8, л. 19]. По этой причине приемники стали собирать на месте силами участников радиотехнических кружков. Собирая радиоприемники, обычно в школах или при Домах культуры, радиолюбители создавали условия для полной радиофикации своих колхозов и сельсоветов. Так, в Исаковской средней школе (Вяземский район) учащиеся в 1947 году выступили с инициативой сплошной радиофикации района. Был создан кружок радиолюбителей – 80 участников. Эта инициатива получила поддержку в обкоме партии, где было принято специальное постановление «Об опыте работы Исаковской средней школы по радиофикации колхозов». Только за 1948 год было сделано 319 приемников, радиофицировано 2 колхоза, 203 дома. Руководитель кружка учитель физики М.И. Соколов был награжден значком «Почетный радист» и получил благодарность ОблОНО, а сам кружок награжден премией – 3000 рублей [14]. О местных радиолюбителях даже сняли документальный фильм. Почин исаковцев был поддержан в других районах. Только в 1949 году митьковские радиолюбители (Вяземский район) собрали и установили 120 радиоприемников [1, с. 157].

Совершенствовалась и работа радиоредакций. Первоначально, к 1945 году, они были созданы в 28 районах, однако средств и кадров не хватало, поэтому в 1946 году были упразднены 9 редакций, в 1948 – еще 5, свои радиоредакции сохранились только в 13 районах. Лучшими считались радиоредакции в Вязьме, Рославле и Ярцеве [7, л. 2]. Размещались они, как правило, вместе с другими организациями, в редакциях районных газет или в парткабинетах при райкомах [7, л. 23]. Местные передачи выходили в эфир дважды в день, утром и вечером, по 15 минут. Причем иногда из-за плохой подготовки и этого времени было более чем достаточно. Так, 21 апреля 1947 года местная передача в Сычевке продолжалась всего 10 минут. Среди материалов местных радиостудий много было «необработанных» [7, л. 52]. Даже в числе передач областного радио, особенно литературно-художественного вещания, было много слабых идейно и художественно [9]. Однако постепенно эти проблемы разрешались, качество вещания постоянно росло. Образцом здесь выступало областное радио.

Одним из факторов, сдерживавших развитие радио в первые послевоенные годы, оставалась недостаточная мощность радиотрансляторов. Так, в 1947 году 15 районов области (восточные и центральные) не имели возможности принимать передачи областного радио или качество приема было очень низким. Только с завершением строительства в 1948 году мощного транслятора в Смоленске эту проблему удалось решить. Всего в 1948 году областное радио дало в эфир 731 передачу. Большая часть передач была посвящена сельскому хозяйству (247) и политической жизни (65), еще 47 рассказывали о выборах. В то же время было выпущено 45 литературных и 48 музыкальных программ. Начиная с 1948 года стали выходить литературно-музыкальные альманахи (9 выпусков), в которых принимали участие только местные авторы. Всего у микрофона выступило за год 539 человек [7, л. 19]. В годовом отчете радиокомитет отметил, что передачи или информация о Смоленске, Вязьме, Рославле, Ярцеве были представлены в эфире ежедневно, 10–12 раз в месяц говорилось о Починке, Ельне, Каспле, Кармановe, Красном, а вот о событиях, происходящих в Темкинском, Сычевском, Глинковском, Батуринском, Семлевском, Слободском и Издешковском районах (фактически самых отсталых и экономически слабых), только 1–3 раза в месяц [7, л. 21]. Однако это был большой успех. Для примера, в 1946 году за август – октябрь из 38 районов областное радио освещало жизнь только в 12 [13].

Постепенно улучшалось и качество передач. Так, актриса драмтеатра Т.А. Калачевская занималась с дикторами, она организовала в театре кружок художественного слова.

За содержанием передач строго следили. Всесоюзный радиокомитет указал смолянам, что «вместо популяризации положительных явлений и фактов, изо дня в день передаются статьи, сплошь состоящие из отрицательных фактов» [7, л. 28], то есть в своих репортажах корреспонденты рассказывали о тяжелом положении области, разрушенной в ходе войны. Тоталитарный режим в апогее сталинизма считал, что рассказы о трудностях негативно влияют на сознание советского человека, поэтому следовало приукрасить действительность. И меры были приняты. «Со 2 мая 1948 года отрицательные материалы в эфир не передаются». Фактически с этого момента смоляне получали искаженную информацию, рассказывающую только об успехах. Считалось, что необходимо создавать у населения положительные эмоции. Радиовещание становилось элементом пропагандистской машины. Информацию заменяла пропаганда.

В то же время происходит стабилизация вещания. Создается относительно четкая сетка передач. 24 сентября 1950 года газета «Рабочий путь» впервые опубликовала программу радиопередач Смоленского областного радиокомитета на неделю [16]. Большинство этих передач было посвящено очередной годовщине освобождения области. Затем такую программу стали печатать практически регулярно, обычно в воскресном выпуске.

Таким образом, уже к концу четвертой пятилетки по числу радиоточек Смоленская область превзошла довоенный уровень. Но, несмотря на достигнутые результаты, темпы восстановления и здесь были медленнее, чем в соседних областях. Так, в Калининской области в 1950 году насчитывалось 119,1 тысячи радиоточек (втрое больше) [9, с. 104].

Надо отметить, что с начала 1950-х годов значительно увеличились темпы радиофикации. Если в 1950 году в Смоленской области насчитывалось 38 352 радиоточки, в том числе 10 999 на селе, то уже в 1956 году – 124 650, в том числе более 70 000 на селе [11, с. 103]. Таким образом, число точек выросло в три раза, а на селе почти в семь раз. Совершенствовалась и работа радиоредакций. Так, передачи областного радио (они выходили 40 минут утром и 30 – вечером) проходили по определенной программе. После «Последних известий» по понедельникам проводились беседы на общественно-политические и естественнонаучные темы, по вторникам выходил журнал «Стахановец» для работников промышленности и транспорта, по средам – передачи для молодежи, по четвергам – для работников сельского хозяйства, по пятницам – для пионеров и школьников, по субботам – литературно-музыкальные программы. При этом из-за недостатка корреспондентов многие передачи, особенно по сельскому хозяйству, выходили неоперативно. Иногда в них расхваливались те хозяйства, которые вообще не были передовыми. За это смолян критиковала Москва: в 1952 году в бюллетене Комитета радиоинформации при Совете Министров СССР были опубликованы критические «Заметки о сельскохозяйственных передачах Смоленского радио» [17]. В работе местных радиоредакций наблюдалось еще больше проблем. Например, в Вязьме больше половины времени занимали обзоры местной газеты. Часто передавали все материалы, опубликованные в номере без всякого отбора и обобщения. Остальное время рассказывали о работе железнодорожного узла, поскольку почти весь авторский коллектив редакции составляли его руководители.

Таким образом, уже к началу 1950-х годов распространение радиовещания в Смоленской области превзошло довоенные показатели. При этом его темпы были ниже, чем в соседних областях. Это связано с более медленным восстановлением области в целом вследствие огромных разрушений. Понимая значение радиовещания как средства пропаганды, его стремились наладить в первую очередь. Одновременно в рамках общегосударственной политики усиливался контроль за содержанием передач. Даже репортажи, отражавшие реальные трудности восстановления, постепенно исчезали из эфира, уступая место пропагандистским материалам. Эта тенденция сохранится в течение всего советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязьма (Очерки по истории с древнейших времен до наших дней) / Д.П. Маковский [и др.]. Смоленск: Смол. книжное изд-во, 1953.

2. Глейзер М.С. Радио и телевидение в СССР. Даты и факты (1917–1986). М.: Искусство, 1989.

3. Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – начале 1930-х годов. Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000.

4. Горяева Т.М. Великая книга дня. Радио и социокультурная среда в СССР в 1920–1930-е гг. // Советская власть и медиа: сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2006.

5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 3574. Оп. 1. Д. 4.

6. ГАСО. Ф. 3574. Оп. 1. Д. 9.

7. ГАСО. Ф. 3574. Оп. 1. Д. 35.

8. ГАСО. Ф. 3574. Оп. 1. Д. 70.

9. Калининская область за 50 лет в цифрах: статистический сборник. М., 1967.

10. Мурашов Ю. Электрифицированное слово. Радио в Советской литературе и культуре 1920–1930-х годов // Советская власть и медиа: сб. статей под общ. ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2006.

11. Народное хозяйство Смоленской области в 1957 году: статистический сборник. Смоленск: Смол. книжное изд-во, 1958.

12. Рабочий путь. 1943. 17 октября.

13. Рабочий путь. 1946. 16 ноября.

14. Рабочий путь. 1949. 19 ноября.

15. Рабочий путь. 1950. 2 апреля.

16. Рабочий путь. 1950. 24 сентября.

17. Рабочий путь. 1953. 2 июля.

18. Радиожурналистика / под ред. А.А. Шереля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

19. Смоленщина советская. М.: Московский рабочий, 1967.

20. Шуляков В.А. Деятельность местных органов Советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.) (на материалах Смоленской, Калининской и Калужской областей): дис. … канд. ист. наук. Смоленск, 1978.

I.B. Krasilnikov

Restoration of Radio Broadcasting in Smolensk Region in 1943–1953

Key words: *Smolensk regin; Great Patriotic War; post-war reconstruction; radio; early postwar years; totalitarianism.*

The article is devoted to the restoration of radio broadcasting in Smolensk region during the Great Patriotic War and in the early postwar years. Insufficient understanding of the issue in historiography is noted. The process of recovery of broadcasting is analysed as part of the restoration of cultural institutions, and also as a means of enhancing the communist propaganda and total control.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.П. Сенченков
Смоленский государственный университет

УДК 373

П.П. Блонский о работе с психологически недоразвитыми детьми

Ключевые слова: *психологически недоразвитые дети; школа; воспитание; П.П. Блонский.*

В статье рассматриваются вопросы работы психологов, педагогов, родителей с психологически недоразвитыми детьми как легко внушаемыми, слабовольными и слабохарактерными людьми. П.П. Блонский обращает внимание на реалистическое воспитание детей, приучающее их практикой контролировать свои фантазии.

Данная статья продолжает ряд публикаций, посвященных проблематике трудных школьников, разрабатываемой выдающимся советским педологом П.П. Блонским (1884–1941) в 20–30-е годы XX века. Революционные потрясения, гражданская война и мероприятия социалистического строительства выдвинули на передний план психолого-педагогической науки задачу воспитания человека новой эпохи, борца за светлое будущее всего человечества. И в этом плане важно было изучить закономерности развития будущего строителя коммунизма во всей его широте, беря это развитие таким, каким оно получается благодаря совокупности взаимоотношений ребенка с окружающей его средой на всем протяжении развития, на «всем жизненном просторе». П.П. Блонский отмечал, что «жизнь требует самообладания, реализма, активности и сильной воли. Если школа хочет готовить ребенка к жизни, она должна его делать сильным в жизни, а для этого она должна выработать и укрепить в нем вышеперечисленные качества. С другой стороны, ребенок не только готовится к жизни. Он живет. Его текущая жизнь проходит частью в семье, частью в школе. Жизнь одного ребенка проходит легко, другого – трудно» [1, с. 37].

Проблема заключалась в том, что теория «оторвалась от практики», выявлявшей в детской среде продукт социальных потрясений – психологически недоразвитых детей. П.П. Блонский ставил как раз задачу не просто описать ребенка данной группы, а определить конкретный вектор вывода данного ребенка (нервно-слабого. – *прим. П.П. Блонского*) на путь укрепления его воли, развертывания самодеятельности и инициативы, так

как «всякое подавляющее воспитание, всякие депрессивные меры воздействия очень вредны для этих детей» [Там же, с. 36].

Ученый отмечал: «…когда я наших психологически недоразвитых детей назвал слабыми детьми, а между тем в этом нет ничего удивительного: ведь, уже издавна неустойчивого, легко внушаемого человека зовут слабовольным, слабохарактерным человеком; уже издавна видят признак слабости в том, что человек не владеет своими чувствами и эмоциями; уже давно мечтательность сближают с расслабленностью. Значит, ничего особенно нового мы не вводим, называя наших детей слабыми. Конечно, слабость здесь надо понимать в психологическом смысле, как психологическую слабость. Если угодно, можете называть эту слабость нервной или мозговой слабостью в смысле слабости нового мозга, вследствие чего имеет место как бы растормаживание деятельности мозгового ствола» [Там же, с. 37].

Говоря о слабовольности, слабохарактерности таких детей, П.П. Блонский задается вопросом: что же является специфически вредным для них? Рассуждая по этому поводу, ученый констатировал, что типичные признаки подобных детей – эмоциональная несдержанность, отрыв от реального мира, внушаемость и неустойчивость характера. А это значит, заключает П.П. Блонский, специфически вредным является все то, что еще больше укрепляет эти недостатки. Согласно его точке зрения, «эмоционально развинчивающее воспитание – яд для таких детей. Наоборот, моторное воспитание, спокойная уравновешенная атмосфера, в которой рос бы и развивался ребенок, очень полезны для него. Столь же вредно все, развинчивающее фантастичность ребенка и способствующее отрыву его от реального мира. Всякие страшные сказки справедливо осуждены современной педагогикой, а для этих детей они в особенности вредны» [Там же, с. 36].

Следовательно, П.П. Блонский заключает: подобные дети нуждаются в реалистическом воспитании. Ученым данное воспитание понимается не как максимально «наглядное обучение», так как «только созерцание, даже очень реальных явлений, не принесет им много пользы. Наоборот, благодаря их эйдетизму, оно рискует еще больше обогатить их фантазию яркими наглядными образами, подбросить, так сказать, дрова в огонь их фантазии» [Там же, с. 36].

П.П. Блонский четко обозначил позицию ученых-педологов по этому вопросу: радикальным лекарством против фантазий детей являются практика, практическое воспитание, приучающие ребенка контролировать свои фантазии. Ученый призывает и родителей, и воспитателей, и учителей стремиться к тому, чтобы ребенок благодаря своей практической деятельности оказался перед лицом объективной действительности, так как воспитание, основанное на внушении, лишь укрепляет и без того чрезмерную внушаемость данных детей. Как заключает ученый, такое воспитание лишь культивирует их бессилие, и, наоборот, воспитание, развертывающее

самодеятельность и инициативу, – самое лучшее и полезное. Практический совет, который дает П.П. Блонский родительско-учительскому сообществу, заключается в том, чтобы не подавлять волю ребенка, а укреплять ее. «Всякое подавляющее воспитание, всякие депрессивные меры воздействия очень вредны для этих детей», – заключает ученый [Там же].

Исходя из данных положений, П.П. Блонский делает вывод: моторное и практическое, то есть трудовое воспитание, спокойная обстановка и развитие самодеятельности – вот самые действенные и полезные способы и средства решения проблемы вредных влияний на психологически недоразвитых детей, оторванных от реальной практической жизни, со ставкой воспитателя на их внушаемость и всякого рода подавляющие меры воздействия.

Большое внимание в решении данной проблемы П.П. Блонский уделяет школе, так как «в школе ребенок не просто учится. В школе ребенок живет, живет изо дня в день, и если не весь день он живет в ней, а всего лишь, примерно, четверть своей бодрствующей жизни… и четверть дня – большой кусок жизни…, очень интенсивной жизни, когда ребенок находится под определенными требованиями школы и интенсивными педагогическими воздействиями» [Там же, с. 37–38].

П.П. Блонский констатирует, что интенсивность школьной жизни усиливается еще тем, что в это время ребенок общается с массой людей, в первую очередь со своими одноклассниками и учителями, которые также влияют на него. Исходя из этого, ученый делает вывод, что школьная жизнь с ее кодексом поведения ребенка в школе, с ее многочисленными общественными взаимоотношениями, с ее преимущественно интеллектуальной работой, и есть самая трудная часть детской жизни. Поэтому для слабого ребенка она становится непосильно трудной. А это ведет его по пути неудач. «То, в качестве эмоционально несдержанного ребенка, он попадает в число дезорганизаторов. То, в качестве умственно-недоразвитого, он становится неуспевающим учеником. То, в качестве легко внушаемого или моторно неловкого, он делается предметом злоупотреблений и насмешек», – резюмирует ученый [Там же, с. 38].

Школьная жизнь слабого ребенка все время сопровождается спотыканиями, а иногда и серьезными падениями. В борьбе с трудностями жизни он не в силах пользоваться тем оружием, которым пользуются сильные дети: в его руках это оружие не имеет силы. Поэтому он прибегает к другому оружию, то есть создает свои специфические приспособления. В научных работах [2] П.П. Блонский выделил характерные черты слабого ребенка, например, его уход от борьбы: он под всякими предлогами уклоняется от нее и ее трудностей, в отличие от сильного ребенка, встречающего проблемы школьной жизни лицом к лицу, вступающего в борьбу с ними.

П.П. Блонский отмечает: «Наши слабые дети обычно недооценивают трудностей и переоценивают свои собственные силы. Эмоционально

несдержанный ребенок нередко производит впечатление самоуверенного или хвастуна. Для слабого все пустяк – если не всегда, то часто именно таким образом обстоит дело. Излишняя самонадеянность и переоценка своих сил или просто неотдавание себе отчета в своих делах, трудностях и ошибках – характерные черты этих детей» [1, с. 38–39].

Кроме этого ученый подчеркивал еще одну особенность слабого ребенка – всяческое избегание трудностей. П.П. Блонский пишет: «Просмотр многих ошибок в письменных работах нескольких десятков сильных учеников выявил очень интересный факт: огромный процент ошибок приходится на долю пустяковых ошибок, так называемых “случайных” или “по рассеянности”. Это показывает, что сильный ученик сосредоточивает свое внимание на трудностях, почему, как это ни парадоксально, нередко “режется” на пустяке» [Там же, с. 39]. Совершенно иная ситуация складывается вокруг слабого ученика. Как замечает ученый, «…слабый ученик в своей работе поражает тщательным обходом затруднений. Он всячески пропускает или затушевывает их… эти дети мало тяготятся противоречиями и мало стремятся преодолеть эти противоречия. Отвечая урок, они могут утверждать прямо противоположные вещи в одном и том же рассказе. Они слабо чувствуют логические и фактические противоречия» [Там же].

Ученым была выявлена еще одна важная особенность в поведении слабого ребенка: он равнодушен к неудачам, последние мало огорчают его. При этом у такого ребенка есть ряд «лекарств», при помощи которых он переживает свои неудачи как удачи. Мечты отвлекают ребенка от действительности, заставляют его забыть реальный мир, не работать над улучшением его, а довольствоваться воображаемым суррогатом. П.П. Блонский подчеркивает: «Такие мечты – не стимулы к преобразованию реального несовершенного мира, а своеобразные наркотики. Как взрослый порой ищет забвенья в алкоголе, так наш слабый ребенок ищет забвенья в такой мечте-наркотике» [Там же, с. 40]. Ученый задается вопросом: как добиться, чтобы у ребенка не было таких грез? Решение проблемы он видит в устранении самой причины, вызывающей потребность в таких грезах и заключающейся в тяжелой, непосильной жизни, неудачах, создающих для ребенка отчаянное положение. А это значит, по мысли П.П. Блонского, надо, чтобы работы, даваемые ребенку, и требования, предъявляемые к нему, были посильны. «Надо так организовать обучение и задания, чтобы дети могли выполнить их хорошо. Удача очень подымает человека, а неудача нередко портит, деморализует его», – констатировал ученый [Там же].

И еще одну проблему высветил П.П. Блонский, рассматривая вопросы психологически недоразвитых детей: как изменить к лучшему условия жизни ребенка дома или дать ему не фантастическую, а реальную возможность уходить в более здоровую и бодрую жизнь вне дома, например клуб или отряд. По мысли ученого, воспитание должно быть бодрым,

укрепляющим ребенка, не внушающим страх перед жизнью, а, наоборот, развивающим желание жить. Нет ничего хуже и отвратительней воспитания, запугивающего ребенка, и нет ничего вреднее непосильных заданий, где он может только делать ошибки и терпеть неудачи. Задача педагога как раз и заключается в том, чтобы дать детям возможность почувствовать свои силы. Воспитание должно открывать ребенку виды на будущее и делать настоящее предметом их интереса.

Высказанные П.П. Блонским идеи не потеряли своей актуальности и в настоящее время, когда, как отмечал вице-президент РАО Д.И. Фельдштейн, «…мы имеем практически только совокупность в том числе значимых, но часто противоречивых данных, наблюдений, представлений, фиксирующих реальные изменения, и одновременно сложную ситуацию развития современного человека. Например, с одной стороны, отмечается рост его самосознания, самоопределения, критического мышления, а с другой – прослеживаются его неуверенность, напряженность, тревожность» [3, с. 12].

Мы констатируем, что в настоящее время изменилась социально-психологическая сфера ребенка, школьника, что объективно связано с происходящими изменениями в современной культурно-исторической среде, в том числе и в связи с дискредитацией многих нравственных ориентиров для подрастающего поколения. Поэтому-то и остро встала сейчас проблема осмысления именно современной среды, в которой не просто находится ребенок, а живет и развивается. Нам нужно понять, в каком мире, в каком пространстве и в каком детско-взрослом сообществе живет наш нынешний ребенок, какие требования объективно предъявляет к нему новая ситуация его развития, какие требования формулирует современное общество и государство. В этом плане ответы на вызовы нынешней эпохи мы можем найти в психолого-педагогических концепциях ученых-педологов начала XX века, в частности в трудах выдающегося отечественного ученого П.П. Блонского, призывавшего «урок расширить до жизни». Нам важно осознать, что ребенок действительно целостен, что это объективный факт развития его психики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П.П. Трудные школьники // Наука о развивающемся ребенке. М.: Прометей, 1990. 162 с.

2. Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. 304 с.

3. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Образование и наука. Екатеринбург: РГППУ, 2010. С. 12–18.

N.P. Senchenkov

P.P. Blonsky about the Work with the Psychologically Immature Children

Key words: *psychologically immature children; school; education; P.P. Blonsky.*

The article considers the work of psychologists, educators, parents with psychologically immature children; the latter are regarded as easily impressed and weak-willed people. The author pays close attention to realistic education of children which should be taught to practice control over their fantasies.

Г.Ф. Глебова
Смоленский государственный университет

И.Б. Мануилова
Смоленский государственный институт искусств

УДК 37.01

Русские философы о становлении личности и гуманизация образования

Ключевые слова: *русская философия; соборность; всеединство; личность; духовность; мировая гармония.*

Статья посвящена проблемам становления личности, нашедшим отражение в русской философской мысли. Обращается внимание на определение роли личности, ее высшей ценности в философии всеединства. Проанализированы некоторые аспекты концепции «соборной личности» как основы гармонизации отношений между личностью и обществом. Рассматриваются основные условия становления личности в рамках христианских ценностей, проблемы утверждения добра и любви в противовес злу и разрушению. Затрагиваются национальные аспекты становления личности, осмысленные русскими философами в рамках анализа особенностей русского национального самосознания. Идеи русских философов-гуманистов о становлении личности и гармонизации отношений в системе «Мир – Человек» рассматриваются как методологическая основа гуманизации образования.

Проблемы духовности человека, утверждения нравственных основ личности как никогда актуальны для российского общества. Не только в рамках «обыденного сознания», но и в научном сообществе современная социальная и духовная реальность нередко оценивается как «упадок нравов». Осмысление причин этого упадка и поиски путей их преодоления побуждают обратиться к духовному наследию русской философии. Именно в русской философии одно из центральных мест занимали проблемы становления личности, ее сущности, проблемы смысла и цели жизни человека, вопросы со-бытия общечеловеческих и национальных начал в личности. Имея непреходящее значение для становления духовности русского

народа, отечественная философская мысль в этом ключе выступает методологической основой перестройки системы образования, ориентированной на всемерное развитие личности, создание условий для ее самоопределения и самореализации.

С момента своего становления русская философия утверждает мысль о безусловной значимости, уникальности, самоценности личности. В концепции всеединства Вл. Соловьева особое место отводится Человеку, личности. Именно он, Человек, призван способствовать преодолению разобщенности природного мира, мира людей и Бога. «Всякий человеческий субъект, – писал Соловьев, – как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, – всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловное, незаменимое и слишком высоко оценить себя не может» [8, с. 138]. Будучи частью Единого, Человек не противостоит ему, но и не сливается с ним. Личность Вл. Соловьевым рассматривается в динамике, в процессе нравственного самосовершенствования, становления. Усилия личности в этом направлении и есть усилия по становлению всеединства. Высший смысл человеческому бытию придает не только работа над оформлением пространства собственной души, но и работа по совершенствованию внешнего мира, укреплению нравственных ценностей в окружающих людях. Ценность личности как деятельного творца в становящемся всеединстве утверждается в произведениях Е. Трубецкого, Л. Карсавина, П. Флоренского, С. Франка, других представителей философского направления всеединства. Человек, по Е. Трубецкому, «глашатай всеединства на земле», «носитель мысли вселенской, всеединой по форме, ибо всякий акт его сознания есть отнесение сознаваемого к всеединой истине, объемлющей все. Это сознание представляет собою всеединство в возможности; поскольку же оно познает и вмещает в себя истину, оно становится всеединством в действительности» [9, с. 135].

Подчеркивая значимость личности как цели бытия, русская философия пытается разрешить проблему ее взаимодействия с обществом, обозначить пути гармонизации отношений в системе Мир – Человек. Эти идеи нашли своеобразное преломление в концепции «соборного человека», гармонично взаимодействующего с миром природы, обществом, Богом. Соборный человек не мыслится вне общественного целого. Полностью раскрыться как личность он может, только будучи признанным обществом. «Изолированно мыслимый индивид, – писал С.Л. Франк, – есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» [11, с. 228]. Исходя из этого, смысл жизни личности рассматривался русскими философами как движение к себе, как путь все более глубокого самопознания, путь открытия своей сущности, индивидуальности через открытие своего единства с Миром, через общение и взаимодействие с ним.

«Истинная индивидуальность, – писал В. Соловьев, – есть некоторый определенный образ всеединства, некоторый определенный способ восприятия и усвоения себе другого. Утверждая себя вне всякого другого, человек тем самым лишает смысла собственное существование, отнимает у себя истинное содержание жизни и превращает свою индивидуальность в пустую форму» [8, с. 138]. По мнению С.Л. Франка, «…соборное единство образует жизненное содержание самой личности … Другие люди и общество, как целое, здесь не внешнее средство жизни, а именно ее внутреннее содержание, от богатства которого зависит расцвет и полнота самой жизни личности» [11, с. 61]. Непременным условием гармонизации отношений между личностью и обществом, считают русские философы, выступает высокий уровень ее нравственности, духовности, ее стремление утвердить любовь и добро в противовес злу и силам разрушения. Размышления русских философов о становлении соборной личности протекали в рамках христианского мировидения. Главный вопрос теодицеи о причинах существования зла в мире решался на основе утверждения свободы личности как ее сущности. «Личность есть активность, сопротивление, – утверждал Н. Бердяев, – победа над тяжестью мира, торжество свободы над рабством мира» [1, с. 14]. В качестве основного условия становления соборной личности рассматривал свободу и Е. Трубецкой. Он подчеркивал: «Оправдание свободы заключается именно в том, что без нее невозможно было бы дружество между Богом и тварью. Существо, лишенное свободы, т.е. возможности самоопределения, не могло бы быть свободным сотрудником Божиим, соучастником его творческого акта. А между тем таким именно и хочет Бог [видеть] своего друга» [9, с. 81].

Осмысливая процесс становления личности, русские философы выделяют в нем не только общечеловеческое, но и национально-особенное. Они подчеркивают глубокую духовность русского человека, его стремление познать правду жизни, тоску по абсолютному совершенству. В диалектическом единстве и взаимодействии раскрываются сильные и слабые стороны русской духовности. Максимализм русского человека, его стремление к абсолютному органически сочетаются с внутренней свободой, свободой духа. «Русскому человеку, – подчеркивал И.А. Ильин, – свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов» [7, с. 68]. Становление личности, ее самоопределение в пространстве мировой культуры, утверждали русские философы, возможно только на основе ее приобщения к культуре национальной, к духовному опыту народа. В противном случае наступает национальное обезличивание человека. «Воспитание детей, – писал И.А. Ильин, – есть именно пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление в нем их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов» [Там же, с. 24].

С русской духовной традицией, осмысленной русской философией, солидаризируется и отечественная педагогическая мысль. К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, К.Н. Вентцель и многие другие мыслители среди основных целей воспитания обозначали всемерное развитие у ребенка высоких нравственных качеств, духовной глубины, способности к гармоничному солидарному взаимодействию с миром. «Влияние нравственное, – указывал К.Д. Ушинский, – составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы» [10, с. 93]. В полном согласии с соборным мировидением находятся многие положения отечественной гуманистической педагогики. Так, К.Н. Вентцель утверждал, что «…теория свободного воспитания исходит из принципиального признания коренной гармонии между индивидуальностью, миром и человечеством», одну из задач воспитания он видит в следующем: «помочь данному индивидуальному ребенку поскорее дойти до сознания той естественной основной солидарности, которая существует между ним и миром, и чтобы он, по достижении последнего, сделал эту основную солидарность сознательно исходною точкой и базисом всей своей последующей жизни» [2, с. 39].

Восприятие личности в неразрывном единстве с миром нашло яркое отражение в установке отечественной педагогики на включение ребенка в общее интересное доброе дело, духовное общение с ним в процессе такой деятельности. Общее дело расценивалось как наиболее верный путь к сердцу ребенка, к развитию его лучших душевных качеств и творческих способностей. Так предлагал строить и строил воспитательный процесс С.Т. Шацкий. «По нашему глубокому убеждению, – писал он, оценивая опыт колонии «Бодрая жизнь», – начала творческой силы существуют почти у всех, – надо лишь создать для проявления ее подходящие условия» [12, с. 257]. Такой подход воплощал в жизнь в своей педагогической практике В.А. Сухомлинский. Подход этот получил обоснование в теории защитного воспитания выдающегося педагога-гуманиста. Защитное воспитание, по Сухомлинскому, направлено на залечивание «гнойников», образовавшихся в душе ребенка под воздействием неблагоприятного семейного воспитания.

С восприятием соборной личности как активного начала всеединства согласуется ориентация передовой педагогической мысли на превращение ребенка из объекта образовательно-воспитательного процесса в его субъект. Эти идеи нашли обоснование в трудах П.П. Блонского, Л.С. Выготского, К.Н. Вентцеля. Так, Л.С. Выготский писал, что «в основу воспитательного процесса должна быть положена личная деятельность ученика, и все искусство воспитателя должно сводиться к тому, чтобы направлять и регулировать эту деятельность» [3, с. 57]. Выстроить гармонические отношения в системе «Мир – Человек», считает гуманистическая философия, чрезвычайно сложно, если социализация осуществляется без учета высших потребностей личности, если взрослые не готовы посмотреть на ребенка «глазами вечности».

Итак, принимая во внимание высшую вечную ценность личности, гуманистическая педагогика определяет *основные принципы личностно ориентированной модели социализации*.

1. Система образования, процесс учения не должны нарушать, деформировать тонкую организацию личности ребенка. Недопустимы насилие, авторитаризм, диктат по отношению к нему.

2. Образовательная система призвана формировать среду, благоприятно влияющую на процесс познания ребенком своего внутреннего «Я», своих желаний, запросов. Такая среда должна помочь ребенку сделать выбор, наиболее естественный и соответствующий его природе.

3. Самореализация человека, достижение человеком своей целостности, его «очеловечивание» невозможны без самоактуализации. Ее развитие осуществляется в детстве. Образовательная среда должна поощрять этот процесс, создавая условия, в которых ребенок будет иметь успех и признание.

4. Именно ребенок выступает в качестве субъекта процесса учения. Его запросы и потребности определяют содержание, приемы и методы образования. Учитель и воспитатель – помощники ребенка на его пути к самообразованию и самовоспитанию.

5. Учитель не должен «играть роль», «казаться», он должен быть таков, каков есть. Тогда его отношения с учеником будут строиться на основе искренности, станут естественными. Взаимная симпатия, доброжелательность выйдут на первый план в процессе учения. Исчезнет страх ученика перед учителем и учителя перед учениками. Тот страх, который стоит непреодолимой стеной на пути гармонического взаимодействия людей друг с другом.

Представители русской философии и педагогики рассматривают гармонизацию отношений в системе «Мир – Человек» как желанную цель. Эту цель они считают достижимой. Решающую роль в ее достижении играют личности учителя и ученика, готовых познать себя, принять себя как таковых, устранив внутренний конфликт. Такие люди открыты миру, способны принять других безусловно, а не оценочно. Путь к внутренней и внешней гармонии лежит через гуманистическую модель социализации ребенка, где его личность признается высшей ценностью.

Таким образом, гуманистическая философская и органически связанная с ней психолого-педагогическая парадигма, определяющие основы становления личности, могут рассматриваться как методологическая основа личностно ориентированного обучения. Рассмотрев ранее отдельные стороны данной проблемы [4; 5; 6], подчеркнем, что сущностной характеристикой личностно ориентированного обучения является субъектность ученика, обладающего правом выбора пути развития. Именно такие условия, условия свободы, рассматривались русской философией как оптимальные для становления личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
2. Вентцель К.Н. Теория свободного воспитания и идеальный детский сад // Вентцель К.Н. Антология гуманной педагогики. М.: Педагогика, 1999. 214 с.
3. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1990. 489 с.
4. Глебова Г.Ф. Генезис личностно ориентированного обучения: проблема личности и человеческого бытия в педагогических идеях философов-гуманистов // Педагогическое образование в международном контексте: традиции и современный взгляд в будущее: сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Каплунович. Великий Новгород, 2013. С. 11–19.
5. Глебова Г.Ф. Личностно ориентированное обучение в контексте педагогических идей философов-гуманистов // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2(26). С. 418–427.
6. Глебова Г.Ф. Проблемы гармонизации отношений в системе «Мир – Человек» // Вестник Новгородского государственного университета. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2014. № 79. С. 19–27.
7. Ильин И.А. О национализме // Ильин И.А. Для русских. Избранное. Смоленск: Посох, 1995. 416 с.
8. Соловьев В.С. Смысл любви. М.: Современник, 1991. 526 с.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
10. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании // Ушинский К.Д. Антология гуманной педагогики. М.: Педагогика, 1998. 222 с.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.
12. Шацкий С.Т. Избранные педагогические сочинения. В 2 т. М., 1980. Т. 1. 304 с.

G.F. Glebova, I.B. Manuilova

The Problems of Personality Formation in Russian Philosophy

Key words: *Russian philosophy; catholicity; unity; personality; spirituality; world harmony.*

The article is devoted to the problems of personality formation, reflected in Russian philosophical thought. Attention is drawn to the definition of the role of the individuality, its supreme value in the philosophy of total unity. Some aspects of the «collegiality personality» concept, considered as the basis for harmonization of relations between the individual and society, are analyzed. Attention is drawn to the definition by Russian philosophers of the basic conditions for the formation of a personality within the framework of Christian values, the problems of affirming kindness and love as opposed to evil and destruction. The national problems of individuality formation are touched upon, as viewed by Russian philosophers within the framework of the peculiarities of Russian national self-consciousness. The ideas of Russian humanist philosophers about the formation of the personality and the harmonization of relations in the «World – Man» system are regarded as the methodological basis for the humanization of education.

А.А. Давыдова
Смоленский государственный университет

УДК 37.013.42

История деятельности Пречистенского сельского сиротского приюта в Смоленской губернии

Ключевые слова: *история призрения сирот; социальная педагогика; сельский сиротский приют; социальная политика в России.*

В статье рассматривается деятельность Пречистенского сельского сиротского приюта Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны Духовщинского уезда Смоленской губернии в начале XX века. Описываются условия приема сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, цели и обязанности Попечительства данного приюта, особенности обучения и воспитания детей в действующих при приюте Народном училище и Школе кустарных изделий.

Традиционно выделяют несколько основных этапов становления и развития благотворительности и политики социальной защиты детей в России, одним из которых является период с 60-х годов XIX до начала XX века. В это время наибольшую значимость приобрели общественные филантропические организации, важное место среди которых занимали учреждения императрицы Марии Федоровны. Благодаря тому, что особое внимание уделялось воспитательным домам, в России постепенно формировалась сеть благотворительных учреждений и учебных заведений, совершенствовались механизмы призрения детей-сирот и беспризорников. Помимо этого, социальная защита охватывала также и детей с физическими недостатками: были открыты приюты для глухонемых, слепых детей, детей-инвалидов, где они могли получить образование и обучаться различным ремеслам [1].

На территории Смоленской губернии вплоть до 1917 года действовало губернское попечительство о детских приютах, а также местные уездные попечительства, в ведомстве которых находились уездные сиротские и детские приюты. Одним из таких заведений, ежегодно отчитывающихся перед Смоленским губернским попечительством, был Пречистенский сельский сиротский приют ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны Духовщинского уезда Смоленской губернии, основанный 6 декабря 1896 года [3–5].

В соответствии с уставом, утвержденным в 1900 году сенатором П.М. Фон-Кауфманом на основании Положения о приютах от 18 июля 1891 года, целями данного заведения были следующие [6, с. 28].

1. Призрение малолетних сирот крестьянского сословия до тех пор, пока они не будут в состоянии «доставлять себе средства к жизни

собственным трудом», при этом предельным сроком их пребывания в приюте являлся 16-летний возраст.

2. Религиозно-нравственное воспитание сирот.

3. Обучение сирот согласно программе, утвержденной министром народного просвещения для народных школ. Обучение осуществлялось в собственной школе приюта или, пока таковая еще не была построена и обустроена, в одном из ближайших училищ, как правило, в Пречистенском земском училище.

4. Обучение сирот ремеслам в самом приюте.

5. Помощь в сохранении имущества сирот, оставшегося после их родителей или родственников.

6. Содействие в поиске работы для выпускников приюта, а также учреждений для их дальнейшего академического или ремесленного обучения.

7. В случае необходимости – оказание материальной или денежной помощи неимущим сиротам, не проживающим в приюте.

Местное заведование приютом возлагалось на Духовщинское попечительство, куда входили все волостные старшины первого земского участка Духовщинского уезда, председатели входящих в состав участка приходских попечительств и выборные на три года от волостных сходов (не менее двух от каждой волости), местный врач и заведующий местным училищем. При этом, согласно Положению от 18 июля 1901 года, почетными членами попечительства могли быть избраны лица, которые желают «содействовать поддержанию приюта и принимают на себя обязательство» вносить в пользу приюта не менее 50 рублей в год. В то же время пожизненными почетными членами попечительства могли стать и те, кто не вносил обязательные ежегодные платежи, но оказал особо важные услуги приюту, в частности, единовременно внес крупную сумму пожертвований или постоянно трудился на пользу приюту [6, с. 29].

Состав попечительства приюта также включал председателя (он же – попечитель приюта), пречистенского волостного старшину и двух членов попечительства, возглавляющих хозяйственное отделение, земского врача, контролирующего санитарное и гигиеническое состояние, и смотрителя, осуществляющего непосредственный надзор за приютом, в введении которого находились все прочие служащие, воспитанники и прислуга. На должность смотрителя могли быть назначены лица как женского, так и мужского пола. В обязанности смотрителя входил бдительный надзор за находящимися в приюте детьми, их нравственностью, учебой, работой, играми, питанием, состоянием одежды и обуви, соблюдением чистоты и порядка в помещениях, а также за исправным выполнением прислугой своих обязанностей [6, с. 33].

С другой стороны, документ прописывал обязанности Духовщинского попечительства, включавшие следующее [6, с. 30–31]:

1) проверку с помощью избираемой ревизионной комиссии денежных и материальных книг, отчетов, составляемых как смотрителем

приюта, так и хозяйственным отделением попечительства, а также утверждение этих отчетов;

2) составление общего отчета о деятельности и расходах приюта за каждый истекший год, утверждение сметы на следующий год, сообщение данной сметы всем волостным сходам и представление отчета через Духовщинское уездное попечительство детских приютов Смоленскому губернскому попечительству приютов и главноуправляющему канцелярией по учреждениям императрицы Марии;

3) определение жалования сотрудникам приюта;

4) составление инструкций для внутреннего распорядка в приюте и представление их на утверждение Духовщинского уездного попечительства приютов;

5) прием сирот и определение размера пособий тем из них, кто не проживает в приюте;

6) рассмотрение заявлений, подаваемых членами уездного и губернского попечительства, при посещении ими приюта;

7) поиск временной работы, преимущественно в летний период, для трудоспособных сирот, проживающих в приюте, и постоянного занятия для выпускников.

Кроме того, с разрешения попечительства частные лица в летний период могли брать сирот для посуточной или месячной сельскохозяйственной работы. В этом случае заработанные деньги поступали в личное пользование сирот. Таким образом, каждый воспитанник владел собственными деньгами. Суммы варьировались от 5 до 115 рублей и хранились в сберегательных кассах Государственного Банка.

Прием детей в Пречистенский сельский сиротский приют и их содержание также осуществлялись на основе ряда условий. Во-первых, принимались только сироты в возрасте от 7 до 13 лет, причем волостные старосты были обязаны представлять выписки из метрических книг на этих детей. Приют также имел право принимать на содержание полусирот в случае, если они находились в безвыходном положении. Штатное число призреваемых составляло 25 человек, однако это количество могло быть увеличено с согласия попечительства. Если кандидаты находились в одинаково тяжелой жизненной ситуации, то прием осуществлялся жеребьевкой. Отдельными пунктами прописывались правила принятия сирот в семьи частных лиц, в частности, детей разрешалось брать для временного пребывания при условии их возвращения к началу учебного времени. С другой стороны, частные лица могли усыновить ребенка и забрать его из приюта навсегда, но в этом случае усыновители должны были отличаться «хорошей нравственностью» и иметь возможность «дать такое же содержание и воспитание, какое доступно для средств приюта». Если попечительству приюта становилось известно о плохом обращении с ребенком, его сразу же надлежало изъять из приемной семьи и поместить в

приют. Сирот, не достигших возраста семи лет, могли передать на воспитание родственникам или посторонним лицам за «условное вознаграждение хлебом или деньгами». По достижении семилетнего возраста эти дети могли вернуться в приют, если там были свободные места, в противном случае они оставались в приемной семье, которая продолжала получать денежные или материальные пособия на ребенка. Во всех случаях принятия сирот посторонними лицами члены попечительства обязывались наблюдать за «их содержанием и нравственным состоянием».

Согласно отчету почетного попечителя действительного статского советника М.О. Кусакова общему собранию за 1915 год, в приюте на полном содержании проживал 31 ребенок, из них 30 – крестьянского происхождения и 1 – дворянского. Кроме того, в докладе также указывался семейный статус детей (табл. 1), данные об их возрасте (табл. 2), вероисповедании и источнике средств на содержание [2, с. 18–19].

Таблица 1

Семейный статус детей, призреваемых в приюте в 1915 году

Круглые сироты		Полусироты, имеющие одну мать		Полусироты, имеющие одного отца		Итого
Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	30
10	4	7	3	5	1	

Таблица 2

Данные о возрасте детей, призреваемых в приюте в 1915 году

Возраст, лет	Мальчики	Девочки
6	3	–
7	3	1
8	2	–
9	2	2
10	–	2
11	1	–
13	5	–
14	5	2
15	2	–
18	1	–
21	–	1
Итого	24	7

В качестве источников средств на содержание сирот указывались следующие [6, с. 38]:

– определенная волостными сходами ссыпка хлеба в пользу приюта. Согласно уставу Пречистенского сельского сиротского приюта, утвержденному 6 января 1906 года, волостными сходами был определен размер ссыпки в пользу приюта, что составляло по 1 гарнецу в год с каждого надела овса, ржи и картофеля;

– ежегодные и единовременные взносы и пожертвования почетных членов попечительства и других частных лиц;

– назначенные пособия от правительственных, земских и других учреждений;

– доходы от принадлежащего приюту имущества и капиталов;

– доходы от продажи вещей приюта;

– доходы от сборных кружек, выставленных в приюте и других местах, а также от концертов, спектаклей и т.д., устраиваемых в пользу приюта;

– доходы от лотерей, которые могли быть разыграны с разрешения г-на главноуправляющего;

– стипендии при приюте, которые могли выдаваться частными лицами или учреждениями;

– доходы от продажи изделий воспитанников и воспитанниц (табл. 3) [2, с. 10, 12].

Таблица 3

Данные о поступлении денежных средств в пользу Пречистенского сельского сиротского приюта за 1915 год

Источник	Сумма, руб.
Остаток с прошлого года на 1 января 1915 года	865,56
Проценты от капиталов приюта, в том числе неприкосновенный капитал в 1000 рублей, стипендиальный капитал почетного попечителя приюта М.О. Кусакова в 1000 рублей, стипендиальный капитал М.И. Щепановского в 1000 рублей и др. капиталы)	458
Взносы почетных членов попечительства	337,27
Сбор на содержание приюта от Пречистенской, Зимицкой, Узвозской и Шиловичской волостей	1262,70
Средства от продажи билета Общества взаимного кредита	1048
Министерство народного просвещения	367,96
Аренда домов приюта	66,64
Пожертвования «из кружек»	12,36
Дано в долг в кассу приюта	200
Итого	4618,49

Необходимо также отметить, что, помимо главных затрат на содержание детей, включая питание, одежду и обувь, жалование сотрудникам приюта и различные текущие расходы, постоянной статьей расходов были покупка учебных пособий и праздничные выплаты детям в размере 9,82 рубля каждому ребенку. В целом расходы обычно не превышали доходов, и оставшиеся средства переходили на следующий календарный год.

В то же время Пречистенский сельский сиротский приют вел учет и тех детей и подростков, которые не проживали там, но приходили обучаться в народное училище при нем. Согласно отчету попечительства за 1915 год, таких учащихся было 100 мальчиков и 45 девочек, то есть всего на попечении приюта в тот год находилось 176 детей, включая двоих выбывших: один мальчик перешел в Духовное городское училище и одна девочка достигла предельного возраста. Таким образом, исходя из приведенных данных, можно говорить о большом количестве учащихся в народном училище, при этом многим желающим было отказано в обучении по причине отсутствия свободных мест и помещений для проведения занятий [6].

Помимо народного училища, на территории Пречистенского приюта действовала школа кустарных изделий, которая была открыта в 1898 году и работала до середины 1914 года. Целью данного учреждения была организация трудового воспитания детей, а также обучение их ремеслам для дальнейшего трудоустройства. Согласно правилам школы, утвержденным 7 мая 1902 года, девочки должны были обучаться ремеслам в здании приюта под наблюдением смотрительницы, а мальчики – в отдельном, специально для этого организованном помещении под наблюдением мастера. В данную школу зачисляли воспитанников, достигших 13 лет, там они должны были работать в свободное от учебы время, а по окончании народного училища продолжить свое трудовое обучение вплоть до получения свидетельства мастера по выбранному ремеслу. Помимо сирот, проживающих в приюте, в эту школу могли принимать и посторонних юношей и девушек, желающих получить какую-либо профессию [6]. Летние каникулы в школе начинались 1 мая и длились до 1 сентября, если не было иного указания попечителя.

Одной из особенностей школы кустарных ремесел было разнообразие предлагаемых профессий: юноши могли выбрать бондарное, столярное, колесное, мебельное, токарное, корзиночное, а иногда сапожное и переплетное ремесла. При этом процесс обучения строился таким образом, чтобы при выпуске 20–30 мастеров одного профиля начинался набор на другие ремесла, чтобы не допустить перенасыщения местности специалистами. Девушкам же предлагалось учиться прясть на самопрялках, вязать и шить белье, ткать, вести домашнее хозяйство, а также ухаживать за птицами и скотом. В качестве итогового контроля учащимся предстояло сдать экзамен в присутствии комиссии, в которую входили председатель попечительства, местный лесничий и один из членов уездной земской управы. В случае успешного прохождения испытания выпускнику школы выдавалось свидетельство мастера. В дальнейшем приют поддерживал сотрудничество с бывшими учениками, обеспечивая их заказами для собственных нужд [6, с. 26].

В связи с тем, что подавляющее большинство воспитанников были выходцами из крестьянских семей, они имели наследственные участки земли, и одним из направлений работы приюта было обучение сельскому хозяйству

«с тем, чтобы они впоследствии имели возможность использовать свою землю». Как следует из текста отчета, в селе Пречистенском имелся земский агрономический пункт, где сотрудники и воспитанники приюта могли бы получать необходимые знания и инструкции о правильной обработке почвы, посадке сельскохозяйственных культур и другие полезные навыки. Помимо этого, там же имелась и прокатная станция сельскохозяйственного оборудования, что исключало затраты на их приобретение. Таким образом, в условиях сельской местности у приюта были все условия для успешного обучения сирот сельскохозяйственному труду [2, с. 5–6].

С другой стороны, в отчете Попечительства за 1915 год подчеркивается, что население данного района живет, главным образом, земледельческим трудом, но хозяйственный уклад деревни не соответствует требованиям рационального использования земли. Этот факт и обуславливает необходимость обучения сирот ведению сельского хозяйства, для чего приютом в 1911 году был приобретен земельный надел площадью шесть десятин, находящийся в чересполосном владении, то есть вперемежку с чужими участками. Данное обстоятельство значительно затрудняло пользование землей и получение прибыли, поэтому попечителем приюта было направлено ходатайство в Духовщинскую землеустроительную комиссию с просьбой выделить участок земли, смежный со зданием приюта. Однако на момент представления отчета данная проблема так и не была решена, вследствие чего приют испытывал финансовые затруднения [2, с. 5–6].

Таким образом, на основании приведенных данных можно утверждать, что Пречистенский сельский сиротский приют являл собой пример успешного опыта призрения сирот и детей, оставшихся без попечения родителей или находящихся в трудной жизненной ситуации. При этом, как и современные государственные учреждения социальной защиты, данное заведение предоставляло своим воспитанникам определенные льготы, в частности по отбыванию воинской службы. В свою очередь, сам приют наряду с другими учреждениями ведомства детских приютов также имел ряд преимуществ, например, освобождение от уплаты гербового сбора при покупке земли или недвижимого имущества, причем от этого налога освобождалось и то имущество, которое было подарено приюту. Приют пользовался правом льготной пересылки писем и посылок на основаниях, утвержденных для казенных заведений.

Изучив архивные документы о Пречистенском сельском сиротском приюте, можно утверждать, что характер деятельности подобных учреждений стал основой для организации современной системы социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это прослеживается в формах поддержки детей, которая проявлялась не только в их содержании и обучении, но и в возможности усыновления частными лицами, отслеживании судьбы бывших воспитанников с целью предот-

вращения плохого отношения к ним, в назначении социальных пособий лицам, принявшим в семью сирот младше семи лет, и многое другое. Следовательно, изучение опыта работы учебных и благотворительных заведений ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны имеет как теоретическое, так и практическое значение, поскольку является эффективной моделью социальной защиты детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей или находящихся в трудной жизненной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Н.Ф., Басова В.М., Кравченко А.Н. История социальной педагогики. М., 2005. 278 с.

2. Доклад Почетного попечителя приюта Действительного статского советника М.О. Кусакова общему собранию попечительства // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–4.

3. Журнал заседаний Попечительства о детских приютах (Смоленское губернское попечительство о детских приютах) // ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1.

4. Журнал заседаний Попечительства о детских приютах (Смоленское губернское попечительство о детских приютах) // ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 2.

5. Журнал заседаний Попечительства о детских приютах (Смоленское губернское попечительство о детских приютах) // ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3.

6. Отчет попечительства Пречистенского сельского сиротского приюта Ведомства Учреждений Императрицы Марии Духовщинского уезда Смоленской губернии за 1915 год // ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 15.

A.A. Davydova

History of the Prechistensky Rural Orphanage Performance in Smolensk Province

Key words: *history of charity of orphans; social pedagogy; rural orphanage; social policy in Russia.*

The article examines the performance of Prechistensky rural orphanage of the Office of the Institutions of the Empress Maria Feodorovna of the Dukhovschinsky Uezd in Smolensk Province at the beginning of the XXth century. The paper describes the conditions for the reception of orphans and children left without parental care, the goals and responsibilities of the trustees of this shelter, the features of teaching and raising children at school and the School of handicraft which functioned at the shelter.

Н.М. Брунчукова
Смоленский государственный университет

УДК 37.013

Преемственность в этическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста: проблемы и перспективы

Ключевые слова: *преемственность; воспитание; этическое воспитание; дошкольник; младший школьник; ФГОС.*

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной системы образования – соблюдению преемственности в этическом воспитании на этапах дошкольного и начального школьного образования. Автор статьи дает анализ состояния этического воспитания в детском саду и начальной школе; проблемы реализации принципа преемственности в практике работы дошкольного образовательного учреждения и начальной школы. Рассматриваются пути их разрешения.

Одной из актуальных и значимых проблем современного образования является проблема этического воспитания подрастающего поколения. Уроки истории убедительно доказывают, что утрата нравственных ценностей негативно влияет на процесс развития общества в целом и личности каждого человека в отдельности. Следовательно, их сохранение, наполнение новым содержанием, а главное – освоение, усвоение и присвоение человеком является одной из важнейших задач общества.

Во все времена вопросы этики человеческих отношений, вопросы нравственности являлись важной составляющей сильного и процветающего общества. Именно они во многом определяли стратегию и тактику развития государства. Каждая эпоха выдвигала свои нравственные ориентиры и этические ценности: в средневековой Руси православная вера обеспечивала духовное единство народа; во времена царя-реформатора Петра I основой воспитания стало формирование «полезного государству и Отечеству гражданина», в советскую эпоху – воспитание всесторонне развитой личности.

90-е годы прошлого века – начало реформирования российской государственности – повлекли за собой коренную перестройку всех сфер жизни общества, «разрушение» нравственных идеалов «советской эпохи». Однако новые нравственные ценности и идеалы предложены не были. Это, в свою очередь, предопределило духовное «разъединение» общества и появление личности, свободной в своем самоопределении, «свободной» от ценностей и национальных традиций, каких-либо обязательств перед обществом, что негативно отразилось на процессе и результате жизнедеятельности человека. Именно поэтому на рубеже XX и XXI веков остро встала проблема нравственно-этического воспитания подрастающего по-

коления, где для определения национального воспитательного идеала необходимо было учитывать:

– «преемственность современного национального воспитательного идеала по отношению к национально воспитательным идеалам прошлых эпох;

– духовно-нравственные ценности, определенные в соответствии с действующим российским законодательством;

– внешние и внутренние вызовы, стоящие перед Россией» [2, с. 42].

В 2010 году была принята национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», где наряду с образовательными (обучающими) целями важное место занимает задача усиления воспитательного потенциала.

Методологической основой стандартов нового поколения выступила «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России», в которой был определен национальный воспитательный идеал современного гражданина России: «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа РФ» [2, с. 42], то есть образ человека, который играет ведущую роль и имеет приоритетное значение для общества на данном конкретно-историческом этапе его развития; раскрываются базовые национальные ценности: патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа и человечество, сохраняемые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России; обозначены основные принципы духовно-нравственного развития и воспитания: «нравственный пример педагога, социально-педагогическое партнерство, индивидуально-личностное развитие, интегративность программ духовно-нравственного воспитания, социальная востребованность воспитания» [2, с. 44].

Таким образом, решение задач воспитания является одним из приоритетных направлений развития современной педагогической науки. Реализация нравственно-этического начала в социальной и государственной сфере взаимодействия людей должна стать фундаментом гуманизма в обществе, его опорой.

Смена нравственных приоритетов влечет за собой пересмотр, переосмысление устоявшихся и разработку новых научно-методических взглядов в сфере этического воспитания подрастающего поколения, что нашло свое отражение в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012), в Федеральных государственных образовательных стандартах нового поколения, что обеспечивается, прежде всего, приобщением обучающихся к «национальным российским ценностям».

Именно понятие «ценности» и их жизнеспособность в данном обществе во многом определяет нравственное состояние самого общества,

внутреннюю и внешнюю политику государства. Так, в своей работе «Государство» Платон рассуждал об основных частях человеческой души, каждая из которых имеет свои добродетели: разум – мудрость, вожделение – умеренность и воздержанность, яростный дух – мужество и способность подчиняться голосу разума, что вместе и во взаимодействии составляет справедливость, отмечал, что в качестве главной задачи государства должно выступать воспитание людей «добродетельными». Это является залогом его успешного существования и жизнедеятельности.

«Понятие “ценность” применяется при характеристике отношения человека к миру… Ценность как бы распределена между человеком и окружающим его миром, она существует только в их отношении. Носителем ценности могут выступать любая личность, любой предмет, явление, которые втянуты во взаимодействие с сознанием человека» [7, с. 8].

В рамках решения данной проблемы в 2012 году в Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования введена новая предметная область – «Основы духовно-нравственной культуры народов России», что призвано было обеспечить историческую преемственность поколений, воспитание патриотов России, людей высокой нравственности.

Материалы данного курса аккумулируют знания, умения и опыт ребенка в сфере нравственно-этического воспитания, а значит, определяют содержательно-методическую основу курса и уровень усвоения программного материала. Таким образом, исследование факторов, влияющих на формирование положительного этического опыта ребенка и его результативность, является важной психолого-педагогической проблемой современной теории и практики образования. Одним из ключевых факторов эффективности в данном случае, как показал анализ теории и практики педагогического процесса, выступает соблюдение преемственности в этическом воспитании подрастающего поколения на различных ступенях образования.

Проблема преемственности издавна интересовала ученых. Так, еще Я.А. Коменский ратовал за установление единой стройной системы школ, преемственной на всех этапах.

В трудах И.Г. Песталоцци рассматривается идея замены «ненадлежащего» воспитания ребенка в семье организацией специальных классов, что, по мнению автора, позволит не только выстроить систему образования надлежащим образом, но и осуществить преемственность между воспитанием детей различных возрастов.

Немецкий педагог Ф. Фребель, в соответствии с принципами воспитания, определенными И.Г. Песталоцци, считал, что развитие детей младшего школьного возраста невозможно без опоры на основы, заложенные / сформированные на этапе дошкольного детства.

На рубеже XIX–XX веков в связи с активным «внедрением» дошкольных образовательных учреждений в жизнь российского общества вопросы преемственности заняли достойное место в трудах П. Лесгафта, П. Каптерева, К. Вентцеля, К. Ушинского и многих других. Например, в работе В.Ф. Одоевского «Положение о детских приютах» особое внимание уделяется вопросам преемственности в воспитании и обучении ребенка.

Но наибольший интерес и активное развитие проблема преемственности в образовании получила в XX веке. Так, уже на первом съезде (1919), посвященном обсуждению дошкольного образования, был поднят вопрос о необходимости преемственности воспитательных задач между детским садом и школой. В 20-е годы была предпринята попытка создания единой системы воспитания и обучения. В 50-е годы проблема преемственности поднималась в работах Б.Г. Ананьева, А.К. Кушли, Ш.И. Ганелина и др. В 60-е годы в связи с переходом к новой системе образования она выдвинулась в ранг самостоятельного дидактического принципа. Переход к обучению шестилеток в 80-е годы вновь активизировал процесс изучения вопросов преемственности между детским садом и школой. В 1994 году вышло методическое письмо Министерства общего и профессионального образования РФ «Об организации взаимодействия образовательных учреждений и обеспечении преемственности дошкольного и начального общего образования». В материалах коллегии Московского комитета образования (1997) поднимаются вопросы преемственности содержательной, организационной и методической составляющих образовательного процесса. В Концепции преемственности дошкольного и начального школьного образования, разработанной центром «Дошкольное детство» им. А.В. Запорожца, были сформулированы основные принципы преемственности обучения и воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. Данная проблема достаточно полно и обстоятельно разрабатывалась авторскими коллективами УМК на ступенях дошкольного, начального и среднего школьного образования.

Вместе с тем ретроспективный анализ литературы по проблеме исследования позволяет говорить о том, что основное содержание данных документов отражало состояние проблемы с позиции обучения. Проблема преемственности в воспитании подрастающего поколения носила более «сдержанный характер»: от активного (в 20–50-е годы) до пассивного (в 90-е годы).

Согласно нормативно-правовым документам, определяющим стратегию и тактику современного образования, российское общество на данном этапе своего развития рассматривает проблему соблюдения преемственности в воспитании между дошкольным и начальным образованием в качестве одной из приоритетных как в содержательном, методическом, так и в организационном аспектах, что предполагает закрепление, расширение

и углубление тех ЗУНов в области воспитания в целом и этического в частности, которые были получены детьми ранее.

Намечая цели и задачи осуществления преемственности в этическом воспитании дошкольников и младших школьников, остановимся на трактовке терминов, определяющих понятие «преемственность в этическом воспитании».

Осознание значимости воспитательной проблематики и процесса образования в современном обществе ярко иллюстрируется разработкой и принятием нового Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (2013), где наряду с нормативными и правовыми вопросами для реализации целей настоящего закона представлены (заявлены) «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе (статья 2):

1) образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов;

2) воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства …» [13, с. 3].

Важность и актуальность вопросов этики подчеркивалась и подчеркивается многими учеными, либо напрямую занимавшимися проблемами этики, либо косвенно затрагивавшими их. Так, например, в своей работе «Философские мысли натуралиста» В.И. Вернадский писал: «Самыми главными вопросами являются вопросы этические, вопросы о том, как следует вести себя при тех или иных условиях жизни» [8, с. 121–122].

Разноплановость исследований таких значимых для жизнедеятельности человека явлений, как этика, позволяет выделить составляющие данного понятия, относящиеся к различным областям знаний, сферам применения. Например, в «Словаре философских терминов» понятию «этика» дается такое определение: «Этика – раздел философии, изучающий человеческое поведение и совместную жизнь людей в аспекте их обусловленности законами свободы; наука о морали; как термин и особая систематизированная дисциплина, восходящая к Аристотелю» [10, с. 708].

С точки зрения психологии «…этика как научная дисциплина отвечает на вопрос о том, на какие нормы и цели или ценности люди должны

ориентировать свою деятельность», – отмечается М.И. Дьяченко и Л.А. Кондыбовичем в «Кратком психологическом словаре» [3, с. 344].

С педагогической точки зрения, этика определяется следующим образом: «Этика педагогическая – составная часть этики, отражающая специфику функционирования морали (нравственности) в условиях целостности педагогического процесса; наука о разных аспектах нравственной деятельности учителя».

Как видно из представленных выше определений, трактовка понятия «этика» тесно взаимосвязана с понятиями «мораль», «нравственность».

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова дает такое понятие морали: «1. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность. 2. Логический, поучительный вывод из чего-нибудь» [6, с. 362]. Нравственность, в свою очередь, представляет собой «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» [6, с. 420].

Аналогичный подход к определению морали и ее функциям мы встречаем в «Словаре по педагогике» Г.М. Коджаспировой и А.Ю. Коджаспирова: «Мораль – это совокупность норм, принципов поведения человека по отношению к обществу и другим людям; древнейшая форма общественного сознания; социальный институт, выполняющий функции регулирования поведения человека … Мораль выступает как основа содержания нравственного воспитания» [5, с. 196]. Нравственность следует рассматривать так: «1. Особая форма общественного сознания и вид общественных отношений, один из основных способов регуляции действий человека в обществе с помощью норм (нормы – обычаи, уклад общественной жизни, имеющие моральное значение; могут быть подвергнуты нравственной оценке). В отличие от простых норм и традиций нравственные нормы получают обоснование в виде идеалов добра и зла … 2. Система внутренних прав человека, в основе которой гуманистические ценности: доброта, уважение к старшим, справедливость, порядочность, честность, сочувствие…» [5, с. 206].

Таким образом, исследования содержания понятия «мораль» позволяют выделить следующие его признаки:

– является формой общественного сознания;

– основная задача состоит в регуляции поведения каждого человека в отдельности и общества в целом.

Значит, в этическом воспитании будут акцентироваться элементы воспитания как определяющего понятия и характерные черты этики как уточняющего: деятельность, направленная на формирование нравственно-этических качеств личности. А следовательно, преемственность будет показывать динамику развития данного процесса.

Преемственность процесса этического воспитания детей разных возрастных групп подразумевает целенаправленную систематическую ра-

боту. «Действенное осуществление преемственности между детским садом и школой требует от воспитателя и учителя большого мастерства, глубокого осмысления и знания закономерностей преемственности, понимания социальной значимости решения этой проблемы, … важно усвоить определенный объем знаний, необходимых для осуществления преемственности…, овладеть умениями, навыками организационной и методической работы в осуществлении взаимодействия детского сада и школы…» [4, с. 4].

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю» под редакцией Л.Ф. Ильичева и др., понятие «преемственность» определяется как «связь между различными этапами или ступенями развития, сущность которых состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных его характеристик при переходе к новому состоянию» [14, с. 525].

В рамках данного исследования рассмотрим, как строится работа по осуществлению преемственности в этическом воспитании ребенка между дошкольным и начальным школьным образованием в современном образовательном процессе.

Сравнительно-сопоставительный анализ ФГОС ДО и ФГОС НОО убедительно доказывает, что основы этического воспитания закладываются в период дошкольного образования и продолжаются на этапе начального школьного.

Так, согласно ФГОС дошкольного образования, в качестве одного из основных принципов выступает «приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства» [12, с. 4], что связано с решением следующих задач: «обеспечения преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней (далее — преемственность основных образовательных программ дошкольного и начального общего образования); объединения обучения и воспитания в целостный образовательный процесс на основе духовно-нравственных и социокультурных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества» [12, с. 5].

Более того, на этапе завершения дошкольного образования при определении «портрета выпускника» в «Требованиях к результатам освоения основной образовательной программы дошкольного образования (“Целевые ориентиры на этапе завершения дошкольного образования”)» сформированность личностных качеств ребенка (овладение «основными культурными способами деятельности»; обладание «установкой положительного отношения к миру, к разным видам труда, другим людям и самому себе, чувством собственного достоинства; активного взаимодействия со сверстниками и взрослыми…»; умение «подчиняться разным правилам и социальным нормам»; способность «к волевым усилиям, … следовать социальным нормам поведения и правилам в разных видах деятельности, во взаимоотношениях со

взрослыми и сверстниками» [12, с. 26]) рассматривается как показатель эффективности достижения поставленных целей воспитания.

В свою очередь, ФГОС НОО, продолжая линию этического воспитания, начатую на этапе дошкольного образования, обеспечивает «духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся на ступени начального общего образования, становление их гражданской идентичности как основы развития гражданского общества» [11, с. 3] и «ориентирован на становление личностных характеристик выпускника («портрет выпускника начальной школы»): … любящий свой народ, свой край и свою Родину; уважающий и принимающий ценности семьи и общества» [11, с. 6]. В «Требованиях к результатам освоения основной образовательной программы начального общего образования» в разделе «личностные качества» рассматриваются: «…готовность и способность обучающихся к саморазвитию, сформированность мотивации к обучению и познанию, ценностно-смысловые установки обучающихся, отражающие их индивидуально-личностные позиции, социальные компетенции, личностные качества; сформированность основ гражданской идентичности; ... развитие этических чувств, доброжелательности и эмоционально-нравственной отзывчивости, понимания и сопереживания чувствам других людей» [11, с. 7] как показатели достигнутых результатов в данном направлении.

Следует отметить, что в обоих документах особо выделяются требования к соблюдению преемственности в образовании дошкольников и младших школьников: «Целевые ориентиры Программы выступают основаниями преемственности дошкольного и начального общего образования» [12, с. 26–27], Стандарт начального общего образования направлен на обеспечение «преемственности основных образовательных программ дошкольного, начального общего….» [11, с. 3].

Однако анализ научно-методической литературы с позиции реализации принципа преемственности в этическом воспитании в детском саду и начальной школе в практике работы данных образовательных учреждений позволяет констатировать наличие определенных трудностей в достижении поставленных задач, где в качестве основополагающей можно рассматривать отсутствие комплексных исследований по заявленной проблеме. Современная теория и практика учебно-воспитательного процесса не располагают материалами системного анализа состояния процесса реализации принципа преемственности в этическом воспитании дошкольников и младших школьников. Наличие «сквозных» программ и методических рекомендаций к ним позволило бы, на наш взгляд, в определенной степени разрешить данную проблему в содержательном и организационном аспекте.

В связи с этим в ходе исследования было проанализировано около 70 программ воспитания дошкольников и младших школьников этического направления. Анализ предполагал проведение работы по двум направ-

лениям: «по горизонтали» – на соответствие программных задач «на входе» и «на выходе» требованиям ФГОС и «по вертикали» – на соответствие программных задач этического воспитания на этапе дошкольного и начального школьного образования.

Прежде всего, необходимо отметить, что каждое образовательное учреждение разрабатывает авторскую программу по нравственно-этическому воспитанию детей дошкольного и / или младшего школьного возраста с опорой на основные положения приоритетного национального проекта «Образование», региональной программы «Ребенок и весь мир» Е. Купецковой, «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», а также в соответствии с требованиями Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», Федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного и начального общего образования и опытом реализации программы развития образовательного учреждения в данный период.

Анализ целей и задач программы «духовно-нравственного развития», «нравственно-этического воспитания», «социально-нравственного воспитания», «Программы по воспитанию нравственных качеств у детей дошкольного возраста», «Программы по этике и нравственности для дошкольников», программы «Истоки нравственности» и т.д. позволяет говорить о том, что авторами (авторскими коллективами) достаточно полно и глубоко представлены базовые национальные ценности, определены принципы реализации поставленных задач.

Вместе с тем содержательный аспект программы не всегда в полной мере отражает вопросы, заявленные к изучению и усвоению. Зачастую темы, представленные в тематическом плане, раскрывают сущность какой-либо одной базовой национальной ценности с различных позиций, другие же либо раскрываются по касательной, не представлены на должном уровне, либо отсутствуют.

В разделах, где описаны итоги реализации программ, не всегда представлены результаты по всем тем целям и задачам, которые заявлены «на входе» в программу.

Таким образом, анализ «по горизонтали» выявил определенные трудности методического характера в разработке программ: соответствие каждого этапа работы поставленным целям; объем, глубина и полнота их отражения в содержании; критерии выбора форм работы; определение дидактического оснащения; отбор методов и приемов; продуманность и четкость в формулировке ожидаемых результатов. Не всегда достаточно грамотно представлены методические рекомендации, заявленные в рамках разработки программы.

Анализ программ «по вертикали» показал некоторую их «обособленность» на разных этапах образования: «пропуск» или «повторяемость» (на том же уровне) целей и задач этического воспитания, не всегда прослежива-

ется динамика в решении поставленных задач на ступени дошкольного и начального школьного образования; принцип преемственности в содержании раскрывается не в полной мере – достаточно часто материал подается на следующей этап в том же объеме с использованием того же материла и дидактического оснащения, что сдерживает процесс поступательного развития ребенка в усвоении и присвоении им этических знаний и умений.

Следовательно, отсутствие программы этического воспитания, охватывающей различные этапы образования, определяющей методы и приемы, средства и формы организации работы в данном направлении по каждому отчетному периоду, не позволяет принципу преемственности действовать активно и с полной отдачей. Значит, разрешение данной проблемы можно и нужно рассматривать в качестве фактора эффективности этического воспитания подрастающего поколения.

Иными словами, специально организованная целенаправленная работа по этическому воспитанию ребенка на протяжении всего пути получения образования позволит, на наш взгляд, перевести его этический опыт на более высокий качественный уровень, научит осознанно и обоснованно давать ответ на вопрос: «Что такое хорошо, и что такое плохо?» – и поступать в соответствии с ним.

Анализ истории исследования проблемы этического воспитания позволяет сделать вывод, что смена типов цивилизаций (общественно-экономических формаций) влечет за собой смену духовных ценностей. По мнению Е.М. Скворцовой и А.Н. Марковой, «эта особенность исторического развития России … способствует формированию исключительной гибкости, приспособляемости русского общества к предельно напряженным, а иногда даже невыносимым историческим условиям. Такова причина необыкновенной выносливости России в период национальных катастроф» [9, с. 16]. Именно эти качества, как отмечается в литературе, позволяют россиянам не потерять себя в трудные моменты в жизни государства, а значит, поиск путей решения указанной проблемы является важной и актуальной задачей современной педагогической науки и практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брунчукова Н.М. Проблема нравственного становления личности как важная составляющая процесса образования: исторический аспект // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 4. С. 198–209.

2. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Извлечения // Народное образование. 2010. № 1. С. 39–46.

3. Дьяченко М.И., Кондыбович Л.А. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия. Мн.: Хэлтон, 1998. 339 с.

4. Лыкова В.Я. Спецкурс в системе подготовки будущих педагогов к осуществлению преемственности дошкольного и начального образования. Смоленск: СГПУ, 2000. 38 с.

5. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Словарь по педагогике. М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. 448 с.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.

7. Птушкина Е.С., Сенченков Н.П. Формирование ценностных ориентаций старшеклассников в условиях профильного лагеря. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. 184 с.

8. Ситаров В.А., Пустовойтов В.В. Социальная экология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2000. 280 с.

9. Скворцова Е.М., Маркова А.Н. История Отечества: учебник для студентов вузов. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 845 с.

10. Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА – М, 2004. 731 с.

11. Федеральный государственный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010. 32 с. (Стандарты второго поколения).

12. Федеральный государственный стандарт дошкольного образования. М.: Просвещение, 2013. 28 с.

13. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Проспект, 2013. 160 с.

14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

N.M. Brunchukova
Succession in the Ethical Education of Children of Pre-School and Junior School Age: Problems and Prospects

Key words: *succession; education; ethical education; pre-schooler; primary schoolchild; FSES.*

This article deals with the actual problem of the modern educational system – the compliance with the ethical education succession at the levels of preschool and primary school. The author provides the analysis of ethical education in kindergartens and elementary schools. The problems of realization of the succession principle in the practice of pre-school educational institutions and primary schools and the solutions of these problems are considered.

Ф.М. Кремень, С.А. Кремень
Смоленский государственный университет

УДК 378.1:37.062

Формирование профессиональных стратегий молодежи в условиях вузовской подготовки

Ключевые слова: *профессиональные стратегии; профессиональное самоопределение; профессиональная подготовка; молодежь.*

В статье анализируются различные стороны и типы профессиональных стратегий молодежи, приводятся результаты эмпирического исследования профессиональных стратегий выпускников смоленских вузов,

которые показывают влияние различных социальных и психологических факторов, в частности уровня социально-психологической адаптации, на развитие активных / пассивных стратегий. Обосновывается важность организации профессионального сопровождения самоопределения будущих профессионалов в процессе вузовской подготовки.

Современная парадигма профессионального образования основана на понимании личности обучающегося как субъекта процесса обучения, готового к активному освоению профессиональной образовательной среды, формирующей систему общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущего участника рынка труда. Однако неадекватные представления о будущей профессиональной деятельности вследствие отсутствия осознанного профессионального самоопределения приводят к отсутствию ориентировки в учебных предметах, активности в освоении знаний и умений, ставят учащегося в позицию объекта образовательных воздействий. Понимание профессиональной подготовки как усвоения только специальных знаний и умений профессионального характера затрудняет всестороннее гармоничное развитие личности учащегося, не способствует формированию характеристик, необходимых для адаптации на современном динамично меняющемся рынке труда. Как следствие, многие выпускники вузов не обладают навыками планирования своего профессионального развития и поэтому, получив диплом, идут работать не по специальности, вынуждены заново учиться на новом месте работы, зачастую кардинально меняют сферу деятельности. В подобных ситуациях профессиональный выбор как один из центральных инструментов построения жизненного пути личности не выполняет своей основной функции.

Одним из возможных вариантов решения существующих проблем является создание в учебном заведении системы сопровождения социально-профессионального развития учащихся на всех этапах профессиональной подготовки (от абитуриента до выпускника). При этом должно осуществляться сопровождение не только образовательно-профессионального, но и более широкого социально-профессионального самоопределения, предполагающего ориентацию обучающегося в различных экономических, социальных и политических процессах, в контексте которых происходит социальное и профессиональное становление личности [3].

Многочисленные зарубежные и отечественные исследователи утверждают, что непрерывный процесс планирования карьеры является важной предпосылкой в успешном профессиональном развитии. При этом внимание акцентируется на формировании соответствующей организационным и индивидуальным потребностям личности профессиональной стратегии, которая может иметь сильное влияние на выбор профессии и, следовательно, на весь процесс профессионального развития.

Профессиональную стратегию целесообразно рассматривать в качестве неотъемлемого элемента жизненной стратегии, определяя ее и как

долгосрочный план достижения цели в сфере профессиональной самореализации, и как собственно процесс нахождения (смены) и реализации оперативных целей жизнедеятельности и средств их достижения. При этом профессиональная стратегия тесно связана с механизмом адаптации личности, который через трансформацию изменений окружающей среды во внутренние условия обеспечивает создание новых способов взаимодействия индивида с реальностью и с собой [5].

Профессиональная стратегия – широкое понятие, характеризующее как стратегические, так и тактические особенности субъекта профессиональной деятельности. В различных исследованиях по педагогике, психологии и социологии рассматриваются отдельные стороны профессиональных стратегий: профессионально-образовательные стратегии, карьерные стратегии или стратегии профессиональной карьеры, стратегии поведения на рынке труда, стратегии трудоустройства, стратегии поиска работы и т.п. Указанные аспекты, с одной стороны, раскрывают профессиональную стратегию как направление развития индивида, связанное с выбранной сферой профессиональной деятельности, с другой – определяют средства и способы, которые должны привести к достижению поставленных целей. Я.В. Дидковская под стратегией профессиональной карьеры понимает «систему ценностно-ориентирующих целей в профессиональной жизни индивида, а также способов их достижения, сконструированную личностью с учетом соотнесения своих ресурсов и социально-профессиональных капиталов с условиями ее последующей реализации» [2, с. 92].

Выделение типологий стратегий, связанных с профессиональной самореализацией молодежи, как правило, основано на сочетании нескольких критериев. Т.Н. Мартынова в качестве оснований дифференциации жизненных стратегий студентов на этапе профессиональной подготовки в вузе определяет деятельностно-мотивационные, креативные и эмоционально-волевые критериальные характеристики, на основании которых дается характеристика активных и пассивных стратегий жизненного самоопределения [9].

Н.Н. Федотова предлагает рассматривать следующие типы жизненных стратегий молодежи: пассивная рефлексивно-запаздывающая, пассивная умеренно-приспособительная, активная позитивно-карьерная, активная позитивно-инструментальная, активная криминально-карьерная. Данная типология учитывает не только активную / пассивную направленность личности, но и ее адаптационные возможности и ценностные основания деятельности [11].

Изучая стратегии трудоустройства выпускников вузов и ссузов, Е.Л. Омельченко вводит в качестве критерия различия стратегий понятие «стиль жизни» – способ, которым живет индивид или группа, ценностный стержень, который направляет индивида на цель, определяет пути достиже-

ния успеха, помогает корректировать и проверять жизненно важные решения. Ключевые особенности самореализации молодежи заключаются в возможности и готовности индивида реализовать имеющийся потенциал и преодолеть барьеры социальной позиции (молодой специалист), уровня и качества формального образования (среднее и высшее), гендерных порядков (сегрегация и скрытая дискриминация). Выделяются две полярные группы: мобильно-инновационная («бегущие») и стабильно-традиционная («идущие»), к которым добавляются промежуточные группы: «догоняющие» – у ее представителей отмечаются черты инновационных и традиционных стратегий – и «отстающие» – для нее характерны «вынужденные» практики вследствие крайней ограниченности доступа к значимым ресурсам [10].

В.Т. Лисовский, рассматривая вопросы труда, занятости и трудоустройства, выделяет следующие виды стратегий трудоустройства в соответствии с особенностями мотивации индивида и внешними ресурсами:

– стратегия прямого выбора, которая определяется ценностными ориентациями человека, его интересами и предпочтениями;

– стратегия давления, в основе которой лежит выбор места работы, обусловленный социальным давлением, престижностью той или иной профессии;

– стратегия постоянства, предполагающая продолжение профессионального пути своих родителей, родственников;

– стратегия материальной приверженности, в основе которой лежит чисто материальный фактор в поиске места работы;

– стратегия отказа, которая подразумевает полный отказ человека от трудоустройства [8].

Ю.Н. Лапыгин и Я.Н. Эйдельман считают главным фактором, обуславливающим выбор человеком той или иной стратегии трудоустройства на рынке труда, тип использования таких нематериальных субъективных категорий, как ресурсный потенциал человека, его активность, человеческий и социальный капиталы. Они предлагают классифицировать стратегии трудоустройства по следующим критериям: тип используемых ресурсов; тип мотивации субъекта к трудовой деятельности; степень активности личности; показатель добровольности выполняемого труда; степень традиционности / инновационности избранной стратегии. По мнению исследователей, ресурсный потенциал проявляется в готовности личности идти на риск в профессиональной сфере, стремлении к постоянному приобретению новых профессиональных знаний, умений и навыков, к повышению квалификации, переобучению. На основе данных критериев выделены активные и пассивные формы стратегии трудоустройства. К активным формам авторы относят: поиски временной, непостоянной работы, подработки до момента постоянного закрепления на новом рабочем месте; обучение на курсах подготовки высококвалифицированных кадров; самостоятельный

поиск необходимой для трудоустройства информации; работу на волонтерской основе; стажировки; организацию своего дела. К пассивным же формам трудоустройства относятся: трата ранее накопленных сбережений; принятие помощи в трудоустройстве со стороны внешней среды (родственников, друзей, знакомых); полное отсутствие действий в поиске работы для трудоустройства [7].

В классификации стратегий трудоустройства Л.А. Беляевой (2010) также выделяются активная, пассивная и нейтральная стратегии. При этом в основе разделения стратегий лежит субъективный фактор: молодых людей, находящихся в поиске работы, она делит на адаптивных, преуспевающих и выживающих, каждая из этих групп отличается уровнем приспособленности к рыночным изменениям [1].

Для выявления особенностей профессиональных стратегий студенческой молодежи в рамках грантового исследования нами был проведен опрос 196 студентов выпускных курсов трех вузов г. Смоленска (Смоленского государственного университета, филиала Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске, Смоленской государственной сельскохозяйственной академии), обучающихся по направлениям подготовки, востребованным в разных отраслях народного хозяйства региона: в сфере строительства, сельского хозяйства, энергетики, информационных технологий, управления и в социальной сфере.

При оценке профессиональных стратегий молодежи комплексно учитывались все факторы, определяющие предпочтения тех или иных стратегий: социально-экономический статус, социально-психологические особенности личности, профессиональные предпочтения (содержание будущей профессии) и профессиональные притязания. В качестве инструментария была разработана анкета, направленная на выявление причин выбора специальности и места получения профессионального образования, оценки себя как будущего профессионала, удовлетворенности уровнем профессиональной подготовки, профессиональных планов, готовности к саморазвитию. Также в анкету были включены вопросы, позволяющие определить особенности профессиональных стратегий по типологии Н.Н. Федотовой. Для более детального анализа профессиональных стратегий студентов мы выделили в их структуре четыре компонента. Первый компонент характеризует ценностное ядро, при этом пассивные типы ориентированы на традиционные ценности, как в общепринятом понимании, так и с точки зрения ценностей, принятых в родительской семье; активные стратегии соотносятся с усвоением новых ценностей или сочетанием нового и традиционного в ценностных ориентациях молодежи. Второй компонент в структуре стратегии, позволяющий определить понимание роли профессионального образования в будущей жизни, мы обозначили как инструментальный. В рамках пассивных стратегий образование напрямую не связано с карьерой, зачастую рассматривается как самоцель или ре-

сурс «на будущее»; в активных стратегиях оно включено в само содержание предстоящей деятельности либо как инструмент карьеры, либо в более широком плане – как средство саморазвития. Третий компонент в структуре стратегии обозначен нами как прагматический и раскрывает особенности восприятия себя как субъекта рынка труда: выбор пассивных стратегий обусловлен трудностями трудоустройства и, следовательно, готовностью на любую работу, приносящую стабильный доход (приоритет принадлежит работе в государственном секторе экономики как более стабильном); активные стратегии предусматривают субъектную позицию, предполагающую как учет возможностей профессионального роста и личностного саморазвития, так и самореализацию при создании собственного дела. Четвертый компонент – профессионально-мотивационный – определяет приоритеты в профессиональной деятельности, ориентированные либо на объективные аспекты труда – характеристики самого труда, его условий и заработка (пассивные стратегии), либо на субъективные составляющие деятельности – собственные результаты труда, самосовершенствование в профессиональной сфере.

При анализе результатов опроса на первом этапе рассматривались результаты всей выборки, которые показали, что в чистом виде в совокупности всех компонентов пассивные и активные стратегии предпочитают 5,6 и 16,4% студентов вузов соответственно. Более трех четвертей опрошенных демонстрируют смешанные стратегии. Отмечается также следующая тенденция: ценностный и притязательный компоненты двух третей опрошенных соответствуют активным стратегиям, молодые люди усваивают современные ценности и имеют представление о современном рынке труда. Однако инструментальный и профессионально-мотивационный компоненты свидетельствуют скорее о пассивности большей части молодежи: неумении определять пути и способы профессионального развития, рассмотрении будущей профессии с позиции внешней мотивации.

На втором этапе анализа задачей нашего исследования было установление социально-психологических особенностей студентов с высоким уровнем адаптации, включая показатели их профессиональных стратегий [4]. В связи с этим мы выделили из общей выборки две группы на основе результатов диагностики социально-психологической адаптации по методике К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А.К. Осницкого. В первую группу вошли студенты с заниженным интегральным показателем «Адаптация» (37,9% – 74 человека), во вторую – с завышенным (13,8% – 27 человек). Важно отметить, что в состав обеих групп включены представители всех вузов и направлений подготовки в относительно пропорциональном соотношении, что свидетельствует об отсутствии ярко выраженной корреляции между профессиональным выбором, предпочитаемыми стратегиями и уровнем адаптации.

Анализ выбора различных компонентов профессиональных стратегий показывает, что чистые типы пассивных и активных стратегий в группах с низкой и высокой адаптаций имеют различное соотношение. Так, в первой группе (с низкой адаптацией) 8,1% студентов имеют пассивные стратегии и 11,8% – активные, остальные – смешанные. Во второй группе (с высокой адаптацией) из «чистых» стратегий представлены только активные – у 25,9% испытуемых. Таким образом, мы обнаруживаем связь между уровнем адаптации студентов и предпочитаемым типом профессиональной стратегии. Более детальный сравнительный анализ по отдельным компонентам стратегий подтверждает данную особенность. По ценностному компоненту стратегий в обеих группах можно констатировать высокие показатели по активным стратегиям, однако студенты первой группы больше ориентированы на пассивные стратегии по сравнению с второй группой: 27,1% против 18,5%. В инструментальном компоненте стратегий по общей выборке 53,2% испытуемых предпочитают пассивные стратегии, не связывая получаемое образование с будущей профессией. При этом среди студентов первой группы таких 68,9%, а во второй группе – 44,4%. Более трети представителей второй группы считает, что образование помогает самореализоваться в различных сферах жизни, – 37% (для сравнения: 17,6% в первой группе). По третьему компоненту соотношение по всей выборке пассивных и активных стратегий 30,1% против 69,9%. В группах с низкой и высокой адаптацией эти показатели заметно различаются: 33,8 и 66,2% – в первой группе и 22,2 и 77,8% – во второй. Пассивно-приспособительную стратегию (готовы работать там, где смогут устроиться) выбирают 28,4% студентов первой группы и всего 11,1% второй. Также следует особо отметить, что среди респондентов второй группы в два раза выше процент тех, кто хотел бы заняться собственным бизнесом (55,6% и 27% соответственно). Рассмотрение профессионально-мотивационного компонента стратегий также демонстрирует различия в предпочтениях между группами: в качестве приоритета в профессиональной деятельности 48,6% из первой группы и 37% из второй выбирают стабильность заработка, что является характеристикой умеренно-приспособительной пассивной стратегии. При этом важным считают создание своего дела 37% респондентов второй группы и только 23% первой.

В целом проведенное исследование позволило констатировать, что профессиональные стратегии учащейся молодежи как становящегося субъекта социальных отношений характеризуются противоречивостью и слабой дифференцированностью. Молодые люди на уровне ценностей и притязаний показывают готовность к выбору активных стратегий, но при этом обладают слабой профессиональной мотивацией, недостатком практического опыта и не умеют выстраивать временную перспективу карьерного развития. Содержательные и инструментальные компоненты стратегий имеют пассивный характер. В то же время определяющей характеристикой профессиональных

стратегий является адаптационный потенциал. Изучение студентов с высоким и низким уровнем социально-психологической адаптации показывает, что у студентов первой группы преобладают активные стратегии не только в ценностном, но в и инструментальном и профессионально-мотивационном компонентах. Они более осознанно подходят к выбору будущей профессии, уверены в своих знаниях и способностях, удовлетворены получаемой профессиональной подготовкой, имеют опыт работы, обладают временной перспективой, реалистичностью целей, высокой интернальностью, стремлением к лидерству, прагматичностью. Таким образом, выбор активных или пассивных профессиональных стратегий в меньшей степени определяется специальностью, по которой обучается студент. Большее влияние оказывают высокий уровень профессионального самоопределения, саморефлексии, наличие опыта работы, а также личностные особенности: осмысленность жизненного процесса в целом и его отдельных компонентов, позитивная самооценка, интернальный локус контроля, направленность на результат и готовность сотрудничать.

Формирование профессиональной стратегии является долгосрочным, многоаспектным процессом, в рамках которого в образовательных организациях создаются механизмы, структуры и системы, способствующие развитию стратегий карьерного развития среди учащихся. В «Концепции сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования» (2015), разработанной в Федеральном институте развития образования, сопровождение самоопределения рассматривается как равноценная составляющая процесса образования, наряду с обучением и воспитанием. Его целью выступает «развитие свободоспособности человека, т.е. способности проектировать цели, расставлять приоритеты, делать выбор».

Управление формированием профессиональной стратегии является часто цитируемым антецедентом профессионального развития. Когда личность определяет цели своей карьеры, ей требуются навыки, компетенции и возможности для реализации соответствующих стратегий (то есть практики управления карьерой), которые обеспечат путь к достижению конечной цели ее профессионального развития. Другими словами, следующим шагом после установления первоначального выбора профессии должна быть разработка стратегии с помощью соответствующих методов управления профессиональным ростом. На практике управление профессиональным развитием – это непрерывный процесс подготовки, разработки, внедрения и мониторинга планов развития профессиональной стратегии, осуществляемых как отдельным человеком, так и в сочетании с системой карьерного сопровождения образовательной организации [12; 13].

В современных исследованиях, посвященных развитию активности учащегося, становлению субъекта образовательной деятельности, способного

не только удовлетворять потребности в личностном и профессиональном развитии, но и формировать новые запросы, отвечающие современным экономическим и социальным вызовам, внимание ученых все больше сосредотачивается на создании в вузе образовательной среды, которая бы имела развивающий характер.

Учет всех компонентов среды (ценностно-смысловых, содержательных, организационных, предметных, информационных и др.) позволяет видеть полную картину условий развития будущего профессионала и, следовательно, совершенствовать данный процесс, внося, по возможности, целенаправленные изменения в те или иные элементы среды.

Важными условиями, обеспечивающими успешность сопровождения профессионального самоопределения и развития профессиональной карьеры, являются:

– практикоориентированный характер обучения, который в вузе может быть достигнут не только за счет широкого использования в профессионально ориентированных учебных дисциплинах практических задач, но и путем широкого взаимодействия с потенциальными работодателями при организации курсов по выбору, всех видов практик и выборе тематики курсовых и выпускных квалификационных работ;

– использование в образовательном процессе технологий, форм и методов, способствующих профессиональному самоопределению студентов, развивающих активные профессиональные стратегии и субъектную позицию учащихся как будущих участников рынка труда. Помимо активных и личностно ориентированных методов обучения в рамках преподаваемых курсов желательно использовать различные тренинги, развивающие социально-психологические навыки, технологии проектирования, деловые игры и т.п. [6];

– наличие специальной структуры (отдела, центра), организующей и координирующей сопровождение профессионального самоопределения и саморазвития на всех этапах обучения в вузе. Помимо индивидуального психолого-педагогического сопровождения обучающихся (диагностики студентов, помощи в построении карьерных планов, консультирования по вопросам трудоустройства и профессиональной адаптации), направлениями деятельности данного подразделения могут быть: профориентация абитуриентов, анализ регионального рынка труда, взаимодействие с работодателями, мониторинг трудоустройства выпускников, разработка различных специализированных программ и тренинговых курсов для учащихся и профессорско-преподавательского состава, участие в разработке учебных планов и т.д.;

– демократический стиль взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Образовательные организации могут оказывать содействие, предоставляя методическую помощь, проводя семинары по планированию карьеры, осуществляя профессиональное консультирование в карьерных центрах,

чтобы направлять студентов для определения профессиональных интересов, самооценки, анализа и оценки их вариантов и предпочтений в своей будущей карьере, фиксирования их целей в области личностного развития и предметной подготовки. Важную роль в этом процессе играет и личность ведущих преподавателей, их профессиональная помощь студентам. В исследовании Б. Лейбовиц (Leibowitz) и других показано, что эффективное взаимодействие преподавателя и студента не только способствует профессиональному развитию учащихся, формированию внутренней мотивации относительно правильности выбора профессии, но и формирует потребность преподавателей в улучшении методов преподавания [14].

Рассмотрение процесса сопровождения личностного и профессионального развития учащегося вуза через организацию различных элементов образовательной среды видится нам наиболее продуктивным, так как позволяет аккумулировать в единую систему все имеющиеся ресурсы среды для более целостного всестороннего и систематического воздействия на личность.

Включение абитуриента в данную систему позволит еще до начала вузовской подготовки заложить прочную базу личностно-профессионального развития, основанную на сознательном процессе профессионального самоопределения выпускника школы. На этапе обучения в вузе система сопровождения должна интегрировать смысловые, содержательные и организационные характеристики образовательной среды для формирования студента как субъекта образовательного процесса, способного к определению тактических и стратегических целей собственного профессионального и личностного развития. Особым этапом является работа с учащимися выпускных курсов, направленная на построение карьерных планов, развитие навыков трудоустройства и адаптации на рынке труда. Таким образом, процесс сопровождения социально-профессионального самоопределения личности можно рассматривать как взаимодействие в системе «личность студента – образовательная среда вуза», состоящей из различных подсистем, каждая из которых выполняет собственные функции и решает определенные задачи на разных этапах социально-профессионального становления студента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство: монография. М.: Academia. 2010. 314 с.

2. Дидковская Я.В. Стратегии профессиональной карьеры поствузовской молодежи // Высшее образование в России. 2012. № 8–9. С. 90–95.

3. Кремень С.А. Центр непрерывного образования в региональном университете // Концепции и стратегии непрерывного образования в международном контексте: сборник материалов международного форума / под общ. ред. С.В. Жолована; сост. Н.В. Богатенкова. СПб.: СПб АППО, 2012. Ч. I. С. 30–32. URL: https://smolgu.academia.edu/SergeyKremen (дата обращения: 10.06.2017).

4. Кремень Ф.М. Социально-психологическая адаптация выпускников вузов с разными жизненными и профессиональными стратегиями // Социально-психологические про-

блемы ментальности / менталитета: сборник научных статей XII международной научной конференции. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. С. 131–136.

5. Кремень Ф.М., Кремень С.А. Жизненные и профессиональные стратегии молодежи в контексте профориентации на этапе профессиональной подготовки // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 4(32). С. 391–399.

6. Кремень Ф.М., Кремень С.А. Развитие профессиональных стратегий студенческой молодежи: методическое пособие. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 122 с. URL: https://smolgu.academia.edu/SergeyKremen (дата обращения: 14.06.2017).

7. Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л. Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996. 96 с.

8. Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи // Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 40–44.

9. Мартынова Т.Н. Стратегии жизненного самоопределения студенческой молодежи в период профессиональной подготовки в вузе // Вестник КемГУ. 2013. № 4(56). Т. 1. С. 57–62.

10. Омельченко Е. Л. Стилевые стратегии занятости и их особенности // СоцИс. 2002. № 11. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-11/Omelchenko.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

11. Федотова Н.Н. Социально-профессиональный статус поствузовской молодежи на рынке труда. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 2000. 60 с.

12. Greenhaus J.G., Callanan G.A., Godshalk V.M. Career Management. 3rd ed. Fort Worth, Texus: The Dryden Press, 2000. 491 p.

13. Hall D.T. & Associates. Career development in organizations. 1st ed. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1986. 366 p.

14. «It's been a wonderful life»: accounts of the interplay between structure and agency by «good» university teachers / B. Leibowitz [et al.] // Higher Education. 2012. № 63. P. 353–365.

F.M. Kremen, S.A. Kremen
Formation of Professional Strategies of Youth under the Conditions of University Education

Key words: *professional strategy; professional self-determination; professional training; youth.*

The article deals with various aspects and types of professional strategy of youth, presents the results of empirical research of professional strategy of graduates of Smolensk higher education institutions which show influence of various social and psychological factors, in particular the level of social and psychological adaptation, on the development of active / passive strategy. The importance of the organization of professional maintenance of self-determination of future professionals in the course of university education is proved.

Т.А. Сидорчук
Смоленский государственный университет

УДК 316.6+159.922+37.015.3

Сравнительный анализ образовательных программ для пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания

Ключевые слова: *образовательные программы; пожилые люди; стационарные учреждения; нестационарные учреждения; непрерывность образования.*

В статье дан сравнительный анализ образовательных программ для пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания, что позволит конкретизировать их направленность и содержание. Перед внедрением геронтологических образовательных программ необходимо проведение обязательного мониторинга по образовательным предпочтениям с учетом региональной специфики. Образовательные программы в стационарных учреждениях имеют более узкую специализацию и направлены в первую очередь на укрепление и поддержку семейных и родственных связей. В нестационарных учреждениях социального обслуживания образовательные программы имеют более широкий спектр направлений, обучение подразумевает больший круг общения, нет пространственных ограничений, что повышает возможности геронтообразования.

Постарение населения требует включения в геронтологическую инфраструктуру образовательной составляющей, направленной на формирование у пожилых людей социальных компетенций. Вывести их из изоляции и побудить к активной жизни может вовлечение в творческий и образовательный процесс. Поэтому геронтообразование должно стать одной из форм работы по активизации внутреннего потенциала пожилых людей, непрерывная мотивация которых в процессе обучения позволяет им увидеть новые грани самореализации, обеспечить адаптацию в современном мире, что предотвратит их «социальное исключение» [1].

Вопросы геронтообразования рассматриваются в работах Т.М. Кононыгиной, М.Э. Елютиной, Э.Е. Чекановой, Г.А. Парахонской, Б.Ф. Кондратова, М.В. Ермолаевой и др.

Знаковым событием для развития геронтообразования стал 1996 год, когда общество «Знание» России учредило открытый Народный университет третьего возраста. С одной стороны, его прообразом стали народные университеты советского периода, с другой – он является мини-копией вузовской системы образования с факультетами, кафедрами, деканатами, попечительскими советами. Система народных университетов третьего возраста получи-

ла государственную поддержку на федеральном, региональном и местном уровнях в программах «Старшее поколение». В России принята государственная программа «Развитие образования на 2013–2020 годы», где связующим звеном является идея непрерывного образования [2].

На региональном уровне этой задачей занимаются школы для пожилых, институты и университеты третьего возраста. «Домашние» пенсионеры, посещая курсы разной направленности, удовлетворяют конкретные образовательные потребности, такие как повышение уровня профессиональных навыков, сохранение здоровья, улучшение качества семейной составляющей, активное участие во всех сферах общественной жизни, полноценный досуг, развитие собственной личности. Пожилые люди, находящиеся в стационарных учреждениях социального обслуживания, часто лишены такой возможности. Поэтому образовательными услугами необходимо охватить клиентов учреждений разных форм социального обслуживания, как стационарных, так и нестационарных, где работа по внедрению образовательных программ носит пока точечный и зародышевый характер [3].

Рассмотрим *геронтологические образовательные программы в нестационарных учреждениях социального обслуживания (ЦСО)*. Почти во всех регионах России ЦСО успешно внедряют образовательные программы «Основы компьютерной грамотности». В смоленском ЦСО большим успехом у пожилых людей, прошедших базовую подготовку по компьютерной грамотности, пользуется интерактивная программа «Где-то на белом свете…». Посетители путешествуют с помощью Интернета, совершая экскурсии по городам. Это так называемый социальный туризм, но дистанционный.

В московских ЦСО в рамках комплекса мер «Лучшая половина жизни» действуют факультеты компьютерной грамотности, правовых и медицинских знаний. Огромной популярностью пользуются творческие клубы – студия ручного творчества, клуб здоровья, игровой и литературно-творческий клуб, пресс-клуб, театр моды, театральный кружок, «музыкальное кафе», «релакс-кафе». Проводятся разнообразные психологические тренинги: когнитивных функций, личностного роста, «Мастерская моего «Я», «Возрасты жизни» и др.

В Иркутске пользуется популярностью социальный проект «Медицинская самопомощь и профилактика заболеваний, оздоровительные технологии», где в основном освещается диагностика и приемы оказания первой помощи при неотложных состояниях, связанных с нарушениями функции различных систем организма, а также профилактика ЗОЖ [1].

Особенностью школ третьего возраста в Ленинградской области является развитие социального волонтерства самих пожилых людей посредством разработки и реализации социальных проектов, имеющих большую общественную значимость. Это сотрудничество с домами-интернатами по установлению шефства над проживающими, организация работы по озеленению и благоустройству территории, проведение мастер-классов народ-

ного прикладного творчества, участие в совместных концертах, творческих вечерах и многие другие проекты. Волонтерская деятельность пожилых людей способствует формированию социальной сплоченности участников проектов, развитию милосердия и добровольчества [1].

Во многих региональных ЦСО РФ с целью повышения социальной активности пожилых людей, оказания информационной, психологической и правовой поддержки, организации досуга также реализуются программы по направлениям: основы юридической и финансовой грамотности, культурно-досуговая деятельность, основы ландшафтного искусства и огородничества, основы конфликтологии и др.

Таким образом, образовательные программы для пожилых людей в нестационарных формах обслуживания могут быть самыми разнообразными. Во-первых, важно, чтобы они опирались на понимание старения как ресурсного периода развития; во-вторых, перед внедрением образовательных программ необходимо проводить обязательный мониторинг потребностей клиентов образовательных услуг в конкретном регионе, учитывая региональные и национальные особенности.

Что касается *геронтологических образовательных программ в стационарных учреждениях социального обслуживания,* то увеличение численности населения старших возрастов в России определило увеличение количества стационарных учреждений социального обслуживания – домов-интернатов и геронтологических центров (ГЦ). Потеря близких людей, одиночество, обесценивающее отношение общества и ближайшего социального окружения к лицам пожилого возраста, а также сам факт попадания в учреждение интернатного типа делает актуальной разработку специальных реабилитационных программ для лиц пожилого возраста, включающих услуги по геронтообразованию.

Интересен опыт ярославльского ГЦ. Здесь одной из форм работы с пожилыми людьми является создание обучающих программ для пожилых, направленных на мобилизацию творческого потенциала и мотивирование их жизненной активности. С учетом того, что удлинение творческого периода жизни признается важнейшей задачей современной геронтологии, были разработаны и внедрены в работу следующие направления оптимизации жизни пожилых людей: биографический метод, мемуаротерапия, арт-терапевтический метод. В настоящее время на базе центра разработана также программа по обучению лиц, осуществляющих уход за тяжелобольными пациентами.

В Смоленском геронтологическом центре «Вишенки» реализуется программа «Основы истории православной культуры», где пожилые знакомятся с основами православного вероучения. Приезжает священник и проводит лекции по православной тематике. Интересным является внедрение в «Школе для пожилых» здоровьесберегающих технологий, включающих обучение клиентов профилактике различных заболеваний: сахарно-

го диабета, ИБС и др. Все это позволило повысить информированность пациентов о факторах риска и последствиях заболеваний, сформировать у них навыки контроля за своими заболеваниями, улучшить психологический климат между пожилыми клиентами. На базе Смоленского ГЦ проводятся мероприятия, направленные на преодоление негативных факторов и последствий, связанных не только с психологическими, физиологическими и социальными проблемами пожилых людей, но и с психологическими проблемами обслуживающего персонала. Поэтому в стационарных учреждениях должны внедряться образовательные программы по следующим основным направлениям:

1) по поддержке пожилых людей, позитивному принятию ими старости;

2) по внедрению здоровьесберегающих технологий и программ, где пожилой человек вовлекается в процесс восстановления собственного здоровья и из пассивного пользователя средств реабилитации становится активным участником процесса здорового образа жизни;

3) по профилактике «профессиональной геронтофобии» среди персонала;

4) по расширению социального окружения пожилых людей стационарных учреждений.

В частности, для категории проживающих в Смоленском ГЦ была разработана «Комплексная программа принятия возрастных изменений лицами пожилого и старческого возраста», в которую входил ряд мероприятий: консультации, тренинги, психотерапия (мемуаротерапия, арт-терапия, музыкотерапия, библиотерапия), трудотерапия, различные образовательные программы, направленные на изучение и освоение возрастных изменений и на общее развитие (конфликтология, психология внешности, компьютерные технологии, психология общения, экономика, право и др.), оздоровительные технологии (аутотренинг, диетотерапия, сексуальное образование и др.), которые не только повысят физическое и психическое здоровье пожилых, но и помогут позитивно принять свой возраст, а значит, улучшат качество их жизни.

Со стороны персонала существует также ряд проблем: это и сложные психологические условия работы, что приводит зачастую к эмоциональным перегрузкам, и низкий уровень заработной платы, и, конечно, проблема «профессиональной геронтофобии». Психологической службой стационарных учреждений должны быть разработаны и внедрены в практику специальные программы по профилактике геронтофобии среди персонала.

Таким образом, образовательные программы для пожилых людей как в стационарных, так и в нестационарных учреждениях оказывают непосредственное воздействие на их адаптивные способности. Во многих регионах Российской Федерации образовательные программы не прошли лицензирование, поэтому функционируют в виде кружков по интересам.

Нами было проведено сравнительное исследование образовательных программ в стационарных и нестационарных учреждениях на базе Смоленского геронтологического центра «Вишенки» и Центра социального обслуживания города Смоленска; дома-интерната для престарелых и инвалидов и Центра социального обслуживания города Ярцево.

Задачи исследования:

1) выявить образовательные потребности пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях;

2) провести сравнительный анализ образовательных программ в стационарных и нестационарных учреждениях.

В исследовании на базе дома-интерната для пожилых и в ЦСО города Ярцева приняло участие 80 человек (40 человек стационарного и 40 человек нестационарного учреждения).

Среди опрошенных в стационарном учреждении – 47% лиц мужского пола и 53% женского. Среди пожилых людей, посещающих ЦСО, 35% мужчин и 65% женщин.

По уровню образования участников можно представить следующим образом: в стационарном учреждении 87% имеют среднеспециальное образование, 13% – высшее; в нестационарном – 45% среднеспециальное, 40% – неполное высшее, 15% – высшее.

На вопрос «Нуждаетесь ли Вы в данный момент в получении новых знаний для решения Ваших жизненных проблем, достижения целей?» в стационарном учреждении 60% респондентов ответили положительно, 20% не знают, а 20% не хотят получать знания, при опросе в ЦСО 50% ответили положительно, 25% отрицательно, 25% не знают.

На вопрос «Как Вы считаете, что могут Вам дать образовательные программы?» клиенты ЦСО ответили так: интересный и разнообразный досуг – 10%, новые полезные знания – 55%, общение – 35%; в ЦСО ответы распределились следующим образом: интересный и разнообразный досуг – 55%, новые знания – 75%, общение – 90%.

Ответы на вопрос «Какие предметы были бы для Вас наиболее интересны и важны?» в предложенном перечне программ распределились следующим образом: компьютерная грамотность – в стационарном учреждении 40% и в ЦСО 50%; основы медицинской самопомощи – в стационарном учреждении 10% и в ЦСО 35%; основы юриспруденции – 10 и 35%; психологические знания – 5 и 35%, курсы по шитью и вязанию – 20 и 30%, танцетерапия – 20 и 15%, история православной культуры – 50 и 35%, культурно-досуговая деятельность – 40 и 30% соответственно.

Интересными оказались ответы на вопрос о финансировании образовательного процесса. Ответы среди проживающих в стационаре: государство – 60%, социальные службы – 10%, родственники – 10%, сами проживающие – 20%; ответы респондентов ЦСО: государство – 35%, социальные службы – 50%, частично сам обучающийся – 15%.

Перспективными оказались ответы на вопрос «Как Вы думаете, что необходимо в первую очередь для развития современной системы образования пожилых в нашей стране?». Ответы в стационарном учреждении распределились следующим образом: подготовленные специалисты – 80%, общественно-государственная поддержка – 50%, специализированные образовательные учреждения – 15%, готовность самих пожилых обучаться – 90%; в нестационарном учреждении – 100% отметили готовность самих пожилых обучаться, 70% – что должны быть подготовлены специалисты, 65% клиентов необходима общественно-государственная поддержка, 60% – специализированные образовательные учреждения.

Обратимся к результатам сравнительного исследования реализованных образовательных программ в стационарных и нестационарных учреждениях.

В ЦСО города Смоленска с сентября 2013 года реализуются образовательная программа «Компьютерный класс», здоровьесберегающая программа «Основы медицинской самопомощи», «Основы православной культуры», «Танцетерапия». Занятия проводят преподаватели Смоленского государственного университета, преподаватели танцев спортивных школ г. Смоленска, сотрудники Смоленской епархии. В геронтологическом центре «Вишенки» были внедрены здоровьесберегающие программы, включающие диетотерапию и трудотерапию, основы компьютерной грамотности, возрастную психологию и конфликтологию. Занятия проводят врачи и психологи ГЦ, а также студенты-волонтеры Смоленского государственного университета и Смоленского медицинского колледжа.

Нами было организовано исследование на базе геронтологического центра «Вишенки» и ЦСО г. Смоленска. В исследовании приняли участие по 40 человек из стационарного и нестационарного учреждений.

По половой дифференциации среди опрошенных в стационарном учреждении – 40% мужского пола и 60% женского пола. Среди пожилых людей, посещающих ЦСО, мужчин – 15%, женщин – 85%. В стационарном учреждении 85% имеют образование среднеспециальное, 15% – высшее; в нестационарном – 25% среднеспециальное, 75% – неполное высшее.

Ответы на вопрос «Почему Вы начали обучение?» распределились следующим образом:

– в стационаре: ухудшилось состояние здоровья – 65%, хочу получить новые знания – 100%;

– в ЦСО: хочу получить новые знания – 100%, общение – 15%, расширить кругозор – 100%, адаптация к жизни – 100%.

На вопрос «Как Вы считаете, что дали Вам образовательные программы?» получены следующие результаты:

– в стационаре: улучшение в здоровье – 50%, улучшение настроения – 100%, общение, возможность стать ближе – 50%, спокойней отношусь к окружающим – 25%;

– в нестационарном: новые полезные знания – 100%, общение – 100%, расширились возможности общения через социальные сети и скайп – 85%.

На вопрос «В каких областях Вы бы хотели расширить свои знания или освоить новые предметы?» респонденты стационара ответили:

– в нестационарном учреждении: основы медицинской самопомощи – 75%; юриспруденция – 25%; психологические знания – 35%, культурно-досуговая деятельность – 25%;

– в стационаре: танцетерапия – 20%, история православной культуры – 85%, культурно-досуговая деятельность – 100% .

Все 100% респондентов в стационарном и нестационарном учреждениях оценили полученные знания на отлично и отметили, что будут обязательно применять их в жизни.

Создание *безопасной образовательной среды* должно стать необходимым условием обучения пожилых людей при любых формах социального обслуживания.

Для полноценного и комфортного обучения пожилых людей необходимо соблюдать следующие условия:

1) местонахождение: отдельный выход и пандус для слушателей ЦСО с удобным подходом от лифта до учебного класса в домах-интернатах;

2) создание социально-психологического сопровождения образовательного процесса пожилых людей: обустройство комнаты отдыха на этаже, где идут занятия, чтобы между учебными парами пожилые люди могли отдохнуть и пообщаться между собой в неформальной обстановке;

3) создание материально-технической составляющей: материальные объекты (помещение, интерьер, одежда, питание и др.); субъекты образовательного процесса (педагоги и учащиеся, медицинские работники, психологи, воспитатели); предметная составляющая (программы, учебники, средства обучения и др.); методическое обеспечение (учебно-методические материалы, системы контроля знаний и др.); технические средства (базы данных и справочные системы, хранилища мультимедийной информации);

4) кадровое обеспечение. Создание системы подготовки и переподготовки мультипликаторов, модераторов, тьюторов, герагогов, постоянный обмен опытом работы, обобщение практики, проведение научных исследований и конференций [4].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. Результаты опроса показали: разработка и реализация образовательных технологий для пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания помогут им в процессе адаптации к современным условиям, расширят возможности социальной коммуникации, разнообразят досуг, помогут сформировать новое отношение к себе и социальному окружению. 100% респондентов стационарных учреждений и 85% в ЦСО относятся к образованию положительно.

2. Перед внедрением геронтологических образовательных программ в учреждениях разных форм социального обслуживания необходимо проведение обязательного мониторинга по образовательным предпочтениям, учитывающим экономическую ситуацию в стране, регион проживания, здоровье, пожелания и мотивацию пожилого человека. Наиболее значимыми программами при исследовании образовательных предпочтений были названы: компьютерная грамотность в стационарном учреждении – 40%, в ЦСО – 50%; основы медицинской самопомощи соответственно – 10% и 35%; психологические знания и основы конфликтологии – 5% и 35%; история православной культуры – 50% и 35% соответственно.

3. Образовательные программы в *стационарных учреждениях* имеют более узкую специализацию и направлены в первую очередь на укрепление и поддержку семейных и родственных связей. Среди прошедших обучение самыми нужными программами были названы «Основы компьютерной грамотности» и «История православной культуры». Образовательные программы в стационаре позволили улучшить здоровье 50% респондентов, улучшить настроение – 100%, расширили круг общения у 50%.

4. В *нестационарных учреждениях* (*ЦСО)* реализованные образовательные программы имеют более широкий спектр направлений, нет пространственных ограничений, выше уровень здоровья и самооценки респондентов, что повышает возможности геронтообразования. К наиболее востребованным программам относятся «Основы компьютерной грамотности», «Основы медицинской самопомощи», «История православной культуры», «Танцетерапия». Образовательные программы в ЦСО позволили получить новые полезные знания, расширить круг общения [5].

Таким образом, образовательные программы как в стационарных, так и в нестационарных учреждениях социального обслуживания помогают пожилому человеку овладеть знаниями здоровьесберегающих технологий; позволяют мобилизовать ресурсы для решения своих жизненно важных проблем; способствуют продлению творческой жизни и формированию активной жизненной позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1.Агапова О.В., Кононыгина Т.М. Образование пожилых. Руководство для практической работы. Орел: Изд-во НП «Редакция газеты “Орловская правда”», 2001.

2.Кононыгина Т.М. Концепция геронтообразования в Российской Федерации // Психология зрелости и старения. 2009. № 1.

3.Платонова Н.М., Платонов М.Ю. Инновации в социальной работе. М.: Изд. центр «Академия», 2011. 256 с.

4.Сидорчук Т.А. Сравнительный анализ геронтологических подразделений на базе высших учебных заведений России // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 4(36). С. 433–444.

5.Сидорчук Т.А., Бояринов Д.А. Концепция геронтообразования Смоленского региона // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 2(34). С. 321–328.

T.A. Sidorchuk

Comparative Analysis of Educational Programs for the Elderly in Residential and Non-Residential Social Service Institutions

Key words: *educational programs; the elderly; residential institutions; non-residential institutions; continuous education.*

The article presents a comparative analysis of educational programs for the elderly in residential and non-residential social services institutions, which specify their focus and content. Before the introduction of gerontological education programs it is necessary to carry out the monitoring of educational preferences, taking into account regional specific features. Educational programs in hospitals are more specialized and are aimed primarily at strengthening and support of family and kinship. In non-residential social service institutions educational programs have a wider range of areas; there are no space constraints which increases the possibility of gerontological education.

Е.Н. Мажар

Смоленский гуманитарный университет

УДК 378

Содержание подготовки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию в рамках практико-ориентированной модели

Ключевые слова: *межкультурное взаимодействие; содержание практико-ориентированной модели; современные тенденции; компоненты содержания; практико-ориентированные технологии.*

Статья посвящена рассмотрению содержания подготовки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию в рамках практико-ориентированной модели в свете таких современных тенденций, как единство личностного и профессионального развития будущего специалиста, практическая направленность обучения, одновременная унификация и диверсификация. Автор также подробно исследует четыре основных компонента содержания, соотносимых с формируемыми компетенциями, а именно языковую (лингвистическую), общекультурную, социально-психологическую и профессионально направленную подготовку.

Проведенное теоретическое исследование и проверка его положений в процессе экспериментальной работы позволяют выделить ведущие тенденции в профессиональной подготовке будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе практико-ориентированного подхода. Апробация предлагаемой практико-ориентированной модели подго-

товки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию осуществлялась на базе Смоленского гуманитарного университета.

С очевидностью можно утверждать, что одной из таких тенденций является единство личностного и профессионального развития будущего лингвиста. Приобретая характер императива для практики лингвистического образования, эта тенденция имеет под собой мощное социально-психологическое обоснование: методологический постулат С.Л. Рубинштейна о том, что личность проявляется и развивается в деятельности, выводы Е.А. Климова на основе экспериментальных данных об особом влиянии разных профессий на формирование привычек, интересов, установок, черт личности, тезис современных психологов об «идентификации личности с профессией» как усвоении и отражении в личности основных особенностей конкретного труда.

Развитие личности – это триединый процесс: как индивида на основе наследственности, особой психофизиологической организации, энергетики; как социального субъекта с присущими ему индивидуально-психологическими особенностями, эмоционально-волевыми качествами, темпераментом, характером, направленностью и др.; как субъекта профессиональной деятельности, воспринявшего ее ценности и нормы, опосредованные социально-экономическими факторами. Только гармоничное синкретическое сочетание этих процессов приводит к достижению профессионализма.

Следовательно, становление специалиста как «медиатора культур» не может ограничиваться развитием когнитивно-операциональной сферы, оно производно от сформированного духовно-нравственного ядра личности, от широты ее жизненного опыта, от осознания себя субъектом профессиональной деятельности и понимания ее социальной и общечеловеческой значимости. Профессиональная социализация перестала быть прерогативой работающего человека, она напрямую затронула современное студенчество. Практико-ориентированный подход в немалой степени способствует этому, интенсифицируя основные сферы социализации – общение, самосознание, деятельность.

Практико-ориентированность усиливает роль профессионального сообщества в формировании профессиональной идентичности на этапе вузовской подготовки. Профессиональная идентичность – это осознание себя как части профессиональной структуры, принятие определенного положения в ней, отождествление себя с идеями, ценностями, нормами сообщества. Исследователи отмечают, что профессиональная идентификация осуществляется, прежде всего, посредством общения с представителями профессионального сообщества, которое удовлетворяет информационные потребности будущего специалиста, желание повысить профессиональный статус, проявить оригинальность своей личности в профессиональном плане.

В ходе взаимодействия с представителями профессионального сообщества идет процесс «заимствования» элементов основных типов профессионального мышления и опыта. Сложившиеся профессионально-действенные связи формируют у будущего специалиста способности к самостоятельному целеполаганию и регулированию профессиональной деятельности. Наличие ментально родственной профессиональной среды и полноценное общение с ее представителями стимулируют личностное и профессиональное саморазвитие будущего специалиста [11, с. 148].

Обозначенная тенденция в профессиональной подготовке лингвистов проявила себя через создание условий освоения системы профессиональных знаний и умений, сплетения субъектного опыта студентов с социальным и профессиональным опытом переводческого сообщества, формирования экзистенциальной потребности быть профессионалом, взаимного обмена идеями при решении производственных задач с кураторами практической подготовки, ознакомления с «творческими лабораториями» специалистов-профессионалов, уяснения особенностей индивидуального стиля профессиональной деятельности успешных практиков.

Не менее отчетливой в системе профессиональной подготовки лингвистов является тенденция унификации-диверсификации. Здесь, с одной стороны, происходит выработка единых требований и подходов, переход на единые уровни подготовки не только в национальном, но и в общеевропейском контексте, а с другой – повышается самостоятельность вузов в разработке учебных планов и программ, определении профилей и специализаций, фиксируется разнообразие форм обучения, гибкость индивидуальных образовательных маршрутов, децентрализация ответственности за обеспечение качества конечного продукта.

Диверсификация – это расширение возможностей, пространства свободы студентов и преподавателей, академическая мобильность, поликультурная направленность, языковой плюрализм, что, несомненно, позитивно влияет на развитие языковой личности. Это и разнообразие методических подходов в подготовке лингвистов к межкультурному взаимодействию: дискурсивный, социокультурный, коммуникативно-диалоговый, лингводидактический, эмоционально-концептный, номотетический, фреймовый и др., что благотворно сказывается на повышении профессиональной компетентности кадрового корпуса вуза.

О диверсификации в рамках настоящей концепции справедливо упомянуть в связи с социальной потребностью в подготовке специалистов, способных эффективно проявить себя в различных аспектах и ракурсах межкультурного взаимодействия в сфере культурного сотрудничества, внешнеэкономической деятельности, миграционной политике, бизнесе, политико-правовой сфере, образовательной, туристической и других.

Унификацию обеспечивают стандарты, фиксирующие должный уровень требований, уровень достижений. Профессиональные стандарты разрабатываются согласно статье 195.1 Трудового кодекса РФ. Однако профессиональные стандарты и образовательные стандарты одного вида деятельности не всегда конгруэнтны по отношению друг к другу. Отмечается, что понимание компетенций в новых образовательных стандартах далеко от «широты полномочий и ответственности» как «общей компетенции», обозначенной разработчиками в Национальной рамке квалификаций [9, с. 37], что «академическая квалификация» не идентична «профессиональной квалификации» и, соответственно, происходит «разрыв» между образовательным результатом высшего образования и требуемой квалификационной характеристикой, описанной в профстандарте [6, с. 408].

В разработанной концепции практико-ориентированного подхода в профессиональной подготовке лингвистов к межкультурному взаимодействию выявлены возможности сглаживания подобного противоречия. Так, принципиальным положением является формирование готовности к межкультурному взаимодействию как основы для наращивания профессиональной компетентности. Согласно теории Т.М. Балыхиной [1], профессиональная компетентность имеет уровневый характер и формируется стадиально: элементарный уровень соответствует оптации, пороговый уровень достигается получением профессионального образования, а собственно профессиональная компетентность кристаллизуется на этапе профессиональной адаптации. Практико-ориентированный подход, расширяющий функции преподавателя и предусматривающий супервизию, позволяет выйти за рамки второго уровня и за счет поддержания тесных контактов с выпускниками, профессиональной корпоративности обеспечить вхождение в профессию, достижение оптимального уровня компетентности.

Динамично набирает силу тенденция универсальности в подготовке лингвистов. Сама идея универсализма имеет глубокие научные и философские корни. О нем говорят как о всеобщем философском способе познания действительности в целом, как о «новом философском и политическом мышлении, проявляющемся в придании универсального, общечеловеческого значения наиболее важным элементам культурного опыта» [7, с. 149]. В образовательном пространстве универсальность выражается в описании универсальных системных компетенций (по классификации проекта «TUNING» их более 200), в полипрофессионализме – способности выпускника владеть не только избранной, но и несколькими смежными профессиями [3, с. 29].

А.О. Бударина понимает универсальность специалиста в области иностранных языков и культур как новое качество результативности подготовки лингвистов, способных осуществлять успешную деятельность в условиях неопределенности [2, с. 73]. Амплификация универсальности как характеристи-

ки профессиональной компетентности лингвиста позволила Е.Г. Гришенковой выделить следующие ее характеристики: освоение профессиональных знаний с учетом междисциплинарного характера специальности; развитость субъектной позиции, сформированность рефлексивно-регулятивных умений, направленность на поиск собственных способов разрешения постоянно меняющихся вариативных ситуаций, высокая критичность мышления, способность принимать неординарные решения для выполнения задач в смежных областях специальности, гибкое реагирование на изменения рынка труда в условиях развивающегося информационного общества [4, с. 127]. Универсальность как тенденция в подготовке лингвистов реализуется через ориентацию вузов на выпуск специалистов, способных к эффективной работе в избранной сфере на уровне мировых стандартов; готовых осуществлять деятельность в условиях сетевой формы организации труда, проектных объединений, виртуальных команд.

В настоящей концепции именно готовность к межкультурному взаимодействию рассматривается как проявление универсальности лингвиста. Содержание традиционных и новых профессий, идентифицируемых с иностранными языками и культурами (будь то преподаватель иностранного языка, лингвист, переводчик, собственно специалист в области межкультурной коммуникации или специалист информационной службы для работы в сети Интернет, разработчик WEB-сайтов коммерческих фирм на иностранных языках и др.), в качестве обязательного компонента включает коммуникативно-посреднический, так как везде речь идет об установлении прямых или опосредованных связей представителей разных лингвокультур. Профессиональная деятельность лингвиста по своему родовому предназначению направлена на установление конструктивного взаимообогащающего общения, устранение барьеров, препятствующих успешному социальному взаимодействию носителей разных языков. Кроме того, готовность к межкультурному взаимодействию правомерно рассматривать и как универсальную компетенцию, которая может быть реализована практически в любых сферах деятельности, где продолжат свое профессиональное развитие дипломированные лингвисты.

В целом, содержательный компонент модели профессиональной подготовки обусловлен целеполаганием и, как следствие, имеет в своем составе четыре компонента, соотносимых с формируемыми компетенциями: языковую (лингвистическую), общекультурную, социально-психологическую и профессионально-направленную подготовку.

В содержание языковой подготовки включаются такие традиционные элементы, как знакомство с нормами и правилами современного русского языка и древних языков, способами оперирования ими; усвоение структуры языкознания, основных понятий и категорий лингвистики; понимание общественной роли языка, его происхождения и тенденций развития; использова-

ние типологического подхода в анализе языков, лингвистических и междисциплинарных методов изучения языков; ориентация в ключевых проблемах прикладной лингвистики; следование современным орфоэпическим, лексическим, грамматическим и орфографическим нормам изучаемого языка; владение достаточным арсеналом лексико-фразеологических единиц и актуальными функционально-стилистическими характеристиками иностранного языка; соблюдение правил текстообразования на рабочем языке с учетом связанности, последовательности, целостности избранных композиционно-речевых форм; реализация дискурсивных способов выражения фактологической, концептуальной и фоновой информации иноязычного текста в соответствии с функциональным стилем.

Лингвистическая подготовка с учетом профиля в содержательном плане предполагает обучение переводу: освоение его различных видов, использование лексико-грамматических и синтаксических трансформаций, алгоритмизация предпереводческого анализа, анализ структуры и смысловой архитектоники текста и частей, послепереводческое редактирование.

Признавая значимость языковой подготовки лингвиста, мы разделяем мнение С.Г. Тер-Минасовой о том, что «знать значения правил грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка» [12, с. 28]. Исходя из этого, в содержательном блоке модели мы отдельно выделяем компонент общекультурной подготовки, который соотносится с формированием интеркультурной компетенции и, наряду с этим, отвечает за общий культурный кругозор, широту интересов и эрудицию будущего лингвиста. Его основу составляют так называемые «межкультурные знания», трактуемые как «знание и понимание сходств и различий между культурами родной страны и страны изучаемого языка, знание и понимание регионального и социального разнообразия обеих стран, а также знание более широкого круга мировых культур» [10, с. 105]. Он знакомит с особенностями географического положения стран изучаемого языка, их административно-территориальным устройством, культурным наследием, политико-экономическими и социально-культурными связями с Россией.

В содержательном блоке модели особая роль отводится социально-психологической подготовке лингвиста, коррелирующей с формированием коммуникативной компетенции, эффективно проявляющейся в различных видах и формах межкультурной коммуникации. Практическая направленность содержания выражается в том, что студенты обучаются разнообразным стратегиям установления контакта с представителями разных культур, способам устранения недопонимания, напряженности, конфликтности, обусловленных межкультурными различиями и стереотипами, приемам коммуникативного поведения в различных сферах общественной жизни, приемам идентификации психологических состояний в ситуациях межкультурного общения.

Профессионально направленная подготовка, моделируемая как один из аспектов содержания, увязывается с развитием социализационной компетенции, то есть успешным овладением профессиональными ценностями и субкультурой, формированием у выпускника качеств, которые позволят ему развиваться в профессии и совершенствовать существующие в ней образцы.

К числу профессионально значимых качеств современного переводчика относят весьма широкий спектр способностей, являющихся как метакомпетенциями, так и специализированными свойствами. К метапрофессиональным личностным качествам относятся способность к эффективному общению, мобильность, гибкость, творческие способности, ответственность, готовность к сотрудничеству, прилежание, автономность, способность к саморазвитию, стремление к результативности и высокому качеству работы, поддержание располагающего внешнего облика.

Обобщив личностные характеристики, которые являются профессионально значимыми в переводческой деятельности, Я.Б. Емельянова выделила шесть основных позиций: качества, обусловленные необходимостью работы с информацией (широкий кругозор, интерес к сходствам и различиям между языками и культурами, объективность в отношении к языкам и культурам); требованиями психологической организации труда (сосредоточенность, распределение внимания, стрессоустойчивость, ораторские способности, гибкость, наблюдательность); посреднической миссией (сопоставление языков, культур, преинформационных запасов коммуникантов и компенсация их различий; умение смотреть на вещи с позиций другого); межличностным общением (коммуникабельность, способность к взаимопониманию, речевая и коммуникативная интуиция, культура поведения); морально-этическим компонентом (объективность, надежность, конфиденциальность, толерантность и др.); требованиями к трудовым качествам (усидчивость, организованность, аккуратность, пунктуальность) [5].

Вышеназванные характеристики включаются в содержание образования либо как базовые ценности лингвистической деятельности, которые трансформируются в процессе подготовки в профессиональные ценностные ориентации специалиста, либо как отрабатываемые знания и умения по саморазвитию, самовоспитанию, техники самоменеджмента.

Для выработки у будущих специалистов вышеперечисленных личностных и профессиональных качеств в процессе подготовки эффективно используется решение разнообразных задач, взятых в конкретной ситуации и не имеющих однозначного правильного решения. Например, проектные методы, задачи «скрытого вопроса», задачи-парадоксы, задачи-антиномии, задачи на генерирование творческих идей. Перспективным дидактическим компонентом, тренирующим социальные и профессиональные действия, мы считаем компетентностную задачу как форму организа-

ции учебного материала в виде квазижизненной ситуации. Она формирует предметные, межпредметные и ключевые компетенции [8, с. 133].

Практико-ориентированная модель подготовки специалистов подразумевает активное внедрение в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий, таких как создание в сети Интернет блогов, тематических подборок и портфолио, включающих текстовую информацию, аудио-, видео, графические и фотоматериалы, веб-квесты, коммуникация посредством программ skype, oovoo, видеоконференции, симуляторы, тренажеры, дистанционные курсы и целые игровые онлайн-миры.

Для усиления практико-ориентированного характера обучения в учебном процессе используются курсы, где преподавателем выступает специалист-практик, практикумы, круглые столы, мастер-классы с участием экспертов в профессиональной сфере деятельности и, естественно, производственные практики. Значительным потенциалом в раскрытии личностных качеств и творческих способностей студентов, а также в прививании им традиционных ценностей и формировании гражданской позиции обладает внеаудиторная работа, включающая кружковую, клубную деятельность и организацию разноплановых тематических мероприятий. Среди зарекомендовавших себя форм работы можно выделить волонтерство, в особенности участие в благотворительности, театральные студии, дискуссионные клубы, литературные гостиные, журналистские клубы и др.

Эффективным методом, формирующим самостоятельность, критичность мышления, способность отделять главное от второстепенного, актуализирующим личный опыт, является ситуационно-проблемный метод (метод компетентностных задач, метод анализа конкретных ситуаций, кейс-метод).

В частности, в процессе экспериментальной подготовки лингвистов применяются социокультурные проблемные задачи трех типов: коммуникативные, рефлексивные и смыслотворческие. Первые стимулируют речевые и невербальные действия в ситуации межкультурного взаимодействия. Вторые служат рефлексивному осмыслению субъективного опыта и его сопоставлению с миропониманием других, ценностному освоению продуктов культуры. Третьи актуализируют способность к культурной идентификации, обнаружению сходств между представителями разных культур, порождению новых смыслов в процессе переработки культурно-специфичной информации, декодирования культурно-значимых явлений.

Рассматривая в качестве базового психолого-педагогического механизма межкультурного взаимодействия нравственную регуляцию, в формирующем эксперименте мы активно используем метод решения моральных дилемм. В основе метода – разбор этико-профессиональных ситуаций, типичных или возможных в реальной переводческой практике. Например, нестандартная ситуация, когда требование точности перевода, невмешательства в текст потенциально содержит риск оскорбить слушающего,

нарушить контакты некорректным содержанием речи говорящего либо когда, напротив, ситуация перевода негативно сказывается на национальных чувствах переводчика. При анализе подобных эпизодов, моделировании предполагаемых действий студенты учатся понимать, какие мотивы и факторы национального и наднационального характера могут руководить поведением людей в таких ситуациях, осознают сложность и неоднозначность выбора в подобных случаях, взвешивают его возможные последствия и разрешают конфликт с точки зрения усвоенных нравственных, гражданских и профессиональных ценностей.

Дидактический потенциал кейс-метода способствует его широкому использованию как в рамках дисциплин профессионального блока, так и в модулях общекультурной вариативной подготовки. Сами кейс-стади разнообразны: «полевые» и «кабинетные», «кресельные»; на русском и иностранном языке. Профессионально-ориентированные кейсы касаются различных видов перевода и типов профессиональных ситуаций, порождаемых ими (например, взаимодействие переводчика и заказчика при письменном переводе, сюжеты презентаций, электронной переписки, информирования зарубежных гостей, проведения экскурсий для иностранных делегаций, организация деловых переговоров и т.п.). Использование кейсов при изучении иностранного языка, с одной стороны, воссоздает «профессиональный контекст» и позволяет отрабатывать реальные профессиональные действия, а с другой – инициирует свободу мысли, поиск, готовность действовать нестандартно в различных ситуациях.

Прохождение студентами тренингов, направленных на формирование способности к эффективной коммуникации и сотрудничеству с представителями иных лингвокультур на основе признания ценности собственной культуры и уважения культурного опыта другого лингвосоциума, позволяет решить такие конкретные педагогические задачи, как развитие интереса к культурному многообразию; категорический отказ от этноцентризма и склонности познавать и оценивать сквозь призму культурных фильтров; повышение терпимости к межкультурным различиям; формирование релятивистских убеждений; стремление к установлению профессиональных и личных контактов с представителями других культур. Различные тренинговые программы включены в учебный план или предлагаются студентам в вузе на регулярной основе в рамках дополнительного образования.

В целом, можно сделать вывод, что содержательный компонент модели профессиональной подготовки будущих лингвистов к межкультурному взаимодействию на основе практико-ориентированного подхода представляет собой целесообразно отобранную совокупность фактов, теорий, научных и социальных идей, способов деятельности, норм и оценок, образцов передового опыта, сбалансированную с точки зрения гармоничного формирования основных составляющих готовности к практической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина Т.М. Структура и содержание профессиональной компетенции филолога: автореф. дис. … д-ра пед. наук. М.: ГИРЯ, 2000. 52 с.
2. Бударина А.О. Универсальность специалиста в области иностранных языков и культур как новое качество результативности подготовки лингвистов // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 5. С. 71–76.
3. Вечедов Д.М., Вечедова А.Д. Полипрофессионализм в педагогическом колледже как условие формирования социально-экономической активности студентов // Среднее профессиональное образование. 2008. № 1. С. 29–30.
4. Гришенкова Е.Г., Лукьянова М.И. Амплификация универсальности будущего специалиста-лингвиста: поиски решения проблемы // MODERN HIGH TECHNOLOGIE. 2016. № 3. С. 122–127.
5. Емельянова Я.Б. К вопросу о важности формирования личностных характеристик в процессе подготовки переводчика в сфере профессиональной коммуникации // Педагогика и современность. 2013. № 2. С. 102–106.
6. Зарипова Е.И. Педагогическая интернатура как способ устранения «разрыва» между образовательным и профессиональным стандартами педагога // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. С. 407–411.
7. Канке В.А. Философия. М.: Изд. корпорация «Логос», 1997. 351 с.
8. Мажар Е.Н. Компетентностная задача как оптимальное средство подготовки лингвиста // Известия Смоленского государственного университета. 2016. № 2(34). С. 258–268.
9. Митягина В.А. Рамка квалификаций, квалификационный перечень, профессиональный стандарт: ориентиры вуза и / или рынка труда? // Вестник ВолГУ. 2013. Серия 6. Вып. 14. С. 30–41.
10. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. Cambridge University Press; МГЛУ, 2003. 256 с.
11. Руднева Е.Н., Костянов В.В. Профессиональное сообщество как фактор формирования профессиональной идентичности студентов на этапе профессиональной вузовской подготовки // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2010. № 6. С. 145–149.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

E.N. Mazhar
Content of Training Students Majoring in Linguistics for Cross-Cultural Interaction within Practice-Oriented Model

Key words: *training students majoring in linguistics for cross-cultural interaction; content of practice-oriented model; current trends; content components; practice-oriented teaching technologies.*

The paper is concerned with the content of training students majoring in linguistics for cross-cultural interaction within practice-oriented model in the context of such modern trends as unity of personal and professional development of the future specialist, practical orientation of teaching, simultaneous unification and diversification. The author examines in detail the four main components, correlated with corresponding developed competencies, namely, language (linguistic), general cultural, socio-psychological and vocational training.

Н.В. Макерова
Филиал Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске

УДК 378.14

Технология профессиональной подготовки специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма средствами иностранного языка (теоретический обзор)

Ключевые слова: *качество образования; профессиональная подготовка; профессиональная компетентность и конкурентоспособность; специалисты сферы спортивно-оздоровительного туризма; технология; иноязычное образование.*

Система образования в вузах физической культуры и спорта ориентирована на повышение качества профессиональной подготовки, на поиск педагогических инструментов ее эффективного функционирования. Решение проблемы продуктивности связано с разработкой и реализацией инновационных технологий, призванных воплощать конкретные компетентностные модели, достигая реального образовательного результата. Инновации в иноязычном образовании студентов нелингвистического профиля вызывают сегодня особый интерес. Статья посвящена обоснованию актуальности и рассмотрению основных теоретических аспектов проектирования, внедрения и содержательных характеристик инновационной технологии профессиональной подготовки специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма средствами иностранного языка.

Компетентностная образовательная парадигма высшей школы физической культуры и спорта задает курс на повышение качества профессиональной подготовки специалистов всех направлений и профилей, отвечающей высоким требованиям международных стандартов, выступающей гарантом профессиональной компетентности и конкурентоспособности.

Согласно экспертным данным, успешное функционирование туристической индустрии в целом, а также рекреационного и спортивно-оздоровительного сектора в частности определяется, наряду с другими факторами, уровнем иноязычной подготовки кадров [7].

В соответствии с положениями ФГОС ВО третьего поколения специалист по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму не может считаться профессионально компетентным без владения иностранным языком в формате не только повседневно-бытового, но и профессионально-делового взаимодействия, что, в свою очередь, обусловливает актуальность не просто изучения иностранного языка как такового, а освоения профессии в процессе иноязычного образования.

Профессиограмма специалиста по РиСОТ предполагает «субъект-субъектную» систему профессионально-деятельностных отношений, основанных на коммуникации, зачастую на иностранном языке [14]. Это означает, что в процессе обучения у студентов данного направления подготовки должна быть сформирована не просто иноязычная коммуникативная компетенция (ИКК), а иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция (ИПКК), отвечающая за эффективное решение типичных и нетипичных задач, возникающих в процессе трудового взаимодействия, учитывающая специфику, особенности и интересы конкретной профессии, являющаяся, с одной стороны, элементом компетентности специалиста конкретной отрасли, а с другой – инструментом ее формирования.

Очевидно, что ИПКК кадров сферы спортивно-оздоровительного туризма (СОТ) важна для обогащения профессиональной концептосферы за счет сведений теоретической и практической направленности из зарубежных источников, установления деловых контактов и обмена опытом с иноязычными коллегами, речевого взаимодействия с участниками конференций, форумов, travel-проектов, для высокоуровневой организации фестивалей, международных соревнований, качественной работы судейских кадров. Эффективное функционирование Международной федерации спортивного туризма, а также Федерации спортивного туризма России невозможно, если персонал данных организаций не владеет профессионально ориентированным иностранным языком.

Кроме того, в очередной раз ссылаясь на требования ФГОС ВО 3+, подчеркнем, что компетентностная модель бакалавра по СОТ предполагает широкий спектр аналитических и организаторских, прогностических и рефлексивных способностей, «гибких» качеств, формирование которых – зона ответственности не одной «профилирующей» дисциплины, а комплексной профессиональной подготовки, гармоничным компонентом которой является иноязычное образование.

Однако специалисты утверждают, что уровень владения иностранным языком студентов физкультурных вузов (спортивно-оздоровительный профиль не исключение) в целом остается очень низким, что уж говорить о профессиональном компоненте иноязычной подготовленности, который предусматривает владение терминосистемой, понятийным аппаратом, навыками чтения, перевода и интерпретации специальной литературы, стратегиями профессионально опосредованной кросскультурной коммуникации [4]. Вместе с тем, по мнению А.И. Павлова, развитие иноязычных способностей контингента обучающихся в вузах ФКиС – это направление подготовки, на которое «не жаль выделять дополнительные средства и силы» [12, с. 42].

Теоретический анализ-синтез современных тенденций профессионального физкультурно-спортивного образования позволил нам конкретизировать его наиболее актуальные направления, реализуемые в компетентностном формате, а также найти точки соприкосновения с иноязычной

подготовкой специалистов спортивно-оздоровительного туристского сектора. Среди них выделим:

- *модернизационное;*
- *технологизационное;*
- *динамизационное;*
- *индивидуализационное;*
- *гуманизационное;*
- *гуманитаризационное;*
- *профилизационное;*
- *интеграционное (на межпредметном уровне).*

Модернизационное направление системы профподготовки соотносится с необходимостью повышения качества образования, приведения в соответствие реального образовательного результата и высоких социально-экономических отечественных и международных требований, предъявляемых к кадровой инфраструктуре отрасли физической культуры и спорта [9]. Мы согласны с А.В. Рубцовой и Н.В. Поповой, которые отмечают, что решение проблемы продуктивности образования в высших учебных заведениях на сегодняшний день связано с реализацией инновационных научно-педагогических идей в сфере иноязычной подготовки [13; 15].

Технологизационное направление физкультурно-спортивной образовательной деятельности состоит в системном выражении и внедрении передовых научных разработок, инноваций в учебный процесс в целях его оптимизации, алгоритмизации, эргономизации, продуктивизации. Технологический подход предполагает детальное инструментальное управление процессом профессиональной подготовки (иноязычной подготовки в частности), образовательным сценарием, а также планомерное достижение реальных прогнозируемых образовательных результатов, составляющих компетентностную модель, будущих выпускников [10; 16].

Динамизационное направление, ориентированное на подготовку физкультурно-спортивного резерва, связано с ускорением темпов генерации, обработки, интеграции и распространения информации, в том числе иноязычной, непрерывными изменениями и обновлениями педагогических технологий, моделей, подходов, что сопряжено с необходимостью соответствовать динамике данных процессов, обогащать образовательный «бэкграунд», повышать компетентностный потенциал, оперативно реагировать на преобразования профессиональной сферы, адаптироваться к различным кондициям и контекстам деятельности, самому выступать инициатором и конструктором инновационных идей.

Индивидуализационное направление профессиональной подготовки делает акцент на потребностях, интересах, запросах, ожиданиях, мотивах, ценностных ориентациях личности. Учет индивидуальных способностей и возможностей, базовых характеристик личности, особенно важный для

представителей физкультурно-спортивного сектора, содействует более успешному развертыванию профессионально-познавательного процесса.

Гуманизационное направление, внедрение личностно ориентированных педагогических технологий (технологий обучения иностранному языку в частности) призвано создать эргономичную базу для трансформации внутренних интенций личности обучающегося в «живой» результат, способствующий быстрому и безболезненному включению в систему профессионально-личностных отношений.

Гуманитаризационное направление образования в вузах ФКиС ориентирует на формирование системного мышления, общечеловеческой культуры, интеллектуального и духовного потенциала личности в процессе изучения общественных дисциплин, иностранных языков, освоения гуманитарных технологий [3; 11]. Г.А. Бордовский отмечает, что овладение гуманитарными технологиями ведет к формированию надпрофессиональных качеств: умений решать интегрированные задачи в самых разнообразных видах деятельности, мобильно и адекватно реагировать на возникающие в них перемены, содействуя повышению качества жизни в целом [2].

Профилизационное направление отчетливо прослеживается в наполнении гуманитарных дисциплин профессиональным содержанием, продиктованным все тем же ФГОС ВО; соответственно, принцип учета специальности, специфики профдеятельности должен быть положен в основу системы иноязычного образования, что позволит рассматривать ИПКК не только как средство профессионального общения, но и как средство освоения профессии.

Интеграционные процессы на междисциплинарном уровне направлены на обобщение и универсализацию содержания профессионального образования, формирование системности, комплексности знания и мышления личности и предусматривают проникновение образовательного потенциала одной предметной отрасли в формат другой, междисциплинарное взаимодействие субъектов образовательного процесса [1; 6]. Очевидно, что учебный модуль «Иностранный язык» должен формировать матрицу профессиональных компетенций наряду со специальными дисциплинами; более того, в формате межпредметного партнерства зачастую происходит наслоение образовательного результата, полученного в рамках одной дисциплины, на результат обучения по другой.

Таким образом, проанализировав социально-экономический заказ (ФГОС ВО), цели конкретного вуза (Смоленская государственная академия физической культуры, спорта и туризма), актуальные тенденции в системе многоаспектного компетентностного образования, а также результаты диагностики текущего состояния проблемы иноязычной подготовки кадров по СОТ, мы выявили острую практическую необходимость в теоретической разработке и экспериментальной апробации инновационной технологии профессиональной подготовки специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма средствами иностранного языка.

Отметим, что в рамках данной статьи мы постараемся осветить основные теоретические аспекты разработки, проектирования и внедрения инновационной технологии обучения, сфокусируемся на ее содержательных характеристиках, практические же аспекты реализации в условиях эксперимента будут рассмотрены нами в последующих публикациях.

Разработка, проектирование и внедрение инновационной технологии осуществлялись в несколько последовательных этапов.

Так, констатирующий педагогический эксперимент, проведенный на базе СГАФКСТ (2015–2016 учебный год), выявил существенные недостатки профподготовки кадров сферы спортивно-оздоровительного туризма, обусловленные неэффективностью традиционной технологии обучения иностранному языку, не удовлетворяющей должным образом требованиям полноценного наполнения компетентностной матрицы будущих специалистов соответствующего профиля, в частности профессионального компонента иноязычной компетенции. С учетом выявленных данных нами были сформулированы концептуальные положения проектирования инновационной технологии. Так, предполагаемая технология должна была характеризоваться следующими определениями:

1) *полиподходная*, включающая несколько подходов к организации образовательного процесса, органично дополняющих научно-теоретический базис системы обучения по технологии:

– компетентностный (базовый), реализация которого, как отмечает А.И. Загревская, является способом достижения нового качества физкультурно-спортивного образования в высшей школе [5];

– личностно ориентированный (вспомогательный);

– деятельностный (вспомогательный);

– коммуникативно-когнитивный (вспомогательный);

– контекстный (вспомогательный);

2) *профессионально ориентированная*, учитывающая специфику профессиональной деятельности будущих специалистов спортивно-оздоровительной сферы, а именно:

– требования к профессиональным компетенциям;

– требования к профессиональным качествам;

– условия трудовой деятельности;

– характеристики основных трудовых действий;

3) *личностно ориентированная,* разработанная на основе учета базовых индивидуальных характеристик личности обучающихся:

– целей;

– потребностей;

– ожиданий;

– возможностей;

– трудностей;

– предпочтений;

4) *мотивационно ориентированная*, направленная не только на учет, но и на формирование мотивации будущей профессиональной деятельности, освоения ее основ в процессе изучения иностранного языка в вузе;

5) *интегративная* (межпредметные связи), выстроенная на основе тесного конструктивно-содержательного сотрудничества ведущих экспертов (на уровне конкретного вуза) в области преподавания:

– учебного модуля «Иностранный язык»;

– профильной дисциплины «Основы спортивно-оздоровительного туризма»;

6) *рефлексивно-творческая*, рассчитанная на проявление и целенаправленное формирование рефлексивных и креативных способностей, реализующихся в формате индивидуальных, парных, групповых, фронтальных форм сотрудничества обучающего и обучающегося, обучающихся между собой с опорой на адекватный педагогический инструментарий и ориентацией на самообразовательную деятельность.

На основе разработанных положений нами была спроектирована концепция содержания инновационной технологии, выраженная в определении ее задач, функций, принципов, педагогических условий реализации, результата, ключевых критериев оценки, структурных элементов.

Так, задачами реализации технологии являются:

– *формирование профессиональной направленности личности (ПНЛ);*

– *формирование профессионально-познавательной мотивации (ППМ);*

– *формирование профессионально значимых компетенций и качеств (ПЗК и К)* будущих специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Технология призвана выполнять следующий функционал:

– *способствовать модернизации* системы профессиональной подготовки кадров по СОТ;

– *способствовать алгоритмизации* иноязычного обучения будущих специалистов рекреационной и спортивно-оздоровительной индустрии;

– *способствовать продуктивизации* профессионально-познавательной деятельности в процессе изучения иностранного языка студентами соответствующего профиля;

– *способствовать комфортизации* условий достижения конкретных образовательных результатов на базе «работающей», а не номинальной модели профессионального обучения;

– *способствовать интеграции, усилению межпредметных связей* гуманитарных и профильных учебных модулей.

Теоретическую основу технологии составили следующие *принципы*:

– *учета требований компетентностного подхода;*

– *учета особенностей социально-профессиональной среды;*

– *стимулирования мотивационных основ профдеятельности;*

– *квазипрофессионального образовательного моделирования;*

– *комплексного формирования профессиональной компетентности;*

– *междисциплинарности;*

– *ориентированности обучения на конечный результат* [8; 15].

Технологизированное обучение профессионально ориентированному иностранному языку предполагает планомерное соблюдение конкретных педагогических условий его эффективной реализации:

– *компетентностная образовательная среда* (формирование заданного набора компетенций для специалиста соответствующего профиля);

– *личностно-центрированная образовательная среда* (учет и формирование особенностей мотивационной сферы личности будущего специалиста, связанных с процессом обучения в целом и обучения профессии в частности);

– *профессионально-центрированная образовательная среда* (учет требований будущей профессиональной деятельности и формирование прочного фундамента соответствия данным требованиям);

– *деятельностная образовательная среда* (освоение основ профессии в процессе выполнения профессионально значимых действий и операций);

– *практикоориентированная образовательная среда* (реализация моделей практического применения профессионально значимой информации, профессионально важных, а также «гибких» компетенций и качеств);

– *контекстная образовательная среда* (моделирование квазипрофессиональной деятельности);

– *коммуникативная образовательная среда* (речевое взаимодействие в условиях имитирования ситуаций профессионально-деловой коммуникации с учетом социокультурных различий).

Результатом обучения на основе обсуждаемой технологии была определена *персональная профессиональная компетентность и конкурентоспособность* (ПК и К) специалиста сферы спортивно-оздоровительного туризма.

Ключевыми критериями сформированности персональной ПК и К бакалавра профиля «Спортивно-оздоровительный туризм» являются:

– *на мотивационном уровне:*

– уровень сформированности профессиональной направленности личности;

– уровень профессионально-познавательной мотивации;

– *на компетентностном уровне:*

– уровень сформированности иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК);

– уровень сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции (ИПКК);

– уровень профессиональной готовности (ПГ);

– *на оценочном уровне:*

– уровень профессионально-личностной удовлетворенности (ПЛУ) от пройденного курса иноязычного обучения;

– субъективная оценка эффективности технологии;

– объективная оценка эффективности технологии.

В качестве структурных элементов технологии профессиональной подготовки специалистов сферы СОТ средствами иностранного языка выступают следующие блоки:

– *мотивационный* (система мотивационных воздействий);

– *содержательный* (содержание учебно-познавательной и самообразовательной деятельности);

– *процессуальный* (инструменты управления учебно-познавательной и самообразовательной деятельностью);

– *мониторинговый* (система контролирующих воздействий).

Целенаправленное воздействие данных структурных элементов формирует следующий стержневой *блок профессионально-личностного становления* специалиста сферы СОТ, базовыми характеристиками которого являются:

– профессиональная направленность личности;

– профессионально-познавательная мотивация;

– профессионально значимые компетенции и качества, что в совокупном сложении, а также при наслоении кумулятивного эффекта от освоения «профилирующей» дисциплины дает персональную профессиональную компетентность и конкурентоспособность специалиста соответствующего профиля.

Анализ указанных содержательных характеристик позволил нам обосновать и конкретизировать модель управления учебно-познавательной и самообразовательной деятельностью с подбором адекватного педагогического инструментария, написать рабочий алгоритм технологии, создать графический макет технологической модели обучения, блок-схем ее элементов и реализации, а также подготовить учебно-методическое и материально-техническое обеспечение технологии, плановую документацию.

Так, на мотивационном уровне основу технологии профессиональной подготовки составила модель ARCS Джона Келлера, которая включает четыре базовых элемента – этапа: внимание (attention), значимость (relevance), уверенность (confidence) и удовлетворение (satisfaction) – и реализуется за счет элементов личностно ориентированного, интерактивного, проблемно-контекстного, диалогичного и рефлексивно-творческого обучения с возможностью выстраивания индивидуальной образовательной траектории.

На содержательно-процессуальном уровне основу технологического обучения представил разработанный нами специализированный авторский комплекс профильных приложений (учебное пособие «Основы спортивно-оздоровительного туризма» по курсу «Английский язык», практикум «Спортивно-оздоровительный туризм: ситуации, задачи, решения»), а также мультимедиа-тьютор и банк прагматических заданий.

На мониторинговом уровне в систему контролирующих воздействий инновационной технологии вошли следующие контрольные испытания:

– входное тестирование (на базе авторской разработки «Level-test»);

– двухуровневое итоговое тестирование (на базе авторской разработки «Final test» и «Profi-test»);

– анкетирование на выявление уровня ПНЛ и ППМ, на определение личностных профессионально направленных целей, ожиданий, потребностей и возможностей, уровня личной удовлетворенности от пройденного курса иноязычного обучения, субъективной оценки эффективности технологии;

– чек-листы изменений (мониторинга мотивации, оценки и самооценки).

Инновационная технология была внедрена в образовательную практику в рамках формирующего педагогического эксперимента (2016–2017 учебный год), что существенно улучшило качественные показатели результатов многокомпонентного обучения студентов Смоленской государственной академии физической культуры, спорта и туризма.

Таким образом, разработанная нами и реализованная на практике инновационная технология профессиональной подготовки специалистов сферы СОТ средствами иностранного языка явилась механизмом воплощения компетентностной модели на практике, решением вопроса о повышении качества и эффективности профессионального образования бакалавров соответствующего профиля. Мы можем с уверенностью сказать, что иноязычное образование на базе данной технологии способно не только обогатить общую культуру личности специалиста отрасли спортивно-оздоровительного туризма, но и пополнить копилку его будущих профессиональных достижений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессмельцева Е.С. Межпредметная интеграция в обучении студентов неязыковых факультетов иностранному языку // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 27. С. 106–109.

2. Бордовский Г.А. Гуманитарный технолог: от идеи к воплощению // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. № 10. С. 3–5.

3. Вучева В. Аспекты гуманизации образования по физической культуре студентов вуза // Теория и практика физической культуры. 2006. № 7. С. 24–27.

4. Ершова Н.Г. Развитие творческого потенциала будущих специалистов в сфере физической культуры и спорта в процессе обучения иностранному языку // Теория и практика физической культуры. 2015. № 6. С. 39–41.

5. Загревская А.И. Физкультурно-спортивное образование студентов как предмет системного исследования // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 176–180.

6. Канцур А.Г., Мосина М.А. Формирование лингвометодической компетентности студентов в условиях междисциплинарной интеграции // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11841 (дата обращения: 30.09.2017).

7. Комарова Л.К., Феденева И.Н. Проектный подход к формированию системы инновационного образования при подготовке бакалавров по направлению «Туризм» // Alma mater. 2014. № 9. С. 61–66.

8. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Основы профессиональной лингводидактики: монография. М.: Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (АПКиППРО), 2015. 232 с.

9. Лубышева Л.И. Концепция модернизации процесса профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту (авторский проект) // Теория и практика физической культуры. 2003. № 12. С. 13–17.

10. Мясникова Т.И. Технологический подход к профилизации профессиональной подготовки специалистов по физической культуре и спорту // Омский научный вестник. 2008. № 1. С. 105–107.

11. Нурутдинова А.Р., Дмитриева Е.В. Инновации – вектор развития образовательного пространства университета // Символ науки. 2016. № 1. С. 180–186.

12. Павлов А.И. Современные аспекты организации учебного процесса и оценки профессиональной подготовленности выпускников СГАФКСТ: сборник материалов 67-й научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава СГАФКСТ по итогам НИРС за 2016 г. Смоленск, 2017. С. 39–48.

13. Попова Н.В. Междисциплинарные мобильные дидактические модули как дополнительный ресурс в обучении студентов иностранному языку // Alma mater. 2013. № 4. С. 50–55.

14. Профессиограмма бакалавра по рекреации и спортивно-оздоровительному туризму / В.С. Макеева [и др.] // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2. С. 310–313.

15. Рубцова А.В. Продуктивная лингводидактика: стратегии реформирования иноязычного образования в высшей школе // Alma mater. 2014. № 5. С. 91–94.

16. Тануркова Е.И. Новое качество образования как результат технологизации образовательного процесса // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2011. Т. II. С. 195–197.

N.V. Makerova

Technology of Professional Training of Specialists in the Field of Sports and Health-Improving Tourism by Means of a Foreign Language (Theoretical Review)

Key words: *quality of education; professional training; professional competence and competitiveness; specialists in the field of sports and health-improving tourism; technology; foreign language education.*

The system of education in higher educational institutions of physical culture and sports is focused on improvement of professional training quality and search for pedagogical tools to ensure effective functioning of the education system. The solution of the productivity problem is related to the development and realization of innovative technologies designed to implement specific competence-based models into real educational process thus improving its results. Innovations in foreign language education of non-linguistic profile students are of particular interest today. The article is devoted to the main theoretical aspects of development, implementation and content characteristics of the innovative technology of professional training of specialists in the field of sports and health-improving tourism by means of a foreign language.

М.В. Александрова
Региональный институт профессионального развития (г. Великий Новгород)

В.Н. Аверкин
Центр по работе с детьми и молодежью «Алые паруса» (г. Великий Новгород)

А.Г. Ширин
Департамент образования Новгородской области

А.Л. Гавриков
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

УДК 378.1

Принципы и сущностные характеристики стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой

Ключевые слова: *стратегическое управление; инновационное управление; территориальная образовательная система; принцип открытости и корпоративности организации стратегического управления; принцип сбалансированного стратегического сотрудничества и индивидуального успеха (праксиологичности).*

В статье рассматриваются концептуальные основания стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой (принципы, критерии результативности реализации стратегии), раскрывается в данном контексте практика управления образованием Новгородской области.

Исследование проблем развития территориальных образовательных систем, теоретическое осмысление успешного практического опыта управления ими, обобщение теоретических идей в области стратегического и инновационного менеджмента позволяют обосновать принципы и сущность стратегического и инновационного управления образованием на конкретной территории.

Под принципами мы понимаем исходные научные положения, определяющие нормы деятельности в проектировании, организации, развитии территориального образования.

Мы полагаем, что при выявлении и обосновании принципов стратегического управления территориальными образовательными системами необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Прежде всего, данные принципы не являются всеобъемлющими, учитывают специфичность предмета исследования. Это означает, что современные общие принципы государственной политики в области образования, такие как его гуманистический характер, общедоступность, свобода и плюрализм, демократический государственно-общественный характер управления и др., задают рамку действия принципов специфичных, преломляются и отражаются в них. Кроме того, обеспечиваемые принципы конструирования и стратегического управления территориальным образованием не противоречат вышеуказанным, наполняют их особым содержанием, дополняют и развивают, но не повторяют известных общих положений.

Необходимо также отметить, что эти принципы задают норму деятельности и организации стратегического управления не просто как элемента, малой части «большой системы», а как особого социокультурного организма (территориальной образовательной сферы), находящегося в сложных взаимосвязях с другими сферами в общем пространстве культурно-исторической практики, причем это не есть отдельный процесс управления и организации образования на той или иной территории, но специфический тип общих, универсальных явлений и процессов, происходящих в сфере образования.

Отсюда – понимание принципов стратегического управления как особого типа общих принципов развития образованием.

Выделяемая совокупность взаимосвязанных положений носит конкретно-исторический характер, отражает происходящие сегодня в стране процессы, зону их возможного и желаемого ближайшего развития, намечает уровень теоретического знания. В ходе стратегического проектирования и осуществления образовательной практики, решения стратегических задач создаются условия и возможности для коррекции и развития самих принципов и норм управленческой деятельности,

Итак, мы выделяем следующие основные принципы стратегического инновационного управления образованием: культурно-исторической преемственности и социально-психологической направленности, целостности и комплексности, открытости и корпоративности, партиципативности и иерархичности, оптимального сочетания процессного и функционального управления, сбалансированного синергетического сотрудничества и индивидуального успеха (праксиологичности).

Осуществление принципа культурно-исторической преемственности и социально-психологической направленности инновационного стратегического управления территориальной образовательной системой означает сохранение и воспроизводство основных форм и механизмов организации территориального образования, выработанных и длительно

действующих в историческом опыте, создание культурных аналогов утерянных, новых социокультурных форм и способов деятельности, обеспечивающих развитие территории образования в контексте культурно-исторической практики. К числу таких форм и механизмов прошлого, нуждающихся в восстановлении и развитии, следует отнести опыт организации «учебных округов», триаду «центральные органы управления, территориальные органы, университет», идеи культурно-образовательного центра и организации образования, множественности и сбалансированности государственных, общественных сил, занятых в образовании, и др. Преемственность в развитии территориального образования тесно связана с сохранением национальных традиций. Это предполагает особые способы конструирования содержания образования, особые формы и методы, обеспечивающие подготовку граждан к жизни в многонациональном, плюралистическом обществе. Социально-психологическая направленность управления позволяет учитывать личностные особенности субъектов образования и оптимально воздействовать на них, использовать неформальные методы координации, руководства и организации. Реализация идеи преемственности позволяет современным территориальным образовательным процессам находиться в русле культурно-исторической практики, носить эволюционный характер закономерного воспроизводства, смены наследования и развития содержания и форм отечественного образования.

Принцип преемственности и социально-психологической направленности в управлении применим по отношению как к территориальной системе образования в целом, так и к ее отдельным институтам, типам и уровням образования (образование в малом городе и сельской местности, в школе средней, высшей и др.) со своими традиционными формами и механизмами организации.

Принцип целостности и комплексности организации в процессе стратегического инновационного управления территориальным образованием предполагает формирование целостной системы, эффективно реализующей основные социальные функции и цели образования. Это принцип становления территориальной системы как единого социокультурного организма, внутренняя целостность которого обеспечивается не только взаимосвязанностью и взаимодействием разных компонентов, подсистем, уровней, социальных и образовательных институтов, сбалансированностью их деятельности и согласованным динамическим развитием в едином образовательном комплексе. Не менее важно непрерывное воспроизводство основных жизненно значимых для целостности функций и качеств (интегративных, социальных и социокультурных), характеристик, инвариантов содержания и организации территориальной образовательной системы. Принцип целостности предполагает самодостаточность в процессе управления, полноту основных образовательных институтов и обеспечивающих их научно-методических, информа-

ционных и инновационных, кадровых и финансово-экономических, управленческих территориальных инфраструктур.

Важнейший критерий целостности территориального образования – гарантированные эффективность и качество образования в любой территориальной, муниципальной системе и любом типе образовательной организации, верифицируемость результатов обучения в разных районах, населенных пунктах города и села, осуществление единства и непрерывности образования при множестве каналов и возможностей его получения, чему и служит весь комплекс стратегического инновационного управления по обеспечению территориального образования, целевой подход и многоуровневая программно-проектная деятельность, система непрерывного педагогического образования, сквозные информационные технологии, единые финансово-экономические механизмы, общая законодательно-правовая база [1, с. 48].

Итак, принцип целостности и комплексности стратегического управления предполагает, что территориальная образовательная система выступает субъектом управленческой деятельности в более широком (федеральном и международном) культурно-образовательном пространстве, осуществляет собственную стратегию и вступает в отношения сотрудничества, кооперации, участвует в формировании общей государственной политики в области образования и учитывает экологические, экономические, организационные, социальные, демографические и другие аспекты управления в их взаимосвязи.

Принцип открытости и корпоративности организации стратегического инновационного управления означает такую организацию стратегического управления территориальным образованием, которая обеспечивает его развитие через продуктивное взаимодействие образовательных структур с различными видами социальных и культурно-образовательных практик, воспитание корпоративного духа субъектов образования, привитие им ценностей корпоративной культуры, вовлечение их в определение и решение стратегических вопросов территориальной образовательной сферы.

Принцип открытости и корпоративности подразумевает преодоление тенденций провинциализации образования, решение проблем коммуникации и изоляции территориального образовательного пространства от общероссийского и мирового, то есть обеспечение соответствия всероссийским и международным стандартам и возможности адаптации человека в современном мире интеркультурных коммуникаций.

Открытость и корпоративность образования предполагает формирование обучающегося региона, в котором каждый субъект образования не только придерживается определенных ценностей, применяет определенные правила принятия и реализации решений, но и обладает способностью пересматривать их в соответствии с изменениями окружающей среды.

Кроме того, важно, чтобы территории активизировали центр, а результаты развития территориального образования могли быть мультиплицированы как на другие территории, в другие районы, страны, так и на федеральный уровень, вести к возникновению новых функций стратегического инновационного управления во всех ветвях власти, международных отношениях.

Таким образом, организация территориального образования может быть направлена на решение не только собственно территориальной проблемы, но и общих задач переустройства образования, развития самого общества. И в этом контексте стратегическое управление выступает фактором проектирования и реализации развития территориального образования.

Принцип партиципативности и иерархичности означает реализацию идей самоуправления, демократического лидерства и личного участия при сохранении некоторых положений иерархической, бюрократической системы управления (иерархия власти и ответственности, профессиональные знания на каждой ступеньке иерархии и др.). В процессе стратегического инновационного управления управленческое взаимодействие принимает партисипативный характер, который проявляется в демократическом распределении ролей между участниками стратегического процесса и их широкой партиципации в принятии стратегически важных решений. Успех стратегического процесса зависит от реального участия в нем субъектов территориальной образовательной системы, от их заинтересованности в том, как, в каком направлении и в какой мере осуществляются изменения в образовании.

Коллегиально принятые решения являются в стратегическом инновационном управлении наиболее предпочтительными, поскольку в основе их принятия находится большой объем разнообразной информации, учитывающей различные точки зрения, опыт и знания членов коллектива. Такие решения хорошо принимаются территориальным сообществом и лучше претворяются в жизнь.

Как отмечают М.Н. Певзнер, Р.М. Шерайзина, А.Г. Ширин, участие сотрудников в стратегическом процессе осуществляется в форме прямой (участие специальной целевой группы в разработке стратегии), косвенной (мнение выясняется на основе результатов письменных и устных опросов заинтересованных лиц) и репрезентативной партиципации (обеспечение и реализация стратегии представительскими органами) [5, с. 66].

Эффективность стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой определяется наличием рефлексивной культуры у руководителей различных уровней управления образованием, рефлексивного делегирования полномочий и стимулов объектам управления в территориальной образовательной системе.

А.А. Деркач рассматривает рефлексивную культуру как готовность и способность переосмыслить и творчески преобразовать характер своего личного и профессионального опыта, осуществлять пластичную и конструктив-

ную интеграцию порожденных в результате этого инноваций в систему профессиональной деятельности и в систему деловых и межличностных отношений [2, с. 24]. А рефлексивное делегирование, с точки зрения Н.В. Липаткиной, определяется как передача «полномочий (прав) и стимулов объекту управления, который, принимая на себя полномочия и ответственность за результаты делегированной деятельности, становится субъектом управления педагогической системой, способным к самоуправлению» [4, с. 55].

Итак, реализация принципа партиципативности и иерархичности способствует становлению многоуровневой системы рефлексивного управления территориальным образованием, побуждающего к собственной активности как управляющих, так и управляемых, а также обеспечивает субъектную позицию в территориальной образовательной системе и формирование инновационных самоорганизующихся команд в иерархической лестнице управления.

Принцип оптимального сочетания процессного и функционального стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой означает его рассмотрение как процесса непрерывных взаимосвязанных действий по стратегическому маркетингу, планированию, организации, учету и контролю, мотивации с ориентацией на организационное развитие с учетом потребностей, понимаемых как совокупность функций, которые нужно выполнить для удовлетворения потребностей в образовательных услугах [7].

Сущность оптимизации вышеназванных подходов заключается в сочетании качественных и количественных оценок эффективности управления, применении экспертных оценок, системы баллов, математических и статистических методов, методов анализа, прогнозирования и оптимизации управленческого решения.

Управленческая организация территориального образования сохраняет интегративные свойства, инвариантные образования, обеспечивающие его целостность и стабильность, что предполагает регламентацию функций, прав, обязанностей, нормативов качества, элементов системы менеджмента в нормативных актах (приказы, распоряжения, стандарты, положения и т.д.).

В связи с этим важно, чтобы система законодательных актов региона, нормативно-директивных и методических документов образовательных организаций и органов управления не замедляла развитие территориального образования, а способствовала ему. Это возможно при условии учета в стратегическом управлении достоинств функционального управления: четкая система взаимных связей внутри функций и в соответствующих подразделениях; четкая система единоначалия (один руководитель сосредоточивает в своих руках руководство всей совокупностью функций, со-

ставляющих деятельность); быстрая реакция исполнительных функциональных подразделений на прямые указания вышестоящих.

Истоки концепции процессного управления ведут к классическим теориям управления. Так, в 80-х годах XIX века Ф. Тейлор предложил менеджерам использовать методы процессного управления для наилучшей организации деятельности. В начале XX века А. Файоль разработал концепцию реинжиниринга, предусматривающую осуществление деятельности в соответствии с поставленными задачами путем получения оптимального преимущества из всех доступных ресурсов [6, с. 8–11].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что оптимальное сочетание процессного и функционального управления позволяет получить ряд преимуществ, которые имеют вышеназванные подходы к стратегическому инновационному управлению территориальной образовательной системой.

Принцип сбалансированного синергетического сотрудничества и индивидуального успеха (праксиологизм) означает создание условий для интегрирования интеллекта людей, пробуждение в них инициативы, творчества, новаторства, стремления к успеху, оригинальным, самостоятельным решениям и действиям, а также привлечение к организации территориального образования профессионалов, формирование атмосферы истинной заинтересованности всех педагогов в успехе развития территориальной образовательной системы, работу на уровне высоких стандартов.

Реализация принципа синергизма и праксиологизма позволяет получить комплементарный (дополняющий) и синергетический эффекты.

Суть комплементарного эффекта – это сосуществование двух несвязанных элементов стратегии за счет использования одного и того же материального, финансового или человеческого ресурса.

Выделим две формы проявления комплементарного эффекта.

Первая форма состоит в использовании материального, финансового и кадрового актива в обслуживании более чем одного населенного пункта. Вторая форма проявления комплементарного эффекта – неравномерное использование ресурсов в разных образовательных организациях. Третья форма связана с неуверенностью в предстоящем использовании ресурсов для достижения качества образования, соответствующего принятым на данной территории стандартам.

Синергетический эффект связан с одновременным использованием ресурсов в нескольких областях деятельности, без какого-либо ущерба для каждой из них и основан на информационных активах, что позволяет создавать конкурентные преимущества образовательных систем.

Сбалансированность синергетического сотрудничества и индивидуального успеха обеспечивается реализацией праксиологического подхода к стратегическому управлению. Современный праксиологический подход развивает идеи научной организации труда (Ф.У. Тейлор, Г. Форд, А. Фай-

оль и др.), стратегии целерационального действия (М. Вебер), праксиологии как «грамматики действия» (Т. Котарбиньский) и позволяет обновить пути решения проблемы оптимизации человеческой деятельности за счет ее эффективной организации [7]. В качестве ценностно-целевого ориентира эффективной деятельности праксиология выдвигает базовое понятие «практическая успешность», регулятивная и операционализирующая сила которого обуславливает потенциал как в целом педагогического персонала территориальной образовательной системы, так и отдельных педагогов.

Таким образом, стратегическое инновационное управление рассматривается нами как управление, осуществляющее новые, адекватные современным рыночным условиям и общественным потребностям подходы к ценностно-ориентированным и содержательным аспектам развития территориальной сферы образования и предполагающее организацию системы необходимого комплексного обеспечения их реализации на организационном, технологическом и институциональном уровнях, а также предвидение и преодоление возможных кризисов и противоречий.

При этом основой успешной деятельности по управлению развитием территориальной образовательной сферы является реализация следующих принципов: культурно-исторической преемственности и социально-психологической направленности, целостности и комплексности, открытости и корпоративности, оптимального сочетания процессного и функционального управления, сбалансированного синергетического сотрудничества и индивидуального успеха (праксиологичности).

Критериями результативности процесса развития территориальной образовательной сферы становятся:

– степень оптимальности функционирующих образовательных организаций (в том числе по таким признакам, как доля образовательных организаций, не пользующихся спросом у населения, наличие излишних посреднических звеньев между органами управления, образовательными организациями и потребителями образовательных услуг и др.);

– эффективность функционирования образовательных организаций, в том числе их положение и динамика на рынке образовательных услуг, степень результативности использования ресурсов;

– социально-педагогический потенциал развития образовательных организаций, в том числе инновационный и предпринимательский;

– степень удовлетворения потребностей населения в образовательных услугах.

Изложенные концептуальные положения были преломлены в практике управления образованием Новгородской области и нашли отражение в реализации идеи государственно-общественного управления территориальной образовательной системой.

В Новгородской области в течение многих лет проводится целенаправленная работа, связанная с реализацией гуманистической модели управления образованием. Стратегия решения этой задачи включает в себя три основных направления управленческой деятельности: демократизацию деятельности органов государственной и муниципальной власти и их структур управления путем создания коллективных совещательных и координирующих органов в системе руководства образованием (советов, коллегий, научно-методических объединений и т.п.); развитие самоуправляющихся ассоциаций всех участников образовательного процесса на различных уровнях управления (образовательная организация, муниципальное и региональное управление образованием), которые выражают интересы и реализуют права субъектов образовательного процесса; организацию деятельности общественных органов совместного управления, в которых представлены все слои населения, участвующие и заинтересованные в осуществлении высококачественной образовательной деятельности. Общественными субъектами самоуправления выступают на местах советы образовательных организаций, муниципальные и региональные советы по образованию.

Но, несмотря на накопленный положительный опыт, имеется немало нерешенных проблем. Среди них – недостаточное нормативно-правовое обеспечение, недооценка руководителями различных рангов специфической функции органов общественного управления в территориальной системе, невысокий уровень правосознания значительной части участников образовательного процесса и др.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что в Новгородской области постоянно осуществляется поиск нетрадиционных подходов к управлению территориальной системой образования, население региона активно включается в различные формы общественно-государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкин В.Н. Теоретические основы и практика инновационного административного управления территориальными образовательными системами: дис. ... д-ра пед. наук. Великий Новгород, 1999. 420 с.

2. Деркач А.А. Акмеологические факторы устойчивого и безопасного развития // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 57–89; № 2. С. 230–262; № 3. С. 21–42.

3. Донина И.А. Успешность современной общеобразовательной организации как объект управления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 4(15). С. 76–79.

4. Липаткина Н.В. Делегирование полномочий руководителем образовательного учреждения: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Оренбург: ОГПУ, 2004. 204 с.

5. Стратегический менеджмент вуза / А.Л. Гавриков, В.А. Исаев, Т.А. Каплунович, Р.М. Шерайзина, А.Г. Ширин. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003. 328 с.

6. Шерайзина Р.М., Александрова М.В. Концепции ведущих научных школ управления в образовании: сравнительный контекст. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. 36 с.

7. Шерайзина Р.М., Александрова М.В. Маркетинговый подход к развитию университетского центра региональных проблем образования взрослых //Человек и образование. 2013. № 3(36). С. 33–37.

8. Шерайзина Р.М., Донина И.А. Александрова Н.В. Маркетинговый подход к управлению гетерогенной образовательной организацией // Человек и образование. 2017. № 2(51). С. 9–14.

M.V. Alexandrova, V.N. Averkin, A.G. Shirin, A.L. Gavrikov
Principles and Essential Characteristics of Strategic Innovation Management of the Territorial Educational System

Key words: *strategic management; innovative management; territorial educational system; principle of openness and corporatism of organization of strategic management; the principle of balanced strategic cooperation and individual success.*

The article deals with the conceptual foundations of strategic innovative management of the territorial educational system (principles, criteria for the effectiveness of the implementation of the strategy). In this context the practice of managing the education of the Novgorod region is analyzed.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Н.П. Сенченков, А.В. Радионова
Смоленский государственный университет

О проведении Смоленским государственным университетом XXVIII областных сборов творческой молодежи «Сокол-2017»

В августе 2017 года Смоленским государственным университетом была реализована программа летней профильной смены «XXVIII Смоленские областные сборы творческой молодежи "Сокол-2017"».

Площадка вновь собрала в лагере «Соколья гора» самых креативных, самых талантливых старшеклассников Смоленской области, председателей и членов советов старшеклассников, руководителей школьных детских республик, участников творческих коллективов. Под руководством комиссаров областного педагогического отряда «Крылатый», студентов Смоленского государственного университета, Смоленской академии физической культуры, спорта и туризма, ряда столичных вузов, сотрудников СмолГУ в течение двух недель участники творили историю удивительной детской республики Новая Атлантида. За многие-многие годы гражданами этой страны Юности стали тысячи ребят из практически всех уголков Смоленской области, а также ребята из Белоруссии и Германии.

Руководителем Сборов-2017 выступил Никита Алфимов – интересный, творческий человек, в студенческие годы являвшийся активным участником университетского КВНа. Он ярко показал себя в общественной и сценической жизни и был приглашен для работы на Сборах в качестве комиссара. Его опыт комиссарской деятельности в течение ряда лет стал важным подспорьем в работе руководителя.

Старшим комиссаром педотряда «Крылатый» в этом году стал еще один талантливый выпускник СмолГУ, блестяще закончивший магистратуру, защитивший диссертацию на материале, обобщающем опыт проведения Сборов в течение нескольких лет, – Кирилл Быстриков. На церемонии закрытия «Сокола-2016» Кирилл получил знак старшего комиссара педотряда.

Так было всегда на протяжении 28 лет – в организации Сборов принимали участие самые верные и надежные старшие комиссары Алена Лепешкина, Алексей Гарзанов, Елена Птушкина, Алексей Козенков, Мария Казакевич, Максим Глинкин, Анастасия Смердова. Они формировали особенную атмо-

сферу творческого взаимодействия, организуя завораживающие своей искренностью спектакли профилей, веселые соревнования «Соколиады», трогательные до слез ночные представления и вечера памяти. Они учили сопереживать, сочувствовать, сострадать, дружить, созидать добро, дорожить мгновениями, минутами, часами и днями, проведенными в «Соколе». Это удавалось благодаря не только энтузиазму и полной самоотдаче организаторов, но и основательно разработанному научно-методическому подходу.

Для обмена опытом работы детских и молодежных общественных организаций и объединений Смоленской области, органов школьного самоуправления, для дальнейшего совершенствования их работы кафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета была подготовлена программа Сборов.

Нормативно-правовым обеспечением программы стали следующие документы: Федеральная целевая программа развития образования на 2016–2020 годы; Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы; Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»; Областная государственная программа «Развитие образования и молодежной политики в Смоленской области на 2014–2018 годы»; Областная государственная программа «Гражданско-патриотическое воспитание граждан в Смоленской области на 2016–2020 годы»; Закон Смоленской области от 10 июля 2014 года № 94-з «О патриотическом воспитании в Смоленской области»; Комплексный план подготовки и проведения летней оздоровительной кампании 2017 года в Смоленской области; Рекомендации по проведению смен в учреждениях отдыха и оздоровления детей (письмо Министерства образования и науки РФ № 06-614 от 31.03.2011).

В программе Сборов нами были заявлены следующие задачи: получение необходимых знаний, выработка умений и навыков работы с учащейся молодежью; формирование чувства психологического комфорта в профильном лагере, в условиях образовательной организации, детского (молодежного) объединения; организация гражданско-патриотического воспитания старшеклассников; предоставление через систему творческих мастерских и школу «Лидер» каждому участнику программы возможностей обучения и воспитания в наиболее значимых и близких для него по духу сферах деятельности, где максимально раскрываются индивидуальные качества и способности; создание условий для удовлетворения потребностей формирующейся творческой личности в активной деятельности.

Программа предполагала нахождение путей, способов и средств максимально полного раскрытия личности старшеклассника – участника Сборов через проявление и развитие его индивидуальности средствами игры и общения; создание в профильном лагере социально значимого эмоционально-нравственного пространства, стиля взаимоотношений всех

субъектов образовательного процесса с дальнейшим перенесением в образовательные организации, детские (молодежные) клубы и центры.

В этом принципиальная ценность нашего проекта – нацеленность не только на взаимодействие с участниками во время работы лагеря, но и на продолжение осуществления его задач в период школьного обучения: содействие всестороннему развитию личности старшеклассника через включение его в разнообразные виды общественной деятельности; формирование активной жизненной позиции и усиление социальной активности старшеклассников через обучение организации и проведение общественных мероприятий социальной, культурной, гражданско-патриотической, спортивной и гуманитарной направленности.

Именно такой подход создает благоприятные условия для установления рабочих контактов органов школьного самоуправления друг с другом, с муниципалитетами и Администрацией области, Департаментом Смоленской области по образованию и науке, Главным управлением Смоленской области по делам молодежи и гражданско-патриотическому воспитанию.

Программа была ориентирована на развитие творческих, коммуникативных и лидерских способностей, формирование чувства патриотизма у старшеклассников – представителей детских и молодежных общественных организаций и объединений, участников различных конкурсов, фестивалей через систему учебных занятий, мастер-классов и коллективных творческих дел, раскрывающих потенциал старшеклассника. В связи с этим для реализации программы были привлечены специалисты по направлениям «Психология», «Образовательный менеджмент», «Управление», в области гражданско-патриотического воспитания и в области культуры и искусства: хореографы, музыканты, КВНщики, актеры, специалисты пиар-технологий и др.

Каждый этап реализации программы предполагал определенные виды деятельности. На подготовительном этапе (март – июль 2017 года) велась проработка основных положений программы, согласовывались сроки ее реализации, количество участников, шла подготовка комиссаров педагогического отряда, проводился тренировочный сбор с работниками, привлекаемыми для обеспечения программы.

На организационном этапе (1–5-й дни Сборов, 17–21 августа) состоялись формирование профилей, педагогическая диагностика, выбор лидеров, открытие смены, формирование временного коллектива, оказывалась помощь каждому участнику профильной смены в адаптации к новым условиям, были предъявлены единые педагогические требования к режиму дня и дисциплине, велась подготовка к формированию органов самоуправления и корректировка плана работы с учетом предложений и пожеланий участников. Это один из наиболее важных и трудных периодов лагерной смены. Именно от того, как проходят первые дни, какой настрой получают участники профильного лагеря, во многом зависит успех смены.

Так, например, в день заезда осуществлялись регистрация участников профильной смены; знакомство в филах, выборы символов филы, работа над планом профильной жизни; оформление бейджей, ролевая игра на знакомство «Зоркий глаз!»; на рабочих линейках профилей были торжественно вручены атрибуты профиля и филы, состоялась встреча граждан Новой Атлантиды с Центризбиркомом детской республики. На общем сборе лагеря была проведена экклесия «Ты – мне, я – тебе»: представление членов педотряда, обслуживающего персонала; знакомство с законами и традициями профильной смены. В конце дня прошли вечерние огоньки «Расскажи мне о себе». Так же насыщены были все дни лагеря. Организационный этап завершился торжественным открытием профильной смены, когда участники представили программу «Мир вашему дому».

На основном этапе (6–11-й дни Сборов, 22–26 августа) была проведена реализация основных мероприятий программы, поскольку именно в этот период выполнялись поставленные перед профильной сменой задачи. Были сформированы временный коллектив и психологический климат в филе, профиле и в лагере на основе принципа учета возрастных и индивидуальных особенностей каждого члена коллектива, ежедневно проводилась диагностика эмоционального климата и эмоционального самочувствия каждого участника; осуществлялась подготовка к работе в течение года в коллективе своего класса и в школе.

Одним из основных направлений деятельности смены стало образовательное. На протяжении данного этапа первая половина дня была посвящена обучающим творческим программам, психологическим тренингам, встречам с руководителями области, профильных департаментов Смоленской области, руководителями молодежных организаций и объединений, творческой интеллигенцией.

Были проведены образовательные программы «Лидер», «Психология», «Управление», «Командное взаимодействие», «Проектирование и реализация коллективных творческих дел» в тренинговой форме с внедрением их в работу общеобразовательных школ, детских и молодежных организаций и объединений Смоленской области. Были организованы дискуссионные площадки, молодежные форумы по вопросам школьного самоуправления, реализации молодежной политики в муниципальных образованиях Смоленской области.

Обучающиеся знакомились с основами правоведения и юриспруденции в процессе выполнения творческих дел по организации жизни в детской республике Новая Атлантида, которые включали работу в новоатлантских партиях, организацию предвыборной кампании, выборов Верховного Архонта и членов Совета Архонтов, работу в экклесии (народном собрании).

Правовая деятельность осуществлялась хотя и в игровой форме, но по всем юридическим правилам. Ее основой стали два основных закона. Так, участники знакомятся с основными разделами Верховного Закона Новой Ат-

лантиды: «Основы Верховного Закона», «Права, свободы и обязанности граждан», «Федеративное устройство Новой Атлантиды», «Верховный Архонт», «Высшая законодательная власть», «Исполнительная власть», «Судебная власть», «Выборы», «Международная деятельность», «Символы государственности» и др.

Участники Сборов включаются в организацию выборов главы детской республики, знакомясь с Законом о выборах Верховного Архонта Новой Атлантиды, с процедурой выдвижения и регистрации кандидатов на этот пост, предвыборной агитацией. Завершающий этап сюжетно-ролевой игры «Выборы» – голосование, подведение итогов и вступление в должность Верховного Архонта Новой Атлантиды.

На Сборах творческой молодежи осуществлялась работа консультативных пунктов при участии ведущих ученых Смоленского государственного университета, сотрудников Главного управления Смоленской области по делам молодежи и гражданско-патриотическому воспитанию.

Были проведены гражданско-патриотические мероприятия: «Вечер памяти моряков АПЛ “Курск”», День Государственного флага Российской Федерации, акция «Молодежь против преступности и террора», постановка «Дневник Тани Савичевой»; осуществлены педагогические исследования в сфере гражданско-патриотического воспитания.

В ряду спортивно-развлекательных мероприятий проводились комплексные игры «А кому сейчас легко?», «Священные камни друидов», «Свет! Камера! Мотор!» (игра на местности повышенной сложности), новоатлантская олимпиада (Соколиада). Среди творческих мероприятий самыми масштабными стали фестиваль творчества «Зеленое яблоко», театральный фестиваль «Крабор», посвященный жизни и творчеству А.С. Пушкина, Кубок Новой Атлантиды в Клубе Веселых и Находчивых.

На этом этапе с успехом были апробированы программы, разработанные руководителями творческих мастерских: хореографической «Танцевать может каждый» (руководитель Надежда Кузьмина), современного танца (Оля Полехина), ораторского искусства «Сила слова» (руководитель Евгения Ананьева), театральной (Светлана Козакова и Елизавета Векшина), пластилиновой анимации (Анна Никитенкова), журналистики (Дмитрий Судаков), «Искусство плаката» (Елизавета Бабакова).

Итоговый этап (11–14-й дни Сборов, 27–30 августа) включал закрытие смены, оценку достижений и анализ предложений, проведение круглого стола, посвященного итогам работы профильной смены и планированию работы по дальнейшему совершенствованию программы, ее реализации в следующем году.

Результаты Сборов – это приобретенный участниками опыт работы с учебным материалом в рамках предметных блоков (правоведение, психология, история, педагогика и др.); формирование навыков самостоятельной постановки учебно-воспитательных задач, планирования индивиду-

альной и коллективной деятельности. В личностной сфере – это совершенствование коммуникативных навыков; развитие деловых качеств (активности, ответственности, самостоятельности); повышение уровня гражданско-патриотического воспитания.

Также результатом проведения сборов стали материалы методического и организационного характера, собранные учебно-методической, музыкальной и психологической службами педотряда и готовые для публикации: сборники сценариев, песен и стихов, использовавшихся в мероприятиях, анкет участников, авторских тестов и др.

В заключение приведем несколько отзывов участников профильной смены «XXVIII Смоленские областные сборы творческой молодежи “Сокол-2017”».

***

«Сегодня был очень насыщенный день! Репетиции, проходки, танцы, маршировки… Очень важная игра АКСЛ! Мы шикарно справились с некоторыми задачами, но и неудачи тоже были… Есть над чем поработать! За четыре года это был самый сложный АКСЛ! Но мне все понравилось… Я жутко устал, но все просто шикарно! Я ждал “Сокол” весь год, и я наконец-то здесь!» Николай Ананенко. 18.08.2017.

***

«Ждал этой смены целый год. Очень многие мои друзья прошли этап жизни под названием “СОКОЛ”! И сейчас, я очень рад, что нахожусь здесь.

Первый день – 17 августа – откровение. Много нового и интересного, вечером я почувствовал, что легко не будет. 18 августа – это день объединения. Впервые я почувствовал близость с филой и приятную усталость в ногах. Вечер закончился на веселой ноте! С погружением в традиции этого места. Все круто!» Кирилл Виноградов. 18.08.2017.

***

«Дежурным стратегом быть ответственно. Открытие – сосредоточение всего позитива, энергии, творчества участников Сборов и осознания твоей роли в этом невообразимом. В этом году открытие “Мир вашему дому” прошло просто замечательно. Каждый профиль представлял какую-то частичку деятельности русского человека, комиссары представляли народы России. Вместе у нас получился настоящий образ русской души, русской культуры». Иван Овчинников. 20.08.2017.

***

«СОКОЛ. 5 букв, но сколько им отдано лет и душевных сил. И не зря, я считаю. Потому что мое сердце тоже здесь – в этих буквах, в этом месте “Соколья гора”, в глазах товарищей, в их памяти – за что я очень благодарна. Для меня ожидание было ожидаемым. Первый день он был горой. Да, потому что он день-старт. Нужно взобраться повыше для того, чтобы разглядеть серпантин. Взобраться одной не получится, да и не хочется, поэтому вцепилась

руками и ногами в подруг, которые будут моей опорой. Плюс рассчитываю на комиссаров». Ксения Родионова. 20.08.2017.

***

«Вот и наступил тот самый, долгожданный, первый день основного периода смены – День выборов. С самого утра кандидаты начали свою предвыборную агитацию. Перед ребятами встала непростая задача, но сейчас можно смело сказать, что они справились с ней на “отлично”. Дебаты также оставили после себя приятное впечатление. Уверен, они повлияли на выбор многих участников Сборов. Также хочется отметить прекрасную работу ЦИКа. Я был поражен объемом выполненной ими работы за столь короткое время. Ну и разумеется, самая важная часть сегодняшнего дня – инаугурация Верховного Архонта. Во время объявления итогов выборов дрожь буквально пробежала по спине. Весь зал замер в ожидании. Из пяти изначально участвовавших кандидатов остались только представители партии “ЖНА” и партии “БЛОНДИНКИ”. Но все же, как ни пытались либералы вырвать победу, Верховным Архонтом XXVIII Сборов творческой молодежи “Сокол 2017” стал кандидат от партии “Блондинки” Алексей Кудельников. И это наше будущее! Хочу верить в то, что новоатланты сделали правильный выбор». Иван Дрягин. 21.08.2017.

***

«День пятый – День выборов и инаугурации. Ответственный день для всех наших “политических деятелей”, кандидатов в архонты. За сегодняшний день я осознала, что за самое короткое время можно сделать очень крутые вещи (ведь в “Соколе” все невозможное возможно). А после смены, мне кажется, в моих сутках будет 34 часа (!!!). Спасибо, “Сокол”, что даришь нам энергию, уверенность и множество идей и мыслей». С любовью, Кузьмичева Ксения. 21.08.2017.

***

«Здравствуй, мой “Сокольский” друг. Половина смены уже прошла и от этого горько на душе, потому что уже скоро с этим всем придется расстаться на целый год. Сегодня состоялся “Креслинг” и было очень приятно, что меня выбрали одним (точнее вторым) из четырех пилотов. Надеюсь, мы выиграли, так как отработали шикарную тактику и выбрали самых лучших кандидатов на роль “Пилотов”. Я знаю, что “Зеленое яблоко” было прекрасным, но я просто не мог смотреть на моих друзей, у которых от понимания того, что они здесь последний раз, текли слезы ручьем. Приходилось их успокаивать. Моя фила стала мне очень близкой на этой смене. На “вечернем огоньке” меня выделили как самого лучшего стратега, который очень мило будит. Спасибо этому прекрасному лагерю за каждый день, проведенный в нем. И запомните, Новоатланты!!! ВЫ ЛУЧШИЕ!!!». Симоненков Никита. 21.08.2017.

***

«Сегодня мой восьмой день пребывания в “Соколе”. Как же быстро летит время в месте, где этого так не хочется. Сегодняшний день был не

самым трудным, но это не помешало ему быть суперклассным. Все началось с экклесии и школы лидера, которая, как обычно, была на высоте. Затем мастерские. Важным событием этого дня были соревнования по креслингу, где 1-й профиль показал высший пилотаж. Чувство гордости за команду просто выворачивало меня изнутри. Обожаю это место, этих людей, моих новых друзей!!!». Гея Вия. 22.08.2017.

***

«Сегодня утром я проснулся раньше всех, так как меня выбрали дежурным стратегом. Сегодня пройдет одно из самых масштабных, интересных и экстремальных событий! Вы, верно, догадались, что это? Священная тропа друидов!!! Мне, как стратегу, пришлось встать раньше других и добыть карту, по которой нужно искать станции. И вот, ура, карта у меня, и я со своей филой отправляюсь в путь. На тропе нас ждали очень трудные и интересные задачи, для выполнения которых мы должны были стать одним целым. И у нас это даже получилось! И вот еще раз убеждаюсь, что фила – это семья!». С любовью, Дмитрий Серков. 23.08.2017.

***

«Доброй ночи, моя Новая Атлантида! День сегодня был насыщен спортивными мероприятиями. Так уж сложилось, что и в лапте, и в футболе мы заняли второе место. Но это не повод грустить! Работаем на настроение! С каждым днем мы с ребятами становимся ближе друг к другу. Расстраивает один факт – закрытие Сборов творческой молодежи не за горами. Но все стараются не думать об этом. Вечер был просто чудесным. Наши “крылатые” комиссары – самые лучшие! Концерт был похож на американские горки – то смех, то слезы. В моей душе только прибавилось света, благодаря тому, какая атмосфера царила в зале и на сцене. “Сокол”, я люблю тебя!». Ковалева Ольга. 25.08.2017.

Н.П. Сенченков, А.В. Радионова

Смоленский государственный университет

О реализации программы «Летняя школа “Одаренные дети”-2017» в Смоленском государственном университете

С 19 июля по 8 августа 2017 года Смоленский государственный университет в третий раз организовал и провел профильную смену «Летняя школа “Одаренные дети”» на базе социально-оздоровительного центра «Голоёвка», (Рославльский район Смоленской области). Соорганизаторами программы выступили Департамент Смоленской области по образованию и науке, Департамент Смоленской области по социальному развитию, Смоленский областной институт развития образования. Ее участниками стали обучающиеся 9–11 классов общеобразовательных организаций

г. Смоленска и Смоленской области, победители и призеры школьных олимпиад различного уровня. Кадровое обеспечение осуществлялось преподавателями Смоленского государственного университета, педагогами-предметниками общеобразовательных организаций г. Смоленска, а также комиссарами педагогического отряда «Крылатый».

Для организации профильной смены и обмена положительным опытом психолого-педагогического сопровождения одаренных и талантливых детей в детских и молодежных общественных организациях Смоленской области была разработана специальная программа с целью создать благоприятные условия, обеспечивающие гармоничное развитие творческого потенциала обучающихся, образовательную и психологическую подготовку старшеклассников к участию в областных и общероссийских школьных олимпиадах через организацию профильных групп в условиях летнего отдыха.

Интерес к профильной смене и ее популярность возрастают год от года. Так, Летняя школа-2015 приняла 98 участников, Летняя школа-2016 – 141 участника, в Летней школе-2017 принял участие 151 человек, при этом желающих было гораздо больше, в том числе из сопредельных областей.

К началу проведения Летней школы-2017 организаторы уже располагали данными эффективной работы предыдущих профильных смен. Официальная информация, предоставленная Смоленским областным институтом развития образования, содержала сведения о том, что по результатам регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников 2016 года воспитанники Школы «Одаренные дети» составляют 34% от общего количества призеров. Причем 71% из них были участниками летней профильной смены в 2015 году.

Актуальность разработки научно обоснованного методического сопровождения подобных мероприятий высока. Ее обусловливает необходимость решать современные задачи образования детей и молодежи в условиях летнего отдыха; создавать и реализовывать групповую образовательную траекторию для коллектива и индивидуальную для каждого одаренного и талантливого обучающегося; обеспечивать преемственность в содержании работы профильной смены и деятельности детей в учебное время; развивать творческий потенциал обучающихся.

Программа была реализована на основе системы педагогических принципов. Первый из них – это принцип гуманизации образования. Развитие личности – главная цель педагогического процесса, направленная на учет уровня развития и способностей каждого ребенка. С опорой на эти данные формируется индивидуальное педагогическое сопровождение воспитанников, осуществляются стимулирование, коррекция и развитие их особенностей. Принцип индивидуального и дифференциального подхода призывает нас учитывать каждую особенность, интерес и потребность конкретной личности или группы детей и подростков. Принцип научности предполагает использо-

вание исторически проверенных и современных достижений педагогики и психологии, чтобы обеспечить максимальную эффективность дополнительного образования. Был учтен принцип природосообразности и культуросообразности. Он стал основой для организации разных форм досуга, соответствующих возрасту, потребностям, способностям ребенка и окружающей его среды. Принципом творческого начала в процессе воспитания обусловлено стремление организаторов профильной смены создавать самые благоприятные условия, в которых проходила активная самореализация участников, их коллективная творческая деятельность. Также программа следовала принципу свободы самовыражения, когда способы и виды деятельности избирались участниками, и принципу безопасности жизни и здоровья детей, защиты их прав и личного достоинства.

Задачи, решаемые программой, – выявление способностей старшеклассников и содействие их развитию; формирование мотивационно-ценностной сферы личности старшеклассника; развитие внимания, мышления, воображения, обучение деловым качествам: самостоятельности, ответственности, активности, аккуратности и т.д.; создание условий, обеспечивающих успешность каждого участника программы в соответствии с его возможностями через удовлетворение потребностей личности в активной деятельности, получении необходимых знаний; выработка умений и навыков работы с учебным материалом повышенной сложности; предоставление каждому участнику возможностей для самоутверждения в наиболее значимых для него сферах деятельности; поиск оптимальных для каждого участника механизмов, которые помогают максимально полному раскрытию личности участника, проявлению и развитию его индивидуальных черт; формирование эмоционального и нравственного фона, способствующего дружескому и партнерскому стилю взаимоотношений, который может быть перенесен в иные детские и молодежные объединения.

Основной методический подход программы заключался в комбинации ***образовательной деятельности***, направленной на приобретение опыта работы с учебным материалом повышенной сложности и нестандартными заданиями по профильным предметным блокам, и ***социально-творческой деятельности***, ориентированной на приобретение участниками программы опыта коллективного творческого взаимодействия через участие в разнообразных видах деятельности, способствующих формированию лидерских качеств и развитию социально значимых характеристик личности.

Вся организационно-педагогическая деятельность профильной смены Летней школы «Одаренные дети» была разделена по следующим направлениям:

– образовательное: специализированные занятия с преподавателями СмолГУ и учителями-предметниками по четырем профильным направлениям: *физико-математическое* (математика, физика), *естественно-*

географическое (география, биология, химия), *филологическое* (русский язык, литература, иностранные (английский, немецкий) языки), *историко-правоведческое* (история, обществознание, право);

– социально-педагогическое: тематические встречи с преподавателями СмолГУ, деловые игры, тренинги, викторины, квесты и др.;

– творческое: фестивали, творческие вечера, тематические дни и пр.;

– оздоровительное: ежедневные спортивные занятия, спортивные мероприятия и игры, оздоровительные процедуры, отдых на пляже.

Реализация программы осуществлялась поэтапно. На первом, подготовительном, этапе (февраль – середина июля 2017 года) велась проработка основных положений программы, согласовывались сроки ее реализации, количество участников, осуществлялась подготовка комиссаров педагогического отряда. Состоялось утверждение программы.

На втором, организационном, этапе (18–21 июля 2017 года) были проведены формирование отрядов, временного коллектива, педагогическая диагностика участников, выбор лидеров, открытие смены. Создавая благоприятный эмоциональный настрой, комиссары оказывали помощь каждому участнику смены в адаптации к новым условиям. Также они предъявляли единые педагогические требования к режиму дня и дисциплине, готовили участников к формированию органов самоуправления, проводили корректировку плана работы с учетом предложений и пожеланий участников.

В содержание организационного этапа в рамках работы профильной смены входили, кроме организационных мероприятий, игры на командообразование: «Зоркий глаз», «Снежный ком», «Как рождаются слухи», «История».

Основной этап (22 июля – 6 августа 2017 года) включал в себя проведение важнейших мероприятий программы, реализацию индивидуальных и коллективных образовательных траекторий, диагностику эмоционального климата и эмоционального самочувствия каждого участника. В этот период происходило формирование временного коллектива и психологического климата в профиле; велась подготовка к работе в течение года в коллективе своего класса и в школе; происходило физическое оздоровление ребят, их интеллектуальное развитие; осуществлялась подготовка участников Школы к городским, областным и всероссийским олимпиадам. Основной этап в целом укладывался в период работы профильной смены. Период был насыщен мероприятиями, раскрывающими потенциал ребенка, сближающими ребят в профиле и внутри лагеря. Это интеллектуальные игры «Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг», «Спорные суждения Джеффа», квесты; тематические дни – «День исчезнувших народов», «День выборов», «Праздник Ивана Купалы»; кинофестиваль «Лето – это маленькая жизнь»; патриотические акции «Молодежь против преступности и террора», «Свеча памяти»; творческие мероприятия – фестиваль «Зеленое яблоко», литературный вечер.

В ходе итогового этапа (7 августа – сентябрь 2017 года) проводилась аналитическая деятельность, включающая такие мероприятия, как закрытие смены, подведение итогов, оценка достижений, анализ предложений, проведение круглых столов и семинаров, посвященных итогам работы и планированию работы по дальнейшему совершенствованию программы, ее реализации в следующем году.

Социально-педагогическое взаимодействие способствовало положительной динамике в личностной сфере участников Школы: развитию внимания, мышления, воображения, деловых качеств (самостоятельности, ответственности, активности, аккуратности и т.д.), формированию лидерских качеств, умения строить траекторию индивидуального личностного саморазвития.

В результате деятельности образовательного направления участники профильной смены приобрели опыт работы с учебным материалом повышенной сложности и нестандартными заданиями в рамках предметных блоков, развили умения самостоятельно ставить учебные задачи, планировать индивидуальную и совместную деятельность. Обучающиеся отмечали повышение уровня знаний и уверенности в своих силах, выражали готовность принимать активное участие в предстоящих олимпиадах в своих школах, районах.

Реализация программы показала большую эффективность мероприятий, повышающих уровень коммуникативной компетенции воспитанников, а также приемов, направленных на формирование навыков общения с окружающими в оптимальном для обеих сторон, партнерском стиле, выработку адекватных реакций в разных коммуникативных ситуациях.

1 декабря 2016 года президент России В.В. Путин, обращаясь к Федеральному собранию с ежегодным посланием в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, подчеркнул значимость для российского образования основополагающего принципа одаренности каждого ребенка. Он рекомендовал главам субъектов сформировать на базе вузов и школ центры поддержки одаренных детей, которые будут обучать школьников решать нестандартные задачи, ставить цели и добиваться их. Трехлетняя реализация такого проекта в Смоленском государственном университете показала не только высокую результативность этой работы, но и большую востребованность со стороны обучающихся и их родителей, что подтверждается большим количеством положительных отзывов участников программы, их родителей, а также педагогов, работающих с участниками программы в общеобразовательных организациях.

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Азаренков
Смоленский государственный университет

Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения: сборник научных статей / ред. Стефани Сандлер [и др]. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 552 с. ISBN 978-5-4448-0611-1

Разговор о поэте Ольге Седаковой (родилась в 1949 году) и посвященном ей сборнике статей хотелось бы начать с небесспорного, но емкого определения, данного литературоведами Кириллом Корчагиным и Денисом Ларионовым ее творчеству в материале для популярного сетевого ресурса «Arzamas»: «Ее поэзия связывает важные литературные контексты – неофициальную литературу с русским символизмом, европейским модернизмом и экуменическим христианством. Все эти контексты важны для российской культуры, однако они редко сходятся в одном человеке» [5]. Поэтика Ольги Седаковой – уникальное и *ускользающее* явление: что находится в этой точке схода столь далеких «контекстов», помимо неординарности самой творческой личности? Сущностное осмысление творчества Седаковой – одна из важнейших задач истории современной русской словесности. Разговор о Седаковой – это почти всегда разговор о «контекстах»: к этому обязывает широта культурных отсылок ее поэзии; поддержим эту линию и попытаемся вкратце определить минимальный «контекст» появления первого сборника статей, целиком посвященного художественному миру этого поэта.

Однако структура наиболее полного на сегодняшний день собрания сочинений Ольги Седаковой [17], на первый взгляд, свидетельствует, что мы имеем дело прежде всего с *философом*. Действительно, собственно поэтические сочинения Седаковой занимают всего один – и самый малый! – том в четырехтомнике. Более внушительными представляются третий и четвертый тома ее сочинений, «Poetica» и «Moralia», книги эссе на эстетические и этические темы (включающие, однако, далеко не все, написанное Седаковой в этом жанре). Значительную часть тома переводов занимают, опять же, различного рода статьи – о теории и практике перевода, а также об избранных авторах. По собранию сочинений рассеяны и некоторые интервью: отточенные и последовательные, они служат не только подтверждением целостности мысли Седаковой, но и расширением ее художественного мира в область нередукционистской самоинтерпретации (наиболее полная выборка интервью представлена на персональном сайте Ольги Седаковой [19] и, выражаем надежду, вполне может стать отдельным изданием – по примеру книг интер-

вью Иосифа Бродского, давно введенных в научный оборот). Помимо корпуса интервью, в собрание сочинений не была включена и художественная проза (травелоги «Путешествие в Брянск», «Путешествие в Тарту и обратно», «Opus incertum», биографический рассказ «Маруся Смагина» (доступны на сайте)); это интертекстуально насыщенные тексты с ослабленной фабулой, находящиеся на жанровой границе с философским эссе (так, например, автобиографическая «Похвала поэзии», помещенная на сайте в раздел с художественной прозой, открывает третий том собрания сочинений, посвященный размышлениям о литературе). В состав четырехтомника не вошли и две значительные филологические работы Седаковой по фольклористике [11] и истории языка [14], хотя дело здесь, представляется, отнюдь не в «специальности» этих сочинений («Poetica», кроме «свободных» текстов, включает и строгие филологические работы формалистско-структуралистского толка). Знание этой – научной – грани творчества Седаковой, на наш взгляд, существенно обогащает прочтение ее стихов, насыщенных фольклорными и литургическими образами и жанровыми отсылками (некоторые авторы рецензируемого сборника охотно привлекают материалы из этих источников). В собрание сочинений не вошли и произведения Седаковой для детей (но это предмет отдельного разговора).

Нынешняя деятельность Седаковой также представляется в первую очередь философско-просветительской. Со времени появления четырехтомника (2010 год), за редчайшим исключением, не было опубликовано новых стихов, не говоря о поэтических сборниках (в последнее время в свет выходят авторизованные компиляции: самая свежая на сегодняшний день – «Стихотворения шаги. Избранные стихи», открывающаяся новым стихотворением [16]; сборник 80-х годов «Стеллы и надписи» переиздан с внушительным филологическим комментарием С. Степанцова [15]; книга «Сад мирозданья» [13] представляет собой собрание текстов, в которых присутствует важнейший для Седаковой образ сада. На наш взгляд, подобная форма присутствия Седаковой в современной поэтической жизни также свидетельствует об авторефлексивности и интеллектуальной взыскательности этого автора). Зато продолжают выходить эссе и научные работы: развернутая рецензия на «Повесть о книге из Муша» Антонии Арслан [8], философско-искусствоведческое «Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте» [12], исследование поэтики литургических песнопений [9], ряд статей (и публичных выступлений) о Данте (см., например, широко обсуждаемую статью о проблеме перевода Данте на русский язык [10]); по словам Седаковой, осенью 2017 года стоит ожидать целый том работ о Данте, который выпустит издательство Ивана Лимбаха [6].

В дополнение к сказанному стоит подчеркнуть, что мысль Седаковой всегда вступает в диалог с четко артикулируемыми идеями признанных мыслителей: соглашается (В.В. Бибихин, М. Хайдеггер, Ф. Федье, С.С. Аверинцев, Д. Бонхёффер) или спорит (Т. Адорно, Ж. Батай, постструктуралисты),

но всегда находится в поле «рационального»; среди поэтов прошлого Седаковой особенно близки те, кто разрабатывал последовательную поэтологию (Данте, Т.С. Элиот, Б.Л. Пастернак; примечателен временами явный, временами скрытый спор-диалог с идеями И.А. Бродского).

Другими словами, Ольга Седакова предстает перед читателем как в высшей мере *дискурсивный* автор.

Таков контекст творчества Ольги Седаковой на момент выхода книги, посвященной анализу ее художественного мира. Сборник научных статей «Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения» появился в серии «Научная библиотека» издательства «Новое литературное обозрение» в 2017 году и пока претендует на то, чтобы называться самым заметным, репрезентативным и доступным трудом об этом авторе. Теперь позволим себе в самых общих чертах определить *научный* контекст данного сборника. Изучение творчества Седаковой находится на начальном этапе: знаковыми являются различного рода вступления и послесловия, написанные известными филологами к первым официальным книгам стихов Седаковой (и продолжающие выходить и по сей день. Отчет, судя по всему, нужно начинать со статьи В.А. Сайтанова, датированной 1986 годом [7]; прецедентны для осмысления творчества Седаковой и размышления С.С. Аверинцева [1; 2]; в этих и других ранних работах настойчиво повторяется одна мысль: утверждение уникальности поэтических стратегий Седаковой на фоне современной литературы и жесткое разведение ее творчества с постмодернистским мейнстримом); концептуальное значение в данном вопросе приобрели некоторые работы М. Эпштейна, усматривающего в поэзии Седаковой «самый последовательный и крайний метареализм» [18] (точка зрения, актуальная и для многих авторов рецензируемого сборника, правда, как объект критики); творчеству Седаковой посвящены три известных нам диссертации (Н.Г. Медведева «Поэтическая метафизика И. Бродского и О. Седаковой в контексте культурной традиции» (Ижевск, 2007); Н.Н. Подрезова «Концепция человека в поэзии О. Седаковой: антропологический аспект» (Иркутск, 2003); М.А. Перепелкин «Творчество Ольги Седаковой в контексте русской поэтической культуры: смерть и бессмертие в парадигме традиции» (Самара, 2000). Как видно уже из названий, данные работы находятся в русле осмысления философских оснований поэзии Седаковой); существует ряд интересных статей как отечественных, так и зарубежных филологов, рассматривающих отдельные концепты лирики Седаковой (одна из наиболее цитируемых – статья М.Э. Звегинцевой о «саде» в лирике Седаковой [4]); есть и специальный научный сборник «Два венка. Посвящение Ольге Седаковой» [19] (непосредственно творчеству Седаковой посвящена только первая половина книги; вторая же «интерпретирует проблематику, близкую ее творческим и научным интересам»). И на этом фоне в одном из ведущих научных издательств России выходит довольно объемный сборник статей, первые же фразы «Предисловия» которого гласят: «Цель этого сбор-

ника – создать концептуальную основу для понимания <…> вклада Ольги Седаковой в русскую, а вернее – в мировую культуру. Мы представляем обширную и разностороннюю подборку эссе, <…> охватывающих полный спектр культурных вопросов, затрагиваемый этим поэтом» (с. 5). То есть налицо определенная научная преемственность: желание подвести под творчество Седаковой некую смысловую базу и сделать это посредством свободной интерпретации, культурологии, философии – другими словами, посредством «смыслов и прочтений». Но как же «стихи»?

Когда мы писали о философской доминанте в творчестве Ольги Седаковой, мы оговорились, что так кажется только «на первый взгляд». Седакова – поэт, поэзоцентричный автор; ее многочисленные размышления в прозе – это крайне увлекательное чтение, как с точки зрения мысли, так и с точки зрения стиля, – однако представляется, что все это в каком-то смысле лишь развернутый комментарий к «целомудренной бездне стиха» (цитируем часто упоминаемого Седаковой Н. Заболоцкого). Все ее эссе, если не свидетельствуют напрямую о религиозном опыте, говорят о поэзии – не только в «метафизическом», но и в «ремесленном» аспектах. Конечно, Седакова сознательно отходит от ипостазирования Языка (за Языком для этого автора явственно присутствует Бог), но само искусство поэзии, ее ходы и прагматика для Седаковой неоспоримы. Вот почему собрание сочинений начинается со «Стихов» (имевшие место в более ранних изданиях авторские предисловия к циклам и книгам исключены: только поэзия!), а в подзаголовке посвященного ей научного сборника слово «стихи» вынесено на первое место.

Но мы не найдем во всей книге статьи (составители, да и сами авторы, охотнее используют слово «эссе», как бы намекая на некоторую свободу дискурса и созвучность седаковскому способу мысли), полностью посвященной формальному анализу поэтики автора, хотя для этих целей заявлен первый раздел «Подходы к поэту и стихам»; перед нами, действительно, «подходы», попытки концептуального осмысления, порой конгениальные самому объекту исследования (а это значит, мало что «проясняющие» в нем, но ставящие всё новые вопросы). Остальные разделы в основном посвящены интеллектуально-духовному модусу творчества Седаковой (культурным доминантам, богословию, поэтологии). Ни в коем случае не хотим сказать, что представленные в книге материалы уводят «в сторону» от Седаковой – напротив, философская глубина и культурологическая обеспеченность высказывания попросту необходимы для серьезного разговора об этом авторе. Однако заметим, какую ценность (по крайней мере, для нас) играют на этом фоне «частные» наблюдения, как они украшают любое размышление! Здесь приведем только один пример (заинтересованный читатель найдет в сборнике множество подобных). В одном из лучших, на наш взгляд, эссе о мистических аспектах поэзии Седаковой Хенрике Шталь, размышляя над природой религиозного опыта, отраженного в стихотворении «Детство», ставит вопрос о

«реальном статусе» этого опыта для лирического «я»: что перед нами – след теофании или детская фантазия? (Неразличимость этих состояний, игра с ними характерны для некоторых стихов Седаковой о детстве). Приведем короткое стихотворение целиком.

Детство

Помню я раннее детство
и сон в золотой постели.

Кажется или правда? –
кто-то меня увидел,
быстро вошел из сада
и стоит улыбаясь.

– Мир – говорит, – пустыня.
Сердце человека – камень.
Любят люди, чего не знают.

Ты не забудь меня, Ольга,
а я никого не забуду.

[17, т. I, с. 183]

Исследователь замечает: «Единственная рифма в стихотворении намекает на то, что этому сну должно быть приписано правдивое содержание: “сад”, из которого выходит “кто-то” и который в произведениях Седаковой, как правило, имеет религиозные коннотации, рифмуется с “правдой”, то есть с действительностью (“правда / сада”)» (с. 281). Это довольно изящное и убедительное умозаключение. Продолжим эту мысль. Во всей поэтической книге «Старые песни», куда включено и стихотворение «Детство», очень часто используется прием внезапной рифмовки на фоне нерифмованного стиха: только на одном этом материале можно построить интересное исследование о семантике рифмы у Седаковой. Богатство таких наблюдений в рецензируемом сборнике намечает иной путь осмысления творчества автора – разговор о *поэтике*.

Мы очень рады, что в последние годы интерес к стихам, мыслям и самой персоне Ольги Седаковой возрос (правда, в основном за рубежом: список авторов сборника говорит сам себя). Издание книги, целиком посвященной осмыслению ее художественного мира, – это знаковое событие (как и семь лет назад – издание собрания сочинений). Уверены, сборник станет отправной точкой для новых исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Горе, полное до дна // Седакова О. Стихи. М., 1994. С. 358–363.
2. Аверинцев С.С. «Уж небо, а не озеро»: Риск и вызов метафизической поэзии // Седакова О. Стихи. М., 2001. С. 5–13.
3. Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 232 с.
4. Звегинцева М.Э. Концепт «сад» в лирике О. Седаковой // Русская филология. Харьков, 2013. № 1–2. С. 73–78.

5. Корчагин К., Ларионов Д. Хрестоматия андеграундной поэзии. URL: http://arzamas.academy/materials/1243 (дата обращения: 23.06.2017).

6. Ольга Седакова: «Данте – труд совести для стихотворцев» // Литературa. 2017. № 99. URL: http://literratura.org/issue_publicism/2269-olga-sedakova-dante-trud-sovesti-dlya-stihotvorcev.html (дата обращения: 23.06.2017).

7. Сайтанов В. Ольга Седакова: Новый путь // Седакова О. Врата, окна, арки. Paris: YMKA-PRESS, 1986. С. 113–126.

8. Седакова О.А. Ангелы и львы // Иностранная литература. 2013. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2013/6/6s.html (дата обращения: 23.06.2017).

9. Седакова О.А. Мариины слезы. К поэтике литургических песнопений. Киев: Дух і літера, 2017. 176 с.

10. Седакова О.А. Перевести Данте // Знамя. 2017. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2017/2/perevesti-dante.html (дата обращения: 23.06.2017).

11. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.

12. Седакова О.А. Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2016. 120 с.

13. Седакова О.А. Сад мирозданья. М.: Арт Волхонка, 2014. 70 с.

14. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.

15. Седакова О.А. Стеллы и надписи. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 44 с.

16. Седакова О.А. Стихотворения шаги. Избранные стихи. М.: Арт Волхонка, 2017. 336 с.

17. Седакова О.А. Четыре тома. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.

18. Эпштейн М. Тезисы о метареализме и концептуализме. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/pm_kontsep_metareal.html (дата обращения: 23.06.2017).

19. http://olgasedakova.com (дата обращения: 23.06.2017).

А.А. Азаренков, Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет

Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела…». Экфрасисы Иосифа Бродского. Siedlce, 2016. Т. X. 268 с. ISBN 978-83-64884-21-4

Иосифу Бродскому нельзя отказать не только в звании «отца» мейнстрима современной русской поэзии, но и в степени освоенности его творчества литературоведами – степени настолько высокой, что почти каждый год «благодаря» Бродскому присуждаются степени уже кандидатские и докторские. Количество монографий и коллективных сборников исчисляется десятками, рядовым же статьям даже самые внимательные составители библиографий, кажется, давно и сами потеряли счет. Объем научного текста вокруг Бродского настолько велик, что – позволим себе смелое высказывание – внутри этого текста выработались негласные правила, логические и стилистические формулы того, как до́лжно писать о Бродском. Так наука откликается на продуманный (жестко иерархичный), гармоничный (авторитарный),

узнаваемый (формульный) художественный мир Бродского. Например, одной из обязательных этических уступок почти в каждой значимой работе является сетование на обилие исследований, посвященных поэтике Бродского (см. выше). После обязательного библиографического обзора ученый имярек обычно приходит к выводу: несмотря на то, что его тема уже затрагивалась – и часто неоднократно – в работах предшественников, они, эти работы, не проясняют, а подчас и попросту затемняют предмет. Таковая проблема, по нашему мнению, действительно имеет место быть в бродсковедении: богатство (избыток) исследований отнюдь не означает полноту научной рефлексии, а многообразие точек зрения не отменяет бесплодных споров. Добавим сюда изобильный пласт эссеистики, маскирующейся под науку, который неизбежно нарастает вокруг наследия любого поэта-«философа», и картина для того, кто хочет узнать о Бродском что-то большое и новое, станет совсем нерадостной. Тем ценнее появление на горизонте внятных, концептуальных и при этом по-настоящему умных монографий, таких как недавняя книга белорусского литературоведа Татьяны Автухович, посвященная экфрасисам Иосифа Бродского.

Экфрасис, «словесное рисование», описание предметов искусства в художественном тексте, – проблема, пережившая бум в литературоведении порядка десяти лет назад. Ныне же, когда можно констатировать отлив «моды» на изучение экфрасиса – но отнюдь не спад интереса! – ученый, решивший заняться «словесными картинами» в творчестве того или иного автора, встает почти перед той же дилеммой, что и бродсковед: литературы слишком много, концепции противоречат друг другу, да и сам предмет предельно размыт. Систематическому обзору идей, связанных с изучением экфрасиса в поэзии, в исследовании Автухович посвящен отдельный параграф «Поэтический экфрасис: риторика чтения», который, кстати, будет весьма полезен впервые вступившему в эту область. В целом же необходимость полноценного изучения экфрасиса в творчестве Бродского, «самого экфрастичного», по словам Леонида Геллера, поэта XX века, назрела давно. Эта большая и на редкость интересная тема требует двойного исследовательского мужества – на основе разнообразия трактовок предложить свою методику работы с экфрасисом (и по возможности не предлагать очередное его истолкование), а также понять, с каким именно Бродским ученому предстоит работать: с мыслителем, культуртрегером и ходячей энциклопедией или все же с поэтом. Автухович выбирает ясность концепции и поэзию, что не может не радовать.

Исследование делится на три части. В первой из них, озаглавленной «Неизбежность экфрасиса», дается убедительный обзор точек соприкосновения творчества Бродского и визуального искусства – на биографическом, поэтологическом и общетеоретическом уровнях. По сути, эта часть представляет собой обоснование самой проблемы: почему в поэтической опти-

ке, или зрительной перцепции, Бродского можно и нужно искать живописный «след»? Кроме того, эта часть работы наполнена – отрефлексированными и прокомментированными! – «живописными» подробностями жизни Бродского, подкрепленными его высказываниями, что позволяет существенно дополнить наше представление о характере диалога одного из самых интеллектуальных русских поэтов с мировой культурой.

Вторая часть работы – «Диалог с культурой: метафизика любви и творчества» – призвана раскрыть детали этого взаимодействия на материале конкретных текстов. Всего представлено шесть развернутых разборов на 90 страниц, каждый из которых дает обоснование той или иной грани избранной проблемы – от описания конкретного произведения искусства до сложнейших путей манифестации прямо не названных живописных предтекстов.

В третьей части – «Поэтика визуальности» – представлена попытка анализа зрительной составляющей мира Бродского без привязки к установленным произведениям искусства. Перед нами – деликатная объективация и последовательный разбор визуального аспекта того или иного дискурса в лирике Бродского, будь то советская действительность или столь важный для поэта евангельский сюжет Рождества.

Таким образом, путь, по которому автор исследования приходит к своим выводам, неизбежен и доказателен. В выводах же основные составляющие миропонимания Бродского – отстранение от «я», авторефлексия, семантизация предметной детали, преодоление в творчестве любовной и экзистенциальной драмы, метафизическая проблематика и полифония культурных реминисценций – связываются с особенностями экфрастического зрения в творчестве поэта. Однако экфрасис представлен одним из ключей к сложнейшей образности Бродского – ключом важным, изысканным, позволяющим открыть многие необычные двери, но не единственным, как это часто бывает в спекулятивных исследованиях. И здесь стоит отдать должное научной скромности, честности и добросовестности Татьяны Автухович, обогатившей науку о литературе образцовой работой.

Критерием «образцовости» по старинке мы считаем прагматику. Так, художественный мир поэта после прочтения исследования о нем должен становится читателю понятнее и ближе, при этом не подвергаясь редукции. Ученый призван помочь приблизиться к интеллектуальному и культурному уровню поэта, то есть расширить кругозор читателя – в плане фактологии, библиографии и восприимчивости к новым смыслам. И, конечно, удовольствие от чтения хорошего научного текста, не переусложненного, точного и в то же время образного, никто не отменял. Все это в полной мере можно отнести к монографии Татьяны Автухович: рекомендуем ее всем, кто соскучился по серьезному, небанальному и уважительному разговору об искусстве.

Ю.С. Базылева, С.Ю. Хесина
Смоленский государственный университет

Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции 2016 года / ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Свиток, 2017. 232 с. ISBN 978-5-9909339-2-7

В сборнике «Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции 2016 года» под редакцией Л.В. Павловой и И.В. Романовой, выпущенном издательством «Свиток» в 2017 году, собраны статьи, подготовленные на основе докладов «Авраамиевских слушаний» – пилотного проекта «Авраамиевской седмицы», в реализации которой объединили свои усилия митрополия, университет и ассоциация. Редакторы книги – доктор филологических наук, профессор Л.В. Павлова и доктор филологических наук, профессор И.В. Романова – входят и в оргкомитет конференции.

Название мероприятию, равно как и впоследствии изданному сборнику, дала историческая персона – один из первых на Руси и первый в Смоленске православный святой Авраамий Смоленский, явивший пример самоотверженного служения, человеколюбия и высокой образованности.

К личности Авраамия Смоленского и подобным ему служителям церкви, древнерусской литературе, религиозным темам и образам в отечественной литературе обращено внимание отечественных и зарубежных исследователей в области литературы и истории. Среди них игумен Хрисанф (Шадронов), Е.Л. Конявская, А.М. Ранчин, Ф.Н. Двинятин, И.В. Семененко-Басин и другие ученые.

Актуальность книги и самой конференции подтверждается большим вниманием к этому событию как со стороны исследователей, так и со стороны общественности. Сборник открывается приветственным словом высокопреосвященнейшего митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора. Митрополит отметил: значимость книги не только в том, что она дает возможность «познакомиться с уникальными научными исследованиями в области древнерусской литературы» (с. 6), но и в том, что она помогает «осмыслить неразрывность связи Православия и русской культуры, увидеть, насколько глубоко христианские образы и темы отражаются в произведениях русской литературы XVIII–XXI веков». «Авраамиевская седмица – это наш общий вклад в сохранение российского национального духовного и культурного наследия», – заключил владыка (с. 6).

Во вступительном слове исполняющего обязанности ректора Смоленского государственного университета М.Н. Артеменкова была выражена мысль о роли «Авраамиевской седмицы» для общественности. Ее главную ценность он видит в синкретизме науки, образования, религии и искусства.

Обозначенные во вступительных речах аспекты исследования находят отражение и более детальную разработку в разделах сборника. Отметим, что структура печатного издания последовательна и логична: перед нами шесть разделов (причем последний представлен обобщающей статьей о работе конференции), построенных по хронологическому принципу. В сборник включено 14 статей, демонстрирующих многообразие методологических подходов.

Раздел «Житие Авраамия Смоленского: размышления и интерпретации» представлен двумя статьями. В статье Е.Л. Конявской «Житие Авраамия Смоленского: с мыслью о Страшном Суде» не только житие Авраамия вписывается в систему агиографических текстов, но и делается попытка установить исторические факты. Житие воспринимается как документ эпохи. Основное внимание обращено на центральный конфликт – обвинение преподобного, касающееся его проповедей о Страшном Суде и посмертном воздаянии. А в статье игумена Хрисанфа (Шадронова) «Похвала гонимому учителю» исследуются жанровые особенности «Жития и терпения преподобного Авраамия Смоленского», где выявлены черты жития-энкомия.

В разделе «Домонгольские памятники древнерусской литературы» четыре статьи.

А.М. Ранчин в работе «Убиение святого Глеба на Смядыни и другие известия в агиобиографиях святых Бориса и Глеба: к вопросу об интерпретации жития как исторического источника» рассматривает житие, посвященное святым Борису и Глебу, и анализирует ряд сомнительных и / или внутренне противоречивых известий. Благодаря исследованию «”Никола вешний”: новое об обстоятельствах установления на Руси памяти Святителя Николая Мирликийского 9 мая» А.В. Назаренко вводятся в научный оборот новые сведения и материалы об обстоятельствах установления на Руси памяти Святителя Николая Мирликийского. Ученый делает предположение об авторстве «Слова на перенесение мощей св. Николая в Бар-град». В статье А.А. Шайкина «Автор в Житии Феодосия Печерского» изучаются формы авторского присутствия в тексте, созданном монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, заложившим основы русской агиографии. Ф.Н. Двинятин анализирует космологические фрагменты торжественных слов св. Кирилла Туровского, которые демонстрируют редкое единство семантической и синтаксической организации: бинарный синтаксический параллелизм соотнесен с семантической оппозицией «верх – низ» (статья «Космологические фрагменты у Кирилла Туровского»).

Отметим, что статьи данных разделов сопровождаются обширными примечаниями (в дальнейшем примечания к статьям не используются или же несут функцию иллюстративного материала).

Раздел «Древнерусская переводная агиография» представлен статьей Л.Г. Дорофеевой «Кротость и дерзновение: образ святителя Николая в древнерусской переводной агиографии (“Жизнь и деяния святого отца нашего

Николая” Симеона Метафраста и “Слово иже во святых отца нашего Николы, о житьи его и о хожении его и погребении”)», в которой исследователя привлекают древнерусские памятники переводной агиографии о святителе Николае, известные в списках XV века: каноническое житие, составленное Метафрастом, и некнижная редакция южнославянского сказания о Николае Мирликийском. По этим источникам сопоставляются тип поведения и особенности изображения святого.

Особого внимания заслуживает раздел «Церковные жанры, темы, образы в русской литературе XVIII–XXI веков», в состав которого вошло самое большое количество статей сборника – пять. В работе польской исследовательницы Б. Жеймо «Гаршин – религия. Попытка преодоления одного стереотипа» доказывается неоднозначное отношение Гаршина-писателя и Гаршина-человека к вере и религии. Прозе XIX века посвящена статья А.С. Александрова «Быт сельского духовенства в беллетристике А.А. Измайлова: критические отклики, рецепция современников», в которой предметом изучения становятся образы представителей сельского духовенства; отдельно анализируются отклики самого Измайлова на произведения бытописателей сельского духовенства. В статье «Поэтическая ангелология Вячеслава Иванова» Л.Г. Каяниди доказывает гипотезу о том, что Вячеслав Иванов развивает в своей поэзии целостное учение об ангелах, которые выступают как первообразы тварного мира, духи сфер, участники вселенской литургии, средство теофании. Статья «Русская Псалтырь Фейги Коган» Ю.Б. Орлицкого рассматривает историю переложения псалмов в русской поэзии XVII–XIX веков с точки зрения используемых типов стиха: от силлабики у С. Полоцкого через силлаботонику классического периода к опытам раешного и свободного стиха во второй половине XX века. И заканчивается раздел статьей польской исследовательницы А. Маймескулов «Поэтика эпифании, или Еще о рассказе Владимира Набокова “Рождество”», рассматривающей поэтику эпифании, религиозной, мистически-экстатической категории богоявления, которая используется в анализе как структурирующий принцип поэтики рассказа В. Набокова «Рождество».

Раздел «Архивные разыскания» представлен статьей И.В. Семененко-Басина «Епископ Антоний (Храповицкий) о некоторых календарных памятях святых», в которой впервые публикуется письмо епископа Антония (Храповицкого). Благодаря этому архивному источнику могут быть уточнены даты поминовения некоторых русских святых в литургических практиках начала XX века. Отметим, что это одна из немногих статей в сборнике, автор которой опирается на новые, не известные ранее источники, работа с архивами может и должна быть продолжена.

И последний раздел «История Авраамиевской седмицы» представляет собой статью «Под патронатом Святого Авраамия Смоленского», написанную организаторами конференции Л.В. Павловой и И.В. Романовой и объясняю-

щую, как возникла идея создать совместными усилиями науки и церкви регулярную научную конференцию, какие цели она преследует, каковы ее дальнейшие перспективы. Поэтому абсолютно бесспорным является утверждение: «“Авраамиевская седмица” – «масштабный проект, который направлен на создание новой международной научно-исследовательской, духовно-просветительской среды» (с. 7). Отчет проиллюстрирован не только высказываниями участников конференции, но и фотографиями, которые оживляют в памяти заседания, экскурсии, творческие вечера и показывают, что «Авраамиевская седмица» насыщена не только информационно, но и эмоционально.

Все материалы сборника не только дополняют и формируют зримые образы рассматриваемых в исследованиях персон и обстоятельств, но и, обладая самостоятельной убедительной силой, позволяют читателю увидеть новые оттенки в событиях изучаемых эпох.

Рецензируемый сборник, безусловно, отвечает интересам и специалистов-исследователей, и широкого круга читателей; он отличается глубиной и многообразием представленных в нем материалов, а также может стать стимулом для появления последующих работ в данной области.

КОНФЕРЕНЦИИ

И.А. Королёва
Смоленский государственный университет

Сотрудничество ономастов Смоленска и Витебска: итоги и перспективы

Проблемы приграничья сегодня относятся к приоритетным во всех областях жизнедеятельности социума, в том числе и в научной сфере. Для гуманитарной области исследований приграничной территории важное значение имеет ономастика – изучение имен собственных тех территорий, где наличествует совмещение двух языков, двух культур, где языковые контакты осуществляются веками.

Два вуза-партнера, Смоленский государственный университет и Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, – центры научной жизни двух приграничных областей. Так сложилось, что ономастические исследования на обеих территориях активны и значимы уже не одно десятилетие. В России хорошо известна Смоленская ономастическая школа, официально заявленная в 2010 году, в Республике Беларусь – Витебская.

Первый совместный ономастический проект – работа, поддержанная международным грантом «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (РГНФ – БРФФИ, проект № 10-04-00691а/Б2). В его рамках проведено два международных методических семинара, в опубликованных материалах которых отражаются различные взгляды русских и белорусских ученых на комплекс культурологических и ономастических проблем приграничных регионов России и Беларуси в синхронии и диахронии. Сделана успешная попытка выявить общее и специфическое в общеязыковых, ономастических, фольклорных системах изучаемых регионов – смоленского и витебского. Обобщением результатов исследовательского проекта явился выход в свет коллективной монографии «Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (2014). Безусловно, она имеет не только теоретическое, но и практическое значение; в частности, ее материалы уже нашли отражение в административно-общественной практике и Смоленска, и Витебска.

Имеет хорошую традицию проведение совместных научных ономастических конференций. Так, в 2012 году, накануне 1150-летия со дня основания Смоленска, состоялась международная научная конференция «Смоленск и Смоленщина в именах и названиях: история и современность (финансовая поддержка РГНФ и Администрации Смоленской области,

проект 12-14-67500 г/Ц), в которой приняли участие витебские ономасты. В 2015 году прошла специальная международная научная конференция «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования», которая собрала смоленских и витебских ономастов в Смоленском государственном университете. Материалы конференции были изданы, и выход в свет сборника стал значительным событием в научном мире обоих государств.

В 2016 году смоленские ономасты ездили в Витебский государственный университета им. П.М. Машерова для участия в международной ономастической конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования». Материалы форума также изданы.

И вот наконец 4 апреля 2017 года состоялась очередная встреча смоленских и витебских ономастов в стенах Смоленского государственного университета.

Участников конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования» приветствовал руководитель отделения Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации в Смоленске Чеслав Казимирович Шульга. Он пожелал успехов всем участникам и подчеркнул, что форум проводится в знаменательные дни – в рамках празднования единения РФ и РБ.

Приветственное слово произнес проректор по международным и молодежным программам доктор педагогических наук, профессор Николай Петрович Сенченков, отметивший важность проведения традиционных ономастических конференций, которые поддерживают и укрепляют партнерские отношения между Смоленским государственным университетом и Витебским государственным университетом им. П.М. Машерова.

Далее выступила декан филологического факультета кандидат филологических наук, доцент Валентина Сергеевна Ковалева, отметившая, что из года в год сотрудничество двух кафедр – русского языка СмолГУ и общего и русского языкознания ВГУ им. П.М. Машерова – расширяется и крепнет. Появляются новые, молодые участники конференций – студенты, магистранты, аспиранты; это, безусловно, свидетельствует о стабильности и актуальности развития ономастики как области знания.

Завершило приветственную часть выступление председателя оргкомитета конференции доктора филологических наук, профессора Инны Александровны Королевой. Она высказала удовлетворение подготовкой и организацией форума, подчеркнула, что подобные двусторонние конференции уникальны – ведь всего два региона дают такое большое число участников; это, несомненно, еще раз подтверждает объективность существования двух ведущих ономастических школ – Смоленской в РФ и Витебской в РБ.

Насыщенным и интересным по тематике было пленарное заседание. Представители Витебска заявили и сделали очень актуальные доклады. Так,

доктор филологических наук, доцент Елена Юрьевна Муратова выступила с темой «Собственное имя в литературном произведении как категория познания личности». Частным, малоисследованным вопросам топонимической номинации были посвящены доклады кандидатов филологических наук, доцентов Владимира Максимовича Генкина «Ойконимы Витебщины, отражающие особенности землевладения и раздела земель» и Татьяны Ивановны Синкевич «Лимнонимия Витебщины: проблема субстрата». Особое внимание аудитории привлек доклад главы Витебской ономастической школы заведующей кафедрой общего и русского языкознания ВГУ им. П.М. Машерова доктора филологических наук, профессора Анны Михайловны Мезенко, выступившей с новым материалом на тему «Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске: семантическая зона “система”».

С докладами выступили и смоленские ученые, сотрудники разных учебных заведений города. Заведующая кафедрой русского языка СмолГУ доктор филологических наук, профессор Вера Сергеевна Картавенко рассказала о русско-белорусских языковых контактах и их историческом обосновании. Кандидат филологических наук, доцент Смоленского государственного института искусств Дмитрий Валерьевич Бутеев представил материал о неофициальных наименованиях смоленских предприятий как отражении эпохи. Кандидат филологических наук, доцент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии Алексей Николаевич Соловьев в своем выступлении обратился к сложному и спорному вопросу о границах термина «урбаноним». Привлек внимание аудитории совместный доклад кандидата филологических наук руководителя «Малой академии» Смоленского лицея им. Кирилла и Мефодия Ольги Викторовны Ивановой и ученицы 8 класса лицея Виолетты Осипенковой, рассказавших об опыте работы ономастов лицейского научного общества.

На конференции работали четыре традиционные секции.

На секции «Проблемы топонимики», которую вели доктор филологических наук, профессор Нина Алексеевна Максимчук (Смоленск) и кандидат филологических наук, доцент Татьяна Юрьевна Васильева (Витебск), было представлено одно из приоритетных направлений в исследованиях и смолян, и витеблян. Участвовали в работе представители не только разных школ и государств, но и разных научных статусов и возрастов. Рассматривались топонимы в современном пространстве, в истории языка, в литературном и культурном контексте.

Татьяна Юрьевна Васильева сделала доклад «Переименования и культура». Кандидат филологических наук, доцент Татьяна Петровна Слесарева рассмотрела географический принцип номинации комонимов Лепельщины. Нина Алексеевна Максимчук представила анализ географических названий с корнем *пан-* в топонимии смоленско-белорусского пограничья. Топонимы с пространственной приставкой *за-* в приграничь-

ной зоне рассмотрела кандидат филологических наук Ольга Сергеевна Евсеева (Смоленск). Инна Александровна Королева проанализировала название *Загорье* в контексте лирики А.Т. Твардовского. К историческому аспекту топонимии обратились молодые смоленские исследователи. Аспирант СмолГУ Ольга Алексеевна Королева представила фрагмент своей будущей диссертации об истории названий *Мстиславль* и *Мстиславец*. Студентка 5 курса СмолГУ Кристина Олеговна Гончарова сделала интересное сообщение о «живых» и «мертвых» топонимах в смоленских грамотах XIII–XIV веков. Завершило работу секции выступление студента 5 курса СмолГУ Александра Михайловича Сысоева об отражении русско-белорусских связей в легендах Смоленского края.

Секцией «Проблемы антропонимики», также посвященной актуальным для обеих ономастических школ проблемам, руководили кандидат филологических наук, профессор Лариса Захаровна Бояринова (Смоленск) и аспирант Анна Сергеевна Марудова (Витебск). Были рассмотрены самые разноплановые вопросы, связанные с именованием человека.

Лариса Захаровна Бояринова рассказала присутствующим о вариантах личных имен. Кандидат филологических наук, доцент Ольга Павловна Альдингер остановилась на вопросе об именах в сборниках пословиц и поговорок XVII века. Кандидат филологических наук, доцент Евгения Ивановна Попова (Смоленск) представила интересный материал о жаргонных прозвищах в студенческой коммуникации. Анна Сергеевна Марудова сделала сообщение об антропозоонимах Белорусского Поозерья. Кандидат филологических наук, доцент Леонид Михайлович Вардомацкий (Витебск) проанализировал антропонимикон Витебского магистрата 1597 года. Студентка 5 курса ВГУ им. П.М. Машерова Анастасия Игоревна Шалиханова выступила с сообщением об особенностях антропонимного пространства города Орши. Аспирант СмолГУ Вероника Андреевна Трифоненко представила материал о новых названиях районов города Смоленска. И в этой секции приняли участие студенты 5 курса СмолГУ. Так, Александра Владимировна Ковалева познакомила аудиторию с анализом польских фамилий, легших в основу названий сел и деревень Смоленской области.

Представители смоленской ономастической школы традиционно много занимаются проблемами литературной ономастики, поэтому третья секция называлась «Имя собственное в художественном тексте». Руководили ее работой кандидат филологических наук, доцент Нина Витальевна Ланге (Смоленск) и гость из Бреста кандидат филологических наук, доцент Светлана Феодосьевна Бет-Гусаим, впервые участвовавшая в традиционной приграничной конференции.

Рассматривались теоретические вопросы литературной ономастики, одного из самых актуальных сегодня направлений ономастических исследований. Так, кандидат филологических наук, доцент Михаил Иванович

Тарасов (Смоленск) обратился к проблеме выделения уровней семантического анализа литературного имени. Магистр Лариса Петровна Родионова (Смоленск) изложила вопрос о выделении и значении литературной ономастики. Аспирант СмолГУ Елена Евгеньевна Гунтарева сделала сообщение о функциях имени собственного в художественном тексте.

Остальные выступавшие обращались к частным исследованиям литературной ономастики. Нина Витальевна Ланге рассказала присутствующим о системе именований главных героев в трилогии Дины Рубиной «Русская канарейка». Светлана Феодосьевна Бет-Гусаим поделилась с аудиторией своими наблюдениями об использовании «говорящих» фамилий в автобиографической прозе брестских писателей. Аспирант из Витебска Яна Александровна Гурская проанализировала имена собственные в историческом романе Вс. Соловьева «Княжна Острожская». Завершил работу секции студент 5 курса СмолГУ Ярослав Александрович Медведев сообщением об именованиях персонажей ранних рассказов А.П. Чехова.

Четвертой секцией «Общие вопросы изучения имен собственных» руководили кандидат филологических наук, доцент Нина Викторовна Бубнова (Смоленск) и кандидат филологических наук, доцент Марина Леонидовна Дорофеенко (Витебск). Нина Викторовна Бубнова представила слушателям интересный материал, отражающий представления московских студентов о Смоленщине через восприятие имен собственных, связанных со Смоленским краем. Доклад Марины Леонидовны Дорофеенко был посвящен малоисследованному вопросу о виконимии Беларуси. Аспирант ВГУ им. П.М. Машерова Юлия Владимировна Менжинская рассказала присутствующим об особом разряде онимов – артионимах. Кандидат филологических наук старший преподаватель Надежда Андреевна Родина (Смоленск) выступила с сообщением о военной хрематонимике. Кандидат филологических наук, доцент Альбина Григорьевна Рыжкова (Смоленск) осветила некоторые аспекты лингвокраеведческой работы на Смоленщине. Последней в секции выступила кандидат филологических наук, доцент Мария Николаевна Трубаева (Смоленск), сделавшая небезынтересную попытку связать ономастические исследования с диалектологией на материале изучения названий фартука в смоленских говорах.

Общий анализ проведенной конференции позволяет сделать вывод, что она прошла на действительно высоком научном уровне. Рассмотренные вопросы показали, что смоляне и витебляне в рамках своих ономастических школ работают параллельно над самыми актуальными в ономастике и сложными для разработки темами. И русских, и белорусских ученых интересуют проблемы приграничья, ономастическое пространство которого имеет ярко выраженную специфику. Трансграничное сотрудничество в области ономастических исследований, безусловно, будет продолжаться, ибо в обеих школах выросли перспективные молодые ученые, не боящиеся браться за разработку комплекса сложных ономастических проблем. И в Смоленском, и в

Витебском государственных университетах именами собственными занимаются многие аспиранты. Особо следует отметить студентов филологического факультета СмолГУ, которые активно включаются в ономастические разыскания и участвуют в конференциях разного уровня, в том числе и международного. Кафедра русского языка СмолГУ сотрудничает с педагогическим лицеем им. Кирилла и Мефодия, в котором активно действует «Малая Академия» учащихся, где одно из главных направлений работы – ономастика. Помимо того, лицеисты занимаются проблемами приграничья, постоянно участвуют в различных мероприятиях, проходящих в Витебске.

Нельзя также не отметить тот факт, что центр ономастических исследований в Смоленске – это Смоленский государственный университет, хотя ономастика привлекает внимание преподавателей и других вузов города. В работе конференции приняли участие 15 представителей СмолГУ, причем как профессоров, так и аспирантов и студентов. Участники из других вузов – это бывшие аспиранты и студенты СмолГУ, которые продолжают развивать тематику ономастических исследований. В Заборьевской школе Демидовского района активную ономастическую работу проводит завуч – кандидат филологических наук бывший аспирант СмолГУ Ольга Сергеевна Евсеева. Она организовала уже три районные научно-практические конференции, в изданных материалах которых значительное место занимают статьи по ономастике.

Итак, смоленско-витебские ономастические контакты – надежная опора международного партнерства двух вузов, Смоленского государственного университета и Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Дружеское плодотворное сотрудничество будет продолжено.

В заключение стоит отметить, что в Смоленском государственном университете действует научно-образовательный центр «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем». Несомненно, в рамках проводимых при организационной поддержке центра совместных русско-белорусских мероприятий ономастические семинары и конференции займут достойное место.

Ю.А. Грибер
Смоленский государственный университет

Визуальные исследования искусства

25–27 августа 2017 года в Берлине состоялась международная научная конференция «Визуальные исследования искусства» (Visual Science of Art Conference, VSAC), совместно организованная Бамбергским университетом и Берлинским университетом им. Гумбольдта. Основная цель конференции – развитие исследований, направленных на понимание эстетических феноменов.

Конференция проводилась в медицинском университетском комплексе Шарите, совместном учреждении Берлинского университета им. Гумбольдта и Свободного университета Берлина. Рабочим языком конференции был английский.

На открытии с приветственным словом выступили руководители организационного комитета профессора К.-К. Карбон и Й. Фингерхут. Они отметили, что нынешняя конференция является юбилейной, пятой по счету. Впервые конференция по визуальному изучению искусства была организована в 2012 году в итальянском городе Альгеро. Следующие заседания прошли в Белграде, Сербия (2014), Ливерпуле, Великобритания (2015), Барселоне, Испания (2016). За эти годы сформировалась практически идеальная площадка для обсуждения тем, связанных с визуальным восприятием произведений искусства. Организаторы подчеркнули, что в задачи конференции входит не только продвижение визуальных исследований, но и развитие сотрудничества и международных связей, соединяющих лаборатории и исследовательские центры Европы и всего мира, и выразили надежду, что в этом году на конференции появятся яркие идеи для совместных проектов, способных задать новые векторы развития визуальной науки.

Главными докладчиками нынешней конференции стали профессор философии Городского университета Нью-Йорка Дж. Принц (США) и профессор психологии, нейронауки и информатики Университета Южной Калифорнии И. Бидерман (США).

Профессор Дж. Принц в своем выступлении обратил внимание на то, что понимание искусства традиционно принято связывать с эмоциями, однако до сих пор неясно, с какими именно. Считается, что хорошее искусство должно вызывать удовольствие, но этого просто не может произойти в тех случаях, когда искусство затрагивает мрачные темы. Некоторые авторы называют эмоции, сопровождающие восприятие искусства, «эстетическими», с помощью такого термина избегая любых рассуждений и выводов об их природе. Дж. Принц предложил свое решение проблемы. По его мнению, главная эмоция, которая лежит в основе понимания искусства, – это удивление. Он представил убедительное теоретическое и эмпирическое обоснование этой идеи, доказывая, что удивление может стать интересным ключом к новому пониманию эстетического опыта, природы прекрасного и сущности искусства.

Лекция профессора И. Бидермана была посвящена анализу нейробиологических процессов, которые лежат в основе человеческой способности быстро узнавать и интерпретировать то, что мы видим. Автор известной теории о том, каким образом мы распознаем объекты, места и лица, считает, что существует ряд базовых форм, которые мы используем для построения образов. В своем выступлении он предложил объяснение нейробиологических механизмов эстетических чувств и распределения визуального внимания. По

его мнению, удовольствие от нового перцептуального или когнитивного опыта (от произведения искусства, необычной перспективы, научной теории, хорошей идеи или удачной шутки) представляет собой результат опиоидной активности коры головного мозга. Это заставляет нас буквально «пожирать информацию», в которой мы постоянно ищем что-то новое, но потенциально понятное. Однако, как только мы находим что-то подобное, адаптация снижает активность, уменьшая выработку опиоидов и приводя к обновлению предпочтений (по принципу «видели, знаем»).

В работе конференции приняли участие более 200 специалистов из 22 различных стран мира, изучающих искусство и его визуальное восприятие, используя экспериментальные, философские, феноменологические, вычислительные подходы. Обсуждение докладов проходило по секциям.

В секции «Видение как мышление образами» рассматривались философские проблемы визуальной культуры, теоретическое осмысление которой традиционно строится на противопоставлении смотрения и видения. В современных исследованиях смотрение понимается как пассивный процесс, в ходе которого глаз фиксирует что-то без определенной задачи. В отличие от смотрения видение считается продуктом культуры, а не природы. Оно предполагает активность, внимательность зрителя и осознание им происходящего. Авторы представленных на секции докладов убедительно показывали, как то, что увидит зритель, напрямую зависит от его опыта, навыков понимания и интерпретации значений, знаний, которыми он обладает, и, шире, от всего поля смыслов конкретной культуры, к которой он принадлежит.

Участники секции «Универсальны ли эстетические предпочтения?» обсуждали широкий круг вопросов, связанных с механизмами формирования эстетического опыта и характером восприятия эстетических качеств различных типов визуальных объектов (человеческих лиц, природных ландшафтов, архитектурных построек, картин).

В секции «Пространство воображения» рассматривались особенности изображения объектов на картинах различных периодов, демонстрировались оптические возможности цифрового варианта многоплановой камеры, которая применяется в анимации для создания эффекта трехмерного пространства, и оптического устройства «синоптер», которое можно сделать самим по выкройке и использовать для создания иллюзии объема и усиленного восприятия трехмерности.

В секции «Физиология и искусство» обсуждались методы регистрации движений глаз и мониторинга электрической активности мозга, а также наиболее значимые области их практического применения в визуальных исследованиях искусства.

Секция «Визуальная статистика» была посвящена вопросам поиска математических правил, регулирующих содержание художественных образов. Докладчики представили результаты эмпирических исследова-

ний, выполненных на материале различных стилей изобразительного и музыкального искусства.

Главные направления работы постерных сессий касались проблем кросскультурных исследований эстетических предпочтений, истории визуального изучения искусства, клинических визуальных исследований и их методов, анализа эстетического опыта, взаимосвязи эмоций и художественного познания, восприятия танца и цвета.

С самого начала конференция была задумана как мероприятие-спутник Европейской конференции по визуальному восприятию (European Conference on Visual Perception, ECVP), самого крупного и авторитетного в Европе научного мероприятия, посвященного визуальным исследованиям. За четыре десятилетия существования Европейской конференции по визуальному восприятию круг обсуждаемых на ней тем, изначально ограничивавшихся проблемами сенсорных модальностей в психофизике и нейрофизиологии, расширился за счет включения таких вопросов, как восприятие лиц, визуальное внимание, информационные технологии визуальной науки и многие другие.

Изменился и формат мероприятия. Конференция переросла уютные университетские городки и теперь требует огромных аудиторий, способных вместить всех желающих. В этом году в мероприятии приняли участие почти 1100 ученых из различных стран Европы, Америки и Азии. В лекционных залах Свободного университета Берлина работали 24 сессии и 12 симпозиумов, на которых выступили с докладами более 200 исследователей. Основными темами конференции стали цветовое зрение, распознавание объектов, пространственное зрение, восприятие формы и материала, визуальный поиск, бинокулярное зрение в трехмерном пространстве, внимание, память, мультисенсорное влияние на визуальное восприятие, движение глаз, восприятие и узнавание лиц.

750 ученых представили результаты своих исследований на семи постерных сессиях, которые в этом году были не тематическими, а смешанными. Подобная «расфокусировка» была сделана намеренно. Обычно на тематической секции все специалисты, которые занимаются схожими проблемами, должны выступать в одно и то же время и не имеют возможности посмотреть презентации своих коллег и задать им вопросы. Нетематические постерные сессии позволили заметно повысить интенсивность дискуссий и продуктивность обсуждения.

Представленные на конференции «Визуальные исследования искусства» доклады будут опубликованы в журнале «Искусство и восприятие» («Art and Perception»).

Следующая Европейская конференция по визуальному восприятию пройдет с 26 по 30 августа 2018 года в Триесте, Италия (https://www.ecvp2018.org/).

К.Е. Кузьмина, И.В. Морозикова
Смоленский государственный университет

VI международная научно-практическая конференция «Личность в пространстве и времени»

С 19 по 20 октября 2017 года на базе кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета прошла VI международная научно-практическая конференция «Личность в пространстве и времени», посвященная памяти заслуженного работника высшей школы РФ, доктора психологических наук, профессора В.А. Сонина.

Проблема личности актуальна для научного сообщества. Ученые разных направлений (историки, философы, культурологи, психологи, педагоги и др.) всегда отмечали востребованность исследований роли личности в разных общественных процессах и необходимость междисциплинарного подхода к проблеме. Становление и развитие современной личности происходит в условиях быстрых, все усложняющихся изменений социума. Изучение процессов и механизмов жизнедеятельности личности в таком обществе позволит не только выявить особенности взаимодействия и взаимовлияния социальных условий и индивида, но и раскрыть сущность собственно психологических механизмов функционирования личности. Проведение с 2007 года международных научно-практических конференций «Личность в пространстве и времени» дает возможность ученым разных регионов России (Москва, Смоленск, Ростов-на Дону, Киров, Калуга и др.) и ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Германии, Казахстана и др.) познакомиться с результатами, обсудить и обобщить опыт научных исследований по данной проблеме.

Работа конференции традиционно ведется по следующим направлениям: философские, исторические, культурологические и этнологические проблемы личности; личность в современном информационном пространстве, проблемы творчества, способностей и одаренности личности; личность и профессиональная среда; психолого-педагогические и медицинские проблемы изучения личности. В этом году в работе конференции приняли участие более 120 человек. Состоялись пленарное и три секционных заседания, а также были проведены мастер-классы и научный семинар. Участниками мероприятий стали студенты, магистранты, преподаватели Смоленского государственного университета, Военной академии ВПВО ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Смоленской государственной академии физической культуры и спорта, Смоленского государственного института искусств, филиала Московского института государственного управления и права в Смоленской области и Смоленского филиала Юридического полицейского колледжа и др., психологи, социальные и медицинские работники Центра психолого-медико-социального сопровождения детей и семей.

На пленарном заседании с докладами выступили: А.С. Брычков, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии ВПВО ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск, Россия); С.В. Персиянцева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общих закономерностей развития психики Российского государственного гуманитарного университета, ученый секретарь Психологического института Российской академии образования (Москва, Россия); А.И. Тащева, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия); К.Е. Кузьмина, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии СмолГУ (Смоленск, Россия); И.В. Морозикова, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии СмолГУ (Смоленск, Россия).

С.В. Персиянцева рассказала об основных направлениях работы Всероссийского форума психологов и съезда Российского психологического общества, состоявшихся 5–7 октября 2017 года в Казанском федеральном университете. Докладчиком было отмечено, что участники форума и съезда неоднократно указывали на необходимость масштабных научных исследований и разработки психологических технологий по проблеме личности в современном информационном пространстве и ее изменений в транзитивном социальном пространстве. И.В. Морозикова определила основные направления изучения социально-психологических проблем личности, акцентировав внимание на проблеме становления просоциального поведения личности в условиях современного динамично развивающегося общества. К.Е. Кузьмина привела психологическое обоснование тезиса о том, что такие особенности информационного пространства, как взаимодействие с виртуальной реальностью, информационная дезориентация, сверхвыбор, чувство нестабильности, возможность целенаправленного влияния и управления массовым сознанием и т.д., изменяют не только условия социализации и развития современной личности, но и более глубинные психологические механизмы становления и функционирования личности как субъекта познания и субъекта социальных отношений.

В докладе А.С. Брычкова «Коллаборационизм как деформация личности граждан СССР в годы Великой Отечественной войны» была затронута проблема ценностных трансформаций личности, в частности такой ценности, как патриотизм, формирование которого у подрастающего поколения является одним из приоритетных направлений государственной политики.

А.И. Тащева познакомила слушателей с основными достижениями в области изучения, профилактики и коррекции суицидального поведения несовершеннолетних. Согласно статистике, наблюдается стабильный рост суицидов среди детей и подростков, что связано как раз таки с серьезными

общественными трансформациями и быстрыми, не поддающимися адекватному осознанию со стороны еще только развивающегося, сомневающегося в себе и своих оценках взрослеющего человека изменениями жизненного пространства личности.

Работа конференции была продолжена на секционных заседаниях по следующим направлениям: «Философские, исторические, культурологические и этнологические проблемы личности. Личность в современном информационном пространстве» (руководитель – К.Е. Кузьмина), «Психолого-педагогические и медицинские проблемы изучения личности. Деформации просоциального, делинквентного и других форм поведения человека в современном мире» (руководитель – И.В. Морозикова), «Личность и профессиональная среда. Проблемы творчества, способностей и одаренности личности» (руководитель – А.И. Тащева).

На секционных заседаниях обсуждались такие проблемы, как развитие ценностной сферы и моральных качеств личности в ситуации жизненной неопределенности и нестабильности, поликультурности и транзитивности современного общества (М.К. Акимова, Е.И. Горбачева, Ф.М. Кремень, И.В. Морозикова, С.В. Персиянцева); влияние активного взаимодействия с виртуальной средой на личность и виды зависимости от компьютера (В.В. Аршинова, Е.П. Белинская, Н.В. Кузнецова, К.Е. Кузьмина, С.М. Ширко). Достаточно внимания уделялось педагогическим и методическим вопросам. Н.Н. Казначеева (Москва, Россия) познакомила слушателей с опытом использования виртуальной реальности на уроках литературы. Т.Н. Ладожина и В.В. Двойнев (Смоленск, Россия) обозначили проблему недостаточной подготовленности современных студентов к использованию ресурсов электронных библиотек, дезориентации в информации, предоставляемой Интернетом. И.И. Вартанова, И.В. Климова, Н.Ю. Маркина (Москва, Россия) поделились опытом изучения и формирования мотивации и ответственности у современных старшеклассников на примере учащихся московских школ. Отдельный блок исследований, представленных на конференции, был посвящен вопросам развития личности и ее способов отношения к тем или иным социальным явлениям в разных культурно-исторических условиях (Ю.Д. Гавронова, А.Ю. Климочкина, Н.В. Кутузова, В.С. Сатинбаева, С.А. Сахаров).

На мастер-классе, организованном для психологов, педагогов и медицинских работников, А.И. Тащева продемонстрировала опыт работы по программе «Профилактика и психологическая коррекция суицидального поведения несовершеннолетних». В работе активное участие приняли работники Смоленского областного государственного бюджетного учреждения «Центр психолого-медико-социального сопровождения детей и семей», получившие возможность пройти курсы повышения квалификации по указанной программе.

Для студентов, психологов, педагогов и представителей других помогающих профессий педагогом-психологом М.В. Колмаковой и кандидатом психологических наук, доцентом кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета И.В. Морозиковой (Смоленск, Россия) был организован семинар «Арт-терапия. Рисунок как метафора внутреннего “Я”». Участники имели возможность узнать об особенностях развития арт-терапевтического направления психотерапии в нашей стране, преимуществах использования метафор в работе с клиентами, познакомиться со схемой анализа рисунка как проекции внутреннего образа «Я».

В дни работы конференции ее участники получили возможность познакомиться с городом и совершить культурно-историческую поездку по историческим местам и храмам г. Смоленска.

В целом работа VI международной научно-практической конференции «Личность в пространстве и времени» была очень насыщенной и продуктивной. В резолюции участники отметили научную значимость и необходимость проведения научных мероприятий по данной тематике. Заявленная тема конференции требует расширения круга мероприятий и привлечения ученых из разных регионов России, дальнего и ближнего зарубежья. Проблема личности в пространстве и времени имеет не только научное, но и общественное значение, определяя механизмы и способы влияния на вектор развития личности в современном обществе, а значит, и стабильность, благополучие самого общества.

По материалам конференции вышел сборник «Личность в пространстве и времени» (6-й выпуск). Опубликованные материалы конференции востребованы во многих научных и исследовательских центрах России, ее учебных заведениях, в библиотеках ближнего и дальнего зарубежья. Также сборник научных статей индексируется в РИНЦ.

ЮБИЛЕИ

К юбилею Наталии Ивановны Кузнецовой

30 августа 2017 года исполнилось 70 лет члену редакционного совета нашего журнала, известному российскому философу и историку науки, доктору философских наук, профессору кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета Наталии Ивановне Кузнецовой.

Свой научный путь длиной почти в 50 лет Н.И. Кузнецова начала на философском факультете Московского государственного университета. Выбрав философию, она достойно продолжила семейную традицию, дело своего отца – известного советского философа, одного из создателей интересной и оригинальной научной школы по систематическому анализу важнейших методологических и концептуальных основ физического знания Ивана Васильевича Кузнецова.

На протяжении нескольких десятков лет Н.И. Кузнецова активно работала на семинарах Московского методологического кружка, а потом в 1976 году организовала собственный, так называемый «кружок Кузнецовой», из которого вышли многие известные российские философы и историки науки.

Научные интересы Н.И. Кузнецовой охватывают эпистемологию, философию и методологию науки, социальную историю науки и философскую этику. Ее интересуют феномены науки и научного мышления во всех социокультурных измерениях. Она исследует специфику регионально-исторических традиций формирования научного мышления, культуротворческие функции науки, механизмы институализации различных сфер социокультурной практики, формирование познавательной установки в различных сферах социогуманитарного познания, включая культурологию, самоопределение научных дисциплин.

Важнейшие методологические проблемы, которые обсуждались в работах Н.В. Кузнецовой, – дилемма «презентизма» и «антикваризма» при анализе процессов познания, анализ научной рефлексии как особого объекта исторического изучения, построение историко-научного источниковедения, роль принципа соответствия в историко-научных исследованиях.

Наталия Ивановна относится к числу лекторов, чья энергия, смелость мышления и эрудиция завораживают буквально с первой минуты выступления и держат слушателя в напряжении до самого конца.

Педагогический талант Н.И. Кузнецовой проявляется и в общении с коллегами. Член редакционных коллегий журналов «Вопросы философии», «Вестник РГГУ», «Информационное общество», «Вопросы истории естествознания и техники», «Высшее образование в России», «Эпистемо-

логия и философия науки», «Известия Смоленского государственного университета», «Вопросы истории естествознания и техники» и др., она охотно делится собственным опытом, подводя концептуальные и организационные итоги многолетнего преподавания в отечественных вузах, размышляя о перспективах и предлагая идеологию совершенствования курсов по истории и философии науки.

От всей души поздравляем Наталию Ивановну с юбилеем и желаем ей творческих успехов и новых научных побед!

Редакционный совет
и редакционная коллегия журнала
«Известия Смоленского государственного университета»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкин Владимир Николаевич – директор Центра по работе с детьми и молодёжью «Алые паруса» (г. Великий Новгород). E-mail: vladimir.averkin@novsu.ru.

Азаренков Антон Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: azarenkov.aa@yandex.ru.

Александрова Марина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, ректор Регионального института профессионального развития (г. Великий Новгород). E-mail: m-alex05@rambler.ru.

Андреев Вадим Сергеевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: vadim.andreev@ymail.com.

Базылева Юлия Сергеевна – магистрант филологического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: djulia.bazylewa@yandex.ru.

Белютина Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ryubelyutins@rambler.ru.

Болдаков Павел Иннокентьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 Иркутского национального исследовательского технического университета. E-mail: pavelboldakow@yandex.ru.

Брунчукова Надежда Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Смоленского государственного университета. E-mail: nadejar@mail.ru.

Востриков Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета. E-mail: termenvoxpopuli@gmail.com.

Гавриков Анатолий Леонидович – доктор социологических наук, профессор, президент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. E-mail: Anatoly.Gavrikov@novsu.ru.

Гавриленков Алексей Федорович – доктор исторических наук, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета. E-mail: aleksej.gavrilenkov@mail.ru.

Глебова Галина Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: likashev@yandex.ru.

Горелик Людмила Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: L_gorelik@rambler.ru.

Грибер Юлия Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета. E-mail: Julia_griber@mail.ru.

Гуревич Римма Вульфовна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Давыдова Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодёжью Смоленского государственного университета. E-mail: vackhanka88@mail.ru.

Дворниченко Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru.

Дубинин Сергей Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева. E-mail: doubinin@mail.ru.

Дудько Анастасия Дмитриевна – магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь). E-mail: anastakareva@yandex.ru.

Егорова Ирина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования Смоленского государственного университета. E-mail: irina.egorova.00@inbox.ru.

Ермоленко Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: decemdi24@mail.ru.

Ивочкин Демьян Анатольевич – кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научной деятельности, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской православной духовной семинарии, член Императорского Православного Палестинского Общества. E-mail: idar78@mail.ru.

Ильин Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: viktorvas.ilyin@yandex.ru.

Ковалёва Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан филологического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: vaseko58@mail.ru.

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Смоленского государственного университета. E-mail: EVKodin@yandex.ru.

Козлов Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: 0legkoz28@gmail.com.

Колб Евгений Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск). E-mail: eg.kolb.64@gmail.com.

Королёва Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: innakor@mail.ru.

Королёва Ольга Алексеевна – аспирант кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: olgakoroleva171188@yandex.ru.

Королькова Анжелика Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: lika.korolkova@bk.ru.

Котова Элеонора Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: elkotova@rambler.ru.

Крамарь Игорь Александрович – магистрант направления подготовки «Журналистика» кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: hombrehumor@gmail.com.

Красильников Игорь Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета. E-mail: kras-igor-2008@rambler.ru.

Кремень Сергей Анатольевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: skremen@gmail.com.

Кремень Фаина Маратовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Смоленского государственного университета. E-mail: fmkremen@gmail.com.

Кудрявцева Регина-Елизавета Антоновна – ассистент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета. E-mail: aethel@yandex.ru.

Кузьмина Ксения Егоровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, замдекана по внеучебной работе физико-математического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: kseniavorzanova@mail.ru.

Кучер Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: bignick89@mail.ru.

Лаптев Антон Константинович – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: pusthelegend33@gmail.com.

Леонтьева Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Тверского государственного университета. E-mail: kroneko@mail.ru.

Лунькова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@yahoo.com.

Мажар Елизавета Николаевна – кандидат филологических наук, научный руководитель образовательных программ Смоленского гуманитарного университета. E-mail: enmazhar@gmail.com.

Макерова Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ» в г. Смоленске. E-mail: makerita@yandex.ru.

Максимчук Нина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: nmaximchuk@yandex.ru.

Малышева Елена Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Мануилова Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Смоленского государственного института искусств. E-mail: ib.manuilova@gmail.com.

Морозикова Ирина Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: irina_morozikova@mail.ru.

Новикова Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E -mail: onovikova2012@mail.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Пензина Марина Михайловна – аспирант кафедры немецкой филологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева. E-mail: marina.agronomova@mail.ru.

Писарева Кристина Владимировна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, учитель русского языка и литературы средней школы № 14 г. Смоленска. E-mail: crisdiamond@yandex.ru.

Полевая Анна Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории Тверского государственного университета. E-mail: annechka190@rambler.ru.

Радионова Алла Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: allarad1@rambler.ru.

Ретинская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. E-mail: tatret@mail.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Сенченков Николай Петрович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Сидорчук Татьяна Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, директор Социально-психологического центра Смоленского государственного университета. E-mail:Week24@mail.ru.

Сильницкий Георгий Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Смоленского государственного университета. E-mail: rectorat@smolgu.ru.

Смирнова Людмила Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: naksemit@gmail.com.

Тимошенко Ирина Владимировна – аспирант кафедры английской филологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. E-mail: timoshenko@outlook.com.

Тихонова Анастасия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

Тишина Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета. E-mail: anna-maksimova-1990@yandex.ru.

Федотов Дмитрий Олегович – преподаватель Смоленской академии профессионального образования. E-mail: mr.dmitriy.fedotov.90@mail.ru.

Хесина Светлана Юрьевна – магистрант филологического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: orlic1995@mail.ru.

Ширин Александр Глебович – доктор педагогических наук, доцент, руководитель Департамента образования Новгородской области. E-mail: Alexander.Shirin@novsu.ru.

Яфаров Ринат Хамзяевич – аспирант и преподаватель кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: rinatyafarov@gmail.com.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2017 ГОД

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Альдингер А.О. Особенности повествовательной структуры поэмы Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». – № 3(39). – С. 56–63.

Андреев В.С. Концептосфера произведений Лонгфелло разных формальных классов. – № 3(39). – С. 63–71.

Андреев С.Н. Взаимодействие различных видов описания в поэмах А.С. Пушкина. – № 2(38). – С. 6–13.

Астрахан Н.И. «Уникальный роман» М. Павича: постмодернизм как художественная репрезентация негативного индивидуально-субъективного опыта. – № 3(39). – С. 71–80.

Баликова М.С. Изобразительное искусство в литературно-критических статьях Д.С. Мережковского 1880–1890-х годов. – № 2(38). – С. 14–21.

Горелик Л.Л. Ключевский или Иловайский? «Вымышленная ссылка» в «Письмах из Тулы» Бориса Пастернака. – № 4(40). – С. 30–37.

Гуревич Р.В. Художественные особенности раннего экспрессионистского романа австрийского писателя Альберта Париса Гютерсло «Танцующая дура»: структура текста, язык, фигуры героев. – № 4(40). – С. 98–109.

Дудько А.Д., Кодин Е.В. Арнольд Макмиллин – британский исследователь белорусской литературы Нового и Новейшего времени. – № 4(40). – С. 73–88.

Ермоленко Г.Н. Античный миф в структуре цикла И. Бунина «Темные аллеи». – № 4(40). – С. 37–43.

Ермоленко Г.Н. А. Жид о Достоевском (по материалам книги: Жид А. Достоевский, 1923). – № 3(39). – С. 6–13.

Жакова Т.Е. Дискурсивный и предпереводческий анализ художественного текста. – № 1(37). – С. 51–58.

Ильин В.В., Новикова О.А. Достоевский в творческом сознании А. Твардовского. – № 4(40). – С. 54–66.

Каяниди Л.Г. Символика лавра и концепция искусства Вячеслава Иванова. – № 3(39). – С. 25–33.

Колобов В.В. «Новый мир» А.Т. Твардовского глазами поэта-современника (на материале дневника А.В. Жигулина). – № 2(38). – С. 32–42.

Королькова А.В. Функциональная закрепленность и эмоционально-экспрессивная окраска русских афоризмов. – № 4(40). – С. 67–73.
Королькова А.В., Ильин В.В. Духовная основа древнерусской афористики. – № 4(40). – С. 7–13.
Котова Э.Л., Ильин В.В. Литературные «магистрали» и «боковые тропинки»: взгляд А.В. Македонова на историко-литературный процесс. – № 4(40). – С. 44–53
Леонов И.С. Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия. – № 2(38). – С. 42–50.
Мироненко С.Н. Очерк попутчика: Борис Пильняк, факты и мифы советизирующегося Таджикистана. – № 1(37). – С. 13–19.
Павлова Л.В. «Свет вечерний» Вячеслава Иванова: конспект флоры. – № 3(39). – С. 13–24.
Павлова Л.В. Литературное наследие Екатерины Николаевны Клетновой: религиозные сюжеты, темы и образы. – № 4(40). – С. 24–30.
Писарева К.В. Семиотика гардероба в художественной прозе Ф.М. Достоевского 1860–1880-х годов. – № 4(40). – С. 14–24.
Попова В.В. Доминанты концептосферы в ранней лирике Роберта Саути. – № 1(37). – С. 44–51.
Похаленков О.Е. Сюжетная модель «инициация» в художественной прозе о Первой мировой войне (Э.М. Ремарк и М. Горецкий). – № 1(37). – С. 36–44.
Пузырёва Л.В. Детали тематической группы «Еда» в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди». – № 1(37). – С. 6–13.
Романова И.В. Войной или изгнанием певца / доказывая подлинность эпохи: Тема войны в поэзии И. Бродского. – № 1(37). – С. 28–36.
Стародубец С.Н. Оценочность и коннотация «духовность» в дискурсе И.А. Ильина. – № 3(39). – С. 33–43.
Тишина А.Е. Соотношение концептуальных признаков метафорической модели в ранней лирике А.Ч. Суинберна. – № 4(40). – С. 89–98.
Чевтаев А.А. Римская» «двойчатка» в ранней поэзии О. Мандельштама: тождество и антиномии. – № 2(38). – С. 21–32.
Шанурина М.Е. Шинель и бриллианты. – № 3(39). – С. 44–55.
Школьская А.О. Роль библейских и мифологических образов в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». – № 1(37). – С. 19–28.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аделева О.П. Корреляция семантики глаголов и производных существительных в английском языке (на материале отглагольных существительных с суффиксом -al). – № 3(39). – С. 95–101.
Альдингер О.П. Ассоциативно-культурный фон антропонимов в «Пословицах русского народа» В.И. Даля. – № 2(38). – С. 151–159.

Андреев В.С. Опыт стилеметрического подхода к проблеме сопоставления индивидуальных стилей. – № 4(40). – С. 183–189.
Андреев С.Н. Параметр «определение» как маркер гендера (квантитативный подход). – № 3(39). – С. 81–87.
Бабурченкова И.О. Квантитативный анализ вариативности стиля У. Блейка. – № 2(38). – С. 68–78.
Белютина Ю.А. Детерминанты лингвистической невежливости в потенциально конфликтных коммуникативных ситуациях (на материале английского языка). – № 4(40). – С. 189–197.
Болдаков П.И. Лингвистические средства моделирования общественного сознания: к постановке проблемы (на материале статей в журнале Der Spiegel о ситуации в Крыму). – № 4(40). – С. 250–259.
Бормакова В.В. Неофициальные антропотопонимы Смоленска (структурно-семантический анализ). – № 3(39). – С. 116–125.
Бутеев Д.В. Смоленские ойкодомонимы как отражение советской эпохи. – № 2(38). – С. 143–150.
Гунтарева Е.Е. Русь – Родина – Россия в поэзии С.А. Есенина: коннотативный аспект. – № 2(38). – С. 160–171.
Данилова Н.К. Матричные структуры акта высказывания в немецкоязычной малой прозе. – № 3(39). – С. 102–109.
Дегтярёва В.С. Интертекстуальность сказочного дискурса: универсальное и этноспецифическое (на материале немецкого и русского языков). – № 2(38). – С. 78–89.
Евсеева О.С. Топонимия русско-белорусского пограничья: этнолингвистический аспект. – № 2(38). – С. 130–137.
Егорова И.Д. Лингвостилистические особенности ранних дружеских посланий В.Ф. Раевского. – № 4(40). – С. 118–125.
Залипаева Ж.П. Темпоральные идиомы как отражение языковой картины мира (на материале «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова). – № 1(37). – С. 98–106.
Картавенко В.С. Архаичный топонимический ландшафт Смоленского края. – № 2(38). – С. 122–130.
Ковалёва В.С. Текстообразующая роль частиц в повести Н.В. Гоголя «Шинель». – № 4(40). – С. 126–132.
Кондратенкова Е.А. Ирония в русских переводах новеллы С. Ликока «How to Avoid Getting Married». – № 2(38). – С. 60–68.
Королёва И.А. Информативная наполненность имен собственных в Смоленских грамотах XIII–XIV веков. – № 2(38). – С. 114–121.
Королёва И.А. Речевой этикет эпистолярного дискурса соратников А.Т. Твардовского (по материалам архива Маргареты Томпсон из Литературного музея Смоленского государственного университета). – № 4(40). – С. 132–137.

Королёва И.А., Евсеева О.С. Из истории топонимов смоленско-белорусского пограничья с корнем *красн-*. – № 1(37). – С. 72–79.
Королёва О.А. Древнерусские топонимы XII века (на материале Уставной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича). – № 4(40). – С. 110–118.
Королькова А.В. Концепт *любовь* в русской афористике. – № 1(37). – С. 89–98.
Кузьмина Н.В. Исследование приграничных именников: проблемы и перспективы. – № 3(39). – С. 126–133.
Кучер И.Н. Индивидуально-авторский концепт «love» как элемент идиостиля А.Теннисона. – № 4(40). – С. 210–219.
Лебеденко Г.А. Стратегия самопрезентации в речевом общении младших школьников (на материале ситуаций с обращениями). – № 2(38). – С. 90–99.
Лунькова Е.С. Нерегулярные конфиксальные отсубстантивы в словообразовательной системе смоленских говоров. – № 4(40). – С. 138–148.
Люкина Е.В. Количественные исследования фразеологизмов с компонентами цветообозначения в немецком и английском языках. – № 1(37). – С. 107–116.
Максимчук Н.А. Терминологическое поле ономастического пространства. – № 4(40). – С. 155–167.
Малышева Е.Г., Крамарь И.А. Концепт «Игра» как доминанта современного журналистского интернет-дискурса о компьютерных играх: опыт фреймово-полевого моделирования содержательной структуры когнитивного феномена. – № 4(40). – С. 168–175.
Мезенко А.М. Частотность годонимов как экспонент культурно-исторической информации. – № 2(38). – С. 106–113.
Пензина М.М., Дубинин С.И. Жанр Radiofeature в современном медиапространстве ФРГ. – № 4(40). – С. 231–240.
Пенюкова И.В. Размышления о семантике древнерусской словоформы *шеломѧнемъ* из «Слова о пълку Игоревѣ…». – № 1(37). – С. 59–72.
Попова Е.И. Имя собственное в составе молодежного сленга. – № 2(38). – С. 179–184.
Ретинская Т.И. Исторические источники как материал для проведения регионолектологического исследования (на материале арденнского и шампанского регионолектов). – № 4(40). – С. 176–182.
Родионова Л.П. Прецедентные имена в современном русском фэнтези (на примере романов А.О. Белянина). – № 2(38). – С. 171–179.
Сильницкий А.Г. Типология юридических ситуаций (на материале юридических глаголов английского языка). – № 3(39). – С. 88–95.
Сильницкий Г.Г. Дифференциальный корреляционный анализ разноуровневых глагольных признаков в английском языке. – № 4(40). – С. 197–210.
Смирнова Л.Г. О принципах классификации лексики с оценочным компонентом значения. – № 4(40). – С. 148–154.
Супрун В.И. Ономастика в диалектном тексте: проблемы лингвогеографии, лингвокультурологии, этнолингвистики. – № 2(38). – С. 100–105.

Тимошенко И.В. Сравнительный анализ артиклевых форм (на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на английский и французский языки). – № 4(40). – С. 219–230.
Трифоненко В.А. Полуофициальные названия древнего Смоленска. – № 2(38). – С. 137–143.
Трощкий Е.Ф. Отражение в сочинительной конструкции двух ситуаций (из словаря терминов для описания сочинительной конструкции). – № 1(37). – С. 79–89.
Трощкий Е.Ф., Варнаева А.Е. Парадигматика сочинительных конструкций. – № 3(39). – С. 110–116.
Чернышев А.Б. Корреляционная семантика английских предлогов: фрагмент «движение в заданном направлении». – № 2(38). – С. 51–60.
Яфаров Р.Х. Вариативность терминов в немецкоязычном спортивном дискурсе. – № 4(40). – С. 241–249.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Сидорчук Е.А. Деятельность войск НКВД в период обороны Севастополя 1941–1942 годов. – № 1(37). – С. 183–190.
Азнабаев Б.А. Судьба смоленской шляхты на Южном Урале в XVII–XVIII веках. – № 2(38). – С. 209–218.
Алексеева М.Н. Мирная инициатива Морица Саксонского на завершающем этапе войны за австрийское наследство и английская дипломатия. – № 3(39). – С. 168–175.
Беляев М.П. Бранденбургско-нейбургские переговоры и заключение Дюссельдорфских соглашений 1647 года. – № 3(39). – С. 154–167.
Борзых А.С. Освещение деятельности Российского общества Красного Креста в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов по данным британских газет. – № 3(39). – С. 201–209.
Валуев Д.В. Жилищный вопрос в Смоленске 1930-х годов: кризис и пути его разрешения. – № 3(39). – С. 253–269.
Востриков С.В. К истории одного конфликта: ливанское «зеркало» ближневосточных коллизий. – № 4(40). – С. 268–280.
Гавриленков А.Ф. Реализация идеи свободы совести и вероисповедания в Смоленской губернии в 1905–1917 годах. – № 4(40). – С. 359–367.
Горская Н.И. Земство и перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей. – № 3(39). – С. 209–219.
Горяева М.Н. Загадка шотландского Просвещения. – № 2(38). – С. 202–209.
Дворниченко А.Ю., Кудрявцева Р.-Е.А. Политическая система Великого княжества Литовского XIV–XVI веков в российской, белорусской, украинской, литовской и польской историографии начала XXI века. – № 4(40). – С. 280–298.

Демидова К.В. Античная аргументация во внешней политике и общественной дискуссии Великобритании в 1720–1730-е годы. – № 2(38). – С. 185–192.
Есьман А.В. Вклад Английской Ост-Индской Компании в формирование торгового баланса Великобритании в 1763–1813 годах. – № 2(38). – С. 192–202.
Ивонин Ю.Е. Имперские суды в государственно-политической системе Старой Империи. – № 3(39). – С. 134–153.
Ивочкин Д.А. Деятельность Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: из опыта взаимодействия Смоленской епархии и православно-общественных организаций во второй половине XIX – начале XX века. – № 4(40). – С. 299–308.
Ивочкин Д.А. Нравственное воздействие духовенства Смоленской епархии на несовершеннолетних заключенных во второй половине XIX – начале XX века. – № 1(37). – С. 159–166.
Каиль М.В. Первые университетские центры Советской России (Тамбов, Кострома, Смоленск): общее и особенное в контексте эпохи и исторической памяти. – № 3(39). – С. 220–233.
Карев Д.В., Кодин Е.В., Дудько А.Д. Проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн на территории Беларуси в историографии США, Канады и Великобритании (40–90-е годы XX века). – № 3(39). – С. 270–288.
Кобец О.В., Кодин Е.В. Чистка Смоленского госуниверситета, 1928–1930 годы. – № 3(39). – С. 234–253.
Ковяко И.И. Второй Берлинский кризис в англо-американской историографии. – № 3(39). – С. 175–182.
Козлов О.В. Активизация лекционной работы среди крестьян Смоленской губернии после Февральской революции 1917 года. – № 1(37). – С. 173–183.
Козлов О.В. Становление системы просвещения на территории Витебской и Могилевской губерний в XIX – начале XX века: ракурсы современной белорусской историографии. – № 4(40). – С. 321–341.
Колб Е.Г. Адаптация Французской социалистической партии к роли правящей партии во Франции в 1980–1990-е годы. – № 4(40). – С. 260–268.
Красильников И.Б. Восстановление радиовещания в Смоленской области в 1943–1953 годах. – № 4(40). – С. 376–383.
Лаптев А.К. Смоленская жандармерия в борьбе с агентами противника в 1914–1916 годах. – № 4(40). – С. 367–375.
Леонтьева Т.Г., Полевая А.В. Карелы-переселенцы в поисках новых мест обитания (по Переписной книге Бежецкого уезда 1709 года). – № 4(40). – С. 350–358.
Мурашова Ю.А. «Железные» аргументы: идейная борьба советской власти с православными паломничествами в Курскую Коренную пустынь в хрущевский период. – № 2(38). – С. 233–241.
Никитина Н.В. «Дозволяется в губернском городе иметь дом для собрания дворянства…» (неизвестные страницы истории сословного управления в

Смоленской губернии конца XVIII – первой половины XIX века). – № 3(39). – С. 182–192.
Острога В.А. Развитие исторической германистики в Белорусской ССР. – № 1(37). – С. 139–146.
Прохоров Д.Ю. Белорусское издательство «Харвест» и «альтернативная история» Беларуси. – № 3(39). – С. 288–294.
Роленков А.Г. Миссия предшественника Ж. Фуше в Лионе – Ж. Кутона. – № 1(37). – С. 117–127.
Сагимбаев А.В. Эволюция англо-египетских договорных отношений в дискуссиях британской политической элиты в конце 1920-х годов. – № 1(37). – С. 128–138.
Сидорчук Е.А. Роль и место органов государственно-партийного управления в организации хозяйственной и повседневной жизнедеятельности осажденного Севастополя в период 1941–1942 годов. – № 2(38). – С. 225–233.
Солодянкина О.Ю. Документы иностранных кандидаток на звание домашней учительницы в начале царствования Николая I: источник педагогический и личностный. – № 1(37). – С. 147–158.
Тихонова А.В. Белорусское дворянство в первой половине XIX века в контексте современной историографии. – № 4(40). – С. 309–321.
Федотов Д.О. Институт судебных следователей в пореформенной России (на материалах Смоленской губернии). – № 4(40). – С. 341–350.
Фризен Д.Я. Кризис кочевого скотоводства и переход к оседлости населения Западного Казахстана в XIX – начале XX века. – № 1(37). – С. 167–173.
Шевкун П.В. Коммуникативная роль православной церкви на территории северо-западных губерний в правление Николая I. – № 3(39). – С. 192–200.
Якутин А.В. Деятельность немецких оккупационных органов на территории Смоленской области в 1941–1943 годах. – № 2(38). – С. 218–225.
Якутин А.В. Организация нацистскими оккупационными властями работы объектов промышленности в захваченных районах Смоленщины в 1941–1943 годах. – № 1(37). – С. 190–196.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова М.В., Аверкин В.Н., Ширин А.Г., Гавриков А.Л. Принципы и сущностные характеристики стратегического инновационного управления территориальной образовательной системой. – № 4(40). – С. 452–461.
Анисенкова Т.В. Этнопедагогическая подготовка социальных педагогов к работе в общеобразовательной школе. – № 1(37). – С. 227–234.
Беляева И.Г. Обучение студентов вузов основам организации гармоничной выставочно-экспозиционной среды. – № 3(39). – С. 327–332.
Бессмертный А.М., Гаенкова И.В. Формирование познавательной деятельности в обучающей игрофикации. – № 1(37). – С. 245–257.

Богданова Е.С. Изучение художественной нормы в процессе формирования текстовой деятельности старших школьников. – № 1(37). – С. 257–265.
Брунчукова Н.М. Преемственность в этическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста: проблемы и перспективы. – № 4(40). – С. 403–413.
Буренина Е.Е., Сенькина Г.Е. Влияние развития двигательной сферы обучающихся с ОВЗ на реализацию их особых образовательных потребностей. – № 3(39). – С. 313–320.
Глебова Г.Ф., Мануилова И.Б. Русские философы о становлении личности и гуманизация образования. – № 4(40). – С. 389–394.
Гуменникова А.А. Педагогическая поддержка обучающихся с трудностями в обучении: постановка проблемы и пути решения. – № 2(38). – С. 285–292.
Давыдова А.А. История деятельности Пречистенского сельского сиротского приюта в Смоленской губернии. – № 4(40). – С. 395–402.
Евдокимова Г.С. Компетентностно-ориентированные задания по стохастике для будущих учителей в условиях современного образовательного процесса. – № 2(38). – С. 307–319.
Ермакова Т.Н. Роль музыки в развитии ценностной мироориентации обучающихся: генезис проблемы. – № 2(38). – С. 292–300.
Королёва Л.В., Сулимов А.А. Организация физического воспитания студентов с использованием спортивной части ГТО. – № 1(37). – С. 270–280.
Котельников А.В., Сенченков Н.П. Формирование лидерских качеств участников Смоленских областных сборов творческой молодежи: из опыта работы педотряда «Крылатый». – № 3(39). – С. 348–354.
Кремень Ф.М., Кремень С.А. Формирование профессиональных стратегий молодежи в условиях вузовской подготовки. – № 4(40). – С. 413–423.
Мажар Е.Н. Информационно-коммуникационные технологии в подготовке студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию. – № 1(37). – С. 234–244.
Мажар Е.Н. Содержание подготовки студентов-лингвистов к межкультурному взаимодействию в рамках практико-ориентированной модели. – № 4(40). – С. 432–441.
Макерова Н.В. Технология профессиональной подготовки специалистов сферы спортивно-оздоровительного туризма средствами иностранного языка (теоретический обзор). – № 4(40). – С. 442–451.
Макова Е.Н. Развитие женского частного гимназического образования в смоленской провинции XIX – начала XX века. – № 2(38). – С. 276–285.
Мертенс Е.С. Роль Смоленского отделения Московского археологического института в развитии региональной культурно-образовательной среды. – № 3(39). – С. 354–362.

Миренкова Е.В. Создание учебно-методических продуктов как средств формирования и оценивания компетенций будущих учителей. – № 1(37). – С. 219–226.
Михайлова Т.В., Губа В.П. Творческий подход к подготовке тренера в организации спортивной деятельности. – № 2(38). – С. 320–326.
Налётова Н.Ю., Сенченков Н.П. Обучение духовному опыту в контексте педагогики «внутреннего делания» просветителей Руси (преп. Авраамий Смоленский). – № 2(38). – С. 269–276.
Ощёхина О.В., Хачикян Е.И. Парадигмы воспитания: философско-социальный аспект. – № 2(38). – С. 242–252.
Палецкий Д.Ф., Федоскина Е.М., Ситкина М.Г. Физическое воспитание координационных способностей детей 13–16 лет с нарушением слуха. – № 1(37). – С. 265–270.
Пегов В.А. От «педагогики греха и покаяния» к «педагогике преобразования (метаморфозы)». – № 1(37). – С. 204–212.
Петрунин А.М. Информационная рациональность, мудрость и проблемы воспитания современной молодежи. – № 2(38). – С. 258–269.
Родин А.В., Пустошило П.В. Педагогические основы метода игровых задач в подготовке студентов, занимающихся спортивными играми. – № 3(39). – С. 333–340.
Савельева О.Е. Объектно-субъектная инверсия при изучении английского языка в школе. – № 2(38). – С. 301–307.
Сенченков Н.П. П.П. Блонский о воспитании умственно выдающихся детей. – № 2(38). – С. 252–258.
Сенченков Н.П. П.П. Блонский о педологической проблеме неуспевающих учеников. – № 3(39). – С. 295–301.
Сенченков Н.П. П.П. Блонский о работе с психологически недоразвитыми детьми. – № 4(40). – С. 384–389.
Сенченков Н.П., Макова Е.Н. «Дайте же образование и женщине»: о роли смоленской провинциальной общественности в решении вопроса женского образования в XIX – начале XX века. – № 1(37). – С. 197–204.
Сидорчук Т.А. Сравнительный анализ образовательных программ для пожилых людей в стационарных и нестационарных учреждениях социального обслуживания. – № 4(40). – С. 424–432.
Скрипченко С.Н. Жизнеутверждающая педагогика Л.Н. Толстого и П.Ф. Каптерева. – № 1(37). – С. 213–219.
Сманцер А.П., Чепикова Л.В. Психологически безопасная гетерогенная образовательная среда: структура и ее проектирование. – № 3(39). – С. 321–327.
Татаринова Н.М. Советская модель педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних (на материале Белоруссии 1917–1930 годов). – № 3(39). – С. 301–312.

Федоскина Е.М., Ситкина М.Г., Палецкий Д.Ф. Педагогические аспекты формирования лидерских качеств у спортсменов-легкоатлетов. – № 3(39). – С. 340–347.
Яковлев А.Н. Современные подходы к физическому воспитанию в образовательных учреждениях Республики Беларусь и Российской Федерации. – № 1(37). – С. 280–284.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Егоров А.Г., Савченкова Н.Н. Всероссийская олимпиада школьников 2017 года в Смоленском государственном университете. – № 2(38). – С. 327–329.
Ермоленко Г.Н., Павлова Л.В., Радионова А.В. Диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.254.01.: события 2016 года. – № 1(37). – С. 285–291.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Сенченков Н.П., Радионова А.В. О проведении Смоленским государственным университетом XXVIII областных сборов творческой молодежи «Сокол-2017». – № 4(40). – С. 462–469.
Сенченков Н.П., Радионова А.В. О реализации программы «Летняя школа “Одаренные дети”-2017» в Смоленском государственном университете. – № 4(40). – С. 469–473.

РЕЦЕНЗИИ

Азаренков А.А. Ольга Седакова: стихи, смыслы, прочтения. Сборник научных статей / ред. Стефани Сандлер [и др]. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 552 с. ISBN 978-5-4448-0611-1. – № 4(40). – С. 474–479.
Азаренков А.А., Павлова Л.В., Романова И.В. Автухович Т. «Шаг в сторону от собственного тела…». Экфрасисы Иосифа Бродского. Siedlce, 2016. Т. X. 268 с. ISBN 978-83-64884-21-4. – № 4(40). – С. 479–481.
Базылева Ю.С., Хесина С.Ю. Авраамиевская седмица: материалы международной научной конференции 2016 года / ред. Л.В. Павлова, И.В. Романова. Смоленск: Свиток, 2017. 232 с. ISBN 978-5-9909339-2-7. – № 4(40). – С. 482–485.
Белютин Р.В. Язык спорта на службе лингводидактики. Friederike Kern, Karl-Heinz Siehr (Hrsg.) Sport als Thema im Deutschunterricht. Fachliche Grundlagen – Unterrichtsanregungen – Unterrichtsmaterialien. Potsdam: Universitätsverlag, 2016. 290 S. ISBN 978-3-86956-381-7. – № 3(39). – С. 369–337.
Горелик Л.Л. Книга о русско-немецких культурных связях: Блок, Рильке, Пастернак. Рец. на книгу: Мария Дьендьеши. Стих – цикл – поэтика. Блок, Рильке, Пастернак. Peter Lang Internationaler Verlag der Wissenshaften Frank-

furt am Main. 2016 [Russian Culture in Europe / ed. by Fedor B. Poljakov. Vol. 12] ISSN 1860-045X. – № 1(37). – С. 292–298.
Иванова О.Ю. Острога В.А. Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. Минск, РИВШ, 2016. 428 с. ISBN 978-985-500-946-8. – № 1(37). – С. 302–304.
Иванова О.Ю. Столетие великой русской революции: 1917–2017 (системно-интегративное исследование). Смоленск, 2017. 253 с. ISBN 978-5-98156-736-0. – № 2(38). – С. 330–331.
Каиль М.В. Православие в Париже 1918–1939 годов: люди, судьбы, храм. Рец. на: Росс Н.Г. Русская церковь в Париже. Александро-Невский кафедральный храм 1918–1939 гг. Эпине-су-Сенар: Editions Sainte-Genevieve, 2015. 616 с. ISBN 979-10-94948-01-9. – № 3(39). – С. 363–369.
Королёва И.А. Киселев А.Г., Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума: монография. М.: ИНФРА – М, 2017. 120 с. ISBN 978-5-16-012422-3 (print), ISBN 978-5-16-105450-5 (online). – № 2(38). – С. 331–336.
Новикова О.А. Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. Серия «Универсалии культуры». Вып. VII. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 456 с. ISBN 978-5-9765-2754-6 (ФЛИНТА); ISBN 978-5-02-039004-1 (Наука). – № 1(37). – С. 298–302.

КОНФЕРЕНЦИИ

Грибер Ю.А. Визуальные исследования искусства. – № 4(40). – С. 491–494.
Ивонина Л.И. Круглый стол «К 25-летию Ассоциации британских исследований. Российское англоведение: традиции, достижения, перспективы» (15 марта 2017 года). – № 2(38). – С. 337–338.
Королёва И.А. Сотрудничество ономастов Смоленска и Витебска: итоги и перспективы. – № 4(40). – С. 486–491.
Кузьмина К.Е., Морозикова И.В. VI международная научная конференция «Личность в пространстве и времени». – № 4(40). – С. 495–498.
Морозикова И.В. Образовательная поездка студентов СмолГУ в рамках проекта «Россия – Германия: проблемы психолого-педагогического сопровождения образовательных организаций». – № 1(37). – С. 307–308.
Морозикова И.В., Кузьмина К.Е. XII Международная научная конференция «Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета», посвященная памяти профессора В.А. Сонина. – № 1(37). – С. 305–307.
Новикова О.А. Хранитель родников. Литературно-педагогическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения И.С. Соколова-Микитова. – № 3(39). – С. 378–380.

ЮБИЛЕИ

Иванова О.Ю. Юбилей Ю.Е. Ивонина. – № 3(39). – С. 381–385.
К юбилею Наталии Ивановны Кузнецовой. – № 4(40). – С. 499–500.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Академическое междисциплинарное издание – журнал **«Известия Смоленского государственного университета»** публикует оригинальные научные труды (обзорные и актуальные статьи, научные сообщения, рецензии) по следующим отраслям науки, которые соответствуют основным рубрикам журнала – литературоведение, языкознание, исторические науки и археология, педагогические науки.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 1 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-35710 от 23.03.2009.

Материалы журнала размещаются на сайте Смоленского государственного университета: http://www.smolgu-smolensk.ru и на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России». Индексы: 80190, 80209.

The academic cross-disciplinary journal «Izvestia of Smolensk State University» publishes new scientific works (reviews, authoritative articles, notes). Topics covered include: study of literature, linguistics, history and archeology, pedagogical sciences.

By the decision of the Presidium of Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of Russia dated December 1, 2015 № 13-6518 the journal is included into the List of leading peer reviewed scientific journals, in which the main results of research for PhD and Candidate of Sciences dissertations are to be published.

The journal is registered by the Russian Federal Surveillance Service for Mass Communications. Registration certificate PI NFS77-35710 of 23.03.2009. Published materials are available on the website of Smolensk State University: http://www.smolgu-smolensk.ru and in Russian scientific citation index (RINC) of the Russian scientific electronic library.

The journal is included into the Joint catalogue «Russian Press». Indexes: 80190, 80209.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е.В. Кодин (Смоленск, председатель)
Евгений Владимирович Кодин – доктор исторических наук, профессор, и.о. проректора по научной работе, завкафедрой истории России

А.Г. Егоров (Смоленск, зам.председателя)
Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии, философии и организации работы с молодежью

Н.А. Богомолов (Москва)
Николай Алексеевич Богомолов – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературно-художественной критики и публицистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

В.Д. Будаев (Санкт-Петербург)
Виктор Дмитриевич Будаев – доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой математического анализа, декан математического факультета РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург)

Х. Духхардт (Майнц, ФРГ)
Хайнц Духхардт – профессор, президент фонда Макса Вебера (Бонн, ФРГ)

А.Л. Журавлев (Москва)
Анатолий Лактионович Журавлев – доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАН

Н.И. Кузнецова (Москва)
Наталья Ивановна Кузнецова – доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета

К.В. Макаров (Москва)
Кирилл Владимирович Макаров – доктор биологических наук, профессор кафедры зоологии и экологии Московского государственного педагогического университета

М.А. Можейко (Минск, Республика Беларусь)
Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям института теологии Белорусского государственного университета

Б.В. Носов (Москва)
Борис Владимирович Носов – доктор исторических наук, заведующий отделом истории стран Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

А.П. Сманцер (Минск, Республика Беларусь)

Анатолий Петрович Сманцер – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Белорусской академии образования

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ), профессор кафедры неофилологии Белостокского государственного университета (Польша)

М. Хикки (Блумсберг, США)

Майкл Хикки, доктор философских наук, профессор отдела истории, директор института общества и культуры Блумсбергского университета

В.А. Холоднов (Санкт-Петербург)

Владислав Алексеевич Холоднов – доктор технических наук, профессор, завкафедрой системного анализа Санкт-Петербургского химико-технологического университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Г. Егоров (гл. редактор)

Александр Григорьевич Егоров – доктор философских наук, профессор, завкафедрой социологии, философии и организации работы с молодежью

И.В. Романова (зам. гл. редактора)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, завкафедрой литературы Смоленского государственного университета

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, начальник международного отдела Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

М.Ю. Гильденков

Михаил Юрьевич Гильденков – доктор биологических наук, профессор, завкафедрой экологии и химии Смоленского государственного университета

Ю.А. Грибер

Юлия Александровна Грибер – доктор культурологии, профессор кафедры социологии, философии и организации работы с молодежью Смоленского государственного университета

С.П. Евдокимов
Сергей Петрович Евдокимов – доктор географических наук, профессор, завкафедрой землеустройства и кадастра Смоленского государственного университета

Ю.Е. Ивонин
Юрий Евгеньевич Ивонин – заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета

О.В. Козлов
Олег Владимирович Козлов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова
Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Смоленского государственного университета

К.М. Расулов
Карим Магомедович Расулов – доктор физико-математических наук, профессор, завкафедрой математического анализа Смоленского государственного университета

В.В. Селиванов
Владимир Владимирович Селиванов – доктор психологических наук, профессор, завкафедрой общей психологии Смоленского государственного университета

Н.П. Сенченков
Николай Петрович Сенченков – доктор педагогических наук, профессор, завкафедрой педагогики и психологии Смоленского государственного университета

Г.Г. Сильницкий
Георгий Георгиевич Сильницкий – заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК
Андреев С.Н., Павлова Л.В., Сильницкий Г.Г. (литературоведение, языкознание);
Ивонин Ю.Е., Козлов О.В. (исторические науки и археология);
Меркин Г.С., Сенченков Н.П. (педагогические науки).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1.1. Рекомендуемый объем – 0,4–0,6 п.л. (до 24 000 знаков с пробелами).

1.2. Материалы представляются в следующем виде:

– редактор Microsoft Office Word 2003;

– шрифт «Times New Roman»;

– основной текст – кегль 12 (кроме литературы и примечаний), печатается через 1 интервал;

– источники (литература и примечания) – 10 кегль;

– все поля – 2 см; параметры абзацев устанавливать с помощью опций меню «Абзац»;

– не использовать переносы;

– использовать следующие символы: кавычки «....» (при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек: «...“....”...»); тире обычное (–). Необходимо различать дефис и тире;

– обязательна проверка орфографии.

1.3. Порядок расположения (структура) текста:

– **сведения об авторах** (фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы)); **полное и точное место работы** каждого автора в именительном падеже; должность, звание, ученая степень; **контактная информация** (e-mail, город, телефоны) для каждого автора; **указание тематической рубрики** (УДК); **указание источника поддержки, если статья печатается за счет средств грантов**. Все сведения приводятся 12 кеглем, выравнивание по правому краю;

– наименование статьи (жирный шрифт, форматирование по центру, НЕ использовать только заглавные буквы);

– ключевые слова статьи (материала). Каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой (данные выделяются курсивом);

– аннотация на русском языке (до 600 печ. знаков) / выделяется курсивом;

– основной текст статьи (материала);

– литература (источники);

– примечания (поясняющие ссылки);

– фамилия и инициалы автора на английском языке (жирным шрифтом, форматирование по центру);

– название статьи на английском языке (оформление – как на русском языке);

– ключевые слова на английском языке (выделяются курсивом);

– аннотация на английском языке (выделяется курсивом).

1.4. Требования к оформлению структуры текста:

– фамилия и инициалы автора, а также название статьи набираются полужирным шрифтом (не допускается выделение прописными буквами);

– названия параграфов внутри статьи печатаются полужирным шрифтом (без нумерации);

– названия подпараграфов печатаются полужирным курсивом;

– выделения внутри текста набираются только обычным курсивом (подчеркивания слов, а также слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем и пр., не допускаются);

– стихотворный текст набирается 10 кеглем;

– нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т.д.; а), б), в) и т.д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

– маркированный список пунктов допускается только в виде тире;

– список литературы располагается строго в алфавитном порядке и приводится 10 кеглем в конце текста статьи, перед примечаниями;

– литература на иностранных языках располагается после литературы на русском языке по алфавиту языка, к которому относятся данные источники;

– электронные источники (например, веб-сайты) указываются в конце списка литературы;

– примечания набираются также 10 кеглем, нумеруются и даются отдельным списком сразу после списка литературы;

– список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Примеры оформления ссылок и пристатейных списков литературы

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P.J., Barrett T.P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3, № 58. P. 75–85.

Корнилов В.И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13, № 3. С. 369–385.

Кузнецов А.Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. М.: Научный мир, 2003. С. 340–342.

МОНОГРАФИИ

Тарасова В.И. Политическая история Латинской Америки: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; под ред. С.Ф. Мартыновича. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 199 с.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В.А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В.И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д.Н., Бонштедт Б.Э., Корешев С.Н., Лебедева Г.И., Серегин А.Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. Ярославль, 2003.

Марьинских Д.М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л.Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-

журн. 21.10.03. URL: http://www.oim.ru/reader.aspnomer = 366 (дата обращения: 17.04.07).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е.У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А.В. Колчака: сайт. URL: http://eastfront. narod.ru/memo/latchford.htm (дата обращения: 23.08.2007).

1.5. Оформление содержания ссылок и сносок:

– сноски (на литературу) печатаются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты, выделенной кавычками (сначала указывается номер источника, а затем, после запятой – номер страницы: [1, с. 1]);

– на каждый пункт в списке литературы должна быть хотя бы одна ссылка в тексте статьи;

– сноски на несколько источников с указанием страниц разделяются между собой точкой с запятой;

– поясняющие ссылки (примечания) указываются в тексте в круглых скобках, а их содержание приводится в конце текста в отдельном списке примечаний.

1.6. Оформление рисунков:

– на каждый рисунок должна быть хотя бы одна ссылка в тексте статьи перед тем, как дается сам рисунок;

– при выборе положения рисунка в тексте необходимо использовать опцию «В тексте» в меню «Формат»;

– рисунок должен располагаться по центру листа;

– подписи располагаются под рисунком по центру и выполняются 10 кеглем (Рис. 1. Мое название);

– от текста рисунок отделяется одной пустой строкой;

– к печати принимаются только черно-белые рисунки. Допускаются различные градации серого, однако рекомендуется использовать контрастные рисунки;

– рисунки рекомендуется выполнять в графическом редакторе (Adobe Illustrator, Photoshop). Если рисунки выполнены в Microsoft Word, их элементы обязательно должны быть сгруппированы;

– рисунки подаются дополнительно на электронном носителе в отдельном файле.

1.7. Материалы могут содержать таблицы, выполненные в редакторе Microsoft Office Word 2003. Не допускается использование иных программ оформления таблиц. Названия таблицы набирается жирным шрифтом.

1.8. Формулы набираются только в редакторе MathType или Microsoft Equation. Вставка формул в виде рисунков не допускается.

– Все формулы должны быть набраны 12 кеглем.

– Если подряд идут несколько формул, то каждая из них должна быть набрана отдельно, а не в одном окне.

– Математические формулы являются частями предложения, поэтому на них распространяются все правила пунктуации. Запись нескольких формул подряд недопустима – между ними должны быть слова или знаки препинания (а если формула находится в конце предложения, после нее ставится точка).

1.9. Материалы принимаются в распечатке (2 экз.) вместе с электронной версией (только на CD-диске). Печатный экземпляр должен соответствовать электронному варианту. На распечатанных вариантах в конце статьи должна стоять подпись автора, заверенная по месту работы. Допускается присылать отсканированный вариант последней страницы. Материалы следует высылать только обычным (не ценным и не заказным) письмом.

Присланные материалы не возвращаются. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

1.10. Редколлегия оставляет за собой право предложить автору переработать статью, а также отклонить подготовленную статью, если она не может быть доработана или не соответствует требованиям оформления. Срок внесения исправлений в статьи – 10 календарных дней со дня отправки рецензий. Редколлегия не вступает в переписку с авторами отклоненных материалов.

1.11. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору высылается мотивированное заключение рецензента.

На всех стадиях работы с рукописями, а также для общения с авторами, редакторами и рецензентами редакция использует в основном электронную форму коммуникации, поэтому авторы должны быть очень внимательны к указываемому в рукописи электронному адресу, а также своевременно информировать редакцию о произошедших изменениях.

1.12. За опубликование рукописей аспирантов плата не взимается.

1.13. Статьи аспирантов обязательно сопровождаются письменным согласием научного руководителя на публикацию материала.

1.14. Материалы, не соответствующие требованиям редакции, не рассматриваются.

Материалы принимаются по адресу:
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4. (ректорат, с пометкой «В журнал "Известия Смоленского государственного университета"»).
Контактный телефон: (4812) 70-02-32.
E-mail: izwestija@smolgu.ru

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2017 года** во всех почтовых отделениях России открылась подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в Объединенный каталог «Пресса России – 2018», 1 том, зеленая обложка.

Журнал выходит ежеквартально. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость подписки **годового** комплекта (с учетом НДС и почтовых расходов) – 814 руб. 56 коп.

Стоимость **полугодовой** подписки – 421 руб. 56 коп.

Система доставки – **адресная** (журнал поступает к Вам заказной бандеролью).

Индексы в Объединенном каталоге «Пресса России – 2018»

Подписка на **I полугодие – 80190**
Годовая подписка – **80209**

Услуги по проведению подписной кампании и распространению печатного издания предоставляются ЗАО «Издательский дом "Экономическая газета"».

Контактные телефоны Агентства: **(495) 152-8851, 661-2030.**
Адрес электронной почты Агентства: **izdatcat@eg-online.ru, arpk@eg-online.ru.**

В настоящее время оформить альтернативную подписку журнала можно через **Интернет-каталог** http://www.arpk.org.

Адрес редакции:
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700232, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Ежеквартальный журнал
2017, № 4(40)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова*
Редактор англоязычных текстов *В.С. Андреев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Подписано к печати 14. 12. 2017. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 42,75. Тираж 300 экз. Заказ № 50.

Отпечатано в ИТЦ СмолГУ
214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4